

Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино

Аннотация

Судьба звезды советского кинематографа Зои Федоровой неординарна и противоречива, а ее убийство до сих пор не раскрыто.

Арест как пособницы иностранному шпиону, положение дочери «врага народа», попытка самоубийства в лефортовском изоляторе, обвинение в шпионаже в пользу иностранных государств, долгие годы заключения в знаменитой «Владимирке» и блестящая творческая биография, правительственные награды и премии. Как это возможно?! Расследование, проведенное Федором Раззаковым, заставляет совершенно иначе взглянуть на биографию актрисы и на причины ее трагической гибели. Автор задается вопросами: случайно ли убийца, не оставивший на месте преступления почти никаких следов, «забыл» забрать с собой гильзу от немецкого пистолета «Зауэр»? Не было ли это намеком на «немецкую линию», по которой Федорова долгие годы работала на советские спецслужбы, и почему эта улика не помогла следствию выйти на преступников? Или все же помогла, но привлечь их к ответственности было невозможно?..

Книга Федора Раззакова – это настоящий документальный детектив с неожиданными поворотами и сенсационными подробностями тайной жизни людей, которых знает вся страна.

Оглавление

Федор Раззаков Пуля для Зои Федоровой, или КГБ снимает кино

Часть первая

Кто вы, актриса Федорова?

Пролог

В декабре 1947 года Зоя Федорова, арестованная год назад органами МГБ, написала из пересыльной тюрьмы письмо Лаврентию Берии. В нем она просила всесильного члена Политбюро о заступничестве и напоминала ему один эпизод из начала войны.

Вот как звучала эта фраза в письме:

«...Я дала вам согласие остаться в Москве на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать вам вести с ними подпольную борьбу».

Что же явствует из этих слов?

Оказывается, Берия просил Зою Федорову стать подпольщицей, чтобы работать на советские спецслужбы. Зададимся вопросом: случайно ли столь опытный в разведке человек (а к тому времени Берия работал в органах почти двадцать лет) обратился к актрисе с подобным предложением? Ведь трудно себе представить, что всесильный нарком не понимал, чем чревато оставление в оккупированной Москве неопытного человека в качестве подпольщика. Провал такого агента неминуемо грозил разоблачением другим подпольщикам, связанным с ним агентурными нитями.

Неужели Берия был столь наивен и глуп, чтобы не понимать этого?

Конечно же, нет.

Судя по всему, выбирая кандидатуру Зои Федоровой на роль подпольщицы (а список таких кандидатов не мог быть обширен), Берия был уверен в том, что актриса с порученным ей заданием справится. Почему же он так решил? Не потому ли, что за плечами Федоровой уже был многолетний опыт агентурной работы на советскую разведку? Но тогда возникает новый вопрос: когда же она сумела его приобрести? Чтобы ответить на этот вопрос, следует начать рассказ с самого начала.

Футбол, Фокстрот и шпионаж, или Агент по имени «Зефир»

Шпионы и футбол. – Чарльстон с агентами. – Удар по английской разведке. – «Вербовать пачками». – Рождение агента «Зефир». – Эволюция агента – дзержинский поток. – Кино под колпаком ГПУ. – Первые фильмы про чекистов. – «Зефир»-информатор

Откуда впервые пошла гулять версия о том, что Зоя Федорова была негласным сотрудником советских спецслужб? Виной всему история лета 1927 года, когда Зоя внезапно угодила в поле зрения Государственного политического управления (ГПУ), а если быть точным – его контрразведывательного отдела. Угодила, в общем-то, случайно, по вине двух мужчин, один из которых обожал футбол, а другой – модный танец фокстрот. Первого звали Эдвард Чарнок, второго – Кирилл Прове. Кем же были эти люди?

Игра в футбол зародилась в Англии в 1846 году. А в Россию она пришла в начале XX века благодаря семейству англичан Чарноков, которые обосновались здесь за полвека до этого. Глава этого семейства был директором хлопчатобумажной фабрики у текстильного магната Н. Н. Коншина в Серпухове. Его четверо сыновей – Эдвард (на русский манер Эдуард), Джеймс (Яков), Уильям (Василий, он же – Рыжий Вилли) и Гарри (Андрей) – родившиеся в России, хорошо знали русский язык и поэтому, получив, как и отец, текстильное образование в Англии, вернулись в Россию, чтобы здесь делать свой бизнес. А свободное время сыновья посвящали игре в футбол, играя сначала в Серпухове, а затем – когда Гарри Чарнока по приглашению Товарищества мануфактур «Викула Морозов с сыновьями» назначили на должность исполнительного директора на бумагопрядильной фабрике в местечке Никольском, что недалеко от Орехово-Зуева – стали выступать в тамошней команде Клуба

спорта «Орехово», сделав ее самой сильной футбольной командой в России на тот период. Причем самым талантливым футболистом из четырех братьев был Уильям («Рыжий Вилли»), который забил в матчах первенства Москвы, а также в междугородних и международных встречах, более ста мячей.

В затылок ему дышал брат Эдвард (1877), который выступал за «Орехово» в самые звездные его годы – с 1911-го по 1914-й, а также несколько раз надевал футболку сборной команды «Вся Москва». Он принимал участие в матчах московской сборной против команды Финляндии 3 и 9 мая 1912 года (2: 7 и 0: 4), а также 1 октября того же года против немецкой команды из города Киля (0: 3). 7 октября 1912 года в составе сборной Москвы он выходил на поле в Петербурге, в матче первенства России, против сборной этого города (1: 4). Именно тогда этот талантливый футболист был... завербован английской разведкой, поскольку футбол в России внедрялся англичанами не только ради спортивного, но и ради политического интереса. А вербовщиком Эдварда Чарнока был небезызвестный дипломат и разведчик Брюс Локкарт.

Он приехал в Москву в январе 1912 года в качестве вице-консула Великобритании (затем он станет генеральным консулом). Брюс поселился на частной квартире у вдовы писателя Эртеля, друга Толстого. Достаточно быстро завел широкий круг знакомств в среде интеллигенции, промышленников. Как напишет он сам чуть позже: «Для того чтобы стать настоящим работником контрразведки, оставалось завоевать лишь знать, купечество...»

Подвизался Локкарт и в футболе, благо этот вид спорта в России активно популяризировали его соотечественники – те самые Чарноки. По его же воспоминаниям:

«Почти что первыми англичанами, которых я встретил, были братья Чарноки – Эдуард и Гарри. Оба были ланкаширцами и связаны с хлопчатобумажной промышленностью. В то время Гарри, младший брат, был директором хлопчатобумажной фабрики в Орехово-Зуеве Владимирской губернии.

Орехово-Зуево являлось одним из наиболее беспокойных промышленных центров, и там Чарнок, в качестве противоядия водке и политической агитации, ввел футбол. Организованная им заводская команда была в то время чемпионом Москвы.

Обо мне в кругах английской колонии ходили слухи, что я – блестящий футболист, вероятно, потому, что меня спутали с моим братом. Не справляясь о том, какой вид игры я практикую – круглым или овальным мячом, Чарноки попросили меня вступить в состав „морозовцев“, как называлась их заводская команда. Позднее, когда я ближе познакомился с этими северянами, я понял, какие они прекрасные ребята. А Чарноки с тех пор сделались моими верными друзьями, и я всегда считал мой футбольный опыт с русским пролетариатом самой ценной частью моего русского воспитания. Я боюсь, что опыт этот принес мне больше пользы, чем моему клубу. С трудом я справлялся с порученным местом в команде. Несмотря на это, матчи были очень интересны и вызывали огромный энтузиазм. В Орехове нам приходилось играть перед толпой в десять – пятнадцать тысяч человек. За исключением проигрышей иностранным командам, мы редко проигрывали...»

Так, катая мяч по зеленому газону, а попутно шпиона (собирая ценную информацию из разных сфер российской жизни), вице-консул и его спортивные товарищи дожили до 1917 года. А потом грянул февраль, и одному из Чарноков – Эдуарду – пришлось спешно покинуть Россию: в мае рабочие его хлопчатобумажной фабрики потребовали немедленного увольнения своего заморского директора. Однако минуло всего четыре года, и весной 1921 года Эдуард Чарнок снова объявился на улицах Москвы. Почему? В те дни на волне нэпа здесь открылась английская торговая миссия во главе с Робертом Ходжсоном, и Эдуард был привлечен к ее работе. А затем, когда между Великобританией и СССР установились дипломатические отношения, Чарнок становится секретарем дипломатической миссии в Москве. Но эта должность была ширмой, поскольку основной его деятельностью был все тот же шпионаж. Чуть позже арестованный работник Госбанка В. Евреинов, который в течение восьми лет тайно снабжал секретной информацией английского разведчика Роберта Ходжсона, будет

вспоминать следующее: «С Чарноком я неоднократно встречался, и тот обычно ко мне назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии».

Свои источники информации Чарнок имел в разных кругах – как в спортивных (а он продолжал играть в футбол: каждые выходные гонял мяч на спортплощадке возле Крымского моста, а также был официальным арбитром московской футбольной лиги и тренером футбольной команды «Трехгорная мануфактура»), так и в богемных – среди его знакомых, например, были ведущие оперные солистки Большого театра Антонина Нежданова (1873) и Надежда Обухова (1886), а среди лучших друзей – знаменитый режиссер Константин Станиславский. Почти за всеми телодвижениями прыткого англичанина зорко наблюдали чекисты из контрразведывательного отдела ГПУ (руководитель – Артур Артузов), которые регулярно составляли оперативные докладные, типа таких: «Чарнок имеет громадные знакомства среди бывших коммерсантов, главным образом среди бывших служащих различных текстильных предприятий, а также в артистическом и спортивном мирах. Помимо своего официального положения в миссии, возможно, является наблюдателем бывших владельцев русских текстильных предприятий...»

Или таких: «20.12.1924, 13:15, Чарнок и Робертс в Козмодемьянский пер., 8 по Б. Дмитровке, спортивный магазин, Кузнецкий мост, спортивный магазин „Динамо“, Большой театр и обратно в миссию».

Среди московских адресов Чарнока был и дом 16 по Спиридоновке (между Малой Никитской улицей и Садово-Кудринской улицей, в 1941 году ее назовут в честь Алексея Толстого), где обитала дама его сердца – Татьяна Прове. Она принадлежала к знаменитой немецкой династии Прове, которая осела в Москве (в лице Иоганна Прове) еще в 1830-х годах. Здесь глава семейства начинает сотрудничество с Людвигом-Иоганном (Львом Герасимовичем) Кнопом (1821–1894), основателем торгово-промышленной фирмы «Л. Кноп». Иоганн (Иван) Карлович Прове участвует в создании на острове Кренгольм в устье реки Нарвы крупнейшего в России текстильного предприятия – Кренгольмской мануфактуры – и записывается в первую гильдию нарвского купечества.

В Москве у Прове было несколько особняков. Все их лично я хорошо знаю, поскольку детство свое провел по соседству с ними. Речь идет о четырех домах: два из них находятся на Новой Басманной под номерами 16 (угловой дом справа на выходе с Сада имени Баумана) и 22 (на углу с улицей Лукьянова), один на Старой Басманной (в годы моего советского детства она называлась улицей Карла Маркса) под номером 17 (справа от входа в сад имени Баумана), и последний – на улице Лукьянова, 7 (в этом здании раньше находился Бауманский РК комсомола, где меня в апреле 1976 года принимали в комсомол).

Недвижимость Ивана Карловича в Москве и в уезде оценивалась в 606 тысяч рублей – из 2 миллионов 512 тысяч его личного капитала.

Умер промышленник в январе 1901 года, а наследниками стали его сыновья Рудольф (Роман), Карл-Александр (впоследствии Кирилл), Теодор-Фердинанд (Федор) и дочери Эмилия-Ядвига (в замужестве Миндер) и Адель-Луиза (в замужестве Калиш). Дочерью Кирилла (Карла) Прове и была дама сердца Эдуарда Чарнока Татьяна. А у нее было два брата – дети Федора (Теодора-Фердинанда) Прове – Владимир (1895) и Кирилл (1897). С ними Чарнок тоже познакомился, причем не скуки ради, а по своей шпионской необходимости – братья обладали ценной информацией, которая интересовала англичанина.

Так, Владимир был военным служащим одной из частей особого назначения в Кременчуге и сильно нуждался в деньгах. Узнав об этом, Чарнок предложил ему помощь: тот снабжает его информацией о своей воинской части, а англичанин платит ему за каждый рассказ от 25 до 50 долларов. Владимир почти без колебаний соглашается и в один из дней подсаживается в автомобиль англичанина на Кузнецком мосту, где выдает ему первую порцию ценных сведений. Чуть позже, уже работая в Центральном военно-спортивном клубе, а затем в Наркомземе, Владимир регулярно информирует Чарнока уже по вопросам, касающимся работы этих учреждений. Правда, однажды он сделал попытку «соскочить» – заявил англичанину, что больше не хочет выдавать ему секреты. Но

когда Чарнок пригрозил парню чуть ли не убийством, Владимир испугался и взял свои слова обратно. Более того: когда Чарнок приказал ему сменить работу и устроиться в Наркомат иностранных дел или внешней торговли, а еще лучше – в оборонный институт ЦАГИ, то Владимир не стал прекословить. И весной 1925 года стал работать чертежником в ЦАГИ.

Примерно в это же время Чарнок завербовал и брата Владимира – Кирилла. Их знакомство произошло в июне 1925 года по тому же адресу – Спиридоновка, 16, – на званом обеде. Увидев статного красавца Кирилла, облаченного в военную форму, а также узнав, где он служит – в батальоне охраны Реввоенсовета, – Чарнок тут же решил взять быка за рога. И вскоре после знакомства предложил Кириллу стать источником информации за хорошее вознаграждение. И тот, как и его брат, быстро дал свое согласие, поскольку любил проводить вечера на модных нэпманских тусовках, а для этого всегда нужны были деньги. Англичанина интересовало штатное расписание батальона охраны, табель и расположение постов, секретные приказы, номера подъездов, через которые ходят Ворошилов и его заместитель Уншлихт, и многое другое. За каждое такое сообщение Чарнок платил Кириллу по 50–70 рублей, а иногда и больше. Кроме этого, молодой человек стал связующим звеном между шпионом и своим братом, передавая тому указания от англичанина. И тот за это не скупился на гонорары, поскольку получал от Владимира не только словесную информацию, но и документированную. Например, за чертежи некоторых разработок института – моторов, аэросаней, аэродинамической трубы и др. – он выкладывал от 200 до 250 рублей. Весьма приличные деньги по тем временам. Для примера: средний оклад советских инженеров составлял 150 рублей, рабочих и служащих – 100 рублей (но для них существовали разного рода скидки). Вызов такси в любую точку Москвы стоил два рубля, лучшие сорта яблок продавались по 40–60 копеек за один килограмм.

Именно Кирилл Прове и вовлек в эту шпионскую историю героиню нашего рассказа – 17-летнюю Зою Федорову. Тем летом 1927 года она окончила школу и стала работать в Госстрахе учетчицей (бухгалтером). Вообще-то она хотела после десятилетки поступить в театральное училище (в школе Зоя играла в драмкружке), но отец этому категорически воспротивился. Актерство он считал профессией легкомысленной и, главное, ненадежной в материальном плане. А поскольку у него были определенные связи (в 1918–1921 годах он работал начальником паспортной службы в Кремле), то помог своей дочери устроиться в Госстрах, который входил в наркомат финансов в качестве одного из его управлений.

Кстати, располагался Госстрах в окрестностях Лубянки: на Кузнецком Мосту и на Никольской улице. В те годы в СССР по этому поводу даже ходил анекдот: один прохожий на Лубянской площади спрашивает другого, указывая на здание КГБ: «Не подскажете, Госстрах здесь находится?». На что следовал ответ: «Госстрах за углом, а здесь Госжас».

Работу свою Зоя не любила, но вынуждена была туда ходить, чтобы не гневить отца. А в свободное время она с подружками посещала молодежные компании, где танцевали модный в ту пору танец фокстрот, пришедший из США. В одной из этих компаний – в доме у некоего Кебрена – на нее и обратил внимание 29-летний Кирилл Прове. Статный военный произвел впечатление и на юную Зою, после чего молодые начали встречаться. Один раз она даже пригласила его к себе домой, где познакомилась со своими родителями. Видимо, виды на него у девушки были самые серьезные. Но их отношения поломало... ГПУ, придя под покровом ночи в дом к Федоровым. И здесь следует описать тогдашнюю ситуацию в стране и мире, которая вынудила чекистов на меры репрессивного характера. Сначала заглянем в энциклопедию:

«В начале 1927 года Великобритания, опасаясь потерять свои позиции в Китае в результате развернувшейся в этой стране революции 1925–1927 годов, потребовала от СССР прекратить военную и политическую поддержку гоминьдановско-коммунистического правительства. Отказ СССР выполнить условия „ноты Чемберлена“ (23.02) привел к резкому ухудшению отношений между Британией и СССР. Китайский налет на полпредство СССР в Пекине (6.04) и обыск, произведенный английской полицией в советско-английском АО „Аркос“ в Лондоне (12.05) предоставили в распоряжение консервативного правительства С. Болдуина секретные советские

документы, подтвердившие „подрывную деятельность“ московского Коминтерна в Великобритании и Китае, после чего Британия разорвала торговые и дипломатические отношения с СССР (27.05). В Советском Союзе это было воспринято как подготовка „крестового похода“ против СССР, что привело к нарастанию военного психоза, подогреваемого активизацией борьбы белогвардейской эмиграции как внутри страны (теракты РОВС в Москве, Ленинграде, Минске) так и за ее пределами (убийство Войкова в Варшаве). Несмотря на то, что Великобритания, после победы антикоммунистических переворотов в Китае (Ч. Кайши в Шанхае и В. Цзинвэя в Ухани) и разрыва гоминьдана с СССР, не стремилась к нагнетанию конфликта, И. Сталин использовал сложившуюся ситуацию для ужесточения карательной политики (ввод в действие печально известной 58-й статьи УК СССР 6.06.1927), свертыванию нэпа и разгрома троцкистско-зиновьевской оппозиции (ноябрь-декабрь 1927 года). Великобритания восстановила дипломатические отношения с СССР в 1929 году...»

А теперь познакомимся с тем, что пишут историки Михаил Тумшис и Александр Папчинский:

«1927 год вообще оказался неудачным для советской разведки и контрразведки. Целая серия провалов выявила слабые места в разведывательных и контрразведывательных операциях за рубежом. В феврале 1927 года была разгромлена нелегальная резидентура РУ РККА и ИНО ОГПУ во Франции, возглавляемая членами Французской компартии Жаком Креме и Пьером Прево. Арестам и обыскам подверглось около ста человек. В марте польская контрразведка выявила сеть агентов ОГПУ, возглавляемую бывшим сподвижником Юденича, генерал-майором белой армии Д. Р. Ветренко. Тогда же в Стамбуле была задержана группа агентов, работающих под „крышей“ советско-турецкой торговой компании. Турки обвинили в „насаждении шпионажа“ сотрудников советского полпредства. Чуть позже в Вене прошли аресты ряда сотрудников МИДа, снабжавших секретной информацией агентов Москвы. В апреле 1927 года в Пекине, в результате полицейского рейда в советское консульство, было изъято значительное количество документов, подтверждающих факт ведения шпионской и подрывной деятельности в Китае. В мае 1927 года уже английская полиция нанесла „визит вежливости“ в помещения „Аркаса“ и торгпредства СССР в Лондоне. По результатам обыска на представителей Страны Советов посыпались обвинения в „создании шпионских организаций“.

Масштабным скандалом закончилось разоблачение еще одного советского агента, на этот раз в Литве – Константина Карловича Клещинского – Клещинскаса (агентурный псевдоним – Иванов-ХИ). Бывший царский офицер, окончивший Академию Генерального штаба, проходивший службу в лейб-гвардии Волынском полку, в Первую мировую войну он попал в немецкий плен. Затем волей судеб оказался в Литве, где поступил на военную службу: инструктор одного из первых литовских воинских отрядов, командир дивизии. К 1920 году Клещинский, награжденный литовским крестом 1-й степени, занял пост начальника Генштаба. Именно ему и еще одному литовскому офицеру (полковнику-лейтенанту Ладиге) командующий 3-м кавкорпусом Г. Д. Гай передал ключи от Вильно, освобожденного советскими войсками. В 1922 году Клещинский вышел в отставку. Как генерал-лейтенант в отставке и доброволец он был наделен значительным земельным участком, стал получать хорошую пенсию и был устроен на работу в таможню.

В сети советской разведки Клещинский попал в июле 1926 года. Его „служба“ обходилась ковенской резидентуре ОГПУ в 500 литов в месяц, одновременно какие-то деньги уходили в СССР родственникам агента. „Иванов-ХИ“ снабжал ИНО ОГПУ разнообразными сведениями о литовском правительстве, армии, политических и общественных деятелях. В обвинительном заключении на Клещинского было указано: „Освещал внутреннюю борьбу партий и давал подробную характеристику правящих кругов и высших военных начальников“, а также сообщал данные чисто военного характера, являясь „одним из деятельнейших агентов, причинивших большой вред (литовскому) государству и армии“.

В случае с Клещинским ОГПУ о конспирации особо не заботилось. Встречи с кураторами от ОГПУ происходили три раза в месяц и чаще всего на частной квартире Клещинского в Ковно. Информация об этих полусекретных контактах с советскими дипломатами дошли до литовской контрразведки, где решили взять под оперативное

наблюдение бывшего начальника Генштаба. Уже после ареста литовская пресса писала, что Клещинский очень боялся разоблачения и одно время даже хотел сбежать в Турцию.

19 мая 1927 года в квартиру Клещинского ворвались агенты полиции. Помимо хозяина там был задержан помощник резидента ИНО ОГПУ (П. М. Журавлева) Н. О. Соколов. В результате столь громкого провала под угрозой расконспиривания оказалась вся деятельность ИНО ОГПУ в Литве. В результате Журавлеву, Соколову (консулу СССР в Ковно) и другим дипломатам-чекистам пришлось спешно покинуть литовскую столицу.

31 мая 1927 года Клещинский предстал перед военно-полевым судом. Судебное заседание проходило в VI форте. Подсудимый подал на имя литовского президента Сметоны прошение о помиловании и выразил сожаление по поводу своих преступных деяний, просил о даровании ему жизни. Свое выступление на суде он начал словами: „Мне очень стыдно, господа, смотреть вам в глаза. Я принужден был работать для тех, кого всей душой ненавидел. Сначала меня заставляло делать это материальное положение" Военно-полевой суд отклонил просьбы и приговорил Клещинского к расстрелу. На рассвете 1 июня 1927 года он был расстрелян.

Подобные провалы советской разведки и контрразведки, неудачная концовка операции „Трест“ и последующие события – попытка взрыва здания на Лубянке, теракты в Ленинграде и Белоруссии, убийство полпреда в Варшаве П. Л. Войкова, совершенное белоэмигрантом Б. Кавердой, – все это создало впечатление волны террора, захлестнувшей Страну Советов, немедленно вызвав тем самым ответную реакцию советских властей. Свою роль сыграло и ожидание начала военных действий со стороны некоторых западных держав („военная тревога 1927 года“).

В июне 1927 года заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода подписал директиву всем органам ГБ о производстве массовых операций „по аресту лиц, подозреваемых в шпионаже“. Вся оперативная работа по реализации этой директивы была возложена на „Центральную тройку“, в которую вошли А. Х. Артузов, начальник СО ОГПУ Т. Д. Дерibas и особоуполномоченный при Коллегии ОГПУ В. Д. Фельдман.

Эта „тройка“ имела право выносить внесудебные приговоры (в том числе и смертные) „альбомным способом“. Органы ОГПУ, проведя следствие на местах, отсылали в Москву лишь справку с фотографией обвиняемого, кратким изложением преступлений и предложениями о возможной мере наказания. На Лубянке же принимали окончательное решение о дальнейшей участи очередного „шпиона, монархиста, диверсанта и вредителя“. О масштабности операции 1927 года можно судить по следующим цифрам: на Украине было арестовано 1226 человек, в Белоруссии 602 человека арестовали, 830 человек обыскали (по данным ГПУ Белоруссии, в это число вошли „...преимущественно жители деревень и местечек, разложенные годами немецко-польской оккупации и театра военных действий, являющиеся объектом особого внимания польской и латвийской разведок“), в Северо-Кавказском крае арестовали 1519 человек, обыскали 1500 человек и еще 2216 человек намечалось подвергнуть аресту. Руководители региональных органов ОГПУ приветствовали решение о проведении массовых операций. В отчетах местных органов ОГПУ в Центр постоянно мелькали эпитеты – „успешная“, „интересны результаты“, „наглядно показала правильность наших утверждений“ и т. д.

Сталин давал распоряжение руководству ОГПУ ликвидировать агентов английской разведки в стране. Вот что он писал в шифрограмме председателю ОГПУ Г. Ягоде: „Агенты Лондона сидят у нас глубже, чем кажется, и явки у них все же остаются. повальные аресты следует использовать для разрушения английских шпионских связей“. 1 июня 1927 года с аналогичным предложением выступил председатель СНК СССР А. И. Рыков. На Пленуме Московского совета он огласил письмо английского консула Престона в британскую коммерческую миссию в Москве: „Дорогой Джерамм! Я думаю, что наши шифры получены по приказу Питерса, в связи с письмом от 7 апреля. Я постараюсь найти то, что нужно относительно вашего Дайагеза. Получение нужной нам информации не является легким делом для меня, ибо мои русские птенцы, которых я посылаю на такого рода поручения, подвергаются серьезной опасности, что ГПУ их повесит или четвертует“. По мнению руководства страны, это письмо было не чем иным, как прямым доказательством шпионской деятельности англичан.

8 июня 1927 года (то есть, за шесть дней до прихода чекистов к семейству Федоровых. – Ф. Р.) Политбюро ЦК ВКП(б) „в связи с белогвардейскими выступлениями“ постановило: „Поручить ОГПУ провести массовые обыски и аресты белогвардейцев, опубликовать сообщение ОГПУ с указанием в нем на произведенный расстрел двадцати видных белогвардейцев, виновных в преступлениях против советской власти; организовать комиссию для усиления мер охраны, как в отношении центральных учреждений, так и отдельных руководящих товарищей“. Это решение стало ответом на жесткие требования Сталина: „Всех видных монархистов, сидевших... в тюрьме или концентрационном лагере, надо немедленно объявить заложниками. Надо теперь же расстрелять пять или десять монархистов, объявив, что за каждую попытку покушения будут расстреливаться новые группы монархистов. Надо дать ОГПУ директиву о повальных обысках и арестах монархистов и всякого рода белогвардейцев по всему СССР с целью их полной ликвидации всеми мерами“.

10 июня 1927 года все центральные газеты СССР опубликовали официальное сообщение Коллегии ОГПУ о вынесении смертного приговора четырнадцати террористам-монархистам и шести английским шпионам. Среди расстрелянных оказались: П. Д. Долгоруков – бывший князь и член партии кадетов, в 1926 году нелегально проникший из-за границы в УССР „с целью создания антисоветских групп“; уже упоминавшийся Г. Е. Эльвенгрэн; И. М. Сусанин – бывший полковник белой армии и бывший начальник контрразведки армии Врангеля в Болгарии, в 1926 году перешедший границу с поручениями великого князя Николая Николаевича „организовать террористические группы“; Н. А. Павлович – бывший начальник монархической дружины „Двуглавый орел“, сотрудник контрразведки штаба деникинской армии, в 1920-е годы занимавшийся контрреволюционной работой в Киеве; Б. А. Нарышкин – бывший офицер Черниговского полка, монархист – приверженец великого князя Кирилла Владимировича, который, по материалам КРО ОГПУ, „оказывал шпионские услуги целому ряду иностранных представителей в Москве“; А. А. Микулин – бывший камергер Императорского двора и член Государственного Совета, содержал конспиративные явки для прибывших из-за рубежа контрреволюционеров, террористов и шпионов; Е. Н. Шегловитов – сын царского генерала, монархист, занимающийся шпионажем по заданиям иностранных разведок; В. И. Вишняков – бывший присяжный поверенный, монархист, помогавший террористам; А. Ф. Мураков – бывший крупный купец, финансировал деятельность контрреволюционных монархических организаций на советской территории; В. И. Аненков (он же Махров, Арсеньев) – бывший офицер армии Юденича, нелегально в 1927 году пробравшийся из Парижа в СССР с заданием монархической организации великого князя Николая Николаевича „создать террористические и диверсионные группы“.

Английскими шпионами оказались: В. А. Евреинов (тот самый, к кому Чарнок назойливо приставал с просьбой познакомить его с каким-нибудь военным или добыть точные сведения о бюджете Красной армии. – Ф. Р.) – бывший царский консул и руководитель царской разведки в Персии, по данным ОГПУ, „являлся агентом английской миссии в СССР, будучи сотрудником Госбанка СССР, сообщал сведения шпионского характера о финансовых планах Советского правительства, а также о частях Московского военного округа“; Н. А. Карпенко – бывший офицер и ближайший помощник атамана Семенова, находился „на агентурной связи у британского поверенного в Москве Р. Ходжсона, сообщал данные о РККА и оборонных сооружениях“; С. Е. Мазуренко – бывший колчаковский офицер, в прошлом сотрудник Центрального управления морского транспорта, информировал английскую разведку о морском и железнодорожном транспорте и о военных перевозках в СССР; К. Н. Малевич-Малевский – бывший царский офицер, командирован британской дипломатической миссией в Персии для организации шпионской работы в Советском Союзе; А. Е. Скальский – состоял на секретной службе у английской разведки, сообщал секретные сведения об авиации и военной промышленности СССР английскому агенту в Финляндии Буйнакову; Н. И. Лычев – бывший сотрудник Департамента полиции МВД царской России, секретный агент члена английской миссии в Москве Э. Чарнока...

Этот английский дипломат организовал сбор сведений об общем состоянии РККА, дислокации воинских частей, организации мобилизационной готовности военной техники, а также данных об экономическом положении в СССР. Главными поставщиками информации выступали сыновья известного московского миллионера Кирилл и Владимир Прове. Один из братьев (Кирилл) служил делопроизводителем в батальоне охраны РВС, другой –

сотрудником Аэродинамического института. Им помогли в «шпионстве» юриконсульт Управления делами РВС В. Корепанов, старший писарь батальона охраны РВС Н. Нанов и инструктор спецшколы Управления военно-воздушных сообщений НКО Н. Подрезков.

По оперативным материалам КРО ОГПУ, среди агентов Чарнока оказались и расстрелянные в июне 1927 года – бывший иностранный информатор финансово-экономического бюро Госбанка СССР В. А. Евреинов, заведующий складом „Конкордия“ А. Е. Скальский, служащий „Москвинпрома“ Н. А. Карпенко (хотя ранее их числили за английским консулом в Ленинграде Престоном)...»

Забегая вперед, сообщим, что в сентябре 1992 года Главная военная прокуратура РФ прекратит уголовное дело в отношении Евреинова. Позднее (в декабре 1992 года) были реабилитированы Скальский и Карпенко. Однако в отношении братьев Прове ничего подобного не произошло.

Итак, в три часа ночи 14 июня 1927 года в дверь квартиры Федоровых позвонили. Не успев спросонья сообразить, в чем дело, глава семейства открыл дверь и увидел на пороге нескольких мужчин. Один из них предъявил удостоверение сотрудника ГПУ и попросил Зою одеться и проехать с ними на Лубянку. На вопрос отца: «А в чем, собственно, дело?» – последовал короткий ответ: «Там ей все объяснят».

На Лубянке Федорову привели в кабинет к следователю А Вунштейну. Тот объяснил девушке, за что ее вырвали посреди ночи из постели – из-за Кирилла Прове. Ей сообщили, что он арестован как английский шпион, и попросили дать показания касательно ее знакомства с ним. Зоя объяснила: дескать, знаю его недавно, ничего предосудительного в его поступках не замечала. Допрос длился чуть больше часа, после чего Зою отпустили, взяв с нее подписку о невыезде. Судя по всему, чекисты поняли, что даже если девушка и могла быть интересна Кириллу Прове как источник информации (напомним, что она работала в Госстрахе бухгалтером), то вовлечь ее в свои сети он вряд ли успел – с момента их знакомства до ареста Прове прошли считанные недели. И работать в Госстрахе Зоя едва только начала. Короче, этим часовым контактом Федоровой с ГПУ дело и закончилось.

Впрочем, это только одна из версий той истории. Вторая версия может выглядеть совершенно иначе, и, согласно ей, контакты Зои с ГПУ тогда не закончились, а именно начались. Имеется в виду плотное сотрудничество Федоровой с чекистами на осведомительской основе. Есть ли у этой версии какие-то реальные подтверждения? Нет, только косвенные. Их мы и рассмотрим.

Например, известно письмо Сталина председателю ОГПУ В. Р. Менжинскому от 25 июня 1927 года, где вождь, знавший о проводившейся кампании арестов, потребовал «повальных арестов» конкретно от Контрразведывательного отдела ОГПУ во главе с А. Х. Артузовым – с целью парализации «английского шпионажа» и широкой вербовки арестованных в агентурно-осведомительную сеть. При этом Сталин приказал шире вербовать именно комсомольскую молодежь, в число которой входила и героиня нашего рассказа – Зоя Федорова. А уже десять дней спустя появилось еще одно письмо – на этот раз заместителя Менжинского Г. Ягоды. О том, что это было за послание, читаем все у тех же Михаила Тумшиса и Александра Папчинского:

«В результате массовых операций 1927 года органы ГБ смогли решить две задачи: а) значительно почистили „людскую базу контрреволюционных организаций и иностранных разведок“; б) ускоренным порядком провели массовую вербовку новой агентуры (главным образом из числа „арестованных бывших царских и белых офицеров, вузовской молодежи, технических служащих, журналистов и т. д.“). Уже 5 июля 1927 года первые результаты подвел заместитель председателя ОГПУ Г. Г. Ягода. Он писал начальникам ведущих отделов ОГПУ (А. Х. Артузову, Т. Д. Дерибасу, Н. Н. Алексееву и Я. К. Ольскому): „Произведенная операция совершенно ясно показала, что мы ударили по 50 процентам по старому контрреволюционному активу. Это доказывает, что учет нового актива, новой «советской» контрреволюции, мы не знаем, мы не учли его в процессе нашей работы. Совершенно ясно, что какую-либо серьезную организацию искать надо именно в этих группах. Может быть (и даже, наверно), что руководство (идеологическое) исходит от стариков, но... актив, конечно, молодой..”

Далее Ягода продолжил: „Террор целиком исходит от молодежи. Там же у нас слабо. То же самое мы наблюдаем и по линии КРО, в части шпионажа осведомлены мы сильно (и то не везде). В части контрреволюции идем по старым связям, варимся в старых осведомителях, кои выдохлись и расконспирировались. Помните, что опасность не в этих старых, испытавших сидку и внутреннюю тюрьму людей, опасность от молодого актива, его и надо искать, среди него и надо заводить целую сеть осведомителей. Посадите на это дело лучших крокистов. В КРО надо самых сильных товарищей посадить на террор и монархистов, изучить все их материалы по зарубежной эмиграции." Концовка письма заместителя председателя ОГПУ оказалась следующей: „Этой операцией надо воспользоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить в лагерь, если даже заслужили этого"».

Итак, обратим внимание на следующие слова: «органы ГБ смогли ускоренным порядком провести массовую вербовку новой агентуры из числа вузовской молодежи, технических служащих» (под эти категории подпадала и Зоя Федорова – молодая работница Госстраха). А также на слова наркома Ягоды: «В части контрреволюции идем по старым связям, варимся в старых осведомителях, кои выдохлись и расконспирировались (выделено мной. – Ф. Р)...„Опасность от молодого актива, его и надо искать, среди него и надо заводить целую сеть осведомителей. Этой операцией надо воспользоваться для вербовки, вербовать пачками. Лучше завербовать, чем посадить в лагерь, если даже заслужили этого».

Учитывая эти заявления наркома, трудно представить себе, что чекисты на местах могли их проигнорировать. Поэтому можно предположить, что и попадание в сферу внимания 17-летней Зои Федоровой не могло закончиться лишь ее мирной беседой со следователем. Зачем упускать шанс, который сам пришел к тебе в руки? Наверняка девушку попытались завербовать на будущее. Ведь работала она не абы где, а в Госстрахе – учреждении достаточно серьезном и полезном. Каким образом могла проходить вербовка? По-разному. Например, в «Кратких указаниях ЧК для ведения разведки» назывались те же самые методы вербовки агентов, которые были известны по дореволюционной деятельности органов политического сыска. Это, во-первых, личная, материальная или идейная заинтересованность. Во-вторых, убеждение и принуждение (последнее – при наличии сведений, компрометирующих намеченного к вербовке). В-третьих, предлагалось прямое предложение или постепенное привлечение к сотрудничеству.

Федорову могли, например, запугать – напомним, что 6 июня 1927 года на свет появилась пресловутая «политическая» статья 58 УК СССР, сурово каравшая за контрреволюционную деятельность и измену Родине. К Федоровой могли применить сразу несколько пунктов: 1) недонесение о военных изменниках, за которое ей светило десять лет лишения свободы, или 2) оказание помощи «международной буржуазии», которая не признает равноправия коммунистической системы, стремясь свергнуть ее, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против СССР деятельности: наказание – лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества.

Впрочем, чекисты могли и не запугивать Федорову, применив другой метод. Девушку могли попросту заинтересовать перспективами на хорошее будущее: мол, будешь с нами сотрудничать – мы тебе будем помогать во многих твоих начинаниях, в том числе и по служебной линии (это называется «личная, материальная или идейная заинтересованность»).

Ведь отец Зои к тому моменту уже не работал в Кремле и былым влиянием не обладал. То ли дело ГПУ, обладавшее этим влиянием с лихвой. Оно могло помочь девушке не только по работе в Госстрахе, но и по ее переводу в театральную среду, куда Зоя, как мы помним, сильно рвалась. Отец ей здесь был препятствием, но ГПУ вполне могло пригодиться (и, кстати, пригодилось в итоге). Кто может осудить за это 17-летнюю девушку? Да и за что осуждать – за работу на учреждение, которое стояло на страже государственных интересов? Тем более что Зоя Федорова была комсомолкой, представительницей той самой советской молодежи, которая свято верила

в социализм. Ведь перед глазами у нее была трагическая судьба двух братьев Прове, которых в октябре 1927 года по приговору суда расстреляли (причем Кириллу в те дни исполнилось 30 лет).

Что же касается Эдуарда Чарнока, то он отделался легким испугом. Будучи лицом, обладавшим дипломатическим иммунитетом, он летом 1927 года был выслан из страны. Впрочем, тогда СССР разорвал дипотношения с Великобританией, и страну покинули все английские дипломаты – как шпионы, так и обычные дипломаты.

Реконструкция (художественная версия)

Зоя смотрела на чернявого еврея, представившегося следователем Вунштейном, который, как прилежный ученик, макал ручку в чернильницу и выводил на листе бумаги заключение по факту ее допроса, и никак не могла поверить, что это происходит именно с ней. Что это не ее, а другую девушку по имени Зоя Федорова вырвали ночью из постели и привезли на Лубянку, в этот кабинет с одним-единственным окном, выходящим на Кузнецкий Мост.

Часы, висевшие над столом, за которым восседал следователь, показывали начало восьмого утра. За окном уже было светло и с улицы слышались автомобильные гудки, возвещавшие о том, что новый трудовой день (а на календаре был вторник) уже начался. В это время Зоя обычно собиралась на работу – садилась завтракать. При мысли об этом у девушки засосало под ложечкой.

В это самое мгновение дверь в кабинет отворилась, и на пороге возник мужчина в форме сотрудника ГПУ.

– Тебе еще долго? – спросил он Вунштейна, не входя в кабинет.

– Еще минут пять, товарищ Силантьев, – оторвавшись от листка, ответил Вунштейн.

– Отложи, пойдем покурим, – произнес нежданный визитер, после чего пропустил в кабинет мужчину средних лет в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Увидев гостя, Вунштейн быстро положил ручку на стол, а листок вложил в папку, которую убрал в верхний ящик стола. После чего встал и вышел из кабинета. Вместе с товарищем Силантьевым они вышли во внутренний дворик Лубянки и здесь закурили.

– Вербануть хотят девку? – спросил Вунштейн после первой затяжки.

– Как думаешь, шансы есть? – вопросом на вопрос ответил Силантьев.

– У меня бы были, – улыбнулся Вунштейн.

– Значит, и у него будут, – коротко резюмировал Силантьев.

Нежданный гость уселся на место Вунштейна и повел себя как хозяин – открыл ящик стола, извлек из него папку и стал читать заключение, не дописанное его коллегой. Длилось это несколько минут, во время которых Зоя исподлобья наблюдала за незнакомцем. То, как он себя вел, явно выдавало в нем какого-то важного начальника.

– Меня зовут Ян Карлович, – представился гость, захлопнув папку.

По небольшому акценту, который был у гостя, Зоя догадалась, что он латыш. В их отделе было несколько людей этой национальности, причем все они занимали руководящие должности. Видимо, в ГПУ была такая же картина.

– Буду с вами откровенен, Зоя Алексеевна: мы хотим, чтобы вы нам помогали, – убирая папку в стол, сообщил гость.

– Я и так рассказала вам... вернее, товарищу Вунштейну, все, что я знала.

– Я не об этом. Вы комсомолка?

– Конечно, – кивнула головой Зоя.

– Значит, поймете то, о чем я вас буду просить. Нам нужны толковые молодые люди, которые могут помогать органам ГПУ бороться с такими людьми, как братья Прове. Ведь они есть везде, в том числе и в Госстрахе, где вы работаете.

– Я не понимаю, – глядя своему собеседнику в глаза, сказала Зоя.

– Мы хотим взять вас к себе на работу внештатным осведомителем. Судя по тому заключению, которое написал товарищ Вунштейн, вы были честны с нами и вполне можете нам помочь. Мы нуждаемся в таких молодых честных людях, как вы. Ведь тот социализм, который мы завоевали в семнадцатом году, предстоит в дальнейшем строить именно вам. Мы уйдем, а вы останетесь.

– Но я не могу быть этим... осведомителем – я ничего не умею.

– Большого умения от вас и не требуется, Зоя Алексеевна. В обязанности внештатного осведомителя входит достаточно простая функция: раз в месяц описывать нам ситуацию, которая складывается в вашем учреждении, а конкретно – в вашем отделе. Это описание занимает одну-две странички стандартного машинописного листа бумаги. Вы писчей машинкой владеете? Вот и отлично – значит, вам не составит труда отстучать на ней эти два листочка. В крайнем случае написать их от руки. Пустяшное дело, одним словом. Но за это мы сможем хорошо вас отблагодарить.

– Вы будете мне платить?

– Эта плата будет выражаться больше не в деньгах, а в протекции. Вы ведь с Кириллом Прове тоже познакомились не ради его статной выправки. Вернее, не только ради нее. Я прав?

Видя, как ступсевалась его собеседница, чекист продолжил:

– Мы люди искушенные, многих здесь повидали, поэтому привыкли говорить начистоту. Кирилл вас привлек своим положением, которое обещало хорошие перспективы. Но это, как видите, оказалось блефом. Теперь вашего кавалера ждет суд, который вынесет самое суровое наказание.

– Неужели его расстреляют? – встрепелась Зоя.

– Товарищ Вунштейн показывал вам уголовный кодекс и новую статью в нем – пятьдесят восьмую?

Зоя кивнула, поскольку следователь сделал это практически сразу, как ее ввели в этот кабинет. Еще стенографистка не успела заправить листок в свою писчую машинку, как Вунштейн раскрыл перед Зоей уголовный кодекс и, ткнув пальцем в ту статью, коротко сказал: «Читайте». После чего и начался ее допрос.

– Ситуация в мире накаляется, и наши враги спят и видят, как бы задушить молодую советскую республику, – продолжал свою речь чекист. – У вашего кавалера было прекрасное будущее, но он сам его перечеркнул. А вместе со своей судьбой едва не перечеркнул и вашу. Но у вас есть хорошая возможность забыть все произошедшее, как кошмарный сон, но и поиметь с этого неплохие дивиденды. Неужели вы позволите себе упустить такой шанс? Вы, хоть и молодая девушка, но не глупая – я это сразу понял.

– О каких дивидендах вы говорите?

– О вашей карьере в Госстрахе. Мы можем помочь вам продвинуться по карьерной лестнице. Вы сколько получаете на вашей должности?

– Восемьдесят рублей.

– Не самые большие деньги для девушки, которая любит танцевать фокстрот и модно одеваться в стиле Надежды Ломановой. Кстати, если вы согласитесь с нами сотрудничать, мы можем способствовать тому, чтобы вы попали в поле ее зрения. С вашим лицом и хорошенькой фигурой вы можете стать прекрасной модисткой.

– Я мечтаю стать актрисой.

– Тогда почему вы работаете в Госстрахе?

– Меня устроил туда папа.

– Понимаю, по какой причине он это сделал. Ваш отец наверняка считает артистов растленными людьми. Я прав?

– Что-то вроде этого, – кивнула Зоя.

– Лично я так не считаю – у меня много друзей среди артистов. Кстати, мы можем помочь вам и в этом вашем желании. Стать Анной Стэн сегодня мечтает чуть ли не каждая советская девушка. И я их понимаю – как же она прекрасна в «Девушке с коробкой»! Если вы пойдете в артистки, вам вполне по силам добиться не меньших успехов. У вас за плечами есть какой-то актерский опыт?

– В школе я занималась в драмкружке, и меня там хвалили.

– Это видно по тому, как вы держитесь. Короче, учитывая то, что возможности нашего учреждения безграничны, вы можете со временем осуществить свою мечту. Поэтому с вашей стороны было бы верхом глупости отвергать мое предложение.

– А я могу посоветоваться с отцом?

Ян Карлович ответил не сразу. Прежде он извлек на свет пачку папирос «Казбек», но закуривать не стал. Вместо этого он поднес папиросу себе под нос и пару раз вдохнул в себя ее аромат. И только после этого произнес:

– Зоя Алексеевна, мне казалось, что я разговариваю с взрослым человеком, а не с ребенком. Когда вы соглашались принять ухаживания Кирилла Прове, вы тоже сначала советовались с отцом? Вот и в нашем случае этого не требуется. Тем более что мое предложение подразумевает крайнюю степень секретности. О нем могут знать только два человека: вы и я. Больше никто. Вам понятно?

Зоя молча кивнула.

Вернув папиросу обратно в пачку, Ян Карлович захлопнул ее и спрятал в брючный карман. После чего спросил:

– Значит, вы согласны с моим предложением?

– Да, я буду на вас работать.

– Надеюсь, что говоря «на вас», вы подразумеваете не меня лично, а наше молодое рабоче-крестьянское государство.

Сказав это, Ян Карлович впервые за весь их разговор улыбнулся. Затем открыл верхний ящик стола и извлек на свет лист чистой бумаги. Положив его на стол перед Зоей, он сказал:

– Всем нашим новым сотрудникам мы предлагаем написать стандартную подписку о сотрудничестве. Вот вам ручка, чернила и лист бумаги – я буду диктовать, а вы пишете.

И Зоя безропотно потянулась за ручкой.

* * *

Резолюцию по делу № 47268 (по нему проходила Зоя Федорова), которая ставила точку (или, наоборот, не ставила) в контактах девушки с ГПУ, начертал сам заместитель председателя (а фактически председатель) ОГПУ СССР Генрих Ягода. 18 ноября 1927 года (спустя 24 дня после расстрела братьев Прове) он написал следующее:

«Гражданка Федорова З. А была арестована по обвинению в шпионской связи с К. Ф. Прове... Следует констатировать, что инкриминируемое гр. Федоровой З. А. обвинение следствием установить не удалось, а посему полагал бы дело по обвинению Федоровой З. А. следствием прекратить и сдать в архив. Подписку о невыезде аннулировать».

Естественно, никаких намеков о вербовке девушке в этом документе быть не могло – для этого составляются другие бумаги, которые хранятся в ином месте.

Если версия о вербовке Федоровой верна, то попасть она должна была в штат осведомителей-информаторов по линии Информационного отдела (начальник Г. Прокофьев) Секретно-оперативного управления, которым руководил по совместительству с июля 1927 года. все тот же Г. Ягода. Это, кстати, является лишним подтверждением версии о том, что Зою могли завербовать. Вряд ли Ягода упустил бы такой шанс – завербовать в свою «пачку» дочь бывшего начальника паспортного стола Кремля.

Здесь самое время произвести короткий экскурс в историю появления в советской России агентуры спецслужб. А истоки ее надо искать в агентуре царской. При последнем царе агентуру имели органы общей полиции, уголовно-сысской полиции, департамента вероисповеданий МВД. Кроме этого, внутреннюю и внешнюю (инострannую) агентуру имело охранное отделение полиции МВД. Агентов вербовали и широко использовали царские органы юстиции, таможенная служба, пограничная стража. После октября 1917 года всю эту агентурную сеть большевики распустили (оставили только в военной разведке), но очень быстро об этом пожалели, поскольку в стране начался разгул не только контрреволюции, но и бандитизма. И вот уже весной 1918 года агентуру стали восстанавливать, причем обратившись за помощью к... бывшим сотрудникам царской уголовно-сысской полиции. В итоге к 1 июля 1918 года только в органах советского уголовного розыска уже работало 270 бывших сотрудников царской сысской уголовной полиции, из которых 107 сотрудников занимали руководящие должности. Но уже к марту следующего года руководство ВЧК приказало уволить этих работников с советской службы, поскольку было принято решение опираться в дальнейшем исключительно на рабоче-крестьянскую агентуру. Правда, уволили тогда не всех «бывших» – некоторых оставили, так как без них было совсем туго формировать новую агентуру.

В 1918 году восстановлением секретной агентуры занялся департамент пограничной стражи наркомата торговли и промышленности. А с лета того же года секретных агентов стали использовать органы ВЧК в Москве и Петрограде. Причем в агенты тогда шли сплошь одни добровольцы – комсомольцы и молодые коммунисты, которые денег за эту опасную работу не брали. Они работали исключительно за идею, а материальная оплата такого рода труда придет чуть позже. Даже в январе 1919 года, когда в смете финансирования местных органов ВЧК, милиции и уголовного розыска появилась статья «секретные расходы», это не предусматривало денежных выплат секретным агентам. Статья лишь позволяла компенсировать расходы штатных сотрудников органов ЧК, милиции и уголовного розыска при проведении секретных операций (транспорт, проживание, мелкие бытовые траты и пр.).

В те годы было два вида секретных агентов: разведчик и собственно агент. Первые были штатными сотрудниками оперативных отделов ВЧК и ее местных органов, которые добывали, систематизировали и анализировали оперативную и учетную информацию. То есть разведчик – это кадровый сотрудник органов ВЧК. А секретный агент – добровольный помощник. Были еще доносители – граждане, писавшие заявления в органы ВЧК и НКВД.

Тем временем с началом в 1921 году нэпа ситуация в агентурной среде стала меняться. В СССР тогда было проведено сокращение бюджетных расходов на 60 %, из-за чего начались массовые сокращения в армии, милиции и ГПУ. Например, только в армии было уволено 1,5 млн человек (с 2 млн до 500 тысяч). А из ГПУ за два года (1922–1923) было уволено 65 % сотрудников. Однако в то же время власти понимали, что столь массовое сокращение кадров может серьезно сказаться на эффективности работы множества учреждений. Понял это и Феликс Эдмундович Дзержинский – тогдашний председатель ГПУ. В итоге он пробил в верхах решение, согласно которому увольняемых по сокращению штатов сотрудников из органов ГПУ-НКВД надлежало оставить в «действующем резерве» и устроить на службу в различные государственные учреждения и на промышленные предприятия. Таким сотрудникам поручалось секретное делопроизводство, кадровая работа, обеспечение внутреннего распорядка и режима. Кроме того, «железный Феликс» предложил использовать бывших чекистов для сбора социально-политической и оперативной информации, чтобы контролировать настроения в трудовых коллективах, выявлять взяточников и растратчиков, пресекать нарушение законодательства и протекционизм, устранять недостатки управления и организации текущей работы. Таким образом были убиты сразу два зайца: во-первых, тысячи людей не остались без работы, во-вторых – они стали приносить реальную пользу государству.

В те годы в секретные агенты зачислялись только оперативные сотрудники ГПУ. В штате местных органов ГПУ такие составляли не более 20 % от общей численности. А к 1924 году из 65 % уволенных из органов ГПУ по сокращению в секретные агенты попало не более 10 % сокращенных. Тогда же секретные агенты были объединены в резидентуры, во главе которых стоял резидент. Они работали в московских и ленинградских вузах, на крупных промышленных предприятиях.

В каких сферах советского общества в 1922–1929 годах широко использовалась секретная агентура ОГПУ? Вот что об этом пишет К. Скоркин:

«Это правительственные учреждения, тресты, акционерные общества, предприятия оборонного значения, крупные машиностроительные и металлургические заводы, научные и высшие учебные заведения, редакции газет и журналов, цензурные и репертуарные органы наркомата просвещения, аппараты дипломатических и торговых представительств за границей. Позднее секретная агентура стала работать в системе машинно-тракторных станций (МТС), политотделах железных дорог, пароходств, совхозов. С 1923 года донесения секретной агентуры в органах ОГПУ стали включать в еженедельные информационные сводки. Так именовали в те годы особые информационные сводные материалы с грифом „совершенно секретно“. В информационных сводках начала двадцатых годов имелись следующие разделы: положение в отраслях народного хозяйства; социально-политические настроения разных социальных групп населения; деятельность оппозиционных политических партий и движений; положение в религиозных организациях; вооруженный бандитизм, повстанчество и уголовная преступность. При составлении таких сводок использовались не только донесения секретной агентуры, но и оперативная информация подразделений органа ГПУ. Информационная сводка затем направлялась в Москву в ОГПУ и в местный партийный комитет. В 1922 году в системе ГПУ появилась особая категория сотрудников, которых именовали сексотами. Сексоты делились в ГПУ на две самостоятельные категории. К первой категории относились штатные сотрудники ГПУ. Они выполняли отдельные секретные поручения своих подразделений.

Таких сотрудников через партийные органы временно устраивали в учреждения и на предприятия. После выполнения секретного задания они возвращались к своему прежнему месту службы. Вторая категория сексотов в штате органа ГПУ не состояла. Это комсомольцы или молодые коммунисты, рекомендованные партийными

органами для работы в ГПУ. В качестве сексотов они проверялись на практике к пригодности для оперативно-розыскной работы. Если сексот успешно проходил проверку, то зачислялся в штат ГПУ. Если нет, то либо исключался из категории сексотов, либо использовался разово по мере оперативной надобности. Таким образом, агенты и сексоты – это не энтузиасты или принужденные граждане. Они являлись сознательными, дисциплинированными и добросовестными работниками органов ГПУ. И не важно, состояли они в штате или нет.

Сегодня их с удивительной легкостью именуют «provokatorami и donoschikami». Но эти эпитеты к данной категории работников неуместны. Это чекисты, выполняющие специфическую работу негласного характера. Какие же должности в советской системе занимали секретные агенты и сексоты ОГПУ? Молодежь – это рабочие, колхозники, студенты, рядовые служащие. Более опытные сексоты работали в подразделениях делопроизводства, кадров, финансового и материально-технического снабжения. В 1923 году органы ОГПУ, милиции и уголовного розыска получили законное право вербовать для оперативных нужд осведомителей. При этом было категорически запрещено вербовать в осведомители членов партии. Приемы и методы вербовки осведомителей и поныне составляют государственную тайну. По этой причине в статье они опущены. Но в данном случае важно понять то, что агенты, сексоты и осведомители – это не одно и то же.

Это разные категории негласных работников государственных органов с четкими и весьма специфическими функциями. Позднее осведомители в документах ОГПУ-НКВД стали именовать агентами или негласными агентами. Но по сути они оставались осведомителями. Они учитывались в органах ОГПУ-НКВД отдельно от секретных агентов из чекистов запаса. Наиболее широко и активно в двадцатые годы в системе ОГПУ осведомителей использовали органы пограничной охраны. Без их помощи обеспечить надежную охрану государственной границы невозможно. Не менее широко и активно использовались осведомители в органах финансового контроля и налогообложения. Через осведомителей оперативно выявлялись в сельской местности факты занижения показателей посевной площади, численности домашнего скота и наемных работников в хозяйстве. Осведомители информировали финансовые и налоговые органы о подпольном производстве, выгонке самогона, незаконной торговле и скупке продовольствия. Такими осведомителями финансовых и налоговых органов в то время являлись члены „сельского актива“. Это молодые деревенские коммунисты и комсомольцы. Осведомители широко использовались органами милиции и уголовного розыска. Таковыми состояли члены домовых комитетов, дворники, работники городской коммунальной системы, пенсионеры.

Через осведомителей органы милиции выявляли в городах граждан, проживавших без регистрации и документов, всевозможные притоны, нелегальные казино и бордели, очаги самогонварения, скупщиков краденых вещей и материальных ценностей. С помощью таких добровольных осведомителей в годы нэпа обеспечивалась высокая эффективность борьбы органов милиции с уголовной преступностью и административными правонарушениями граждан. Органы ОГПУ использовали осведомителей только в крупных государственных и хозяйственных учреждениях, на предприятиях оборонного значения и в высших учебных заведениях. С 1925 года практика использования осведомителей в ГПУ была расширена на общественные, культурные и религиозные организации...»

Обратим внимание в этом абзаце на организации культурные – именно к ним относились учреждения, работавшие в сфере кинематографа (а очень скоро Зое Федоровой предстоит начать работать в этой отрасли, причем до конца жизни – более пятидесяти лет). И так, кинематограф в двадцатые годы в Советской России был нэпманский – то есть, коммерческий. Правда, под контролем государства, в том числе и его спецслужб. Читаем в статье «Советский кинонэп двадцатых годов»:

«...Крупной организационной мерой советской власти в период „кинонэпа“ стало создание Всероссийского фотокинематографического акционерного общества „Советское кино“ („Совкино“). Устав „Совкино“ был утвержден СНК РСФСР 10 декабря 1924 года. Учредителями Совкино явились: ВСНХ РСФСР, НКВД СССР, НКП, Московский и Ленинградский губернские исполнительные комитеты. Уставом АО „Совкино“ была определена цель деятельности общества, которая заключалась в развитии кинопромышленности для наиболее полного

обслуживания культурных потребностей трудящихся. Акционерному обществу предоставлялось право: открывать и эксплуатировать всякого рода предприятия по фото- и кинопроизводству, прокату и торговле материалами, оборудованием и изделиями фото- и кинопромышленности; эксплуатировать и организовывать кинотеатры на территории РСФСР. Высшим органом управления „Совкино“, как и любого акционерного общества, являлось Общее собрание акционеров, которое должно было решать ключевые вопросы, которые в значительной степени могли повлиять на работу общества. Председателем Общего собрания в течение всего периода существования „Совкино“ была В. Н. Яковлева, заместитель наркома просвещения.

Материальную базу для развития кинодела „Совкино“ должно было создавать из доходов от прокатных, экспортных и импортных операций, то есть зарабатывать своей деятельностью. С 25 марта 1925 года правление „Совкино“ заключило с Наркомпросом РСФСР договор о практическом осуществлении акционерным обществом монопольного права кинопроката. Тем самым все самостоятельные прокатные организации прекратили свою деятельность.

На территории РСФСР „Совкино“ обладало исключительным правом производить операции по экспорту и импорту кинофильмов и кинотоваров, а также изыскивать для кинопромышленности СССР кредиты за границей и привлекать иностранные капиталы.

Таким образом, советское государство в данном случае пошло по пути создания коммерческого предприятия, которому отводилась роль главного государственного органа управления кинематографией. В этом проглядывается определенная логика властей – раз государственные структуры в условиях новой экономической политики и при отсутствии планового финансирования не справляются с задачами, стоящими перед советским кинематографом, пусть этим займется акционерное общество, обладающее монополией проката, которое сможет заработать на кино деньги и пустить их в дело реализации государственных кинематографических задач. Дело вроде бы сдвинулось для советской власти с „мертвой точки хаотического рыночного развития и нездоровой конкуренции“: началась централизация кинопрокатной сети, был упорядочен и поставлен под контроль ввоз заграничной кинопродукции, частные кинопредприятия, лишившись возможности кинопроката и работы с иностранными конторами, в большинстве случаев прекратили существование.

Но произошло то, что вряд ли могли предположить государственные и партийные деятели. Вместо того чтобы стать оплотом реализации ленинского взгляда на кинематограф и решать задачи, которые ставила перед кинематографом советская власть, „Совкино“, умело воспользовавшись предоставленными ему монопольными привилегиями, превратилось в нормальную мощную кинокомпанию, которую можно сравнить с лучшими образцами киноиндустрии США и Европы. Главной целью своей деятельности она считала получение максимально возможных прибылей от кинопроизводства и кинопроката. Во главу угла „Совкино“ поставило создание интересных зрителю художественных картин и развитие сети коммерческих кинотеатров в крупных городах. Как такое могло произойти? На такой выбор стратегии развития „Совкино“ повлияли люди, стоявшие у руководства акционерного общества, так как именно они решали основные стратегические и практические вопросы, связанные с производством и прокатом. Председателем Правления „Совкино“ во все время его существования был К. М. Шведчиков. Кроме председательских, он выполнял функции руководства экспортно-импортным направлением деятельности. В „Совкино“ Шведчиков перешел из Наркомторга, где занимал должность начальника Управления регулирования и являлся членом Коллегии НКВТ СССР (Наркомат внешней торговли). Заместителем председателя был И. П. Трайнин, который сменил до прихода в „Совкино“ несколько профессий – был маляром, журналистом, редактором журнала. Его первое знакомство с кинематографом состоялось еще до революции, когда он начал сниматься статистом у компании „Патэ“ (он шесть лет жил во Франции). Несмотря на то, что он не окончил ни одного учебного заведения, в дальнейшем, уже после ликвидации АО „Совкино“, Трайнин станет ученым в области права, а в 1939 году – академиком. Он является автором ряда работ по государственному праву и национальному вопросу. Таким образом, у руля советской кинематографии встали не „киношники“, а, в общем-то, люди прагматичные. С самого начала они выбрали

долгосрочную стратегию своего развития, которую озвучил Шведчиков: „Нас хотят заставить ставить исключительно политпросветские темы, тогда как на основе нашего устава мы являемся коммерческой организацией, извлекающей прибыль в конечной цели“.

Но главная причина, по которой „Совкино“ избрало для себя подобный путь, – это, конечно же, рынок. „Кинонэп“, порожденный новой экономической политикой, в 1924 году уже вовсю функционировал, и „Совкино“, используя свои привилегии, сразу же начало действовать по законам рыночной экономики, по которым базовая цель кинематографической промышленности – зарабатывать деньги, а все остальное уходит на второй план...»

Как видим, из этого текста вовсе не следует, что ГПУ (бывшая ВЧК) являлась официальным куратором кинематографа. Однако обратим внимание, что одним из учредителей «Совкино» был Высший совет народного хозяйства (ВСНХ) РСФСР. С 1926 года его возглавил (и был им до 1930 года) Семен Лобов – бывший чекист (хотя бывших чекистов, как известно, не бывает). В 1919–1920 годах он был председателем Саратовской ЧК, а в 1920–1921 годах – уполномоченным ВЧК по Башкирской АССР, председателем Башкирской ЧК, наркомом внутренних дел Башкирии.

Более того – председателем ВСНХ СССР в 1924–1926 годах был бывший председатель ВЧК Феликс Дзержинский. Все это было не случайно, а прямо вытекало из тогдашней ситуации, а именно: по мере развития нэпа советские власти ужесточали контроль за экономикой именно с помощью чекистских кадров. Нечто подобное случится уже в наши дни, когда к власти в России придет профессиональный чекист, который приведет в органы управления государством своих коллег по работе. Но впервые подобное было опробовано именно в годы нэпа, в двадцатые годы. Читаем у историка С. Павлюченкова:

«...По мере дальнейшего отступления партии по пути либерализации социально-экономических отношений и развития нэпа секретные службы приобретали все больший удельный вес в системе партийного контроля над обществом. Круг обязанностей органов ВЧК-ГПУ существенно расширился, по инициативе Ленина они стали универсальным источником государственной информации по всем важнейшим сторонам общественной жизнедеятельности, а также приобрели даже некоторые экономические функции. В сентябре 1921 года в составе каждой ЧК был образован экономический отдел, перед которым поставили задачу выработать и внедрить новые методы „борьбы с капиталом и его представителями в области экономической жизни“. В циркулярном письме президиума коллегии ВЧК по вопросам деятельности в условиях новой экономической политики всем губчекам наряду с предупреждением „против излишних увлечений наших товарищей борьбой с буржуазией как с классом“ в девяти развернутых пунктах описывались их новые, весьма обширные обязанности. В том числе: помощь государству в сборе продналога, хранение и правильное расходование товарного фонда, помощь государственным предприятиям в борьбе с конкуренцией частного капитала, контроль за порядком сдачи в аренду предприятий, за правильным снабжением сырьем мелкой, средней и кустарной промышленности, слежка за внешнеторговыми операциями, не говоря уже о традиционной борьбе с хищениями, „царящей“ бесхозяйственностью, безалаберностью и бюрократизмом...»

Именно при Дзержинском и Лобове во всех советских учреждениях началась вербовка новой агентуры. Не стало исключением и «Совкино», которое мало того что было головной организацией в сфере самого важного из искусств – кинематографа (по В. И. Ленину), так еще и осуществляло сделки с зарубежными партнерами. А еще в апреле 1921 года было принято решение о создании коммерческо-промышленной разведки, что было связано с развитием экспортно-импортных связей с международным рынком. Обеспечивая этот шаг, руководство ГПУ тогда же отмечало, что совершение ряда преступных сделок зарубежными партнерами привело к тому, что назрел «вопрос о создании коммерческо-промышленной разведки». Западная Европа и Америка «зорко следят за каждым экспортным и импортным фунтом», но еще более они «заинтересованы не столько в коммерческой наживе, сколько в разрушении экономики страны во имя свержения советской власти».

Таким образом, в ГПУ (в его Экономическом управлении) стала концентрироваться работа по руководству не только осведомительно-агентурной работой в масштабе страны, но и всей экономической разведкой за границей. Экономическому управлению отпускались секретные суммы на развитие этой работы. Для успешного развития разведки предлагалось «войти в тесный контакт с частной торговлей и промышленностью и потому самому или производить торговые, финансовые и другие операции, или входить пайщиками в существующие торговые и промышленные предприятия, или открывать свои склады, магазины и др...». При этом должна была соблюдаться строгая конспирация этой работы, а за понесенные нецелесообразные убытки приходилось «нести ответственность». При этом важнейшей составляющей в работе ЭКУ была деятельность секретных агентов.

В 1922 году в недрах ГПУ были подготовлены документы по организации осведомительной работы в своих наркоматах и их органах на местах. По смыслу их осведомительная служба должна была быть «вспомогательным средством в работе ведомственной комиссии, являясь на деле щупальцами комиссии, посредством коих мы должны все видеть и все знать, что скрыто в обыденной жизни или скрывается от карательных органов советской власти».

Перед осведомительными службами были поставлены две основные задачи:

- сбор сведений о коррупционных правонарушениях среди сотрудников советских учреждений, фабрик, заводов, воинских частей, милиции и уголовного розыска;
- обработка и передача полученной информации председателю ведомственной комиссии или его заместителю для принятия решения по ее дальнейшему использованию.

Руководил работой осведомительной службы член ведомственной комиссии, ответственный за организацию «осведомительской сети» в том учреждении, в котором он работал. В его обязанности входила разработка плана

осведомительной сети, вербовка осведомителей в пределах своего учреждения, непосредственное руководство ими, проверка получаемых сведений через других осведомителей, предварительная обработка полученных сведений и выработка новых приемов и методов вербовки и получения информации.

Для успешного выполнения поставленных перед службой задач осведомители вербовались «по возможности из числа освещаемой массы, в идеальном случае из числа сотрудников того учреждения, где они работали». Наиболее удачной считалась вербовка беспартийных из числа лиц, проверенных в своей преданности советской власти и «не занимающих административных должностей и постов, то есть из низов рабочих и крестьянских масс».

В «Основных правилах для каждого осведомителя» особо указывалось, что осведомитель, являясь «глазами и ушами» комиссии по борьбе с взяточничеством, должен передавать только проверенную информацию и вести свою работу строго конспиративно. При наблюдении за своими сослуживцами рекомендовалось обращать внимание, «на какие средства они живут, о чем больше всего говорят, какие позволяют себе проступки и не ведут ли разговора, указывая на плохое материальное положение, как ведут себя по отношению к посетителям, не разбивают ли таковых по категориям, то есть чисто одетых и наоборот». За «доставление нужных сведений» осведомителю полагалось вознаграждение.

В «Совкино» (его штаб-квартира располагалась в Малом Гнездиновском переулке, дом 7) тоже был член ведомственной комиссии по борьбе с взяточничеством, отвечавший за работу осведомительной службы. В ее штате были десятки агентов, начиная от сотрудников административного аппарата «Совкино» и заканчивая работниками кинофабрик: режиссеры, операторы, сценаристы, актеры, гримеры, осветители и т. д. Причем агенты вербовались разными структурами ГПУ: например, на ЭКУ работали администраторы, счетоводы, финансисты, статисты, на СПО (Секретно-политический отдел) – режиссеры, сценаристы, актеры и т. д. Но в любом случае при небольших штатах СПО, ЭКУ и других подразделений ГПУ (120–150 сотрудников), агентов было

в десятки раз больше. Кто-то назовет это паранойей, но это неверный подход. Создавшееся тогда положение диктовалось международной ситуацией, когда СССР вынужден был существовать в окружении враждебных государств (кстати, эту практику позднее переймет Израиль, что закономерно – в советском ГПУ и израильском было много евреев, а они хорошо умеют выживать во враждебном окружении). Поэтому сотрудничество с органами хотя и не было окружено ореолом какой-то романтики, но воспринималось как вполне нормальное явление в условиях только что закончившейся гражданской войны и давления Запада на первое в мире государство рабочих и крестьян. Кстати, в странах той же западной демократии «стучать» правоохранительным органам считалось почетной обязанностью каждого законопослушного гражданина. Все это играло свою роль в поддержании порядка в обществе.

Обратим внимание, что опять же в 1926 году (в феврале) на пост начальника ЭКУ был назначен Георгий Прокофьев, по совместительству оставшийся руководителем Информационного отдела (в агентах которого, судя по всему, могла тогда числиться и Зоя Федорова) и Отдела политконтроля ОГПУ. Опытный и образованный чекист, имевший высшее юридическое образование, руководивший ранее нелегальной разведкой (был замначальника закордонной части ИНО), возглавлял органы экономической безопасности в течение пяти лет (с октября 1929 года – член Коллегии ОГПУ) и воспитал большую группу работников, сыгравших крупную (и неоднозначную) роль в истории советских органов госбезопасности. Его помощником с апреля 1926 года был Лев Миронов (в 1931 году он возглавит ЭКУ).

В 1928 году в СССР будет создано первое иностранное совместное кинопредприятие – советско-германская кинофабрика «Межрабпомфильм» (появилась на основе расформированного акционерного общества «Межрабпом-Русь»). Естественно, без внимания ГПУ это предприятие не осталось – его агентуры и там хватало. Чуть позже с этой кинокомпанией пересечется и героиня нашего рассказа – Зоя Федорова. Но об этом рассказ впереди, а пока вернемся в конец двадцатых.

Осведомительская работа в «Совкино» преследовала две главные цели: экономическую и идеологическую. В годы нэпа (особенно в первой его половине) на первом месте стояла первая, поскольку во главе угла стояла прибыль. Чем больше денег приносило в бюджет государства учреждение, тем выше был его рейтинг во властной вертикали. Поэтому донесениям агентов ГПУ в «Совкино», где речь шла о каком-нибудь сотруднике, нарушающем идеологические каноны, но хорошо зарекомендовавшем себя на ниве коммерции, обычно не давалось ходу. Как написано чуть выше о руководителях «Совкино» Шведчикове и Трайнине, это были «люди прагматичные», с самого начала они выбрали долгосрочную стратегию своего развития, которую озвучил Шведчиков: «Нас хотят заставить ставить исключительно политпросветские темы, тогда как на основе нашего устава мы являемся коммерческой организацией, извлекающей прибыль в конечной цели... Кинодело, кроме водочного дела, является одним из самых доходных дел в СССР даже в настоящее время. И, по существу, должно и может в будущем заменить по доходности водочную монополию».

Отметим, что Шведчиков и Трайнин до революции жили в Европе, имели там обширные связи и именно поэтому были поставлены к руководству «Совкино» в годы нэпа, когда эти самые связи стали особенно востребованы. Контроль за ними со стороны ГПУ был жесткий, однако оба деятеля продолжали руководить «Совкино» вплоть до начала тридцатых – до окончания нэпа. Хотя некоторые их поступки шли вразрез с господствующей идеологией. Например, Шведчиков, который монополизировал прокат фильмов в стране, хотел положить фильм С. Эйзенштейна «Броненосец „Потемкин“» на полку именно из коммерческих соображений. Он считал, что в нэповское время «агитка» не даст кассовых сборов в СССР, и уж тем более ее не примет зарубежная аудитория. Это возмутило даже В. Маяковского, который бросил знаменитую фразу: «Шведчиковы приходят и уходят, но искусство остается».

За годы работы Шведчикова в «Совкино» на него в органах накопился увесистый компромат. И доживи он до конца тридцатых, не факт, что не угодил бы в жернова репрессий. А так умер в своей постели в 1935 году, будучи директором Всероссийского объединения курортов (с 1932-го). Впрочем, шанс выжить у него тоже был. Вон его

заместитель по «Совкино» Илья Трайнин сумел же это сделать, став видным советским юристом. Он скончался в 1949 году, успев поработать руководителем кафедры государственного права в Московском юридическом институте, Военно-юридической академии, а с 1942 года – заведующим кафедрой и профессором государственного права Института международных отношений НКВД СССР. В 1946 году он стал академиком-секретарем Отделения экономики и права АН СССР, а также вошел в состав Президиума АН СССР и был избран почетным доктором Пражского университета (1948). И похоронили его на престижном Новодевичьем кладбище.

Но вернемся в двадцатые годы.

В период 1923–1926 годов, как мы помним, в ГПУ происходило сокращение кадрового состава. И под этим «соусом»

Дзержинский, как мы помним, принял гениальное решение – устраивать (а точнее – внедрять) своих сотрудников в различные учреждения, в том числе и кинематографические. В итоге в эту отрасль тогда пришли сотни бывших чекистов (впрочем, как уже говорилось, бывших чекистов не бывает). Называть их все не хватит места и времени, поэтому ограничусь лишь некоторыми. И начну с режиссера Фридриха Эрмлера (1898). На самом деле его звали Владимиром Бреславом, он был сыном сапожника и в юности ходил в учениках провинциального провизора. Но в годы гражданской войны стал воевать на стороне красных и был разведчиком, взяв себе псевдоним Фридрих Эрмлер (с немецкого последнее слово переводится как «бедняк»). За храбрость его приметили чекисты и взяли служить в ВЧК. Причем бытует две версии того, где именно в ВЧК служил Эрмлер. Сам он рассказывал следующее: «Даже в страшные дни поволжского голода, где ежедневно гибли от голода тысячи людей, работая в Особом отделе ВЧК, я не оставлял мысли о кинематографе». А что такое Особый отдел? Это военная контрразведка. Впрочем, до мая 1922 года эти отделы являлись не только военной, но и гражданской контрразведкой. Читаем в энциклопедии:

«Особый отдел создан на основе объединения фронтовых чрезвычайных комиссий и органов военного контроля в декабре 1918 года. Первым начальником ОО ВЧК был М. С. Кедров.

6 февраля 1919 года Президиум ВЦИК утвердил Положение об Особом отделе ВЧК и его местных органах, где указывалось, что борьба с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте возлагается на ОО ВЧК. Общее руководство этой борьбой должна была осуществлять Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая через свой Особый отдел руководила работой местных отделов контролировала их деятельность и организовывала работу агентуры за границей и на оккупированной иностранными державами и занятой белогвардейцами территории.

14 января 1921 года было создано Секретно оперативное управление ВЧК, в состав которого вошли все оперативные отделы, в том числе и Особый отдел. Функции ОО расширились. Ему была поручена также организация контрразведывательной работы в стране...»

Уже много позже, когда Эрмлер станет кинематографистом, он будет пугать своих коллег рассказами о том, что в годы работы в Особом отделе он все время не знал, как правильно написать: «расстрелять» или «росстрелять». То есть, судя по этим рассказам, человеком он в молодости был жестким, если не сказать жестоким. Об этом же говорит и другая история. Когда в 1923 году он поступил в Институт экранного искусства, там училось много детей нэпманов. Так вот Эрмлер, потрясая маузером (!), добился от руководства института, чтобы его выбрали в исполбюро (студенческую общественную организацию), и быстро очистил заведение от нэпманских сынков. После чего по коридорам института стал ходить совсем иной народ – в кожанках, клешах, в полосатых тельняшках и кепках.

По другой версии (ее ввел в оборот один молодой историк кино), Эрмлер, хоть и служил в ВЧК, но по хозяйственной части – чуть ли не «обозником». И поэтому к расстрелам никакого отношения иметь не мог. Короче, выдавал портянки и сапоги младшему и начальствующему комсоставу. А свои героические (и не очень)

деяния выдумал. Только сдается мне, что было все как раз наоборот и роль барона Мюнхгаузена должна принадлежать историку, а не чекисту.

Итак, Эрмлер именно в 1923 году покидает (но не выбывает из них) чекистские ряды и поступает учиться на киноактера. Но учеба ему быстро наскучила, и спустя два года он бросает институт и создает (!) киноэкспериментальную мастерскую, сокращенно КЭМ. А помочь ему в становлении этого детища приглашает еще одного бывшего... чекиста – Эдуарда Иогансона. Что это за человек? Он был на четыре года старше Эрмлера (1894) и до революции работал банковским служащим. В 1915 году был призван на военную службу, работал по снабжению в царской, затем – в Красной армии. Затем перешел в ГПУ, где и познакомился с Эрмлером. И в период 1924–1926 годов они вместе сняли как режиссеры три фильма: «Скарлатина» (1924), «Дети бури» (1926) и «Катка – бумажный ранет» (1926). После чего каждый пошел в кино своею дорогой. Но у Эрмлера она окажется круче – он станет очень известным постановщиком, который дважды снимет в своих фильмах героиню нашего рассказа – Зою Федорову: во «Встречном» (1932) и в «Великом гражданине» (1938). Впрочем, об этом мы подробно поговорим чуть позже, а пока продолжим знакомство с темой «чекисты в кинематографе».

Еще один герой нашего рассказа – Александр Ржешевский (1903). До революции он учился в Петроградском немецком училище им. Святой Анны («Аннен-Шуле»), поскольку его отец мог оплатить это обучение (он был из разбогатевших крестьян Псковской губернии). Дважды Александра исключали за плохое поведение, но потом восстанавливали. А затем грянула революция, и молодой человек пошел служить юнгой в Кронштадтский военно-морской артиллерийский отряд. Был разведчиком и пулеметчиком в отряде морской пехоты, участвовал в боях против Юденича и в подавлении восстания форта «Красная горка» (1919–1920). А с конца 1921 года стал особоуполномоченным по борьбе с экономической контрреволюцией ГПУ Туркменской области. Участвовал в раскрытии так называемого дела «Золотой панамы», когда были разоблачены те, кто сплавлял золото в Персию. В числе других Ржешевскому была выражена благодарность в приказе высших органов ВЧК.

В 1922–1923 годах он уже заместитель начальника отдела по борьбе с басмачеством и политическим бандитизмом – начальник оперативного подотдела ГПУ Самаркандской области. А в 1924 году его переводят в Ленинград, и он становится сотрудником 4-го спецотдела ОГПУ Ленинграда и области. Занимается борьбой с политическим бандитизмом – «савинковщиной», подключается к борьбе с городским бандитизмом. А потом вдруг раз – и в 1925 году поступает на актерское отделение того самого Института экранного искусства, где учился и Эрмлер. Кто-то скажет: надоела молодому человеку чекистская работа, и он пошел в актеры. Мне же видится это иначе, а именно: как уже отмечалось, в середине двадцатых, в разгар нэпа, чекистов отправляют в разные отрасли советской экономики, чтобы иметь там своих людей. И Ржешевский не стал исключением, став в кинематографе весьма крепким сценаристом и драматургом. Причем в кино он дебютирует в 1929 году, написав сценарий фильма «В город ходить нельзя» режиссера Юрия Желябужского с кинофабрики «Межрабпомфильм» (кстати, наш герой там является членом литературного совета). О чем это кино? Читаем в аннотации:

«Действие происходит в годы первой пятилетки. В Москве появляется сын известного ученого – белоэмигрант Борис Кочубей, ранее считавшийся погибшим. Вместе с ним приезжает его друг. Ночью шпионы посещают квартиру старика. Как поведет себя в этой ситуации профессор?....»

Режиссер Павел Петров-Бытов (1895) – еще один чекист в советском кинематографе. В гражданскую войну он служил начальником военной цензуры в частях Красной армии, а затем стал начальником отдела Карельского ЧК в Петрозаводске. Там же в 1922 году окончил театральную студию Юрьина. С 1921 года Петров-Бытов служит уполномоченным ОГПУ

Ленинградского Военного округа. Параллельно он совмещает должность заместителя председателя реперткома киностудии «Севзапкино» (будущий «Ленфильм»). Понятно, зачем совмещает – является цензором. А в 1925 году он становится режиссером киностудии «Ленинградкино», продолжая, судя по всему, быть и чекистом. Иначе вряд ли бы он в годы войны был назначен уполномоченным Особого отдела НКВД Северного

флота, а также художественным руководителем Мурманского областного театра и начальником сценарного отдела Свердловской киностудии. Более того, в 1945–1946 годах Петров-Бытов становится уполномоченным «Совэкспортфильма» в Финляндии. А эта организация была под надежным «колпаком» НКВД-НКГБ (в 1947–1951 годах председателем объединения «Экспортфильма» был видный чекист Михаил Маклярский, о котором мы поговорим подробно чуть позже).

Кстати, за свою долгую карьеру в кино (1925–1955) Петров-Бытов снял как режиссер одиннадцать фильмов (один – короткометражный). Самый известный – «Пугачев» (1937).

Во второй половине двадцатых органы ОГПУ уже крепко держали бразды правления киношной отраслью в своих руках (естественно, негласно) и зорко следили за ее деятельностью. Вот лишь один из таких примеров – с фильмом «Пограничный пост № 17» (производство «Пролеткино»). В апреле 1926 года Главрепертком запретил выпуск на экран этого фильма, объяснив это следующим мотивом: «Картину „Пограничный пост № 17“ как халтурную, ненужную, несвоевременную, как изображающую китайцев преступниками-контрабандистами, как халтурно рисующую деятельность органов ОГПУ, к тому же заснятую без разрешения ОГПУ, – запретить».

Или еще один пример – с тем же Главреперткомом. В том же 1926 году он приказал купировать фильм Федора Оцепа и Бориса Барнета «Мисс Менд». Цитирую циркуляр: «...Пункт 3. Изъять все сцены участия ОГПУ в ликвидации авантюры...»

Между тем фильмов про чекистов в те годы почти не снималось, поскольку популяризация органов ЧК посредством кино в планы Лубянки тогда не входила. Например, в конце двадцатых ежегодно в прокат выходило порядка 90-100 фильмов (тогда еще немых), и из них только один-два были про чекистов. А первым таким фильмом была картина «Банда батьки Кныша» (1924) режиссера Александра Разумного с Первой фабрики (Госкино). Фильм считался блокбастером и по режиссерской манере был близок к другому блокбастеру тех лет – «Красным дьяволятам» (1924).

Действие «Банды батьки Кныша» разворачивалось в годы гражданской войны. По сюжету небольшой город прифронтовой полосы освобожден Красной армией. Но в самом городе и его окрестностях белые банды при поддержке бывших чиновников и местного духовенства ведут подрывную работу. Переодетые чекисты под видом банды Кныша врываются в город и, чтобы «пересчитать» белых, провоцируют «союзничков» к открытым совместным действиям. В роли батьки Кныша (он же чекист Стальной) снялся Петр Леонтьев – бывший мхатовец, ученик К. Станиславского. Перед этим он сыграл комбрига Иванова в одноименном фильме 1923 года. Короче, это был актер положительных ролей. Хотя в тридцатые ему будут доверять и роли вражеских шпионов, как это произойдет в знаменитом фильме «Ошибка инженера Кочина» (1939). Но об этом фильме мы поговорим чуть позже, а пока вернемся в двадцатые годы.

Режиссером «Кныша» был Александр Разумный, который до этого работал на фабрике «Пролеткино» («Пролетарское кино»). Эта киностудия возникла как ответ рабоче-крестьянской власти на засилье частных (буржуазных) кинофабрик. Короче, «Пролеткино» снимало кино для пролетарской публики. И Разумный был апологетом такого рода кинематографа. А в 1926–1928 годах он уедет режиссировать за границу – на киностудии «Прометеус» в Берлине и «Фобус-фильм» в Париже. Учитывая, что это были столицы, где концентрировались главные силы русской эмиграции, можно предположить, что Разумного могли послать туда не только с творческими целями, но и по чекистской линии, а именно по линии Иностранного отдела (ИНО). Отметим, что Разумный вернулся на родину вскоре после того, как в конце января 1930 года в Париже был похищен агентами ОГПУ председатель Русского общевойскового союза (РОВС) генерал Александр Кутепов. Его похитили прямо на одной из парижских улиц, и он практически сразу скончался от разрыва сердца (по другой версии – был убит). РОВС был создан участниками белого движения для проведения террора на территории СССР, поэтому смерть Кутепова была закономерной – как говорится, на войне как на войне.

Что касается Разумного, то свой первый фильм после возвращения он снял в 1935 году. Лента называлась «Кара-Бугаз» и тоже относилась к приключенческому жанру. По сюжету при отступлении из Баку в 1920 году узников белогвардейской контрразведки высаживают на необитаемый остров в Каспийском море, где они должны погибнуть от голода и жажды. Четверым – большевикам Миллеру, Занозе, Нестеровой и ученому Шацкому – удастся спастись....

В 1940 году Разумный снимет знаменитую ленту «Тимур и его команда», а в середине пятидесятых вернется к шпионскому кино – создаст картину «Случай с ефрейтором Кочетковым» (1955). Читаем в аннотации: «Отличный наводчик-артиллерист ефрейтор Василий Кочетков знакомится с продавщицей военторга Валею Градской и становится частым гостем в ее семье. Молодой человек не знает, что она и ее „гостеприимная бабушка“ – агенты врага, желающие выведать у бойца военную тайну. Помня присягу, Кочетков сообщает командованию о подозрительных действиях новых „друзей“ и получает секретное задание – продолжать играть роль жениха. Успешно выполнив приказ командира, боец помогает разоблачить иностранных разведчиков».

Но вернемся к фильмам про чекистов, снимаемым в двадцатые годы.

В 1925 году свет увидела лента «Лесной зверь» режиссера Акселя Лундина с киностудии ВУФКУ (Одесса). Стоит отметить, что именно там тогда чаще всего и снимались фильмы про чекистов. Почему? Одесса еще со времен гражданской войны была чекистским городом. Так вот, фильм «Лесной зверь» был поставлен по книге чекиста Дмитрия Бузько и рассказывал о реальных событиях весны 1920 года, в которых автор сам принимал участие. Бузько тогда был сотрудником Одесской губернской ЧК и его заданием было: обнаружить логово лесного атамана Заболотного, который в течение трех лет терроризировал население двух уездов, вынудить того добровольно сдаться или заманить в западню и захватить силой. Задание было не только успешно выполнено, но и легло в основу первой автобиографической повести «Лесной зверь» (1923). К сожалению, этот фильм до наших дней не сохранился.

Заметим, что в 1937 году Бузько будет арестован, исключен из Союза писателей и вскоре расстрелян.

Еще один фильм про чекистов, снятый на одесской ВУФКУ, – «Укразия» (1925) режиссера Петра Чардынина. В основу сюжета были положены материалы Одесского Истпарта, рассказывающие о том, как деникинский офицер-контрразведчик Энгер (отвратительная личность с внешностью опустившегося наркомана, вращающаяся в кругу белогвардейцев и не вызывающая никаких сомнений в своей контрреволюционности) попадает в тюрьму, из которой его освобождают большевики. И только после этого становится понятно, что именно Энгер и есть тот самый... красный разведчик «7 + 2», которому и посвящен этот фильм.

Лента «Дело 128/с» (другие названия: «Стертая страница», «Шпион») режиссера Арнольда Кордюма вышла в 1927 году на той же ВУФКУ в Одессе. Сюжет был следующий: идя по улице, прокурор Кравцов узнает в случайном прохожем бывшего белогвардейца Винтера, который должен был быть расстрелян в гражданскую войну. Выяснилось, что красноармеец Прокопчук отпустил пленного. Органы ОГПУ устанавливают за Винтером слежку. Желая искупить свою вину, Прокопчук во что бы то ни стало решает поймать преступника. Выследив его, Прокопчук гибнет в ожесточенной схватке.

Как видим, фильмов про чекистов в те годы снималось не так много, хотя их героические деяния (как в годы гражданской войны, так и в мирные годы) могли бы составить основу не нескольких, а десятков фильмов. Но руководство тогдашнего ОГПУ не ставило целью выпячивать деятельность своих сотрудников посредством кино. Хотя контроль за кинематографической отраслью чекисты держали в своих руках крепко, причем на обоих направлениях – идеологическом и экономическом. Про последнее мы уже говорили, поэтому поговорим о первом, за которым надзидало Секретно-оперативное управление (СОУ) и Секретно-политический отдел (СПО; идеологическая контрразведка). СОУ возглавлял Генрих Ягода (он же первый заместитель председателя ОГПУ В. Менжинского), СПО – Терентий Дерибас (1923–1929). Как происходил этот контроль? В СОУ был Отдел политконтроля, который вел наблюдение за работой типографий, книжных магазинов, просматривали ввозимые

и вывозимые из страны печатные произведения, полиграфическую и кинопродукцию, осуществляли (с марта 1922 года) политический контроль за деятельностью театров, кинотеатров и т. п. Отдел состоял из двух отделений – печати и зрелищ и почтово-телеграфного. 1 ноября 1925 года Отдел политконтроля был слит с Информационным отделом (ИНФО) в Отдел информации и политконтроля (начальник с 15 июля 1926 года – Н. Н. Алексеев).

В СПО ситуация выглядела следующим образом. Было там 12-е отделение, которое следило за оппозицией в печати, в театральной, кинематографической и писательской среде. Начальником отделения (до 1927 года) был поляк Александр Славатинский, выходец из дворянской семьи, служивший в гражданскую войну в военной разведке и погранвойсках на Западном фронте. Славатинский хорошо разбирался в литературе (сам сочинял стихи), поэтому его и назначили надзирать за творческой интеллигенцией. В 1939 году его расстреляют, как и многих чекистов из его поколения, о чем я еще расскажу в соответствующей главе.

В 12-м отделении работало около 50 человек, за кино отвечали десять. У каждого из них на связи было 20–25 агентов, которые ежемесячно писали донесения о состоянии дел в учреждениях, где они работали («Пролеткино», «Совкино», кинофабрики и т. д.). На основе этих донесений сотрудники «дюжины» составляли отчеты, которые ложились на стол Славатинского. Он выбирал из этого вороха информации необходимую и составлял собственный отчет, который относил заместителю начальника СПО или непосредственно самому главе отдела. А тот уже выходил на председателя ОГПУ, чтобы он имел возможность доложить о ситуации кремлевским верхам (для членов Политбюро готовилась отдельная справка, причем Сталину могли докладывать информацию, минуя его коллег). Одновременно с этим все донесения агентов уходили и в Информационный отдел, где аналитики писали обобщающие справки об общей ситуации, складывающейся в какой-либо из областей (кино, театр, музыка, живопись и т. д.), и этот отчет тоже ложился на столы всех членов Политбюро.

В советском кинематографе тех лет доминировали две группировки. Условно их можно назвать «традиционалистами» и «новаторами». Первые ориентировались на массового зрителя и во главу угла ставили «кассу» – прибыльность кинолент. Их фильмы в художественном отношении были достаточно примитивными, рассчитанными на вкусы массового зрителя. Новаторы же были «заточены» под создание куда более качественных лент, но сложных для восприятия широкими массами. Как писал киновед Н. Лебедев:

«„Кинотрадиционалисты“ проявляют полное равнодушие к воспитательным задачам кинематографа. Идею они рассматривают как нечто принудительное, чуждое кинозрелищу, снижающее его развлекательную ценность...

Равнодушные к вопросам теории, они не проявляют интереса к осмыслению сущности кино, его специфике, отличиям от смежных явлений. Их мало волнует вопрос, самостоятельно ли искусство экрана или это эрзац театра. Для них не важна дальнейшая судьба этого искусства. Не отказываясь от использования в своих фильмах новых средств и приемов, особенно из числа проверенных практикой зарубежного кинематографа, они, однако, не любят рисковать и предпочитают, чтобы поисками и экспериментами занимались другие...

Занимая в 1922–1925 годах ведущее положение на кинофабриках Советского Союза, „традиционалисты“ накладывали на советское кинопроизводство печать консерватизма и инертности. Как в идейном, так и в художественном отношении их фильмы были чаще всего обращены в прошлое, шли проторенными путями русской дореволюционной и зарубежной коммерческой кинематографии.

„Традиционалисты“ ставят салонные мелодрамы из жизни великосветского общества (типа „Камергера его величества“ – романтические приключения престарелого камергера и его молодой любовницы); экзотические псевдovосточные кинороманы (типа „Минарета смерти“, в котором вся творческая фантазия режиссера сосредоточивается на постановке сцены купанья в гареме); комические фарсы – „Президент Самосадкин“, „Н + Н + Н“ („Налог, Нини, Неприятность“) и другие, как две капли воды похожие на свои дореволюционные прототипы.

„Традиционалисты“ делают доходчивые, а порой и талантливые картины, но их творчество инертно, оно либо топчется на месте, либо продвигается со скоростью черепахи. Между тем Октябрьская революция с принесенным ею новым строем идей и чувств и внутреннее развитие самого кино как нового, еще только осознающего себя искусства требовали стремительного движения вперед.

Такое идейное и формальное продвижение советского кино было совершено главным образом молодыми, выдвинутыми революцией кадрами кинематографистов, с которыми связано понятие „киноноваторство двадцатых годов“.

В это понятие принято включать начинавших в ту пору самостоятельную постановочную работу, а позже выдвинувшихся в первые ряды мастеров советского киноискусства: документалиста Дзигу Вертова и режиссеров художественно-игровой кинематографии – москвичей Льва Кулешова, Сергея Эйзенштейна и Всеволода Пудовкина, ленинградцев Григория Козинцева, Леонида Трауберга, Фридриха Эрмлера и украинца Александра Довженко.

Как и „кинотрадиционалисты“, „киноноваторы“ двадцатых годов не представляли собой единого целого. Они меньше всего походили на художественную школу. За исключением содружества Козинцев – Трауберг, много лет работавших вместе, каждый из новаторов имел собственный, отличный от других творческий путь, свой индивидуальный метод, свой почерк...

Главное, что объединяло их, – ненависть к старому, категорическое отрицание эстетических принципов, господствовавших в русской дореволюционной кинематографии. В своих манифестах и декларациях они безоговорочно сбрасывают с „корабля современности“ все, что связано с этими принципами...»

За борьбой этих течений внимательно следили в ОГПУ, и отчеты об этом регулярно ложились на столы членов Политбюро. Причем если до середины двадцатых годов симпатии высших советских руководителей делились поровну между «традиционалистами» и «новаторами», то во второй половине десятилетия чаша весов стала клониться в пользу вторых, поскольку идейный подход к искусству стал преобладать над коммерческим. Сталин и К° вели дело к закрытию проекта под названием «НЭП», а это автоматически подразумевало победу идеи над коммерцией, или духа над материей. И ОГПУ в этом процессе тоже участвовало, посредством того, что нацеливало свою агентуру (в том числе и среди именитых кинодеятелей) на то, чтобы они придерживались тех позиций, которые разделяли Сталин и К°.

Вообще Сталин, который в те годы еще не имел всей полноты власти в стране и партии, но уже к этому шел, был большим любителем кинематографа. Еще в мае 1924 года, на XIII съезде РКП(б), он заявил: «Кино есть величайшее средство массовой агитации. Задача – взять это дело в свои руки». И ведь взял!

Вождь смотрел все киноновинки того времени (в Кремле был собственный кинотеатр) и часто устраивал дискуссии внутри Политбюро по поводу того или иного фильма – обсуждал, нужен ли это фильм для советской идеологии или чуждый ей. Иногда на этих просмотрах присутствовал и председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский или его заместитель Генрих Ягода (он же начальник СОУ). Приглашались они туда не случайно, а с определенной целью – они должны были быть в курсе того, каким именно фильмам отдают предпочтения высшие руководители страны и какие задачи в свете этого следует ставить агентуре в кинематографической среде.

Сталина давно не устраивало то, что многие частные кинокомпании в СССР «завязаны» на границу и скупают там по дешевке второсортный товар, втюхивая его советскому зрителю. Началось это еще в 1923 году, когда кинофабрика «Русь» продала в Еропу фильм «Поликушка» Александра Санина, а на вырученные деньги купила массу примитивного киноширпотреба. Фильм вызвал большой ажиотаж у западной публики по двум причинам: во-первых, это было очень талантливое кино (экранизация Л. Толстого), а во-вторых – аполитичное и асоциальное. Ведь Толстой в своем произведении разоблачал помещичью Россию, а фильм от этой идеи ушел. Согласно сюжету, помещица посылала своего крестьянина Поликея в город за большой суммой денег, а тот на

обратном пути их терял и от отчаяния кончал жизнь самоубийством. Как напишет чуть позже все тот же Н. Лебедев:

«...Сценаристы (Н. Эфрос и Ф. Оцеп), добросовестно следовавшие за сюжетной линией повести, приглушили, однако, пафос социального протеста Толстого. Всячески подчеркнув чуткость и доброту помещицы – хозяйки Поликушки, они сместили акценты. Вместо типичной трагедии замордованного крепостничеством крестьянина зритель увидел происшествие – необычайную историю, случившуюся с одним дворовым-пьяницей...»

Такого рода кино (даже несмотря на его художественную ценность) Сталину понравиться не могло. И особенно его возмущало, что, продавая такого рода фильмы за границу, ушлые коммерсанты от кино убивают сразу двух зайцев: набивают себе карманы и «скармливают» советскому зрителю дешевые киноподелки западного производства. Поэтому перед ОГПУ была поставлена задача создавать такого рода коммерсантам невозможные условия для деятельности. Что и было сделано посредством заведения уголовных дел на кинодеятелей-«традиционалистов» (в 1926–1927 годах в стране произошло несколько судебных процессов по обвинению ряда деятелей кино в коррупции). Именно поэтому тот же Федор Оцеп (один из авторов «Поликушки») вынужден будет в 1929 году уехать сначала в Германию, а затем и в США. Как говорил Сталин в узком кругу: «Надо бить по старым революционным эмигрантам. Эмигранты – это люди беспочвенные, у которых на уме только международная революция, а теперь нужны руководители, способные осуществлять социализм в одной стране...» А ведь за мутным кинопоток, который лился на СССР с Запада, стояли именно эмигранты, которые таким образом старались пробить бреши в советской идеологии.

В 1928–1931 годах Сталин многократно принимал у себя и председателя ОГПУ Менжинского, и его первого зама Ягоду. В первую очередь это было связано с делами по разгрому оппозиции, но в то же время Сталин интересовался у них и состоянием агентурной работы в среде интеллигенции. Причем принимал он их или вместе, или по отдельности. Судя по всему, у каждого из чекистов был свой фронт работы: Менжинский отчитывался о деятельности контрразведки (а СПО входил именно в нее) и подрывной работе против левых и правых в партии, Ягода же отвечал за «цифирь» (статистические и аналитические данные), а также за проведение разного рода эксов, сбор улики и т. д.

А вот чекистов, ведавших внешней разведкой, Сталин в ту пору не особенно жаловал и принимал крайне редко. Например, начальника ИНО (Иностранный отдел) ОГПУ Артура Артузова вождь впервые пригласит в Кремль только в 1933 году, когда к власти в Германии придет Гитлер.

Но вернемся к Зое Федоровой.

Итак, она вполне могла попасть в категорию осведомителей-информаторов по линии Информационного отдела. Почему именно туда? Дело в том, что с ноября 1922 года руководство ГПУ ввело новую классификацию внештатных секретных сотрудников. По линии Информационного отдела СОУ в качестве информаторов в учреждениях, на предприятиях, в общественных организациях и т. п. привлекались только лояльные к власти лица, к коим и можно было отнести Зою Федорову (вспомним место службы ее отца, который до этого трудился в Кремле). На таких информаторов возлагались обязанности освещать настроения людей, с которыми они вместе работали, по некоторым вопросам, сообщать о состоянии дел на предприятиях и в учреждениях, о деятельности администрации, фактах злоупотребления и т. п. Причем информацию осведомители-информаторы передавали так называемым резидентам – работникам того же учреждения, где они работали. Обычно на мелких предприятиях был всего один резидент, а на больших (вроде Госстраха) от трех до пяти. Этот резидент затем передавал собранную информацию уже непосредственно чекистам. Данные сведения обобщались в информационных отделах в секретные сводки и направлялись руководству местных партийных и советских органов, в ОГПУ, которое в свою очередь обрабатывало и доводило информацию до Центрального комитета партии и правительства. Другой категорией секретных сотрудников являлись осведомители, вербовка и

руководство которыми находились в ведении секретных и контрразведывательных отделов. Таких осведомителей вербовали, в отличие от информаторов, из среды, социально чуждой советской власти.

В двадцатые годы в недрах ГПУ была составлена справка, в которой давалось объяснение, почему приветствуется служба женщин в разведке и контрразведке. В ней отмечалось следующее: «Женщина более наблюдательна, у нее сильнее развита интуиция, она любит вникать во все подробности, чего не скажешь о мужчинах. Женщины более усидчивы, терпеливее, методичнее, чем мужчины. Кроме этого, привлекательные внешние данные женщины позволяют ей расположить к себе любого собеседника... Рекомендуется поручать женщинам-агентам проведение операций, связанных с организацией встреч с агентурой в тех районах, где появление мужчин, исходя из местных условий, представляет опасность...»

Как и полагается, каждому агенту спецслужб присуждается оперативный псевдоним. Женщинам чаще всего подбираются красивые имена, часто имеющие отношение к их личным пристрастиям, привычкам. Если мы исходим из версии о том, что Зоя Федорова стала таким агентом, то нетрудно предположить, что у нее тоже было агентурное имя. Какое? Например, «Зефир». Во-первых, по начальным буквам имени и фамилии («З» и «Ф»), во-вторых – она очень любила сладкое, в том числе и зефир, который во времена нэпа выпускала фабрика № 7 Моссельпрома (с 1931 года – «Рот-Фронт»).

Но вернемся к «делу братьев Прове».

В ходе него, судя по всему, был завербован еще один агент – из числа социально чуждых. Речь идет о Никите Пешкове (1989), происходившим из дворян. Его история не менее интересная.

В Первую мировую войну он сражался на крейсере «Варяг», а в гражданскую – на стороне белых, входя в ближайшее окружение адмирала Колчака. В 1920 году, когда последний был расстрелян, Пешков был схвачен и посажен в тюрьму. Но спустя несколько месяцев, отпущен на свободу, якобы по причине тяжелой болезни. Однако в 1925 году Пешкова снова арестовали, но дали ему всего три года заключения в Соловках. А летом 1927 года перевели в Бутырку, включив его в «дело братьев Прове», поскольку тот знал обоих еще по своему житию в Москве в начале двадцатых.

Пробыв в столице несколько месяцев, Пешков был вновь возвращен на Соловки. А осенью 1927 года в «Правде» появилась заметка из зала суда, в которой сообщалось, что он, расстрелян вместе с братьями Прове. Сообщение было более чем странным, если не принять во внимание тот факт, что таким образом ГПУ давало возможность своего агенту спокойно досидеть свой срок и вернуться в Москву, легализовавшись там без каких-либо проблем. А в начале тридцатых Пешкова нашло еще одно «несчастье». В Англии скончался некий его дальний родственник, который оставил ему все свое немаленькое наследство. Эти деньги в Лондоне получали по доверенности некие люди, которые привозили их в Москву, меняли фунты на рубли и вручали законному наследнику. Чудеса, да и только! Впрочем, эти чудеса можно объяснить, если снова предположить, что Пешков был не кем иным, как агентом НКВД. И история с наследством была необходима его кураторам из спецслужб, чтобы снять все вопросы по поводу его роскошной жизни, которую он вел в кругах столичной богемы, от которой Пешков черпал всю ту информацию, что так интересовала НКВД. Правда, длилось это недолго – в 1938 году Пешков скончался от туберкулеза, подхваченного им еще на Соловках.

А что же Зоя Федорова? Она на момент смерти Пешкова была уже весьма и весьма знаменита. Причем не по линии бухгалтерии Госстраха, а на ниве большого кинематографа, куда она попала... Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Кино под колпаком НКВД

Женщины-чекисты. – Яков Агранов – ас агентурной работы. – Светские салоны – детище ГПУ. – Мейерхольд, Штраух, Эйзенштейн и другие «друзья» чекистов. – Актерская стезя агента «Зефир». – Школа чекистов. – Мужья Зои. – Играй, «Гармонь», или «Зефир» против абвера

Итак, мы предположили, что летом 1927 года Зоя Федорова могла быть завербована в осведомители Информационного отдела СОУ ГПУ СССР. Какая работа была у такого рода осведомителей-информаторов? Как уже говорилось, раз в месяц они встречались с резидентом из того же учреждения, в котором работали, и передавали справку-отчет, где сообщали интересующую чекистов информацию из разряда: какие разговоры ведутся в подразделении, где они работают, какая атмосфера там царит и т. д. Деньги за такую работу осведомителям не выплачивались – все делалось на идейной основе. Впрочем, если высшее начальство считало информацию ценной, то за это могла быть выплачена денежная премия.

Между тем в Госстрахе Федорова проработала ровно год, после чего решила-таки нарушить родительский запрет и подалась в артистки. Если мы продолжаем исходить из версии, что наша героиня работала на спецслужбе, возникает законный вопрос – а не приложили ли последние руку к этому решению? Или было чуть иначе: узнав, что их информатор мечтает связать свою жизнь с искусством, чекисты помогли ему удовлетворить его помыслы посредством подключения своих связей в этой среде? Что имеется в виду под последним?

В ГПУ в основном работали мужчины, а женщины, если и были, то занимали в основном секретарские должности. Правда, были и исключения. Например, в двадцатые годы самыми известными женщинами-чекистами были Александра Андреева (Горбунова) (1888) и Марианна Герасимова (1901). Первая пришла на работу в спецслужбы (будучи, кстати, дочерью священника) в марте 1919 года, став инспектором-инструктором Разведуправления РККА. В ГПУ она перешла в октябре 1921 года, получив должность помощника начальника Секретного отдела по следствию. Затем она стала заместителем начальника Секретно-политического отдела (СПО) ОГПУ-НКВД СССР (начальником тогда был Г. Молчанов). По утверждению Антонова-Овсеенко: «Андреева-Горбунова работала в первые советские годы в коллегии ВЧК – по рекомендации Якова Свердлова. Феликс Дзержинский видел в ней „совесть ВЧК“, он поручил Александре Азарьевне контроль за соблюдением чекистами революционной законности».

В 1926 году Андреева стала первой женщиной-чекисткой, которая была награждена боевым оружием, а год спустя еще и знаком «Почетный чекист».

Что касается Марианны Герасимовой, то она вступила в партию большевиков в 1919 году, а в ГПУ пришла работать четыре года спустя, начав с рядовых должностей. Она, кстати, была двоюродной сестрой по отцовской линии знаменитого кинорежиссера Сергея Герасимова – тот в двадцатые годы жил в Питере и работал на «Ленфильме», куда вскоре попадет и Зоя Федорова. На основе этого можно предположить, что наш выдающийся кинорежиссер имел отношение к органам – например, был доверенным лицом (внештатным добровольным помощником). Впрочем, об этом мы еще поговорим чуть позже, а пока продолжим знакомство с родственницей Сергея Апполинариевича – Марианной Герасимовой.

У нее была младшая сестра Валерия (1903), которая в двадцатые годы станет женой писателя Александра Фадеева, а сама Марианна, еще до работы в ГПУ, в течение нескольких лет пробудет женой другого писателя – Юрия Либединского (он ласково называл ее Мурашей). Это переплетение судеб чекистов и литераторов тоже будет не случайным. Дело в том, что это помогало чекистам устанавливать нужные связи в литературной среде. А что такое была литература в СССР? Она соперничала в популярности с кинематографом, и литераторы были не меньшими кумирами в Советском Союзе, чем актеры немого (а потом и звукового) кинематографа. То есть Сергей Есенин или Владимир Маяковский «гремели» не менее сильно, чем представители «синемы» Анна Стэн или Игорь Ильинский. Впрочем, тот же Маяковский и в кино снимался (в фильме «Барышня и хулиган»). А многие другие литераторы были связаны с кино посредством сценарной нивы.

Но вернемся к Мураше – Марианне Герасимовой.

Внешне она была суцая кинозвезда, вроде Анны Стэн – этакая золотоволосая красавица. Но внутренне была очень жесткой женщиной. Поэтому в ГПУ быстро двигалась по карьерной лестнице. Спустя всего пять лет после начала своей службы в нем – в 1928 году – она уже стала помощником начальника Информационного отдела. Того самого, где, по нашей версии, могла внештатно трудиться и Зоя Федорова. И, учитывая это, можно предположить, что Герасимова вполне могла опекать дочку бывшего начальника паспортного стола Кремля и посоветовала ей не зарывать в землю свой актерский талант и поступать в театральное училище. Произошло это в 1930 году – как раз тогда, когда Герасимова стала начальником 4-го отделения СПО, а оно занималось агентурно-оперативной работой в органах печати, театрах и т. п., среди артистов, литераторов, творческой интеллигенции. При этом Марианна пообещала молодой соискательнице помощь в преодолении любых препятствий на этом поприще, поскольку у нее в этой среде было очень много знакомых, начиная от двоюродного брата Сергея Герасимова и заканчивая другими режиссерами, а также актерами, операторами, сценаристами и т. д. Так Зоя Федорова стала студенткой училища при московском Театре Революции.

В хороших знакомых Герасимовой ходил сам Яков Агранов – с 1929 года начальник Секретно-политического отдела, который лично курировал творческую среду по линии ГПУ еще с начала двадцатых годов. И это именно он придумал в советских условиях создавать богемные салоны, которые функционировали под колпаком ГПУ. Такие салоны содержали, например, Лиля Брик (любовница В. Маяковского), Зинаида Райх (супруга В. Мейерхольда) и другие «светские львицы» того времени. Вот как об этом писал музыкант из вахтанговского театра Борис Елагин:

«...Московская четырехкомнатная квартира В. Э. Мейерхольда в Брюсовом переулке стала одним из самых шумных и модных салонов столицы, где на еженедельных вечеринках встречалась элита советского художественного и литературного мира с представителями правительственных и партийных кругов. Здесь можно было встретить Книппер-Чехову и Москвина, Маяковского и Сельвинского, знаменитых балерин и певцов из Большого театра, виднейших московских музыкантов, так же как и большевистских вождей всех рангов, за исключением, конечно, самого высшего. Луначарский, Карахан, Семашко, Енукидзе, Красин, Раскольников, командиры Красной армии с двумя, тремя и четырьмя ромбами в петлицах, самые главные чекисты: Ягода, Прокофьев, Агранов и другие – все бывали гостями на вечеринках у Всеволода Эмильевича. Веселые собрания устраивались на широкую ногу. Столы ломились от бутылок и блюд с самыми изысканными дорогими закусками, какие только можно было достать в Москве. В торжественных случаях подавали приглашенные из „Метрополя“ официанты, приезжали цыгане из арбатского подвала, и вечеринки затягивались до рассвета. В избранном обществе мейерхольдовских гостей можно было часто встретить „знатных иностранцев“ – корреспондентов западных газет, писателей, режиссеров, музыкантов, наезжавших в Москву в середине и в конце двадцатых годов.

Атмосфера царила весьма непринужденная, слегка фривольная, с густым налетом богемы, вполне в московском стиле времен нэпа. Заслуженные большевики, командиры и чекисты ухаживали за балеринами, а в конце вечеров – и за цыганками, иностранные корреспонденты и писатели закусывали водку зернистой икрой и вносили восторженные записи в свои блокноты о блестящем процветании нового коммунистического общества, пытаясь вызывать на разговор „по душам“ кремлевских комиссаров и лубяньских джентльменов с четырьмя ромбами на малиновых петлицах. Тут же плелись сети шпионажа и политических интриг.

Сейчас может создаться впечатление, что квартира Мейерхольда была выбрана руководителями советской тайной полиции в качестве одного из удобных мест, где с помощью всевозможных приятных средств, развязывающих языки и делающих податливыми самых осторожных и осмотрительных людей, можно было с большим успехом „ловить рыбку в мутной воде“...»

Но вернемся к Якову Агранову. Почему он вспомнился применительно к истории Зои Федоровой? Дело в том, что в 1921 году он по совместительству с работой в ВЧК был секретарем Малого Совнаркома. Там он познакомился с бывшим его председателем (1918–1920) Мечиславом Козловским (соратник Ф. Дзержинского), который был женат вторым браком на Софье Вахтанговой, сестре режиссера и актера Евгения Вахтангова. Благодаря этому Агранов стал вхож в театральную среду и знал не только Вахтангова, но и его учеников – например, Юрия Завадского, который в 1924 году открыл свою театральную студию, в которую в 1928 году и была принята Зоя Федорова. Принята, как принято считать, на основе творческого конкурса. Нисколько не умаляя ее актерского таланта, все же предположим, что и без постороннего вмешательства дело тут не обошлось. Если эта версия верна, то тогда осведомитель Зоя Федорова должна была из агентурного аппарата Информационного отдела перейти в агентурный аппарат Секретно-политического отдела, а именно – в штат агентов 4-го отделения (в СПО тогда было четыре отделения), которое занималось агентурно-оперативной работой в органах печати, театрах и т. п., среди артистов, литераторов, творческой интеллигенции. Кстати, начальником секретариата СПО была еще одна женщина-чекист – уже нам знакомая Анна Андреева.

Читаем у историка Э. Макаревича: «Агранов был уверен, что в стране, раздираемой противостоянием власти и некоторых социальных групп, в стране, где происходят мощнейшие политико-экономические сдвиги, необходимо постоянно знать настроение людей. Знать его среди рабочих и крестьян, интеллигенции и служащих, на заводах и фабриках, в колхозах и институтах, на рынках и в магазинах, в театрах и на улицах. Однажды он сказал на совещании: „Одно мнение – мнение, десять мнений – политическое настроение, наше или контрреволюционное. И мы это настроение должны знать, иначе мы не служба“.

Агранов считал, что есть два метода познания настроений – агентурный и „включенного“ наблюдения. Агентурный – значит, в каждой организации „свой“ человек, „агент“, а то и не один. Тогда информация перепроверяется. Он требовал умной и постоянной работы с каждым агентом. Но он же боготворил и принцип массовости. Часто повторял: „Агентура должна быть массовой“. Но там, где вал, – там меньше информации, больше слухов, искажений, откровенных доносов. Он это понимал, и все равно „массовый агент“ был для него священен. А „включенное“ наблюдение, по его разумению, предполагало, что сотрудники НКВД сами должны вращаться в кругах, представляющих интерес: наблюдать, заводить знакомства, „входить в душу“. Аграновская находка. Вспомним, как он пристрастно посещал литературно-театральные, богемные салоны.

На этих методах он воспитывал своих людей и создавал аппарат выяснения настроений и контроля за умами. Возглавив в марте 1931 года секретно-политический отдел НКВД, Агранов по своему разумению тотчас принялся за реорганизацию его. Правда, согласовав с вышестоящим начальником. Получилось просто и довольно эффективно. Всего четыре отделения. Первое занималось антисоветскими настроениями среди членов ВКП(б) и розыском приверженцев Троцкого. Объектами второго были бывшие члены политических и националистических партий (кадеты, меньшевики, эсеры, мусаватисты, дашнаки). Третье работало с религиозными деятелями, руководителями многочисленных сект, с бывшими чиновниками разных дореволюционных правительств, с бывшими чинами армии, полиции и жандармерии, с бывшими помещиками, фабрикантами, купцами, предпринимателями, нэпманами. А четвертое „наблюдало“ интеллигенцию и молодежь. Было и пятое, информационное, питавшееся и от своей сети, и от родственных отделений. Но о нем разговор особый.

Когда Агранов стал во главе секретно-политического отдела, он сразу же поставил вопрос об объединении с информационным отделом. Последний стал частью нового подразделения и превратился в мощную систему сбора политической и социально-экономической информации во всех слоях общества. В нем же накапливались и ждали своего часа сведения о партийных вождях, деятелях промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры. Сегодняшние историки поражаются уникальности обзоров политического и экономического состояния советского общества в конце двадцатых – начале тридцатых годов, родившихся под пером аналитиков аграновского отдела. Обзоры составлялись на основе систематических агентурных сводок с мест, содержали огромный фактический материал, представляли широкую панораму социальной, политической и экономической

жизни страны „по всему социальному срезу“. Продукцией Агранова пользовались ЦК партии, наркоматы и даже Госплан.

Свое знаменитое письмо „Головокружение от успехов“ о перегибах в коллективизации Сталин писал, озабоченный информацией ОГПУ. Столь впечатляюще убедительной она была, что подвигла вождя изъясниться с народом и партией стилем переживательным, строгим, публицистичным, но и аналитическим. А информация ОГПУ редактировалась Аграновым.

Когда в январе 1935 года отменили карточки и в стране началась свободная продажа хлеба, сотрудники НКВД совершали рейды по магазинам, проверяли ассортимент, цены, время торговли, качество хлеба, наличие очередей, собирали информацию о настроении населения. Рапорты с мест шли в Москву, в наркомат внутренних дел, оттуда – Сталину и Молотову. В первые дни свободной продажи хлеба сводки НКВД были чуть ли не почасовые. Они шли под грифом „совершенно секретно“ с пометкой „хлеб, доложить немедленной Штамп „должено“ говорил о том, что Сталин имел полную картину о ходе кампании в регионах, высказываниях людей в очередях, фамилиях работников торговли и хлебозаводов, виновных в плохом качестве хлеба, повышении цен, позднем открытии магазинов, рецидивах карточного распределения. Информация была детальной, вплоть до того, какой сорт хлеба отсутствовал в магазине № 5 Первомайского района или был ли хлеб черствым в магазине № 32 Ленинского района.

Агентурный метод получения информации о настроениях в обществе в тридцатые – сороковые годы в условиях сталинского тоталитаризма не только принимался в расчет для социально-политических и экономических решений, но и был положен в основу большинства политических процессов – от шахтинского дела в 1928 году до дела врачей в 1951 году. За репрессиями, социально-экономическими и политическими событиями тех лет стояли свои информаторы и их организаторы, действующие по схеме Агранова.

Он сумел собрать в своем отделе способных людей, настоящих профессионалов сыска. С ним хотели работать, он умел ладить и с соратниками, и с противниками. Удивительно, не только молодые, но и оперативники со стажем выходили из его кабинета с горящими глазами. Однако и задачи ставились масштабные: создание новых систем пополнения и поиска информации, накопление материалов на „политически чуждых“ персонажей; переход на единый карточный оперативный учет в отношении кулацких семей, главы коих уже репрессированы... и тех кулацких хозяйств, которые не были затронуты выселением; предотвращение „двурушничества и предательства со стороны агентуры. путем перекрытия одного агента другим, тщательной проверки агентурных сообщений“; изучение „всех фактов, указывающих на попытку тех или иных лиц“ среди литераторов и писателей „создать свою законченную систему политических и литературных взглядов“...»

В СПО было несколько отделений, каждое из которых отвечало за работу с определенными категориями советских граждан: оппозиционерами (троцкисты, меньшевики, эсеры и т. д.), церковными служителями, а также интеллигентами (ученые, литераторы, музыканты, художники, кинематографисты). Например, за кинематографистами надзидало 4-е отделение, а за литераторами – 5-е. Каждое отделение состояло из 10–15 человек, а на связи с ними могло быть более десятка осведомителей (в среднем 15–20), которые в своих учреждениях занимали различные должности – от начальственных до рядовых. Была еще и ценная агентура, которая была на связи только у начальника отдела и его заместителя. Например, известные советские кинорежиссеры, авторы знаменитых блокбастеров, входили в категорию таких ценных агентов. Их берегли как зеницу ока, с них сдували пылинки и многое им позволяли, в отличие от рядовой агентуры. Например, можно предположить, что «особые» отношения с ГПУ могли быть у выдающегося режиссера Сергея Эйзенштейна, который, по одной из версий, был гомосексуалистом.

Вероятная связь режиссера с органами могла начаться еще до того, как он связал свою жизнь с кинематографом, – в годы гражданской войны. В 1918 году двадцатилетний Эйзенштейн вступил в Красную армию и разъезжает и живет в агитпоездах по северо-востоку России. Почти два года разъезжая с эшелонам,

Эйзенштейн побывал также в Холме, Великих Луках, Полоцке, Смоленске, Минске, а также в Витебске проездом. Это путешествие могло быть как агитационным, так и разведывательным.

В 1920 году, во время советско-польской войны, будучи на Минском фронте, Эйзенштейн познакомился с преподавателем японского языка. Новый язык понравился ему, и он с головой окунулся в его изучение. А после подписания мирного договора с Польшей Эйзенштейн поехал в Москву с намерением поступить в Академию генерального штаба и стать переводчиком. А в последних в те годы очень нуждались разведывательные органы молодой Советской Республики.

Идем дальше. В городе Эйзенштейн поселился в одной комнате с Максимом Штраухом – тем самым, который впоследствии станет знаменитым актером, сыгравшим роль Ленина. Штраух был давним другом Эйзенштейна – они знакомы еще с шестилетнего возраста. А в те годы Штраух работал на секретном участке – был фельдегерем 1-й степени, который развозил секретную почту (в том числе и письма председателя Совнаркома В. И. Ленина). Читаем в тогдашнем Положении о Службе внешней связи:

«Служащие Службы внешней связи именуется фельдъегерями и делятся на две категории, на 1-ю и 2-ю. Фельдъегерь 1-й категории обязан знать хотя бы один из иностранных языков (французский, немецкий, английский). Фельдъегеря предназначаются для доставки внутри республики и за границу важнейших бумаг, посылок и денежных сумм. Они наряжаются также по особым распоряжениям на дежурства при высших должностных лицах военного управления...».

Впрочем, о М. Штраухе у нас еще будет подробный разговор чуть позже, а пока вернемся к Эйзенштейну.

Можно предположить, что его проживание под одной крышей со Штраухом объяснялось не только детской дружбой, но и иными причинами. И дело тут не в нетрадиционной ориентации обоих (Штраух был натуралом – у него была жена Юдифь Глизер, балерина), а в их работе на спецслужбы сначала РККА, а затем и ГПУ. И приход обоим в искусство сразу после гражданской войны мог объясняться тем же – они не только реализовывали свой талант, но и выполняли деликатные поручения спецслужб, которые были заинтересованы в том, чтобы держать под контролем (и направлять его) нарождающееся в Советской Республике искусство. Как мы знаем, у Эйзенштейна это получалось просто замечательно. Он снял шедевральный фильм «Броненосец „Потемкин“» (1926), который навел «шороху» не только у нас, но и на Западе. Например, в Берлине, где тогда сосредоточилась значительная часть русской эмиграции, он произвел эффект разорвавшейся бомбы. Это была такая мощная «агитка», которая буквально потрясла публику. По сути, Эйзенштейн заново переписывал историю на советский лад, являясь ярким апологетом новой власти. Как писала после премьеры фильма в берлинском кинотеатре «Аполло» (26 марта 1926 года) одна из местных газет: «Страшная картина. Всякий ствол винтовки направляется в человека, залпы, лица в предсмертной тоске, кровь, дула пушек и сколько трупов (уже после немецкой цензуры, которая много вырезала)! Основная тема – убийство, воплощенное в кинематографическую сенсацию. Эта сенсация, повторяющаяся, длительная, сделана безусловно талантливо, как-то особенно напористо. Дробя ее картину, он, как из пулемета, стреляет по зрителю. Своей манерой, как ни один другой режиссер, Эйзенштейн насилует зрителя. Не дает ему отдыха, искусственно владея вниманием, он злоупотребляет своим умением. Это утомляет. К концу кажется – притупляется, слабеет лента».

Кстати, накануне этого показа в Берлин приезжал сам Эйзенштейн и оператор фильма Эдуард Тиссэ. Тоже весьма выдающаяся и интересная личность в свете темы нашего рассказа. Тиссэ был латышом, а люди этой национальности очень активно участвовали в Октябрьской революции и гражданской войне, стояли у истоков создания ВЧК. И у Тиссэ было много друзей среди чекистов, начиная от Мартина Лациса, с которым они вместе воевали на Восточном фронте против белогвардейцев и чехословаков (Тиссэ тогда был начальником штаба Партизанской Красной армии, а Лацис – председателем ЧК и Военного трибунала 5-й армии Восточного фронта), и заканчивая Яковом Петерсом (он тогда был первым в истории ВЧК секретарем ее парторганизации). Кстати, именно с именем Петерса связывают формирование образа «латышского лица» ВЧК, поскольку именно он, став

вторым лицом в ведомстве (первым был Феликс Дзержинский), начал массово привлекать земляков-латышей на работу в «чрезвычайку». И Эдуарду Тиссэ, уроженцу Либавы (а Петерс жил там в 1904–1907 годах и даже вступил там в Латвийскую социал-демократическую рабочую партию), тоже предлагали, но он с юности любил операторское искусство, поэтому ушел в кинематограф. Но связей с земляками-чекистами не прерывал, что благотворно сказывалось на его карьерном росте, а также на выезде за рубеж. Ведь в 1931–1932 годах он вместе с Сергеем Эйзенштейном и Григорием Александровым был за границей в связи с изучением техники звукового кино и съемками фильма «Да здравствует Мексика!». А эта страна уже тогда привлекала к себе внимание чекистов, как удобный плацдарм для деятельности в Латинской Америке. Поэтому не случайно убийство Троцкого в 1940 году пройдет без сучка и задоринки именно в Мексике.

Кроме того, эта троица посетила Голливуд, что тоже можно рассматривать как разведывательную деятельность – пусть и творческую. Это было трио разведчиков, которые должны были разведать ситуацию в Голливуде с тем, чтобы перенести его опыт на советскую почву. В те годы почти все зарубежные экспедиции были либо плодами деятельности ГПУ, либо им курировались. Например, знаменитая экспедиция на Тибет Рерихов – Николая, Юрия и Елены (опять троица!). Благодаря той киношной разведке у нас появился «свой Голливуд»: мюзикл «Веселые ребята» и актриса Любовь Орлова, больше напоминавшая звезду Голливуда.

Но вернемся к Эйзенштейну.

Итак, он, по одной из версий, был гомосексуалистом, что в двадцатые годы еще не каралось законом в СССР. Более того, к таким людям относились более-менее благосклонно. Так, в послереволюционной реформе законодательства преследование гомосексуального поведения, присутствовавшее в Уголовном Уложении царской России, было отменено: в УК РСФСР 1922 года соответствующая статья отсутствовала, в 1920-х статьи об ответственности за мужеложство удалялись из УК кавказских и среднеазиатских республик.

Однако в 1926 году вышел новый Уголовный кодекс РСФСР (стал применяться с января 1927 года), где появилась статья 154а, в которой было записано: «Половое сношение мужчины с мужчиной (мужеложство) – лишение свободы на срок от трех до пяти лет.

Мужеложство, совершенное с применением насилия или с использованием зависимого положения потерпевшего, – лишение свободы на срок от пяти до восьми лет».

Однако на деле эта статья тогда почти не применялась. И в 1926 году по приглашению советского правительства© СССР посетил Магнус Хиршфельд, гей-эмансипатор и основатель Всемирной лиги сексуальных реформ (это ее упоминает Остап Бендер в «Золотом теленке»), после чего в 1928 году на копенгагенском конгрессе Institut for Sexualwissenschaft было объявлено об основании Лиги и СССР приводился в качестве образца секс-терпимости.

Однако после сворачивания нэпа ситуация резко изменилась. И 7 марта 1934 года уголовная ответственность за мужеложство была ужесточена: теперь оно относилось к преступлениям против личности и наказывалось лишением свободы сроком до пяти лет, а при отягчающих вину обстоятельствах (например, при совершении мужеложства с несовершеннолетними) – на срок до восьми лет.

Этот закон дал дополнительные возможности советским спецслужбам по вербовке агентуры среди гомосексуалистов. Причем как среди прежних агентов, так и среди новых, которых этой статьей УК можно было «припереть к стенке». А среди советской элиты (в том числе и среди интеллигенции) «голубых» хватало. Например, тот же С. Эйзенштейн или В. Мейерхольд (хотя у последнего была жена – Зинаида Райх) и т. д.

Но вернемся на некоторое время назад – в двадцатые годы.

Секретные агенты спецслужб регулярно составляли агентурные донесения, которые потом ложились в основу агентурных сводок, попадавших на столы начальников отделений, а те затем отсылали их начальнику СПО. Вот пример одного из таких документов (реконструкция).

Сводка Секретного отдела ОГПУ № 93:

«Фильм „Друзья совести“, снятый режиссером Константином Эггертом на фабрике „Межрабпомфильм“, рассказывает о революционной борьбе горняков Рура в Германии в 1920 году. Однако эта тема в фильме раскрывается неправильно. Режиссер Эггерт дал в общем пессимистическую оценку борьбы пролетариата и снял фильм в формалистической манере, которая недоступна широкому советскому зрителю.

По отзывам сотрудников „Межрабпомфильма“, режиссер Эггерт придерживается формалистических взглядов и посещает квартиру режиссера В. Мейерхольда и З. Райх в Брюсовом переулке, где собирается театрально-кинематографическая богема. Некоторые из посетителей этой квартиры-салона позволяют себе антиобщественные высказывания...

14 сентября 1932 года».

Забегая вперед, отметим, что К. Эггерт снимет еще четыре фильма: «Штурм» (1932; документальный), «Настенька Устинова» (1934), «Настоящий парень» (1934; короткометражный), «Гобсек» (1936).

В 1938 году режиссер будет выслан из Москвы и в 1938-1946 годах станет главным режиссером Театра музыкальной драмы и комедии в городе Ухта. Затем он будет работать актером и режиссером Пензенского театра им. А. В. Луначарского, Одесской киностудии, Новосибирской киностудии научно-популярных фильмов. Уйдет из жизни в 1955 году.

И снова вернемся к героине нашего рассказа – Зое Федоровой.

В студии Завадского она проучилась всего два года (1928-1930). После чего студию временно закрыли, и ей пришлось искать приложения своих актерских талантов в других творческих вузах. В итоге в 1930 году она поступила в училище при Театре революции (в будущем Театр имени Маяковского). Это заведение в те годы было очень популярно у публики, в нем тогда играли многие будущие звезды советского театра и кино: Мария Бабанова (1922–1983), Владимир Белокуров (1924–1936), Михаил Астангов (1925–1927, 1930–1941), Владимир Дорофеев (1925–1931), Нина Тер-Осипян (1925-2002), Борис Бибииков (1927–1934), Алексей Дикий (1927-1928, с 1930), Георгий Милляр (1927–1938), Елена Тяпкина (1927–1931, 1943–1949), Ольга Пыжова (1928–1938), Павел Павленко (1930–1932), Максим Штраух (1932–1950, 1958–1974) и др. Федорова ходила на все спектакли театра, мечтая, что вскоре и сама будет играть на его сцене большие роли. Ведь студентам училища приходилось быть занятыми в его спектаклях, но в основном в массовке.

Кумиром Федоровой (как и многих других столичных театралов) была прима этого театра Мария Бабанова, блиставшая в ролях Гоги («Человек с портфелем»), Анки («Поэма о топоре»), Джульетты («Ромео и Джульетта»), Дианы («Собака на сене»), Тани («Таня»), Ларисы («Бесприданница») и др.

Если мы исходим из того, что героиня нашей книги была агентом ОГПУ, то ее поступление в театральное училище объяснялось не только ее личным желанием, но и оперативной необходимостью ее чекистских кураторов. Ведь время тогда было переломное. Только что был свернут нэп, и контроль ОГПУ над обществом становился всеобъемлющим. И Лубянка по-прежнему была заинтересована в том, чтобы во всех сферах жизнедеятельности этого общества у нее были свои люди – агенты. И это не было паранойей чекистского ведомства. Ведь после сворачивания нэпа и постепенного разворота кремлевских верхов от идеи мировой

революции к построению социализма в одной конкретной стране – в СССР – происки врагов (как внутренних, так и внешних) должны были только усилиться. А чтобы бороться с ними, ОГПУ нужна была исчерпывающая информация, предоставить которую могла именно разветвленная агентурная сеть. Не случайно в те годы свет увидели сразу несколько методических чекистских пособий, касающихся именно агентурной работы. Одна из них – «Методика чекработы. Агентура» (1931), которая стала учебным пособием для новой поросли чекистских кадров. Кстати, о последних.

Профессиональные чекистские кадры в двадцатые годы готовились на базе Высшей пограничной школы и Школы по переподготовке работников внутренних органов (ШПП) ОГПУ, где обучались будущие сотрудники СО, ЭКО и ИНФО ОГПУ СССР. Азы агентурной работы они постигали благодаря таким пособиям, как «Канва агентурной разведки» (1921), «Техника контрразведывательной службы» (1925).

Между тем изменения в политической и оперативной обстановке в стране в конце двадцатых – начале тридцатых годов, а также нехватка чекистских кадров в территориальных органах ОГПУ и невозможность подготовить их в ШПП поставили вопрос о создании нового, куда более многопрофильного учебного заведения. В итоге в 1930 году Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение о направлении на учебу с последующим зачислением на службу в органы госбезопасности 1000 передовых рабочих-производственников. В связи с этим 29 мая 1930 года издается приказ о формировании в Москве школы по подготовке и переподготовке чекистских кадров, которая с 4 июня 1930 года именуется Центральной школой (ЦШ) ОГПУ. После чего ШПП расформировывается и все ее имущество и инвентарь передаются в Центральную школу ОГПУ.

Подготовка слушателей заключалась не только в приобретении знаний, умений и навыков оперативной деятельности. Высокие требования предъявлялись к военной подготовке и физической закалке обучаемых, которые шлифовались в подмосковном лагере «Динамо» в Мытищах. Там проводились занятия по стрельбе, тактике оперативно-боевой работы, изучению топографии и военной техники. Сборы завершались проведением двухдневной военной операции, организованной для каждой учебной группы.

Центральная школа ОГПУ просуществовала до 1935 года и подготовит и переподготовит более пяти тысяч сотрудников.

Могла ли Зоя Федорова иметь отношение к этой школе? Почему бы и нет, учитывая, что обучение там было разным – как продолжительным, так и краткосрочным (нечто вроде ускоренных курсов). Однако главным местом приложения сил для Зои в те годы все же было театральное училище, куда она поступила одновременно с созданием ЦШ ОГПУ – летом 1930 года. Причем она успевала не только учиться, но и... крутить романы. Ведь именно тогда Зоя впервые вышла замуж. Супругом девушки стал ее однокурсник Леонид Вейцлер (1906) – человек настолько деликатный и интеллигентный, что Федорова порой чувствовала себя с ним. неловко. Она-то сама была девушкой задиристой, за словом в карман никогда не лезла и над интеллигентными манерами своего супруга частенько иронизировала. Может быть, поэтому их брак и просуществовал недолго – чуть больше года, не оставив какого-либо следа в их судьбах. Во всяком случае, Федорова о нем почти не вспоминала, видимо, считая ошибкой молодости.

Иное дело ее второй брак (причем опять с евреем) – с оператором Владимиром Рапопортом из Ленинграда. Кто такой Рапопорт? Он было на два года старше Федоровой – родился в 1907 году в Витебске в бедной еврейской семье. Как и большинство российских евреев, имел мало шансов достичь чего-то большего, но в октябре 1917 года в стране грянула социалистическая революция, которая открыла перед российскими евреями огромные перспективы. С них была снята черта оседлости, которая позволила им переселяться в большие города. В итоге Рапопорт, окончив школу в 1924 году, оказался в Ленинграде. Отметим, что если в 1917 году евреев в городе было около 50 тысяч, то десять лет спустя их стало около 94 тысяч (6,2 % всего населения города). Среди них был и Владимир Рапопорт.

Поскольку значительное число евреев тогда подвизалось работать в кинематографе, Рапопорт направил свои стопы в эту же сферу – он поступил в Ленинградский государственный фотокинотехникум. Закончив его в 1929 году, стал работать помощником оператора на разных киностудиях. А в начале тридцатых пришел на фабрику «Союзкино» (с 1934 года – «Ленфильм»). И уже в 1931 году Рапопорт снял свой первый фильм – «Златые горы». Правда, не один, а в тандеме с более опытным оператором Жозефом Мартовым (1900; начиная с 1929 года это была его уже четвертая картина). Режиссером фильма был опять же еврей – Сергей Юткевич.

Зоя Федорова познакомилась с Рапопортом на его второй картине – «Встречный». Причем делала фильм все та же троица Юткевич – Мартов – Рапопорт, а также еще один оператор-еврей – Александр Гинцбург. На календаре была весна 1932 года – именно тогда начались съемки этого фильма, которому суждено будет стать классикой советского кино (от него ведется отсчет социалистического реализма в советской кинематографии). Речь в нем шла о годах первой пятилетки, когда коллектив одного из ленинградских заводов выдвинул встречный план, согласно которому завод должен выпустить новую мощную турбину. Федоровой досталась крохотная роль жены рабочего Яшки Чуточкина, роль которого исполнял Яков Гудкин (1905). Это был уже маститый актер, на счету которого с 1923 года было уже 18 фильмов. Но внешне он был не во вкусе Федоровой. Да и киношный опыт его не играл для нее большого значения. Другое дело оператор Рапопорт, который и внешне был ей симпатичен, да и на площадке вел себя как полноправный хозяин, что ясно указывало на то, что у этого человека есть все задатки для карьерного роста. А тут еще и сам Рапопорт, будучи в активном поиске своей дамы сердца, обратил внимание на симпатичную и задорную москвичку, которая произвела на него впечатление своей непосредственностью. Короче, между ними вспыхнул роман, который имел продолжение и после окончания съемок (они закончились поздним летом, а 7 ноября 1932 года «Встречный» уже вышел на широкий экран). Правда, было одно большое препятствие – оператор жил в Ленинграде, куда каждый день не наездишься. А переезжать к нему из горячо любимой Москвы Зое не хотелось. Тем более что учеба в училище при Театре революции дошла лишь до своей середины. Короче, влюбленные вынуждены были на протяжении двух лет жить на два города.

Ранним летом 1934 года Федорова окончила училище при Театре революции и была зачислена в его штат. Он тогда пополнился целой группой исполнителей, среди которых были: Марк Бернес (1933–1935), Иван Переверзев (1933–1939), Клавдия Половикова (1934–1936, 1942–1959), Алексей Чернов (1934–1935), Иван Рыжов (1935–1940). Театр тогда возглавлял Алексей Попов (с 1931 года), который, по-своему претворяя опыт К. С. Станиславского и Е. Б. Вахтангова, выдвинул концепцию современного «актера-мыслителя», чье творчество одушевлено «волнением от мысли». Однако в сонме этих актеров места Зое Федоровой не находилось – с ее курносым лицом она играла лишь незначительные роли. Даже кино, в котором появился звук, не обращало на нее никакого внимания. Но однажды...

Взлет карьеры героини нашего рассказа начался в 1933 году со случайной, казалось бы, встречи за кулисами Театра революции, где Федорова, будучи студенткой, играла в массовке. Именно там на нее якобы натолкнулся молодой режиссер Игорь Савченко (1906). Он в 1929–1932 годах был актером и режиссером Бакинского театра рабочей молодежи, после чего переехал в Москву, где стал главным режиссером Московского театра рабочей молодежи (с 1938 года – имени Ленинского комсомола). Параллельно работе в этом театре Савченко стал работать и в кино. Впрочем, это началось еще в Азербайджане, где он снял два фильма. Правда, оба были короткометражными. А в Москве Савченко было доверено снять полнометражное кино – музыкальный фильм «Гармонь» по одноименной поэме комсомольского поэта А. Жарова, в котором он и пригласил сняться Федорову. На что та ответила: «Я же курносая!». «Именно из-за этого я тебя и беру», – ответил режиссер. О чем было это кино? По сюжету, веселый деревенский гармонист Тимошка (актер Петр Савин) избран секретарем комсомольской ячейки. Он перестает музицировать и принимается наводить порядок в селе. Однако без песен обостряется классовая борьба. Дело доходит до драки. И тогда Тимошка снова берет в руки гармонь.

Зое Федоровой в этом фильме предстояло исполнить главную женскую роль – деревенскую девушку Марусеньку, влюбленную в Тимошку. Это была ее первая большая роль в кино, которую она, как явствует из предыдущего текста, получила случайно. Ведь не встретиться ей за кулисами Савченко, и на роль Маруси была бы взята другая актриса. В кино так часто бывает – когда его величество случай резко меняет траекторию актерской судьбы. Но зададимся вопросом: а действительно ли это был случай? А что, если дело здесь не только в актрисе Зое Федоровой, но и в агенте «Зефире»?

Дело в том, что съемки фильма начались летом 1933 года. В то самое время, когда к власти в Германии (в январе) пришел Адольф Гитлер и начался новый этап во взаимоотношениях СССР и Германии – путь к войне. А ведь до этого (с начала двадцатых) между СССР и Германией были вполне добрососедские отношения, и они считались союзниками. Напомним, что после Первой мировой войны Германия и Россия считались сторонами потерпевшими и на этой почве сблизились. Сближение шло по линии экономики (торговля), военного дела (обмен технологиями), разведок (обмен информацией) и т. д. Но после прихода к власти Гитлера в этой дружбе появились первые трещины, которые потом только разрастались. Читаем у Оскара Райле:

«До 1933 года абвер не вел какой-либо планомерной разведки в Советском Союзе. Правда, если появлялась благоприятная возможность получения сведений из районов по ту сторону Польши, то ею пользовались... Приход к власти национал-социалистов одним махом изменил ситуацию. Прежние источники информации в Советском Союзе исчезли, и наступил полный информационный вакуум.

Гитлер уже через несколько недель после того, как стал рейхсканцлером, отдал абверу распоряжение начать разведку в Советском Союзе всеми имеющимися силами и средствами (этим в основном занимался Абвер-1, ведавший закордонной разведкой. – Ф. Р). Факт этот в контексте общей оценки Гитлера представляется значительным, поскольку вначале он запретил абверу вести активную разведывательную деятельность против Великобритании и некоторых других стран.

Итак, в 1933 году абвер приступил к планомерной разведывательной деятельности против Советского Союза...».

Вот еще один текст о том же:

«С целью шпионажа в Советский Союз планомерно засылались кадровые сотрудники, тайные агенты и доверенные лица абвера и СД, для проникновения которых в нашу страну использовались интенсивно развивавшиеся в те годы экономические, торговые, хозяйственные и культурные связи между СССР и Германией. С их помощью решались такие важные задачи, как сбор сведений о военно-экономическом потенциале СССР, в частности об оборонной промышленности (мощность, районирование, узкие места), об индустрии в целом, отдельных ее крупных центрах, энергетических системах, путях сообщения, источниках промышленного сырья и т. д. Особой активностью отличались представители деловых кругов, которые нередко наряду со сбором разведывательной информации выполняли поручения по налаживанию связи на советской территории с агентами, которых немецкой разведке удалось завербовать в период активного функционирования в нашей стране немецких концернов и фирм.

Придавая важное значение использованию в разведывательной работе против СССР легальных возможностей и всячески добиваясь их расширения, и абвер, и СД вместе с тем исходили из того, что получаемая таким путем информация в преобладающей своей части не способна служить достаточной базой для разработки конкретных планов, принятия правильных решений в военно-политической области. Да и основываясь только на такой информации, считали они, трудно составить достоверное и сколько-нибудь полное представление о завтрашнем военном противнике, его силах и резервах. Чтобы восполнить пробел, абвер и СД, как это подтверждается многими документами, делают попытки активизировать работу против нашей страны нелегальным путем, стремясь к приобретению секретных источников внутри страны или засылке тайных агентов из-за кордона в расчете на их оседание в СССР... Специалисты-документальщики из секретных служб фашистской Германии еще

задолго до начала войны против СССР скрупулезно следили за всеми изменениями в порядке оформления и выдачи личных документов советских граждан. Они проявляли повышенный интерес к выяснению системы защиты воинских документов от подделок, пытаясь установить порядок применения условных секретных знаков...».

В своих действия на нашей территории Абвер-1 и СД опирались на разветвленную сеть агентуры, которую тот же абвер сумел занять здесь еще со второй половины двадцатых – в период тесных торгово-экономических и культурных связей между СССР и Германией. Немецкие шпионы работали в советских государственных и правительственных учреждениях, больницах, школах, спортивных организациях, филармониях и киностудиях. Среди последних – «Межрабпомфильм», который, как мы помним, был совместным советско-германским предприятием. Отметим, что до этого таковым считалась и кинокомпания «Дерусса» («Derussa»). Но в сентябре 1929 года она объявила о своем банкротстве, и после ее ликвидации функции проката советских фильмов в Германии и Европе были переданы фирме «Прометеус» («Prometheus») – дочернему предприятию «Межрабпомфильма», входившему в трест Вилли Мюнценберга. Кто это такой? Вот что о нем пишет Википедия:

«Родился в Эрфурте в августе 1889 года в семье хозяина кабака. В молодости вступил в Социал-демократическую партию Германии. В 1914 вошел в радикальное меньшинство СДПГ, выступавшее против войны и образовавшее Независимую СДПГ. В апреле 1915 года на Бернской международной социалистической конференции молодежи был избран генеральным секретарем Международного секретариата молодежи. Во время войны часто встречался с Лениным в Швейцарии.

В начале 1920 организовал Международный фонд помощи рабочим, официально собиравший деньги для помощи голодающим Поволжья, но кроме того ведший крупную коммерческую деятельность. „Межрабпом“ („Международная рабочая помощь“) владел собственными киностудиями, в том числе крупнейшей советской киностудией „Межрабпом-Русь“ (с 1928 года – „Межрабпомфильм“), десятками журналов и газет по всему миру. „Трест Мюнценберга“ приносил хорошую прибыль. Самого Мюнценберга называли „красным миллионером“ и отмечали, что жить он привык стильно. В 1924 году Мюнценберг был избран депутатом рейхстага от Германской коммунистической партии...»

Итак, киностудия «Межрабпомфильм» была советским ответвлением треста Мюнценберга, который, судя по всему, был агентом ГПУ. И первым проектом этой «ветви» стал фильм «Потомок Чингисхана» (1928) Всеволода Пудовкина. Среди других знаменитых картин этой киностудии следует назвать такие: «Праздник святого Йоргена» (1930), «Путевка в жизнь» (1931; первый звуковой советский фильм), «Окраина» (1933), «Великий утешитель» (1933).

Учитывая международную специфику этого кинопредприятия, легко предположить, что оно было предметом пристального внимания к себе спецслужб – как советских, так и германских. Ведь, снимая здесь свои фильмы, советские режиссеры были ориентированы на западноевропейский рынок, а немецкие – на советский. При этом значительная часть денег от этих проектов шла в казну Коминтерна – то есть на поддержку коммунистического движения по всему миру. Поэтому в числе сотрудников «Межрабпомфильма» наверняка имелись агенты и абвера, и НКВД: одни собирали разного рода информацию о ситуации в СССР (в том числе и о финансовой подпитке Коминтерна), другие этих сборщиков пытались выявить и разоблачить. Именно в целях выявления такого рода шпионов на «Межрабпомфильм» и могла быть послана Зоя Федорова. Снимаясь в «Гармони» (натурные съемки проходили в Подмоскovie, а павильонные – в стенах кинофабрики по адресу Ленинградское шоссе, дом 44/2), агент «Зефир» должна была чутко прислушиваться к разговорам, которые вели между собой члены съемочной группы, а также гости, посещавшие съемочную площадку. Среди последних, кстати, были немецкие бизнесмены, а также дипломаты, которые иногда приезжали на кинофабрику из посольства Германии в Чистом переулке (в 1943 году это здание Сталин передаст Патриархии).

Если исходить из этой версии, то «Зефир», числясь в агентах СПО, на время операции должен был выполнять приказы и Особого отдела (гражданская и военная контрразведка, начальник М. Гай). 1-е отделение ОО занималось борьбой со шпионажем западных стран, наблюдением за иностранными посольствами, консульствами, представительствами и их связями, национальными колониями в СССР. Начальником отделения был А. М. Шанин, близкий к наркому Генриху Ягоде человек, до этого работавший в Административно-организационном управлении ОГПУ.

Что касается самого «Межрабпомфильма», то его в тот самый период, когда там снималась Федорова, возглавлял венгерский интернационалист Ференц Патаки, который одно время служил в ВЧК (а бывших чекистов, как мы помним, не бывает). Патаки был участником 1-й мировой войны – служил в Венгерской армии. В 1915–1918 годах находился в русском плену. Затем попал к красным и одно время даже находился в тюрьме у Колчака, где военно-полевой суд чехословацкого корпуса приговорил его к расстрелу. Но Патаки чудом избежал казни. И в 1920–1922 годах он работал в органах ВЧК и даже был начальником войск ГПУ Республики (1923). После чего он работает в Туркестане по восстановлению и созданию текстильного производства, учится на экономическом факультете Среднеазиатского госуниверситета. А в 1924–1927 годах Патаки трудится на посту председателя ревизионной комиссии ВСНХ СССР. Это то самое время, когда чекисты (бывшие и действующие) работали в ВСНХ под началом самого Дзержинского.

В начале тридцатых Патаки переходит на работу в большой кинематограф. В 1931 году он занимает кресло управляющего Мособлтрестом «Совкино», а в 1933-м сменяет К. Шведчикова на посту директора треста «Совкино». Затем он работает управляющим «Союзэкрана». В 1934–1936 годах Патаки – замдиректора общества «Межрабпомфильм». А еще с двадцатых годов повелось, что чекисты обычно занимали должности замдиректора, хотя по многим вопросам были главнее своих начальников.

Реконструкция (художественная версия)

Зоя зашла в кондитерский магазин на углу Армянского переулка и купила себе коробку любимого зефира. Здесь же, в магазине, она открыла пачку, достала оттуда мягкую, как вата, белоснежную зефирину и с удовольствием ее надкусила. После чего спрятала коробку в сумочку и вышла на улицу, держа зефирину в руке. Теперь ей предстоял путь до конспиративной квартиры в Старосадском переулке, который начинался на противоположной стороне от того самого угла, где располагался кондитерский магазин. Идти до квартиры было минут пять, поэтому Зоя и «вооружилась» сладостью, чтобы та скрасила тот путь, который ей предстояло преодолеть.

Квартира располагалась в доме, который стоял на противоположной стороне от школы № 329 (в 1938 году в ней разместят Историческую библиотеку). Войдя в подъезд и поднявшись на третий этаж, Зоя нажала на кнопку звонка нужной ей квартиры. Дверь открыл невысокий мужчина, в котором гостя узнала... Яна Карловича – того самого чекиста, который вербовал ее в 1927 году. Увидев его, она опешила – в последний раз они виделись спустя год после их первой встречи, когда Ян Карлович беседовал с ней по поводу ее желания уйти из Госстраха в студию Юрия Завадского. После этого, как узнала чуть позже Зоя, ее вербовщик ушел на повышение, и встретить его снова она никак не предполагала. А вышло вон как – он опять объявился на ее жизненном пути. И, судя по всему, не случайно.

– Очень рад вас видеть, Зоя Алексеевна, – пропуская гостью в коридор и закрывая за ней дверь, произнес чекист. – А вы за эти годы изменились.

– В какую сторону? – спросила Зоя, прекрасно зная, что она услышит.

– Полагаю, что мой ответ вас не удивит – естественно, в лучшую, – и чекист жестом пригласил ее проследовать в гостиную.

Там хозяин галантно подвинул Зое мягкое кресло, а сам расположился напротив на кожаном диване. Усаживаясь, она заметила, что на столе стоят кофейник и две вазочки – в одной лежало печенье «Эйнем», а в другой... ее любимый моссельпромовский зефир, купленный, судя по всему, в том же угловом магазине возле Армянского переуллка.

– С чего начнем, Зоя Алексеевна – со сладкого или?..

– или, – ответила гостья и, раскрыв сумочку, показала уголок коробки, где лежал зефир.

По губам хозяина пробежала улыбка – та самая, которую Зоя запомнила по их первой встрече на Лубянке.

– Судя по тому, как вы удивились, увидев меня в дверях, я должен объяснить вам, почему на сегодняшнюю встречу пришел ваш покорный слуга. Дело в том, что я теперь работаю в контрразведке на немецком направлении, а вас угораздило попасть в картину, которая будет сниматься на «Межрабпом-фильме».

Услышав это, Зоя сразу поняла, о чем именно идет речь – о ее вызове на съемки фильма «Гармонь».

– Но меня еще не утвердили на роль, – напомнила она своему собеседнику весьма существенный факт.

– Не сомневайтесь, вас утвердят, – голосом, полным уверенности, произнес Ян Карлович. – Поэтому у меня к вам просьба, Зоя Алексеевна: помочь нам в нашей работе.

– Я помогаю вам с двадцать седьмого года.

– Ну, тогда вы были юны и неопытны. А сегодня вас можно назвать одним из лучших наших агентов, которому можно доверить любое, даже самое сложное задание.

– Съемки в «Гармони» из их числа?

– Именно, иначе я бы здесь не появился. Кинофабрика советско-германская, и на ней работает множество людей, имеющих либо прямые, либо косвенные связи с немцами – как советскими, так и с теми, кто проживает непосредственно в Германии. А с этой страной у нас с недавнего времени наметилась некоторая напряженность в отношениях. Я полагаю, вы понимаете, о чем идет речь?

– О Гитлере? – догадалась Зоя.

– Сразу видно, что газеты вы читаете, – снова улыбнулся чекист.

– Я действительно их читаю, однако... – здесь Зоя запнулась, не уверенная в том, следует ли начинать разговор на эту тему.

– Что же вы замолчали, Зоя Алексеевна? – тут же отреагировал на ее запинку Ян Карлович. – Впрочем, я понимаю, ваше смущение. Вы, видимо, не слишком уверены в том, что приход к власти этого человека может иметь далеко идущие последствия для нашей страны. Я угадал?

– Вот именно, – согласилась с чекистом Зоя. – Мы с Германией всегда дружили, и зачем теперь Гитлеру с нами ссориться?

– А вы что-нибудь слышали про его книгу «Майн кампф» – «Моя борьба» по-русски?

– В первый раз слышу, – честно призналась Зоя.

– Странно, поскольку ее первый том вышел в Германии восемь лет назад, и у нас об этом писали.

– Значит, я это пропустила.

– В таком случае я не зря взял ее сегодня с собой. Как будто чувствовал, что она мне понадобится.

Сказав это, Ян Карлович достал из своего кожаного портфеля, лежавшего на том же диване слева от него, увесистую книгу в темном переплете. Зоя обратила внимание на то, что ее название написано на немецком языке – значит, это был оригинал и ее собеседник прекрасно владел его языком.

Открыв книгу на нужной странице, чекист снова устремил свой взор на собеседницу:

– Я прочитаю вам парочку отрывков, а вы сами сделаете нужные выводы. Договорились?

И, не дожидаясь ответа, Ян Карлович принялся читать:

– «...Ясно, что политику завоевания новых земель Германия могла бы проводить только внутри Европы. Колонии не могут служить этой цели, поскольку они не приспособлены к очень густому заселению их европейцами. В XIX столетии мирным путем уже нельзя было получить таких колониальных владений. Такие колонии можно было получить только ценой очень тяжелой борьбы. Но если уж борьба неминуема, то гораздо лучше воевать не за отдаленные колонии, а за земли, расположенные на нашем собственном континенте. Такое решение конечно можно принять только при наличии полного единодушия. Нельзя приступать с колебаниями, нельзя браться лишь наполовину за такую задачу, проведение которой требует напряжения всех сил. Такое решение надо принимать лишь тогда, когда все политические руководители страны вполне единодушны. Каждый наш шаг должен быть продиктован исключительно сознанием необходимости этой великой задачи. Необходимо отдать себе полный отчет в том, что достигнуть этой цели можно только силой оружия, и, поняв это, спокойно и хладнокровно идти навстречу неизбежному. Только с этой точки зрения нам надо было оценивать в свое время степень пригодности всех тех союзов, которые заключала Германия. Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, мы могли получить их в общем и целом только за счет России. В этом случае мы должны были, препоясавши чресла, двинуться по той же дороге, по которой некогда шли рыцари наших орденов. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации...»

Дочитав этот отрывок, Ян Карлович перевернул несколько страниц и продолжил чтение:

– «...Мы, национал-социалисты, совершенно сознательно ставим крест на всей немецкой иностранной политике довоенного времени. Мы хотим вернуться к тому пункту, на котором прервалось наше старое развитие 600 лет назад. Мы хотим приостановить вечное германское стремление на юг и на запад Европы и определенно указываем пальцем в сторону территорий, расположенных на востоке. Мы окончательно рвем с колониальной и торговой политикой довоенного времени и сознательно переходим к политике завоевания новых земель в Европе. Когда мы говорим о завоевании новых земель в Европе, мы, конечно, можем иметь в виду в первую очередь только Россию и те окраинные государства, которые ей подчинены. Сама судьба указывает нам перстом...»

Дочитав последний отрывок, Ян Карлович захлопнул книгу и снова взглянул на Зою.

– Ну, что скажете?

– Думаете, нас ждет война с Германией? – вопросом на вопрос ответила Зоя.

Прежде чем ответить, Ян Карлович положил книгу обратно в портфель и щелкнул металлическим замком. После чего ответил:

– Эта война станет возможной, если мы с вами на своем участке не обеспечим нашей стране такую степень безопасности, которая отвратит Гитлера от нападения на нас. Мне кажется, здесь иного мнения быть не может.

– Тогда что конкретно я должна делать?

Прежде чем ответить, чекист достал из внутреннего кармана пиджака сложенный вчетверо листок бумаги и несколько фотографий. Листок он передал Зое, сопроводив этот жест словами:

– Здесь написаны имена девяти человек, из которых четверо – это работники съемочной группы фильма «Гармонь». Оставшиеся пятеро – немцы, которые представляют для нас интерес и могут объявиться на съемках. Вы должны выучить эти имена назубок, поскольку именно с ними вам необходимо войти в контакт в первую очередь. Особенно обратите внимание на первую фамилию – это помощник режиссера, супруга которого дружит с женой сотрудника германского посольства, отвечающего за культурные связи. Сам он, кстати, тоже может приехать на съемки – он частенько бывает там вместе со своим другом, который работает в торговом представительстве. Их фамилии значатся на листочке под номерами два и три. Оба немца, по нашим данным, – сотрудники немецкой военной разведки абвер, выполняющие в Москве шпионскую миссию.

Зоя внимательно прочитала имена и фамилии людей, написанных на листочке ровным и аккуратным почерком. Затем подняла глаза на собеседника и спросила:

– Сколько у меня есть времени?

– Можете не торопиться, его у нас много. А для наглядности я прихватил для вас их фотографии, – и Ян Карлович передал Зое снимки.

Та внимательно рассмотрела их один за другим, успев заглянуть и на обратную сторону фото, где были написаны фамилии изображенных людей.

– Чтобы войти к ним в доверие, мы даем вам полную свободу действий, – продолжил свою речь Ян Карлович. – В среде этих людей принято иронизировать над нашей властью, а иногда и вовсе ее ругать. Так что можете смело заниматься тем же самым. Короче, создайте у них впечатление, что вы не являетесь большим апологетом нашей власти и даже в какой-то мере ее недолюбливаете. А в качестве отправной точки можете рассказать, как вам чудом удалось вырваться из лап ГПУ по делу братьев Прове. И не забудьте отметить, что вызволил вас оттуда ваш отец – бывший работник паспортной службы Кремля.

– Но на меня же могут написать донос.

– Конечно, могут, – согласился чекист. – Но он придет к нам, а мы его отправим в мусорную корзину. Короче, этого вам бояться не стоит. Ваша цель – стать для немцев и близких к ним людей своим человеком, чтобы они в случае какой-либо необходимости не побоялись бы на вас положиться. Но сразу предупреждаю, что это очень трудно, поскольку немцы всегда испытывали и будут испытывать недоверие к русским. Они доверяют только своим.

– Это тоже написано в книге Гитлера? – поинтересовалась Зоя.

– Написано, но читать ее я вам больше не буду. Ваша задача теперь – поудобнее расположиться в своем кресле, чтобы выучить имена и запомнить лица. Так что работайте, а я пока сделаю вам кофе.

Поднявшись с дивана, Ян Карлович взял со стола кофейник и отправился на кухню.

* * *

Спустя всего три года после съемок «Гармони» – в 1936 году – киностудия «Межрабпомфильм» как советско-германский проект прекратит свое существование ввиду обострения конфронтации между СССР и Германией. И вместо нее на свет появится «Союздетфильм», в фильмах которого Зоя Федорова снимется лишь однажды (перед самой войной), да и то это будет совместный проект с «Мосфильмом».

А что касается «Гармони», то премьера фильма состоится 19 июня 1934 года. Картина, решенная в жанре музыкальной комедии, будет хорошо принята рядовым зрителем (скажется дефицит такого рода кино на

тогдашних советских экранах). А вот высокий зритель эту ленту осудит. Под последним имеются в виду члены Политбюро во главе со Сталиным. Они увидели картину на ночном сеансе в кремлевском кинотеатре в том же июне. А чуть позже высказали свое отношение к ней лично начальнику Главного управления кинофотопромышленности при СНК СССР Борису Шумяцкому. Он 13 июля в очередной раз привез членам Политбюро новые фильмы для просмотра, и Сталин его спросил: «Что будем смотреть?». Шумяцкий ответил: «Смотреть можем „Челюскина“ и еще некоторые другие фильмы». Далее читаем в стенограмме:

«Сталин: А дряни подобно «Гармони» не ставите?

Шумяцкий: Не могу поручиться, что все производимые картины будут хорошими. Среди них возможны одиночки – брак. Однако „Гармонь“ я считаю не дрянью, а только посредственной фильмой молодого, подающего надежды постановщика.

Ворошилов: Не смягчайте – это пошлая картина, в которой гармонь превращена чуть ли не в основной рычаг классовой борьбы.

Каганович: Да, дрянь и безвкусица изрядная...».

Вот такой вышел диалог по поводу фильма, где Зоя Федорова исполнила свою первую большую роль в кино. Эта работа принесла актрисе известность, но она еще не породила культ Федоровой – ее героине мало кто хотел подражать. Ведь сюжет картины развивался в деревне, а эта тема тогда была не столь популярна, как, например, военная тема. Кстати, в те самые летние дни 1934 года Федорова снималась в фильме на подобную тематику – «Летчики» режиссеров Юлия Райзмана и Григория Левкоева с «Мосфильма», но там у нее была не роль, а ролька – безымянная медсестра. Прославиться с ней было невозможно. Между тем исполнительница главной роли в «Летчиках» тут же стала знаменитой, и сыгранная ею героиня вдохновила миллионы советских юношей и девушек пойти в летчики. Речь идет об актрисе Евгении Мельниковой, кстати, ровеснице Федоровой (она тоже родилась в 1909 году).

Евгения начала сниматься еще в немом кинематографе (дебют – роль комсомолки в фильме «Кривой рог» 1928 года) и до «Летчиков» успела сняться в шести фильмах. Но именно роль летчицы Галины Быстровой стала для актрисы звездной – о ней узнала вся страна. Звездная чета Александров – Орлова тут же пригласили Мельникову в свой фильм «Цирк» (1937) на роль Раечки – дочери директора цирка. А Иосиф Склют написал специально под нее сценарий фильма «Девушка с характером», который на «Мосфильме» взялся снимать Константин Юдин. Однако Мельникова от роли отказалась по уважительной причине – она была беременна. И роль досталась Валентине Серовой, тут же ставшей звездой советского кино. А Мельникова, родив дочь и вернувшись затем в большой кинематограф, увы, больше главных ролей не получала. И стала эпизодницей, но зато какой – переиграла десятки ролей в культовых советских фильмах. Таких, как «Дело было в Пенькове» (1958; мать Матвея Морозова), «Когда деревья были большими» (1962; проводница), «Снежная королева» (1966; бабушка Кая и Герды), «Бриллиантовая рука» (1969; лифтерша-дворник Марья Николаевна) и др.

Но вернемся к фильму «Летчики».

Он, как уже говорилось, вызвал небывалый энтузиазм у молодежи, которая тут же отправилась поступать в летные школы. Это был один из первых агитационных советских фильмов, воспевавших Красную армию и службу в ней. Следом за ним появятся десятки других, особенно это заметно станет перед войной («Истребители», «Если завтра война», «Трактористы», «Граница» и др.). Все эти фильмы отсматривались в Москве и других городах Союза агентурой немецкой разведки, после чего делались обобщающие аналитические справки, которые затем переправлялись в Германию. В этих справках агенты описывали реакцию на фильмы советских зрителей и старались понять, какое воздействие они оказывают в плане патриотического воспитания советских граждан. Потом эти донесения ложились в основу более глубоких аналитических справок, выходявших из недр сразу

нескольких научно-исследовательских институтов Германии, работавших на тамошние спецслужбы. Читаем в одном из текстов, выложенных в интернете:

«В результате активизации служб „тотального шпионажа“ объем собираемых ими сведений о Советском Союзе, требовавших анализа и соответствующей обработки, постоянно увеличивался, и разведывательная деятельность, как того и добивались нацисты, становилась все более всеобъемлющей. Возникла необходимость вовлечения в процесс изучения и оценки разведывательных материалов соответствующих научно-исследовательских организаций. Один из таких институтов, широко используемых разведкой, располагавшийся в Ванцзее, представлял собой крупнейшее собрание различной советской литературы, в том числе справочной. Особая ценность этого уникального собрания заключалась в том, что оно содержало обширную подборку специальной литературы по всем отраслям науки и экономики, изданную на языке оригинала. Штат сотрудников, в который входили известные ученые из различных университетов, в том числе выходцы из России, возглавлял один профессор-советолог, грузин по происхождению. В распоряжение института передавалась добываемая разведкой обезличенная секретная информация, которую он должен был подвергнуть тщательному изучению и обобщению, используя имеющуюся справочную литературу, и вернуть в аппарат Вальтера Шелленберга (внешняя разведка. – Ф. Р.) со своей экспертной оценкой и комментариями.

Другой научно-исследовательской организацией, также тесно сотрудничавшей с разведкой, был Институт геополитики. Он тщательно анализировал собранные сведения и совместно с абвером и управлением экономики и вооружений штаба верховного командования вермахта составлял на их базе различные обзоры и справочные материалы. О характере его интересов можно судить хотя бы по таким подготовленным им до нападения на Советский Союз документам: „Военно-географические данные о европейской части России“, „Географические и этнографические сведения о Белоруссии“, „Промышленность Советской России“, „Железнодорожный транспорт СССР“, „Балтийские страны (с планами городов)“.

В рейхе в общей сложности было около 400 научно-исследовательских организаций, занимавшихся социально-политическими, экономическими, научно-техническими, географическими и прочими проблемами иностранных государств; все они, как правило, были укомплектованы специалистами высокой квалификации, знающими все аспекты соответствующих проблем, и субсидировались государством по свободному бюджету. Существовал порядок, согласно которому все запросы Гитлера – когда он, например, требовал сведений по какому-либо конкретному вопросу, – рассылались нескольким различным организациям для исполнения. Однако подготавливаемые ими доклады и справки часто не удовлетворяли фюрера в силу их академичности. В ответ на полученное задание институты выдавали „набор общих положений, возможно, верных, но несвоевременных и недостаточно четких“.

Чтобы устранить раздробленность и разнобой в работе научно-исследовательских организаций, повысить их компетентность, а главное – отдачу, а также обеспечить должный контроль за качеством подготавливаемых ими заключений и экспертных оценок по материалам разведки, Шелленберг позже придет к выводу о необходимости создания в своем управлении автономной группы специалистов с высшим образованием. На основе предоставляемых в их распоряжение материалов, в частности по Советскому Союзу, и с привлечением соответствующих научно-исследовательских организаций эта группа наладит изучение сложных проблем и выработку на этой основе углубленных рекомендаций и прогнозов для политического и военного руководства страны...».

Зная сегодня о том, кто выиграл в той жесточайшей схватке, можно смело констатировать, что немецкие аналитики зря ели свой хлеб. Понять психологию советского человека они так и не смогли. Видимо, они мерили его своими, немецкими мерками, а надо было иначе. Короче, советская пропаганда оказалась сильнее нацистской. И тот же кинематограф, в котором в предвоенные годы делала карьеру Зоя Федорова, оказал существенную помощь Красной армии на полях сражений.

«Люблю тебя, Петра творенье...», или Агентурный Ленинград

От Жеймо до Кибардиной, или Актрисы «Ленфильма». – Агент «Зефир» едет в Ленинград, или Зоя – кумир «Ленфильма». – Кто убил Кирова. – Друзья чекистов – от Юткевича до Эрмлера. – Абвер и советское кино. – Шпионское гнездо в монастыре, или «Престол» – аналог операции «Трест»

Фильм «Летчики», как мы помним, был снят на «Мосфильме». Зоя Федорова, как уже говорилось, тоже была москвичка и, по логике, должна была числиться в штате именно этой киностудии – главной в стране. Но она числилась на «Ленфильме» (это название появилось в 1934 году), поскольку ее супруг оператор Владимир Рапопорт, за которого она вышла замуж в 1933 году, жил в Ленинграде и работал именно на «Ленфильме» (улица Красных Зорь, 10). Но Зоя какое-то время жила на два города, поскольку в Москве у нее оставались родители, и работала в Театре революции. Отдельного жилья у них с Рапопортом какое-то время не было – они жили в коммуналке, а отдельную квартиру им обещали предоставить только через несколько лет (в другой коммуналке у Рапопорта жили мать, сестра и его племянник). Учитывая это, Зоя вполне могла бы делать себе карьеру на обеих киностудиях, но этого не случилось. В итоге из 14 ее довоенных фильмов, снятых в 1935–1940 годах, только два будут сняты на «Мосфильме» (да и то один – короткометражный), один на Белорусской киностудии («Белгоскино»), а все остальные (11 фильмов) на «Ленфильме». То есть коренная москвичка Зоя Федорова делала свою киношную карьеру в городе на Неве, уйдя ради этого в 1935 году из Театра революции. Но только ли семейная ситуация была причиной такого положения? Не могло ли здесь быть и другой подоплеки – агентурной?

Отметим, что на «Ленфильме» в тридцатые годы выходило 4–5 художественных фильмов в год. И в основном в них снимались свои, доморощенные актеры и актрисы, либо числившиеся в штате «Ленфильма», либо игравшие в местных театрах. Например, возьмем актрис. Их на киностудии было три десятка плюс два десятка театральных актрис. Самой известной актрисой «Ленфильма» в те годы была Янина Жеймо (1909), которая выступала в амплуу трагедии и в 1925–1940 годах снялась в 21 фильме, исполнив в них шесть главных ролей. Причем три из них выпали на 1933–1934 годы: «Моя родина» (1933; Оля), «Песнь о счастье» (1934; Анук), «Разбудите Леночку» (1934; короткометражный; Леночка).

Следом шла Варвара Мясникова (1900), которая, будучи женой режиссера Сергея Васильева, исполнила роль Анки-пулеметчицы в его знаменитом (в соавторстве с Георгием Васильевым) фильме «Чапаев» (1934). В период 1927–1940 годов на ее счету было 13 фильмов (девять из них немые), в которых она исполнила три главные роли.

Не менее знаменита была еще одна актриса, но она до 1936 года жила в Москве, после чего переехала в Ленинград и устроилась в труппу БДТ (то есть в штате «Ленфильма» она не состояла). Это Валентина Кибардина (1907), сыгравшая главные роли (Наталья Артемьева) в трилогии о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга: «Юность Максима» (1935), «Возвращение Максима» (1938) и «Выборгская сторона» (1939).

Еще одна театральная звезда, делавшая карьеру и на «Ленфильме», – Ирина Зарубина (1907). В 1933–1941 годы на ее счету было 11 фильмов, в которых она исполнила две главные роли: в «Подругах» (1936; Наташа – об этом фильме мы чуть ниже расскажем более подробно, поскольку в нем снималась и Зоя Федорова) и «Василиса Прекрасная» (1940; Маланья). А лично у меня эта прекрасная актриса ассоциируется с двумя ролями позднего периода: Василисой Егоровной из «Капитанской дочки» (1958) и Прасковьей Паньковой из «Деревенского детектива» (1969). Зарубина была театральной актрисой: в 1929–1935 годах она играла на сцене Театра Пролеткульта, а затем до самой своей смерти в 1976 году выступала в Театре комедии.

Еще одной «внештатницей» ленинградской киностудии была актриса Татьяна Гурецкая (1904), которая работала в театре Балтфлота и считалась одной из самых известных эпизодниц «Ленфильма». В период 1921–1940 годов она снялась в 21 фильме, среди которых самыми известными были: «Три товарища» (1936; Варя), «Вратарь» (1937; Груша), «Профессор Мамлок» (1939; Анни Вендт).

Из молодых актрис, кто сделал себе славу в середине тридцатых, стоит выделить Евгению Пырялову. Ее карьера в Ленинграде началась в 1930 году с фильма «Наши девушки» (роль комсомолки), после чего она за пять лет снялась в восьми фильмах. А славу ей принесли две главные роли в картинах «Наследный принц Республики» (1934; Наташа) и «Сокровище погибшего корабля» (1935; Таня Ткаченко). На этом фильмография этой молодой ленинградской актрисы-красавицы обрывается, и что с ней стало потом, неизвестно.

Среди других актрис кино из города на Неве, кто делал себе карьеру в тридцатые годы, назову следующих: Софья Магарилл (1900; первая жена Г. Козинцева, снялась в 20 фильмах, заслуженная артистка РСФСР с 1935 года, умерла в 1943 году от тифа), Елена Егорова (1905; в 1936–1942 играла в Театре Балтфлота, с 1918 по 1940 год снялась в 20 фильмах, одна главная роль – Катерина Измайлова в одноименном фильме 1927 года; заслуженная артистка РСФСР с 1935 года), Елена Юнгер (1910, исполнила главную роль в фильме «Крестьяне», 1934; жена театрального режиссера Н. Акимова, играла в его Театре комедии более 60 лет, вплоть до своей смерти в 1999 году), Нина Шатерникова (1902; из Театра комедии; с 1919 по 1939 год снялась в 19 фильмах, две главные роли в конце двадцатых), Нина Латонина (1912; в 1929–1964 годах играла в Ленинградском Малом театре; в 1933–1941 годах снялась в семи фильмах, одна главная роль – Агафья Тихоновна в «Женитьбе», 1938 – в этом фильме снималась и Зоя Федорова), Вера Стрешнева (1884; с 1922 года играла в питерском Театре имени А. Пушкина; в 1925–1938 годах снялась в восьми фильмах, одна главная роль – Елена Гурова в фильме «Девушка спешит на свидание», 1937), Ольга Томилина (1892; тоже актриса Театра имени А. Пушкина; одна роль в кино – Фекла в «Женитьбе», 1938), Ольга Беюл (1901; актриса Ленинградского ТЮЗа (1932–1935) и Нового ТЮЗа (1935–1945); снялась в трех фильмах; в 1940 году стала заслуженной артисткой РСФСР), Наталья Рашевская (1894; в 1921–1950 актриса Театра имени А. Пушкина; в 1929–1937 годах снялась в трех фильмах), Лариса Емельянцева (1916; у нее была одна главная роль в фильме «Аринка» 1940 года; снималась до 1945, после чего вышла замуж за писателя Федора Кнорре, написавшего чуть позже знаменитую повесть «Родная кровь», и ушла из кинематографа), Тамара Глебова (1894; актриса Театра имени А. Пушкина; в 1920–1941 годах снялась в семи фильмах, в том числе исполнила роль жены Антона Ивановича в фильме «Антон Иванович сердится», 1941), Ида Антипова, Елизавета Уварова (1902; играла на сцене нескольких Ленинградских театров: ТЮЗ, Новый ТЮЗ, Театр комедии; заслуженная артистка РСФСР с 1939 года; в тридцатые годы снялась всего в двух фильмах, но в дальнейшем стала одной из самых снимаемых эпизодниц – 32 фильма: бабка Параска, жена деда Мусия в «Максиме Перепелице», 1956; жена Степанова в «Печках-лавочках», 1972; Арина Родионовна в «Усатом няне», 1978 – последняя роль в кино; скончалась актриса 24 августа 1977 года в Ленинграде на сцене во время репетиций спектакля Романа Виктюка), Татьяна Сукова (1889; актриса Ленинградского Театра Комедии в 1936–1959 годах; в 1932–1941 годах снялась в четырех фильмах), Анна Сергеева (1909; играла в нескольких Ленинградских театрах, с 1930-го – в Театре комедии; в 1937–1941 годах снялась в шести фильмах: Настенька в «Музыкальной истории» и др.), Ксения Куракина (1903; с 1933 года в Театре Ленсовета, потом в драмтеатре имени В. Комиссаржевской; в 1927–1940 годах снялась в двух фильмах: соседка Пети по коммунальной квартире в «Музыкальной истории», 1940), Леонтина Демина (1918; актриса «Ленфильма»; дебют – няня в «Музыкальной истории», 1940), Евгения Голынчик (1913; в 1935–1942 годах снялась в девяти фильмах, одна главная роль – Варя в «Истребителях», 1939); Людмила Шабалина (1916; в 1936–1940 годах снялась в трех фильмах, в ролях второго плана; была женой известного актера Михаила Кузнецова, но главных ролей так и не добилась; в 1948 году оставила кино).

В картинах «Ленфильма» в тридцатые годы периодически появлялись московские актрисы, однако у каждой на счету было по одному-двум фильмам. Между тем Зоя Федорова оказалась единственной москвичкой (впрочем, как и любая иная актриса из других регионов), которая с 1935 по 1940 год снялась в 11 ленфильмовских картинах. Рекорд! Это были: «Подруги» (1936; главная роль – Зоя), «Большие крылья» (1937; Леля), «Женитьба» (1937; Дуняша), «Шахтеры» (1937; шахтерка Галка), «Великий гражданин» (1938, 1939; Надежда Колесникова, жена директора завода Семена), «Враги» (1938; Дуня), «На границе» (1938; Варвара Власова, дочь Степаниды), «Человек с ружьем» (1938; горничная Катя Шадрина), «Станица Дальняя» (1940; Даша), «Музыкальная история»

(1940; главная роль – диспетчер Клава Белкина), «Шестьдесят дней» (1940, вышел в 1943-м; лаборантка Люсенька).

Отметим, что только три фильма из перечисленных снял тогдашний супруг Зои Федоровой – оператор Владимир Рапопорт: «Подруги», «Большие крылья» и «На границе». Все остальные ленты сняли другие операторы (и режиссеры) с «Ленфильма». Назовем их все: «Женитьба» – режиссеры: Эраст Гарин, Хеся Локшина, оператор: Анатолий Погорелый; «Шахтеры» – режиссер: Сергей Юткевич, оператор: Жозеф Мартов; «Великий гражданин» – режиссер: Фридрих Эрмлер, оператор: Аркадий Кольцатый; «Враги» – режиссер: Александр Ивановский, оператор: Соломон Беленький; «Человек с ружьем» – режиссеры: Сергей Юткевич, Павел Арmand, Мария Итина, оператор: Жозеф Мартов; «Станица Дальняя» – режиссер: Евгений Червяков, оператор: Святослав Беляев; «Музыкальная история» – режиссеры: Александр Ивановский, Герберт Раппапорт, оператор: Аркадий Кольцатый; «Шестьдесят дней» – режиссер: Михаил Шапиро, операторы: Александр Гинцбург, Сергей Иванов.

Учитывая столь большую загруженность Зои Федоровой на «Ленфильме», возникает вопрос: кто ее ей обеспечивал? Неужели муж-оператор обладал таким влиянием? Вряд ли, учитывая, что Рапопорт дебютировал на «Ленфильме» в 1931 году и на момент съемок «Подруг» успел снять еще два фильма (один из них был документальный). Однако карьера Федоровой, как уже говорилось, складывалась на удивление хорошо – лучше, чем даже у местных актрис. Видимо, кто-то ей все-таки протезировал. И этот покровитель, вполне вероятно, был не из мира кино – с Лубянки. Но опираться он должен был именно на своих агентов (или доверенных лиц) в киношной среде – то есть на именитых режиссеров. Кто же мог им (или ими) и быть? На мой взгляд, на «Ленфильме» таковых могло быть двое: Сергей Юткевич (с ним Рапопорт снимал свои фильмы) и Сергей Герасимов (его сестра – чекистка Марианна Герасимова – как мы помним, могла опекать Федорову еще с конца двадцатых годов и передать эту опеку брату).

Но вернемся к фильмам Зои Федоровой.

Главным ее совместным фильмом с Рапопортом стала, без сомнения, картина «Подруги» (1936), после которого героиню нашего рассказа и узнала широкая публика. Именно во время съемок в нем Федорова согласилась перебраться в Ленинград к мужу и в Москве стала бывать наездами, поскольку на «Ленфильме» на нее буквально посыпались роли: только в одном 1936 году их будет три: «Большие крылья», «Женитьба» и «Шахтеры». Но во время съемок в «Подругах» на дворе была весна 1935 года. Фильм представлял собой военную драму, рассказывающую о трех подругах с рабочей окраины Петрограда, которые участвовали в защите города во время гражданской войны. Фильм переносил зрителя 1919 год и состоял из двух частей – дореволюционной, показывающей Зою (Ида Антипова), Наташу (Дагмар Папе) и Асю (Янина Жеймо) в детстве, объясняющей то, что заставляло юных героинь осознать социальную несправедливость жизни. И второй части, послереволюционной, показывающей подруг уже взрослыми девушками, санитарками рабочего отряда, защищающего красный Питер. Роль Зои во второй части исполняла Зоя Федорова, Наташи – Ирина Зарубина, а Асей была все та же Янина Жеймо, поскольку амплу у нее было актриса-травести.

Итак, по своему жанру это был фильм-драма. Он стал одним из лидеров проката 1936 года, поскольку буквально пробирал зрителя, что называется, до печенок. Кульминационным был финальный эпизод, где одна из героинь – почти подросток Ася в исполнении Янины Жеймо – погибала от белогвардейской пули. И над ее телом красный командир в исполнении Бориса Бабочкина произносил монолог, обращенный к будущим поколениям. Очень скоро этот фильм пригодится на фронтах Великой Отечественной войны, вдохновляя наших бойцов на подвиги. Ведь если героиня Жеймо, по виду напоминавшая ребенка, не боялась вражеских пуль, то как могли бойцы, видевшие этот фильм, кланяться пулям фашистов.

Итак, съемки «Подруг» проходили весной-летом 1935 года. И именно тогда Федорова перебралась жить к мужу в Ленинград, уйдя из Театра революции. Случайно ли была выбрана именно эта дата? Судя по всему, нет – агент «Зефир» должен был принять участия в операции, которая в чекистских кругах называлась «Миронич».

Время переезда Федоровой было для Ленинграда весьма тревожным. Дело в том, что всего лишь несколько месяцев назад – 1 декабря 1934 года – прямо в Смольном предательским выстрелом в затылок был убит глава Ленинградского обкома ВКП(б), член Политбюро, ближайший сподвижник И. Сталина Сергей Миронович Киров (Мируныч). По поводу этого убийства существует множество версий: от политической (дескать, Кирова убили по заказу Сталина, чтобы тот смог развязать террор против оппозиционеров в партии), до бытовой. Согласно последней версии, в трагедии якобы были замешаны балерины Ленинградского оперного театра, которые приревновали лидера ленинградских коммунистов к официантке Мильде Драуле и постарались, чтобы ее ревнивый до сумасшествия муж Николаев узнал о приключениях ненаглядной супруги.

Практически сразу после убийства Кирова в Ленинград приехали Сталин и его соратники по Политбюро, чтобы на месте узнать подробности этого беспрецедентного преступления. Вместе с ними прибыл и уже известный нам Яков Агранов – начальник Секретно-политического отдела ОГПУ СССР. Его приезд не был случаен. Убийство Кирова стало возможным благодаря плохой работе агентуры, которая фактически проспала это преступление. Поэтому Агранов должен был лично разобраться с этим и доложить свои выводы Сталину. И он это сделал. После чего под стражу были взяты 12 руководителей Ленинградского УНКВД, включая и начальника местного СПО Александра Масевича, который непосредственно отвечал за агентурные сети в городе на Неве. Всех этих людей вскоре будут судить, но приговоры будут не строгими – им дадут по несколько лет ссылки, причем все они, оказавшись в Магадане, будут занимать руководящие должности в системе ГУЛАГа. Например, тот же Масевич возглавит СПО Магаданского УНКВД. Правда, продлится это недолго, и в 1937 году все ленинградские чекисты, осужденные по «делу Кирова», будут расстреляны.

Новым руководителем Ленинградского УНКВД (вместо Филиппа Медведя) был назначен Леонид Заковский, который с июля 1934 года занимал пост наркома внутренних дел Белорусской ССР. Это был профессиональный чекист с богатым опытом работы, в том числе и агентурной (по линии Особых отделов). В итоге Заковский и его люди выявили серьезные недостатки в работе ЛенУНКВД, в том числе и на агентурном направлении. На тот момент в Ленинграде насчитывалось около 50 тысяч осведомителей, из которых работоспособной была лишь меньшая часть. При этом штат спецосведомителей насчитывал две тысячи человек, и почти всегда они вербовались и находились на связи у самых неопытных чекистов – практикантов и помощников уполномоченных. Оказалось, что ленинградские чекисты совершенно не вербовали осведомителей, перепоручая эту обязанность резидентам. А те, в свою очередь, загруженные на основной работе, обычно редко встречались с осведомителями и не могли выполнять инструктивных требований по перепроверке сводок и повышению квалификации рядовых сексотов. Работа резидентов с рядовыми осведомителями пускалась на самотек, из-за чего сводки, получаемые чекистами от резидентов, не были достаточно ценными (на тот момент по всему СССР было 27 650 резидентов). Все они работали на НКВД бесплатно, совмещая нелегальную службу с работой в учреждениях и на производстве.

Заковский основательно перетряхнул кадры СПО и агентурную сеть в Ленинграде. Причем его главным выводом было, что ленинградские агентурные ряды надо укреплять проверенными кадрами из других регионов. В том числе и из Москвы. И вот здесь на ум приходит тот факт, что именно в 1935 году Зоя Федорова переезжает в Ленинград. Причина, как мы помним, уважительная – ее супругом был ленинградец. Однако если мы предполагаем, что Федорова могла быть агентом ГПУ под именем «Зефир», то этот переезд мог быть связан с убийством Кирова и деятельностью нового начальника Ленинградского УНКВД Заковского. Ведь убитый глава питерских большевиков любил проводить время среди творческой элиты города – балерин, театральных и киношных актрис (отметим, что «Ленфильм» находился в нескольких минутах ходьбы от дома Мируныча). И это было не случайно. К богемной среде Киров тянулся еще в молодости, когда жил во Владикавказе. Он уже тогда любил театр и сам участвовал в любительских спектаклях. Кроме этого, он писал пьесы, а также рецензии на спектакли городского театра и гастролирующих групп. А когда он уже работал в Ленинграде, в городе ходили слухи о его романтических отношениях с некоторыми известными артистками как в Большом театре, так и в Ленинградском.

Между тем обильно унавоженная агентурой творческая среда Ленинграда не смогла предотвратить трагедию с Кировым. Значит, перед новым руководством питерского УНКВД стояла задача эту среду «унавозить» по-новому, в том числе и подключив в этот процесс агентов из других регионов – не замысленных. Таких агентов называли «маршрутниками» – они присылались из других регионов для усиления чекистских кадров на местах. Агент «Зефир», видимо, и стал таким агентом-маршрутником. И тут возникает вопрос: какую работу он мог выполнять в Ленинграде в той ситуации? Судя по всему, перед ним были поставлены несколько задач. Во-первых, по линии 1-го отделения (шпионаж западных держав) Особого отдела «прощупать» немецкую версию убийства (как мы помним, за «Зефиром» давно тянется этот «немецкий шлейф» – еще с братьев Прове). Дело в том, что в записной книжке Николаева значился адрес консульства Германии в Ленинграде по адресу: улица Герцена, дом 43. Почему он его записал, для каких целей – именно это следовало выяснить. По показаниям некоей М. Н. Волковой – молодой женщины, работавшей уборщицей и одновременно платным секретным сотрудником одного из райотделов НКВД, – она дважды ходила с Николаевым в немецкое консульство и там ему, якобы, выдали 25 тысяч рублей. Эту информацию надо было проверить по разным каналам.

Во-вторых, «Зефиру» уже по линии СПО предстояло собирать информацию в актерской среде, чтобы предотвратить повторения покушения, теперь уже на нового главу ленинградских большевиков Андрея Жданова. Он, как и Киров, был пришлым (с 1922 по 1934 годы работал в Нижнем Новгороде, затем был переведен в Москву), поэтому прочной опоры на местные кланы у него не было. К творческой среде он тоже имел отношение, участвуя в организации Первого съезда советских писателей в 1934 году. А писательская и киношная братии тесно соприкасались друг с другом на nive разного рода экранизаций и взаимоотношений писателей и сценаристов.

Учтем еще и то, что у Федоровой были хорошие связи в балетной среде – ее родная сестра была замужем за артистом Большого театра. А балерины, как уже говорилось, в ту пору были главными «развлекательницами» для партийной номенклатуры и иностранцев. Федорова многих из них знала, поэтому ей легче было вписаться в эту среду.

Итак, Федорова и Рапопорт жили в коммунальной квартире, рассчитывая в скором времени перебраться в отдельное жилище в доме, который должен был быть построен неподалеку от «Ленфильма» – на Малой Посадской улице (киностудия находилась по соседству – на Кировском проспекте, дом 10, который до момента убийства С. Кирова назывался улицей Красных Зорь). Это был центр города – Петроградский район, откуда было близко добираться не только до «Ленфильма», но и до... НКВД, которое в 1933 году переехало с Гороховой улицы на проспект Володарского (с 1944 года – Литейный проспект, как и до революции), дом 4 (десять минут езды от Малой Посадской – надо только переехать через Кировский (Троицкий) мост). Впрочем, наивно было бы предполагать, что агент «Зефир» ходила на доклады непосредственно в головной офис НКВД на Володарского. Такие встречи должны были происходить на конспиративных квартирах, которых у чекистов в Ленинграде было предостаточно, а в 1935 году – особенно. Дело в том, что после убийства Кирова в городе прошла большая чистка – только за один месяц (28 февраля – 27 марта 1935 года) из города было выслано более 11 тысяч «бывших» – то есть классово чуждых элементов: бывших дворян, священников, белогвардейцев и т. д. Их квартиры перешли в городской фонд (только в одном корпусе по «номенклатурному» Кировскому проспекту НКВД арестовал обитателей 55 из 123 квартир). Часть этого жилья «наследовал» НКВД для своих нужд – как бытовых (в эти квартиры вселились его сотрудники), так и оперативных (в них были размещены конспиративные квартиры). Такого количества агентурных квартир даже в Москве не было – там большая часть такого рода «тайного» жилья представляла собой комнаты в коммуналках. А в Ленинграде чекисты шиковали – принимали своих агентов в отдельных квартирах с видом на Мойку или Фонтанку. Поэтому агенту «Зефиру» не было надобности шастать по коммуналкам. Она могла встречаться со своими кураторами с Литейного в отдельных апартаментах, причем не обязательно в центре города.

Кстати, в последнем проживала практически вся еврейская часть населения Ленинграда (напомним, что мужем Федоровой тогда был еврей) – в районах: Куйбышевском (14,2 %), Дзержинском (12,6 %), Октябрьском (10,3 %),

Фрунзенском (8,9 %), Смольнинском (8,5 %) и Петроградском (7,2 %). А самым нееврейским считался Кировский район на юго-западе города (1,5 %).

Конечно, большая часть повседневной жизни Федоровой и Рапопорта в Ленинграде протекала непосредственно на самой киностудии, либо в обществе ее работников. Больше всего их пара тяготеет к режиссеру Сергею Юткевичу – как мы помним, одному из лидеров «Ленфильма». Он тоже к ним тянется, чем и объясняется то, что с Рапопортом он снял три фильма (правда, все – до середины тридцатых: «Златые горы», «Встречный» и «Анкара – сердце Турции»), а Федорову трижды пригласил в свои ленты («Встречный», «Шахтеры» и «Человек с ружьем»).

В 1938 году Юткевич уедет в Москву, где возглавит «Союздетфильм», который возник, как мы помним, на базе советско-германского кинопредприятия «Межрабпомфильм». Абы кого на эту должность вряд ли бы назначили, учитывая, что закрывали «Межрабпом» с ведома НКВД, как рассадник немецкого шпионажа. Отметим, что перевод Юткевича в Москву совпал с переменами в киношном главке. В начале 1938 года председателем Комитета по делам кинематографии при СНК СССР был назначен 45-летний чекист Семен Дукельский. Он начал служить в органах ВЧК-ГПУ с начала двадцатых, возглавив в 1921 году Одесскую губчека. Кроме этого, он занимался дезинформационной работой за границей. В 1922–1924 годах Дукельский был начальником транспортного управления ОГПУ. Затем начальником Житомирского губернского отдела ОГПУ (1924–1925) и Екатеринославского окружного отдела ГПУ Украины (1925–1926). Затем перешел на хозяйственную работу. Но в 1930 году снова вернулся на чекистское ристалище: был заместителем полномочного представителя ОГПУ по Центрально-Черноземной области (1930–1931), заместителем полномочного представителя ОГПУ по Белорусской ССР (1931–1932), полномочным представителем ОГПУ по Центрально-Черноземной области (1932–1934), начальником Воронежского областного УНКВД (1934–1937). Лично курировал находившегося в ссылке в Воронеже Осипа Мандельштама. Летом 1937 Дукельский попал в автокатастрофу, получил увечья, длительное время лечился. После чего был сотрудником для особых поручений при народном комиссаре внутренних дел СССР. Именно с этой должности его и направили руководить всем советским кинематографом.

Самым крупным его нововведением на этом посту было постановление, предусматривавшее замену существовавшей системы процентных отчислений от проката фильмов, получаемых творческими работниками (сценаристами, режиссерами, операторами, художниками, композиторами), выплатой твердых ставок. Материальное вознаграждение перестало зависеть от количества зрителей, от доходов кинотеатров.

Итак, как только Дукельский стал главой советского кино, Юткевича перевели в Москву и назначили руководителем «Союздетфильма». Более того: в 1939 году он параллельно «Союздетфильму» возглавит в качестве худрука еще один интересный коллектив – ансамбль песни и пляски... НКВД. Кандидатуру Юткевича утвердит лично Лаврентий Берия – новый нарком НКВД. Интересно, каким образом это произошло? Имеется в виду, на основе каких данных Берия, который до этого не знал лично Юткевича, назначил его руководителем этого коллектива? На основе несомненного творческого таланта режиссера или же той характеристики, которая имелаась на Юткевича в недрах НКВД и где была описана его возможная тайная деятельность?

В это же время (1939) Юткевич вступает в ВКП(б), поскольку занимать такие должности без партбилета было не принято. Причем рекомендации ему дают двое его коллег по «Ленфильму»: художник Евгений Еней и режиссер Фридрих Эрмлер. Что это за люди?

Еней был по национальности венгром, родившимся в Румынии. Он окончил Будапештскую академию художеств, а после революции приехал в Россию. В 1920 году вступил в ВКП(б), а спустя несколько лет сошелся с режиссерами Григорием Козинцевым и Леонидом Траубергом, став художником-постановщиком их первой полнометражной ленты «Чертовое колесо» (1926). С этого момента Еней работает на ленинградской киностудии, выпуская один фильм за другим. Однако в 1939 году он попадает под каток репрессий, правда, не слишком страшный – его лишь высылают из Ленинграда. Причем случилось это вскоре после того, как он дал Юткевичу

рекомендацию вступить в ВКП(б). Самое интересное, но последнему никто этим глаза не колол, видимо, потому, что вторым рекомендуемым был Фридрих Эрмлер, который, как мы помним, в начале двадцатых служил в ВЧК. Вполне вероятно, он так и остался чекистом, хотя в реальности подался в кинематографисты (режиссерский дебют – фильм «Скарлатина», 1924). В 1940 году Эрмлер дослужился до должности художественного руководителя «Ленфильма». А директором киностудии был назначен (осенью 1938 года) еще один чекист (с 1925 года) – Николай Лотошев, который до этого работал в СПО и курировал именно творческую интеллигенцию. Всю агентуру, трудившуюся на киностудии, он прекрасно знал, поэтому и был назначен на эту должность. Забегая вперед, отметим, что в годы войны Лотошев будет работать в СМЕРШ (военная контрразведка), а в 1947 году снова вернется на «культурный фронт» – станет директором БДТ. Это именно он отыщет в Москве режиссера Георгия Товстоногова и пригласит его в БДТ на должность главрежа. Но это совсем иная история, а мы вернемся в конец тридцатых.

Итак, Юткевич, которому благоволят чекисты (от Эрмлера до Дукельского и Берии), благоволил чете Рапопорта и Федоровой. Они вместе коротали время вне съемочной площадки, иногда выбирались в театры или мюзик-холл (правда, последний в 1937 году будет закрыт как «рассадник буржуазного искусства»), куда любил заходить рафинированный интеллигент, одевавшийся как денди, Юткевич. О том, как проводила свой досуг тогдашняя питерская интеллигенция, читаем у Катерины Герасимовой и Софьи Чуйкиной:

«Представители советской элиты во многом заимствовали вкусы старой интеллигенции. Ими была в полной мере востребована досуговая инфраструктура центра. Тем более что именно в центре города находились учреждения „высокой культуры“.

Среди образованной молодежи и людей средних лет были популярны походы в театры, музеи, на драматические, оперные и балетные спектакли, на концерты в филармонии, лекции об истории города, художественные чтения и литературные вечера. Автор воспоминаний, приехавший из провинции в 1929 году и поступивший в университет в середине 1930-х, дает исчерпывающую информацию о своих вкусах и предпочтениях в искусстве.

„Моего заработка хватало на еду, покупку некоторых книг и минимума одежды. Изрядно уходило на театры, но более всего на Филармонию. Билеты в то время доставались легко. В Филармонии в 1933 и 1934 годах очень хорошие были концерты классической музыки под управлением Александра Гаука, Фрица Штидри, Альберта Коутса и других русских и иностранных дирижеров... Всех оркестрантов знал пофамильно, но особенно мне нравился Цветковский – концертмейстер оркестра и первая скрипка.

В годы работы в ГИПХе я еще посмотрел и прослушал весь репертуар Мариинского и Малого Оперного театра. Оперу Бизе «Кармен» слушал раз семь с разным составом исполнителей и в разных постановках. Особенно хороша в роли Кармен была Фатма Мухтарова.

В драматические театры ходил реже, но хорошо помню замечательную игру актеров Монахова, Певцова, Горин-Горяинова и других.

Единственное, что я так и не смог полюбить, – это эстраду, хотя и слышал выступления всех известных в то время знаменитостей, вроде Смирнова-Сокольского. Оперетта тоже оставляла меня равнодушным. Я все пересмотрел, но ни разу не пошел второй раз.

Удивительные были некоторые литературные вечера – вспоминаю один с Тыняновым, Ал. Толстым и Вяч. Шишковым, другой с Андронниковым и т. д. А какие были замечательные фильмы – особенно отечественные и итальянские! А ленинградский Драматический театр на Фонтанке (впоследствии БДТ), театр Акимова, ТЮЗ при Брянцеве. И наезжавшие постоянно в Ленинград МХАТ, Малый театр. И все это было доступно, по карману“.

Из интервью с мигрантами, стремившимися стать настоящими ленинградцами, интеллигентами (кстати, и Федорова с Рапопортом тоже, как мы помним, были приезжими. – Ф. Р), видно, что они прежде всего осваивали „высокое“ искусство – классическую музыку, оперу, балет, недоступные им в местах их прежнего жительства и поэтому в особенности ассоциирующиеся с традиционно петербургской культурной жизнью. Но при этом их культурное потребление отличалось разносторонностью. Предпочитая классику, они однако с познавательным интересом относились и к „новым“ искусствам – кино, эстраде, лекциям для широкой публики. В отличие от них выходцы из дореволюционных высших слоев, например из дворян, заинтересованные в сохранении старых традиций, нередко сообщали, что новые искусства вообще не входили в их „культурную программу“: „Ходили в театр, в концерты, в филармонию. В кино как-то считалось.... В то время на кино смотрели, как на не совсем настоящее искусство. Оно позже стало искусством, а в то время считали так..“

Представители советской элиты с удовольствием посещали такие вновь открывшиеся и дорогие места, непопулярные у старой интеллигенции, как Мюзик-холл. Также значительно более популярным у этой группы, по сравнению с интеллигенцией, было посещение ресторанов. В 1920-е годы посещение ресторанов было в особенности популярно среди новой буржуазии (нэпманов), а с середины 1930-х – у представителей советской элиты. У интеллигенции большой популярностью пользовались традиционные домашние вечера с танцами, спектаклями, шарадами. Однако возможности организации таких вечеров многие интеллигенты были лишены после „уплотнения“ и потери крупных комнат в квартирах (после убийства Кирова из Ленинграда были выселены более 11 тысяч классово чуждых жителей города. – Ф. Р.)...

Представители образованных слоев считали себя людьми центра, а центром для них была часть города, связанная с литературой и культурой, хранящая мифы о старом Петербурге. Особенно риторика „мистики центра“ прослеживается в интервью с теми, кто идентифицировал себя с ценностями старой петербургской „интеллигенции“. И коренные, и мигранты-интеллигенты полностью сходились во мнениях об особом габитусе ленинградцев. Но при этом под ленинградцами понимались только люди центра и только люди высокой культуры. Характерно, что, хотя больше половины населения центра города и примыкавших к центру районов составляли недавние выходцы из деревни, представители интеллигенции нередко не замечали этой публики. „Деревенской публики я здесь не видела. Я ее увидела потом, после войны. А до этого здесь была публика избранная. Во всяком случае, петербуржцы имели другой габитус, другой облик, вели себя совершенно иначе, нежели в провинции, они узнавались по поведению, такой был шарм какой-то особый. Не было хамства, была выдержанность“.

„Ленинградцем“ на языке интеллигентов является человек, живущий в центре, знающий историю Петербурга, для которого центр города важен как литературный герой, как воплощение истории и культуры. Освоение центра включало в себя знание мест, увековеченных писателями, художниками, композиторами...

Нецентральные районы и тем более рабочие окраины не представляли интереса для представителей образованных слоев.

При желании поехать на природу они ездили не в парки, расположенные в рабочих районах, а на окраины Петроградского района (Крестовский, Каменный острова) (как мы помним, Федорова и Рапопорт жили именно в Петроградском районе. – Ф. Р), либо в пригороды, тем более что часть пригородов (например, Гатчина, Пушкин, Петродворец) были заселены в значительной степени представителями „нетрудовых элементов“ выселенных из центра, следовательно, многие имели там знакомых. Популярностью среди интеллигенции и советской элиты пользовался отдых на даче, причем практиковался отдых в одном и том же месте на протяжении многих лет.

Для представителей интеллигенции и советской элиты в значительно большей степени, чем для описанных выше представителей малообразованных слоев (рабочих, работников сферы обслуживания), характерно наличие отдельного круга общения (по интересам) у каждого члена семьи, раздельное проведение досуга членами семьи. Дружеские компании коренных ленинградцев формировались из разных кругов (сети родственников,

знакомые из учебных заведений, коллеги, знакомые из различных кружков, студий), круг общения мигрантов состоял в большей степени из соучеников и коллег...».

Среда, в которой вращался агент «Зефир», включала в себя не только представителей творческой интеллигенции (тех же работников «Ленфильма»), но и тех, кто был вхож на киностудию по делам служебной необходимости. Среди таких людей были и иностранцы – в большинстве своем немцы, поскольку именно с Германией в те годы у СССР были тесные экономические и культурные отношения. Я уже упоминал фильм «Гармонь», который снимался на «Межрабпомфильме» – совместной советско-германской киностудии. В этом фильме у Федоровой была главная роль.

В 1936 году она снималась в небольшой роли (Леля) еще в одном фильме, который стоит выделить, – «Большие крылья». Почему он может быть нам интересен? Дело в том, что речь в нем шла о директоре авиационного завода Кузнецове, конструкторе, переживающем катастрофу собственного детища – самолета, на борту которого погибают люди. Так вот, дело в том, что на этом киношном авиазаводе работали немецкие инженеры – в частности, Лотта Роге в исполнении немецкой актрисы Хильды Еннингс. Эта актриса была замужем за одним из режиссеров фильма – Михаилом Добсоном, а еще одним режиссером картины был... опять же немец Карл Гаккель.

Отметим, что Добсон в течение нескольких лет работал по «немецкой» линии: был сотрудником советского торгового представительства в Германии и одновременно сотрудником съемочных групп немецких кинофирм «Лев-фильм» и «Атлантик-фильм» (1925–1930), затем был режиссером киностудии «Межрабпомфильм».

В 1938 году, на волне антинемецких настроений (под эту волну попадет и отец Федоровой, о чем я еще расскажу), Добсон был арестован. Однако пробыл в заключении меньше года, после чего выпущен на свободу по распоряжению Берии. А вот его жена Хильда Еннингс была сослана в поселок Чолак-Тау Джамбульской области Казахской ССР, где пробыла до 1955 года.

Что касается Добсона, то он, выпущенный на свободу, вернулся в большой кинематограф и снял еще две картины: «Концерт-вальс» (1941) и «Шторм» (1957).

Но вернемся к фильму «Большие крылья». Снимался он на ленинградском заводе «Красный летчик» (завод № 272), где в ту пору действительно работали инженеры из Германии. Завод принадлежал Главному управлению авиационной промышленности Наркомата тяжелой промышленности СССР, поэтому съемки курировал нарком тяжмаша Г. Орджоникидзе. Но в феврале 1937 года последний покончит с собой, поэтому судьба у фильма будет незавидной – спустя месяц после премьеры в марте 37-го его снимут с проката. Но это уже другая история. А нас интересует другое – возможное общение агента «Зефир» во время съемок картины с немцами, причем как с нашими, так и с приезжими. Ведь среди немецких специалистов, трудившихся на советских заводах, было достаточно агентов или осведомителей германских спецслужб. Особенно много их было на авиазаводах и балтийских судоверфях. А курировал эту агентурную сеть консул Германии в Ленинграде Рудольф Зоммер – офицер абвера. Чтобы понять, как это происходило, достаточно вспомнить историю марта 1935 года. Тогда контрразведывательным отделением ГУГБ НКВД СССР было изъято зашифрованное сообщение, переданное германским военным атташе, о подводных лодках, торпедных аппаратах, броневой стали, что соответствовало реальным данным об их производстве на Балтийской верфи и Ижорском заводе. Соответствующие указания были даны УНКВД Ленинграда и области. В результате были установлены шесть германских подданных, работавших на заводах, откуда происходила утечка информации.

Здесь следует отметить следующий факт. Консул Зоммер не доверял агентам, завербованным его людьми, если в их жилах не текла хотя бы капля немецкой крови. Поэтому он ориентировал своих сотрудников на вербовку первым делом обрусевших немцев или немцев, которые приехали в СССР на работу (а таких были тысячи). Поэтому, например, те же Добсон, Гаккель или Хильда Еннингс вполне попадали под категорию тех людей, на которых немецкая разведка могла бы обратить свое внимание. Но именно поэтому с них не спустили

глаз и чекисты, которые часто вербовали их первыми, подставляли немцам и вели с последними свою оперативную игру.

Кстати, о том, как немцы вербовали себе агентуру в ленинградской киносреде, написал В. Ардаматский в своей книге «Ленинградская зима» (1970). В этой повести вербовкой агентов занимался подручный Зоммера – майор абвера Аксель. Открываем книгу и читаем:

«...Краткие данные к портрету завербованного в Ленинграде агента. Кодовое имя Людмила. Составлено майором Акселем на основании полуторамесячного наблюдения.

Настоящие фамилия и имя – Клигина Нина (Викторовна). Возраст – 28 лет. Воспитывалась в сиротском доме. Яркая, красивая внешность. Ей пророчили сценическую или кинематографическую карьеру. По окончании школы приехала в Ленинград, чтобы стать актрисой. В театральный институт не была принята. Поступила контролером в клуб киноработников, где немедленно была замечена ее внешность. Ей обещали роли и даже законный брак, но неизменно обманывали. Тем не менее она вошла в желанный ей круг деятелей кино. В настоящее время живет одна. Имеет комнату в общей квартире. Озлоблена. Завистлива. Острый интерес к дорогим вещам. Обожает светский образ жизни, вращение среди звезд кино. В настоящее время работает помощником режиссера на киностудии. Легко сходится с мужчинами.

Использование агента должно быть осторожным, но польза от него может быть большой, учитывая неограниченную возможность ее знакомств.

Вербовка проведена со всеми формальностями при содействии хорошего знакомого Людмилы – нашего агента Девиса (под этим именем скрывался юрист Михаил Горин).

Резюме: агент со скрытыми большими возможностями...»

Между тем после того, как Зоммер назвал Людмилу проституткой и посчитал ее ненадежным агентом, Аксель вынужден был написать шифровку в Берлин, где изложил свои возражения на этот счет. Вот они:

«...На № 08/1503.

Позволю себе опротестовать ваш 1503. Проституции в нашем понимании здесь нет, а таких женщин, как мой объект, множество. Особенно возле разнообразного мира искусства. Как правило, это неудачницы в профессии, пытающиеся возместить это близостью с людьми мира, не принявшего их в свою производственную сферу, теперь достигаемую ими путем доступности чисто женской. Как всякая доступная женщина, и эта тоже втайне нелегко переживает, что ее жизнь не удалась, ей не стать ни женой, ни матерью. Здесь же это обостряется прямолинейной до самозабвения пропагандой, утверждающей с каждого забора, по радио и в печати, что тебе открыты все дороги и достижимы любые цели. Более того, она очень ясно и для себя больно видит, как другие женщины действительно достигают многого, между тем как ничем особенным они не отличаются.

...Одни с этим смиряются, покидают отвергнувший их мир и уходят в общую неприметную жизнь, и, может быть, находят там счастье. Другие, как, например, наш объект, цепляются за избранный мир любым способом, но здесь коммерческой торговли телом нет. Здесь удовлетворение духа крайним способом. Вербовку объекта я строил на встречном движении.

Пункт 1. Вы достойны иной жизни.

Пункт 2. В том, что вы влачите недостойную вас жизнь, виновато общество, которое только прокламирует внимание к человеку.

Пункт 3. С этим обществом вы можете вступить в борьбу. Тайная деятельность возвысит вас над всеми, кто вас сейчас унижает.

Пункт 4. Если произойдет изменение общества, и, возможно, не без нашей помощи, ваша судьба изменится в корне. Те, кто сейчас командует вами, превратятся в ничтожество.

Объект прошел через все эти пункты, нигде не вступив с ними в спор и приняв их суть как должное. А если у объекта возбудить гнев и указать для этого гнева адрес, агент сможет быть нам крайне полезен во всех ситуациях, в том числе и в критической. Наконец, уже сейчас мы можем управлять ее знакомствами, и это открывает неограниченные возможности».

Спустя несколько дней в консульство пришла шифровка:

«Возражение против Людмилы снимается...».

Именно чтобы разоблачать такого рода агентуру, и мог был делегирован в Ленинград агент «Зефир» (и снова вспомним, что в убийстве С. Кирова отработывался и немецкий след). Перед ней была поставлена задача заводить как можно больше знакомств среди ленфильмовцев и тех, кто посещает киностудию по различным служебным потребностям. И особый упор делать на иностранцев, в первую очередь – на коренных немцев или обрусевших.

В свете этого вполне вероятно, что агенту «Зефир» было приказано присмотреться к одной из ее коллег по «Большим крыльям» – Елене Юнгер (1910), которая исполняла в фильме роль Любы, жены конструктора Кузнецова (Борис Бабочкин). В жилах этой актрисы текла немецкая кровь, поскольку ее отцом был Владимир Юнгер – сын бывшего служащего компании «О. Рихтер». А мать Елены была русской – Зоя Дроздова, дочь царского генерала медицинской службы, преподавателя Военно-медицинской академии.

Когда Елене было всего восемь лет, ее отец скоропостижно скончался в возрасте 35 лет. После этого на сердце вдовы-красавицы было много претендентов, в том числе и Борис Садовский – потомственный дворянин. Он был красавец, но... паралитик, поэтому никаких близких отношений между ними не сложилось. Но дружба возникла. И когда в 1929 году Садовский приехал жить в Москву и поселился со своей женой – бывшей фрейлиной царского двора Натальей Воскобойниковой – в бывшей келье Новодевичьего монастыря, Зоя Юнгер-Дроздова стала его там навещать, поскольку разделяла его монархические взгляды. Более того, она несколько раз приводила туда и свою дочь Елену, которая в ту пору (в начале тридцатых) играла в московском Реалистическом театре. Но в 1933 году она уехала в Ленинград, где стала актрисой в Экспериментальной мастерской при Ленинградском мюзик-холле под руководством Николая Акимова (чуть позже он станет ее мужем). В 1934 году Елена Юнгер дебютирует в кино главной ролью (Варвара Нечаева) в фильме «Крестьяне».

Но вернемся к Борису Садовскому.

Монархическую организацию, которую он создал в своей «келье», в 1933 году (заметим – в год отъезда Елены Юнгер в Ленинград) разгромило ОГПУ. Однако самого организатора почему-то не арестовали. Почему? То ли пожалели паралитика, то ли завербовали. И он вскоре создал еще одну подобную организацию, которую чекисты снова ликвидировали в 1935 году, вновь оставив Садовского на свободе. Не для того

ли, чтобы он чуть позже возобновил свою деятельность на этом поприще – собрал под своей крышей очередных монархистов и приверженцев Гитлера? По этому поводу в своих мемуарах чекист П. Судоплатов напишет вполне определенно:

«В течение ряда лет в Москве разрабатывается видный монархист, известный русский поэт Борис Александрович Садовский и его жена, Наталья Ивановна Воскобойникова, в прошлом фрейлина царского двора...».

Именно на основе этой организации перед самой войной будет создан антисоветский проект «Престол» – аналог чекистской операции «Трест». Только последняя служила для того, чтобы заманивать в нее бывших

белогвардейцев, а «Престол» должен был вовлекать в свои сети нацистов. Впрочем, про эту организацию подробный рассказ ждет нас впереди, а мы пока продолжим знакомство с историей жизни (явной и тайной) Зои Федоровой.

Дочь за отца не отвечает, или Побег от оператора к «сталинскому соколу»

Фильмы для Зои. – Агентура периода чисток. – Агент при Сергее Есенине. – От Орловой до Ладыниной, или Актрисы конца 30-х. – Эрих Кестринг – резидент абвера. – Арест отца, или Алиби для агента «Зефир». – Пакт о ненападении и возвращение в Москву. – Шпионское кино. – «Зефир» и «Колонист» против абвера. – Чекист и балерина. – Ильин и Федотов – асы контрразведки. – Зоя и «сталинский сокол». – Как актрисы выходили замуж за летчиков. – В «доме под юбкой». – Супруга архитектора – агент НКВД. – Максим Штраух – бывший дипкурьер и киношный Ленин. – От Серовой до Раневской, или Актрисы предвоенной поры. – Как вербовали Лидию Смирнову

В 1937 году героиня нашего рассказа оказалась включена сразу в три кинопроекта на «Ленфильме». Это были фильмы «Враги», «Человек с ружьем» и «Великий гражданин» (снимались сразу две серии). Причем сюжеты фильмов выстраивались в строгую хронологическую линейку. Так, в первой ленте (режиссер А. Ивановский, по пьесе М. Горького) речь шла о событиях кануна 1905 года. Согласно сюжету, на фабрике Скроботова и Бардина стало беспокойно. В ответ на справедливое требование рабочих уволить жестокого и грубого мастера хозяева закрывают фабрику и вызывают войска. Выстрел одного из рабочих, не сумевшего сдержать порыва ненависти к хозяевам, обрывает жизнь одного из хозяев фабрики – Скроботова. К месту происшествия тут же прибывают жандармы. Им удается раскрыть действовавшую на фабрике социал-демократическую организацию. Арестованные рабочие противопоставляют истерической жестокости жандармов спокойное, уверенное мужество...

У Зои Федоровой в фильме была роль второго плана – она играла девушку по имени Дуня. Причем у Горького такой героини в пьесе не было – ее придумал режиссер Ивановский. Но Федорова «обедни» не испортила – лишней в кадре не выглядела.

Фильм «Человек с ружьем», над которым работали сразу три режиссера – Сергей Юткевич, Павел Арманд и Мария Итина, – тоже был экранизацией: в основу легла одноименная пьеса Н. Погодина. Сюжет развивался в октябрьские дни 1917 года, и это был второй советский художественный фильм, где на экране появился В. И. Ленин (в исполнении артиста Максима Штрауха). Первым таким фильмом был «Ленин в Октябре» Михаила Ромма, снятый в 1936 году, а на экраны вышедший в ноябре 1937-го (вождя мирового пролетариата в нем играл Борис Щукин).

В фильме Юткевича героиня нашего рассказа исполняла главную женскую роль – горничной Кати Шадринной, невесты комиссара Николая Чибисова, роль которого исполнял актер Владимир Лукин. Заметим, что это была уже третья их совместная картина. Первой была «Подруги» (у Лукина там был эпизод – рабочий в кабаке), второй – «Шахтеры» (роль Матвея Бобылева). Но только за роль комиссара Чибисова актер Лукин будет удостоен награды – ордена «Знак Почета» (1939). А вообще его жизнь оборвется на самом взлете – он погибнет на фронте в 1942 году.

Наконец, третий фильм с участием Федоровой – «Великий гражданин» режиссера Фридриха Эрмлера. Это была биографическая лента, в основу которой были положены факты биографии лидера ленинградских большевиков Сергея Мироновича Кирова, убитого в декабре 1934 года. В фильме он выведен под именем Петра Михайловича Шахова (актер Николай Боголюбов). Фильм этот считается классикой советского кино, а создан был по прямому указанию Сталина. Согласно сюжету, Шахова (Кирова) убивали представители троцкистско-зиновьевского блока. Зоя Федорова исполняла роль Надежды Колесниковой, которую Шахов назначает директором завода вместо человека, который в итоге оказывается вредителем.

В финальной сцене (вторая серия) Шахова расстреливает убийца, притаившийся за одной из дверей в Доме культуры, куда приехал главный герой фильма. В финальных кадрах советские граждане клянутся над могилой героя, что дело Шахова будет продолжено и никто из врагов не уйдет от возмездия. Слова оказались пророческими – уже в разгар съемок первой серии (летом 1937 года) в высших советских верхах начались широкомасштабные репрессии.

Кстати, в ходе самих съемок, как вспоминали создатели фильма, они неоднократно сталкивались со случаями реального вредительства, серьезно мешавшего процессу работы над картиной. Так, в один из съемочных дней осветители обнаружили, что кабели к прожекторам были перерублены топором. В итоге в ходе съемок четверо членов съемочной группы были арестованы, и двоих из них потом расстреляли.

Волна репрессий, как смерч, пронеслась тогда и по органам НКВД, вырубая тысячи сотрудников, которые служили там полтора, а то и почти два десятилетия. В Ленинграде, например, были арестованы практически все чекисты, которые пришли в Большой дом на Володарского, 4, после убийства Кирова. Даже шеф ленинградского НКВД Леонид Заковский не уберегся – был поставлен к стенке. Пулю в затылок получили и руководители СПО и ОО (Особый отдел) – непосредственные начальники агента «Зефир». Даже ас из асов в агентурной работе Яков Агранов не избежал пули палача. Короче, в рядах НКВД (как и в армии) под колесо репрессий угодило процентов 60–70 начальствующего состава. В этот период были репрессированы или уволены 2273 сотрудника НКВД. Читаем в Википедии:

«В ходе Большого Террора из НКВД в первую очередь вычищались:

– большевики с дореволюционным партстажем (их доля упала с 20,83 % в 1934 году до 4 % на 1 сентября 1938 года), на смену которым пришли коммунисты, набранные по „ленинскому призыву“ (доля вступивших в партию в 1925–1928 увеличилась с 1 % до 66 %, 1929–1932 с 0 % до 38 % за тот же период). Доля лиц 1895 и более ранних годов рождения при этом упала с 56,25 % до 4,95 %, доля лиц 1901–1905 годов рождения, наоборот, возросла с 6,25 % до 46,15 %, лиц 1906–1910 годов рождения – с 0 % до 29,12 %;

– лица с некоммунистическим прошлым (бывшие эсеры, меньшевики, анархисты, боротьбисты и др.): их доля упала с 31,25 % суммарно на 1 июля 1934 года до 0,65 % на 1 июля 1938 года. По окончании террора единственным членом руководства НКВД с некоммунистическим прошлым остался сам Берия Л. П., который в молодости был связан с азербайджанской националистической партией мусаватистов;

– увеличилась доля рабочих (с 23,96 % до 28,67 %) и крестьян (с 17,71 % до 30 %), снизилась доля служащих (с 25 % до 18 %), а также „помещиков, торговцев, мелких предпринимателей и кустарей“ (с 28,13 % до 12 %). Суммарная доля рабочих и крестьян в руководстве НКВД увеличилась с 42 % в 1934 году до 60 % на 1 сентября 1938 и до 80 % на 1939 год;

– за тот же период 1 июля 1934 – 1 сентября 1938 увеличилась доля русских (с 31,25 % до 56,67 %) и украинцев (с 5,21 % до 6,67 %, на 1 июля 1939 года до 12,42 %), снизилась доля евреев (с 38,54 % до 21,33 %, на 1 июля 1939 года до 3,92 %; согласно мемуарам Хрущева Н. С. и сына Берии Л. П. Берии С. Л., массовая чистка НКВД от евреев имела место уже в 1939 году по окончании основной волны террора), латышей (с 7,29 % до 0 %) и поляков (с 4,17 % до 0,67 %, на 1 июля 1939 года до 0 %). Также из НКВД были вычищены все поголовно обрусевшие немцы. Кроме того, с назначением Берии в два раза выросла доля грузин (с 3,33 % на 1 сентября 1938 года до 6,98 % на 1 января 1940 года);

– для органов НКВД периода 1934–1938 годов также характерен очень высокий процент людей, имевших только начальное образование: на 10 июля 1934 года 40,63 %, на 1 сентября 1938 года 42,67 %. По окончании основной волны террора количество таких сотрудников начало снижаться, упав к 26 февраля 1941 года до 19,23 %, количество лиц с высшим образованием в органах НКВД с 1938 до 1941 года выросло с 10 % до 34,07 %.

Еще одной особенностью руководящих сотрудников НКВД являлся необычно высокий процент лиц, чье детство прошло неблагоприятно (исключения из школ, неполная семья, бродяжничество и др.); на 1934 год таких лиц было до 56 %. В 1937 году этот показатель вырос до 8 %, в 1938 до 12,7 %. По окончании основной волны террора количество подобных лиц к 1940 году вновь упало до 6 %...»

О том, какая ротация кадров была в НКВД в 1937–1938 годах можно судить хотя бы по Московскому управлению НКГБ, где за год сменилось шесть начальников. Назовем их всех: Станислав Реденс (15 июля 1934 – 20 января 1938 года), Леонид Заковский (Генрих Штубис) (20 января – 28 марта 1938 года), Владимир Каруцкий (20 апреля – 12 мая 1938 года), Владимир Цесарский (28 мая – 15 сентября 1938 года), Александр Журбенко (15 сентября – 29 ноября 1938 года), Виктор Журавлев (5 декабря 1938 – 13 января 1939 года).

Что касается Ленинграда, то там Л. Заковского в январе 1938 года сменил Михаил Литвин, который пробыл на этой должности... десять месяцев. После чего уступил бразды правления (и был репрессирован) Сергею Гоглидзе – ставленнику нового наркома внутренних дел СССР (с ноября 1938 года) Лаврентия Берии. При последнем чистке в органах продолжились, но они не были столь кровавыми – людей не расстреливали, а увольняли. Началось это еще в 1938 году, когда ЦК партии дал указание об удалении из органов всех сотрудников, имеющих родственников за границей и происходивших из мелкобуржуазных семей. А при Берии, в 1939 году, из органов госбезопасности были уволены 7372 человека (каждый пятый оперативный работник) и взято на оперативные должности 14,5 тысячи человек. Среди сотрудников центрального аппарата НКВД, насчитывавшего к началу 1940 года около 3,7 тысячи человек, русских было 3073 человека (84 %), украинцев – 221 (6 %), евреев 189 (5 %), белорусов – 46 (1,25 %), армян – 41 (1,1 %), грузин – 24 (0,7 %), а также представители татар, мордвы, чувашей, осетин и др.

Две известные женщины-чекистки, о которых я уже упоминал чуть раньше, тоже пострадали от репрессий. Имеются в виду Александра Андреева (Горбунова) и Марианна Герасимова. Первая в 1936–1938 годах трудилась в должности помощника особоуполномоченного НКВД СССР, но в июне 1938 года была уволена по болезни. А в декабре ее арестовали и приговорили к 15 годам лишения свободы и отправили в ГУЛАГ, где она и умерла в 1951 году в возрасте 63 лет.

Что касается Герасимовой, то она в конце тридцатых трудилась в Секретно-политическом отделе. В декабре 1939 года ее тоже арестовали, но дали всего лишь пять лет лагерей.

Вместо этих женщин в НКВД (в том числе и в СПО) пришли другие сотрудницы. Например, Суламифь Каганова (1905), она же Эмма Судоплатова – супруга знаменитого чекиста Павла Судоплатова. В органы ГПУ она пришла работать в 1923 году – служила в Одесском Губотделе ГПУ Украины на ниве секретно-политической работы с местной интеллигенцией. А когда начальника СПО ГПУ Украины Генриха Люшкова в 1931 году перевели в Москву и назначили помощником начальника СПО ОГПУ, то он вскоре вызвал к себе и супругов Судоплатовых. Эмма стала работать по «линии культурного и литературного фронтов» в СПО на Лубянке, а ее супруг трудился в Иностранном отделе (в 1936 году туда же переберется и Эмма).

Судя по всему, Эмма Судоплатова прекрасно знала агента «Зефир», так как была одним из руководителей агентурной сети в среде московской творческой богемы. После чисток 1937–1938 годов именно к таким людям, как Судоплатова, перешли бразды правления над агентами, работавшими на ниве «культурного фронта». Эмма работала в отделении, которое курировало Большой театр и Кировский театр оперы и балета в Ленинграде, а в Большом работал муж сестры Федоровой Марии – артист Синицын. А если брать шире – в этом театре чуть ли не половина работников была агентами НКВД, поскольку Большой театр был одной из главных культурных достопримечательностей СССР, которую любили посещать иностранцы. В свете этого на балерин ложилась особая миссия – расположить к себе иноземных гостей и вытягивать из них полезную для спецслужб (а значит, и для страны) информацию. Короче, в агентурной табели о рангах балерины стояли на первом месте. Далее шли

актеры/актрисы кино и театра (в первом главным местом сосредоточения агентуры был «Мосфильм», во втором – МХАТ), писатели, музыканты, художники и т. д.

Между тем в 1936–1938 годах сменилось пять начальников СПО – 4-го отдела НКВД СССР. Были арестованы и расстреляны комиссар госбезопасности 1-го ранга Я. С. Агранов (начальник 4-го отдела ГУГБ, заместитель наркома НКВД), старший майор ГБ В. Е. Цесарский (начальник 4-го отдела ГУГБ в марте – мае 1938 года), майор ГБ А. С. Журбенко (начальник 4-го отдела ГУГБ в мае – сентябре 1938 г.), заместители начальника отдела старший майор (затем комиссар ГБ 3-го ранга) Б. Д. Берман, старший майор ГБ С. Г. Гендин, майор ГБ З. Н. Глебов-Юфа; застрелились комиссары ГБ 3-го ранга В. М. Курский (начальник 4-го отдела ГУГБ в ноябре 1936 – апреле 1937 года), М. И. Литвин (начальник 4-го отдела ГУГБ в мае 1937 – январе 1938 года), заместитель начальника отдела В. А. Каруцкий; погибло большинство других руководящих работников СО-СПО двадцатых – тридцатых годов.

Короче, уничтожались если не все, то многие представители старой чекистской гвардии, настоящие асы своего дела, вроде Артура Артузова, Мартина Лациса или Якова Агранова. Естественно, никакими шпионами они не были, как их представляли на суде, – просто они должны были навеки замолчать и унести с собой в могилу те тайны, которые не должны были стать достоянием тех, кто шел им на смену. И многие из этих тайн канули вместе с ними.

Не стал исключением и старый чекист Ян Карлович, у которого была на связи агент «Зефир». В один из дней он просто пропал из поля ее зрения, не явившись на очередную конспиративную встречу. Вместо него пришел новый куратор – Сергей Ильич, который по внешнему виду был даже моложе «Зефира». На вопрос, куда подевался ее прежний куратор, Сергей Ильич ответил коротко: «Не надо задавать лишних вопросов». Из чего Зоя поняла, что старого чекиста поглотил молох репрессий. Тем более что он был латыш, да еще из категории старых большевиков, а с такими тогда особо не церемонились. Сталин весьма прагматично и безжалостно менял старую элиту, выпестованную Лениным, на новую – собственную. На прежнюю он не мог положиться с такой же уверенностью, как на новую, перед которой стояли иные цели. Впереди страну ждали серьезные испытания очередной мировой войной, и вождю нужна была элита с новым ощущением времени. Идея мировой революции себя не оправдала, поэтому новая элита должна была быть «заточена» под идею построения социализма в одной конкретной стране – СССР. Для этого Сталин стал активно раскручивать идеологию державостроительства, а прежняя элита, коминтерновская, состоящая в основном из евреев, ему в этом мешала. Отправить ее в отставку было опасно – она в любом случае затаила бы злобу, спрятала бы камень за пазухой. Поэтому Сталин, как жестокий прагматик, избрал самый радикальный способ – пустил старую элиту под нож. И чекисты (а среди них большинство составляли именно евреи) должны были пострадать в первую очередь.

Среди агентуры таких широкомасштабных чисток не было, хотя кое-кто, конечно, не мог не пострадать. Но таких агентов, как «Зефир», это не касалось – подобные кадры были наперечет (тем более что Зоя была чистокровная русская). Как уже говорилось, главный удар в те годы приняли на себя чекисты и агенты еврейского происхождения, коих пострадали тысячи. Фактически это была широкомасштабная зачистка НКВД от сотрудников-евреев, которые доминировали в нем с самого момента создания ВЧК – с конца 1917 года. Напомним: доля евреев в НКВД снизилась с 38,54 % до 21,33 %, а на 1 июля 1939 года и вовсе до мизерных 3,92 %. Вот и среди репрессированных начальников СПО было много евреев: Я. Агранов, В. Цесарский, Б. Берман, С. Гендин, М. Литвин, В. Каруцкий.

В качестве примера приведем судьбу секретного агента ГПУ еврейского происхождения Вольфа Эрлиха. Того самого, который был близким другом поэта Сергея Есенина и, по одной из версий, участвовал в его устранении троцкистами. Так вот, по сведениям литературоведа В. Кузнецова, Эрлих стал сотрудничать с ГПУ в 18-летнем возрасте – в 1920 году, когда проходил курс всеобща в 1-м пехотном Казанском территориальном полку. А год спустя он поступил на литературно-художественное отделение факультета общественных наук Петроградского университета, откуда был отчислен два года спустя. Но без работы не остался. В 1925 году он занимал «чекистскую» должность ответственного дежурного Первого дома Ленинградского Совета.

Кстати, Эрлих имел отношение и к кинематографу. В 1935 году он помогал братьям Васильевым писать сценарий фильма «Волочаевские дни», который вышел на «Ленфильме» в январе 1938 года. Но на момент премьеры Эрлиха уже не было в живых. 19 июля 1937 года он был арестован в Армении, во время своей очередной поездки, которую предпринял с целью написать сценарий об армянских репатриантах. Комиссией НКВД и прокуратуры СССР 19 ноября 1937 года по ст. 58-1а-7-10-11 УК РСФСР Эрлих был приговорен к расстрелу. Приговор привели в исполнение 24 ноября 1937 года. А спустя 19 лет Военная коллегия Верховного суда СССР его реабилитировала «в связи с отсутствием в его действиях состава преступления».

Итак, агент «Зефир» была вне подозрений, как по профессиональной линии, так и по национальной. Правда, агент была замужем за евреем, но эта ситуация очень скоро тоже благополучно разрешится. Но все же косвенным образом репрессии могли задеть даже таких агентов. Случилось это в 1938 году.

В тот период Зоя Федорова опять была с головой погружена в работу – она снималась сразу в трех фильмах: «На границе», «Огненные годы» и «Ночь в сентябре». О чем были эти ленты? Так, сюжет ленфильмовской картины «На границе» (а это была экранизация рассказов П. Павленко) происходил на советском Дальнем Востоке, на границе с Маньчжоу-Го. Обе территории разделяла пограничная река, по одну сторону которой в небольшой маньчжурской деревне обосновались русские белогвардейцы, на противоположном берегу живет семья Власовых. Желая уничтожить Власовых, в их дом проникают белогвардейцы. На помощь приходит отряд бойцов во главе с комендантом погранучастка капитаном Тарасовым (Николай Крючков). Начинается долгий изнурительный бой...

В этом фильме у Федоровой была главная роль – Варвара Власова, дочь Степаниды (актриса Елена Тяпкина). Кстати, чуть ли не впервые в советском кино в этом фильме была показана попытка изнасилования, причем в роли жертвы выступила Зоя Федорова, на героиню которой покусился беляк, пришедший в ее дом с коварными японцами.

Фильм «Огненные годы» снимался на киностудии «Советская Беларусь» (режиссер Владимир Корш-Саблин) и повествовал о событиях 1919 года. По сюжету, части белополяков, вторгнувшиеся в пределы Советской Белоруссии, встречали на своем пути упорное сопротивление вооруженных отрядов белорусских рабочих и крестьян, идущих на сближение с Красной армией. У Зои Федоровой здесь была роль второго плана – она играла политрука комсомольской роты по имени Анна.

Наконец, третий фильм снимался на «Мосфильме» – «Ночь в сентябре» (режиссер Борис Барнет). Вернее, на главной киностудии страны снимались павильонные эпизоды, а для съемок природы пришлось ехать на Украину, поскольку действие фильма происходило в Донбассе. Согласно сюжету, в ночь на 1 сентября 1935 года забойщик шахты Степан Кулагин вместе с парторгом шахты Павлом Луговым, чтобы увеличить добычу угля, решили по-новому организовать работу. Когда герои спустились в шахту, то выяснилось, что шланги подачи воздуха в забой выведены из строя. Устранив первую неполадку, Степан и Павел спускаются вновь. Однако крепежный лес подается гнилой – и теперь герои уже не сомневаются в наличии диверсионной группы, орудующей на шахте...

У Зои Федоровой в этом фильме была главная женская роль – шахтерка Дуня Величко. Как и в картине «На границе», ее героине и здесь пришлось бороться с происками врагов. Во время обхода Дуня обнаружила вредителя, который минировал шахту. Девушка бежит к начальнику шахты Поплавско-му (актер Владимир Баталов – отец известного актера Алексея Баталова), а тот оказывается главарем вредителей. Вскоре туда же приходит и вредитель-взрывник. В итоге Дуня оказывается в их руках, но они, вместо того чтобы ее убить и обрубить все концы, решают сделать из нее сумасшедшую, у которой якобы разыгралась шизофрения на почве шпиономании. Но этот трюк не прошел – чекисты навещают Дуню в больнице и верят ее показаниям. После чего арестовывают всю шайку. Вот такой более чем наивный сюжет снятый, кстати, хорошим режиссером Борисом Барнетом.

Две главные роли в год – хороший повод для того, чтобы не давать публике забыть о себе. Поэтому можно с уверенностью сказать, что Зоя Федорова была на тот момент одной из самых популярных актрис советского кино. Но она была звездой второго эшелона – до первого она все-таки не дотягивала. В первом эшелоне в ту пору значилось не так много актрис – Любовь Орлова, Тамара Макарова, Елена Кузьмина. Причем каждая была замужем за большим режиссером: Орлова – за Григорием Александровым, Тамара Макарова – за Сергеем Герасимовым, Елена Кузьмина – за Михаилом Роммом. У каждой за плечами было несколько кинохитов, где они исполняли главные роли. У Орловой – «Веселые ребята» (1934; Анюта), «Петербургская ночь» (1935; Грушенька), «Цирк» (1936; Марион Диксон), «Волга-Волга» (1938; почтальон Дуня Петрова-Стрелка); у Макаровой – «Люблю ли тебя?» (1935; Наталья), «Семеро смелых» (1937; Женя Охрименко), «Комсомольск» (1938; Наташа Соловьева); у Кузьминой – «Окраина» (1934; Манька Грешина), «У самого синего моря» (1936; рыбацка Мария), «Тринадцать» (1937; жена командира Марья Николаевна).

Время другой звезды первого эшелона – Марины Ладыниной, которая была замужем за режиссером Иваном Пырьевым, – в 1938 году только наступало. Она пока снялась всего в двух главных ролях – в фильмах «Застава у Черного брода» (1937; Варенька – единственная отрицательная роль в ее послужном списке) и «Богатая невеста» (1938; колхозная ударница Маринка Лукаш). До хита «Трактористы» еще целый год.

Та же история была и с Верой Марецкой, которая блистала в конце двадцатых (две главные роли в фильмах «Закройщик из Торжка», 1928, Катя; «Простые сердца», 1929, Настя), после чего в течение нескольких лет никак не могла найти себя в звуковом кино, снимаясь в эпизодах. Наконец, в 1937 году она исполнила главную роль в фильме «Поколение победителей» – Варвара Постникова. А два года спустя еще громче прогремит ее роль в фильме «Член правительства» – Александра Григорьевна Соколова, председатель колхоза, депутат Верховного Совета СССР).

Похожая ситуация была и у Ады Войцик (1905) – первой жены Ивана Пырьева. Она прославилась ролью Марютки в «Сорок первом» (1927). После чего снялась в немом кино еще в девяти фильмах (одна главная роль). В 1936 году ее тогдашний супруг Пырьев снял ее в главной роли в картине «Партийный билет», после чего... ушел к Марине Ладыниной.

А Войцик до войны снялась еще в одном фильме – «Семья Оппенгейм» (1939).

Еще одной киноактрисой, слава которой тянулась из немого кино, была Эмма Цесарская (1909). Она дебютировала в кино главной ролью в фильме «Бабы рязанские» (1927; Василиса). А в 1931 году исполнила роль Аксиньи в «Тихом Доне» Ивана Правова и Ольги Преображенской. Однако в звуковом кино она отошла на роли второго плана, хотя одну центральную роль она все же исполнила – в 1936 году, в фильме «Любовь и ненависть» (вдова шахтера Василиса). После чего в ее жизни наступила черная полоса. Почему?

Дело в том, что Цесарская была замужем за крупным чином НКВД – капитаном Максом Станиславским, которого в июне 1937 года арестовали и тут же расстреляли. Читаем в воспоминаниях чекиста М. Шрейдера:

«...Мне не доводилось бывать в квартирах высшего начсостава ОГПУ (за исключением Л. Г. Миронова, который жил очень скромно), но однажды, попав домой к Станиславскому, бывшему в то время начальником одного из отделений экономического управления ОГПУ (потом он станет начальником ГУПО (пожарная охрана) НКВД СССР – Ф. Р.), я был поражен невиданно роскошной обстановкой – мебелью, хрусталем и т. п. Все это, естественно, не могло быть приобретено на зарплату и было, видимо, булановским даром за верноподданничество...»

После гибели супруга Цесарскую на некоторое время отлучили от кино. Но арестовывать, как тогда было заведено по отношению к родственникам «врагов народа», ее почему-то не стали. В итоге спустя год (!) после расстрела мужа-чекиста Цесарскую пригласили на роль жены командира Красной армии (!) в знаменитую картину «Девушка с характером» (1939). И с этого момента ее карьера в кино благополучно продолжится, хотя играть главные роли ей больше уже не доведется.

Популярна была мхатовка Алла Тарасова, сыгравшая три главные роли (одна была еще из эпохи немого кино): «Василисина победа» (1928; Василиса), «Гроза» (1934; Катерина Петровна Кабанова), «Петр I» (1937 – 1-я серия; Екатерина I).

Среди других звезд советского кино, деливших славу с Зоей Федоровой в тридцатые годы, можно назвать следующих. Например, уже упоминавшуюся ранее Варвару Мясникову, за плечами которой было несколько известных ролей в фильмах: «Инженер Елагин» (1928; Ирина Елагина), «Чапаев» (1934; Анка-пулеметчица), «Волочаевские дни» (1938; Маша).

Или Янину Жеймо с фильмами, где у нее были главные роли: «Моя Родина» (1934; Оля), «Песнь о счастье» (1935; Анук), «Разбудите Леночку» (1935; Леночка), «Подруги» (1936; Ася-«пуговица»), «Леночка и виноград» (1936; Леночка).

Из этого же ряда Валентина Кибардина с главными ролями (Наталья Артемьева) в кинотрилогии про Максима. Вернее, в дилогии («Юность Максима», «Возвращение Максима»), поскольку третий фильм («Выборгская сторона») выйдет в 1939 году.

Двумя главными ролями прославилась Нина Алисова: «Бесприданница» (1937; Лариса Огудалова) и «Новая Москва» (1938; Зоя Новикова).

А Татьяна Окуневская запомнилась ролями второго плана в фильмах «Пышка» (1934; госпожа Карре-Ламадон), «Горячие денечки» (1936; Тоня, Антонина Терентьева-Жукова), «Последняя ночь» (1937; Лена Леонтьева).

Но вернемся к Зое Федоровой.

Итак, примерно с апреля по сентябрь 1938 года она была в разных киноэкспедициях, курсируя между Ленинградом, Москвой, Украиной, Белоруссией и Дальним Востоком. И именно в это самое время в Москве был арестован ее отец Алексей Федоров. За что? Еще в 1936 году, когда тяжело заболела его жена (у нее обнаружили рак), он прибег к услугам врача-немца по фамилии Бек. Вылечить больную так и не удалось (она умерла в том же году), но эта история аукнулась отцу актрисы спустя два года. Оказалось, что этот врач обслуживал еще и работников немецкого посольства в Москве, среди которых были и нацистские шпионы. А отношение СССР и Германии в те годы были более чем напряженными. Как пишет историк Н. Плотникова:

«В 1933–1935 годах резко изменяются приоритеты в организации контрразведывательной работы органов госбезопасности. Германия занимает место потенциального противника и возможного будущего агрессора. Выступая на оперативном совещании перед сотрудниками органов государственной безопасности в августе 1934 года, нарком внутренних дел Г. Ягода в качестве главного направления деятельности выделял разработку фашистских организаций. Совершенно очевидно имелось в виду, что создателями этих организаций выступали прежде всего официальные представители Германии в СССР...

Сотрудники контрразведывательных подразделений прежде всего активно разрабатывали персонал посольства Германии. В марте 1935 года контрразведывательным отделением ГУГБ НКВД СССР было изъято зашифрованное сообщение, переданное германским военным атташе, о подводных лодках, торпедных аппаратах, броневой стали, что соответствовало реальным данным об их производстве на Балтийской верфи, Ижорском заводе. Соответствующие указания были даны УНКВД Ленинграда и области. В результате были установлены шесть германских подданных, работавших на заводах, откуда происходила утечка информации. Консул в Ленинграде Зоммер регулярно встречался с германскими специалистами и получал от них секретную информацию...

По мере обострения отношений СССР с рядом европейских государств, прежде всего с Германией, в 1935–1936 годах прокатывается целая волна раскрытых органами госбезопасности дел о контрреволюционных организациях, созданных якобы по заданию германских разведывательных органов. Своеобразным толчком

послужила директива Экономического отдела о разрушительной деятельности германской разведки в народном хозяйстве, разосланная в январе 1936 года. Местные органы НКВД были нацелены на поиск вредителей, прежде всего среди лиц немецкой национальности. В исследуемый период значительно возрастает количество арестованных политэмигрантов из Германии. С февраля 1936 года, когда принимается постановление ЦК ВКП(б) „О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов“, они начинают подвергаться преследованиям и необоснованным арестам. (Отметим, что в 1936 году, уже при новом наркоме Н. Ежове, из Особого отдела будет выделена гражданская контрразведка, которая станет самостоятельным управлением – 3-м. – Ф. Р.)

Апогеем в борьбе с потенциальной агентурой германских спецслужб стало выполнение сотрудниками контрразведывательных отделов управлений государственной безопасности оперативного приказа НКВД № 00439 от 25 июля 1937 года. В нем говорилось: „Агентурными и следственными материалами последнего времени доказано, что германский Генеральный штаб и гестапо в широких размерах организуют шпионскую и диверсионную работу на важнейших, и в первую очередь оборонных, предприятиях промышленности, используя для этой цели осевшие там кадры германских подданных. Агентура из числа германских подданных, осуществляя уже сейчас вредительские и диверсионные акты, главное внимание уделяет организации диверсионных действий на период войны и в этих целях подготавливает кадры диверсантов. Вновь выявляемых в процессе следствия германских агентов-шпионов, диверсантов и террористов, как из числа советских граждан, так и подданных других государств, немедленно арестовывать, независимо от места их работы“.

Особенно важны два директивных письма, изданных ГУГБ НКВД в начале 1937 года. Первое из них (№ 12 от 14.02.1937) – „О террористической, диверсионной и шпионской деятельности немецких троцкистов, проводимой по заданиям гестапо на территории Советского Союза“ – оказало влияние на деятельность органов госбезопасности „по разоблачению“ немецкой агентуры среди политэмигрантов из Германии. Второе директивное письмо (№ 26 от 2.04.1937) – „О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии (иностранный и внешнеполитический отделы, «Антикоминтерн», разведывательная служба охранных отрядов и т. д.) на территории Союза ССР“ – содержит уже целый план разгрома „германской агентуры“. Прямое отношение к будущей немецкой операции имело и предписание „создать точный оперативный учет всех контингентов, используемых германской разведкой (политэмигрантов, германско-подданных, бывших германско-подданных, принявших гражданство СССР, и др.)“. На основании приказа № 00698 от 28 октября 1937 года было предписано организовать „бесперывное наблюдение“ за посольствами, миссиями, консульствами Германии и других стран, а также за квартирами и общежитиями их сотрудников, за театрами, клубами, ресторанами, за частными квартирами, которые эти сотрудники посещали.

Этот приказ привел не только к многочисленным арестам (в основном советских граждан), но и крайне затруднил дальнейшую работу в СССР многих иностранных учреждений. Число иностранных дипломатических представительств под нажимом НКВД быстро сокращается...

Массовая „немецкая операция“ НКВД 1937–1938 годов была направлена в первую очередь против советских граждан, в основном этнических немцев. Главная задача этой операции заключалась в том, чтобы ликвидировать „очаги“ и „базы“ шпионско-диверсионной и повстанческой деятельности германской разведки в СССР. Немецкая операция началась с арестов бывших германских военнопленных, политэмигрантов, перебежчиков из Германии, „контрреволюционного актива“ немецких национальных районов. Также репрессиям подвергались бывшие германские подданные, работающие или работавшие ранее в оборонной промышленности и на транспорте. Это были специалисты, приехавшие из Германии в конце 1920-х – начале 1930-х годов. Многие из них приняли советское гражданство. Маховик арестов коснулся всех, кто имел прямые или косвенные контакты с немецкими дипломатами в СССР

В качестве „подозрительных по шпионажу“ НКВД рассматривал бывших служащих немецких фирм. Цель заключалась в том, чтобы пресечь подрывную деятельность иностранных разведок в отраслях оборонной

промышленности. Подлежала ликвидации диверсионно-шпионская агентура, состоящая из лиц, которые работали еще в царской России в германских акционерных обществах, банках, промышленных и коммерческих предприятиях („Кунст и Альберо“, „Зингер и К°“, „ИГ Фарбениндустри“, а также ликвидированные иностранные концессии, действовавшие в 1920-е годы („Юнкерс“, „Друзаг“, „Крупп“), бывшие служащие справочных контор по наведению справок о кредитоспособности, являвшихся в дореволюционное время, как отмечается в приказе, важнейшим прикрытием разведывательной деятельности германского и австро-венгерского генеральных штабов („Штиммель унд Пфениг“ и др.). С началом массовых операций эта категория сразу же выдвинулась в центр внимания НКВД как имевшая очевидную (зафиксированную в анкете) связь с Германией...».

Резидентуру абвера в Москве возглавлял во второй половине тридцатых генерал Эрих Кёстринг, слывший до 1941 года в разведывательных кругах Германии «самым осведомленным специалистом по Советскому Союзу». Он родился и некоторое время жил в Москве, поэтому свободно владел русским языком и был знаком с образом жизни в России. Во время Первой мировой войны сражался против царской армии, затем в двадцатых годах работал в специальном центре, занимавшемся изучением Красной армии. С 1931 по 1933 год он выступал в роли наблюдателя от рейхсвера в СССР. В октябре 1935 года он снова оказался в Москве в должности военного и авиационного атташе Германии и пробыл здесь до 1941 года. Кёстринг имел в Советском Союзе широкий круг знакомых, которых стремился использовать для получения интересующей его информации. Этим, кстати, занимались все германские консульства в СССР. Вот что, к примеру, рассказывал арестованный в 1945 году бывший секретарь ленинградского Генконсульства Герман Штреккер:

«Активную разведывательную работу в Ленинграде против СССР вел генеральный консул Рудольф Зоммер, который в свое время шпионажем занимался также в Харькове, Тифлисе, Владивостоке и Киеве.

Насколько я знаю, Зоммер в бытность свою в Ленинграде агентуру приобретал в первую очередь из числа вновь прибывших германских специалистов, а также лиц немецкой национальности, давно проживавших в Ленинграде...

Зоммер в разведывательных целях часто объезжал Ленинград и его окрестности, систематически посещал порт, где производил личные наблюдения. Как-то в 1938 году генеральный консул киевского консульства Гросскопф заявил мне, что морской атташе германского посольства капитан фон Баум-бах свою карьеру сделал благодаря успешно проводимой разведывательной работе Зоммера...»

После аншлюса Германией Австрии в марте 1938 года отношения между Москвой и Берлином обострились еще сильнее. В итоге к середине ноября 1937 года из семи германских консульств осталось только два (в Киеве и Новосибирске), а к маю 1938 года закрылись и эти последние. Кроме этого, ГУГБ начал «трясти» всех советских граждан, кто контактировал с немцами. Именно под эту «раздачу» и угодил Алексей Федоров, который пользовался услугами немецкого врача по фамилии Бек.

Узнав об аресте родителя, Зоя Федорова, естественно, не сидела сложа руки. Она пыталась выйти на руководство НКВД (его тогда возглавлял Николай Ежов) и вызволить отца из застенков. Но успехом эта миссия не увенчалась. Спрашивается, почему, если мы предполагаем, что актриса была агентом спецслужб? Но последнее обстоятельство не играло особой роли в делах такого рода, да еще в те годы. Достаточно сказать, что в лагерях тогда сидели даже вторые половины членов Политбюро и маршалов (речь идет о женах М. Калинина, К. Ворошилова, С. Буденного, а чуть позже и В. Молотова). Чего уж говорить о родственниках сотрудников НКВД. Как пишет все та же Н. Плотникова:

«В период с 1934 года резко возрастал поток дел, которые были свидетельством роста шпиономании в стране. В шпионской деятельности в мае 1935 года была обвинена группа сотрудников Ленпромстроя, которые ставили своей задачей оказывать помощь Германии в случае войны с СССР. Дело разрабатывалось Экономическим отделом ГУГБ НКВД СССР. Главным образом члены группы критиковали существовавший в СССР политический строй, политику, проводимую в деревне, нищенское существование рабочего класса. В их действиях не было

состава преступления, однако в обвинительном заключении отмечалось, что они подготавливались к передаче немецким спецслужбам различных шпионских сведений об оборонных предприятиях, состоянии морских сил в случае начала войны с Германией.

С 1934 года КРО начинают проводить мероприятия по учету немцев, занятых в различных сферах народного хозяйства и общественной жизни. Все началось с оборонных предприятий. Эта работа проводилась в процессе спецпроверки всего личного состава оборонных заводов и фабрик. На основе решения ЦК ВКП(б), комиссия которого провела проверку найма и увольнения рабочих на важнейших военных заводах, нарком внутренних дел 14 июля 1934 года издал приказ № 004 „О мероприятиях по охране 68 важнейших предприятий военной промышленности и установлении нового порядка найма и увольнения рабочей силы“. Помимо проведения агентурно-оперативной работы на предприятии, первоочередной задачей являлось недопущение приема на работу иностранцев как потенциальной базы иностранных разведок...»

Можно предположить еще одну версию, почему усилия Федоровой по вызволению отца не увенчались тогда успехом. Дело в том, что в 1938 году мало кто в стране (а в Политбюро вообще никто) сомневался, что впереди зримо маячит война с гитлеровской Германией. Значит, в спецслужбах должны были заранее к этому готовиться. Каким образом? Создавая возможное алиби своим агентам через арест их родственников или близких знакомых, обвиненных именно в связях с немцами. С таким алиби можно было легко втереться в доверие не только к германским властям, но и к дипломатам, работавшим в Москве. Ведь у Федоровой, судя по всему, были давние отношения с разного рода немцами, которые либо жили в СССР, либо приезжали туда в качестве дипломатов и бизнесменов. Вспомним историю 1927 года и то, с кем ее тогда поймали – с Кириллом Прове, который, как мы помним, тоже был немцем по отцовской линии. И свою первую главную роль в кино Федорова сыграла в 1933 году на «Межрабпомфильме» (советско-германской киностудии) в фильме «Гармонь». Кстати, и доктора Бека в семью Федоровых привела именно Зоя, познакомившись с ним в середине тридцатых. Но и это еще не все. Осенью 1939 года Федорова ушла от Рапопорта и вернулась навсегда в Москву, прожив в Ленинграде более пяти лет. И это возвращение совпало с подписанием в августе того же года мирного договора между СССР и Германией. Вполне вероятно, что агента «Зефир» хотели использовать все на той же ниве, что и раньше, – по линии контактов с немцами. Ее даже поселят по соседству с посольством Германии, которое располагалось по адресу: улица Станиславского (бывший Леонтьевский переулок), дом 10. Впрочем, о переезде Федоровой стоит рассказать более подробно.

Как мы помним, у нее и Рапопорта своего отдельного жилья первое время не было. Наконец, в начале 1939 года оно появилось. На Малой Посадской улице, прямо напротив «Ленфильма», архитектором Демьяном Фомичевым был воздвигнут шестиэтажный дом номер 4, открытие которого было приурочено к двадцатилетию национализации большевиками кинопромышленности. Этот дом стал наградой «Ленфильму» за серию блестящих кинокартин, таких как «Чапаев», «Трилогия о Максиме» и «Депутат Балтики». В доме было пятнадцать квартир, которые состояли из двух, трех, четырех и пяти комнат общей жилплощадью 1000 кв. метров. В доме было центральное отопление, ваннанные комнаты, души и умывальники с горячей водой; устроены два лифта. Здесь же построили служебный корпус из четырех комнат для обслуживающего персонала и квартиры для управхоза.

В этом «киношном» здании поселились видные ленинградские кинематографисты: режиссеры Г. Козинцев (кв. № 2), Л. Трауберг, Л. Арнштам, А. Файнциммер, В. Эйсымонт, Г. Раппапорт, актеры Б. Блинов, Я. Жеймо, художник кино Н. Суворов, а также супружеская чета в лице оператора Владимира Рапопорта и актрисы Зои Федоровой (они получили здесь двухкомнатную квартиру). Казалось бы, живи и радуйся! И поначалу так и происходит – супруги не нарадуются на свои двухкомнатные хоромы. И летом 1939 года Федорова снимается сразу в трех (и, как окажется, последних до войны) ленфильмовских картинах, причем все были комедиями: «Станица Дальняя» режиссера Евгения Червякова, «Шестьдесят дней» Михаила Шапиро и «Музыкальная история» Александра Ивановского. Во всех фильмах у Зои главные роли.

В «Станице дальней» Федорова исполняла роль казачки Даши Горкуновой. Ее героиня – весьма лихая девушка. По сюжету, действие происходит во время военных маневров в районе кубанских станиц Дальняя и Кочетовская. В них принимают участие отряды станичных казаков. Разведку кочетовцев возглавляет лихой казак Михаил (эту роль исполнял главная киношная звезда тех лет среди мужчин-актеров Николай Крючков, с которым Федорова, кстати, за два последних года снялась в трех фильмах, включая «На границе» и «Ночь в сентябре»), а его невеста Даша Горкунова – связистка «вражеского» отряда. Даша ловко обманывает своего «врага» – и, скрывшись от преследователей, дает указания «своим». Но поскольку маневры совпадают с уборкой урожая, которая по традиции всегда заканчивается свадьбой, то массовый праздник, несмотря на полное поражение кочетовцев по двум позициям (в маневрах и социалистическом соревновании), благополучно завершается свадьбой Михаила и Даши.

Скажем прямо, этот фильм нельзя назвать шедевром, хотя он имел большой зрительский успех. И здесь стоит более подробно рассказать о его режиссере Евгении Червякове (1899). В 1930 году он, работая на кинофабрики «Союзкино» (будущий «Ленфильм»), экранизировал книгу К. Федина «Города и годы». Причем фильм снимался в содружестве с уже упоминавшейся немецкой киностудией «Дерусса» (той самой, которая затем обанкротилась и ее место занял «Межрабпомфильм»). Червяков (как и Федин) прекрасно владел немецким языком и имел множество знакомых немцев, как в самой Германии, так и в СССР. А учитывая, что такого рода люди от внимания НКВД никогда не ускользали, можно предположить, что он имел некие связи с чекистами. Об этом, кстати, говорит и его последующая кинодеятельность – он снял три фильма по заказу НКВД: «Заключенные» (1937), «Честь» (1938) и «У старой няни» (1941; «Боевой киносборник № 2»). Сюжет у последнего фильма был следующим. Когда-то, еще до войны, молодая женщина была няней в немецкой семье. Став диверсантом, ее воспитанник, давно уехавший со своей семьей в Германию, теперь пытается найти убежище у старой няни. Женщина узнает гостя и вместе с внуком «сдает» его красноармейцам.

Кстати, и смерть Червякова была по-настоящему чекистской. Когда немцы окружили Ленинград, он наотрез отказался покидать город вместе с коллегами-кинематографистами и стал выполнять секретные задания НКВД, пуская в дело свое великолепное знание немецкого языка. Переодеваясь в форму немецкого полковника, Червяков выезжал на трофейном немецком автомобиле «Хорьх» в тыл к фашистам и, подзывая к себе их солдат, расстреливал их в упор из «шмайсера». Так длилось несколько месяцев, пока немцы не раскусили смельчака и не устроили ему засаду на дороге. И Червяков погиб в неравном бою, расстрелянный фашистами. Это случилось 16 февраля 1942 года.

Но вернемся к фильмам Зои Федоровой.

В фильме «Шестьдесят дней» речь шла о том, как двое молодых научных работников были призваны на военные сборы. У Федоровой была роль лаборантки Люсеньки – возлюбленной одного из этих призывников. Однако выход фильма будет задержан на целых три года. Почему? Вот как это объяснялось в справке комиссии ЦК ВКП(б) «О запрещенных кинофильмах в 1940 и 1941 году»:

«...Картина посвящена важной теме – боевой учебе командиров запаса на учебном сборе, но разрешена тема неудовлетворительно. Организация обучения командиров запаса не соответствует современным требованиям. Кроме последней части, в фильме нет никаких признаков, что командиры обучаются в условиях, близких к боевой обстановке. В фильме утверждается совершенно неправильное положение, будто бы победа приходит в сражении в результате случая. Тактическое учение разыграно так, что побеждает командир запаса Антонов, который в течение сбора не хотел ничему учиться и действительно не учился...».

Фильм «Музыкальная история» был совсем из иной «оперы» – его можно смело назвать шедевром (к его сценарию приложил руку писатель Евгений Петров, один из «крестных отцов» Остапа Бендера). Не случайно он был удостоен Сталинской премии II степени (1941). В нем у Федоровой была роль диспетчера в таксопарке – Клавы Белкиной. А сюжет у фильма был такой. Шофер такси Петя Говорков (знаменитый тенор Сергей Лемешев)

очень любит петь. А пассажирам нравится его слушать: у Пети редкий по красоте тенор и стопроцентный музыкальный слух. Он репетирует роль Ленского в любительском оперном театре. Старый певец и дирижер Македонский предсказывает ему блестящее будущее. Но премьера спектакля заканчивается провалом из-за того, что накануне Петя поссорился с любимой девушкой, которую и играла Зоя Федорова.

Премьера «Музыкальной истории» (а это случится в октябре 1940 года) была встречена и публикой, и критиками с большим восторгом. Один из кинокритиков в главной газете страны, «Правде», писал: «Это в самом деле музыкальный фильм, от первого до последнего кадра. Щедро и полнозвучно льется с экрана музыка Чайковского, Римского-Корсакова, Визе, Бородина; в ней живут и действуют персонажи фильма, с нею органично связываются их поступки, их радости и разочарования, их судьбы...».

Короче, тем летом 1939 года, когда снимались три этих фильма, Федорова была творчески весьма активна, и ничто не предвещало того, что ее дни на «Ленфильме» сочтены. Причем не только там, но и вообще в Ленинграде и в «двушке» на Малой Посадской, которую они делили с Рапопортом.

Спустя всего лишь несколько месяцев после новоселья Федорова говорит Рапопорту «прощай», собирает чемодан и поздней осенью 39-го возвращается навсегда в Москву. Вроде бы житейская история. Но лично мне кажется, что все это не случайно. И время совпадает – как раз после августовского договора о ненападении между СССР и Германией (23 августа 1939 года). Договор лишь внешне мирный, а на самом деле война спецслужб двух государств после него не только не стихла, а, наоборот, усилилась. Послушаем Т. Гладкова – историка спецслужб:

«В ту пору немецкая разведка развернула в СССР бешеную, мало где виданную деятельность. Вот кто выжал из пакта Молотова – Риббентропа все, что только можно. Какие делегации к нам зачастили. Ну когда такое бывало – человек по 200. И постоянная смена сотрудников: кто работал месяц – три, а кто нагрел на день-два, выполнил задание – и был таков. Огромный десант немцев на ЗИЛе, множество торговых делегаций. Поди уследи. Труднейшие для наших спецслужб, ослабленных сталинскими чистками, годы. Или наладили воздушное сообщение, полетела в Москву из Берлина и Кенигсберга с посадками в наших городах их „Люфтганза“. А вместо девочек с передничками только бравые ребята – стюарды с отличной выправкой. Но и они менялись: два-три рейса – и другая команда. Это изучали маршруты немецкие штурманы из „Люфтваффе“. А бывало и такое, что среди махровых шпионов, сомнительных делегаций вдруг появлялись в Москве и завербованные нами в Германии агенты, например Харнак, которому предстояло войти в историю как одному из руководителей „Красной капеллы“. Наши „делегации“ в Германию тоже летали. Но маленькими группами. Пока на Лубянке решат, кому можно, кого выпустят...»

Об этом же пишет и историк спецслужб Ф. Сергеев: «Интенсивность этих действий заметно возросла с осени 1939 года, особенно после победы над Францией, когда абвер и СД получили возможность высвободить свои значительные силы, занятые в данном регионе, и использовать их на восточном направлении. Перед секретными службами, как явствует из архивных документов, была тогда поставлена конкретная задача: уточнить и пополнить имевшиеся сведения об экономическом и политическом положении Советского Союза, обеспечить регулярное поступление информации о его обороноспособности и будущих театрах военных действий. Им было поручено также выработать развернутый план организации диверсионно-террористических акций на территории СССР, приурочив их осуществление к моменту первых наступательных операций немецко-фашистских войск. Кроме того, они были призваны, как об этом уже говорилось подробно, гарантировать скрытность вторжения и начать широкую кампанию по дезинформации мирового общественного мнения. Так определялась программа действий гитлеровской разведки против СССР, в которой ведущее место, по понятным причинам, отводилось шпионажу...»

Кстати, и советский кинематограф тут же откликнулся на обострение борьбы спецслужб выпуском соответствующих художественных фильмов. Самые заметные из них два: «Ошибка инженера Кочина» Александра Мачерета и «Высокая награда» Евгения Шнейдера. Начнем с первого.

В аннотации к фильму читаем следующее: «По пьесе братьев Тур и Л. Шейнина „Очная ставка“».

Инженер-конструктор московского авиационного завода Кочин получает разрешение у начальника отдела взять домой на ночь секретные чертежи и внести последние исправления. Агент иностранной разведки Тривош с помощью соседки Кочина – Ксении Лебедевой – пробирается в комнату инженера и фотографирует чертежи. После очной явки Тривоша с агентом в мастерской портного шифровка случайно попадает к портному, который сразу же относит ее в НКВД. И таким образом следователь Ларцев с вещественными доказательствами в руках спокойно начинает раскрывать очередное дело. Между тем Кочин и Ксения Лебедева под зорким наблюдением Тривоша отправляются на прогулку в Пушкино. Девушка признается любимому человеку в своей шпионской деятельности и клянется пойти к следователю. Тривошу удается освободиться от свидетельницы, но от Ларцева ему не уйти».

В фильме снимались звезды советского кино: Михаил Жаров (Ларцев), Любовь Орлова (Ксения Петровна Лебедева), Фаина Раневская (Ида Гуревич). Среди других исполнителей назову актера МХАТа Николая Дорохина (Кочин) и Бориса (Богумила) Свободу. У последнего это была первая роль в кино, после чего он станет штатным злодеем советского кинематографа, сыграв еще несколько отрицательных ролей (в основном фашистов) в фильмах: «Поединок» (1945; немецкий генерал), «Человек № 217» (1945; немецкий офицер), «Сталинградская битва» (1949; Йодль), «Встреча на Эльбе» (1950; Гуго Фишер).

Обратим внимание и на режиссера Александра Мачерета. В отношении его есть подозрение, что он снимал этот фильм не случайно, а потому что сотрудничал с НКВД, причем не только гласно, но и негласно – по немецкой линии. Ведь Мачерет, закончив Парижский университет (1914–1915), в 1928–1930 годах был режиссером и членом правления клуба «Красная Звезда» в Берлине. И когда стал режиссером, снял в 1938 году фильм «Болотные солдаты» – про немецких подпольщиков, которые борются с нацистским режимом в Германии. А следом за этим фильм Мачерет снял шпионский боевик «Ошибка инженера Кочина» во славу чекистов.

Кстати, вторым режиссером на этом фильме была Татьяна Березанцева – агент НКВД с агентурным именем «Борисова». Она была супругой Александра Демьянова («Гейне»), который, как мы помним, был внедрен в актерскую богему в начале тридцатых под видом электрика на «Мосфильме». Его приятелем был сам Михаил Ромм, в отношении которого, как уже говорилось, тоже есть определенного рода подозрения (Березанцева сняла с ним сразу несколько фильмов). Впрочем, про нее я расскажу подробнее чуть позже, а пока перейдем к режиссеру «Высокой награды» Евгению Шнейдеру, в отношении которого возникают все те же подозрения. Но сначала расскажем о самой ленте. Читаем в аннотации к ней:

«Внимание участников первомайского парада в Москве привлекает самолет новой конструкции профессора Боголюбова. А тем временем агенты иностранной разведки и опытный шпион, скрывающийся под маской клоуна, спешат на дачу к Боголюбову, куда он выехал с женой и детьми (как видим, и здесь враги охотятся за авиационными советскими разработками, как и в „Кочине“. – Ф. Р.). Но чертежи конструктора не попадут в руки врага, потому что за действиями шпионов зорко следит лейтенант госбезопасности Михайлов...»

В этом фильме среди исполнителей больших звезд почти не было (разве что Андрей Абрикосов в роли лейтенанта госбезопасности Николая Михайлова и Андрей Файт в роли официанта), но он получился даже поинтереснее, чем «Ошибка инженера Кочина».

Но вернемся к его создателю. Евгений Шнейдер в 1919-1920 годах учился в Академии Генерального штаба РККА и вполне мог быть завербован военной контрразведкой. Что и стало, видимо, потом поводом к тому, чтобы он был переброшен в кинематограф на руководящие должности: Шнейдер с 1924 по 1937 годы работал

заместителем директора кинофабрик «Госкино», «Совкино» и оператором «Межрабпомфильма» (последнее предприятие, как мы помним, было советско-германским). Кстати, это тот самый Шнейдер, который был оператором фильма «Гармонь», снимавшегося на «Межрабпомфильме» и где главную роль исполняла Зоя Федорова.

Вообще режиссеров, которые снимали в СССР фильмы про разведчиков, для такой работы подбирали весьма тщательно. Там людей из разряда «шалаяй-валяй» обычно к такому рода делам не привлекали. Конечно, в первую очередь оценивался талант режиссера, но и взаимоотношение с органами тоже играло большую роль. Особенно это касалось сталинских времен.

И снова обратим внимание на тему, которая педалировалась в обоих названных выше фильмах про шпионов – авиационная. Она и в самом деле занимала приоритетное значение в шпионской деятельности зарубежных агентов, которые засылались в тридцатые годы в СССР. Поэтому не случайно, что после советско-германского договора 1939 года в Москве одновременно с агентом «Зефиром» объявился еще один агент, работавший по линии 1-го отделения (Германия, Венгрия) 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР – наш знаменитый разведчик Николай Кузнецов, который выдавал себя за авиационного инженера. Впрочем, расскажем о нем более подробно.

До этого Кузнецов был агентом НКВД в Коми АССР, где проявлял чудеса конспиративной работы. Его талантом разведчика восхищался сам Михаил Журавлев – тамошний нарком внутренних дел. Кстати, этот человек вполне мог знать Зою Федорову еще по Ленинграду. Каким образом? Журавлев родился в городе на Неве и после чисток 1937 года был выдвинут на руководящую партийную работу: занимал должность заместителя заведующего отделом парторганов, а с 1938 года стал вторым секретарем Ленинского райкома. А тот примыкал к Петроградскому, где жила и работала (на «Ленфильме») в 1934–1939 годах Зоя Федорова.

В январе 1939 года Журавлева взяли на работу в НКВД и сделали наркомом внутренних дел Коми АССР. Когда он познакомился с Кузнецовым и был пленен его талантом, он дал знать об этом в Москву, которая позарез нуждалась в таких агентах – смысленых, дерзких, да еще и идеально владевших немецким языком (его Кузнецов выучил самостоятельно еще в детстве). В итоге Николая вызвали в Москву и сделали особо засекреченным агентом (о его агентурной принадлежности в центральном аппарате на Лубянке знали всего лишь несколько человек), подключив к «немецкой линии» под именем обрусевшего немца Рудольфа Вильгельмовича Шмидта. Причем ни звания, ни удостоверения работника спецслужб у него не было, чтобы не расшифровать даже перед своими. Поэтому доходило до курьезов. Когда его сосед по коммунальной квартире № 10 по Напрудному переулку, дом 1 (рядом с проспектом Мира, недалеко от современной Новорижской эстакады), написал на него донос в НКВД – дескать, проверьте – общается с иностранцами, – контрразведка Лубянки установила за Кузнецовым наблюдение. Но вскоре оно было снято. А Кузнецову выделили отдельное жилье – в доме 20 по улице Карла Маркса (Старая Басманная), рядом с Садам имени Баумана.

Кстати, в семидесятые годы я жил всего лишь в нескольких минутах ходьбы от этого дома (в нем жила моя одноклассница Лена Акимченко) и частенько заглядывался на мемориальную доску в честь знаменитого разведчика, которая до сих пор висит над подъездом, где он жил.

Одним из тех, кто «вел» Кузнецова, был Василий Рясной, который до февраля 1937 года был секретарем Руднянского райкома ВКП(б), после чего был отправлен на работу в НКВД. Работу там он начинал в 3-м (контрразведывательном) отделе ГУГБ – 1-го Управления НКВД СССР, на должностях стажера, оперуполномоченного, помощника и заместителя начальника отделения. Занимал следующие руководящие должности: начальник 14-го отделения 3-го отдела ГУГБ НКВД (октябрь 1939 – июль 1940 года), начальник 1-го отделения (оно занималось Германией) 3-го отдела ГУГБ НКВД (январь – март 1941 года), начальник 1-го отделения 1-го отдела 2-го Управления НКГБ (март – июль 1941 года).

Рясной под фамилией Семенова был прописан в том самом доме на Старой Басманной (эта квартира была конспиративной), и Кузнецов вселился туда как его дальний родственник. Вот такая чекистская легенда.

Что касается Михаила Журавлева, который и «засветил» перед Лубянкой Кузнецова, тот вскоре после него (в марте 1940 года) тоже был переведен в Москву и назначен начальником 5-го отделения 2-го Секретно-политического отдела ГУГБ НКВД СССР. Отделения, которое занималось разработкой литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелей культуры и искусства. То есть Журавлев стал непосредственным куратором по линии СПО агента «Зефир», с которым он познакомился еще в Ленинграде. Более того, в конце сороковых тот же Журавлев будет назначен начальником Владимирского центра, куда агент «Зефир» угодит после... Впрочем, не будем забегать вперед.

В той же самой богемной московской среде вращался и Николай Кузнецов. Читаем у П. Судоплатова:

«Он готовился индивидуально, как специальный агент для возможного использования против немецкого посольства в Москве. Красивый блондин, он мог сойти за немца, то есть советского гражданина немецкого происхождения. У него была сеть осведомителей среди московских артистов. В качестве актера он был представлен некоторым иностранным дипломатам. Постепенно немецкие посольские работники стали обращать внимание на интересного молодого человека типично арийской внешности, с прочно установившейся репутацией знатока балета. Им руководили Райхман, заместитель начальника Управления контрразведки, и Ильин, комиссар госбезопасности по работе с интеллигенцией. Кузнецов, выполняя их задания, всегда получал максимум информации не только от дипломатических работников, но и от друзей, которых заводил в среде артистов и писателей. Личное дело агента Кузнецова содержит сведения о нем как о любовнике большинства московских балетных звезд, некоторых из них в интересах дела он делил с немецкими дипломатами. Кузнецов участвовал в операциях по перехвату немецкой диппочты, поскольку время от времени дипкурьеры останавливались в гостиницах „Метрополь“ и „Националь“, а не в немецком посольстве. Пользуясь своими дипломатическими связями, Кузнецов имел возможность предупреждать нас о том, когда собираются приехать дипкурьеры и когда можно будет нашим агентам, размещенным в этих отелях и снабженным необходимым фотооборудованием, быстро переснять документы...»

Об этом же и слова Т. Гладкова: «В знакомых у Кузнецова были балерины, у которых кроме него были и богатенькие поклонники, не только советские. Зарплата у девушек не очень, а иностранец и чулочки привезет, и тушь из Парижа, и еще что-то подкинет. Так что Кузнецов никого никому не подкладывал, прекрасные дамы и без него свое дело знали. Но среди балерин были и его источники, многое Кузнецову рассказывавшие.

Кузнецов вербовал немцев. Добывал секретные документы. Компрометировал чужих дипломатов, заставляя работать на нас. Теперь часто публикуют фото Николая Кузнецова тех времен: он в форме старшего лейтенанта советских ВВС. Но вот что интересно, или даже характерно. Той летной формы ему никто не выдавал. Об этом рассказывал мне генерал Райхман, которому и подчинялся Кузнецов: „Сам достал“. Где-то раздобыл, придумал легенду и по ней действовал. Почему именно старший лейтенант? Кузнецов сообразил, что как раз возраст для лейтенанта. Легенда, которая притягивала чужих: работает в Филях, на заводе, где выпускаются самолеты. Выдавал себя за инженера-испытателя. Купил фотоаппарат и быстренько переснимал передаваемые ему секретные документы. Машину научился водить тоже сам. Мне Райхман подтвердил: „Мы его ничему не учили“. Хотел послать в спецшколу, но биография была такой... Его б кадровики не в школу отправили, а на посадку (у Кузнецова в молодости была судимость – год исправработ, его дважды исключали из комсомола, потом снова восстанавливали. – Ф. Р.). И какая школа, когда работать было надо сегодня. В пакт разведчики не верили, Райхман со товарищи даже написали об этом рапорт. Но Меркулов, их тогдашний шеф, бумагу разорвал со словами: „Наверху этого не любят, но работайте так, как вы здесь мне все изложили“. Кузнецов был страшно нужен. Был момент, и его хотели назначить администратором в Большой театр – завязались серьезные связи в этом мире...»

Здесь стоит рассказать, кто такие Райхман, о котором упоминают Судоплатов и Гладков, а также Ильин.

Лазарь (Леонид) Райхман в декабре 1931 году, в возрасте 23 лет, работал заведующим кадрами деревообделочного комбината № 6 в Ленинграде, когда его завербовало ОГПУ. С апреля 1932 года он уже работал помощником уполномоченного ОГПУ по Ленинградскому ВО, причем по Петроградскому району, где находился «Ленфильм». С 1933 года – уполномоченный 1-го отделения, с 1935 года оперуполномоченный 2-го отделения СПО ПП ОГПУ по ЛВО – СПО УГБ УНКВД по Ленинградской области, с 16 апреля 1937 года – помощник начальника 1-го отделения 4-го отдела УГБ УНКВД.

Учитывая, что Райхман работал в двух отделениях СПО – 1– м, которое отвечало за разработку троцкистов, юрьевцев, правых оппозиционеров, мясниковцев, шляпниковцев, исключенных из ВКП(б), а также за закордонную работу, и 2– м – работа против бывших меньшевиков, анархистов, эсеров, бундовцев, клерикалов, провокаторов, жандармов, контрразведчиков, карателей, белоказачков, монархистов – вполне можно предположить, что он мог знать агента «Зефира», который в Ленинград был делегирован для работы против тех же оппозиционеров и немцев.

1 июня 1937 года Райхман был переведен в Москву, в центральный аппарат НКВД, где получил должность начальника 1-го отделения 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР. В июне 1938 года он стал начальником 5-го отделения 2-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР, которое, как мы помним, «вело» деятелей культурного фронта. На этом посту Райхман пробудет до января 1940 года, после чего пойдет на повышение – станет заместителем начальника 2-го отдела ГУГБ НКВД СССР и станет трудиться на украинско-польском направлении.

В период работы Райхмана на «культурном» фронте он и жену себе подберет из этого же круга – ею станет знаменитая балерина Большого театра Ольга Лепешинская (1916). Причем, по некоторым сведениям (об этом, например, пишет в своей книге Владимир Абаринов), она была... агентом НКВД, и ее куратором одно время был именно Райхман. В процессе этой агентурной работы между ними возник роман, который в итоге привел к их женитьбе. Вот такая мелодрама на фоне суровой чекистской работы. Когда именно балерина стала агентурить на ГБ, сказать трудно. А официальная биография Лепешинской выглядит следующим образом.

В 1933 году она окончила Московское хореографическое училище и дебютировала в Большом театре в балете «Тщетная предосторожность». После чего роли в других спектаклях последовали одна за другой: Китри в «Дон Кихоте» Л. Ф. Минкуса, Аврора в «Спящей красавице» П. И. Чайковского, Одетта и Одилия в «Лебедином озере» того же автора, Тао Хоа в «Красном маке» Р. М. Глиэра, Жанна в «Пламени Парижа» Б. В. Асафьева и др.

Во второй половине тридцатых Лепешинская вышла замуж за ленинградского кинорежиссера Илью Трауберга (брата Леонида Трауберга, который вместе с Г. Козинцевым снял трилогию о Максиме, а в 1939 году поселился в одном доме с Федоровой и Рапопортом), но этот брак продержался недолго. Вот тогда Лепешинская и обратила внимание на Райхмана, за спиной которого могла быть совершенно спокойна за свою жизнь и карьеру. Ведь в руках у чекиста была неограниченная власть, а у его отдела в Большом театре была весьма обширная агентура, впрочем, как и в других культурных учреждениях Москвы. Не случайно и Кузнецова хотели назначить администратором именно в Большой театр – ведь он тогда был центром средоточия иностранных граждан, приезжавших в Москву. Вторым центром был «Мосфильм», но там в основном вращалась местная богема.

Балерин Большого театра, работавших на чекистов, было так много, что под них специально было создано подразделение, где они числились (в нем работала и жена Судоплатова – Эмма). Их задействовали в самых различных акциях, но в основном связанных с иностранцами. Вот, к примеру, одна такая история из предвоенного времени, рассказанная нашей знаменитой разведчицей Зоей Воскресенской:

«На машине ВОКСа (Всесоюзное общество культурных связей. – Ф. Р.) я прибыла в германское посольство. Одновременно со мной подъехали две машины с солистами балета Большого театра. Запомнилась народная артистка Семенова, она приехала после спектакля, усталая, непричесанная, лицо ее без грима блестело от крема (выдающаяся русская советская балерина Марина Семенова в 1925–1929 годах танцевала сначала в

Ленинградском театре оперы и балета, затем перешла в Большой театр, была одной из любимых балерин И. Сталина. – Ф. Р). Появились еще две молодые танцовщицы, был, кажется, и Чабукиани (Вахтанг Чабукиани – с 1929 по 1941 год был артистом балета Ленинградского театра оперы и балета. – Ф. Р). Балерина Тихомирова была в каком-то затрапезном платье.

Встречал гостей посол Вернер фон Шуленбург. Он был, как положено, во фраке, и его окружали балерины, приехавшие из Берлина...

Всех пригласили к столу. С немецкой стороны дипломаты были без жен. Один из них говорил по-русски. А с советской стороны переводчиком пришлось быть мне. Чувствую, в меня впился взглядом сидевший визави, как он потом представился, военный атташе. Он был – мы это знали – главой немецкой разведки в Москве (Эрих Кёстринг. – Ф. Р)...

После обеда, далеко не парадного и не рассчитанного на гурманов (блюда были пресные), разговор завязался натянутый, с паузами. Военный атташе несколько раз выбежал, его куда-то вызывали. Один раз, возвратившись, он что-то прошептал послу Шуленбургу, что было уж совсем бестактно с точки зрения дипломатического протокола.

Перешли в зал, где разносили кофе, мороженое и ликер. Военный атташе завел патефон английского происхождения марки „Хиз мастере войс“. На крышке патефона была изображена собака, слушающая звук из граммофонного раструба. Начались танцы. Шуленбург пригласил меня на тур вальса.

На меня напало смешливое настроение. Мой партнер был внимателен, вежлив, но не мог скрыть своего удрученного состояния.

– Не кажется ли вам забавным, господин посол, – спросила я, – что мы танцуем с вами в балетной труппе Большого театра?

– Действительно забавно, – усмехнулся Шуленбург. – Такое, к сожалению, случается лишь раз в жизни, а я к этому не готов.

– Вы не любите танцевать? – спросила я с наивностью в голосе.

– Признаться, не люблю, но вынужден, вынужден, – еще раз подчеркнул Шуленбург.

И я вдруг почувствовала какой-то иной смысл в его словах, высказанных с горечью.

Танцую, мы прошли по анфиладе комнат, и я отметила в своей памяти, что на стенах остались светлые, не пожелтевшие квадраты от снятых картин. Где-то в конце анфилады как раз напротив открытой двери возвышалась груда чемоданов.

В это время к нам не подошел, а подбежал запыхавшийся военный атташе:

– Господин посол, вам надо отдохнуть, я похищаю у вас даму.

– Я тоже устала, – ответила я.

Шуленбург ушел в какую-то боковую дверь, а военный атташе сопровождал меня в зал и принялся расспрашивать, в каком отделе ВОКСа я работаю. Я ответила, что в скандинавском. Он подробно интересовался нашими планами, какие намечены вернисажи, какие предстоят гастроли. Я отвечала наобум, что бог на душу положит. У меня не было времени „запрягаться“, и вынуждена была „быстро ехать“.

Военный атташе снова куда-то исчез. В это время балерина Семенова сказала, что пора бы и честь знать и время отправляться домой. Вышел Шуленбург, гости благодарили за прием. Появился военный атташе, подошел ко мне и злорадно съязвил:

– Мне сейчас сообщили, что театр Станиславского не собирается выезжать с гастролями в Финляндию, как вы изволили мне сказать.

– У вас старые сведения, господин генерал, – ничуть не смутившись, ответила я.

– Сведения самые последние и самые достоверные, – настырно повторил военный атташе.

– А я утверждаю, что именно так. Сегодня днем шеф ВОКСа профессор Кеменов подписал мой план.

Мы распрощались.

Меня ждала машина ВОКСа. В зеркало я видела, что военный атташе, стоя на крыльце, записывал номер этой машины.

Возле моего дома меня ждала другая, служебная машина, на которой я поехала на Лубянку и, как была, в вечернем бархатном платье со шлейфом, пришла к генералу Федотову. Мои наблюдения в германском посольстве и всякие подмеченные детали вполне удовлетворили специалистов нашей контрразведки. Из моего доклада было ясно, что германское посольство готовится к отъезду и вся эта „культурная“ акция с Берлинским балетом сфабрикована для отвода глаз.

Шуленбург и его аппарат готовились покинуть Москву...»

Что касается еще одного чекиста, упомянутого Судоплатовым, – Виктора Ильина, то он в 14-летнем возрасте участвовал в гражданской войне на стороне Красной армии. А после войны стал политруком в дивизии особого назначения при Коллегии ОГПУ. Но в 1926 году Ильина уволили из органов по слабости зрения. Но, как говорится, бывших чекистов не бывает. Судя по всему, Ильин относился к их числу. Он хоть и работал в Высшем совете народного хозяйства СССР секретарем замначальника Военно-промышленного управления, но и чекистскую службу, видимо, не забывал. Поэтому в 1932 году его устроили в руководство кинематографического главка – налаживать агентурную сеть в среде киношников. Судя по всему, делал он это весьма споро, за что после чего в январе 1933 года его вернули в штатные сотрудники ОГПУ – рядовым оперуполномоченным. Причем трудился он на «культурном фронте» – агентурил среди киношно-театральной и литературной богемы (лично «вел» агента «Гейне» – Александра Демьянова, которого, как мы помним, устроили рядовым электриком на «Мосфильм»). А в 1937–1938 годах его перебросили на разработку меньшевиков и троцкистов. Он и там отличился, но все же главным его коньком была творческая элита. Поэтому в 1939 году Ильин был назначен заместителем начальника 3-го (вскоре он станет 2-м) отдела Секретно-политического Управления НКВД, занимавшегося работой с творческой интеллигенцией.

А руководил тогда СПО Павел Федотов, который пришел на работу в ВЧК в двадцать лет – в январе 1921 года. Будучи петербуржцем, он долгие годы работал в СПО на Северном Кавказе (Чечня и Орджоникидзевский край), после чего осенью 1937 года был переведен в центральный аппарат НКВД СССР, где шли массовые чистки в рядах старой номенклатуры. Спустя несколько месяцев – в марте 1938 года – Федотов уже был назначен начальником 7-го отделения 4-го (секретно-политического) отдела ГУГБ – это отделение отвечало за выявление и разработку антисоветских организаций учащейся молодежи, системы Наркомпроса, детей репрессированных. В сентябре того же 1938-го Федотов уже стал помощником начальника 4-го отдела, затем его заместителем. А спустя 11 дней после заключения советско-германского договора о дружбе – 4 сентября 1939 года – Федотов возглавил 2-й (секретно-политический) отдел ГУГБ НКВД СССР.

А что же Зоя Федорова? В Москве она поселилась в родительской квартире на Моховой, дом 10, где также жил ее младший брат Иван (еще у них были две сестры – Мария и Александра, но они жили отдельно в своих семьях – например, у Марии мужем был певец из Большого театра Синицын). Но это совместное житье было временным явлением, поскольку Зое было обещано отдельное жилье, причем не где-нибудь, а в новом, уже почти построенном доме 17 на улице Горького. О бывшем муже она уже не вспоминала, поскольку у нее на горизонте

появился новый воздыхатель – куда более перспективный. Во-первых, он был молод (моложе ее на восемь лет), во-вторых – русский (связи с евреями в ту пору уже так не поощрялись, как раньше), и, наконец, он был летчиком – «сталинским соколом», как их тогда называли. Речь идет об Иване Клещеве.

Он родился 26 января 1918 года в селе Курячовка ныне Марковского района Луганской области Украины в шахтерской семье. В 1933 году окончил 1-й курс педагогического техникума в Ворошиловграде, после чего работал слесарем на паровозостроительном заводе в городе Новочеркасске. Как и большинство мальчишек той поры, мечтал стать летчиком (вспомним фильм «Летчики» 1935 года выпуска, где Зоя Федорова играла роль медсестры) и вступил в ростовский аэроклуб. Затем он попал в Борисоглебскую военную авиационную школу летчиков.

В 1937 году Клещев отправился служить в Красную армию. Окончил военную школу летчиков-истребителей и летом 1939 года был отправлен для участия в боях против японских захватчиков на реке Халхин-Гол (Монголия) в должности командира звена 56-го истребительного авиационного полка. Совершил 70 боевых вылетов на истребителе «И-16», участвовал в 12 воздушных боях, лично сбил один самолет (по другим данным – лично четыре и в составе группы два самолета) противника.

12 августа 1939 года во время лобовой атаки столкнулся с истребителем противника и сбил его. При этом на высоте 1000 метров был выброшен из своего разрушившегося самолета, получив переломы левой ноги и правой руки, а также травму головы. Парашют раскрылся от удара. На земле был подобран бойцами 9-й мотоброневого бригады и отправлен в госпиталь. За проявленное мужество Клещева наградили орденом Красного Знамени. Короче, яркая биография у Ивана Клещева, несмотря на его молодой возраст (в январе 1939 году ему исполнился 21 год).

С Федоровой он познакомился в самом конце 1939 года на общей вечеринке, где собрались военные и деятели творческой интеллигенции. Клещев тогда только-только вернулся из Средней Азии, где проходил службу после ранения. И сразу попал в поле зрения Федоровой. Или она попалась ему на глаза, поскольку не было в стране человека, который бы не знал эту артистку. А вообще в те годы летчики среди всех военных были в особом фаворе, и не было в Советском Союзе девушки, которая не хотела бы выйти замуж за «сталинского сокола».

Первой советской актрисой, вышедшей замуж за летчика, была Валентина Половикова, которая после замужества стала Серовой. Ее супругом стал знаменитый летчик Анатолий Серов (1910). В июне 1930 года он окончил Вольскую военно-теоретическую школу летчиков, а также 3-ю школу военных летчиков и летчиков-наблюдателей, базирующуюся в Оренбурге. С 1937 года Серов участвовал в Гражданской войне в Испании под псевдонимом «Родриго Матео» – он был командиром эскадрильи и воевал на истребителе «И-15». За время боевых действий он в паре с ведомым провел около 40 воздушных боев, сбил 15 самолетов противника, из них восемь – лично.

Организовал ночное дежурство истребителей над аэродромом. 27 мая 1937 года в ночном воздушном бою сбил один бомбардировщик противника и отогнал еще два самолета от аэродрома. Впоследствии, как написано в книге З. Чалой «Анатолий Серов», Анатолий успешно внедрил разработанную им методику ночных боев в других эскадрильях. Кроме этого, именно Серов участвовал в уникальной операции по штурму аэродрома противника силами истребительной авиации, без бомбардировщиков. Это было первое применение истребителей для штурма наземных целей. Отряд Серова потерь не имел, а на аэродроме было уничтожено около сорока самолетов противника.

2 марта 1938 года полковнику Серову было присвоено звание Героя Советского Союза. А уже 3 мая он познакомился с Валентиной Половиковой, которая тогда играла на сцене Театра имени Ленинского комсомола. Говорят, это была любовь с первого взгляда и уже на третий день Анатолий сделал актрисе предложение. Они расписались 11 мая, через восемь дней после знакомства. Это была красивая, звездная, счастливая пара, обласканная самим Иосифом Сталиным.

Отметим, что на тот момент Половикова еще не была столь известной актрисой. На ее счету была всего лишь одна кинороль, да и то второплановая – Лиза в фильме «Строгий юноша» (1936). Однако в марте 1939 года на экраны страны вышла картина «Девушка с характером», где у Серовой была главная роль – работница дальневосточного зверосовхоза Катя Иванова, которая сделала двадцатилетнюю актрису настоящей звездой экрана.

Звездная пара жила в роскошной квартире в Лубянском проезде. Однако их счастье было недолгим. Спустя полтора месяца после премьеры «Девушки с характером» – 11 мая 1939 года, в день годовщины их свадьбы (Валентина тогда была на шестом месяце беременности) – Анатолий Серов погиб при совершении испытательных полетов на самолете «УТИ-4» в районе деревни Высокое. Вместе с другим знаменитым «сталинским соколом» – летчицей Полиной Осипенко – они осваивали «слепые» полеты. Прах обоих был помещен в урнах в Кремлевскую стену на Красной площади в Москве.

Еще одна актриса, вышедшая замуж за «сталинского сокола», – Марина Фигнер (1922). Она, кстати, была знакома с Зоей Федоровой, снявшись с ней в одном фильме – в «Музыкальной истории» (1940), где у Фигнер была крохотная роль актрисы в опере.

Марина родилась в Ленинграде, в ее жилах текла немецкая кровь (род Фигнеров переселился из Германии в Россию при Петре I, к этому роду относится и знаменитая революционерка из «Народной воли» Вера Фигнер). Причем отец Марины – Николай Николаевич – служил офицером в царской армии, затем перешел на сторону большевиков и продолжил службу в рядах РККА. В конце тридцатых, когда начались репрессии против обрусевших немцев, Фигнера-старшего эта участь благополучно миновала (ему даже не припомнили службу в белой армии). В 1943 году полковник Николай Фигнер погибнет на фронте, как и его сын Кирилл.

Что касается Марины, то она в 1939 году окончит среднюю школу. И закрутит роман... с самим Владимиром Петровым – кинорежиссером с «Ленфильма», который прославился после фильма «Петр I» (1937–1939). Благодаря этому роману Фигнер была принята без всякого профессионального образования в Ленинградский театр имени Ленсовета и снялась в «Музыкальной истории». Но затем в это дело вмешался сам... Сталин.

Дело в том, что Петров был официально женат на дочери одного из видных революционеров и соратников Сталина – тоже грузина по национальности. Узнав от чекистов о том, что Петров «загулял» с молоденькой девчонкой, вождь позвонил ему домой и сделал внушение: дескать, нехорошо бросать дочерей видных революционеров. После этого Петров расстался с Фигнер и вернулся к жене. А Марина вынуждена была уехать в Москву, где устроилась актрисой в МХАТ. Там же она встретила «сталинского сокола» – летчика Рафаила Капреляна (1909). Он окончил Ленинградский институт гражданской авиации (1932), Батайское летное училище гражданской авиации (1934). В 1935–1941 годах он работал пилотом в ГВФ (в Московском Управлении). В 1937 на самолете «ХАИ-1» он выполнил перелет Москва – Ташкент – Москва. Спустя год был отправлен на работу в Китай – учил тамошних летчиков. В 1940 году вернулся на родину и познакомился с Мариной Фигнер, которая стала его женой. К этой женщине мы еще вернемся, поскольку она будет входить в близкий круг Зои Федоровой – в круг женщин, которые имели отношения с иностранцами, аккредитованными в Москве.

Итак, Зоя Федорова закрутила роман с летчиком Иваном Клещевым и стала его гражданской женой. И весной 1940 года любовники справили новоселье – переехали жить в семиэтажный дом 17, квартира 59 (67 кв. метров) по улице Горького (архитектор Г. Мордвинов), на противоположной стороне от Елисеевского магазина. Этот угловой дом, построенный на месте снесенной церкви Дмитрия Солунского с уникальной шатровой колокольней XVII века, был прозван в народе «домом под юбкой», так как до 1958 года на угловой башенке стояла статуя балерины, которая держала в руках серп и молот (скульптор Г. Мотовилов). В те годы по Москве даже ходил стишок:

Над головою у поэта

Воздвигли даму из балета,
Чтоб Александр Сергеич мог
Увидеть пару стройных ног.

Отметим, что памятник А Пушкину до 1952 года стоял на противоположной от сегодняшней стороне – на Тверском бульваре, и «балерина» на самом деле возвышалась над его правым плечом, воздев вверх руки и вытянув, как струны, свои стройные ножки в пуантах.

Обратим внимание на следующий факт. В начале 1940 года в Москве вновь открылось консульство Германии, которое расположилось на улице Станиславского (бывший Леонтьевский переулок). Практически по соседству с домом 17 по улице Горького, где тогда же(!) справила новоселье и Зоя Федорова. Неужели опять случайность? Но не слишком ли много подобных случайностей происходило в биографии героини нашего рассказа? Может, это все же закономерность? Как и то, что сразу несколько домов по этой нечетной стороне улицы Горького были «чекистскими». Например, дом 9, который выходил как на улицу Горького, так и в Брюсов переулок. В нем обитала семья Всеволода Мейерхольда и Зинаиды Райх, о которых речь у нас уже шла. Как мы помним, в их квартире был салон, который, судя по всему, был организован чекистами. Читаем у Л. Колодного:

«...В арке на Тверской, 9, виден дом, где жил режиссер Всеволод Мейерхольд с Зинаидой Райх, ведущей актрисой его театра, первой женой Сергея Есенина, матерью сына и дочери поэта. Они росли здесь. Судьба режиссера известна. Зинаиду Райх зверски убили в квартире (15 июля 1939 года. – Ф. Р.) и поселили в ней ничего не знавших об этой трагедии молодоженов-грузин, сотрудников НКВД. Поженил начинающих чекистов гулявший на их свадьбе нарком Лаврентий Берия, выдав таким образом замуж одну из своих любовниц по имени Вардо. При Сталине ей пришлось отсидеть в тюрьме год, еще два года – после падения Берии. Квартира хлебнувшей горя Вардо много лет использовалась как явочная. Только когда по ТВ прошел сюжет о злосчастной квартире, КГБ подобрал бывшему агенту другую жилплощадь...».

В доме 17, где обитала Зоя Федоровой, спустя пару месяцев после ее ареста (в начале 1947 года) станет жить и разместит свою мастерскую скульптор Сергей Коненков, супруга которого – Маргарита Коненкова – судя по многим данным, была... агентом НКВД с агентурным именем «Лукас». Как пишет все тот же Л. Колодный:

«Какие задачи выполняла Маргарита Ивановна, живя на Тверской? Можно предположить, квартира и мастерская, где бывали многие поклонники таланта Коненкова, сослужила верную службу Лубянке...».

Сергей и Маргарита поженились в 1922 году, а год спустя остались жить в США, не вернувшись из творческой командировки. Самое интересное, что этот побег не вызвал неприятия у советских властей, и они продолжали поддерживать связь с супружеской четой. Не потому ли, что Маргарита была секретным агентом и выполняла специальное задание ГПУ? Вот как об этом писал П. Судоплатов:

«Жена известного скульптора Коненкова, наш проверенный агент, действовавшая под руководством Лизы Зарубиной (жена Василия Зарубина, резидента НКВД в США – Ф. Р.), сблизилась с крупнейшими физиками Оппенгеймером и Эйнштейном в Принстоне. Она сумела очаровать ближайшее окружение Оппенгеймера. После того как Оппенгеймер прервал связи с американской компартией, Коненкова под руководством Лизы Зарубиной и сотрудника нашей резидентуры в Нью-Йорке Пастельняка (Лука) постоянно влияла на Оппенгеймера и еще ранее уговорила его взять на работу специалистов, известных своими левыми убеждениями, на разработку которых уже были нацелены наши нелегалы и агентура...».

И еще одна цитата из того же П. Судоплатова: «Существенной была роль Михоэлса и Фефера также и в разведывательной операции по выходу на близкие к Эйнштейну круги ученых-специалистов, занятых

разработкой в то время никому не известного „сверхоружия“. Эти люди встречались с близкими к семье Эйнштейна русскими эмигрантами супругами Коненковыми, и через них, правда, в устной форме, к нам поступала важная информация о перспективах нового „сверх-оружия“, обсуждавшихся в Принстоне при участии Ферми и Оппенгеймера. Координацией всей этой работы по линии нашей разведки в США занимались, кроме Зарубиных, Хейфец и Пастельняк...».

В 1945 году по распоряжению Сталина для того, чтобы перевести работы Коненкова из Америки в Россию, был зафрахтован пароход. И в Москве скульптору и его жене почти сразу выделили громадную мастерскую (на первом этаже) и квартиру (на втором этаже) в доме 17 по улице Горького. Таких благ не получал никто из вернувшихся в СССР эмигрантов. После чего на супругов... посыпались упреки за то, что они прожившие самые трудные для страны военные годы за границей, незаслуженно получили от власти такие блага. Тогда Маргарита написала письмо Л. Берии, где настоятельно просила всесильного члена Политбюро (и недавнего шефа НКВД) оградить ее и ее семью от нападков с учетом (далее дословно) «ее заслуг и заслуг Сергея Тимофеевича Коненкова перед родиной». Эта сноска чуть позже позволит историкам сделать вывод, что Маргарита Коненкова была спецагентом самого Берии. Не таким ли агентом была и соседка Коненковых по дому 17 по улице Горького – «Зефир», о которой мы ведем речь в своей книге? Вообще в этом доме агентами, судя по всему, были не только они.

Еще одним соседом Зои Федоровой по тому же дому (причем они справили новоселье одновременно – в 1940 году) был знаменитый советский актер Максим Штраух. Они с Федоровой были знакомы давно – еще с 1932 года, когда Зоя была студенткой училища при Театре революции, а Штраух был зачислен в его труппу, перейдя из Театра Мейерхольда. А в 1937 году они встретились на одной съемочной площадке, снявшись в ленфильмовской картине «Человек с ружьем». По некоторым данным, Штраух тоже мог иметь отношения к секретной работе в НКВД. Что на это указывает? Весьма специфическая служба будущего актера, на которой он подвизался в молодые годы.

В 1918–1921 годах Штраух, одним из первых исполнивший на экране роль В. Ленина (вместе с Борисом Щукиным), служил в фельдъегерском корпусе Реввоенсовета республики (наиболее крупный орган подобной особой связи) и доставлял секретную корреспонденцию в разные концы страны (однажды он довез секретное письмо Ленина в Ташкент, несмотря на свалившийся на него тиф). Вот что пишет журналист А Бураков:

«Не одну тысячу километров исколесил „красный фельдъегерь“ Штраух, доставляя важные правительственные документы в разные уголки молодой Советской республики. Всегда и всюду с ним были семизарядный пистолет системы „Наган“, кожаный портфель и специальное удостоверение, выдаваемое всем фельдъегерям, убывавшим в командировки. Позже в своих воспоминаниях Максим Штраух называл этот документ мандатом, подчеркивая при этом огромную по тем временам его силу. Он обеспечивал беспрепятственный проезд на любом виде транспорта, в любую точку России. Это специальное удостоверение было напечатано типографским способом на бланке Всероссийского Главного штаба за подписью начальника штаба и комиссара. Вот его содержание: „Дано сие фельдъегерю Штрауху, командируемому по роду его службы с секретными поручениями и срочными особой важности бумагами от Совета Всероссийского Главного штаба и учреждений Революционного Военного Совета Республики, в том, что ему предоставляется право беспрепятственного выезда и въезда в Москву, Петроград и другие города Российской Республики с имеющимися при нем казенными пакетами, не подлежащими ни осмотру, ни конфискации. Военным представителям, комендантам и начальникам станций предлагается предоставлять в распоряжение фельдъегеря Штрауха место в вагонах: специального назначения, штабном, делегатском или служебном, и право получения билета, входа и выхода на перрон вокзалов вне очереди. Всем советским организациям, учреждениям и должностным лицам оказывать полное содействие в отношении беспрепятственного выполнения возложенных на фельдъегеря Штрауха поручений и передачи по назначению вверенных ему пакетов“.

Максим Штраух, обладая напористым характером и трудолюбием, за короткое время освоил новую, доселе неизвестную для себя профессию, что позволило ему пройти путь от простого фельдъегеря до специалиста 1-й категории с месячным должностным окладом 600 рублей. В Положении о Службе внешней связи было сказано:

„Служащие Службы внешней связи именуются фельдъегерями и делятся на две категории, на 1-ю и 2-ю. Фельдъегерь 1-й категории обязан знать хотя бы один из иностранных языков (французский, немецкий, английский). Фельдъегеря предназначаются для доставки внутри республики и за границу важнейших бумаг, посылок и денежных сумм. Они наряжаются также по особым распоряжениям на дежурства при высших должностных лицах военного управления“.

После выполнения задания и возвращения из Ташкента в Москву фельдъегерю Штрауху как переболевшему в дороге тифом был предоставлен месячный отпуск, по окончании которого он снова продолжил выполнять служебные командировки, доставляя важную корреспонденцию в штабы фронтов и военных округов. Петроград, Пермь, Казань, Вологда, Ярославль, Ростов-на-Дону, Саратов, Киев, Севастополь и многие другие – это лишь небольшой перечень городов, в которых побывал Максим Штраух со специальными заданиями. Несмотря на постоянную занятость по службе, командировки, которые отнимали у него немало времени, он находил возможность продолжать учебу в Первом Государственном университете на филологическом факультете и одновременно изучать теорию театра. В январе 1921 года Максим Штраух вместе с другими сотрудниками Службы внешней связи был зачислен в состав вновь сформированного Фельдъегерского корпуса при Управлении связи Красной армии (УСКА). Но на новой должности он пробыл меньше месяца. В начале февраля 1921 года Штраух был демобилизован из армии...».

Как известно из истории, многие сотрудники ГПУ или Разведупра РККА после гражданской войны, под видом демобилизации, были направлены в различные отрасли народного хозяйства, чтобы вести там агентурную работу. Вполне возможно, что и Штраух пошел по этой стезе – он стал актером Первого рабочего театра Пролеткульта (1920–1924), а затем стал работать на фабрике «Госкино» (будущий «Ленфильм»). Кстати, много позже он станет членом правления общества «СССР – Франция», куда обычно назначали людей, имевших отношение к спецслужбам и бывших либо спецагентами, либо агентами влияния.

Короче, «дом под юбкой» на улице Горького объединил под своей крышей весьма интересных и во многом загадочных людей. Впрочем, как и другие дома по той же нечетной стороне улицы Горького. Взять, к примеру, дом 41, где в ту пору располагался спортивный магазин «Динамо». В нем жил сам нарком госбезопасности Всеволод Меркулов, а этажом ниже обитал другой видный чекист – Павел Судоплатов (чуть дальше, но на другой стороне, жили чекист Леонид Райхман с балериной Ольгой Лепешинской). По словам П. Судоплатова: «...Меркулов спускался ко мне, если надо было обсудить что-нибудь срочное. Обе наши квартиры использовались также как явочные для встреч с иностранными дипломатами...».

Впрочем, тот дом 41 почти сплошь был чекистским. По данным историка Д. Бондаренко, которые он любезно предоставил автору этой книги, в этом здании в разные годы обитали следующие сотрудники МГБ: З. Воскресенская (разведчица и писательница) и ее супруг Б. Рыбкин (разведчик), А. Коротков (начальник нелегальной разведки), М. Рюмин (следователь МГБ), М. Светличный (будущий начальник Московского УКГБ), а также А. Бесчастнов (начальник «наружки» КГБ), Я. Серебрянский (разведчик, руководитель похищения белого генерала Кутепова в Берлине в 1929 году).

Как ни странно, но талант Зои Федоровой после того, как она перебралась в Москву, не был по достоинству оценен на двух столичных киностудиях – «Мосфильме» и «Союздетфильме». То есть ролями ее нигде не завалили. И в 1940 году в Москве она снялась всего в одном фильме, причем в короткометражном, да еще в эпизоде. Речь идет о картине Наума Трахтенберга и А. Каплана «На путях», где речь шла о жизни железнодорожников в предвоенные годы. У Федоровой была роль машиниста поезда.

Но про актрису не забыли на «Ленфильме», где продолжал верховодить Сергей Герасимов. Другой Сергей – Юткевич – как мы помним, к тому времени уже перебрался в Москву, но работал не в кино, а возглавлял Ансамбль песни и пляски МВД. Так вот на «Ленфильме» Федоровой была предложена главная роль, причем в фильме, который снимал... ее бывший супруг Владимир Рапопорт (режиссером был Владимир Эйсымонт). Хотя во многих биографиях актрисы говорится, что расстались они врагами и Рапопорт, дескать, после развода всячески вставлял палки в колеса творческой биографии Зои Федоровой. А он снял ее во «Фронтowych подругах», а спустя год еще и в «Боевом киноборнике № 2» («Подруги на фронт!», реж В. Эйсымонт). Вряд ли это было бы возможно, если бы они были врагами.

Во «Фронтowych подругах» Федорова исполнила роль сандружинницы Наташи Матвеевой, которая в качестве командира отряда санитарок отправляется на финскую войну. В Ленинграде она оставляет своего жениха – лейтенанта Сергея Коровина (Андрей Абрикосов). Однако пройдет какое-то время, и Наташа внезапно узнает, что ее суженый, тоже призванный на фронт, погиб в бою. А потом в жизни девушки появляется разведчик Морозов (Борис Блинов – тот самый, с которым Федорова жила в одном доме на Малой Посадской), который раненым поступает в их госпиталь. И между молодыми людьми начинается зарождающееся романтическое чувство. И в этот самый момент выясняется, что погибший жених Наташи. жив-здоров. Но едва она получила это известие, как сама едва не погибла – ее санитарная машина наткнулась на засаду, пуля попадает девушке в спину. И далее, как написано в аннотации к фильму: «...В тыловом госпитале встречаются два недавних фронтовика: разведчик Андрей Морозов и лейтенант Коровин, которого по ошибке считали погибшим. Пришли они к Наташе, которая после тяжелого ранения уже пошла на поправку...».

В годы войны (1942) этот фильм получит Сталинскую премию II степени.

К 1940 году за плечами Зои Федоровой был уже богатый послужной список – она снялась в 18 фильмах. Правда, исполнила в них только три главные роли («Гармонь», «Подруги» и «Музыкальная история»). Однако ее имя было у всех на слуху, поскольку с такой частотой в советском кино того времени почти никто из советских актрис не снимался. Зое Федоровой это удавалось, поэтому она не давала забыть о себе широкому зрителю.

Между тем на исходе тридцатых в советском кино, помимо тех актрис, о которых шла речь чуть выше, появлялись новые. Однако не каждой из них удавалось надолго задержаться на небосклоне кинематографа в качестве ведущей. Например, в 1939 году ярко вспыхнула звезда Валентины Серовой, которая проснулась знаменитой 20 марта 1939 года, когда на экраны страны вышла картина «Девушка с характером», где у нее была главная роль. Но длиться этот успех будет недолго – всего четыре года, во время которых актриса исполнит еще три главные роли в фильмах «Весенний поток» (1941; учительница Надежда Кулагина), «Сердца четырех» (1941, выход – 1945; математик Галина Мурашова) и «Жди меня» (1943; Лиза Ермолова).

Совсем иная судьба будет ждать другую актрису – Лидию Смирнову (1915). Ее дебют в кино состоялся еще в 1935 году – она сыграла эпизод в фильме «Настенька Устинова». Затем была такая же по масштабу роль в картине «Новая Москва» (1938). И только в 1940 году к Смирновой наконец пришел подлинный успех, когда на экраны страны вышли сразу два фильма, где она исполнила главные роли: «Большая жизнь» (4 февраля; Женя Буслаева) и «Моя любовь» (8 июля; Шурочка).

В июне 1939 года на большом экране дебютирует еще одна звезда – Людмила Целиковская (1919), сыгравшая роль пионервожатой Вали в фильме «Молодые капитаны».

В январе 1940 года свою самую заметную роль сыграет великая эпизодница Фаина Раневская (1896). Речь идет о фильме «Подкидыш» Татьяны Лукашевич, где у нее была роль Ляли, вошедшая в историю фразой «Муля, не нервируй меня!». А ведь до этого Раневская успела сняться еще в четырех фильмах: «Пышка» (1934; госпожа Луазо), «Дума про казака Голоту» (1938; сельская попадьа), «Ошибка инженера Кочина» (1939; Ида Гуревич), «Человек в футляре» (1939; жена инспектора).

В 1940 году Раневская появится на экране дважды – вторым фильмом будет «Любимая девушка» (роль Марьи Ивановны).

Кто еще блистал на экране в тот период? Например, Валентина Ивашева (1915) с Киевской киностудии. Она прославилась главной ролью Груни Корнаковой в одноименном фильме 1937 года, после чего у нее было еще три центральные роли: Парася в «Сорочинской ярмарке» (1939) и Ольга Худенко в «Кубанцах» (1940). А в знаменитом фильме «Александр Невский» (1939) она исполнила роль новгородской девушки Ольги Даниловны.

Людмила Глазова (1907) начала сниматься еще в немом кино («Хочу быть летчицей», 1928), но играла роли второго плана. Ее первая заметная роль случилась в 1936 году в знаменитом фильме «Вратарь» (она сыграла конструктора Анастасию Вальяжную). А в марте 1939 года на экраны страны вышел фильм-сказка «Руслан и Людмила», где Глазова исполнила свою первую главную роль – Людмилу. А в годы войны она запишет на свой счет еще две центральные роли: Ольга Таланова в «Нашествии» (1944) и старший лейтенант Катя Кутузова в «Небесном тихоходе» (1945). Последняя роль станет ее визитной карточкой на долгие годы.

Кстати, Глазова была ленинградкой, но на своей родной киностудии, «Ленфильме», снималась редко.

В «Небесном тихоходе» еще одну заметную роль (старший лейтенант Светлова) сыграет опять же ленинградка Тамара Алешина (1919). Она дебютировала в большом кино в 1940 году ролью Ирины в фильме «Приятели». А спустя год она вместе с Зоей Федоровой снялась в картине «Фронтовые подружки», исполнив в нем роль Зины Масловой.

Алешина станет женой актера Юрия Толубеева, а их сын Андрей тоже пойдет по актерской стезе, причем не менее успешно, чем его родители.

Грузинская актриса Тамара Цицишвили (1908) дебютировала в кино главной ролью Дарико в одноименном фильме (1937), а в 1939 году исполнила еще одну такую же роль – Маро в «Запоздалом женихе». На этом ее карьера в кино как исполнительницы главных ролей и закончится.

Такая же история случится и с Евгенией Голынчик (1913). Она дебютирует в эпизодической роли 1936 году в фильме «Сокровище погибшего корабля». Затем будут еще два эпизода в картинах «Девушка спешит на свидание» (1937) и «Соловей» (1938). Пока в 1939 году Голынчик не сыграет главную роль (Варя) в знаменитом фильме «Истребители». Увы, но это будет ее последняя большая роль в кино – следом опять пойдут одни эпизоды.

Иная история случится с Антониной Максимовой (1916). Она дебютирует в 1935 году эпизодом в фильме «Петербургская ночь». После чего сыграет две главные роли в фильмах «Зори Парижа» (1937; Катрина Миляр) и «Моряки» (1940; старший лейтенант Галина Зорина). И в последующем тоже не затеряется – сыграет не один десяток ролей в разных фильмах, в том числе и знаменитых. Например, в шедевре «Баллада о солдате» (1959) у нее будет роль матери Алеши Скворцова.

Тогда же начинала свою карьеру в кино и другая известная в будущем эпизодница – Валентина Телегина (1915). Ее «крестным отцом» в кино стал Сергей Герасимов, который тогда работал на «Ленфильме». Он снял ее в фильмах: ««Люблю ли тебя?» (1935), «Комсомольск» (1938; Мотя Котенкова), «Учитель» (1940; Степанида Ивановна Лаутина). В 1937 году Телегина окончила Ленинградский институт сценических искусств (1937), мастерскую все того же С. Герасимова.

В конце тридцатых было несколько актрис, которые исполнили одну-две главные роли, после чего затерялись в сонме других актрис. Например, Ольга Андровская (1898), блеснувшая в роли вдовы Елены Павловны Поповой в короткометражном фильме «Медведь» (1938), где ее партнером был Михаил Жаров. Фильм имел огромный успех и стал классикой. Однако после этого успеха Андровская в главных ролях больше не снималась, предпочтя карьеру в кино карьере в театре – она играла на сцене МХАТа.

Кстати, играя вдову в «Медведе», Андровская на самом деле была вдовой, в 1937 году потеряв своего супруга – известного актера Николая Баталова (сыграл главную роль в первом звуковом фильме «Путевка в жизнь», 1931).

Еще одна актриса из этого же ряда – Любовь Калюжная (1914), сыгравшая главную роль в фильме «Поднятая целина» (1939) – Лушку Нагульнову.

Или Анна Комолова (1911), блеснувшая в главной роли в фильме «Шуми, городок» (1940; шофер горсовета Галя). Больше главных ролей в ее биографии не было. Но она, как и О. Андровская, играла на сцене МХАТа.

Валентина Сырогожская (1912) была непрофессиональной актрисой и прославилась центральной ролью в фильме-сказке «Василиса Прекрасная» (1940; Василиса Прекрасная). Чуть позже она выйдет замуж за известного актера Евгения Тетерина (к этому моменту у нее уже было трое детей), с которым проживет 33 года.

Тамара Альцева (1911) в тридцатые годы исполнила две главные роли. В начале десятилетия («Песнь о первой девушке», 1931 – Саня) и в конце («Высокая награда», 1939 – Надюша). На этом широкая слава этой актрисы (она 35 лет прослужит в московском Ленкоме) закончится.

Из этого списка выделим Лидию Смирнову. Во-первых, она стала второй женой Владимира Рапопорта, после того как от него ушла Зоя Федорова (супруги проживут вместе 35 лет). Во-вторых, Смирнова оставила воспоминания о том, как ее пытался завербовать МГБ. Дело было в 1940 году, когда она прославилась главной ролью в фильме «Моя любовь» и была зачислена в штат «Мосфильма». Впрочем, послушаем ее собственный рассказ:

«...Как-то раз я пришла на „Мосфильм“, и мне сказали, что меня вызывают в первый отдел. Эти отделы существовали тогда при каждом учреждении. На „Мосфильме“ это была комната, где сидел невзрачного вида мужчина. Он сказал мне:

– Мы хотели бы, чтобы вы нам помогали.

Я испугалась, занервничала:

– Что значит „помогала“?

– Сейчас столько разных разговоров. Вы бываете среди кинематографистов, творческих работников, нам бы хотелось знать, о чем они говорят.

– Я вряд ли способна на это. Я не смогу, не сумею.

– Ну и напрасно, вам же потом будет хуже.

Он меня откровенно запугивал. И я действительно испугалась. У меня дрожали руки, ноги.

– Можно, я подумаю? – сказала я, и он меня отпустил.

Проходит какое-то время – звонок по телефону. Мне называют адрес в районе Сретенки, переулок, дом, квартиру, куда я должна явиться.

– Зачем?

– Там вам и объяснят, зачем.

И опять в таком тоне:

– Вы обязаны прийти!

Снова угроза. Я пришла по этому адресу. Какой-то старик открыл дверь и провел меня в комнаты. Там была темная, мрачная, старинная мебель. Навстречу незнакомый мужчина:

– Не надо волноваться. Вы должны нам помочь. Сейчас очень много разных шпионов.

Я решила, что должна ловить какого-то шпиона.

– Что я должна делать?

Он говорит:

– Вы были, предположим, у кого-то дома. Кто там был? Там был Крючков, там был Иванов, Петров, Сидоров. Крючков говорил одно, Петров – другое, Сидоров – третье. Вот вы и напишите, что говорил Крючков, а что – Сидоров. Больше ничего от вас не надо.

Я совершенно обомлела:

– А если я откажусь, что со мной будет?

– Я вам не советую.

– А я все равно отказываюсь. Я отказываюсь, что бы со мной ни было. Я прожила не такую большую жизнь, но уже имела неприятности...

– Мы все про вас знаем. Мы все абсолютно про вас знаем.

– Ну хорошо, предположим, я вчера была у подруги. Неужели я должна запоминать, что она там наговорила, насплетничала?

– В каждой встрече обязательно есть нюансы, благодаря которым мы узнаем настроения в обществе. Вы вызываете чувство доверия. Почему вы не хотите помочь своему государству? А потом у вас откроется очень хорошая перспектива. Вы умная, красивая, пользуетесь успехом. Мы пошлем вас за границу, у вас все получится.

– Да я не смогу, я не способна.

– Способна, способна. Мы знаем всю вашу личную жизнь.

И все же я категорически отказалась. Я очень доверяла Калатозову и рассказала ему об этой встрече. Он сказал, что меня все равно взяли на учет. И еще, что в нашем обществе каждый третий – стукач...».

Здесь стоит более подробно рассказать о Михаиле Калатозове. Режиссер он был выдающийся, но здесь речь не об этом. Дело в том, что в его биографии есть моменты, которые указывают на то, что он мог быть связан с МГБ. Например, в 1934–1938 годах он был директором Тбилисской киностудии. А на такую высокую должность без одобрения чекистов попасть было просто нельзя. Ведь все директора были «завязаны» на первый отдел киностудии – чекистский. Например, взять историю со Смирновой. Если бы она, к примеру, согласилась сотрудничать с МГБ, то чекист из первого отдела способствовал бы успешному развитию ее карьеры на «Мосфильме» – она была бы не обделена ролями и другими благами. И, естественно, по этому поводу чекисту пришлось бы поддерживать непосредственный контакт с директором киностудии. И тот, не задавая лишних вопросов, выполнял бы все просьбы начальника первого отдела. То есть был бы посвящен в то, что у Смирновой и начальника первого отдела есть определенная связь. Либо любовная, либо агентурная. Короче, случайного человека директором киностудии не назначали.

Возвращаясь к Калатозову, отметим, что в те годы, когда он был директором Тбилисской киностудии, главой Грузии был видный чекист Лаврентий Берия. И когда в 1938 году его вызвали в Москву и сделали наркомом

внутренних дел СССР, то следом за ним в Центр отправился и... Калатозов: он стал режиссером «Ленфильма», где директором был назначен, как мы помним, чекист Николай Лотошев.

Во время войны случился еще один характерный эпизод. В 1943–1945 годах именно Калатозов был назначен уполномоченным Кинокомитета в США, и это назначение тоже не могло случиться без одобрения МГБ и лично Л. Берии – за границу, да еще в США, абы кого не отпускали.

Но вернемся к воспоминаниям Л. Смирновой:

«Началась война. Эвакуация, Алма-Ата. Совершенно незнакомый человек подходит ко мне и протягивает адрес:

– Завтра в семь часов вас ждут.

Я пришла, и снова началось:

– Мы очень нуждаемся, мы так нуждаемся в вашей помощи.

– Да я такая болтушка. Я не умею хранить тайны.

– Мы всё про вас знаем, всё-всё.

– Нет-нет, я не смогу, у меня не получится. Я одинока, я потеряла мужа.

– Так это хорошо, вы свободны, это нас устраивает.

Они думали, что я пойду на какие-то легкие связи, чтобы раздобыть для них информацию, намекали, что могут меня куда-то отправить. Очень тяжелый был разговор, я зрительно помню этот переулочек, аллею тополей высоких алма-атинских, домик одноэтажный, кажется, деревянный.

– Значит, – говорила я, – я должна прийти в общество и ждать, когда кто-нибудь скажет что-нибудь антисоветское? Нет-нет, я ничего не смогу для вас сделать.

Больше меня не трогали. И в Москве, и в Ленинграде я все время ждала, что меня вот-вот вызовут, но Бог миловал.

Справедливости ради надо сказать, что я не чувствовала, чтобы меня как-то ущемляли. Может, люди в КГБ поменялись, а может, просто мне повезло...»

Смирнову и в самом деле ни в чем не ущемляли, и даже более того: ее приняли в партию, сделали секретарем парторганизации в Театре киноактера, а также она возглавляла актерскую секцию в Союзе кинематографистов. Короче, она была на хорошем счету у властей предрежущих, и ей даже прощались многочисленные романы, некоторые из которых имели скандальный оттенок. Но эти скандалы не стали поводом к тому, чтобы, к примеру, лишить Смирнову партийного билета.

Вообще в агенты вербовались разными способами. Вот Смирнову, к примеру, хотели завербовать по-доброму – сделав ей прямое предложение. Она, по ее же словам, отказалась, и это нисколько не отразилось на ее профессиональной карьере. А вот Зою Федорову могли завербовать, и мы об этом уже говорили, либо поймав на компромате, либо пообещав некие блага в профессиональной сфере. Последняя версия выглядит более правдоподобно, поскольку очень скоро агент «Зефир» из информаторов была переведена в разряд агентов, которым доверяли весьма серьезные задания.

Итак, переехав в Москву, Зоя Федорова почему-то не пришла ко двору московских киностудий. Чем же она тогда занималась, предоставленная сама себе? У нее тогда развивался бурный роман с летчиком Иваном Клещевым, с которым она появлялась на разного рода светских тусовках, где бывали и иностранные подданные,

в том числе и из Германии. После августовского договора 1939 года в отношениях между двумя государствами начался своего рода «медовый месяц». Во всяком случае, внешне, поскольку «под ковром», как уже отмечалось, продолжала бушевать тайная война. Но внешний контур этих отношений был вполне доброжелательным и отвечал чаяниям советских людей. В те дни даже присказка такая появилась: «Спасибо Яше Риббентропу, что прорубил окно в Европу».

После августа 1939-го вновь открылись германские консульства в нескольких советских городах, а германское посольство в Москве увеличило число своих сотрудников еще на пару десятков человек. Москва даже согласилась, чтобы в посольстве появился новый атташе – по лесным вопросам, чего ранее никогда не было. Естественно, под видом дипломатов Берлин присылал шпионов, которые собирали информацию о различных аспектах советской действительности не только в Москве, но и по всей стране, благо передвигаться по Союзу иностранцам (особенно немцам) не возбранялось.

Однако параллельно немецким шпионам собирали информацию и советские разведчики, вроде того же Николая Кузнецова. Этим же занимались и представители советской творческой элиты, работавшие на ГУГБ и бывающие на светских вечеринках, где появлялись иностранцы. Не была исключением и Зоя Федорова, которая вместе со своим любовником-летчиком проводила время в обществе иностранных подданных. Короче, шла рутинная война спецслужб, которая иногда приводила к весьма неожиданным поворотам. Как, например, такому.

Как мы помним, актриса Марина Фигнер (та, что снималась с Зоей Федоровой в «Музыкальной истории») в 1940 году вышла замуж за «сталинского сокола» Рафаила Капрэляна. Вместе с ним она частенько бывала в клубе авиаторов имени Чкалова, где был прекрасный бильярдный зал, привлекавший к себе внимание многочисленных посетителей (среди них был и приятель Рафаила – сын Сталина Василий). И вот однажды, уже во время войны, Рафаил не вернулся на летную базу из очередного полета, сбитый немцами над Белоруссией. Выпрыгнув из горящего самолета на парашюте, Рафаил оказался на вражеской территории и был захвачен в плен. Далее послушаем рассказ Т. Дмитричева:

«...Перед допросом его сытно накормили и затем привели в комнату, где его ждал немецкий полковник. При виде вошедшего военнопленного на лице полковника неожиданно вспыхнула радостная улыбка, и, направляясь к нашему летчику с протянутой для пожатия рукой, немец на чистом русском языке обратился к нему со словами дружеского приветствия по имени и отчеству. Муж Марины, глядя на немца в форме полковника, обращающегося к нему по имени и отчеству по-русски без всякого акцента, пережил настоящий шок и не удержался спросить его, откуда ему известно, как его звать. Немец искренне расхохотался, довольный неожиданной встречей и тем эффектом, который он произвел на советского военнопленного.

Приветливо пригласив его сесть, полковник предложил ему вспомнить московский Клуб летчиков имени Чкалова предвоенных лет, где советский пилот вместе со своими друзьями-авиаторами регулярно играл в бильярд и где им готовил и выдавал кии скромный, почти незаметный, услужливый работник клуба. Наш пленный пытался вспомнить такого человека напряжением памяти, но это ему не удавалось, пока полковник не назвал ту сумму чаевых, которую советский пилот после каждой игры неизменно давал служащему клуба. Теперь он с ужасом осознал, что сидевший перед ним полковник был тем скромным служащим, в присутствии которого он сам и все другие летчики за игрой в бильярд неосторожно делились между собой всякими военными сведениями и секретами своей работы. Ему было трудно поверить, что этот служащий их любимого клуба, оказавшись таким прекрасным немецким агентом, сейчас сидел перед ним в этом неказистом здании в белорусской глуши и готовился его допрашивать как советского военнопленного.

Теперь, когда они оба узнали друг друга, полковник предложил допрашиваемому изложить всю интересующую его информацию, обещая за это, как старому знакомому, самые благоприятные условия нахождения в плену. Однако в ходе допроса наш пленный отказался давать какие-либо существенные сведения и

был посажен до следующего вызова к полковнику в сарай, превращенный в импровизированную камеру задержания...»

В итоге летчик в одну из ночей совершил побег из сарая и добрался до партизан, которые приговорили его к расстрелу, не поверив в рассказ, что он советский летчик. Спасло Рафаила опять же чудо – начальник отряда согласился передать в Центр радиogramму, которую составил летчик. И Москва подтвердила подлинность его слов. Он вернулся в столицу к вящей радости молодой жены, которая его уже успела похоронить. Но, видимо, какая-то трещина между ними вследствие этой истории все-таки произошла, поскольку спустя какое-то время супруги расстались. Причем в это же время прекратились и отношения другой пары «актриса – летчик» – Федоровой и Клещева, но это произошло вследствие совсем иных обстоятельств, о чем будет рассказано чуть позже.

На немецком направлении, или В воздухе пахнет войной

Специальный агент Лаврентия Берии. – Агент «Зефир» вне подозрений. – Гитлер рвется на Восток. – Был ли Александр Довженко агентом НКВД? – Зоя и Магда, или Рискованная игра. – Подготовка к войне

Итак, в начале сороковых возлюбленным Зои Федоровой являлся летчик-ас Иван Клещев, который был на восемь лет ее моложе. Жили они в новой квартире в доме 17 по улице Горького и хотя не были официально расписаны, но никаких особых забот в связи с этим не знали. Впрочем, по поводу последнего утверждения есть некоторые свидетельства обратного. Какие? Послушаем саму З. Федорову:

«Берия трижды принимал меня в здании наркомата внутренних дел по делу моего отца. Он принял меры по пересмотру его дела – и вскоре из-под стражи отец был освобожден. Берия, как я потом поняла, хотел использовать освобождение моего отца в своих гнусных целях.

Летом 1940 года он обманным путем пригласил меня к себе на дачу якобы на какое-то семейное торжество. Я согласилась поехать к Берии и даже захватила с собой подарок (деревянную собачку в виде сигаретницы) в знак благодарности за справедливое решение по делу моего отца.

В действительности на даче не было не только гостей, но и его жены. Я заподозрила Берию в неблагоприятных намерениях. Но занимаемое им положение вначале рассеивало мои подозрения, однако, оставшись наедине со мной, Берия повел себя как окончательно разложившийся человек и пытался силой овладеть мной.

Спустя некоторое время Берия позвонил мне по телефону и в извинительном тоне повел со мной разговор о его нетактичном поведении на даче. В этом же разговоре он снова пригласил меня к себе на свою московскую квартиру на Малой Никитской улице. Вскоре за мной пришла машина, и я поехала к Берии. Но и на этот раз никаких гостей в квартире не было. Он преследовал ту же самую цель и вел себя так же, как и на даче: „нанайские игры“ продолжались довольно долго, но я вырвалась от него и уехала домой...»

Напомним, что отец актрисы, Алексей Федоров, был арестован летом 1938 года – его обвинили в преступных связях с доктором-немцем, которого он привлек к лечению своей смертельно больной жены. То есть арест был осуществлен в бытность наркомом внутренних дел Николая Ежова. Что касается Лаврентия Берии, то он в тот период уже был переведен из Грузии в Москву и готовился сменить Ежова. 22 августа 1938 года Берия был назначен его первым заместителем, а 25 ноября вытеснил Ежова из наркомовского кресла.

Вполне возможно, что Федорова уже тогда пыталась вытащить отца из тюрьмы, поскольку именно при Берии началась массовая реабилитация тех, кто был осужден при Ежове в 1937–1938 годах (было выпущено из тюрем около 170 тысяч человек). Однако Алексей Федоров на свободу тогда так и не вышел. А когда Федорова перебралась из Ленинграда в Москву, она возобновила свои попытки по вызволению родителя. И с этого

момента начались ее регулярные встречи с Берия «тет-а-тет». Якобы только с одной целью – освободить родного отца. Но это весьма странно – принимать у себя раз за разом актрису и беседовать с ней лишь об одном. Судя по всему, эти встречи касались не столько судьбы отца Федоровой, сколько агентурной деятельности «Зефира». На этих встречах нарком обсуждал с ценным агентом некие секретные вопросы их совместной деятельности. И касались они «немецкой темы» – той самой, по которой давно работал агент «Зефир». Видимо, Берия ставил перед ним (как и перед другими агентами, которые были у него на связи) некие цели, которые вытекали из той ситуации, что складывалась в советско-германских отношениях летом 1940 года. А ситуация там была весьма и весьма серьезная. Читаем в одном из рефератов на эту тему:

«...Весной 1940 года в Москве из достоверных источников стало известно, что вермахт наращивает силы на границах Советского Союза. На запрос советского правительства о причинах военных перемещений Гитлер уклончиво дал ответ под благовидным предлогом военных учений.

В мае в Москву приехал новый посол Англии Стаффорд Криппс. Сталин, учитывая складывающуюся обстановку, сразу дал согласие на прием английского посла. С этим приемом была организована недвусмысленная демонстрация: кабинеты Сталина и Молотова располагались на одном этаже. 1 июня поверенного в делах фон Типпельскирха вызвали к наркому иностранных дел Молотову, пришлось довольно долго сидеть в приемной. И вдруг мимо него прошел прямо в кабинет Сталина британский посол Криппс и был принят, имел продолжительную беседу. Поверенный забил тревогу – в Москву возвратился Шуленбург (посол Германии в СССР. – Ф. Р). Около двух недель посол добивается аудиенции у Молотова, а когда наконец был принят, то первым его вопросом стал интерес, чем вызван визит британского посла. Молотов ответил, что это политический шаг Черчилля к установлению более тесных отношений, и этим советский наркомдел дал понять, что у его правительства еще есть выбор.

После поражения Франции Сталину стало ясно, что Германия будет отходить от своей заинтересованности в нейтралитете Советского Союза. 25 июня 1940 года через британского посла С. Криппса Черчилль направил личное послание с предложением улучшения отношений между обеими странами.

Поражение Франции резко изменило соотношение сил не только на европейском континенте, но и повлияло на их расстановку в глобальном масштабе, придало новое направление мировому развитию. Во время германского наступления на западе в июне 1940 года сталинское руководство приступило к реализации тех договоренностей, которые содержались в секретных протоколах к советско-германскому пакту 1939 года.

23 июня 1940 года в газете „Известия“ в заявлении ТАСС „о советско-германских отношениях“ опровергло слухи о сосредоточении советских дивизий на литовско-германской границе. В связи с этим ТАСС еще раз подчеркивал, что „добрососедские отношения, сложившиеся между СССР и Германией в результате заключения пакта о ненападении, основаны на конкретных государственных интересах“. Фактически это была декларация неизменности внешнеполитического курса СССР и соблюдении нейтралитета по отношению к воюющим державам. Это в некоторой степени относилось к Великобритании, которая весной и летом не предпринимала дипломатических усилий в сближении с СССР. В высших политических кругах Великобритании в то время заводились разговоры о решающей роли СССР в борьбе с гитлеризмом, будет ли Россия снабжать Германию сырьем и продовольствием. Прогрессивные партии склонялись к союзу с СССР. Об этом не раз сообщал из Лондона посол Майстит. Активным сторонником сближения был У. Черчилль...

Встречаясь 1 июля 1940 года с английским послом Криппсом, Сталин подчеркивал свою уверенность в заинтересованности Германии в поддержке с СССР дружественных отношений.

Позиция германского руководства была совершенно иной. С конца июня 1940 года, то есть сразу после поражения Франции в Германии, начались штабные разработки возможных военных действий против СССР. 31 июня 1940 года на совещании в Бергхофе Гитлер в присутствии руководящего состава германских вооруженных сил сформулировал цели войны (после разгрома России Германия установит полное господство в Европе и на

Балканах), задачу и сроки нападения (весна 1941 года). В июне месяце Риббентроп направил Сталину личное письмо с приглашением в Берлин для выяснения спорных вопросов. Советское правительство дало свое согласие. Осенью Риббентроп отправил еще одно письмо, в котором предлагал официально присоединиться России к „трояственному соглашению“ Германии, Японии и Италии.

27 сентября 1940 года это соглашение было заключено. При подготовке текста Берлин проявил заинтересованность в том, чтобы оно не рассматривалось, как заключенное против СССР. Сам факт заключения соглашения противоречил советско-германскому пакту от 1939 года, так как СССР не вошел в состав договаривавшихся стран. На неоднократные требования советского правительства поверенный в делах Типпельскирх ознакомил Молотова с краткой информацией по пакту. Однако советское правительство это не устраивало. Молотов, ссылаясь на статьи советско-германского пакта „о консультациях“, заявил о необходимости предоставления более полной информации по заключенному соглашению. При этом советский нарком выступил с критикой германской стороны, процитировав статью 4 советско-германского пакта.

Однако с середины лета Германия казалась уже не заинтересованной в сотрудничестве с СССР...».

Все эти события вынуждали советские спецслужбы усилить работу вокруг дипломатических представительств Германии и Великобритании, в том числе и по агентурной линии. Видимо, агент «Зефир» был включен в эту работу и именно поэтому имел не одну, а целую серию конфиденциальных встреч с наркомом Берией. А история про изнасилование родилась уже позже – после ареста и казни всесильного министра в 1953 году. Ведь признаться в том, что ты был агентом, работавшим в тесном контакте с «врагом народа» Берией, было равносильно подписанию себе если не смертного приговора, то выпиской волчьего билета – точно. Вот Зоя Федорова и сочинила эту историю. Чуть позже то же самое сделает и Татьяна Окуневская, которая расскажет в своих мемуарах о том, как ею насильно овладел Берия, заманив в свой особняк. Но обратим внимание на один факт, схожий с историей Зои Федоровой: они обе имели многочисленные связи с иностранцами.

Между тем о том, что у Берии были особо доверенные агенты-женщины, говорят и его родственники. Например, сын Серго заявлял: «Не забывайте, что многие женщины-агенты из отцовского ведомства предпочли признать себя любовницами, чем осведомителями тайной полиции...».

Об этом же и слова жены Берия – Нины Гегечкори: «Лаврентий Павлович во время и после войны возглавлял разведку и контрразведку. У него в подчинении были сотни и тысячи людей. Естественно, среди этого количества были и женщины-агенты. И когда после ареста Берии началась „чистка“ среди его подчиненных, женщины из госбезопасности просто не могли сказать, что они шпионы, информаторы: они назвались его любовницами.

У мужа была отличная память. Все свои служебные дела, новости и тайны он держал в голове. Целыми днями Лаврентий Павлович пропадал на работе. У него просто не было времени на любовниц...».

С последним утверждением согласится трудно. Любовницы у Берии, судя по многим свидетельствам, были. Но некоторые из них и в самом деле могли быть еще и его личными агентами, выполнявшими конфиденциальные поручения шефа советских спецслужб. Судя по всему, к числу последних относился и агент «Зефир». Если встать на эту точку зрения, то тогда предложение о подпольной работе в Москве, сделанное Берией Федоровой, становится понятным и логически обоснованным. Впрочем, об этой истории мы поговорим чуть позже, а пока вернемся на некоторое время назад.

Реконструкция (художественная версия)

Не успела Зоя войти в мосфильмовский павильон, как буквально нос к носу столкнулась с Ильей Траубергом – младшим братом Леонида Трауберга, с которым они были соседями по ленинградскому дому на Малой Посадской. Несмотря на то, что Илья вот уже полтора года работал на «Мосфильме», возглавляя здешний

сценарный отдел, она ни разу с ним здесь не виделась. Не ожидала она его увидеть и сегодня, поскольку шла на съемку фильма, который снимал Миша Добсон – ее хороший знакомый по «Ленфильму», с которым она работала в «Больших крыльях». А оказалось, что сегодняшний фильм он снимает не один, а на пару с Траубергом.

Это была не совсем обычная лента, а фильм-концерт. Он и назывался соответственно – «Концерт-вальс» – и состоял из номеров, в которых выступали артисты разных жанров. А поскольку среди них были и выдающиеся, вроде певца Ивана Козловского, скрипача Давида Ойстраха и балерин Большого театра Марины Давыдовой, любимицы самого Сталина, и Ольги Лепешинской, то ажиотаж вокруг съемок вышел нешуточный – на них сбежались многие мосфильмовцы. Если было бы можно, то сбежалась бы и вся студия, но поскольку время было самое что ни на есть рабочее, рисковать никто не стал.

Зоя приехала на съемки из дома, перед этим успев побывать в парикмахерской на Кузнецком мосту, где ей сделали модную перманентную завивку. Поправляя ее рукой в сетчатой перчатке, Зоя вошла в павильон и едва не была сбита с ног Траубергом, который мчался куда-то по служебной необходимости. Однако, увидев Зою, он забыл о том, что куда-то торопится и, взяв ее за локоть, отвел в сторонку. И тут же сделал комплимент:

- Хорошо выглядишь, сестрица.
- Твоими молитвами, Илюша, – расплываясь в улыбке, ответила Зоя.
- Говорят, ты нашла себе здесь «сталинского сокола», да еще на десять лет тебя моложе?
- Злые языки преувеличивают – он моложе меня всего лишь на восемь лет и два месяца. А вот твоя пассия – балерина Оля Лепешинская – отстает от тебя на одиннадцать.
- Нам, мужчинам, это не возбраняется, – парировал Трауберг. – Что слышно о твоём бывшем?
- Жив-здоров, даже более того – месяц назад он снимал меня во «Фронтowych подругах».
- А я слышал, что он на тебя зол.
- Это называется «слышал звон...»
- Кто режиссер фильма?
- Витя Эйсымонт.
- Скажу тебе честно, его «Четвертый перископ» меня не вдохновил.
- Можно подумать, что ты снимаешь что-то великое.
- Зачем же ты пришла на мою съемку?
- Я не к тебе пришла, а к Мише Добсону. Он, кстати, здесь?
- Ему сейчас лучше не мешать – они с Леней Косматовым ставят свет.
- А ты куда бежал сломя голову?
- Хотел встретить Асафа Мессерера, но, увидев тебя, решил, что его и без меня есть кому встретить.
- Спасибо за заботу, Илюша, но мне надо идти – иначе все приличные места расхватают.

Махнув на прощание рукой в перчатке, Зоя отправилась к импровизированной сцене, перед которой специально для гостей были выставлено несколько рядов стульев. На них восседали гости – режиссеры, артисты, дипломаты, в том числе и из немецкого посольства. Всех их Зоя прекрасно знала, встречаясь с ними на разного рода светских мероприятиях, вроде нынешнего.

Поскольку места ближе к съемочной площадке были уже заняты, Зоя опустилась на стул где-то в десятом ряду, да еще с краю. И тут же почувствовала, что кто-то теребит ее за левый рукав. Повернув голову, Зоя узнала в своей соседке молодую балерину Большого театра Ольгу Измайлову, с которой познакомилась пару лет назад на дне рождения у своей сестры Марии, которая была замужем за артистом того же театра Синицыным.

– Зоя Алексеевна, я очень рада вас видеть, – наклонившись к соседке, произнесла балерина.

– Я тоже рада, Олечка, – улыбнулась актриса и спросила: – Как поживает Курт?

Речь шла о любовнике балерины – работнике немецкого посольства, с которым Ольга приходила на день рождение Марии.

– Я с ним рассталась – он мне надоел, – сообщила балерина.

– Значит, ты теперь опять свободна?

– Не совсем, – голос балерины дошел до шепота. – Видите мужчину, который сидит рядом со мной, – это мой новый кавалер.

Зоя слегка подалась вперед и взглянула на соседа балерины, который в этот миг разговаривал с женщиной, сидевшим впереди него. Гордый профиль блондинистого кавалера Ольги выдавал в нем весьма представительного мужчину. Соответственно внешности на нем была и одежда: дорогой костюм с двубортным пиджаком, на ногах – лакированные туфли.

– Видный мужчина, – откидываясь на спинку стула, резюмировала Зоя. – Кто он?

– Это Рудик Шмидт.

– Опять немец?

– Он из обрусевших. Работает инженером-испытателем на авиационном заводе в Филях.

– В постели он тоже испытатель? – поинтересовалась Зоя.

– Еще какой! – похвалилась балерина. – Сразу после концерта мы едем к нему.

– А где он живет?

– На улице Карла Маркса, по соседству с Садам имени Баумана.

Зоя хорошо знала эти места, правда, хорошей памяти они у нее не оставили. В 1927 году ее тогдашний кавалер Кирилл Прове, которого расстреляли как английского шпиона, возил ее туда на автомобиле и показывал особняки, которые раньше принадлежали его деду, а потом перешли в собственность к отцу и дяде. Но новая власть эти дома национализировала, разместив в них свои учреждения. В те годы улица Карла Маркса называлась Марксовой, но два года назад ее название слегка переименовали.

Зоя еще раз взглянула на кавалера балерины, чтобы запомнить его получше – обрусевший немец, который работает на авиазаводе, должен был наверняка привлечь к себе внимание агентов абвера, которые скрывались под крышей немецкого посольства.

– И давно ты с ним знакома? – возобновила разговор Зоя.

– Третий месяц.

В этот миг взгляд Зои упал на запястье балерины, на котором красовались изящные швейцарские часики «Лонжин». Поймав этот взгляд, Ольга с гордостью призналась:

– Это подарок Руди на месяц нашего знакомства.

– Интересно, что он тебе подарит на полгода знакомства?

– До этого надо еще дожить, – вздохнула балерина, и по ее голосу Зоя поняла, что в перспективу столь долгого знакомства она сама верит мало.

В это самое время раздалась команда «Мотор!» и началась съемка. Первым на сцене выступал знаменитый тенор Большого театра Иван Козловский – он пел романс «Средь шумного бала» П. И. Чайковского. Затем звучали «Медленный вальс» К. Дебюсси в исполнении скрипача Давида Ойстраха, вальс из кинофильма «Златые горы» в исполнении Дмитрия Шостаковича, который восседал на сцене за роялем. Затем в съемке был объявлен перерыв, во время которого Ольга представила своему кавалеру Зою. Тот галантно пожал ей руку и произнес:

– Давно мечтал познакомиться с актрисой, так восхитительно сыгравшей свою тезку в «Подругах».

Затем молодые люди увлеклись разговором друг с другом, а Зоя встала со своего места, чтобы размять затекшие ноги. Не успела она сделать и нескольких шагов, как кто-то тронул ее за плечо. Она обернулась и увидела рядом с собой Магду – супругу одного из сотрудников консульского отдела Гейнца Шольца. С этой семейной парой Зоя познакомилась два месяца назад на концерте Эдди Рознера в Доме Союзов (его оркестр принял участие в декаде белорусского искусства в Москве) – их кресла оказались рядом. Естественно, оказались специально – по задумке чекистов. Зоя тогда мастерски разыграла перед Ирмой сцену, разрыдавшись на «Сказках Венского леса» Иоганна Штрауса. Когда немка стала ее успокаивать и поинтересовалась, в чем дело, Зоя сказала, что это любимая композиция ее отца, которого вот уже полтора года держат в лагере по ложному обвинению.

После концерта Магда стала выяснять подробности этого ареста и была буквально шокирована услышанным. Она не могла себе вообразить, что у столь знаменитой советской актрисы, как Зоя Федорова, отец сидит за решеткой.

– Неужели ничего нельзя сделать? – спрашивала немка, прикладывая свой платок к опухшим от слез глазам Зои.

– Я обила все пороги, но меня никто не хочет слушать. Единственное, в чем провинился мой отец, – он вызвал к нашей маме врача-немца. Этого ему не простили.

– Но сегодня у вас хорошие отношения с Германией – мы же подписали договор о дружбе? – вступил в разговор двух женщин Гейнц Шольц.

– Это все на бумаге, – отмахнулась от этого заявления Зоя. – На самом деле наше руководство ведет двойную политику: в газетах они пишут одно, а в действительности ведут себя совершенно иначе. Если так будет продолжаться и дальше, то я дойду до самого Берии и плюну ему в лицо!

Эти слова вызвали настоящий шок у супругов, и Магда даже инстинктивно закрыла Зое рот ладонью. Ведь они стояли на выходе у Дома Союзов, и до Лубянки было всего несколько минут неспешного хода.

Судя по всему, тот разговор произвел на супругов нужное чекистам впечатление – они прониклись доверием к Зое. Особенно после того, как Гейнц проверил слова Зои по своим каналам и установил, что ее отец на самом деле осужден на десять лет за якобы преступные контакты с немцами. И теперь, встретившись с супругами на «Мосфильме», Зоя увидела это воочию.

– Что слышно о вашем отце? – спросила у актрисы Магда, в то время как ее супруг стоял в сторонке и разговаривал с каким-то мужчиной. Зоя узнала в нем главу консульского отдела германского посольства Герхарда фон Вальтера – одного из самых влиятельных людей в немецкой миссии.

- Все по-прежнему – от него нет никаких вестей, – с грустью в голосе произнесла Зоя.
- Может быть, вам нужна наша помощь? У Гейнца есть знакомые, которые могут что-то выяснить.
- Нет, нет, будет только хуже, – стараясь, чтобы ее голос звучал как можно более категорично, возразила Зоя.

И тут же добавила:

- Спасибо вам, Магда, за сочувствие.
- Ну что вы, это же так естественно, – положив ладонь на плечо актрисы, произнесла немка. – У нас на следующей неделе будет прием в резиденции посла в Чистом переулке. Мы будем рады видеть на нем и вас, Зоя. Вместе с вашим супругом.
- Хорошо, я передам ему ваше приглашение, – улыбнулась Зоя.

Она понимала, что это приглашение возникло не случайно. Для немцев интерес представляла не только она, как дочь «врага народа», но и ее молодой возлюбленный – «сталинский сокол» Иван Клещев, который был носителем военной информации, в том числе и секретного характера.

«Однако быстро они установили сведения о моей личной жизни», – подумала Зоя, возвращаясь на свое место в десятом ряду.

Фильм-концерт возобновился выступлением балетного танцора Большого театра Асафа Мессерера. Глядя на его пируэты, Зоя продолжала размышлять о своем разговоре с Магдой.

* * *

В январе 1941 года встречи Зои Федоровой и Берия продолжились. Общение проходило в разных местах – как в личных апартаментах в особняке наркома на Малой Никитской улице, так и в его служебном кабинете на 1-й линии ГУМа. О чем они могли говорить: опять об освобождении отца Зои? Возможно. Но почему это послужило темой не для одной, а для целой серии встреч? Неужели у наркома Берии в те дни не было больше никаких серьезных дел, чтобы мусолить с актрисой одну и ту же тему? Более того: он зачем-то дает ей (по ее же собственному рассказу) телефон для прямой связи. Нет, не свой телефон, а ее однофамильца – генерала НКГБ Федорова из контрразведки (впрочем, может быть, под личиной Федорова скрывался начальник контрразведки Федотов?). Вдумайтесь: телефон генерала для личной связи! Интересно, какие вопросы актриса должна была обсуждать с чекистом, да еще генералом? Опять проблему вызволения из тюрьмы отца? Или все-таки это были проблемы, которые свалились на агента «Зефира» в свете все более ухудшающихся отношений между СССР и Германией? Ведь до начала войны между ними остается всего-то полгода. И снова читаем вышеупомянутый реферат о советско-германских отношениях перед войной:

«...25 ноября 1940 года в Софии советский дипломат Соболев посетил болгарского премьер-министра Б. Филова и царя Бориса и сделал от имени советского правительства предложение о заключении пакта о взаимной помощи. Это предложение Болгарии выражало готовность поддержать ее территориальные притязания и сыграло негативную роль в дипломатическом отношении с малыми балканскими странами, дало повод для антисоветских настроений, распространенных в том числе и в Германии.

Миссия Соболева в Софию и подписание плана „Барбаросса“ завершили первый этап советско-германского противоборства на Балканах, когда он носил прежде всего дипломатический, кабинетный характер. С января 1941 года это противоборство приобретало открытый политический характер. Балканы стали местом, где столкнулись противоположные интересы Германии и СССР.

В связи с постоянно ухудшающимися отношениями между СССР и Германией советское руководство проявило интерес к речи Гитлера, которую он произнес 18 декабря 1940 года в Берлинском дворце спорта перед 4 тыс.

офицеров армии ВВС и слушателей школ войск СС. Речь не была опубликована и носила явно антисоветский характер.

Новое обострение произошло на рубеже 1940–1941 годов, когда прибавилось германских войск в восточной Пруссии и Польше. Сталин пошел на крайние меры – приостановил поставки в Германию всех грузов по заключенному в феврале 1940 года хозяйственному соглашению, привел в частичную готовность войска западных приграничных округов. Личное письмо Сталина Гитлеру было недвусмысленным „...это обстоятельство нас удивляет и создает у нас впечатление, что Германия собирается воевать против нас“.

Гитлер ответил своим доверительным письмом: в Польше действительно сосредоточены крупные войсковые соединения, но он должен разъяснить, что это не направлено против СССР. Он (Гитлер) намерен строго соблюдать заключенный пакт. Дальше Гитлер разъяснил, что территория западной и центральной Германии подвергалась сильным бомбардировкам и хорошо наблюдается англичанами с воздуха, поэтому он вынужден отвести крупные контингенты на восток для отдыха и учебы.

Из конфиденциальных источников советскому правительству стало известно о передвижении немецких ВС, и этот вопрос был вынесен для обсуждения на одной из консультаций в германском посольстве. Однако Шуленбург 10 января 1941 года получил указание Риббентропа уклоняться от ответа, ссылаясь на отсутствие информации по данному вопросу. Такое положение дел насторожило советскую дипломатию – стягивание военных резервов в Румынию и на Балканы непосредственно угрожало интересам безопасности СССР.

17 января Молотов направил заявление в МИД Германии, в котором обратил внимание на угрозу границам СССР в районе Балкан, Греции и Проливов. 21 января Риббентроп направил в германское правительство ответ на заявление Молотова, в котором уверял, что „на Балканах производится определенная концентрация войск, имеющая своей единственной целью предотвращение приобретения Британией плацдарма на греческой земле“.

27 февраля 1941 года Риббентроп направил Шуленбургу инструкцию, в которой сообщал о переброске германских войск в Болгарию и попутно просил уведомить советское правительство в том, что Болгария присоединилась к „Тройственному пакту“ Советское правительство восприняло этот шаг с прискорбием и отказало Германии во всякой помощи...»

А вот что пишет о тех событиях историк М. Мельтюхов:

«В историографии можно встретить утверждения, что „материал об основных положениях плана «Барбаросса», утвержденного Гитлером 18 декабря 1940 года, уже через неделю был передан военной разведкой в Москву“ К сожалению, это не соответствует действительности. 29 декабря 1940 года советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков доложил в Москву о том, что „Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений“. 4 января 1941 года он подтвердил достоверность своей информации, основанной „не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно лишь немногим лицам“.

Сам по себе этот факт является крупной удачей советской разведки, но следует отметить, что эта информация была неточна. 18 декабря Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с СССР (он сделал это еще в июне-июле 1940 года), а подписал стратегический план войны с СССР – основной документ дальнейшего военного планирования. Сведения о возможном начале войны в марте 1941 года были безусловной дезинформацией, так как в директиве № 21 „Барбаросса“ был указан примерный срок завершения военных приготовлений – 15 мая 1941 года. Таким образом, советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось неизвестным, как и кодовое слово „Барбаросса“. Поэтому более правы авторы, просто пересказывающие донесение советского военного атташе.

Имеющиеся материалы не подтверждают версию о том, что советской разведке „удалось раскрыть замысел германского командования“ и „своевременно вскрыть политические и стратегические замыслы Германии“. Как правило, для обоснования этой версии цитируют те положения доклада начальника Разведуправления от 20 марта 1941 года „Высказывания, оргмероприятия и варианты возможных боевых действий германской армии против СССР“, где сказано, что „из наиболее вероятных военных действий, намечаемых против СССР, заслуживают внимание следующие: Вариант № 3, по данным... на февраль 1941 года «...для наступления на СССР, – написано в сообщении, – создаются три армейские группы: 1-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Бока наносит удар в направлении Петрограда (так в документе. – М. М); 2-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Рундштед-та – в направлении Москвы и 3-я группа под командованием генерал-фельдмаршала Лееба – в направлении Киева. Начало наступления на СССР – ориентировочно 20 мая»“. Далее со ссылкой на донесение военного атташе указывалось, что „начало военных действий против СССР следует ожидать между 15 мая и 15 июня 1941 года...“»

Итак, все эти события крайне тревожили советское руководство, в том числе и Берия, который отвечал за важнейший участок – добычу секретных сведений о возможном приготовлении Германии к войне против СССР. Для того чтобы ему было легче работать, его полномочия расширили. 30 января 1941 года Берии было присвоено звание Генерального комиссара государственной безопасности, а 3 февраля он был назначен заместителем председателя Совета Народных комиссаров СССР (этот пост тогда занимал В. Молотов, а с мая – И. Сталин). Как заместитель председателя СНК Берия курировал работу НКВД, НКГБ, наркоматов лесной и нефтяной промышленности, цветных металлов, речного флота.

Отметим, что накануне войны за разведывательную деятельность в СССР отвечали следующие органы: 1-е управление (внешняя разведка) НКВД СССР, с февраля 1941 года – НКГБ СССР, Главное разведывательное управление Генштаба и Разведывательное управление Наркомата Военно-морского флота, их зарубежные резидентуры, территориальные органы госбезопасности, особенно в западных округах, разведка погранвойск, разведотделы штабов западных округов, а также Отдел международных связей исполкома Коминтерна. Отдельные разведывательные задания выполняли также наркоматы связи и транспорта в виду имевшихся у них для этого возможностей. Кроме того, особую роль играла личная разведка Сталина.

Между этими учреждениями, несмотря на общие цели, шло негласное соперничество за то, чтобы именно их информация, попадавшая к Сталину, была особенно ценной. Для этого тот же Берия и активизировал работу с агентурой, в том числе и из числа «личной», особо доверенной. Судя по всему, агент «Зефир» на тот момент именно к такой агентуре и принадлежал. При этом отметим, что Берия был весьма искушенным в работе с агентурой человеком – он в 1921–1927 годах был на руководящих должностях в секретно-политических отделах ГПУ Грузии и всего Закавказья. Поэтому можно смело сказать, что он был виртуозом по части работе с агентурой. Он умел найти такие подходы к агентам, что те работали на него с особенным рвением, даже с удовольствием. Ведь у Берии были не только недостатки или пороки, но и достоинства – он умел расположить к себе людей. В том числе, кстати, и женщин. В нашей либеральной историографии у Берии создан образ насильника – грубого, циничного, жестокого. Якобы он сотнями насиловал женщин и приказывал... закапывать их тела на территории своего особняка номер 28/1 на Малой Никитской улице (в 1948–1993 – улица Качалова). Этаким советский граф Дракула. На самом деле этот образ далек от реальной действительности. Берия был жесток (как и само время, в котором он жил), коварен, но он не был маньяком, свихнувшимся на почве своих сексуальных перверсий. Этот образ специально придумали в хрущевскую оттепель, а в горбачевскую перестройку намеренно развили с определенной целью – как можно сильнее демонизировать советские спецслужбы сталинской поры, а через них и всю сталинскую систему в целом.

Но вернемся к Зое Федоровой.

Судя по всему, в преддверии войны она продолжала выполнять секретную работу на «немецком» направлении. Точно такую же работу выполняли сотни других секретных агентов госбезопасности, вроде Николая

Кузнецова (он же Рудольф Шмидт) или Александра Демьянова (агент «Гейне»). Как мы помним, оба они были «завязаны» на богемную среду, где вращались иностранные дипломаты (для того чтобы Демьянову легко было знакомиться с иностранцами, чекисты предоставили ему лошадь, на которой он по утрам катался в конном Манеже вместе с иностранными дипломатами). Демьянов был вхож и в «келью» Новодевичьего монастыря, где, как мы помним, свил антисоветское гнездо потомственный дворянин Борис Садовский и его жена – бывшая фрейлина Наталья Воскобойникова. Это гнездо вскоре родит на свет чекистскую «фальшивку» – монархическую организацию «Престол», о чем нас еще ждет рассказ впереди.

Вращаясь в богемной среде, Демьянов был дружен с кинорежиссером Михаилом Роммом, который, в свою очередь, имел обширные связи среди творческой богемы и иностранцев и, вполне вероятно, тоже мог в той или иной мере работать на НКВД – не зря же он станет лидером либеральной еврейской элиты в киношной среде. Конечно, в первую очередь лидером ему помог стать его несомненный талант и организаторские способности. Но речь о другом. Ромм оставался лидером на протяжении трех десятков лет, а такое положение без содействия спецслужб представить себе просто невозможно. Режиссер либо был агентом спецслужб, либо использовался ими «втемную» – через агентуру, которая его окружала. Как, например, в случае с Александром Демьяновым и его женой Татьяной Березанцевой, которая тоже была агентом НКВД. А ведь она служила у Ромма вторым режиссером на многих картинах. Впрочем, подробная речь о ней пойдет чуть позже, а пока вернемся на некоторое время назад.

Точно такие же подозрения, как и в случае с Роммом, витают и над другими советскими кинорежиссерами – например, над Александром Довженко.

В годы гражданской войны он, 24-летний молодой человек, воевал против большевиков в рядах армии УНР, был знаком с Симоном Петлюрой. Кроме этого, он преподавал в школе старшин армии УНР, где был на хорошем счету. В итоге, когда Красная армия в августе 1919 года освободила Житомир, петлюровский комиссар Довженко был схвачен Волинской ЧК и приговорен к расстрелу. Однако от смерти его спасло какое-то чудо. Ввиду запроса Губпарткома коммунистов-боротьбистов, было решено приговор до выяснения существа вопроса в исполнение не приводить. Как было сказано в одном из документов: «решено заключить Довженко в концентрационный лагерь до окончания Гражданской войны». Просидел будущий режиссер в житомирской тюрьме (бывшие кельи Иезуитского монастыря) три месяца и своим спасением обязан известному писателю Эллану-Блакитному (настоящее имя – Василий Михайлович Еланский).

Отметим, что Блакитный скончался на 32-м году жизни – 4 декабря 1925 года. Чуть позже он будет провозглашен «буржуазным националистом», «бандитом». Посмертно ему вынесут высшую меру наказания. В 1934 году был демонтирован памятник Эллану-Блакитному, поставленный его друзьями в Харькове. Произведения писателя были запрещены, а все его товарищи по партии боротьбистов расстреляны или сосланы в Сибирь. Только после XX съезда КПСС (1956) писатель был реабилитирован.

И снова вернемся к Александру Довженко.

По версии Романа Корогодского (статья В. Жежеры в 2006 году в «Газете по-українськи»), Довженко, вероятно, во время пребывания в тюрьме мог быть завербован ВЧК. И с декабря 1919 года по апрель 1920-го уже служил не петлюровцам, а в Волинском губвоенкомате, где преподавал историю и географию в школе красных командиров при штабе 44-й стрелковой дивизии на Пушкинской улице в Житомире. То есть из петлюровского комиссара Довженко перековался в красного. Впрочем, такой кулбит вовсе не указывает на то, что человек стал работать на ВЧК – это было весьма распространенное явление в годы гражданской войны, когда люди служили сначала одним властям, а потом переходили на службу к другим. Но вот другие факты биографии Довженко на определенные мысли наталкивают. Какие?

В 1921 году на Украине была затеяна очередная партийная «чистка». Поэтому друзья Довженко, помня о его петлюровском прошлом, решили спрятать его подальше – отправили на дипломатическую работу в полномочное

представительство Украины в Польше. А в начале февраля 1922 года Довженко переводят на должность секретаря консульского отдела Торгового представительства СССР в Германии. Работая там, будущий режиссер посещает лекции Берлинской Академии высшей школы изобразительного искусства, где знакомится с двадцатилетним художником Николаем Глуценко. Что это за человек?

Глуценко в 1918 году окончил коммерческое училище в Донецке (тогда это был поселок Юзовка) и был мобилизован в ряды деникинской армии. С этого момента начались его скитания: когда армия была разбита, Глуценко с остатками белогвардейских частей попал в Польшу, а оттуда сбежал в Германию. Там он и познакомился с Довженко, который чуть позже поможет ему получить... советский паспорт. Кто-то утверждает, что это произошло по зову души (бывший петлюровец помог бывшему деникинцу). Но есть и другое объяснение этому факту. А именно: в 1925 году Глуценко переехал в Париж, где в следующем году его навещил некий человек из России, составивший по факту этой встречи следующий документ:

«Письмо № 20, параграф № 16. Нами вовлечен в разведывательную работу художник Глуценко Николай Петрович. Общее впечатление позитивно. Считаем целесообразным на первом этапе ориентировать Глуценко на добывание информации о враждебной деятельности и намерениях заграничных антисоветских и националистических организаций, а также расширении контактов с их руководителями». Новоиспеченный разведчик получил псевдоним «Ярема».

После этого дела художника пошла как по маслу – к нему достаточно быстро пришел успех, он стал неплохо зарабатывать и постоянно участвовать в выставках, его работы экспонировались рядом с картинами Матисса и Пикассо. В парижской газете «Нувель Журналь Литерер» можно было прочесть: «Глуценко с замечательным телосложением, весь из мышц – не только художник, но и чемпион по легкой атлетике. Он заплывает в море так далеко, что с обратной дорогой расстояние может составить до восьми километров. А вечером, надевая смокинг, он превращается в светского человека на обедах в международном обществе».

Художественное ателье, которое Глуценко открыл на улице Волонтеров, стало точкой встреч самой разношерстной публики. Среди его посетителей были местные жители и туристы, интеллигенция, чиновники, лидеры белоэмигрантских и украинских эмигрантских группировок. Если взять за основу версию о том, что Глуценко стал сотрудником ГПУ (а его ателье было тем самым салоном, где он добывал от его посетителей самую разнообразную информацию), то невольно приходишь к мысли о том, что и его знакомство с Довженко могло быть не случайным. Как и помощь в получении советского паспорта потом. Как пишет журналистка А Демьянюк

«Сейчас уже не узнаешь, были ли портреты Р. Роллана, А Барбюса и П. Синьяка сделаны по заказу советских разведслужб или созданы по сугубо творческим причинам. Зато доподлинно известно, что карандашные зарисовки с изображениями С. Шварцбада (ликвидировавшего С. Петлюру) и его адвоката Торреса, сделанные художником во время судебного процесса, были заказаны „сверху“.

Удачей для советской разведки стало появление в ателье бельгийца Андре Мирабо, успешного коммерсанта, занимавшегося внедрением в производство новых разработок, в том числе военных. Он оказался большим ценителем живописи, к тому же сам неплохо рисовал. Мирабо стал часто навещать Глуценко, и в процессе длительных бесед о живописи и на иные темы разведчику удалось вывести немало ценных сведений. В архивных материалах сказано следующее: „...Выполнил ряд сложных заданий по добыванию научно-технической информации оборонного характера. В результате советская разведка получила секретные чертежи двухсот пяти видов военной техники, в частности авиационных моторов для истребителей“.

В 1935 году Глуценко обратился в советское посольство с просьбой разрешить ему вернуться на родину, уверяя, что не выдержит за границей более двух месяцев. Однако его убедили остаться в Париже еще на год.

В июле 1936 года художник вернулся в Советский Союз. Несколько месяцев вместе с женой и ребенком прожил в Москве, им выделили в коммунальной квартире комнатку площадью девять квадратных метров. В 1937 года он переехал в Киев, где и остался до конца жизни.

С переездом в Союз специальные задания для художника не закончились: в январе 1940 года перед Глуценко была поставлена задача – организовать выставку немецкого изобразительного искусства в Москве и выставку народного творчества СССР в Берлине (отметим, что эту задачу перед ним ставил лично Берия. – Ф. Р).

Попутно художник добывал чрезвычайно ценную информацию, на основе которой был подготовлен доклад на имя Сталина и Молотова: „Посланный ГУГБ НКВД СССР в Берлин разведчик «Ярема» сообщил: «Невзирая на заключенный с СССР договор о дружбе, правительство Германии активно готовится к войне против Советского Союза. Всеми средствами гитлеровцы маскируют приготовление с целью не дать повода к недовольству со стороны Правительства нашей страны. В подготовке агрессии Германия широко использует украинские националистические организации под флагом борьбы за создание „самостоятельной Украины“. Для националистических ячеек создан ряд материальных правовых льгот, среди украинской эмиграции проводится значительная пропагандистская работа. Националисты назначаются на разные должности в министерстве внутренних дел, армии, полиции и пограничных войсках под предлогом подготовки государственных, политических и военных деятелей для будущей соборной Украины. Украинский научный институт, который работает в Берлине под руководством министерства пропаганды, в последнее время значительно активизировал свою деятельность и стал центром научно-исследовательской работы украинских националистических организаций, призванных научно обосновать антисоветскую работу. С 1939 года институт фактически подчинен немецкой администрации, но персонал остался украинским. Это научное заведение развило бурную издательскую и исследовательскую деятельность специфического характера. В течение 1939–1940 годов им был издан военный немецко-украинский словарь для инфантерии, аналогичный словарь для пилотов и большой немецко-украинский словарь специально для военно-топографических, экономических и политических обзоров отдельных регионов Украины. Готовятся к печати карманные военные словари и детальные карты территории Украины. Научно-исследовательской работой института руководит профессор Кузеля, прежний „гетманец“, связанный с бюро Розенберга. В разговоре с „Яремой“ относительно немецко-оуновских планов в ближайшее время он сказал: „Я общаюсь со многими немецкими политическими деятелями и скажу со всей ответственностью – война с СССР не за горами. Мы и в настоящий момент много работаем, но пытаемся быть незаметными, потому что немцы заинтересованы, чтобы не заострять отношений с Советским Союзом. Для украинской национальной эмиграции Гитлером создан режим наибольшего благоприятствования“.

Характеризуя разнообразные политические группировки эмиграции, их антагонизм, Кузеля отметил: „В сущности, споры между ними имеют формальный характер. Такое состояние временно устраивает немцев, но главная цель одна и хозяин один“».

С момента заключения договора СССР и Германией о ненападении прошло лишь десять месяцев.

В последний день берлинской выставки „нагрянуло“ высшее руководство Третьего рейха во главе с министром иностранных дел И. Риббентропом, который вручил организаторам выставки грамоты и ценные подарки. Обращаясь к Глуценко, Риббентроп отметил, что Гитлер высоко ценит талант художника и оценивает его как одного из лучших пейзажистов Европы своего времени, в связи с чем – на память о пребывании в Берлине – дарит ему альбом с собственными акварельными рисунками.

Вернувшись в Москву, Глуценко передал этот альбом руководству разведки. Вскоре с акварелями Гитлера захотел ознакомиться Сталин. Альбом вернули художнику, когда началась война...

Глуценко долгое время „ходил по лезвию бритвы“, ведь перед войной многие советские разведчики были репрессированы. К счастью, несмотря на доносы и провокации, к нему было сохранено доверие...»

Художник был награжден орденом Трудового Красного Знамени, имел звание Народного художника Украинской ССР (1944) и Народного художника СССР (1976), был лауреатом Государственной премии Украинской ССР им. Т. Г. Шевченко. Скончался в 1977 году.

Итак, агент Глуценко тоже был вовлечен в процесс сбора информации на немецком направлении. А Довженко снял фильм «Щорс», где показал, как красноармейцы под руководством комдива Николая Щорса громят на Украине не только войска Петлюры (эту роль исполнил Георгий Полежаев), но и немецкую армию. В ролях немцев снимались: Сергей Комаров (немецкий полковник), Освальд Глазунов (немецкий солдат-делегат), Ганс Клеринг (Отто, немецкий солдат), Николай Комиссаров (Гофман, немецкий солдат).

Ганс Клеринг сыграет в советском кино множество плохих немцев в таких фильмах, как: «Окраина» (1933), «Борцы» (1937), «Всадники» (1940), «Морской ястреб» (1942), «Александр Пархоменко» (1942), «Боевой киносборник» – «Юные партизаны» (1942), «Боевой киносборник» № 9 (1942), «Радуга» (1943), «Я – черноморец» (1944), «Зигмунд Колосовский» (1945), «Непокоренные» (1945). А сразу после войны Клеринг вернется к себе на родину, в ГДР, и будет одним из создателей киностудии «ДЕФА» (а ее первым генеральным директором будет советский режиссер Илья Трауберг).

Но вернемся к событиям предвоенной поры, а конкретно – к Александру Довженко.

В наши дни в оборот был пущен документ, датированный 17 июня 1940 года и отпечатанный на бланке Центрального аппарата НКВД СССР. Документ адресован наркомом внутренних дел Украинской ССР, комиссару государственной безопасности 3 ранга Ивану Серову. Начальник 2-го отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР (бывший Секретно-политический отдел), комиссар госбезопасности 3 ранга Павел Федотов доводит до тов. Серова решение «верхней» инстанции: нарком внутренних дел СССР тов. Берия, ознакомившись с агентурными данными в отношении кинорежиссера Киевской киностудии Александра Довженко, «предложил взять его в активную разработку». Далее четко указано: «Установите в отношении его литеры „Н“, „М“ и „ПК“». Имеются в виду литерные оперативно-технические мероприятия: «Н» – микрофонное прослушивание, «М» – телефонное прослушивание, «ПК» – почтовый контроль. Сразу три литерных спецмероприятия, включая прослушивание при помощи микрофонов, – дело в те времена технически непростое, довольно сложное в установке и обслуживании, да и довольно затратное. Так что разработка точно серьезная! И все лишь для того, чтобы уловить буквально каждое слово известного режиссера, даже в постели? Но это не все. Федотов продолжает излагать указания наркома: «Подведите к нему опытную агентуру. Вышлите нам план разработки Довженко и меморандум о ходе его разработки. Систематически ориентируйте нас о разработке Довженко»

Завершает все приказ заблаговременно «ориентировать» о выезде Довженко в Москву, «чтобы мы его могли заранее агентурно обставить» (с 1934 года Довженко постоянно проживал в Москве. – Ф. Р.).

О чем может говорить этот документ? 1) Довженко никогда не был агентом ВЧК-ГПУ-НКВД; 2) он им был в двадцатые годы, но затем его вывели из агентурного аппарата; 3) он лишь иногда выполнял отдельные поручения спецслужб; 4) Довженко был агентом спецслужб, но в отношении него, как и в отношении других агентов, периодически проводились спецпроверки по линии контрразведки (это была стандартная практика, как говорится – доверяй, но проверяй), причем проверяющие не знали о том, что их объект – агент их же спецслужб. Кстати, точно так же должны были периодически проверять и других агентов – Николая Кузнецова, Александра Демьянова и того же «Зефира», поскольку доверие в работе любых спецслужб – это понятие относительное.

И вновь вспомним следующий факт. Перед войной с Германией НКВД начал создавать на территории СССР фальшивые антисоветские организации, вроде «Треста» и «Синдиката», в которые в конце двадцатых годов заманивалась белогвардейская эмиграция. Теперь предстояло заманить в новые «фальшивки» немецкую агентуру. Именно на этом направлении работал «Гейне» – Александр Демьянов, который был дворянином по происхождению, сыном офицера царской армии и племянником начальника контрразведки одной из белых

армий. Проживая в Москве, он собирал вокруг себя недовольных советской властью, причем среди них были не только его коллеги по агентурной работе, которые ловко имитировали это недовольство, но и настоящие враги советской власти, которых НКВД специально не трогал с той целью, чтобы они придали нужный вес организации Демьянова в глазах немецких дипломатов, среди которых было много нацистских шпионов, работавших на абвер и СД.

Зоя Федорова, у которой был арестован и отправлен в лагерь отец, идеально подходила для того, чтобы быть «подставленной» немецкой агентуре в Москве как возможный кандидат на вербовку.

Реконструкция (художественная версия)

В один из дней в середине апреля 1941 года Зоя встретила с Магдой Шольц на Гоголевском бульваре. Тот день выдался прохладным, с внезапными порывами ветра, поэтому на бульваре было немногочисленно. Кутаясь в свои демисезонные пальто, обе женщины присели на лавочку, и Магда спросила:

– Зоя, вы плохо выглядите – что с вами?

– Я боюсь потерять Ивана, – честно призналась актриса. – Он сейчас испытывает новый самолет и уже четыре дня не ночует дома. У меня плохие предчувствия.

– Не надо думать о плохом, – положив свою ладонь на колено собеседнице, сказала Магда. – Это же не первые такие испытания у вашего мужа?

– В том-то и дело, что первые. Это какой-то новый самолет, который надо очень быстро испытать и запустить в производство. Поэтому я боюсь, что в этой спешке может случиться что-то страшное. Точно такие же предчувствия у меня были перед арестом отца. Как вы знаете, они сбылись.

– От него по-прежнему нет никаких вестей? – поинтересовалась Магда.

– Никаких. Поэтому иногда меня охватывает дикое отчаяние. Я потеряла мать, у меня забрали отца, а тут еще беда может случиться и с Иваном. Если он погибнет, то я этого не перенесу.

– Вам надо думать о хорошем, ведь плохие мысли притягивают беду.

– До смерти мамы я только и делала, что думала о хорошем. И все действительно складывалось отлично. У меня был муж-оператор, я постоянно снималась в новых фильмах. Но затем все вдруг стало рушиться. Умерла мама, посадили отца, я ушла от мужа. И теперь мне кажется, что в моей жизни наступила какая-то черная полоса, которая никак не закончится.

– Такие полосы могут случиться в жизни каждого человека.

– Но у меня уже нет сил противостоять всем этим напастям, – Зоя положила свою руку на ладонь Магды и посмотрела ей в глаза. – Меня домогается один высокий киноначальник – он предлагает мне стать его любовницей в обмен на главные роли в кино. А он мне противен, я смотреть на него спокойно не могу. Когда я захожу в его кабинет, я буквально сдерживаю себя, чтобы не схватить со стола пепельницу и не заехать ему по его наглой упитанной физиономии. Но я не имею права этого сделать, поскольку я дочь врага народа.

– Бедная девочка! – Магда обняла Зою за плечи и прижалась к ней всем телом. – Но почему вы ничего не расскажете Ивану?

– Я не хочу впутывать его в эти грязные интриги. К тому же он такой вспыльчивый, что может наделать глупостей. Нет, из этой истории мне предстоит выпутываться самой.

– Что же вы предпримете?

– Постараюсь найти поддержку в ЦК партии – у меня есть там знакомые. Но шансов на успех очень мало.

– Почему?

– В нашем ЦК тоже творятся страшные вещи. За последние два года оттуда вычистили всех ленинцев, вроде моего отца. Иногда мне кажется, что это не я дочь врага народа, а люди, которые работают в нашем правительстве, – главные враги нашего народа.

– Зоя, ради бога, замолчите, – Магда с опаской огляделась по сторонам. – Эти речи не доведут вас до добра.

– Я устала бояться, я устала просыпаться по ночам и ждать, что за мной тоже могут придти. За мной – актрисой, которую несколько месяцев назад наградили Сталинской премией. Но эта премия здесь ничего не значит. Меня могут арестовать в любой момент, хотя бы за невинную дружбу с вами – немкой.

– Тогда давайте не будем больше встречаться.

– Нет, нет, Магда, за те месяцы, что мы с вами знакомы, вы стали для меня очень близким человеком, которому я могу доверить многие свои секреты. Я даже сестрам своим не говорю того, что обсуждаю с вами.

– Но нам все равно придется с вами расстаться, Зоя.

– Как расстаться, зачем? – во взгляде актрисы немка прочитала неподдельное отчаяние.

В их разговоре возникла пауза, которая понадобилась Магде, чтобы принять решение – стоит говорить Зое правду или лучше промолчать. Наконец немка решилась:

– Через две недели мы с мужем покидаем Москву и улетаем в Берлин. Нас срочно отзывают из России.

– Почему?

– Всех подробностей я не знаю, но краем уха слышала из разговора мужа по телефону, что наше посольство сокращают на треть. Но вы никому не должны об этом говорить – я рассказала вам это как своей подруге. Вы тоже стали мне очень близки, Зоя. И я буду по вам скучать.

– А нельзя отменить эту поездку или хотя бы перенести на время?

– Это невозможно, поскольку решаем не мы, а в Берлине. А там творится такое...

Магда замолчала, все еще не уверенная в том, что она может говорить всю правду. Но Зое-то нужно было знать как можно больше. И она спросила:

– Что же там творится?

– Мы получили приказ на уничтожение всей посольской секретной документации. И ее по ночам уже начали сжигать в наших подвалах.

– И что это значит?

– Это значит, что между моей страной и вашей может случиться война.

Услышав последнее слово, Зоя невольно отшатнулась от своей собеседницы. Но та снова положила свою ладонь ей на колено.

– Чего вы испугались, Зоя? Разве вы не догадывались, что эта война может произойти?

– Догадывалась, но.

– Но не верили в ее скорое наступление? Так вот она, судя по всему, скоро начнется. Но она может избавить лично вас от многих страхов. Например, от страха, что вас может изнасиловать гнусный киноначальник. Или от страха, что вас арестует ЧК, как это было проделано с вашим отцом. Мы освободим вас от всего этого ужаса.

– Мы? О ком вы говорите?

– О нас, о немцах. Такие люди, как вы, Зоя, нам очень импонируют. Вы талантливы, смелы, красивы. И вы достойны лучшей участи, чем та, которая уготована вам при вашей власти. Мы умеем благодарить людей, которые нам симпатичны.

– Вы так говорите, будто уже выиграли эту войну.

– Мы ее обязательно выиграем, в этом нет никаких сомнений. Мы покорили уже половину Европы, и нас никому не удастся остановить. Поэтому я хочу спросить вас прямо, Зоя: если случится эта война, вы станете моим врагом или останетесь другом?

Вопрос был задан в лоб, глядя прямо в глаза. Чтобы немка ей поверила, Зое надо было ответить столь же прямо, не отводя своего взгляда. И она ответила:

– Я останусь вашим другом, Магда.

Вечером того же дня, добравшись до своего дома на улице Горького, Зоя достала из секретера чистый лист бумаги, перьевую ручку и, сев за стол, вывела на листке первые строчки своего донесения:

«Начальнику 2-го Управления НКГБ СССР тов. Федотову П. В. от агента „Зефир“.

Докладываю...»

* * *

О том, что сотрудники посольства Германии в Москве в спешном порядке сжигают в подвалах свою секретную документацию и готовятся к срочному отъезду в Берлин, в те дни докладывал не только агент «Зефир», но и ряд других агентов, работавших на немецком направлении. Эти донесения от начальника контрразведки Павла Васильевича Федотова шли к Берии, а тот докладывал об этом лично Сталину. По всем приметам выходило, что эти события имели под собой серьезную подоплеку – возможное скорое объявление Германией войны Советскому Союзу. Но Сталин в это не верил, поскольку был убежден, что Германия не сможет воевать на два фронта – против СССР и Англии. Как мы знаем, Сталин ошибся. По мнению П. Судоплатова:

«К сожалению, наша разведка, как военная, так и политическая, перехватив данные о сроках нападения и правильно определив неизбежность близкой войны, не спрогнозировала ставку гитлеровского командования на тактику блицкрига. Это была роковая ошибка, ибо ставка на блицкриг указывала на то, что немцы планировали свое нападение независимо от завершения войны с Англией. Крупным недостатком нашей разведывательной работы явилась слабая постановка анализа информации, поступавшей агентурным путем. Убедительным доказательством такого вывода может служить то, что только в ходе войны и в Разведупре, и в НКВД были созданы в системе разведуправлений отделы по постоянной оценке и обработке разведывательной информации, поступавшей из зарубежных источников...»

«Я дала вам согласие вести подпольную борьбу...», или Вставай, страна огромная!

Черное воскресенье, или Война началась. – Москва военная. – Фильмы для Зои. – «Московский план», или Агент «Зефир» остается в Москве. – Чекистское подполье: от композитора до священника. – Агенты с «Мосфильма»

В воскресенье 22 июня 1941 года фашистская Германия напала на Советский Союз. Это событие застало миллионы советских людей врасплох. И это несмотря на то, что в воздухе давно пахло войной. Просто никому не хотелось верить, что мирная жизнь так внезапно закончится и начнется военный кошмар. Впрочем, в кошмар тогда мало кто верил – большинство советских людей были убеждены в том, что Красная армия достаточно быстро выбросит фашистскую орду за пределы родного Отечества. Но чтобы это произошло быстрее, требовалось помочь родной армии всеми возможными силами. В том числе и средствами кинематографа.

Война только началась, а Зоя Федорова уже включилась в агитационную работу. От агентурной деятельности ее временно отстранили, поскольку немецкое посольство было закрыто, а его сотрудников вывезли на юг, чтобы там обменять на представителей советского посольства, задержанных в Берлине. Кстати, в те дни многие агенты, вроде «Зефира», оказались временно не у дел. Например, Руди Шмидт – он же Николай Кузнецов. Читаем у Т. Гладкова:

«...Инструкция была короткой: никаких шагов самому не предпринимать, звонками никому не надоедать, надолго квартиру не оставлять, надолго телефон не занимать. Ждать дальнейших указаний.

День за днем раскручивался маховик войны. Советские сводки были уклончивы и туманны. Понять из них что-либо о реальном положении на фронтах было затруднительно. Но скрыть сдачу крупнейших городов, таких как Минск, Рига, Таллин, Вильнюс, наконец, Киев, сам факт неслыханных потерь, утрату огромных территорий было невозможно.

Кузнецов слушал и немецкие сводки. В первые же дни всем владельцам радиоприемников (тогда они регистрировались в обязательном порядке, словно оружие) было предложено сдать их на специальные склады – на хранение, впредь до особого распоряжения. Николаю, однако, руководство оставило его „Хорнифон“. Но и немецкие сообщения не давали правдивой информации: если им верить, то Красной армии давно уже не существовало. Оставалось лишь гадать, кто же в таком случае оказывает столь ожесточенное сопротивление не знавшему ранее преград вермахту?..

Гражданин Рудольф Вильгельмович Шмидт на самом деле нигде не работал, так называемому бронированию от мобилизации в Красную армию не подлежал. Между тем по всему городу денно и ночью ходили группами по трое вооруженные комендантские патрули, они имели право проверять документы не только у подозрительных лиц, но вообще у всех мужчин призывного возраста. Если у них не оказывалось в военном билете отметки о бронировании (таковые ставились незаменимым специалистам и высококвалифицированным рабочим оборонных заводов), задержанных незамедлительно препровождали в ближайший призывной участок. Гражданин Шмидт, как этнический немец, вообще мог быть подвергнут депортации далеко на Восток.

Контрразведке пришлось предпринять необходимые меры, чтобы обезопасить Кузнецова от подобных неприятностей, да и пайком обеспечить.

Разумеется, Кузнецов много думал о своем месте в войне. Он не проходил, так случилось, действительную службу, не был командиром запаса и прекрасно понимал, что в качестве рядового необученного красноармейца он в свои тридцать лет особой ценности не представляет. Да и не отпустит его ни в армию, ни в народное ополчение (оно уже формировалось в Москве) руководство управления. Все же он сделал попытку попасть в воздушно-десантные войска. Даже успел написать некоторым близким, что в составе таковых вот-вот отправится на фронт. Прыгать с парашютом, и много, Кузнецову в скором времени довелось, но десантником он не стал, а во вражеский тыл опустился с парашютом лишь одиножды, да и то год спустя.

Руководители Кузнецова дальновидно рассудили, что человека с таким знанием немецкого языка и Германии, с опытом контрразведывательной и разведывательной работы использовать в обычном парашютно-десантном подразделении просто нецелесообразно.

В определенном смысле Кузнецов был действительно уникалом. К этому времени кроме усредненного чистого „хох-дойч“ он владел семью диалектами немецкого языка, умел говорить по-русски с немецким акцентом.

Кузнецов не знал, что в первые же дни после 22 июня его фамилия была внесена в некий список, в котором значилось совсем немного фамилий. Из этого списка людей на фронт не отправляли. Их забрасывали или, по терминологии разведчиков, „запускали“ за линию фронта. И не в составе подразделений, а поодиночке, иногда маленькими группами. В этом списке ему был присвоен позднее еще один псевдоним – „Пух“.

Личные достоинства этих людей, их знания, способности, опыт, даже внешность позволяли использовать их в условиях сложных и специфических. Танкисты, летчики, артиллеристы тоже нужны были Родине. Но научить человека водить танк, управлять самолетом, стрелять из пушки все-таки легче, чем сделать его своим солдатом в стане врагов...»

Но вернемся к Зое Федоровой.

В первые же дни войны ее срочно вызвали в город на Неве, на «Ленфильм», где режиссер Виктор Эйсымонт (ее недавний сосед по дому на Малой Посадской) и оператор Владимир Рапопорт (ее бывший супруг), снявший с Эйсымонтом уже три картины подряд, запустили в производство один из первых фронтовых фильмов, который так и назывался – «Подруги, на фронт!». Это было короткометражное продолжение фильма «Фронтовые подруги» тех же авторов и с теми же героями (как мы помним, речь в нем шла о советско-финской войне). Только теперь на авансцену сюжета выходила не героиня Зои Федоровой (Наташа Матвеева), а другая подруга – Леля Федорина по прозвищу Чижик в исполнении Ольги Федориной. Именно ее героиня призывала ленинградских женщин отправиться на фронт в качестве сестер милосердия. В ролях остальных подруг снялись: Тамара Алешина (Зина), Манефа Соболевская (Тамара), Екатерина Мелентьева-Боярская (Шура).

Съемки фильма длились в течение нескольких дней, после чего уже 14 июля он вышел на большой экран. Таких ударных темпов кинопроизводства и кинопроката еще не наблюдалось. Впрочем, и время тогда наступило иное – военное, когда надо было действовать на опережение.

На момент премьеры фильма Зоя была уже в Москве, которая уже ощущала дыхание войны. Достаточно сказать, что первый налет немецкой авиации на столицу произошел 22 июля. О том, как выглядел город в те дни, рассказывает английский журналист Александр Верт (чуть позже он станет приятелем Зои, о чем я обязательно расскажу):

«Условия в Москве становились более трудными. Если в начале июля еще ни в чем не ощущалось сколько-нибудь значительного недостатка и особенно много было продуктов питания и папирос (продавались даже красивые коробки шоколадных конфет с надписью „Изготовлено в Риге, Латвийская ССР“, теперь уже находившейся в руках у немцев), то все же люди все время понемногу запасались товарами, и к 15 июля нехватка продовольствия стала очень заметной. Горы папирос, продававшихся почти на каждом углу, быстро исчезли. 18 июля было введено строгое нормирование продуктов; население разделили на три категории. Правда, продолжали торговать колхозные рынки, но цены быстро росли. В магазинах еще продавались кое-какие потребительские товары; в конце августа я даже умудрился купить себе пальто из меха белой сибирской лайки в магазине в Столешниковом переулке, где по-прежнему был довольно широкий выбор оленьих полушубков и т. п. Я заплатил за свою „собачью доху“ 335 рублей, что было дешево. Но другие магазины, как я обнаружил, быстро распродавали свои запасы обуви, галош и валенок.

Однако рестораны работали, как и прежде, и в таких больших гостиницах, как „Метрополь“ и „Москва“, а также в ресторанах вроде знаменитого „Арагви“ на улице Горького еще подавали хорошие блюда. Переполнен был и коктейль-холл на улице Горького. Работали кинотеатры и 14 театров. Многие из них ставили патриотические пьесы и спектакли на злободневные темы. Большой театр был закрыт, но его филиал на Пушкинской улице действовал, и молодежь, как обычно, толпилась у входа, спрашивая лишние билеты, а в зрительном зале

устраивала бурные овации при каждом выступлении Лемешева и Козловского. В Малом театре шла пьеса Корнейчука „В степях Украины“, и зрители встречали громом аплодисментов слова одного из действующих лиц:

„Возмутительнее всего это, когда вам не дают достроить крышу вашего дома. Нам бы еще лет пять! Но если начнется война, мы будем драться с такой яростью и ожесточением, каких еще свет не видывал!“

В кино всякий раз, когда в журналах появлялся Сталин, люди начинали громко аплодировать, что они вряд ли стали бы делать в темноте, если бы действительно не испытывали таких чувств. Авторитет Сталина не вызывал никаких сомнений, особенно после его речи по радио 3 июля. Все верили, что он знает, что делает. Но при всем том люди чувствовали, что дела идут очень скверно, а многих чрезвычайно удивляло, что СССР вообще подвергся вторжению.

В театрах ставились патриотические пьесы, вроде шедшей в Камерном театре „Очной ставки“ (где немецкий агент в конце концов в отчаянии сдавался, убедившись в полном единстве русского народа), пьесы о победоносных русских полководцах Суворове и Кутузове. По воскресеньям в саду „Эрмитаж“ по-прежнему толпилась штатская и военная публика. Здесь в переполненном зале Буся Гольдштейн исполнял скрипичный концерт Чайковского, а в одном из театров шли сатирические скетчи, высмеивавшие Гитлера, Геббельса, немецких солдат, немецких генералов, немецких парашютистов, которых неизменно удавалось перехитрить патриотически настроенным колхозникам. Зрителям это нравилось, и они смеялись.

Поэты сочиняли патриотические стихи, а композиторы слагали военные песни; по улицам проходили солдаты, распевавшие довоенный „Синий платочек“, „Катюшу“, „В бой за родину“ или же новую, торжественную „Священную войну“ Александрова, остававшуюся своего рода полуофициальным гимном на протяжении всей войны.

Однако наряду с этим многие театры сохранили старый репертуар. В Московском Художественном театре шли „Три сестры“, „Анна Каренина“ и „Школа злословия“; сезон Большого театра открылся в конце сентября балетом „Лебединое озеро“ с участием Лепешинской. Это было всего за несколько дней до начала генерального наступления немцев на Москву...».

А вот что пишет об этих же днях другой исследователь – Г. Андреевский:

«...17 июля в городе была введена карточная система распределения основных продовольственных и промышленных товаров. И только в девяноста семи магазинах торговля шла по коммерческим ценам. Работающие получали карточки на работе, иждивенцы – в домоуправлении. Карточки выдавались на месяц. Те, кто их получил, „прикреплялись“ к какому-нибудь ближайшему магазину. При покупке товара продавцы отрезали талон. Потом группировали их по отдельным товарам и сдавали заведующим. Кто-то из них наклеивал талоны на бумагу или газету с помощью клейстера, кто-то просто укладывал их в пачки, указав количество талонов и дату продажи товаров. Через некоторое время в присутствии комиссии талоны уничтожались. Существовало даже такое учреждение: Контрольно-учетное бюро, сокращенно „КУБ“, которое подсчитывало отоваренные талоны. Введение карточек позволило растянуть на какое-то время городские запасы и, кроме того, сдерживать напор покупателей, стремившихся скупить все, что только возможно. Нормы продуктов по карточкам постепенно снижались. Если осенью 1941-го можно было купить в день килограмм хлеба, то в январе 1942-го рабочие могли получить только шестьсот граммов, служащие – пятьсот, а иждивенцы и дети – четыреста. На месяц по рабочей карточке можно было приобрести кусок мыла, бутылку водки, четыре килограмма крупы, килограмм мяса. Вместо масла часто давали яичный порошок. Тем, кто отправлялся из Москвы в эвакуацию, и командированным хлеб по карточкам отпускался на пять дней. Те, которые уходили в армию, ложились в больницы и отправлялись в санатории, должны были сдавать свои карточки в домоуправление.

Заводские, фабричные и институтские столовые и буфеты первое время торговали по старым ценам, то есть по ценам, существовавшим до 17 июля 1941 года. Рестораны, кафе, закусовые, шашлычные, чайные, вокзальные

буфеты торговали без карточек с двухсотпроцентной наценкой. Колбаса, сыр и прочая гастрономия продавались в виде бутербродов, не более двадцати пяти граммов на кусочек хлеба. Зато килька, сардина, хамса, тюлька с ершом и без ерша и прочая рыбная мелочь отпускались по карточкам в двойном размере. Хранить ее, видно, было негде.

Введены были нормы и на промтовары, в частности обувь: сандалии, пленсоли, пинетки и гусарики (обувь для совсем маленьких)...

Новые законы формировали новый образ жизни москвичей. Все общественные и культурные мероприятия в городе (спектакли, киносеансы и пр.) должны были заканчиваться не позднее чем без четверти одиннадцать ночи. А еще недавно, в мирное-то время, гулянка в больших ресторанах шла до трех часов ночи, магазин „Подарки“, на углу Петровки и Кузнецкого Моста (в наше время там был магазин „Товары для женщин“), торговал до одиннадцати, в цирке Карандаш давал ночные представления, которые только в одиннадцать начинались. Теперь же гражданам запрещалось с двенадцати ночи до четырех утра ходить по городу, ездить на автомобилях, не имея на то специального пропуска, на улицах города также запрещалось фотографировать и снимать кино.

В начале июля был введен новый порядок работы почты. Согласно ему, запрещалось „в письмах и телеграммах сообщать какие-либо сведения военного, экономического или политического характера, оглашение которых может нанести ущерб государству“. Запрещалось переправлять по почте открытки с видами или наклейками фотографий, письма со шрифтом для слепых, кроссвордами, шахматными задачами и т. д. Запрещалось также употребление конвертов с подкладками (бумага была плохая, и конверты приходилось делать двойными), писать письма размером более четырех страниц почтовой бумаги...

Жизнь, обычная жизнь большого города, продолжалась. Все лето 1941 года на его улицах и площадях продавались мороженое и газированная вода. Люди ходили в театры, в кино, смотрели фильмы „Щорс“, „Если завтра война“, „Шел солдат с фронта“, „Профессор Мамлок“, „Болотные солдаты“, „Семья Оппенгейм“, „Боксеры“. В летнем театре „Эрмитаж“ на Петровке, совсем как в мирное время, пел Козин, танцевали Анна Редель и Хрусталева, острил Дыховичный, смешили публику Милов и Дарский. В ЦПКиО им. Горького работал цирк шапито и выступала большая человекообразная обезьяна по имени Чарли. Чарли ездил на велосипеде, жонглировал всякими штуками, строил рожи и думал про себя: „Какого лешего забрался я из своих джунглей в эту даль, где вместо бананов бомбежки!“...

В июле 1941-го в Москве стали формироваться группы самообороны жилых домов, учреждений и предприятий. Одна такая группа создавалась на 200–500 человек населения. Если дом был большой, то такую группу должен был организовать каждый подъезд. Группы охраняли общественный порядок во время бомбежек и при ликвидации их последствий. Участники групп носили красные нарукавные повязки с надписью „МПВО“. У командиров звеньев повязки были красные с синей полосой, а у начальников групп на красной повязке – две синие полосы.

Команды ПВО существовали и на предприятиях, и в учреждениях, и в учебных заведениях.

На улицах Москвы появились так называемые „слухачи“. Они слушали небо через три звукоуловителя, похожих на граммофонные трубы, только большие. „Слухачи“ обнаруживали приближение немецких самолетов. Относились они к службе „ВНОС“ – воздушного наблюдения, оповещения и связи.

Над городом повисли аэростаты. Они вспыхивали, когда в них врезались вражеские бомбардировщики. По ночному небу в поисках самолетов шарили прожекторы.

А вообще надо сказать, что бомбежек москвичи особенно боялись только первое время. Постепенно они к ним привыкли, научились по звуку отличать наши самолеты от немецких „хейнкелей“, „юнкерсов“ и „фокке-вульфов“.

Они уже не хватались за голову, не лезли под кровати, заслышав гул самолета. Даже болеть, как это ни покажется странным, москвичи стали меньше...

Для многих москвичей бомбоубежищем служило метро. Движение поездов в нем прекращалось с восьми вечера до половины шестого утра, а до войны оно работало до часа ночи. Вход в него и тогда, и во время войны стоил тридцать копеек. Только теперь, после того как поезда заканчивали свой бег по тоннелям, в половине девятого вечера, в метро пускали детей и женщин с детьми до двенадцати лет. Ночевать в метро было надежнее, чем дома. Государство берегло детей – „наше будущее“ и прятало их от бомбежек в своих подземных дворцах. Взрослым „Правила“ запрещали вечером и ночью, до сигнала „Воздушная тревога“, входить в метро. Нарушителям грозил штраф от пятидесяти до трехсот рублей. Однако, войдя в метро с вечерней бомбежкой, многие оставались в нем до утра.

Ночевали москвичи в тоннелях на деревянных щитах, которые укладывались на рельсы. На платформах и в вагонах разрешалось оставаться только детям и женщинам с детьми до двух лет.

Правила пользования метрополитеном требовали, чтобы те, кто прячется в нем от бомбежек, уносили свой мусор с собой, чтобы не тащили в метро ящики, узлы и чемоданы, а брали с собой лишь постельные принадлежности и узелки с едой для детей. Но люди, отправляясь в метро, не знали, вернутся ли они после бомбежки домой или застанут на его месте развалины, поэтому некоторые держали наготове чемоданы и узлы и тащились с ними в метро или бомбоубежище, чтобы не остаться потом ни с чем.

У читателя может возникнуть вопрос: а где же в метро туалеты, да еще для такого количества людей? Вопрос не праздный, если учесть, что в 1941 году в метро ежемесячно укрывалось до трехсот пятидесяти тысяч человек. Потом, правда, стало прятаться тысяч восемьдесят и даже меньше. Так вот, туалеты в метро были. Устроили их в тоннелях. Сделали и водяные фонтанчики для того, чтобы люди, не имеющие при себе никакой посуды, могли пить воду...».

Поразительное хладнокровие показывали советские руководители во главе со Сталиным. А ведь в конце июля немецкие оккупанты уже далеко продвинулись вглубь страны. Они взяли Вильнюс (Вильно), Даугавпилс, Лиепаяу, Ригу, Львов, Минск, вышли к Днепру и осадили Киев, Смоленск. При этом

Сталин понимал, что ситуация дальше будет только ухудшаться, но победа в итоге все равно будет за СССР. Вот, например, какие впечатления остались у посланника Ф. Рузвельта Гарри Гопкинса, который приехал в те дни в Москву и 30 июля встретился со Сталиным:

«...Он (Сталин) приветствовал меня несколькими быстрыми русскими словами. Он пожал мне руку коротко, твердо, любезно. Он тепло улыбался. Не было ни одного лишнего слова, жеста или ужимки. Казалось, что говоришь с замечательно уравновешенной машиной, разумной машиной. Его вопросы были ясными, краткими и прямыми. Его ответы были быстрыми, недвусмысленными, они произносились так, как будто они были обдуманы им много лет назад. Если он всегда такой же, как я его слышал, то он никогда не говорит зря ни слова. Если он хочет смягчить краткий ответ, он делает это с помощью быстрой, сдержанной улыбки – улыбки, которая может быть холодной, но дружественной, строгой, но теплой. Он с вами не заигрывает. Кажется, что у него нет сомнений. Он создает у вас уверенность, что Россия выдержит атаки немецкой армии. Он не сомневается, что у вас тоже нет сомнений. Он довольно часто смеется, но это короткий смех, быть может несколько сардонический. Он не признает пустой болтовни. Его юмор остр и пронизателен.

Сталин несколько раз повторил, что он не недооценивает немецкую армию. Он сказал, что их организация превосходна и что, по его мнению, немцы обладают крупными резервами продовольствия, людей, снаряжения и горючего. Поэтому он считает, что немецкая армия способна вести зимнюю кампанию в России. Он думает, однако, что немцам будет трудно предпринимать значительные наступательные действия после 1 сентября, когда начинаются сильные дожди, а после 1 октября дороги будут настолько плохи, что им придется перейти к

обороне. Он выразил большую уверенность в том, что в зимние месяцы фронт будет проходить под Москвой, Киевом и Ленинградом, вероятно, на расстоянии не более чем 100 км от той линии, где он проходит теперь. Он считает, что немцы „устали“ и не имеют боевого наступательного духа. Германия все еще может перебросить сюда около 40 дивизий, в этом случае на русском фронте будет всего 275 дивизий. Однако вряд ли удастся подвезти эти дивизии до наступления холодов.

Сталин сказал, что, по его мнению, мы [США] в конце концов неизбежно столкнемся с Гитлером на каком-нибудь поле боя. Мощь Германии столь велика, что, хотя Россия сможет защищаться одна, Великобритании и России вместе будет очень трудно разгромить немецкую военную машину... Война будет ожесточенной и, возможно, длительной. Наконец, он просил меня сообщить президенту, что, хотя он уверен в способности русской армии противостоять германской армии, проблема снабжения к весне станет серьезной и что он нуждается в нашей помощи...»

Но вернемся к Зое Федоровой.

Вернувшись из Ленинграда в Москву, она вскоре включилась в новый кинопроект – в фильм «Боевой киносборник № 4», который снимался на «Мосфильме» и «Союздетфильме» в конце июля 1941 года. Фильм состоял из трех новелл: «Британский флот» (режиссер Григорий Александров), «Патриотка» (Василий Пронин) и «Приказ выполнен» (Ефим Арон). Федорова играла главную роль в «Патриотке» (в новелле «Британский флот» главную роль исполняла Любовь Орлова, игравшая свою героиню из «Волги-Волги» – письмоносицу Дуню Петрову (Стрелку).

Героиня Федоровой – Франя – работает в колхозе трактористкой. И вот однажды рядом с их деревней вышел из строя броневик. Стрелок экипажа отправляется в ближайший населенный пункт за горючим. По пути он встречает Франю, которая сообщает о том, что немцы сбросили воздушный десант и сгоняют все население на строительство взлетно-посадочной площадки. Поэтому девушка берется сама принести бензин. Обманув немецких солдат, буквально из-под носа врага Франя ловко выносит два ведра бензина, и, заняв место раненого водителя, уверенно ведет боевую машину на фашистов. Увидев неожиданное подкрепление, жители поселка нападают на фашистских парашютистов и быстро расправляются с врагом.

Фильм вышел на экраны страны 9 сентября 1941 года, когда немцы уже рвались к Москве. А за две недели до этого из заключения была выпущен отец Зои – Алексей Федоров, отсидевший в лагере ровно три года из десяти. Что же произошло, чтобы его выпустили?

А произошла война. В те дни из лагерей начали освобождать тысячи людей, большинство из которых должны были включиться в борьбу против фашистов. Например, по представлению НКГБ были выпущены около сотни деятелей советской разведки, арестованных в 1937–1938 годах. А по представлению наркомата обороны обрели свободу 60 крупных офицеров, которые тут же были зачислены в разные войсковые соединения на начальственные должности.

Что касается Алексея Федорова, то его освобождение было осуществлено по просьбе Зои Федоровой. Но это было несколько странное освобождение, запоздалое. Дело в том, что еще в январе 1941 года Федоров-старший, направляясь в лагерный лазарет, отморозил себе пальцы на руках (он ехал в кузове грузовика). В итоге пальцы ему пришлось ампутировать. Поэтому на свободу вышел инвалид, который от пережитого стресса умер фактически в одночасье. Это случилось ровно через месяц после выхода на свободу – 22 сентября 1941 года (на момент смерти ему было 56 лет). А чуть позже Зою и двух ее сестер – Александру и Марию – постигло новое горькое горе: на фронте погиб их младший брат Иван.

Самым странным фактом в дальнейшей истории является то, что Берия – человек, ведомство которого погубило Алексея Федорова, – предложит его дочери стать... подпольщицей в оккупированной Москве. Впрочем, не будем забегать вперед.

К моменту смерти Федорова-старшего ситуация на московском направлении для советских войск была катастрофическая. Заглянем в Википедию:

«...30 сентября с переходом в наступление 2-й танковой группы немецкое командование приступило к осуществлению операции „Тайфун“. 2 октября на Московском направлении перешли в наступление главные силы группы армий „Центр“...

Начавшая наступление 30 сентября 2-я танковая группа Гудериана сразу достигла серьезных успехов. Уже 3 октября части 24-го моторизованного корпуса ворвались в Орел, преодолев около 200 км. Когда немецкая 4-я танковая дивизия ворвалась в город, по улицам еще ходили трамваи и лежали ящики с неэвакуированным заводским оборудованием.

С учетом глубокого прорыва немецких войск вечером 5 октября Брянскому фронту было разрешено отвести войска на вторую полосу обороны в районе Брянска и на рубеж реки Десна.

Однако уже 6 октября немецкая 17-я танковая дивизия захватила Брянск, а 18-я танковая дивизия – Карачев, окружив, таким образом, силы Брянского фронта. Командующий фронтом А. И. Еременко вынужден отдать приказ армиям фронта о бое „с перевернутым фронтом“.

В окружение под Брянском попали силы 3, 13 и 50-й советских армий: 27 дивизий, 2 танковые бригады, 19 артиллерийских полков РГК и управления 50, 3 и 13-й армий Брянского фронта. Во время выхода из окружения погиб командующий 50-й армией генерал-майор М. П. Петров. При попытке выхода из окружения 13 октября сам Еременко был серьезно ранен и эвакуирован в Москву специально присланным за ним самолетом...

2 октября началось наступление остальных сил группы армий „Центр“. Создав подавляющее преимущество на узких участках, немецкие войска прорвали фронт советской обороны. 4 октября были захвачены Спас-Деменск и Киров, 5 октября – Юхнов. В этот же день противник вышел в район Вязьмы.

Для флангового контрудара по наступающей группировке была создана фронтовая группа И. В. Болдина. Однако в результате танкового боя в районе южнее Холм-Жирковского советские войска потерпели поражение. 7 октября немецкие 7-я танковая дивизия 3-й танковой группы и 10-я танковая дивизия 4-й танковой группы замкнули кольцо окружения войск Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы. В окружение попали 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК и управления 19, 20, 24 и 32-й армий (управление 16-й армии, передав войска 19-й армии, успело выйти из окружения).

До 11 октября окруженные войска предпринимали попытки прорваться, только 12 октября удалось на короткое время пробить брешь, которая вскоре была вновь закрыта. Всего под Вязьмой и Брянском в плен попало более 688 тыс. советских солдат и офицеров, из окружения удалось выйти лишь около 85 тыс. В вяземском „котле“ были пленены командующий 19-й армией генерал-лейтенант М. Ф. Лукин и направленный к нему на помощь бывший командующий 32-й армией генерал-майор С. В. Вишневский, погиб командующий 24-й армией генерал-майор К. И. Ракутин.

Неблагоприятное развитие военных действий в районе Вязьмы и Брянска создало большую опасность Москве на Можайском направлении. Для организации противотанковой обороны Ставкой ВГК в Можайск 4 октября направляется начальник артиллерии Резервного фронта генерал-майор Л. А. Говоров. 9 октября приказом Ставки ВГК создается Можайская линия обороны (командующий войсками генерал-лейтенант П. А. Артемьев, заместитель командующего генерал-майор Л. А. Говоров).

В начале октября 1941 года 3-я танковая группа вермахта начала наступление в направлении Малоярославца. 5 октября был захвачен Юхнов. Удар был неожиданным для советских войск. Но начальник парашютно-десантной службы Западного фронта капитан И. Г. Старчак, командовавший отрядом десантников из нескольких сот человек, по своей инициативе занял оборону на реке Угре за Юхновым и смог сдержать головные колонны 10-й

танковой дивизии 57-го моторизованного корпуса вермахта, наступавшие по Варшавскому шоссе. Также 5 октября около 2000 курсантов артиллерийского и 1500 курсантов пехотного подольских училищ были сняты с занятий, подняты по тревоге и направлены на оборону на Ильинском боевом участке. Немцы были задержаны на две недели, которых хватило для формирования сплошной линии обороны на участках второго рубежа Можайской линии – по реке Наре.

В целях объединения руководства войсками западного направления оставшиеся войска Резервного фронта были 10 октября переданы в состав Западного фронта, командующим войсками которого в этот день был назначен генерал армии Г. К. Жуков (И. С. Конев оставлен его заместителем)...

Уже 13 октября пала Калуга, 16 октября – Боровск, 18 октября – Можайск и Малоярославец. Противника удалось остановить только на рубеже рек Протва и Нара.

Несмотря на упорное сопротивление советских войск, к концу октября 1941 года немецким войскам 4-й армии и 4-й танковой группы удалось сбить соединения Западного фронта с Можайской линии обороны практически на всем ее протяжении и постепенно отжимать их к Москве. Бои на Можайской линии обороны продолжались в среднем 7–9 дней, а на волоколамском направлении 10–12 дней. Хотя советские войска лишились опоры в виде инженерных сооружений, на взлом линии обороны было потрачено время, которое командование Красной армии использовало для уплотнения боевых порядков оборонявших столицу войск.

Таким образом, стабилизировать оборону на дальних подступах к Москве не удалось, и бои в конце октября шли уже в 80-100 км от Москвы.

15 октября Государственный Комитет обороны СССР принял решение об эвакуации Москвы. На следующий день началась эвакуация из Москвы (в Куйбышев, Саратов и другие города) управлений Генштаба, военных академий, наркоматов и других учреждений, а также иностранных посольств. Осуществлялось минирование заводов, электростанций, мостов.

16 октября город охватила паника. Десятки тысяч людей тщетно пытались вырваться из города. 20 октября ГКО ввел в Москве и в прилегающих районах осадное положение...»

К этому моменту подавляющая часть московских предприятий и учреждений была уже эвакуирована в глубь страны. Например, киностудии «Мосфильм» и «Союздетфильм» были отправлены в Среднюю Азию: первая – в столицу Казахской ССР, в город Алма-Ату, где была создана Центральная объединенная киностудия художественных фильмов (ЦОКС), в которую помимо «Мосфильма» вошел и «Ленфильм», вторая – в столицу Таджикской ССР город Сталинабад. Часть киноработников московских студий переехала также в Узбекистан (Ташкент), Грузию (Тбилиси) и Азербайджан (Баку). В столицу Туркменской ССР город Ашхабад были направлены работники Киевской киностудии.

В глубь страны уехали практически все ведущие деятели кино: режиссеры, операторы, сценаристы, композиторы, художники, актеры, актрисы и т. д. (в результате эвакуации, массовой мобилизации и вступления москвичей в добровольческие формирования к первому декабря из 4,5 миллиона москвичей в столице останется только 2,5). Причем почти никто не хотел оставаться в Москве, поскольку она стала прифронтовым городом и возможность погибнуть в ней многократно увеличивалась. А ведь актеры должны были работать во фронтовых бригадах, чтобы вселять в сражающихся бойцов уверенность в будущей победе. Но мало кто из знаменитостей хотел остаться – все рвались в эвакуацию, подальше в тыл. Тогда было решено возить их из тыла на передовую периодически, по мере надобности. Так было со всеми, но только не с Зоей Федоровой. Она практически одна из всего сонма знаменитых актеров и актрис осталась в Москве и сразу была включена в систему фронтовых гастрольных групп, которые выступали с концертами перед бойцами Красной армии на передовой и в госпиталях. Здесь же воевал и ее возлюбленный капитан Иван Клещев. С июня по сентябрь 1941 года он служил в составе 199-го истребительного авиаполка, а с октября – в 521-м авиаполку.

Почему же Зоя Федорова осталась в Москве, хотя имела все возможности отправиться вместе со всеми мосфильмовцами в эвакуацию? Последний автобус с киностудии выехал из города 16 октября, но героини нашего рассказа в нем не было. Из города уезжали режиссеры Г. Васильев (один из авторов легендарного «Чапаева»), И. Анненский, А. Медведкин, писатель А. Чаковский и др. Автобус доехал до Горького, откуда на пароходе киношники отправились в Казань, чтобы уже оттуда через Новосибирск добраться до Алма-Аты. Именно там должна была теперь разместиться главная «фронтная» киностудия страны – ЦОКС, выпустившая в те годы (1942–1943) больше всего художественных фильмов – 17. Среди актрис, снимавшихся в них, были: Ада Войцик, Тамара Макарова, Марина Ладынина, Янина Жеймо, Вера Марецкая, Валентина Серова, Лидия Смирнова, Валентина Караваева, Людмила Целиковская, Ольга Жизнева, Софья Магарилл, Манефа Соболевская, Александра Данилова, Лариса Емельянцева, Александра Денисова, Елизавета Кузюрина, Анна Павлова, Галина Фролова, Екатерина Сипавина, Галина Сергеева, Зинаида Морская, Инна Федорова, Зинаида Воркуль, Людмила Шабалина, Татьяна Говоркова, Нина Петропавловская, Евгения Голынчик, Нина Зорская, Елена Тяпкина, Екатерина Сипавина, Людмила Глазова, Варвара Журавлева, Вера Шершнева, Д. Панкратова, Вера Алтайская, Валентина Телегина, Софья Левитина, Вера Орлова, Татьяна Гурецкая, Ольга Якунина, Мария Пастухова, Татьяна Пельтцер, Анна Петухова.

На соседней Ташкентской киностудии снимались следующие актрисы (некоторые из них могли сниматься и на ЦОК-Се): Фаина Раневская, Янина Жеймо, Татьяна Окуневская, Лидия Смирнова, Вера Шершнева, Наталья Гицерот, Юлия Солнцева (Пересветова), Людмила Нарышкина, Лидия Карташова, Ирина Федотова, Ольга Третьякова.

На Сталинабадской (Сталинабад – будущая столица Таджикской ССР город Душанбе), где базировался «Союздет-фильм», снимались актрисы: Елена Кузьмина, Мария Барабанова, Клавдия Половикова, Лидия Сухаревская, Вера Алтайская, Марина Ковалева, Галина Степанова, Татьяна Коптева, Елена Максимова, Софья Ланская, Нина Никитина, Нина Шатерникова, Нина Никольская, Майя Менглет.

На Ашхабадской киностудии, где теперь базировалась Киевская киностудия, снимались: Наталья Ужвий, Ядвига Анджеевская, Лидия Карташова, Александра Лютова, Валентина Миронова, Елена Измайлова, Анна Лисянская, Нина Лыхо, Евгения Мельникова, Мария Егорова, Ирина Федотова, Елена Ануфриева, Т. Виноградова.

Наконец, на Бакинской киностудии снимались: Любовь Орлова, А. Филиппова; на Тбилисской – Евгения Горкуша, на Ереванской – Нина Алисова.

Как видим, практически все известные и малоизвестные советские киноактрисы покинули свои города (Москву, Ленинград, Киев) и оказались в эвакуации, продолжая там сниматься в кино. Впрочем, снимались далеко не все – некоторые за все время пребывания в эвакуации ни в одном фильме так и не снялись. Да что там актрисы – даже среди актеров были такие. Например, Павел Кадочников. Он, кстати, много позже будет сетовать: «Об одном сожалею: не проявил твердой настойчивости, чтобы побывать на фронте. Хотя, видит Бог, всегда испытывал острую неудовлетворенность от своей полной непричастности к войне. Всегда казнил себя тем, что приходилось играть в театре, на съемочной площадке в то время, когда мои сверстники воевали. И к руководству много раз обращался: отправьте на фронт! Мне аргументированно отказывали. Но сейчас, с высоты прожитых лет, вижу – это не оправдание. Надо было настоять...».

Не знаю, как в театре (а Кадочников играл на сцене ленинградского ТЮЗа), но в кино актер в годы эвакуации почти не снимался. Во время войны свет увидели два фильма с его участием: «Оборона Царицына» (роль – красноармеец Коля Руднев) и «Иван Грозный» (1-я серия; роль – Владимир Андреевич Старицкий). Так вот, первый снимался на «Ленфильме» еще до войны и в самом ее начале (весной-летом 1941 года), а второй был начат в Алма-Ате в конце 1943-го, но затем продолжен в следующем году уже в Москве.

Впрочем, во время эвакуации не снимались многие актеры (Игорь Ильинский, Ростислав Плятт и др.), предпочитая съемкам игру в театре.

Но вернемся к осенним дням 1941 года.

В столице тогда остались актеры и актрисы нескольких театров, не эвакуированных из Москвы. Например, Большого театра, Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, Областного театра юного зрителя, Театра миниатюр. А также созданного тогда Драматического театра, призванного обслуживать население и воинские части и объединившего в своей труппе актеров театра им. Ленсовета, МХАТ, Малого театра, Театра Революции, Камерного и театра им. Ленинского комсомола. Однако Зоя Федорова не входила в труппы ни одного из этих театров и на их сценах не выступала. А ведь была одной из самых известных актрис советского кино довоенного времени. И с этим статусом она с осени 1941 года работала лишь во фронтовых бригадах. Почему же коллеги-киношники не взяли ее с собой? Может, причина была в ее гражданском супруге летчике Иване Клещеве, который не хотел отпускать от себя любимую? Но эта версия выглядит сомнительной. Во-первых, какой мужчина не хочет, чтобы его возлюбленная осталась жива и покинула опасное место до лучших времен? Во-вторых, осенью 41-го Клещев (как и другие советские летчики) практически не имел возможности часто бывать дома, выполняя боевые задания на фронте.

Есть еще одна версия того, почему Федорова осталась в Москве. Это могло быть своего рода наказание актрисе, наложенное кем-то из руководителей киноголавка. Но и в это не верится. Осенью 1941 года киноголавк тоже переместился из Москвы в эвакуацию, в Сибирь. Поэтому вряд ли кто-то мог бы отследить то, как Зоя Федорова села бы в последний автобус и вместе с остальными мосфильмовцами выехала в Алма-Ату. Но она в этот автобус так и не села, рискуя оказаться в оккупированном немцами городе. Вот и получается, что она не покинула столицу скорее всего потому, что должна была остаться в городе, занятом немцами. Как это, например, должен был сделать наш разведчик Николай Кузнецов, известный немцам как их обрусевший соотечественник инженер Рудольф Шмидт. И снова вспомним строчку из письма Зои Федоровой на имя Л. Берии: «...Я дала вам согласие остаться в Москве на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать вам вести с ними подпольную борьбу».

Судя по этой строчке, инициатива в данном предложении исходила от самого Берии. Причем прозвучало это предложение ближе к началу октября 41-го, когда ситуация под Москвой стала угрожающей. Но тогда напрашивается вопрос: в каком качестве Берия видел героиню нашего рассказа в оккупированной Москве? Ведь актрису и лауреата Сталинской премии (1941) Зою Федорову, снявшуюся почти в двух десятках фильмов, причем во многих из них – в главных ролях, в столице (впрочем, как и во всей стране) знала практически каждая собака. Также она была хорошо известна и немецким спецслужбам. Если бы она осталась в городе, занятом фашистами, у нее должно было быть железное алиби на тот случай, если бы к ней явились гестаповцы (вернее, сотрудники СД). Алиби, которое позволило бы ей не только не быть арестованной, но и которое позволило бы ей выполнять подпольную работу под носом у фашистов. Было ли у нее такое алиби? Видимо, было, если уж сам Берия решил оставить ее в городе. Ведь это решение принимал не он один, но и те контрразведчики, подбиравшие штат агентов, которым предстояло остаться в оккупированной Москве. И эти люди могли согласиться с кандидатурой Федоровой только в том случае, если они были уверены в ней, как в самих себе. Ведь это вовсе не шутка – работать в подполье. Не всякий мужчина способен на столь опасную деятельность, а здесь женщина, да еще актриса (а большинство из них особы достаточно легкомысленные). В случае провала такого неопытного агента могли попасть в руки костоломов СД и другие подпольщики, связанные с ней общими нитями агентурной работы. Короче, провести на мякине немецких контрразведчиков было практически невозможно – не те это были люди.

И здесь снова всплывает имя главного тогдашнего контрразведчика Павла Федотова – аса агентурной работы (с марта 1939 года он даже был лектором Высшей школы НКВД СССР по агентурно-оперативной работе). Как мы помним, в Секретно-политическом отделе он начал работать весной 1937 года, но в течение года занимался «восточным» направлением (Закавказские республики и Средняя Азия), поскольку до этого работал в Чечне. С августа 1938 года он стал помощником начальника СПО, а спустя ровно год возглавил этот отдел. Под его началом была вся союзная агентура, поэтому именно ему и было приказано возглавить московское подполье,

взяв в помощники его заместителя Леонида Райхмана (того самого, что был женат на балерине Ольге Лепешинской), который был начальником 5-го отделения 2-го (секретно-политического) отдела ГУГБ НКВД СССР (октябрь 1938 – 1 января 1940 года), а это отделение отвечало за разработку литераторов, работников печати, издательств, театров, кино, деятелей культуры и искусства. Послушаем П. Судоплатова:

«...Меркулов предложил вначале, чтобы я стал главным нелегальным резидентом НКВД по Москве в случае занятия ее немцами. Я дал согласие, однако Берия аргументированно возразил Меркулову. Было принято (не оформленное приказом по наркомату) решение назначить на эту работу начальника центрального аппарата контрразведки П. Федотова с подчинением ему всех резидентур, которые создавались по линии НКВД и партийно-советского актива. (Это решение сейчас кажется спорным. Ведь ни в коем случае не следовало давать какую-либо, даже минимальную возможность немецким спецслужбам захватить фигуру такого уровня.) Берия обосновал это назначение тем, что Федотов лично хорошо знал партийно-советский актив столицы и большую часть агентуры НКВД, намечаемой оставить на подпольной работе. Это обстоятельство, конечно, позволяло бы Федотову в экстремальной обстановке принимать решения об использовании оперсостава и агентуры с учетом лично ему известных деловых качеств людей.

Петр Васильевич Федотов – кадровый работник органов безопасности, очень взвешенный человек, отличительной чертой его характера была медлительность в принятии решений. Тандем его инициативного заместителя Леонида Райхмана и медлительного Федотова, скрупулезно выполнявших все установки, шедшие сверху, просуществовал довольно долго, и содружество этих людей, начавшееся в 1939 году, продолжалось вплоть до 1946 года...».

Основываясь на всем перечисленном, можно с большой долей уверенности заявить, что Зою Федорову предполагали сделать подпольщицей не с бухты-барахты (например, из-за нехватки квалифицированных кадров в стане разведчиков), а потому, что за ее плечами был серьезный агентурный опыт (14 лет работы на органы ГПУ-НКВД). Более того, судя по всему, и для немцев у нее была заготовлена легенда, по которой выходило, что она, хоть и известная актриса и лауреат Сталинской премии, но в душе ненавидит советскую власть за то, что та фактически погубила ее отца-ленинца. Здесь свою роль должна была сыграть, к примеру, возможная дружба Зои с Магдой Шольц из немецкого посольства. То есть Зоя Федорова входила в ту самую подпольную «антисоветскую» сеть, которую начал плести еще в 30-е годы НКВД как в Москве, так и в других советских городах (в эту же сеть входил и уже известный нам Александр Демьянов – агент «Гейне»). И снова обратимся к словам П. Судоплатова:

«Мы исходили из того, что „легендирование“ следует строить на наличии „антисоветских групп“ в командном составе Красной армии и остатков контрреволюционных монархических организаций, услугами которых, безусловно, захотят воспользоваться немецкие спецслужбы...».

Из рассекреченных на сегодняшний день документов, которые посвящены операции «Московский план» (она подразумевала под собой создание подпольной сети в оккупированной Москве), известно, например, следующее. Среди наших агентов был один мужчина, носивший агентурный псевдоним «Тиски». Что известно об этом человеке? Он происходил из дворянской семьи, был инженером по образованию и отличным спортсменом. Но главное – его мать перед войной была осуждена к восьми годам за связь с сотрудниками германского посольства в Москве. Именно эта строка в его биографии, по мнению наших контрразведчиков, и должна была проложить ему путь к сердцам фашистов, чтобы завоевать их доверие (он должен был внедриться в спортивные и молодежные фашистские организации и добиться в них руководящего положения для последующего совершения крупного террористического акта). Ведь, действительно, вряд ли сотрудники СД могли вообразить, что человек, у которого коммунисты упекли за решетку самого родного человека – маму, может верой и правдой служить этим самым палачам. Та же история, судя по всему, должна была сработать и в случае с Зоей Федоровой, отец которой был арестован после того, как привел в свой дом врача-немца.

Вообще эти истории трудно уложить в голову. Невозможно понять, почему чекисты были уверены в том, что агент «Тиски» в первый же день не сдастся немцам, тем самым отомстив советскому режиму за мать-зэчку? Или, может быть, этот парень не любил свою родительницу? Или любовь к родине для него была важнее, чем любовь к матери? Короче, загадка на загадке. Но именно в них кроется один из ответов, почему советская система оказалась сильнее фашистской. Ее сила была именно в таких людях, как агент «Тиски», партизанка-разведчица Зоя Космодемьянская, летчик Николай Гастелло, рядовой солдат Александр Матросов, пионер Валя Котик и миллионы других героев, самоотверженно сражавшихся с коричневой чумой как на передовой, так и в глубоком тылу. В этом же ряду и имя Зои Федоровой. В миру – популярной советской актрисы, а по тайной своей принадлежности – агента советских спецслужб, работавшего под агентурным псевдонимом «Зефир» на немецком направлении.

Об этом же слова П. Судоплатова: «Эти люди были подлинными патриотами нашей Родины, преданными ей до последнего вздоха, несмотря на то, что их ближайшие родственники были репрессированы и трагически погибли. Я хотел вытащить их близких из лагерей в 1941 году, но было уже поздно – никого в живых не осталось. Но мы прямо сказали Алексею Алексеевичу и Маргарите Гарикивне Книппер об этом. Хитрить с людьми, готовыми к самопожертвованию, было невозможно. Несмотря на тяжелую и горестную весть, эти люди ни разу не усомнились в правоте и справедливости выбранного ими тяжелого пути борьбы со злейшими врагами нашей Родины...».

Здесь стоит объяснить, каких людей имеет в виду Судоплатов.

Алексей Алексеевич Сидоров был известен немецкой разведке еще в годы Первой мировой войны, находясь в Германии на стажировке еще до 1914 года. Его хорошо знали в искусствоведческих кругах Берлина и Лейпцига. Однако там ведать не ведали, что с конца двадцатых годов Сидоров стал работать на ГПУ на немецком направлении под агентурным именем «Старый». А в тридцатые годы он уже стал видным советским историком искусства, книговедом и библиофилом, членом-корреспондентом АН СССР, профессором МГУ с 1916 по 1950 годы. Именно он осенью 1941 года должен был остаться в Москве и, пользуясь доверием немцев, прикрывать наших боевиков. Чуть позже он сыграет важную роль в подстраховочных мероприятиях по обеспечению радиоигры с немецкой разведкой в 1942–1945 годах по широко известному теперь делу «Монастырь».

Заметим, что Сидоров был на хорошем счету у советской власти, однако «изъяны», которые могли бы понравиться немцам, у него были. Во-первых, от рук большевиков погибли его отец и братья, во-вторых – в начале тридцатых годов его шельмовали в советской печати за «буржуазный» характер научных трудов. Причем на тот момент он уже был агентом НКВД, что наталкивает на определенные мысли: эта компания в прессе могла быть «заказана» самими чекистами (из отдела дезинформации), чтобы у их агента появились поклонники в спецслужбах Германии. Таким образом, Сидоров и оказался в антисоветском подполье, которое сформировалось перед войной в той же Москве.

В это же подполье входила и Маргарита Книппер – супруга известного советского композитора Льва Книппера (1898), автора знаменитой песни «Полюшко-поле» (переделка знаменитой белогвардейской песни). В жилах Льва Константиновича текла немецкая кровь, он был племянником актрисы Ольги Книппер-Чеховой и тенора Владимира Нардова, родным братом киноактрисы Ольги Чеховой, которая в тридцатые годы сделала блестящую карьеру в Германии, став одновременно любимой актрисой Гитлера и... советской разведчицей, повторив судьбу своего брата Льва.

Тот в Гражданскую войну воевал в Белой армии и эвакуировался в 1920 году из Крыма с остатками армии барона Врангеля. Однако в 1922 году решил вернуться на родину, в Москву, где стал агентом ГПУ. С 1923 года Лев Книппер – член Ассоциации современной музыки и ведет творческую и пропагандистскую работу в РККА. С 1932 года он стал инструктором по массовой работе Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, с 1936 года – руководителем музыкальной части Театра народов Востока.

Помимо песни «Полюшко-поле», он сочинил оперу «Северный ветер» (1930), 21-ю симфонию (4-я – «Поэма о бойце-комсомольце», 1934). Помимо этого он писал музыку к театральным спектаклям (среди прочих – таировская «Оптимистическая трагедия» в Камерном театре) и кинофильмам. Среди последних: «Частная жизнь Петра Виноградова» (1935; «Москинокомбинат», он же потом «Мосфильм»; режиссер Александр Мачерет), «Год девятнадцатый» (1939; «Ленфильм»; режиссер Илья Трауберг).

И вот теперь представьте: этого благополучного и весьма официозного советского композитора НКВД собирается оставить в оккупированной Москве в роли спецагента (!), которому вместе с его женой (а у нее НКВД репрессировал отца, как и у Зои Федоровой) доверено руководить группой подпольщиков, целью которых было... убийство самого Гитлера! Читаем у П. Захарова:

«...Сталин поручил Берии разработать весьма разветвленный план по „встрече“ немцев в Москве, так как предполагалось, что Москва может быть сдана немцам, и во главе этого подполья должны были встать люди, которых оставляли специально в Москве как якобы людей, симпатизировавших нацистам. И во главе должен был встать известный альпинист и композитор Лев Константинович Книппер, которому поручалось сыграть роль бургомистра оккупированной Москвы.

В квартире Книппера, что была в доме на Гоголевском бульваре, был организован склад его подпольной группы. Для маскировки большого количества разнообразного снаряжения, оружия и боеприпасов в большой квартире был срочно сделан „косметический“ ремонт. Все стены квартиры старинной постройки были внутри обложены еще одной стеной, а в образовавшихся пустотах складывались нужные припасы. Для таких же целей был слегка опущен потолок во всех помещениях этой квартиры. Л. К. Книппер добровольно принял на себя руководство крупной, глубоко законспирированной подпольной сети, получившей задание на уничтожение верховного командования немецкой армии и чиновников оккупационной администрации. Конспиративность членов этой группы была настолько серьезна, что ни один из ее членов не знал ни о числе входивших в нее подпольщиков, ни их имен и фамилий, они не знали способов контакта друг с другом – все это было сосредоточено в руках Книппера.

Лев Константинович должен был разыграть роль перебежчика. Расчет строился на том, что брат немецкой актрисы

Ольги Чеховой, известной во всем Рейхе и обласканной фюрером, не вызовет подозрения к себе со стороны нацистских органов безопасности. В задачу Ольги Чеховой входила организация его встречи с Гитлером, во время которой Лев Книппер, жертвуя собой, должен был взорвать фюрера и его окружение...»

Однако спрашивается, каким образом этот человек мог втереться в доверие к немцам? Как он должен был обмануть матерых контрразведчиков из СД? Неужели только благодаря своим родственным связям с любимицей Гитлера Ольгой Чеховой? Здесь явно что-то не вяжется. Наверняка у Льва Константиновича было и другое алиби, способное расположить к нему немецкое руководство. Какое? Видимо, перед войной он, продолжая вести себя как законопослушный и официозный деятель культуры, входил в то самое антисоветское и пронемецкое подполье, которое имело место быть в Москве. Иначе трудно было объяснить немцам, как он вдруг взял и перековался из апологета Красной армии в апологета рейхсвера. Только стопроцентное алиби могло дать ему шанс не быть заподозренным немцами в двойной игре и стать не только губернатором Москвы, но и приблизиться к Гитлеру, к которому подозрительных людей не допускали на пушечный выстрел.

Об одном из организаторов антисоветского подполья в Москве я уже подробно рассказывал – об Александре Демьянове (агент «Гейне»). Но у него была еще и жена – Татьяна Березанцева (1912), которая, как и Демьянов, работала на «Мосфильме». Впрочем, расскажем обо всем по порядку.

Татьяна родилась в Москве, в семье московского врача Бориса Александровича Березанцева, в советское время – профессора, известного в Москве психоневролога. Он был буквально нарасхват у столичной элиты, и в

его доме перебивало множество известных людей, в том числе и из артистического мира. В итоге его дочь Татьяна решила стать балериной и в 1927 году поступила в балетный техникум при Большом театре (а это заведение, как мы помним, было под особым колпаком ГПУ). Однако, окончив его (1931), девушка не захотела продолжать балетную карьеру и подалась в кино и театр: сначала поступила на сценарный факультет ВГИКа, затем – на режиссерский факультет ГИТИСа. Во второй половине тридцатых Березанцева стала работать на «Мосфильме» в качестве ассистента режиссера на фильмах: «Последняя ночь» (1937; режиссеры Ю. Райзман, Д. Васильев), «Ленин в 1918 году» (1939; М. Ромм), «Ошибка инженера Кочина» (1939; А. Мачерет).

Заметим, что с Роммом Татьяну познакомил Демьянов («Гейне»), который дружил с режиссером с начала тридцатых и был влюблен в Березанцеву. В итоге в 1938 году Александр и Татьяна поженились, причем Демьянов честно рассказал своей возлюбленной, что он является агентом НКВД. После чего она... тоже стала агентом, взяв себе агентурное имя «Борисова» (по имени своего отца). По другой версии, она стала агентом еще в начале тридцатых и с «Гейне» у них был агентурный брак.

Вообще, среди ассистентов режиссеров у чекистов было не меньше (если не больше) агентуры, чем среди самих режиссеров. Почему? Дело в том, что именно ассистенты были напрямую «завязаны» на актеров – искали их по всей стране. А чекистам это было необходимо во время вербовки – обещать будущим актерам-агентам хорошие перспективы в профессии. Например, вербует некий чекист какого-нибудь начинающего актера. Обещает ему хорошую роль в новой картине. А как это обещание осуществить? Не сам же чекист придет на киностудию и потребует у ее руководства утверждения агента на роль. Это называется расконспирация агента. Поэтому обычно использовались два варианта: либо через Первый (режимный) отдел киностудии, либо через режиссера или его ассистента, которые негласно работали на органы (вариант Татьяны Березанцевой).

Итак, Демьянов и Березанцева были агентурной парой, которая выполняла деликатные операции советских спецслужб в среде творческой интеллигенции. Впрочем, во время войны ареал их деятельности расширился. Читаем у Л. Овчинниковой:

«...„Подпольная явка“ для немецких диверсантов была устроена не где-нибудь на задворках, а в самом центре Москвы, на Садово-Самотечной, в квартире Александра Демьянова. Старинная мебель, книжные шкафы, пианино. Еще в Смоленске Александр Петрович назвал в абвере адрес еще одного мнимого подпольщика. Помочь разведке согласился отец Татьяны – профессор Б. А. Березанцев. Это был известный в Москве врач-психоневролог. Он вел на дому частную практику. Появившись в Москве, немецкие „курьеры“ будут приходить к нему под видом больных. Профессор Березанцев сообщит по телефону Александру Петровичу, что прибыли „гости“. Свою квартиру как „конспиративную“ предоставил и искусствовед Сидоров. Он тоже готов был стать участником борьбы с абвером...»

Нет сомнений, что Березанцева знала Зою Федорову по довоенным временам, поскольку была ассистенткой режиссера по актерам и наверняка должна была рассматривать ее кандидатуру в качестве претендентки на роли в фильмах, в которых она ассистировала. Ведь приход Березанцевой на «Мосфильм» почти совпал с возвращением Федоровой в Москву. И обратим внимание на то, что Березанцева, как и Федорова, осенью 1941 года не эвакуировалась с «Мосфильмом» в глубь страны (ее шеф Михаил Ромм, к примеру, уехал в Алма-Ату), а осталась в столице, чтобы участвовать в подпольной работе против немцев. Как и агент «Зефир». Читаем у П. Судоплатова:

«...Несмотря на то, что эти операции были инициированы и одобрены Берией, Меркуловым, Богданом Кобуловым и другими, впоследствии репрессированными высокопоставленными сотрудниками органов госбезопасности, они остаются классическим примером работы высокого уровня профессионализма, вошли в учебники и преподаются в спецшколах, разумеется, без ссылок на действительные имена задействованных в этой операции агентов и оперативных работников...»

Среди этих агентов, имена которых до сих пор засекречены, вполне вероятно, находится и имя агента «Зефир» – Зои Федоровой.

Итак, что мы можем отметить в биографиях агентов, которых советская контрразведка собиралась оставить в оккупированной Москве? Родственники некоторых из них были репрессированы советской властью. Так было в случаях с Алексеем Сидоровым (у него пострадали отец и братья), Маргаритой Книппер (пострадавший – отец), агентом «Тиски» (пострадавшая – мать), агентом «Евгеньевой» (пострадавший – супруг, немецкий барон, расстрелянный в 1918 году), Зоей Федоровой (пострадавший – отец). Причем здесь названы только те люди, репрессии в отношении родственников которых документально подтверждены. Однако можно с уверенностью сказать, что это всего лишь малая толика людей с подобным «изъяном», которые должны были остаться в оккупированной Москве по заданию советской контрразведки.

Среди советских агентов были и другие люди, имевшие связи на немецком направлении. Например, агент «Лекал» – бывший офицер царской армии, завербованный еще в двадцатые годы. В середине тридцатых он получил задание влюбиться в себя одну из дочерей бывшего владельца «Прохоровской мануфактуры». Отметим, что в прохоровской династии было несколько сыновей и дочерей, некоторые из которых при советской власти пострадали. Например, Татьяна – дочь Николая Прохорова (последнего владельца мануфактуры до 1917 года) – в 1926 году была выслана из Москвы сначала в Малоярославец, затем в Абдулино (Чкаловская область). Ее брат Тимофей был арестован в середине тридцатых – он погибнет в северных лагерях незадолго до войны.

Однако одну из дочерей из династии Прохоровых чекисты берегли как зеницу ока, поскольку она располагала большими связями среди сотрудников германского посольства в Москве и белой эмиграции. Чтобы держать ее под колпаком, и была проведена операция с замужеством – женщину очаровал агент «Лекал», ставший ее мужем. И в случае оккупации столицы и возвращения его жене фабрик именно «Лекал» должен был управлять ими и занять соответствующее общественное положение, возможности которого следовало использовать в интересах советских органов безопасности.

Подобная операция много позже (в августе 1978 года) будет проведена и в отношении дочери греческого миллиардера Аристотеля Онассиса – Кристины, которую очарует и возьмет себе в жены советский гражданин Сергей Каузов, работавший в Минморфлоте (на самом деле в КГБ). Таким образом чекисты запустят руки в «кошелек», где Онассис-старший хранил свои миллиарды. Хотя в случае с агентом «Лекалом» концовка истории выйдет иная – владеть прохоровскими мануфактурами ему не доведется ввиду того, что Москву немцам так и не сдадут. Здесь самое время более подробно осветить деятельность нашей агентуры в случае падения столицы. Вот что пишет об этом журналист О. Матвеев:

«...Всего по городу на нелегальное положение были переведены 43 работника центрального аппарата НКВД, 28 сотрудников Управления НКВД Московской области; 11 оперработников УНКВД должны были осуществлять руководство 85 агентурными группами, охватывающими 269 человек из агентурно-осведомительной сети. Оперативник имел на связи двух-трех агентов-групповодов, каждый из которых, в свою очередь, имел выход на двух-четыре агентов или осведомителей. Для самостоятельного действия московскими чекистами было создано 22 резидентуры с охватом 73 человек. Кроме того, для индивидуальных действий были проинструктированы и оставались в Москве и области 334 человека из агентурно-осведомительной сети УНКВД....».

Здесь прервем на время рассказ журналиста и порассуждаем на следующую тему. Если бы Зоя Федорова была обычной актрисой, оставленной в московском подполье в силу какой-то особой расположенности Берии или из-за нехватки профессионалов в агентурном аппарате НКВД, то ее судьба могла сложиться по-разному. Например, вариант, что немцы не смогли бы ее расшифровать и она благополучно агентурила бы у них под носом до нашего победного конца, осуществиться, конечно, мог, но шансов на такой итог было очень мало. А если говорить прямо – их вообще не было. Все-таки неподготовленный человек в условиях подполья долго продержаться не может.

Тем более следует учитывать, что Зое пришлось бы работать не где-то на периферии, а непосредственно в элитных кругах фашистов – статус знаменитой актрисы просто обязывал ее на такого рода деятельность.

Скорее всего, Зою быстро бы расшифровали, после чего могли последовать следующие события: а) вместе с ней накрыли бы все ее группу из 6–8 человек (в нее, как мы помним, должны были входить оперативник, два-три агента-групповода, каждый из которых в свою очередь имел выход на двух-четырех агентов или осведомителей); б) ее бы перевербовали и включили в оперативную игру, которая позволила бы немцам обезвредить гораздо большее число подпольщиков.

Поэтому еще раз повторюсь. Поскольку Берия должен был об этом знать, можно сказать наверняка: обыкновенную актрису, не имеющую опыта агентурной деятельности, он бы на пушечный выстрел не посмел подпустить к такого рода деятельности.

И снова обратимся к тексту О. Матвеева:

«Таким образом, по состоянию на 3 ноября 1941 года Управление НКВД Московской области подготовило для деятельности в оккупированной столице и Подмоскovie 676 человек, из них 553 предстояло действовать непосредственно в городе. Из общего числа московских подпольщиков 241 человек был ориентирован на сбор разведывательной информации, 201 – на совершение диверсий, 81 – на совершение актов возмездия, остальные 153 человека занимались бы распространением листовок и провокационных слухов.

Вся агентурно-осведомительная сеть была проинструктирована на самостоятельные действия в случае потери связи. Оперативный состав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры обеспечивались продовольствием на два-три месяца.

Главным резидентом-нелегалом, которому поручалось руководить всем московским подпольем, стал начальник контрразведывательного управления НКВД СССР комиссар госбезопасности 3 ранга Павел Васильевич Федотов. Опытный аген-турист, Федотов хорошо знал столичную агентурную сеть, был лично знаком с наиболее крупными источниками. (Отдел занимался агентурно-осведомительной работой и борьбой с „контрреволюционными организациями“.) Однако это таило в себе и огромный риск – возможный захват спецслужбами противника фигуры такого масштаба, как Федотов, стал бы для них грандиозной удачей. Обсуждался также вариант с оставлением в городе в качестве главного руководителя подполья начальника Особой группы Павла Судоплатова, имевшего большой практический опыт нелегальной работы, но эта идея не нашла поддержки у наркома Лаврентия Берии.

Под началом Федотова должны были функционировать несколько самостоятельных нелегальных резидентур, часть из которых оставалась непосредственно в городе, а остальные – на оккупированной территории Московской области. Руководителями резидентур также назначались высокопоставленные сотрудники Лубянки: начальник контрразведывательного отдела УНКВД Московской области 26-летний капитан госбезопасности Сергей Федосеев, начальник Экономического управления НКВД СССР старший майор госбезопасности Павел Мешик и старший майор госбезопасности Виктор Дроздов, прибывший с Украины.

В частности, агентурной сети Мешика следовало организовывать диверсии на транспортных объектах Москвы. Дроздову и его людям поручалось проведение дезинформационной работы в оккупированном городе. Незадолго до начала Московской битвы он был устроен на работу в качестве заместителя управляющего аптечным хозяйством города. Дроздов должен был войти в доверие к немцам, для чего сразу после оккупации города он передал бы им партию медикаментов. Открывшиеся возможности в немецкой администрации предполагалось использовать для дезинформации противника и распространения листовок.

В Москве и области были подготовлены явочные квартиры, склады с оружием, боеприпасами, взрывчатыми и зажигательными веществами, горючим, продовольствием, а также явочные пункты под видом мелких

мастерских, магазинов, парикмахерских, где должны были ремонтироваться радиоаппаратура, оружие и изготавливаться спецсредства для оперативных групп. Все группы были снабжены тщательно укрытыми мощными переносными радиопередающими и радиовещательными станциями.

Участники оперативно-боевых и диверсионно-разведывательных групп, а также одиночки снабжались необходимыми документами прикрытия, были устроены на работу или работали в качестве владельцев кустарных мастерских, торговых палаток, аптек, преподавателей, артистов, шоферов, сторожей, служителей церкви и т. п. Семьи подпольщиков эвакуировались в глубь страны.

Была проделана колоссальная работа по оформлению новых паспортов на вымышленные имена. Особое внимание уделялось подготовке оправдательных документов о причинах, побудивших конкретных лиц остаться в оккупированной Москве. С этой целью изготовлялась фиктивная переписка с родственниками, которая легендировалась по всем правилам почтовых отправок. В кратчайшие сроки были изъяты, уничтожены или заново переписаны многие домовые книги.

Для каждой оперативной группы и одиночек были тщательно отработаны задания, способы связи и пароли, проведены занятия по стрелковому делу, осуществлению диверсий, террористических актов возмездия, по психологии поведения на допросах в случае задержания и ареста. С радистами периодически проводились учебные сеансы радиосвязи. Здания и объекты, которые могли бы быть использованы немцами, изучались участниками спецгрупп для возможного проведения диверсионно-террористических актов.

Только по линии работы Особой группы на нелегальное положение переводились 243 человека, из которых было сформировано 36 групп с оперативно-боевыми, диверсионными и разведывательными задачами. 78 человек были подготовлены для индивидуального осуществления разведывательных, диверсионных и террористических мероприятий...».

Читаем об этом же еще в одном источнике:

«...Так, на территории Измайловского лесопарка и в прилегающих к нему районах предстояло действовать диверсионной группе агента „Ивана“. Из десяти ее участников четверо – старые большевики-подпольщики и бывшие красные партизаны, имевшие реальный опыт подпольной работы, остальные – учащаяся молодежь. Для этой группы в лесном массиве было заложено 125 кг тола в шашках, 48 литровых бутылок с зажигательной смесью.

Серьезные задачи по проведению боевой и диверсионной работы в Москве и ее окрестностях ставились перед отрядом под кодовым названием „Три Р“, которому предстояло осуществлять взрывы и поджоги энергомагистралей, железнодорожных сооружений, складов, общественных зданий, занимаемых противником под штабы, а также нарушать связь.

Отряду также поручалось проводить теракты над отдельными представителями высшего командного состава германской армии и изменниками Родины, перешедшими на сторону врага. Причем следует особо отметить, что теракты могли осуществляться только с санкции руководства НКВД в каждом отдельном случае.

Отряд имел на вооружении 60 бомб различных образцов, две стреляющие авторучки с шестью зарядами, 200 кг тола, 26 ручных гранат, 25 патронов с отравленными пулями, 33 пистолета, а также яды и наркотические вещества. Для нужд отряда выделялось 500 тысяч рублей. Его руководитель наделялся самыми широкими полномочиями, в том числе имел право лично уничтожать предателей, трусов и нарушителей чекистской дисциплины, если бы таковые оказались в рядах отряда. В случае невозможности продолжать действия в городе и отсутствия связи с Центром руководитель должен был вывести своих бойцов в Подмоскovie, вооружить их оставленным в тайнике оружием и перейти к активной партизанской борьбе.

Уникальная террористическая группа из четырех человек под названием „Лихие“ была создана чекистами из бывших воспитанников Болшевской трудкоммуны НКВД, в прошлом уголовных преступников. Ее руководителем стал агент „Марков“ – бывший уголовник, грабитель. Группа была ориентирована на совершение терактов в отношении офицеров германской армии.

Добровольно изъявили желание остаться в Москве агенты НКВД „Альфред“ и „Арбатская“ – муж и жена. Причем „Альфред“ был лицом духовным. Супружескую пару, получившую название „Семейка“, также предполагалось использовать по линии террора.

Для проведения диверсионной и террористической работы были подготовлены агентурные группы „Рыбаки“, „Белорусы“, „Дальневосточники“, „Старики“, „Преданные“, в состав которых вошли кадровые чекисты, бывшие командиры Красной армии, решившие остаться в оккупированной столице. Руководитель группы „Дальневосточники“ агент „Леонид“, бывший партизан, имевший опыт подпольной деятельности в тылу японцев, привлек к работе жену и 17-летнего сына. В задачу группы входило проведение диверсий на промышленных предприятиях и железнодорожном транспорте.

Помимо чисто диверсионно-террористических мероприятий на Лубянке придавали важное значение приобретению позиций в немецкой администрации и спецслужбах в целях добывания разведывательной информации. Чекисты исходили из того, что легендирование некоторых агентов следовало строить на мнимом наличии в Москве антисоветских групп и остатков контрреволюционных монархических организаций, услугами которых могли воспользоваться немецкие спецслужбы и оккупационная администрация.

Одной из таких фигур, на которую могли обратить свой взор оккупанты, по замыслу сотрудников НКВД должен был стать профессор МГУ, видный советский искусствовед и библиофил Алексей Алексеевич Сидоров. Он был известен немецкой разведке еще до Первой мировой войны, когда находился на стажировке в Германии, его знали в искусствоведческих кругах Берлина и Лейпцига. Все эти обстоятельства чекисты рассчитывали использовать для внедрения Сидорова в оккупационную администрацию.

Бывший офицер царской армии, старый и проверенный агент НКВД под псевдонимом „Лекал“, оставался в тылу противника с заданием разведывательного характера. Для успешного его выполнения „Лекал“ по рекомендации чекистов женился на дочери бывшего владельца „Прохоровской мануфактуры“, располагающей большими связями среди сотрудников германского посольства в Москве и белой эмиграции. В случае возвращения жене фабрик „Лекал“ должен был управлять ими и занять соответствующее общественное положение, возможности которого следовало использовать в интересах советских органов безопасности.

Для этих же целей оставался в Москве и агент НКВД „Строитель“, инженер-железнодорожник по профессии, бывший крупный предприниматель, дворянин, располагавший обширными связями в верхах белой эмиграции. Предполагалось, что „Строитель“ организует проектно-строительное акционерное общество и добьется видного общественного положения. В целях завоевания доверия у оккупантов он по заданию органов НКВД уже в период вражеской осады города сгруппировал вокруг себя пораженчески настроенных интеллигентов для „организованной встречи немецких войск“.

В немецком тылу для разведработы оставались и агент „Кавказский“ – бывший офицер царской армии, крупный московский коммерсант – и его жена, известный врач-гинеколог, обладавшая солидными связями в Берлине. Жена „Кавказского“ открыла бы частную клинику, а сам он вместе с братьями восстановил бы существовавший до революции торговый дом, акционированный совместно с немцами. Эти учреждения предполагалось использовать для укрытия подпольщиков-нелегалов.

На проведение разведывательной работы были ориентированы также и другие старые и опытные агенты Лубянки: скульптор „Уралов“, журналист, профессор литературы и бывший агент царской охранки „Шорох“, видный театральный деятель „Семенов“, бывший подполковник царской армии „Мефодий“ и многие другие.

В связи со сложившимся угрожающим положением на подступах к Москве в октябре 1941 года Управлением особых отделов НКВД СССР была проведена подготовка к осуществлению диверсионных актов в зданиях и на объектах, которые могли бы быть использованы немцами для размещения войск и в административных целях. В соответствии с „Московским планом“ для дистанционного управления уничтожением объектов создавались три подпольные минные станции. Одна из них располагалась недалеко от площади Маяковского в недостроенном здании на месте нынешнего кукольного театра Сергея Образцова, другая – в колокольне церкви в Рогожском поселке, третья – в подвале школы № 79 на Арбате.

Важная роль отводилась сотруднице разведывательного управления НКВД А Камаевой-Филоненко, которая под видом активистки баптистской общины координировала использование закамуфлированных взрывных устройств. Ей по особому сигналу поручалось привести в действие мощные взрывные устройства, которые предполагалось заложить в местах возможного появления главарей фашистской Германии и командования вермахта.

К возмездию против немецкого командования готовили и актерский ансамбль во главе со „Свистуном“ – Николаем Хохловым. Планировалось, что Хохлов вместе с группой акробатов, выступая перед немецкими высшими офицерами, во время эстрадного номера – жонглирования – забросают их гранатами...»

Пик панических настроений в Москве выпал на середину октября 1941 года. В те дни многие москвичи были уверены, что город придется сдать. По Москве прокатился слух, что немецкие танки вот-вот появятся на улице Горького, куда прорываются от Речного вокзала. А на Кузнецком мосту жгли документы, из-за чего по всей улице падал «черный снег» из пепла. Однако переломило ситуацию в лучшую сторону выступление по радио председателя Моссовета В. П. Пронина, после которого буквально на следующий день город изменился, все заработало, даже такси. На улицах появились военные и милицейские патрули. Паническое бегство прекратилось. Хотя тревожная обстановка продолжала сохраняться.

Отметим, что если бы фашисты взяли Москву, то город ждала незавидная судьба. По словам историка Е. Сеньявской:

«...В те дни в войсках Восточного фронта распространялись заранее отпечатанные пропуска для передвижения по Москве во время парада полков вермахта. Был подготовлен целый сценарий. После торжественного прохождения войск по Красной площади туда должны были вывести под конвоем захваченных большевистских вождей. На их глазах военные саперы производили подрыв стен Кремля как символа советского сопротивления, затем подрыв Мавзолея. На руинах последнего предполагалось разложить костер, на котором должно быть сожжено тело Ленина. После этого под барабанный бой планировалось повесить вождей.

Однако боевой дух фашистов в декабре 1941 года, мягко говоря, упал. Вот что, к примеру, писал гитлеровский солдат А Фортгеймер уже шестого декабря жене: „Дорогая жена! Здесь ад, русские не хотят уходить из Москвы. Они начали наступать, каждый час приносит страшные для нас вести. Холодно так, что стынет душа. Вечером нельзя выйти на улицу – убьют. Умоляю тебя – перестань мне писать о шелке и резиновых ботинках, которые я должен был привезти тебе из Москвы. Пойми – я погибаю...“

Только в ходе зимней кампании гитлеровские военные трибуналы осудили 62 тысячи солдат и офицеров за дезертирство, самовольный отход, неповиновение. Еще 16 декабря 1941 года в германские войска поступила директива „держаться“, запрещавшая дальнейший отход. Были созданы штрафные роты и батальоны, в том числе для офицеров, а также „заградительные отряды“, которые практиковали показательные расстрелы за самовольно оставленные позиции. Были отстранены от занимаемых постов 35 высших чинов, в том числе генерал-фельдмаршалы Браухич и Бок, генералы Гудериан, Штраус и другие.

Что касается москвичей, то к концу 1941 года в городе существовало более ста норм и видов продовольственного и промтоварного снабжения. Дополнительными или повышенными нормами пользовались

рабочие оборонных предприятий, некоторые преимущества в снабжении продовольствием имели беременные женщины и кормящие матери, доноры, больные туберкулезом. К концу 1942-го продовольственными карточками в столице было обеспечено около трех миллионов человек. Но, как вспоминает один из москвичей, месячный паек „за три дня улопать можно“. А в донесении военного атташе Франции в Турции полковника Дюваля в Генштаб Вооруженных сил Франции об организации обороны Москвы, датированном декабрем 1941 года, сообщалось, что каждый москвич получает паек из черного хлеба, сосисок, капусты и чая. Мясо, масло, яйца, табак – редкость...».

От немцев к янки, или На новом направлении – американском

«Бей фашиста!» или Наступление под Москвой. – Подвиги Ивана Клещева. – Стратегическая служба США. – «Случайное» знакомство с Шапиро, или Агент «Зефир» и американское направление. – Гибель Ивана Клещева. – За что арестовали Георгия Жженова. – Американские шпионы в Москве. – Зоя и Элизабет – агентурная дружба. – Журналист Александр Верт. – Английские шпионы в Москве. – Кто вы, Татьяна Пельтцер? – Зоя в роли невесты, или Фильм «Свадьба». – Киношная «мафия»

После осенней распутицы, которая наступила во второй половине октября, немецкое наступление стало выдыхаться. Однако новая активная фаза наступления началась после 4 ноября, когда ударили первые морозы. Вермахт бросил в бой 51 дивизию, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных. По замыслу немецкого командования, группа армий «Центр» должна была разбить фланговые части обороны советских войск и окружить Москву. И снова заглянем в Википедию:

«...Советское командование усилило опасные участки фронта резервами и пополнениями. Большое политическое значение имел парад на Красной площади 7 ноября 1941 года. Тем самым правительство СССР и лично И. В. Сталин продемонстрировали решимость сражаться до конца.

Наступление немецких войск на Москву возобновилось с северо-запада 15–16 ноября, с юго-запада 18 ноября. Главные удары противник наносил в направлениях Клин – Рогачево и на Тулу – Каширу. В конце ноября противнику удалось овладеть районом Клин, Солнечногорск, Истра, выйти к каналу Москва – Волга в районе Яхромы и занять Красную Поляну (в 32 км от московского Кремля). Дальнейшему продвижению немцев на северном направлении помешал сброс вод из Истринского, Иваньковского водохранилищ и водохранилищ канала имени Москвы. По воспоминаниям маршала Шапошникова, „с приближением немцев к этому рубежу водоспуски водохранилища были взорваны (по окончании переправы наших войск), в результате чего образовался водяной поток высотой до 2,5 м на протяжении до 50 км к югу от водохранилища. Попытки немцев закрыть водоспуски успехом не увенчались“...

В конце ноября шли ожесточенные бои в районе Каширы и Тулы. 27 ноября советские войска нанесли контрудар по 2-й танковой армии и отбросили ее от Каширы. 2-я танковая армия попыталась обойти Тулу с северо-востока и перерезала железные и шоссейные дороги Серпухов – Тула, но контрудар советских войск отбросил противника на исходные позиции.

1 декабря командование группы армий „Центр“ предприняло новую попытку прорваться к Москве в районе Апрелевки. 2 декабря немцы заняли Бурцево – самый близкий населенный пункт к Москве на юго-западном участке фронта. Благодаря четко организованному взаимодействию 33-й армии генерала М. Г. Ефремова и 5-й армии генерала Л. А. Говорова эта попытка была ликвидирована. Ставка ВГК приказала, кроме переданных Западному фронту из резерва Ставки 1-й Ударной, новых 10-й и 20-й армий, включить в состав Московской зоны обороны 24-ю и 60-ю армии.

2 декабря передовые части 1-й Ударной и 20-й армий отразили все атаки противника севернее Москвы в районе Дмитрова и южнее и вынудили его прекратить наступление. 3–5 декабря 1-я Ударная и 20-я армии нанесли несколько сильных контрударов в районе Яхромы и Красной Поляны и начали теснить врага. Левофланговые дивизии 16-й армии во взаимодействии с 5-й армией отбросили противника из большой излучины р. Москвы северо-восточнее Звенигорода. Ударная группа 33-й армии, разгромив 4–5 декабря вражеские части, восстановила положение на реке Нара.

В оборонительном этапе Московской битвы советские войска понесли огромные потери: 514 338 человек – безвозвратные потери и 143 941 человек – санитарные, и это без учета потерь народного ополчения, истребительных батальонов, формирований НКВД и партизан.

Немецкие войска за тот же период потеряли 32 093 убитыми, 5360 пропавшими без вести, 98 825 ранеными.

В ходе оборонительного этапа Московской битвы советское командование навязало противнику „войну на истощение“ (когда в бой бросается „последний батальон“, который должен решить исход сражения). Но, если в ходе битвы все резервы немецкого командования были исчерпаны, советское командование сумело сохранить основные силы (из стратегических резервов в бой были введены только 1-я Ударная армия и 20-я армия).

Командующий немецкой 2-й танковой армией Г. Гудериан так записал свое резюме:

„Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными. Мы потерпели серьезное поражение, которое из-за упрямства верховного командования повело в ближайшие недели к роковым последствиям. В немецком наступлении наступил кризис, силы и моральный дух немецкой армии были надломлены“.

Ощувив перелом в ходе сражения, советское командование отдало приказ на контр наступление.

В конце ноября – начале декабря советские войска получили значительные подкрепления. Когда из донесений советской разведки стало ясно, что Япония нападет на СССР только после падения Москвы, то в октябре-ноябре десять дивизий вместе с тысячей танков и самолетов были переброшены с Дальнего Востока под Москву. В состав Западного фронта были переданы три общевойсковые армии (1-я ударная, 20-я и 10-я), девять стрелковых и две кавалерийские дивизии, восемь стрелковых, шесть танковых бригад и большое количество специальных частей. Калининский фронт и правое крыло Юго-Западного фронта также были существенно усилены. Военно-воздушные силы этих фронтов пополнились авиационными частями и соединениями Московского военного округа, 6-го истребительного корпуса противовоздушной обороны и дальней бомбардировочной авиации Главного командования. В результате к началу контр наступления в составе советских войск насчитывалось 1100 тыс. человек, 7652 орудия и миномета, 415 установок реактивной артиллерии, 774 танка (в том числе 222 тяжелых и средних) и 1000 самолетов. Однако в немецкой группе армий „Центр“ было 1708 тыс. человек, около 13 500 орудий и минометов, 1170 танков и 615 самолетов.

5 декабря войска Калининского фронта (генерал-полковник И. С. Конев), а 6 декабря – Западного (генерал армии Г. К. Жуков) и правого крыла Юго-Западного фронтов (маршал С. К. Тимошенко) перешли в контр наступление. К началу контр наступления советские войска насчитывали более 1 млн солдат и офицеров.

8 декабря главнокомандующий вермахта А Гитлер подписал директиву № 39 о переходе к обороне на всем советско-германском фронте...

Главным результатом предпринятого Красной армией в декабре 1941 года контр наступления является ликвидация непосредственной угрозы столице СССР – Москве. Помимо политического значения, Москва являлась крупнейшим узлом всех видов коммуникаций, потеря которого могла отрицательно сказаться на ведении боевых действий и работе промышленности.

Важным последствием советского контрнаступления стало временное лишение немецкого командования эффективных инструментов ведения войны – моторизованных корпусов. Продвижение советских войск привело к значительным потерям техники и снижению ударных возможностей немецких войск.

На полях Подмосковья было нанесено первое крупное поражение немецкой армии во Второй мировой войне, развеян миф о ее непобедимости. Советское командование расценило итоги контрнаступления таким образом, что Красная армия вырвала у врага инициативу и создала условия для перехода в общее наступление.

В ходе сражения немецкие войска потерпели ощутимое поражение. В результате контрнаступления и общего наступления они были отброшены на 100–250 км. Полностью были освобождены Тульская, Рязанская и Московская области, многие районы Калининской, Смоленской и Орловской областей.

В то же время силы вермахта смогли сохранить фронт и Ржевско-Вяземский плацдарм. Советским войскам не удалось разгромить группу армий „Центр“. Таким образом, решение вопроса об обладании стратегической инициативой было отложено до летней кампании 1942 года.

Через месяц боев Гальдер записывает окончательный и крайне неприятный для германского командования вывод, сделанный фельдмаршалом Браухичем: „Своеобразие страны и своеобразие характера русских придает кампании особую специфику. Первый серьезный противник./“».

Героически сражался на полях Московской битвы возлюбленный Зои Федоровой капитан Иван Клещев – командир эскадрильи 521-го истребительного авиационного полка 43-й авиадивизии. Так, 14 декабря 1941 года, в ходе наступления на Клин, он уничтожил на аэродроме три вражеских самолета «Ju-87». Затем Клещев встретил в воздухе семь истребителей противника «Me-109». Смело вступив с ними в бой, он сбил два «мессера» и вернулся на поврежденном самолете на свой аэродром. Вскоре после этого Иван Клещев был награжден вторым орденом Красного Знамени, получил повышение в звании – стал майором.

К середине марта 1942 года Клещев совершил 220 боевых вылетов, в 30 воздушных боях сбил лично 6 и в составе группы 13 самолетов противника.

А что же Зоя? Она без дела тоже не сидела. Когда стало понятно, что Москву удалось отстоять, Федорова вернулась к концертной деятельности – стала выступать во фронтовых бригадах в самом городе (в госпиталях) и на передовой. А вот для агента «Зефир» работы в новой обстановке уже не было, поскольку посольство и консульство Германии в Москве были закрыты и все немцы были высланы из страны (их обменяли на советских дипломатов, работавших в Берлине). Причем если взять других агентов, работавших на немецком направлении, то им работа нашлась по прежней линии. Так, Николай Кузнецов и Александр Демьянов были заброшены в тыл к фашистам, где первый стал воевать в составе партизанского отряда под именем Пауля Зиберта, а второй «сдался» немцам и объявил им, что имеет в Москве антисоветскую организацию «Престол», готовую служить фашистам. Немцы поверили Демьянову и в итоге оказались в сетях советских спецслужб, развернувших против них операцию «Монастырь».

А вот забрасывать в тыл агента «Зефир» никто не собирался. Поэтому какое-то время Зоя была не у дел. Но осенью 1942 года все изменилось – ее решили использовать на американско-английском направлении, которое стало весьма приоритетным в свете того, что высшее советское руководство чрезвычайно заботила проблема открытия союзниками второго фронта. В одном из рефератов на эту тему говорится следующее:

«...7 ноября 1941 года президент США Ф. Рузвельт официально распространил действие ленд-лиза на СССР. Однако американцы не выполнили даже минимальных взятых на себя обязательств. В счет оплаты военных поставок в августе-сентябре 1941 года СССР отправил в США золота на 10 миллионов долларов. Американское же правительство обещало в 1941 году направить в нашу страну помощи на 741 миллион долларов, а реально доставило в СССР за первый, самый тяжелый, год войны всего на 545 тысяч долларов, то есть лишь 0,1 % от

гарантированного. К примеру, вместо 750 обещанных танков СССР к январю 1942 года получил только 16, а вместо 600 самолетов – лишь 85. Американские поставки были сорваны в самое тяжелое для нас время, тогда, когда СССР истекал кровью и решалась судьба войны на советско-германском фронте – а следовательно, и всей Второй мировой войны.

США явно саботировали исполнение своих обязательств перед СССР, и это было отнюдь не случайностью, а частью внешнеполитической стратегии Вашингтона в годы Второй мировой войны. Суть американской позиции на второй день Великой Отечественной войны цинично и откровенно изложил Г. Трумэн, в тот период сенатор, а впоследствии и президент США. „Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше“. Понять его нетрудно. Поскольку Вторая мировая война не затрагивала непосредственно американскую территорию, то для Соединенных штатов было бы лучше всего, чтобы она длилась как можно дольше. Соперники Америки на попроще мировой гегемонии максимально обескровили бы себя в ней, а США автоматически, не прилагая никаких усилий, оказались бы единственной могущественной державой и могли бы навязывать свою волю остальному человечеству. Да, понять Трумэна нетрудно, но уважения к американскому образу мыслей это не прибавляет ни на грош.

Подобный ход мысли не был достоянием одного лишь Трумэна – он разделялся практически всем высшим американским военным руководством. В августе 1942 года А. А. Громыко дал следующую характеристику: „Стимсон – военный министр, как известно, всегда был настроен антисоветски. Его заместители (разве за исключением Макклоя) также занимают в отношении СССР неблагоприятную позицию... Подавляющее большинство из генералитета армии США питают надежду, и сейчас ее не оставляют, на истощение и гитлеровской Германии, и Советского Союза. Эти надежды совпадают с надеждами руководителей промышленных кругов. Вторая группа генералитета США, вероятно, немногочисленная, но очень влиятельная, все еще лелеет надежду на сговор с Гитлером“. Отношение к СССР со стороны командования американского ВМФ было, по словам Громыко, еще хуже, чем у армейских генералов.

Примерно такую же, разве что более осторожную и дипломатичную, позицию занимал, по сути дела, и президент США Рузвельт. В своей книге „Америка и Россия в изменяющемся мире“ Гарриман свидетельствует, что в войне, которую Красная армия вела с армиями стран оси, Рузвельт надеялся ограничить участие США лишь использованием их авиации и флота. Всю тяжесть сухопутной войны, влекущей за собой максимальное количество потерь, американский президент великодушно возлагал на плечи Советского Союза. В этой связи становятся понятными и срыв поставок по ленд-лизу, и невероятно долгое затягивание открытия второго фронта, официально обещанного в 1942 году, а открытого лишь спустя два года, когда исход войны был уже окончательно решен. Исключительно своекорыстная и в высшей степени двуличная позиция по отношению к своему „красному“ союзнику по антигитлеровской коалиции была характерна для американского руководства буквально с первых же дней войны. Нет, Сталин, как бы к нему ни относиться, несоизмеримо честнее и щепетильнее выполнял свои обязательства перед западными союзниками, будь то помощь американцам во время немецкого контрнаступления в Арденнах или вступление в войну с Японией...

Точно так же вела себя и Великобритания.

23 июля 1942 года Сталин направил Черчиллю резкое послание, в котором говорилось, что вопрос об организации второго фронта в Европе „...начинает принимать несерьезный характер“ и что с этим в Москве не могут примириться.

12 августа Черчилль в сопровождении ряда специалистов прибыл в Москву, и в то же вечер в Кремле их принял Сталин. Он ознакомил прибывших с военным положением и отметил, что „пока дела на фронте идут нехорошо. Противник стремится прорваться к Баку и выйти на Сталинград, – продолжал Сталин. – Было трудно предполагать, что немцы соберут так много войск и танков отовсюду из Европы. Нам не удалось остановить

наступления“. Из этих слов ясно следовало, что одну из причин создавшегося тяжелого положения на советско-германском фронте советское правительство видело в бездействии своих западных союзников. В ответ Черчилль заметил, что американцы и англичане после тщательного изучения вопроса убедились в невозможности осуществления операций во Франции с целью отвлечения дивизий противника с русского фронта и договорились перенести их на 1943 год. Он ссылаясь на нехватку десантных судов и войск и на трудности, сопряженные с преодолением пролива. На вопрос Сталина, правильно ли он понял, что второго фронта в 1942 году не будет, Черчилль ответил утвердительно.

Оставляя вопрос о втором фронте открытым, в Москве хорошо понимали, что средствами дипломатии было трудно что-либо сделать до тех пор, пока свое веское слово не скажет Красная армия. Было ясно, что речь шла о сознательной политической тактике западных союзников, изменить которую могли лишь успехи советского оружия на фронте, подкрепленные дипломатическими усилиями...»

Здесь следует отметить еще один факт – появление на свет в США Управления стратегических служб (УСС), предтечи ЦРУ. До этого разведкой в Америке занимались специальные отделы в различных ведомствах исполнительной власти: государственном департаменте, армии, флоте и казначействе. Единого руководства у них не было. Например, армия и флот имели отдельные криптоаналитические отделы Signals Intelligence Service и OP-20-G которые не обменивались информацией друг с другом. Однако в годы Второй мировой войны, особенно в свете того, как она разворачивалась, президента США Рузвельта стало все более заботить состояние его разведки. В итоге по предложению Уильяма Стефенсона, представителя британской разведки в западном полушарии, Рузвельт назначил друга Стефенсона, нью-йоркского адвоката Уильяма Донована, ветерана Первой мировой и кавалера Медали Почета, составить план создания новой разведслужбы. И в июне 1942 года на свет родилось УСС, которое вошло в состав Комитета начальников штабов и занималось сбором и анализом стратегической информации необходимой для комитета начальников штабов и для проведения специальных операций в любой точке планеты.

На пост начальника управления военной разведки был назначен генерал-майор Джордж Стронг, начальником разведки военно-морского флота – адмирал Грейн, его заместителем – капитан I ранга Захариас. Наконец, начальником УСС стал полковник Уильям Донован. Как пишет историк Л. Фараго:

«Генерал Джордж Маршалл избрал Стронга не потому, что тот являлся выдающимся специалистом в области стратегической разведки, а потому, что он был известен как исключительно энергичный и решительный человек. Управление военной разведки нуждалось в чистке аппарата, а провести эту чистку мог только инициативный человек, обладавший огромной выдержкой. По мнению генерала Маршалла, Стронг был именно таким человеком.

Генерал-майор Стронг превзошел все ожидания Маршалла. В качестве первого шага он предпринял поездку в Англию с целью ознакомления с характером и практической стороной деятельности английской стратегической разведки.

По возвращении из Англии Стронг приступил к созданию совершенно новой службы стратегической разведки в Соединенных Штатах. Эту реорганизацию он провел, „не наступая никому на мозоли“ и „не рубя голов“. Консерваторов и работников с устаревшими взглядами он оставил на своих местах, чтобы использовать их опыт и знания, но ликвидировал их влияние и командное положение...

В управлении стратегических служб были созданы три самостоятельных отдела. В задачу самого крупного из них – отдела исследований и анализа – входило обобщение информации, собираемой из различных легальных источников: печати, радио и т. д.

Второй отдел – отдел „психологической войны“ – должен был вести пропаганду среди населения и войск противника, осуществлять мероприятия, направленные на подрыв морального состояния противника любыми средствами.

Третий отдел – отдел агентурной разведки – был ядром новой организации. В распоряжении отдела были различного рода агенты – шпионы, диверсанты, операторы агентурных радиостанций и т. п. Вначале, когда управление стратегических служб было еще малочисленным, Донован насадил в нем преимущественно своих друзей, товарищей по прежней работе и знакомых. Так, Бакстон, его первый учитель шпионажа, стал его главным помощником. Из его бывшей нью-йоркской юридической конторы пришли Дюринг и Патцел. На руководящих постах в управлении были также финансисты Чарльз Уэстон и Рассел Форджен; Дэвид Брюс – зять миллионера Меллона; Асертон Ричардс – миллионер, разбогатевший на гавайских ананасах; Билл Вандербильд – наследник богатой семьи Ваидербильдов; международный адвокат с сомнительным прошлым Аллен Даллес; бывший полковник царской армии Серж Оболенский.

В ходе войны управление стратегических служб было развернуто в огромную, мощную и хорошо слаженную организацию, на которую работало около 22 тысяч агентов и в штате которой, кроме того, было около 12 тысяч человек. В штат управления входили люди самых различных профессий: от заслуженных профессоров, лауреатов Нобелевских премий до уличных мальчишек и бродяг, от смиренных священников-миссионеров до контрабандистов...»

С началом войны советская контрразведка стала все больше внимания уделять работе своей агентуры среди американских и английских дипломатов. Особое внимание уделялось Спасо-Хаусу (резиденция посла США), зданию на Моховой улице (посольство США) и зданию в Гранатном переулке (посольство Великобритании). Правда, в 1942 году диппредставительств в Москве почти не осталось, поскольку еще осенью 41-го все они были эвакуированы в глубь страны – в Куйбышев. Однако часть иностранных подданных оставалась в Москве, и за ними зорко приглядывала наша контрразведка посредством своей агентуры.

В посольстве США в ту пору оставалось всего лишь шесть человек, руководил которыми второй секретарь посольства Льюэллин Томпсон (посол Стейнхардт уехал в Куйбышев). Несмотря на столь малый штат, посольские работники четко выполняли возложенные на них функции, работая с десяти утра до шести вечера и предоставляя тем немногим американцам, которые оставались в Москве, возможность получить транзитные визы, а также информировали Вашингтон о ситуации на фронте. Все шесть сотрудников посольства жили в Спасо-Хаусе, в бывшем особняке Второва, где с 1933 года размещалась резиденция посла Соединенных Штатов Америки в Москве (адрес: Спасопесковская площадь, 10). Когда осенью 1941 года водоснабжение Москвы оказалось под угрозой, посольские работники наполняли все ванны Спасо-Хауса водой, замораживали ее и хранили в металлических контейнерах для мусора. А в свободное время находили возможность посещать Большой театр, где раз 50 (!) посмотрели балет «Лебединое озеро».

Кстати, у некоторых работников посольства США завязались романтические отношения с балеринами Большого театра, которые состояли на службе... у НКВД. Таким образом, информация о том, что происходит в Спасо-Хаусе, оперативно поступала на Лубянку. Однако, действуя по принципу, что лишней информации не бывает, чекисты старались опутать американцев собственной агентурой со всех сторон. И здесь помощь агента «Зефир» оказалась как нельзя кстати. Как же он проник в стан американцев?

21-22 августа в Московском доме архитекторов (он располагался в Гранатном переулке рядом с посольством Великобритании) состоялся вечер американской и английской кинематографии, на котором присутствовали не только советские, но и иностранные деятели. Вступительное слово произнес глава кинокомитета Иван Большаков, после чего с докладами выступили несколько человек: Сергей Эйзенштейн («Американская кинематография и ее борьба с фашизмом»), Зоя Федорова («Артисты американского кино»), Илья Эренбург («О фильме Чаплина „Диктатор“»), Всеволод Пудовкин («Актеры английского и американского кино»), Роман Кармен

(«Английская кинохроника»), Александр Довженко («Война и сотрудничество кинематографий союзных стран»); заключительное слово произнес председатель ВОКС В. С. Кеменов.

Как видим, Зоя взяла на себя миссию рассказать собравшимся о ведущих актерах из США (в отличие от Пудовкина, который выступил как универсал и охватил в своем докладе актеров из двух стран-союзниц). Ее участие в этом мероприятии ясно указывало на то, что она была на хорошем счету у руководства кинокомитета и весьма неплохо себя чувствовала в сонме таких выдающихся деятелей, как Эйзенштейн, Кармен, Пудовкин, Довженко, Эренбург. Кстати, за десять дней до этого мероприятия состоялось вручение дипломов лауреатам Сталинской премии СССР, где Зоя Федорова опять была единственной женщиной среди награжденных (ей присудили премию 2-й степени – 50 тысяч рублей – за участие в фильме «Музыкальная история») и снова фигурировала в числе таких известных в киношном мире деятелей, как Р. Кармен, М. Шнейдеров, И. Копалин, Л. Варламов, И. Беляков, П. Касаткин и др.

Но вернемся к вечеру в Доме архитекторов. В фойе демонстрировалась выставка «Американская и английская фотография», возле экспонатов которой фланировали гости. Именно там Зоя и познакомилась с известным американским журналистом Генри Шапиро (1906), который высказал свое восхищение по адресу ее доклада. Она ответила не менее удачным комплиментом: дескать, слова благодарности из уст такого знаменитого журналиста – это верх ее мечтаний. И действительно, Генри Шапиро был весьма примечательной личностью в тогдашней Москве, поэтому о нем стоит рассказать отдельно.

Генри родился в румынском городке Васлуй, но в 1928 году эмигрировал в США и через год стал гражданином этой страны. В 1929 году он поступил в Сити-колледж в Нью-Йорке, а в 1932-м – в юридическую школу при Гарвардском университете. Через год (1933) был направлен в Москву, где параллельно учебе в Московском юридическом институте работал – до 1937 года – корреспондентом газет «New York Herald Tribune», «Morning Post of London» и информационного агентства «Reuters».

В том же 1937 году Шапиро женился в Москве на дочери профессора МГУ Людмиле Никитиной и возглавил Московское бюро UPI, в котором проработал вплоть до 1973 года. Последнее обстоятельство – беспрецедентно. Ни один иностранный журналист не работал в СССР столь долго – сорок лет. Шапиро это удалось, что наталкивает на мысль о том, что это неспроста. Что КГБ и Отдел печати МИД имели с этим американцем не просто хорошие, а сверххорошие отношения.

Именно Шапиро освещал для американского читателя убийство Кирова в декабре 1934 года, московские процессы над троцкистами-бухаринцами в конце тридцатых. Репортажи Шапиро во время войны Советского Союза с Германией считались наиболее оперативными и точными. Именно он был первым западным журналистом, своими глазами наблюдавшим в 1942 году Сталинградскую битву на Волге и описавшим ее во многих американских газетах. Он сообщал о встречах Рузвельта, Черчилля и Сталина в Тегеране в 1943-м и в Ялте в 1945 году. А в 1953-м переданная им информация о смерти Сталина опередила официальное сообщение ТАСС почти на сутки.

В 1954 году в издательстве «Галлимар» вышла его книга «СССР после Сталина», ставшая бестселлером. Кстати, не многим до сих пор понятно, каким образом Генри Шапиро при жесточайшем контроле со стороны властей удалось не только узнать о смерти Сталина до официального сообщения, но и первым передать эту информацию на Запад. Поэтому были подозрения, что Шапиро работает на советские спецслужбы, благодаря чему для него включался «зеленый свет» там, куда другим западным журналистам вход был запрещен – например, на московские процессы 1936–1937 годов.

Супруги Шапиро проживали в одном из арбатских переулков – Нащокинском, на втором этаже в доме 3/5. Он был известен прежде всего тем, что в нем располагался первый писательский кооператив (в этом доме М. Булгаков писал «Мастера и Маргариту», и здесь же он и скончался; отсюда забрали в ГУЛАГ Осипа Мандельштама). И когда раз в год жена Шапиро справляла свой день рождения, переулок буквально наполнялся

не виданными советскими гражданами «иномарками». Среди этих гостей оказалась и Зоя Федорова, которая, познакомившись с Генри Шапиро осенью 1942 года, тут же вошла в круг его друзей, среди которых были и сотрудники американского посольства во главе с уже новым послом – адмиралом Уильямом Стэндли (прибыл в Москву в апреле 1942 года). Так что здесь прослеживается четкая связь: появление Зои на вечере американской и английской кинематографии – ее выступление на американскую тему – знакомство с американским журналистом – вхождение в круг его друзей-иностранцев.

Между тем на исходе 1942 года Зоя Федорова пережила очередную личную трагедию – погиб ее возлюбленный, летчик Иван Клещев. Погиб фактически из-за нее. Но расскажем обо всем по порядку.

В мае 1942 года Клещев стал командиром 434-го авиаполка, «шефом» которого был начальник Инспекции ВВС РККА Василий Сталин. Этот полк был первым в Советских ВВС превращен в элитный по своему составу. В него отбирались летчики не просто уже повоевавшие и имеющие на «лицевом счету» несколько сбитых вражеских самолетов, но и опытные инструкторы из училищ (в основном из Качинского).

С 13 июня по 6 июля 1942 года летчики 434-го полка вели напряженные воздушные бои на Юго-Западном фронте. Клещев лично водил в бой свой полк и подавал пример высокой воздушной выучки. За три недели боев майор Иван Клещев произвел 32 боевых вылета и лично сбил три самолета противника. А потом полк перебросили под Сталинград, где свой первый боевой вылет он совершил 14 сентября, во время которого его командир майор Клещев сбил «Ме-109». А спустя пять дней он сбил еще два истребителя противника, доведя общее число побед в сентябрьских боях до пяти. Но в том же бою был сбит и самолет Клещева. Раненый летчик выпрыгнул с парашютом. При этом у него оторвалась золотая звезда Героя. Сильно обгоревшего Клещева отправили в госпиталь. А затем сам Василий Сталин прислал за ним самолет, и летчика-героя отвезли в Москву, в Кремлевскую больницу. А сразу после его выздоровления Михаил Иванович Калинин в Кремле вручил ему новую золотую звезду взамен утерянной. Наверное, это был единственный подобный случай.

Выписавшись из госпиталя, Клещев продолжил службу в Инспекции ВВС. Инспекторы-летчики большую часть своего времени проводили в строевых частях, помогая фронтовым летчикам повысить боевую квалификацию. В итоге дела службы привели Клещева в конце декабря 1942 года на аэродром Рассказово Тамбовской области, где базировался 6-й запасной авиационный полк. Далее послушаем рассказ С. Микояна:

«В конце декабря Клещев полетел на „Як-9“ в командировку на аэродром Рассказово. Еще за день до того, как надо было возвращаться в Москву, начался и не прекращался обложной снегопад. Лететь было нельзя. Но 31 декабря он не выдержал и все-таки полетел. Пройдя немного по маршруту, видимо, понял, что пройти в район Москвы не сможет, и вернулся. Стал планировать на посадку на свой аэродром, но из-за падающего снега и белой поверхности поля не смог определить высоту в самый критический момент посадки, когда нужно вывести самолет из планирования. Самолет ударился в землю и разрушился. Многие потом говорили, что, мол, погиб он из-за Зои Федоровой (известная в то время киноактриса) – спешил к ней на встречу Нового года. По-моему, его желание возвратиться домой к Новому году вполне понятно, независимо от того, кто его ждал. Я слышал потом, что были предложения переименовать Рассказово, где его похоронили, в Клещево, но этого не произошло. К сожалению, ему не присвоили и звания дважды Героя, хотя после Сталинграда на его счету было уже 24 сбитых лично самолета и 32 в группе. Я думаю, что если бы он не погиб так нелепо, то превзошел бы и Покрышкина, и Кожедуба».

Весть о гибели возлюбленного дошла до Зои Федоровой 1 января 1943 года. Поэтому тот день не мог стать для нее праздничным, и Зоя отменила все свои встречи. А спустя два дня ей пришлось присутствовать на похоронах любимого человека в Рассказово. Вернувшись в Москву, она в течение нескольких дней находилась в прострации. И только благодаря друзьям понемногу пришла в себя. И жизнь постепенно вошла в свое прежнее русло. А тут еще и агентурная работа помогла если не забыть, то хотя бы отвлечься от горьких мыслей о погибшем любимом. Ведь они оба служили своей Родине и каждый на своем посту старался приблизить конец

этой страшной войны. И хотя американцы тогда считались нашими союзниками, однако людям, которые видели ситуацию изнутри (а агент «Зефир» именно так ее и видел), было понятно, что этот союз не может быть долговечным. Социализм и капитализм не могли долго находиться в одной упряжке – это было очевидно.

Когда в августе 1943 года посольство США (как и другие диппредставительства) в полном составе вернулось из эвакуации в Москву, Зоя Федорова была там практически своим человеком. Ведь она являлась не только популярной актрисой, но еще и прекрасно знала американское кино, восхищаясь им так искренне, что это невольно располагало к ней сотрудников американского посольства. Поэтому даже очередной новый посол, прибывший в Москву поздним летом 43-го, – Аверелл Гарриман – проникся к Зое особым доверием. Нет, все-таки талант располагать к себе людей был заложен в ней от рождения. Что особенно должно было цениться ее кураторами из 2-го управления (контрразведка) НКВД СССР во главе с Павлом Федотовым. Агент «Зефир» был «пристегнут» к 7-му отделу, который вел оперработу в посольствах, иностранных миссиях и с иностранными подданными (в том числе, кстати, и с журналистами вроде Генри Шапиро).

Судя по всему, агенту «Зефир» было вменено в обязанность проникнуть в святая святых – американское посольство и в среду тамошних разведчиков, которые группировались вокруг военного атташе – кадрового разведчика. Отметим, что из трех американских послов, которые работали в Москве в 1942–1946 годах, сразу двое были военными. Это адмирал Уильям Стэндли (1942–1943) и Уолтер Смит (1946–1949; он же станет Директором Центральной разведки и главой ЦРУ США (1950–1953).

Не стоит строить иллюзий относительно того, что США и Англия, будучи союзниками СССР во Второй мировой войне, исходили в своей деятельности исключительно из дружеских побуждений. Вспомним, что после августа 1939 года точно таким же союзником СССР была и гитлеровская Германия. Однако договор о дружбе только активизировал тайную войну между спецслужбами двух дружественных государств. Та же история была и с отношениями США и Великобритании с СССР. Хотя был момент (после разгрома немцев под Москвой), когда ситуация на какое-то время клонилась в лучшую сторону. И в конце мая 1942 года СССР и Англия даже заключили договор о дружбе, после которого в Кремле надеялись, что открытие второго фронта не за горами. Однако медовый месяц англосоветского союза продлился недолго. Второй фронт союзники открывать не захотели, что подлило масло в костер взаимного недоверия. И война спецслужб разгорелась с новой силой. Советская контрразведка обложила оба посольства (они вернулись из Куйбышева в Москву в середине 1942 года) своей агентурой, чтобы иметь полную информацию о настроениях не только в дипмиссиях, но и в Вашингтоне и Лондоне. Например, во второй половине 1942 года наша контрразведка взяла в разработку самого руководителя военной миссии США в Москве бригадного генерала Филиппа Файмонвилла (он возглавлял военную миссию в СССР дважды: в 1934–1939 и 1941–1943 годах). С помощью вошедшего в его окружение агента удалось выяснить генерала и снабжать его дезинформацией. Кстати, имя этого агента до сих пор не раскрыто. А почему бы не предположить, что это был... агент «Зефир»? Ведь он стал вхож в среду американских дипломатов именно во второй половине 42-го. К тому же Файмонвилл питал слабость к актерской среде, заводя знакомства в ней практически с первых дней своего пребывания в СССР (в основном это были балерины Большого театра и актрисы с «Мосфильма»). А приехал он к нам еще в середине тридцатых и стал невольным виновником ареста и осуждения на длительный срок будущего знаменитого советского актера Георгия Жженова. Вот как последний описывал это много лет спустя:

«...16 июля 1937 года вся наша киногруппа (речь идет о фильме „Комсомольск“. – Ф. Р), во главе с режиссером Герасимовым С. А., выехала из Москвы на Восток.

За шесть суток пути скорого поезда „Москва – Владивосток“ все пассажиры, естественно, перезнакомились друг с другом.

Артисты – народ веселый, всегда вызывающий к себе повышенный интерес и внимание окружающих. Тем более среди нас были уже знаменитые, популярные артисты: Николай Крючков, Петр Алейников, Иван Кузнецов

и другие. Все мы были молоды, беззаботны – шутили без конца, смеялись, играли в карты, пели песни, дурачились – одним словом, всю дорогу до Хабаровска веселили не только себя, но и всех, кто охотно посещал нашу компанию.

Среди поездных знакомых, ехавших с нами в одном вагоне, был американец Файмонвилл.

Он ехал во Владивосток встречать какую-то делегацию своих соотечественников.

Файмонвилл, как и остальные пассажиры вагона, не только терпел шум, производимый нашей компанией, но и сам охотно принимал участие во всех наших дурачествах и играх. К тому же Файмонвилл прекрасно говорил по-русски.

Нам безразлично было – американец он, негр или папуас! Иностранцев мы рассматривали исключительно с точки зрения наличия хороших сигарет.

В Хабаровске мы распрощались с нашими попутчиками, поскольку дальнейший наш путь лежал по Амуру, пароходом.

Вторая „преступная“ встреча с Файмонвиллом состоялась через полтора месяца в Москве, на вокзале, в день возвращения нашей киногруппы из экспедиции. Файмонвилл с этим поездом встречал кого-то и, увидев нас, поздоровался, и мы в ответ шумно, со смехом приветствовали его, как старого знакомого.

И последний раз я видел Файмонвилла через несколько дней в Большом театре, на спектакле „Лебединое озеро“. Со мной были мои друзья – Вера Климова и ее муж Заур-Дагир, артисты Московского театра оперетты. В антрактах мы разговаривали с ним о балете, об искусстве вообще, курили сигареты (его сигареты).

Прощаясь в этот вечер с Файмонвиллом, я пожелал ему здоровья, поблагодарил за внимание, сказал, что уезжаю домой, в Ленинград, короче говоря, как можно вежливее дал понять, что эта встреча с ним последняя. На мои дипломатические зигзаги он ответил: „Пожалуйста. Вы не первый русский, который прекращает знакомство без объяснений. Поступайте как вам угодно, – хотя я и не понимаю этого“.

Что я ему мог ответить? Что иностранцев мы боимся как черт ладана? Что в стране свирепствует шпиономания? Что люди всячески избегают любых контактов с ними, даже в общественных местах, на людях, в театрах?.. Я предпочел промолчать.

Вот и все мое знакомство с этим человеком. Никогда больше я его не видел и ничего о нем не слышал.

Прекратил знакомство не потому, что убедился в преступных намерениях этого человека, – Файмонвилл не давал ни малейшего повода заподозрить его в злом умысле, он всегда был вежлив, тактичен и никогда не касался в разговоре никаких тем, кроме общих разговоров об искусстве, кино и театре.

Я же не допускал и мысли, что могу в чем-то преступить норму поведения советского артиста и гражданина, – поэтому это случайное, всегда проходившее на людях, краткое знакомство не могло родить во мне ни малейших подозрений и страхов. Я был типичный молодой артист, окрыленный первыми творческими успехами в кино и рвавшийся в дальнейшую работу. Жизнь для меня была самой прекрасной и светлой!

Я был молод, наивен, упоен жизнью и уверен в своей лояльности гражданина СССР.

В октябре 1937-го я вернулся в Ленинград. В особом отделе 15-го отделения милиции мне сообщили о прекращении моего дела, разорвали при мне подписку о невыезде, пожали руку и сказали: „Живи и работай!“.

И я жил и работал вплоть до 4 июля 1938 года.

Ночью 5 июля я был арестован. Мне было предъявлено обвинение в преступной, шпионской связи с американцем.

Действительно имевший место факт моего безобидного знакомства с иностранцем следствием был оформлен как преступный акт против Родины.

Бандиты, вырождающиеся в офицерских мундирах НКВД всячески принуждали меня подписать сочиненный ими сценарий моей „преступной“ деятельности.

Меня вынуждали признаться, что Файмонвилл завербовал меня как человека, мстящего за судьбу брата...

Что я передал ему сведения о морально-политических настроениях работников советской кинематографии. (?!)

Сведения об оборонной промышленности г. Ленинграда и о количестве вырабатываемой ею продукции. (?!)

Сведения о строительстве г. Комсомольска-на-Амуре. (?!)

Даже комментировать эту очевидную чушь не хочется, противно...»

И вновь вернемся в начало сороковых.

Не меньшую активность, чем чекисты, предпринимали тогда и спецслужбы союзников в Москве. Вот как об этом писала сотрудница УСС Анабелла Бюкар:

«Работая в УСС, я очень быстро убедилась в том, что основные разведывательные усилия этой организации были направлены, наряду с Германией, против Советского Союза.

На основании моих многочисленных наблюдений я имею возможность точно утверждать, что руководители американской разведки использовали союзнические отношения, сложившиеся между СССР и США во время войны, в целях засылки кадровых разведчиков на территорию Советского Союза для ведения разведывательной работы против этой страны-союзника. Эти разведчики посылались в СССР под самыми различными прикрытиями – в качестве советников, вторых и третьих секретарей, атташе, а то и просто клерков посольства, в качестве сотрудников военной миссии снабжения и военного атташата при посольстве и, наконец, под видом корреспондентов американских газет, журналов и радиовещательных компаний, а также отдельных специалистов, работавших по монтажу оборудования, присланного по ленд-лизу.

Антисоветское направление деятельности американской разведки находит свое подтверждение хотя бы в том, что во время войны, которую США вели в союзе с СССР против фашистской Германии, русский подотдел был самым большим в УСС. Во главе русского подотдела стоял профессор истории Колумбийского университета Робинсон, считающийся в США большим „знатоком“ Советского Союза.

Русский подотдел имел в своем составе специальные отделения, занимавшиеся сбором разведывательной информации об СССР по вопросам промышленности и военного производства, транспорта, людских резервов, государственного дохода и внешней торговли, сельского хозяйства и др.

Таким образом, УСС уже с самого начала своей деятельности придавало первостепенное значение развертыванию разведывательной работы против СССР. К концу войны главное внимание УСС было сосредоточено на добывании секретных сведений о Советском Союзе, о советской внешней политике и о дружественных Советскому государству демократических странах.

Мне хорошо известно, что представительство УСС в Лондоне установило тесную связь с английскими, греческими и бельгийскими разведчиками, обзавелось агентурой, доставлявшей американцам секретные сведения не только о противнике, но и о союзниках, главным образом об СССР.

Во время войны Donovan и другие руководители американских разведывательных организаций рассматривали союзнические отношения с СССР как чисто формальное, вынужденное и неискреннее явление; они пытались играть на трудностях и лишениях, переживаемых советским народом; они с нетерпением выжидали ослабления

СССР в надежде на то, что после войны им удастся поставить эту великую страну на колени. Их постигло горькое разочарование...»

А вот что пишет Бюкар о деятельности американского посольства в Москве в те же сороковые годы:

«...В первые же дни работы в посольстве я убедилась в том, что не только руководящие работники (в том числе сам посол, советник, секретари), то есть люди, в какой-то степени определяющие политику государственного департамента США в русском вопросе, но даже некоторые рядовые работники различных отделов посольства были настроены резко антисоветски, а подчас питали просто ненависть к советскому строю.

Я увидела, что посольство является государственным департаментом в миниатюре. Послы, так же как и государственные секретари, приходят и уходят, но все руководящие должности в посольстве, в частности должности советника и секретарей посольства, в течение многих лет находятся в руках упоминавшейся выше руководящей клики госдепартамента – Кеннана, Дюрброу, Болена, Рейнхардта и др.

Для лучшей организации сбора разведывательной информации американское посольство в Москве разбито на отделы: экономический, политический, пресс-отдел, сельскохозяйственный, консульский и ряд технических и административных отделов для обслуживания специализированных отделов и бытовых нужд сотрудников.

Названия этих отделов определяют направленность их разведывательной работы. Например, экономический отдел посольства собирает данные о работе советской промышленности, о количестве и качестве выпускаемой продукции; ведет тематическую картотеку по советской экономике, куда заносятся данные, собираемые сотрудниками посольства и взятые из советской печати.

Точно таким же образом ведет свою работу и сельскохозяйственный отдел. Он собирает данные о размерах прошлого и предстоящего урожая в СССР.

В консульский отдел посольства обычно приходят лица без гражданства и некоторые бывшие американские подданные, проживающие в СССР, по различным интересующим их вопросам. Одни хотят найти своих родственников, проживающих в Америке, чтобы наладить с ними переписку, другие, особенно старики и старушки, приходят выяснить, можно ли выехать к своим детям, проживающим в США. Сотрудники консульского отдела, в большинстве своем являющиеся кадровыми разведчиками, всегда стараются использовать этих посетителей для сбора разведывательной информации о Советском Союзе.

Прежде чем удовлетворить ту или иную просьбу посетителя, сотрудники консульского отдела подвергают его подробнейшему разведывательному опросу. Они выясняют данные о дислокации частей Советской армии, о материальном положении населения Советского Союза (особенно в тех случаях, когда посетители приезжают в Москву из других городов) и другие вопросы, имеющие разведывательный характер. Такие люди, сами того не замечая, превращаются в информаторов американцев.

Сотрудники консульского отдела не гнушаются ставить удовлетворение просьбы посетителя в зависимость от откровенности его ответов на вопросы американцев. Отдельных наивных посетителей они ловко опутывают, устраивают проволочки с разрешением поставленных ими вопросов, чтобы заставить их чаще заходить в консульский отдел, и дают им различные задания шпионского характера, настаивая на их выполнении.

Американским разведчикам, работающим в консульском отделе, нет никакого дела до того, что, втягивая своими заданиями посетителей в шпионскую работу, они ставят их под серьезную угрозу быть привлеченными советскими властями к уголовной ответственности за передачу разведывательной информации американцам.

Перед ними стоит одна задача – собрать возможно больше разведывательной информации, невзирая на неизбежный риск для их информаторов.

Именно эта циничность по отношению к людям меня больше всего возмущала, но занимаемое мною положение в посольстве не давало мне возможности помешать этим безжалостным действиям американских разведчиков.

Ряд моих друзей из числа сотрудников посольства США рассказывал мне, что американские разведчики, маскирующиеся в тогу дипломатов, предпочитали толкать на шпионский путь посетителей посольства потому, что вести разведывательную работу в СССР очень трудно и что такая работа здесь связана с большим риском.

Эти американские разведчики неоднократно жаловались, что советские граждане не идут на вербовку, причиняя им большие неприятности, после которых они порой должны даже быстро ретироваться из СССР.

Вследствие этих причин американские разведчики, стремящиеся выслужиться перед начальством, так как руководство разведки в Вашингтоне требует усиления разведывательной деятельности в СССР, ищут агентуру среди разложившихся людей и разных отбросов советского общества, преклоняющихся перед так называемой „западной культурой“.

После того как американские агенты, завербованные из числа этих подонков, попадали в руки советских органов, сами американские разведчики как среди сотрудников своего посольства, так и среди других дипломатических миссий в Москве широко распространяли слухи об аресте в Советском Союзе „невинных людей“!....»

Итак, познакомившись поздним летом 1942 года с Генри Шапиро, Зоя Федорова стала часто бывать в его доме в Нащокинском переулке (естественно, журналист и его супруга наносили ответные визиты актрисе, приходя в ее квартиру на улице Горького, 17), где устраивались вечеринки с участием иностранных дипломатов. В итоге Зоя достаточно быстро обросла нужными связями в американском посольстве, поскольку имела весьма привлекательную внешность, была знаменита и водила дружбу не только с представителями творческой богемы, но и с людьми из «высоких сфер» – например, с сыном Сталина Василием (с ним Зоя познакомилась благодаря своему возлюбленному Ивану Клещеву). Короче, для американских разведчиков Зоя Федорова была весьма интересным объектом для получения разного рода информации.

Среди американских знакомых Зои оказались: помощник военно-морского атташе США майор Эдвард Йорк, сотрудник военной миссии майор Пауль Холл, контр-адмирал Олсен, лейтенант Чейс, редактор издающегося в СССР журнала «Америка» Элизабет Иган, руководитель редакции журнала «Америка» полковник Филипс и его жена Тейси, а также некоторые другие сотрудники журнала «Америка».

Отметим, что Элизабет Иган стала близкой подругой Зои и та ввела ее в круг столичной богемы, которая в начале 1943 года, после победы под Сталинградом, стала массово возвращаться в Москву. Причем в случае с Иган Зоя вела себя точно так же, как некогда с Магдой Шольц, – преподносила себя как обиженного советской властью человека, как дочь, у которой отец погиб по вине НКВД. Таким образом, история с отцом сослужила хорошую службу агенту «Зефир» и в этот раз. И снова послушаем рассказ А Бюкар:

«...Бюро информационной службы в Москве было создано не столько для пропаганды, сколько для ведения разведывательной работы. Не случайно большинство руководящих сотрудников Бюро информационной службы США в Москве имели подготовку в области разведывательной работы.

Джозеф Филлипс, возглавлявший это Бюро, когда послом был Гарриман (в то время Бюро было известно под названием „Отдел военной информации посольства“), окончил военную академию в Вест-Пойнте, был кадровым офицером, „вышедшим впоследствии в отставку“, занимался журналистской работой в Советском Союзе, Италии и других государствах в тридцатых годах и возвратился во время войны на службу в армию в звании полковника. Филлипс почти открыто поддерживал тесные связи с военными кругами на протяжении всей своей деятельности. Конечно, хорошо известно, что „числящиеся в отставке“ армейские и морские офицеры часто оказываются

крупными агентами американской разведки. Вполне возможно, что Филлипс принадлежал к этой категории людей.

Элизабет Иган с разрешения руководства посольства лихорадочно заводила знакомства среди советских граждан и все мельчайшие разговоры с ними на всевозможные темы подробно записывала и представляла руководству посольства в виде разведывательных меморандумов. Этим самым она заслужила большое расположение руководства посольства.

После отъезда Филлипса именно Иган в течение долгого времени руководила Бюро информационной службы и действовала исключительно активно, пытаясь установить контакт с русскими людьми. Завязывая любовные интриги с русскими, она выуживала у них информацию, которую затем сообщала определенным лицам из посольства...»

Заметим, что, вернувшись в США в конце сороковых, Иган начнет активно печатать статьи о советском народе в различных американских изданиях. Так, в бульварном журнале «Коронет» она поместит большую статью под названием «Русские мужчины, которых я знала». Речь в этой статье шла о людях, с которыми у Иган в разное время были романы. С некоторыми из этих любовников американка познакомилась благодаря Зое Федоровой. Между тем Иган даже не догадывалась, что двое из этих мужчин были... агентами НКВД.

Кстати, и сама Зоя тоже времени зря не теряла, близко сойдясь с помощником военно-морского атташе США майором Эдвардом Йорком. Этот статный красавец был профессиональным разведчиком с почти двадцатилетним стажем и рассматривал свои отношения с популярной советской актрисой сквозь призму своих разведывательных обязанностей. Но он не мог себе представить, что эта женщина, которая делилась с ним своей тайной нелюбовью к Советской власти, убившей ее отца и с таким восхищением говорившая об Америке, на самом деле может быть агентом советских спецслужб. Кстати, Йорк впервые увидел Зою Федорову в феврале 1939 года, когда на экранах США прошла премьера советского фильма «На границе», где Зоя играла одну из главных женских ролей – отважную советскую девушку Варвару Власову, вступившую в схватку с японскими лазутчиками.

А в те самые дни 1942-го в США демонстрировался еще один фильм с участием Зои Федоровой, в котором она снова играла главную роль, – «Фронтовые подруги» (1941). Отметим, что за два года его демонстрации в США аудитория фильма превысит миллион зрителей – весьма внушительная цифра по тем временам.

Как уже говорилось, деятельность агента «Зефир» распространялась не только на сотрудников американского посольства, но и английского. Сделать это было не так сложно, поскольку американское и английские дипмиссии поддерживали весьма тесные дружеские отношения. Во-первых, они были союзниками в войне, во-вторых – английский посол сэра Арчибальда Кларка Керра (он в 1942 году сменил сэра Стаффорда Криппса) одно время занимал должность английского атташе в Вашингтоне и всякий раз любил повторять, что те годы были счастливейшими в его жизни. Он работал тогда в тесном общении с Уолтером Липпманом (который впоследствии стал одним из ведущих американских публицистов и ярким пропагандистом идеи англо-американского мирового господства) и с Ф. Франкфуртером, позже членом верховного суда США. Керр не скрывал своих симпатий к американцам и мечтал о переводе на пост английского посла в США (что и случится в 1946 году).

И снова источником выхода на английских дипломатов для агента «Зефир» стал журналист. Это был Александр Верт – не менее известная личность, чем Генри Шапиро.

Верт родился в Петербурге в 1901 году в семье немецкого происхождения из Прибалтики. Его отец, Адольф Верт, был довольно крупным промышленником. Отец и сын Верты эмигрировали в 1917 году, за несколько недель до Октябрьской революции. Они уехали в Шотландию, в Глазго, там Александр получил высшее образование как журналист. В тридцатых годах он был корреспондентом «Manchester Guardian» в Париже. А в

1941 году Верт приехал в СССР, где стал московским корреспондентом ряда английских газет и (до 1946 года) радиостанции «Би-Би-Си». На последней он вел программу «Русские комментарии», собиравшую у приемников рекордное число – 12 или 13 миллионов слушателей в Англии, не считая еще многие миллионы в оккупированной Европе и в других странах, в которой крайне сочувственно рассказывал о военных событиях и ситуации в воюющем СССР (сразу после войны программа будет немедленно ликвидирована английскими властями). Верт неоднократно бывал на передовой военных действий: на Западном фронте в сентябре 1941 года, в районе Сталинграда в январе и в самом Сталинграде в феврале 1943 года.

В Москве Верт обитал вместе со своей женой Шоу, которая тоже стала... подругой Зои Федоровой. Благодаря этому семейству Зоя познакомилась с некоторыми сотрудниками английского посольства в Москве, в частности – с работниками военной миссии майорами Тикстоном и Нерсом, которые служили под началом Джорджа Хилла – главы военной миссии Великобритании в СССР. О последнем стоит сказать особо, поскольку это был шпион с большим послужным стажем. Вот как о нем пишет историк Р. Паркер:

«...Среди книг, купленных мною в лондонском книжном магазине перед самым отъездом в Россию, была книжка Хилла, озаглавленная „Иди шпионить“. В дороге я прочел ее; это был наспех, кое-как написанный отчет о работе английского секретного агента в России в 1917–1918 годах. У читателя не оставалось сомнений в том, что автор, офицер королевского воздушного флота, с некоторым стажем в области разведывательной службы, был одним из секретных агентов Великобритании в то время, когда прилагались все усилия к тому, чтобы помешать ленинскому плану установления мира на русско-германском фронте.

Усилия эти потерпели полный крах, как и все диверсионные и террористические акты, к которым прибегала „Интеллидженс сервис“ после Октябрьской революции. Тем не менее капитан Джордж Хилл был щедро вознагражден за свои труды – явление необычное, потому что, как правило, „Интеллидженс сервис“ отрекается от своих агентов, когда они проваливаются.

Книжонка заканчивалась славословием шпионам и предположением, что в будущем – она была напечатана в двадцатых годах – борьба против большевизма представит широкое поле для шпионской деятельности.

Этот матерый шпион слыл добродушным весельчаком и весьма заботился о том, чтобы закрепить за собой именно эту репутацию. Невысокий, плотный, слегка кривоногий, с круглыми красными щеками, с лысой, похожей на бильярдный шар головой, он представлял собой законченный образец стареющего волокиты, типа совершенно необычного для военной Москвы.

На самом же деле это был человек, обладавший всеми необходимыми для разведчика качествами. Он любил жить широко, и когда после неудачи его миссии в революционной России ему пришлось отойти от разведывательной работы, жизнь для него стала тягостной и серой. Но природная энергия и изобретательность, змеиная живучесть, способность переносить удары судьбы, не утрачивая вкуса к власти и комфорту, и несомненный актерский дар помогли Хиллу перепробовать с десяток профессий вплоть до начала Второй мировой войны, когда он снова был призван к работе разведчика.

За мнимым добродушием этого человека крылась холодная расчетливая натура, и его пресловутая простота была одной из многих личин, которые он снимал и надевал по своему желанию. То преданный друг, расположенный к душевным беседам, то дипломат, искушенный в ведении переговоров, то любитель антисоветских анекдотов в американском вкусе, то восторженный поклонник русского народа; подлинное же его „я“ было загадкой для многих.

Чем занимался Хилл в период между двумя войнами – точно не известно, но, по-видимому, его хозяева были им довольны, так как в дипломатическом корпусе, когда я приехал в Куйбышев, только и говорили, что о гостеприимстве и превосходной кухне уже не капитана, а майора Хилла. Через некоторое время Хилл получил

чин полковника, а перед самым окончанием войны был произведен в чин бригадного генерала. Между 1942 и 1945 годами он возглавлял специальную военную миссию в Советском Союзе.

Назначение Хилла рассматривалось в дипломатических кругах как жест явного неуважения к Советскому Союзу со стороны английского правительства. Каждый разумный человек мог усмотреть в назначении Хилла только одно: решение восстановить шпионскую сеть в Советском Союзе.

Однако в самом скором времени это назначение обернулось против его инициаторов. Выяснилось, что, вопреки всем надеждам и расчетам, советские органы отнюдь не расположены допускать, чтобы английские и американские военные миссии изучали их оперативные планы и занимались шпионажем. Та бдительность советских людей, которую роковым для себя образом не учли немцы, оценивая материальные и моральные силы Советского Союза, продолжала существовать, и никто не собирался от нее отказываться.

Миссия Джорджа Хилла встречала со стороны русских внешне любезное отношение, но в самой этой любезности был оттенок презрительной издевки, словно ему хотели сказать: „Уж мы-то вас хорошо знаем! Что ж, если напросились – сидите, только не рассчитывайте причинить нам неприятности. Вам этого не удавалось раньше, не удастся и теперь“.

Сам Хилл был не из тех людей, которых можно смутить подобным обращением. Он обладал двумя качествами, чрезвычайно важными для разведчика: настойчивостью и нечувствительностью к уколам самолюбия. Кому из английских или американских корреспондентов не приходилось бывать в роскошно обставленном особняке в Гранатном переулке, с его букетами живых цветов, отличным винным погребом, превосходным угощением и любезными улыбками свободно изъясняющихся по-русски молодых офицеров? И кого из них толстый маленький бригадир после закуски и хорошей сигары не приглашал в свой кабинет побеседовать „по душам о русских делах“?

Солдаты и офицеры разных военных миссий в Москве и очень многие дипломаты были не менее частыми гостями в особняке в Гранатном переулке. Хилл, бесспорно, лучше других был осведомлен о связях, имевшихся у иностранцев, живущих в Москве, с советскими гражданами.

Оказавшись в какой-нибудь компании русских, Хилл внимательно наблюдал за каждым из них, явно интересуясь прежде всего тем, какое положение они занимают в обществе и насколько пользуются влиянием среди своих сограждан. Если он приходил к заключению, что это простые люди, рядовые граждане Советской страны, то сразу терял к ним всякий интерес и, встретив их в другой раз на улице или в театре, не отвечал на поклоны. В тех же, кто чем-либо возбудил его любопытство, он вцеплялся, как клеш,...

Несмотря на тайную войну спецслужб, внешне отношения между СССР и западными странами-союзницами выглядели тогда вполне миролюбиво. Например, на советские экраны в 1943 году выходят два американских фильма: «В старом Чикаго» (1938) Генри Кинга (21 июня) и «Миссия в Москву» (1943) Майкла Кертица (26 июля). Оба эти фильма Зоя Федорова посещает в компании с Элизабет Иган в кинотеатре «Центральный».

Между тем в июне 43-го после реэвакуации «Мосфильма» на киностудии начались съемки первых после 1941 года фильмов. Так, режиссер Владимир Петров взялся за ленту «Кутузов». Но Зое Федоровой в нем места не нашлось. Однако за полгода до этого – 8 февраля – в прокат вышел фильм с ее участием: комедия Михаила Шапиро «Шестьдесят дней» («Командиры запаса»), снятый на «Ленфильме» еще в 1940 году. Речь в нем шла о боевой учебе командиров запаса на учебном сборе. Как мы помним, картина была запрещена к выходу, но запрет был снят из-за острой нехватки фильмов в годы войны. У Зои Федоровой в нем была роль лаборантки Люсеньки. Заметим, что новые фильмы с участием актрисы на советских экранах не демонстрировались два года – с лета 1941 года.

И все же летом 1943 года Зоя вернулась на съемочную площадку, причем сразу в главной роли. Режиссер Исидор Анненский, который в ту пору был прикреплен к Тбилисской киностудии (до этого он работал на «Белгоскино» и Киевской киностудии), взялся экранизировать «Свадьбу» А Чехова (фильм был приурочен к сорокалетию со дня смерти классика, которое выпадало на июль 1944 года). И Зоя Федорова была приглашена на роль невесты – симпатичной, как куколка, девицы Дашеньки, но неподражаемой в своей глупости и провинциальном жеманстве. Несколько фраз, произнесенных ею с экрана, уйдут в народ: «Больше всего на свете я люблю статных мужчин, пирог с яблоками и имя Роланд!» и «Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном!»

Этот фильм станет классикой советского кинематографа и соберет под своими «знаменами» целый сон звезд в лице Алексея Грибова (отец невесты), Фаины Раневской (мать невесты), Эраста Гарина (жених – Эпаминонд Максимович Апломбов), Михаила Яншина (агент страхового общества Андрей Андреевич Нюнин), Сергея Мартинсона (телеграфист Ять), Веры Марецкой (акушерка Змеюкина), Осипа Абдулова (грек-кондитер Дымба; это из его уст вылетит крылатая фраза: «В Греции все есть!...»), Владимира Владиславского (доктор Кондрашкин), Николая Коновалова (свадебный «генерал» Ревунов-Караулов), Николая Плотникова (шафер), Льва Свердлина (шарманщик), Павла Шпрингфельда (гость), Александры Даниловой (прачка), Сергея Блинникова (матрос).

В эпизодических ролях снялись актеры, которые в скором времени тоже станут звездами: Михаил Пуговкин (гость), Ирина Мурзаева (гостья), Татьяна Пельтцер (жена доктора). Кстати, о последней. Биография Татьяны Ивановны тоже невольно наталкивает на мысль о том, что она могла иметь отношение к органам. Не верится? Тогда давайте разбираться подробно.

Начнем с того, что родилась она в 1904 году в семье обрусевшего немца и еврейки – хороший зачин для того, чтобы сделать карьеру в послереволюционной России. Отец Татьяны – Иван Пельтцер – был известным актером, первым заслуженным артистом РСФСР (1925). Поэтому уже с девяти лет (1913) Таня стала выходить на сцену. А в 1920 году ее приняли в труппу передвижного Театра Политуправления Революционного военного совета Республики. С 1925 года она уже актриса Театра МГСПС (чуть позже – Театр Моссовета) и в спектакле «Шторм» (режиссер Любимов-Ланской) сыграла сразу две роли – Парашу и беременную женщину. Но затем в ее театральной карьере случился перерыв, вызванный причинами личного характера – Пельтцер влюбилась. Причем ее возлюбленным стал ее соплеменник по отцу – немецкий коммунист и философ Ганс Тейблер, приехавший в Москву учиться в Школе Коминтерна. А эта школа была фактическим филиалом ОГПУ, его Иностранного отдела, где ковались кадры для легальной и нелегальной работы за рубежом.

В 1927 году Пельтцер и Тейблер поженились, а спустя три года молодожены переезжают жить в Германию, которая всегда была приоритетной страной в плане работы там русской, а позже и советской разведки. Ведь после революции именно в Берлине осела белая эмиграция. Там Татьяна по ходатайству мужа вступила в Коммунистическую партию Германии и устроилась машинисткой в советское торговое представительство, которое было «крышей» для легальной и нелегальной советской агентуры.

В то время в Берлине работал известнейший режиссер Эрвин Пискатор – также член КПГ. О нем тоже стоит рассказать подробно.

В 1927 году Пискатор открыл в Берлине собственный театр – Театр Пискатора, ставивший просоветские спектакли в помещении «Лессинг-театра». Однако в следующем году театр пришлось закрыть из-за финансовых трудностей и преследования властей. Но советские власти не оставили режиссера без своей поддержки – помогли ему финансово, и уже в 1929 году театр Пискатора снова был открыт, причем в том же помещении.

В течение еще двух лет Пискатор трудился в Германии, после чего ему все же пришлось эмигрировать в СССР, где он был избран председателем Международного объединения революционных театров. Кроме этого, стал снимать кино (фильм «Восстание рыбаков»). А в 1936 году режиссер покинул Советский Союз. Почему? В его биографии значится причина: «по политическим мотивам». Но это может быть и уловка. А на самом деле под

видом политэмигранта скрывался... разведчик, агент НКВД. Ведь Пискатор поначалу поселился во Франции, где выступал в поддержку республиканской Испании, а в 1939 году он эмигрировал в США, где в Нью-Йорке основал «Драматическую мастерскую», в которой преподавали Ганс Эйслер, Брукс Аткинсон, Джордж Селл, Ли Страсберг. Почему бы не предположить, что эта «мастерская» была всего лишь легальной крышей, под которой скрывалась одна из резидентур НКВД? В итоге в 1951 году Пискатор был обвинен Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в «коммунизме» и вынужден был вернуться в Европу – в ФРГ. И в течение десяти лет он работал в разных театрах Западной Германии и за ее пределами в качестве гастролирующего режиссера (очень удобная «ширма» для разведчика). Кстати, Пискатор неоднократно бывал и в ГДР, где у него остались друзья еще с двадцатых годов: Б. Брехт, Е. Вайгель, Г. Эйслер, Э. Буш и др. И куда только «Штази» смотрела?

Умер Пискатор в 1966 году, успев получить незадолго до смерти Командорский крест ордена «За заслуги перед ФРГ» (1958).

Но вернемся к Татьяне Пельтцер.

Пискатор, узнав, что фрау Тейблер (Пельтцер) в прошлом профессиональная актриса, предложил ей роль в спектакле «Инга» по пьесе советского драматурга Глебова. Однако, как мы помним, в 1931 году Пискатор вынужден был эмигрировать в СССР. И вслед за ним туда же отправилась (а вернее, вернулась) Татьяна, разведясь с Тейблером. То ли они не сошлись характерами, то ли некая агентурная необходимость заставила актрису вернуться на родину буквально накануне прихода нацистов к власти. Кстати, с бывшим супругом она поддерживала хорошие отношения. Он потом женился, у него родился ребенок, а вот Пельтцер замуж больше так и не вышла. Долгие годы ее семьей был отец Иван Романович. В 1959 году он умер. Причем последние свои годы, после того как его выгнала молодая жена, он прожил у дочери. Но это будет чуть позже, а пока вернемся в начало тридцатых.

Пельтцер снова устроилась работать в театр МГСПС. Но в 1934 году ее уволили «за профнепригодность», поскольку профессионального актерского образования у нее не было. И она вновь стала машинисткой, устроившись на машиностроительный завод АМО (позже завод имени Лихачева), где главным конструктором был ее брат Александр. Он тогда увлекался разработкой первых советских гоночных автомобилей «Звезда», сам испытывал их и даже стал трижды рекордсменом СССР. Но в 1936 году он оставил пост главного инженера АМО, как написано в архивах, «по причине выезда из Москвы». Причем так и не известно, куда именно он выехал и как в дальнейшем сложилась его судьба. Вполне вероятно, что брат Пельтцер тоже имел отношение к органам и бесследно «пропал» по их заданию (напомним, что он был немцем и хорошо владел их языком).

Во второй половине тридцатых годов, когда угроза войны с Германией уже стала реальной, все советские немцы были взяты под контроль НКВД. Кого-то из них репрессировали, но многие стали сотрудничать с нашими спецслужбами, и поэтому их судьбы складывались вполне благополучно. Взять ту же Пельтцер. В 1937 году она уехала из Москвы в Ярославль (вроде бы опала), где устроилась в драмтеатр театр имени Федора Волкова. Однако уже спустя несколько месяцев ей разрешили вернуться в Москву (и это в разгар «чисток») и взяли в труппу сначала Колхозного театра, а через год – театра МГСПС. А в 1940 году она устроилась в Театр Миниатюр. Где и пребывала на момент съемок в «Свадьбе».

Спустя три года она вольется в труппу Театра сатиры, где отработает ровно три десятка лет. Кстати, она будет первой актрисой этого театра, кого удостоит звания народной артистки СССР (1960).

Но вернемся к съемкам «Свадьбы».

Поскольку значительная часть актеров к моменту начала съемок фильма уже успела вернуться из эвакуации в Москву (а Зоя Федорова, как мы помним, вообще из нее не выезжала), то картину было решено снимать в столице: павильоны – на Центральной студии документальных фильмов, что в Лиховом переулке, рядом с садом

«Эрмитаж», а натурные эпизоды – в улочках у Самотечной площади (кстати, в кадре, где жених едет в пролетке, в одном из окон на первом этаже стекла заклеены лентой крест-накрест – свидетельство недавних авианалетов немецкой авиации на столицу). Вечерами артисты играли в театре, поэтому снимали их ночью и до самого утра. Потом развозили по пустынной Москве по домам, предъявляя патрулям специальные пропуска.

Фильм «Свадьба» можно с полным основанием назвать одним из лучших в послужном «доарестном» списке картин Зои Федоровой. Он ясно указывал на то, что она не растратила своего актерского таланта и обаяния и по праву считалась одной из ведущих актрис советского кинематографа той поры. Кстати, именно тогда Кинокомитет установил пять групп оплаты актеров и актрис по категориям. Например, в высшую категорию входили: Марина Ладынина, Любовь Орлова, Тамара Макарова Елена Кузьмина, Вера Марецкая, Николай Крючков, Борис Андреев и ряд других исполнителей, которым в месяц платили 4500 рублей. Зоя Федорова входила во вторую категорию со ставкой 3000 рублей (столько же получали режиссеры, вроде А Довженко, С. Юткевича, И. Савченко и др.).

О том, что она после трехлетнего перерыва снова была включена в съемочный процесс, Зоя рассказала своей американской подруге – Элизабет Иган. И однажды даже привезла ее на съемочную площадку, чтобы та воочию увидела, как снимается кино. Американцы тогда были нашими союзниками по антигитлеровской коалиции и снабжали нас ленд-лизом – поэтому появление американки не вызвало протеста у руководства ЦСДФ. Впрочем, его и не могло быть, поскольку это посещение Зою попросили организовать ее кураторы из НКГБ. Взамен Иган пообещала подруге устроить празднование ее дня рождения не где-нибудь, а в посольстве США. Посол Аверелл Гарриман был уже оповещен об этом и вроде бы не выказал претензий, а даже наоборот – поддержал. Это была обнадеживающая информация, поскольку в те дни чекисты были озабочены одним: им до зарезу надо было подобраться к святой святых – кабинету посла. Дело в том, что НКГБ был прекрасно осведомлен через свою агентуру (в том числе и через агента «Зефир») о том, что наиболее охраняемой зоной в американском посольстве являются верхние этажи, доступ на которые строжайше контролировался. Там размещались кабинеты политического отдела госдепа, военных разведчиков, шифровальщиков, сотрудников отдела собственной безопасности и, самое главное, рабочий кабинет Гарримана. Поэтому день рождения Федоровой мог стать прекрасным поводом к тому, чтобы попытаться попасть в кабинет посла под видом почетной гостьи. Во время этого визита агент «Зефир» могла бы запомнить обстановку и выяснить, в каком месте (или предмете) можно было бы спрятать подслушивающее устройство. Это задание Берии дал лично Сталин, который знал, что наиболее важные разговоры в посольстве США ведутся именно в кабинете посла.

17 декабря 1943 года Берия доложил Сталину, что микрофон уникальной конструкции создан и успешно прошел испытания. Дело было за малым – установить его в кабинете Гарримана. На это и была ориентирована Федорова, день рождения которой был отпразднован во вторник, 21 декабря, в американском посольстве. Он прошел на высоком уровне. Гостей пришло более полусотни, причем сама именинница была в ударе – выскочив на сцену в американском военном кителе (!), она лихо спела песенку Марион Диксон из фильма «Цирк» (в самой картине это проделывала, как мы помним, Любовь Орлова). Помните: «Мэри едет в небеса! Мэри верит в чудеса!».

В разгар вечеринки сам Гарриман пригласил именинницу на тур вальса. Это был намек на большое будущее – что посол согласится показать виновнице торжества и свой кабинет. Увы, но тогда этого так и не случилось – посол в тот вечер почти не пил, поэтому сохранял трезвость ума. Но шанс на то, что когда-нибудь (может, даже в ближайшее время) такая экскурсия состоится, у Федоровой (и ее кураторов) оставался.

Как покажет будущее, этот шанс так и не состоится. Однако «подслушка» в кабинете посла все равно будет установлена. Это случится в феврале 1945 года во время Ялтинской конференции. На ней будет присутствовать и Гарриман, которого специально привезут в «Артек» к пионерам. И те подарят ему огромный и роскошный деревянный герб США, который так поразит посла, что он привезет его в Москву и повесит в своем кабинете. И он провисит там целых восемь лет, позволяя чекистам записывать все разговоры, которые велись в кабинете

Гарримана. Ведь именно в гербе и будет спрятано уникальное подслушивающее устройство, которое создадут академики Аксель Берг и Абрам Иоффе. Но это будет чуть позже, а мы пока вернемся на некоторое время назад.

Спустя почти два месяца после дня рождения Зои Федоровой – 14 февраля 1944 года – состоялась премьера фильма «Свадьба». А в широкий прокат картина вышла в юбилейные дни – 14 июля. На тот момент Зоя Федорова была занята на съемках очередного фильма. Он назывался «Иван Никулин – русский матрос», а снимал его на «Мосфильме» тот самый Игорь Савченко, которого Зоя знала по фильму «Гармонь» (1934). Только если тот фильм был музыкальной комедией, то «Иван Никулин...» – военной драмой. В его основе лежал реальный факт из публикации газеты «Красный флот» (автор – Леонид Соловьев). Дело было летом 1942 года. Моряки черноморского флота Иван Никулин и Василий Клевцов возвращались в свои экипажи, когда в поезде к ним присоединились другие матросы. Неожиданно путь эшелону преградил фашистский десант. Краснофлотцы дают решительный отпор, но, вынужденные далее следовать своим ходом, организуют партизанский отряд во главе с Иваном Никулиным – и продолжают героический путь к Черному морю.

У Зои в этом фильме была роль Маруси Крюковой, которая сражается в партизанском отряде Ивана Никулина. В этом мужском фильме это была единственная женская роль. И пригласили на нее именно Зою Федорову, которая и в послевоенном кинематографе не собиралась уступать лавры популярной актрисы кому-то другому. Правда, фильм не снискал особенных лавров, поразив воображение зрителей разве что своим трехпленочным цветным изображением. В ту пору это было ново, а вот сам сюжет зрителей, что называется, не пронял. Впрочем, в ту пору многие деятели кино сетовали на то, что советское кино несколько потеряло в своем качестве и пребывает в кризисе. Например, редактор Госкиноиздата Николай Гарвей обратился к Сталину с письмом, в котором предложил назначить себя руководителем советской кинематографии, для того чтобы навести в ней порядок. В письме излагалась программа действий Гарвея: «а) каждому мастеру давать ставить лишь то, что ему по силам и по душе; б) привлечь новые кадры режиссеров; в) актеру отвести ведущую роль и для них писать сценарии; г) разогнать бездарную компанию в так называемой сценарной студии; д) расчистить авгиевы конюшни киностудий и навести в них большевистский порядок (это самое безобразное хозяйство в нашей стране); е) освободить советского кинозрителя от режиссерских супругов; ж) разрешить прессе (критике) называть вещи своими именами».

На что надеялся Гарвей, непонятно, поскольку киношная «мафия» имела прямой выход на Сталина, а ему было несподручно с ней воевать – все-таки других режиссеров у него не было. Поэтому вождь и разрешал им снимать собственных жен практически в каждом их фильме. Впрочем, жен было не так уж и много: Любовь Орлова (у Г. Александрова), Марина Ладынина (у И. Пырьева), Тамара Макарова (у С. Герасимова), Елена Кузьмина (у М. Ромма).

Однако Сталина тоже заботило падение качества советского кино, которое не собирало того количества зрителей, как до войны. Поэтому он и пошел на ограничение выпуска советских фильмов («малюкартинье»), направив эти деньги на послевоенное восстановление страны, а также на «атомный проект». И место советских фильмов заняли «трофейные», на которые зритель шел куда более охотно, принося бюджету колоссальные деньги.

Таким образом, в течение одного года (с лета 1943-го по лето 1944-го) Зоя Федорова снялась в двух фильмах, причем в обоих в главных ролях. По меркам того времени это был весьма неплохой показатель. Чтобы читателю было понятно, о чем идет речь, приведу в качестве примера такие же показатели других советских актрис за тот же период.

По три фильма за своими плечами имели: Янина Жеймо («Мы с Урала» (главная роль), «Два бойца» и «Март-апрель»), Фаина Раневская («Родные берега» – главная роль, «Свадьба» – главная роль, «Новые похождения Швейка»), Лидия Смирнова («Она защищает Родину», «Морской батальон», «Родные берега»).

По два фильма имели: Вера Марецкая («Она защищает Родину» – главная роль, «Свадьба»), Людмила Целиковская («Воздушный извозчик» – главная роль, «Иван Грозный»), Нина Алисова («Радуга» – главная роль, «Поединок»), Вера Алтайская («Большая земля», «Жила-была девочка»), Елена Тяпкина («Радуга», «Жди меня»), Анна Лисянская («Радуга», «Человек № 217»);

Наконец, по одному фильму имели: Любовь Орлова («Одна семья» – главная роль, фильм был снят с проката), Марина Ладынина («В шесть часов вечера после войны» – главная роль), Тамара Макарова («Большая земля» – главная роль), Елена Кузьмина («Человек № 217» – главная роль), Ада Войчик («Жила-была девочка»), Валентина Серова («Жди меня» – главная роль), Наталья Ужвий («Радуга» – главная роль), Вера Шершнева («Два бойца» – главная роль), Анастасия Зуева («Юбилей» – главная роль), Ольга Жизнева («Нашествие» – главная роль), Лидия Сухаревская («Человек № 217»).

Между тем «Иван Никулин...» вышел на экраны страны за месяц до Победы – 1 апреля 1945 года. В тот самый период, когда у Зои в самом разгаре был очередной любовный роман, причем опять с иностранцем. Роман, который перевернет ее жизнь на 180 градусов, разделив жизнь на «до него» и «после».

Любовь под колпаком, или «Ласточки» прилетели

Агент «Зефир» работает в посольствах. – Агент Войтинская – Кто вы, Вера Инбер? – Где готовили «ласточек», или Техника сексуального обольщения. – Встреча с Джексоном Тейтом: случайность или задание? – Артист оперетты обольщает американку. – Зоя и Тейт: любовь под колпаком. – Американские шпионы. – УСС ищет подходы к Зое Федоровой. – Тейт покидает Москву, а Зоя ждет ребенка. – Дочь Виктория. За что арестовали агента «Зефир»?

Итак, к концу войны Зоя Федорова была хорошо известна в посольствах США и Великобритании в Москве, поскольку была вхожа туда почти два с половиной года (с осени 1942 года). Она знала не один десяток сотрудников этих дипмиссий, начиная от послов и заканчивая обслуживающим персоналом. Особенно это касалось американского посольства, где в декабре 1943 года даже был устроен банкет в честь очередного дня рождения Зои. Собственно, в этом торжестве не было ничего криминального, учитывая, что именно в тот год советско-американские союзнические отношения достигли своего пика. Даже спецслужбы двух государств сделали попытку более тесного сотрудничества друг с другом. Для этого в декабре 1943 года в Москву прилетел шеф УСС Донован, который заключил соглашение с НКГБ об обмене разведывательной информацией при посредстве американской миссии в Москве. В результате УСС и НКГБ поделились сведениями о том, какие технические средства используют их агенты в оккупированной Европе. В обмен на разведанные о стратегических целях для бомбардировочной авиации и о положении в оккупированных странах УСС передало НКГБ миниатюрные фотоаппараты и шифровальное оборудование. Донован даже пытался организовать поездку сотрудников НКГБ в Вашингтон, но она не состоялась, несмотря на поддержку начальника штаба сухопутных войск Джорджа Маршалла и посла США в Москве Аверелла Гарримана. Это произошло из-за сопротивления шефа ФБР Эдгара Гувера, который смотрел на войну как на неприятный, но временный перерыв в его бесконечной охоте за коммунистами.

В итоге «медовый месяц» советско-американских отношений продлится недолго. Впрочем, иного и быть не могло, учитывая кардинальные различия двух этих политических систем и тех целей, которые перед ними стояли. Как пишет историк Ф. Найтли:

«...НКГБ знал, что противник (немцы. – Ф. Р.) заигрывает с союзниками с 1943 года. Отказ союзников допустить советских представителей к переговорам с Вольфом о капитуляции, казалось, подтверждал самые жуткие кошмары Сталина. Советский Союз открыто обвинил США в двойной игре. Сталин и Рузвельт обменялись едкими

телеграммами. Союз военного времени рушился. Атмосфера менялась. УСС, не теряя времени, принялось эксплуатировать новую ситуацию.

Оно поступило так прежде всего потому, что некоторые немецкие предложения содержали в себе очень соблазнительную приманку. Например, гестапо предлагало передать весьма ценные досье разведанных по Японии. В обмен требовалось согласие союзников прекратить огонь на Западном фронте и дать возможность Германии сдержать натиск русских. Этому предложению все же можно было противостоять. Но когда генерал Рейнхард Гелен, начальник восточной группы оперативного отдела немецкого Генштаба, перешел со своими людьми и всеми досье к американцам, он сделал предложение, устоять против которого не было никакой возможности. Генерал заявил, что располагает шпионской сетью на советской территории и что его агенты там готовы немедленно начать работать на УСС. После одобрения со стороны Вашингтона организация Гелена получила во Франкфурте помещение, и, хотя Советский Союз считался союзником США, люди Гелена осуществляли свои операции против коммунистов точно так же, как и при Гитлере; только теперь у них был другой хозяин – УСС.

Однако УСС так легко стало на путь антикоммунизма, потому что это полностью отвечало его интересам. Донован всегда в глубине души надеялся, что УСС перерастет в разведывательное ведомство мирного времени. Еще в 1943 году он обсуждал с рядом генералов необходимость долгосрочной программы создания „независимой секретной службы Америки, действующей как во время мира, так и во время войны“. К 1944 году он далеко продвинулся в своих размышлениях. Теперь он задумывался о возможности создания „центральной разведывательной службы“, которая сконцентрировала бы свое внимание на сборе долгосрочной информации стратегического характера и координации деятельности всех государственных разведывательных служб...»

Между тем в официальной биографии Зои Федоровой говорится, что ее взаимоотношения с иностранцами (в первую очередь с американцами и англичанами) были продиктованы сугубо прозаическими, бытовыми причинами. И никакой разведдеятельностью там и близко не пахло. Чуть позже в материалах следственного дела Зоя опишет эти отношения следующим образом:

«Преступлений против советской власти я не совершала. Единственно, в чем я считаю себя виновной, это в связях с иностранцами, особенно с англичанами и американцами. Но это не были связи преступного характера. Я принимала их у себя на квартире, бывала в посольствах, посещала с ними театры, выезжала за город.

Осенью 1942-го, посетив выставку американского кино, я познакомилась с корреспондентом американской газеты „Юнайтед пресс“ Генри Шапиро и до его отъезда в США в конце 1945-го поддерживала с ним личные отношения. Бывая на квартире Шапиро, я познакомилась с его приятелями: помощником военно-морского атташе США майором Эдвардом Йорком, сотрудником военной миссии майором Паулем Холлом, а также с лейтенантом Чейсом.

Особенно близкие отношения у меня сложились с Эдвардом Йорком, а через него я познакомилась с контр-адмиралом Олсеном, английским журналистом Вертом, его женой Шоу, а также с редактором издающегося в СССР журнала „Америка“ Элизабет Иган. Но я не знала, что она – установленная разведчица. Мы с ней очень дружили. Она называла меня своей подругой и запросто бывала в доме. Она знакомила меня со своими друзьями. Через нее я познакомилась с руководителем редакции полковником Филипсом, его женой Тейси, а также с некоторыми другими сотрудниками. Я даже стала вхожа в посольство и военную миссию США. Американцы, в свою очередь, бывали у меня. Общалась я и с сотрудниками английской военной миссии майором Тикстоном и майором Нерсом.

Я тоже знакомила иностранцев с людьми из своего окружения. Среди последних мои сестры Мария и Александра. Также – муж Марии артист Большого театра Синицын, художница „Союздетфильма“ Фатеева, сотрудница „Огонька“ Пятакова, моя школьная подруга Алексеева...

Говоря откровенно, сборища в моей квартире нередко носили откровенно антисоветский характер. Собираясь вместе, мы в антисоветском духе обсуждали внутреннюю политику, клеветали на материальное благосостояние трудящихся, допускали злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Мы дошли до того, что в разговорах между собой обсуждали мысль о свержении советского правительства. Например, артист Кмит (исполнитель роли Петьки в фильме „Чапаев“. – Ф. Р.) в ноябре 1946 года заявил, что его враждебные настроения дошли до предела, в связи с чем он имеет намерение выпускать антисоветские листовки. Я и моя сестра Мария тут же выразили готовность распространять их по городу...»

Теперь попробуем проанализировать эти показания. И сразу же обратим внимание на противоречия в словах актрисы. В начале своих признаний она упирает на том, что «никаких преступлений против советской власти не совершала», а в конце заявляет «обсуждали мысль о свержении советского правительства». И в каком из этих заявлений Зоя говорит правду, непонятно. Как и то, каким наивным и неосмотрительным человеком надо быть, чтобы приглашать к себе домой иностранцев и в их присутствии вести разговоры антисоветского характера. Неужели Зоя и ее коллеги не допускали того, что среди них может быть агент (или агенты) МГБ, которые тут же донесут об этих разговорах на Лубянку? А тут еще этот пассаж про листовки – верх детской наивности (если это, конечно, правда).

Удивляет во всей этой истории и позиция ГУГБ. С осени 1942 года Зоя Федорова водит дружбу с иностранцами из нескольких посольств, а чекисты лишь наблюдают за этим и не предпринимают никаких действий. Например, что им мешало встретиться с актрисой и поставить вопрос ребром: либо вы работаете на нас против иностранцев, либо ваши встречи с ними разом прекращаются. Ведь трудно себе представить, чтобы чекисты упустили такой шанс – использовать возникшие симпатии иностранцев по отношению к актрисе (вспомним, что однажды ее день рождения был с большой помпой отмечен в посольстве США). Например, чекистам было хорошо известно о том, каким родом деятельности занимается Элизабет Иган в СССР на посту начальника Бюро информации посольства США. И вот, зная о том, что Зоя Федорова является ее близкой подругой, неужели у чекистов не возникло соблазна использовать актрису на поприще получения информации об Иган? Или у чекистов этого добра (заагентурных актрис) было пруд пруди, что они посчитали лишним привлекать к этой деятельности еще и Зою Федорову? Но откуда такая расточительность? Разве лишний источник информации мог кому-то на Лубянке помешать?

Обратим внимание на следующий факт. Активно встречаться с американцами и англичанами Зоя Федорова начала с осени 1942 года, когда те были нашими союзниками по антигитлеровской коалиции. Однако с апреля 1945 года, когда из жизни ушел президент США Ф. Рузвельт и к власти в Белом доме пришел Гарри Трумэн, отношения с теми же американцами у нас резко испортились. После этого война спецслужб еще сильнее обострилась, и посольство США в Москве стало главным объектом для оперативных разработок со стороны ГУГБ. А из этого вытекает то, что вхожесть Зои Федоровой в это посольство не могла остаться без внимания ГУГБ. Однако, согласно официальной версии (и показаниям самой актрисы), чекисты почему-то не стали использовать прекрасные возможности Зои на ниве агентурной деятельности. То есть осенью 1941 года предполагалось задействовать актрису на этой ниве против немецких оккупантов, а против американцев почему-то этого делать не захотели. Весьма странная позиция. Странная до тех пор, пока мы мыслим именно в этом направлении. А если направление нашей мысли изменить, то в голову приходят уже иные выводы. Какие? Например, о том, что чекисты вовсе не были столь расточительными и беспечными в отношении Зои Федоровой. Целых четыре (!) года они наблюдали за ее встречами с иностранцами не просто так, а с умыслом. Эти встречи только внешне выглядели как обычные, а на самом деле являлись оперативной игрой, где актриса только исполняла роль невинной простушки, а на самом деле агентурила на чекистов. И в свете этого уже не кажутся наивными поступки Зои, вроде ее антисоветских разговоров в кругу своих гостей. Эти беседы, судя по всему, заводились специально, чтобы вызвать симпатию у иностранцев – у той же Элизабет Иган, например. С помощью таких разговоров можно было легко втереться в доверие к американцам и прослыть среди них диссидентом. Точно так же Зоя вела себя перед войной и с сотрудниками немецкого посольства. Так что можно смело предположить, что вовсе не

простушкой и болтушкой была Зоя Федорова, а опытной разведчицей, которая весьма эффективно работала в среде иностранцев из числа врагов советского строя.

Вот и любовь с теми же иностранцами агент «Зефир», судя по всему, тоже «крутила» по заданию ГБ. С тем же Эдвардом Йорком, например, или чуть позже с Джексоном Тейтом. Вообще эта тема – интимные отношения агентов с объектами агентурных разработок – тема для специального разговора.

Как известно из истории, такого рода деятельностью занимались многие разведчицы-шпионки. Взять ту же голландскую танцовщицу Мату Хари, которая в годы Первой мировой войны агентурила на немецкую разведку. В Советском Союзе тоже были свои «маты хари» – например, киноактриса Лариса Кронберг-Соболевская, которая будет задействована в операции по вербовке посла Франции в СССР Мориса Дежана (рассказ об этом нас еще ждет впереди). Но эта история из конца пятидесятих. А ведь чекисты начали использовать своих агентесс на «соблазнительной» ниве гораздо раньше – еще в двадцатые годы. Например, за подобного рода операции в среде творческой интеллигенции отвечал уже известный нам Яков Агранов, который использовал в этом деле балерин Большого театра, а также киношных и театральных актрис. Не оставались в стороне и работницы литературного фронта. Однако на этом поприще иногда случались непредвиденные отказы, как это произошло с писательницей Ольгой Войтинской (1905).

Она родилась в Москве и рано занялась политикой – в шестнадцать лет возглавила культпросвет в Евпаторийском окружке комсомола. В 1928 году она закончила МГУ и спустя три года возглавила кафедру в Институте красной профессуры. В те же годы она попала в обойму литературных комиссаров, которым предстояло ликвидировать РАПП и провести реорганизацию литературной печати. На этой ниве она заимела себе влиятельных врагов – например, Александра Фадеева. Но Войтинская была железной женщиной, поэтому мало кого боялась, поскольку была еще и идейным человеком. Именно на этой почве в 1938 году она и согласилась стать агентом НКВД. Тогда же она возглавила весьма влиятельное издание – «Литературную газету».

Однако в своей агентурной деятельности Войтинская столкнулась с неприемлемым приказом со стороны чекистов – ей предложили стать любовницей писателя Федора Панферова – бывшего рапповца, главного редактора журнала «Октябрь» (с 1931-го) и автора знаменитого четырехтомного романа «Бруски» (1928–1937). На тот период Панферов еще не был женат на писательнице А Коптяевой, поэтому чекисты предложили Войтинской «разделить с ним ложе», чтобы иметь непосредственную информацию о нем непосредственно из его дома. Но Войтинская наотрез отказалась от этого предложения и даже пожаловалась... самому Сталину. Это письмо она написала 30 января 1939 года, приведем его полностью:

«Товарищ Сталин!

Тов. Фадеев на широком заседании информировал о решении ЦК по ряду вопросов, в частности, по вопросу о „Литературной газете“. Опираясь на беседу с Вами, тов. Ждановым и тов. Молотовым, он говорил обо мне как человеке беспринципном, не оправдавшем доверия партии. Он даже сказал, что, мол, в Литгазете в качестве редакторов всегда сидели враги народа, противопоставлявшие себя союзу писателей. И выходило, что я проводила в газете вражескую работу, делала антипартийное дело.

Я не считала возможным давать справки на этом заседании. Прием представителей Союза писателей, такое огромное радостное событие для литературы, что стыдно было говорить о своих делах. Да и судьба моя не имеет значения в таком большом политическом деле. Но меня убивает мысль, что Вам – нашему вождю и учителю – меня представили как антипартийного человека, преследующего какие-то личные цели. Речь идет о моей чести как коммуниста, о том, как я оправдываю высокое звание члена партии.

В ноябре месяце я была назначена заместителем главного редактора „Литературной газеты“, редактора назначено не было, и я все это время и. о. редактора.

Мне было трудно потому, что одновременно я вела разведывательную работу по заданию органов НКВД. Поэтому бывало, что в газете я не имела права выступать против людей, о которых я знала, что они враги.

Как редактор я обязана была выступать против Кольцова. Год тому назад я сообщила в Отдел печати, что, по моим предположениям, по заданиям Мроцкого ведется вредительская работа по отношению к иностранным писателям. Я предполагала, что Кольцов, Динамов осуществляют план, связанный с убийством Горького.

Мне были известны некоторые политические настроения Кольцова, его морально-бытовое разложение.

Но как работник НКВД я обязана была установить связь с Кольцовым и не могла открыто выступать против него.

Поэтому я сигнализировала Никитину о неблагополучии в Жургазе, но продолжала печатать Кольцова.

Как редактор я обязана была открыто бороться против Никитина, которому с некоторых пор я перестала политически доверять.

Еще в октябре месяце я заявила в НКВД о ряде фактов, характеризующих политическую линию Никитина... Никитин покровительствовал редакторам, идущим на поводу у врагов народа и травил людей, выступавших против врагов.

В ноябре я передала письменное заявление в НКВД, и мне было предложено вести разведывательную работу. Следовательно, я уже открыто не могла бороться против Никитина и его группы.

Как редактор газеты я обязана была выступать против Инбер, организовавшей антисоветский литературный салон. Однако и это я по приказанию из НКВД делать не могла.

Ведя разведывательную работу, я знала об антисоветских настроениях Федина, об его политически вредной роли в литературе. Однако интересы разведки требовали, чтобы я была в хороших отношениях с Фединым, следовательно, я не могла выступать против него в газете.

Особенно тяжела была история с Панферовым. Я очень хорошо к нему относилась, и день, когда я перестала ему верить, был самым тяжелым в моей жизни. Я говорила Журбенко (начальник 4-го отдела 1-го управления ГУГБ НКВД А. С. Журбенко. – Ф. Р.), что за Панферовым стоит или Попов, или Варейкис, или Постышев, и кто-то из них враг. Это было до разоблачения Варейкиса и Постышева. Затем Панферов рассказал мне о дневнике Постышева, направленном против ЦК, затем стала ясной роль Варейкиса.

Как редактор, я, зная это, обязана была выступить против Панферова. Мне было это легче, чем притворяться по отношению к человеку, когда-то мне очень дорогому. Но НКВД требовало разведывательной работы, больше того, одно время требовали, чтобы я стала его любовницей, меня упрекали, что я плохая коммунистка, что для меня личное важнее партийного. Я знала, что моя жизнь принадлежит партии, но стать любовницей врага я не могла. Во всяком случае, я не могла выступить против него в печати.

Все это можно проверить в НКВД. Только примеры такого рода могут предъявить мне, обвиняя в нерешительности и непоследовательности, в отсутствии принципиальной линии.

Эти годы были для меня суровой школой. По своей работе я непосредственно сталкивалась с врагами, я слышала террористические разговоры, я ощущала их ненависть к нам, ко всему народу, я никогда не забуду разговор с Франкфуртом (Сергей Франкфурт – в 1934–1936 годах уполномоченный Наркомата тяжелой промышленности по Орско-Халиловскому промышленному району Оренбургской области. – Ф. Р), когда я с ним виделась по заданию НКВД. Он говорил о народе как о стаде баранов, он с ненавистью говорил о ЦК. А я боялась одного, что мой голос, выражение лица выдаст мою ненависть, что я провалю задание...

В партийной организации, бывало, возникали дела, меня обвиняли в тех или иных связях. Я знала, что НКВД может помочь мне только в самом крайнем случае и что партия знает об этом. Мне бывало трудно, но я гордилась тем, что как бы участвую в войне с врагами и что партия знает об этом.

И вот Фадеев, Павленко – вам, руководителям партии, говорят о том, что я плохая коммунистка.

Очень тяжелая атмосфера в литературной среде, трудно даже поверить в возможность существования таких нравов. Сейчас, говоря от Вашего имени, Фадеев пытается расправиться со мной, это не к его чести, так как он знает, что я честная коммунистка.

Товарищ Сталин! Если я виновата – я сумею по-партийному встретить любое взыскание. Но я не могу понять, в чем я виновата, и, самое главное, я не могу выдержать мысли, что вы думаете обо мне дурно.

Простите, что пишу бессвязно. Мне очень тяжело.

О. Войтинская.

Г-1-79-71, Большая Дорогомиловская, 10, кв. 52».

Обратим внимание на следующие строки этого письма: «В партийной организации, бывало, возникали дела, меня обвиняли в тех или иных связях. Я знала, что НКВД может помочь мне только в самом крайнем случае и что партия знает об этом. Мне бывало трудно, но я гордилась тем, что как бы участвую в войне с врагами и что партия знает об этом...» Вполне вероятно, что и агент «Зефир» тоже не раз испытывал подобные же чувства, когда вынужден был вступать в тесный контакт с теми же иностранцами, которые большинством советских людей воспринимались как враги советского строя. И НКВД не всегда мог прийти на помощь своему агенту, поскольку в таком случае могла последовать его расконспирация. Поэтому, когда те же киношные власти ставили палки в колеса Зои Федоровой и «прокатывали» ее с некоторыми ролями, НКВД не мог вмешаться в эту ситуацию по упомянутой причине.

Кто такая Вера Инбер, открывшая в Москве «антисоветский салон»? Это одесская еврейка, начавшая свой литературный путь на ниве поэзии еще до революции, во время пребывания в Париже и Цюрихе (в 1910–1914 годах). Кстати, после победы большевиков Инбер, переехав в Москву, стала журналистом и продолжала часто ездить за границу: только в 1924-1926 годах она посетила Париж, Брюссель, Берлин – города, где сосредоточилась белая эмиграция. Что наводит на мысль о том, что Инбер вполне могла выполнять конфиденциальные поручения ОГПУ. Вот и возможность иметь на своей московской квартире в Камергерском переулке, дом 2, светский салон (именно о нем и пишет в своем письме О. Войтинская) тоже из этого же ряда предположений – такие салоны в СССР существовали под «колпаком» чекистов. Но Войтинская об этом могла не знать, отсюда и ее негодование по поводу анти-советскости этого салона. Такого рода заведения были своего рода мини-«трестами» (по аналогии с «Операцией „Трест“»), служившими приманками для интеллигенции, с помощью которых чекисты следили за настроениями в этой среде и выявляли неблагонадежных лиц. Подобный же салон существовал и в квартире Зои Федоровой по адресу: улица Горького, дом 17, квартира 59.

В таких салонах его участники не только общались, ведя разговоры на разные темы, но и заводили друг с другом интимные связи, поскольку лучшего места для таких отношений трудно было себе найти. Под патефонную музыку, в полумраке, да еще опрокинув в себя несколько бокалов шампанского, такого рода сближение происходило естественным образом. Кому-кому, а чекистам об этом было хорошо известно, поскольку еще в 1931 году в Подмосковье была открыта Специальная Ленинская техническая школа ГПУ. В нем было два подразделения: мужское и женское. Чуть позже на сленге тамошних курсантов их назовут «Воронья Слободка» (мужчины – «Вороны») и «Ласточкино Гнездо» (женщины – «Ласточки»). В этом заведении будущих агентов специально обучали технике применения сексуальных ловушек, причем именно этот курс составлял

важнейшую часть их подготовки. Курсанты получали обширную информацию о сексуальных нравах в странах, где им предстояло действовать. Для того чтобы освоить специфику сексуального поведения, они просматривали множество литературы, начиная от индийской «Камасутры» и заканчивая порнокартинками (чуть позже в этот курс войдет и просмотр порнофильмов из разных стран).

Помимо этого, курсантов обучали технике владения своим телом и чувствами в сексуальной обстановке. Их учили самым различным техникам обольщения. Как гласит легенда, в этой школе обучались будущие суперагенты НКВД Рихард Зорге и Николай Кузнецов. К сожалению, фамилии курсанток с факультета «Ласточкино гнездо» до сих пор хранятся в тайне. Впрочем, про одну «ласточку» информация просочилась – про Лидию К., которая, будучи полковником КГБ, возглавляла подобную школу в заброшенном местечке Верхоной близ Казани. Еще в самом начале пятидесятых Лидия агентурила в ФРГ, во Франкфурте-на-Майне, где открыла роскошный салон красоты и массажа в центральной части города. Лидия завербовала наиболее красивых местных девушек и хорошо платила им, чтобы использовать в качестве высококлассных проституток, которые работали с богатыми клиентами: дипломатами, политиками, бизнесменами, журналистами. Все их действия и разговоры в постели записывались на видео и аудиопленки, которые затем переправлялись контрабандой в ГДР для обработки. После чего они использовались либо немедленно для шантажа жертв с целью получения от них секретных сведений, либо хранились на будущее, до нужного момента.

В ФРГ Лидия работала до середины 1965 года, сумев за полтора десятка лет принести массу пользы КГБ, завербовав на компромете десятки ценных агентов. Ее последней вербовкой был американец Глен Рорер, сотрудник учебно-оперативного центра ЦРУ в Оберурцеле (в десяти милях от города Аутвардли). Став завсегдаем «салона Лидии», он стал работать на КГБ, выдав внушительную агентурную сеть со многими именами и адресами. Но в августе 1965 года ЦРУ заподозрило его в измене, после чего в Москве было принято решение отозвать из ФРГ как Лидию, так и Глена.

После возвращения на родину Лидии присвоили звание полковника и назначили директором школы в Верхоное. Юноши и девушки в это заведение отбирались со всего Советского Союза. Причем в первую очередь тщательно изучалось их прошлое и проверялась политическая благонадежность. Красота являлась главным квалификационным качеством, но не меньшее внимание обращалось на интеллект и актерские способности. А если будущий курсант еще владел и каким-нибудь из европейских языков, то это увеличивало его шансы быть зачисленным в верхонойскую школу. Учеба там считалась престижной, поскольку позволяла выпускникам встречаться с иностранцами и выезжать за границу. Одним из самых важных предметов в школе был курс сексуального обольщения. Читаем в одном из материалов о школе подобного типа:

«...Перебежчик Александр Демидов передал офицерам разведки во всех деталях картину жизни в Ленинской технической школе. Сын чешского армейского офицера Демидов был отобран потому, что бегло говорил по-русски, а его мать родилась в Москве. Он был послан в шпионскую школу в 1966 году и вспоминал, что форма состояла из широких брюк, свитера и кефов. „Никто не носил знаков различия, но мы подчинялись строжайшей дисциплине. Занятия обычно проходили с классом численностью около тридцати человек, но были и более мелкие группы для специальных курсов. Время от времени инструктор присылался из Москвы для специальных и совершенно секретных тренировок. Основной курс включал политику, экономику, криминологию, шифровальное дело, фотографию и методы установления и поддержания контакта с резидентом”

Студентам постоянно подчеркивался зловещий характер их будущей профессии. „Лекции делились на две категории: «чистая» и «грязная» работа, – вспоминал Демидов. – Чистая работа включала методы вербовки применительно к людям, желающим работать на Советский Союз из идеологических соображений. Грязная работа включала методы взяточничества, вымогательства и шантажа. Нам показывали, как устраивать секс-ловушки и получать компрометирующий материал“.

После лекций по грязной работе студенты применяли теорию на практике. Хотя они должны были главным образом использовать профессиональных „ласточек“ и „воронов“ для организации ловушек, молодые мужчины и женщины при необходимости обязаны были использовать и свои собственные тела. „Прежде всего, мужчинам было приказано спать со своими подругами в общих спальнях, чтобы они могли освободиться от сексуальных запретов. Затем им приказано было заняться гомосексуальными действиями друг с другом. В этом не было намерения сделать их гомосексуалами, что было бы психологически невозможно, но нужно было расширить их сексуальные горизонты, если можно так выразиться. Если бы при своей жизни на Западе они оказались участниками какой-либо оргии, то они обязаны были бы заниматься с людьми обоего пола. Если, по их мнению, западного мужчину можно было бы шантажировать после того, как он будет иметь половую связь с агентом, то они обязаны были бы преодолеть возможное отвращение и спать с ним. На всех стадиях обучения подчеркивалось, что любое дело, которое пошло бы на пользу Советского Союза, должно быть сделано“.

Демидов вспоминал, что „часто во время учебы студенты чувствовали недовольство, но в конечном счете они преодолевали свою слабость“...».

Но вернемся к Зое Федоровой и событиям середины сороковых.

После того, как в 1943 году иностранные дипмиссии вернулись из Куйбышева в Москву, в них снова стала устраиваться всевозможные рауты, на которых постоянно бывали представители советской элиты – в том числе и творческая интеллигенция. Известные актрисы играли среди них не последнюю роль. Однако большая их часть бывала в посольствах лишь иногда, по случаю, но были такие, кто, что называется, «дневал и ночевал» там. То есть был завсегдатаем в иностранных дипмиссиях. Такой актрисой была Зоя Федорова, которая в основном посещала американское и английское посольства, а вот, например, ее коллега Татьяна Окуневская чаще всего бывала в посольствах соцстран – югославском (там у нее был любовник – посол Владо Попович), венгерском, болгарском. Завсегдатаями американского и английского посольства в середине сороковых были еще несколько женщин: актриса Марина Фигнер (та самая, что была замужем за летчиком Рафаилом Капрэляном, но в конце войны они развелись), певица Юлия Запольская (она закончила Гнесинку и одно время пела в оркестрах Л. Утесова и К. Смирнова-Сокольского, затем выступала в московском кинотеатре «Повторного фильма») и др.

Кстати, именно из этих женщин несколько американцев выберут себе жен. Речь идет о журналисте Генри Шапиро (женится на дочке профессора МГУ), экономическом советнике посла США Томе Уитни (с 1944 года он станет журналистом «Ассошиэйтед пресс» и влюбится в Юлию Запольскую), журналисты Гилмор и Стайгер. Наконец, помощник военно-морского атташе Джексон Тейт восплачет страстью к героине нашего рассказа – к Зое Федоровой.

Тейт родился 15 октября 1898 года и начал свою морскую карьеру в качестве рядового бойца – в годы Первой мировой войны его зачислили во флот, где он стал одним из первых военно-морских авиаторов. А в 1919 году он впервые попал в Россию – отправился к адмиралу Колчаку, с которым познакомился еще в Америке, на лекции, читанной адмиралом для молодых военных. Цель у Тейта была прагматичная: он хотел помочь бывшему полярному исследователю, ставшему верховным правителем, скорректировать его линию в пользу уравновешенной западной демократии. Однако до адмирала Тейт не добрался – того уже расстреляли большевики. В этой истории интересно одно – по чьему заданию 21-летний Тейт отправился к Колчаку с разведывательной миссией?

В 1923 году в качестве лейтенанта Тейт стал летчиком эскадрильи и на военно-морской и воздушной базе в Панаме командовал третьей эскадрильей торпедоносцев. Оттуда перешел в первую эскадрилью истребительной авиации, базировавшуюся на борту «Саратоги», а затем был переведен в Пенсаколу командиром учебной эскадрильи.

За годы службы он обзавелся женой – Хильдой Эвери, которая родила ему дочь Жаклин.

В начале тридцатых Тейт принял участие в съемках фильма «Адские водители», продемонстрировав серию фигур высшего пилотажа на самолете. На съемочной площадке он познакомился со звездами Голливуда: Кларком Гейблом и его женой Кэрол Ломбард, а также с Люсиль Болл, Дэзи Арнацем и др.

К тому времени Тейт уже успел развестись с первой женой и обзавелся новой – Хелен Харрис. Это была вдова с четырьмя детьми на руках. В те годы Тейт служил командиром авиагруппы, базировавшейся на борту «Йорктауна», затем был направлен на Аляску с заданием переоборудовать военно-морскую базу в порту Ситка. А когда началась Вторая мировая война, ему было поручено перегнать авианосец «Альтамаха» («дырявое каное» на языке индейцев племени крик), в южный район Тихого океана. Спустя год капитан Тейт возвратился на родину, но вскоре отплыл из Сан-Диего в Карачи (Индия) с самолетами «Р-51» на борту. К этому времени он уже был в чине капитана.

Он принимал участие в боевых операциях у островов Гвадалканал и Тарава. Тогда же распался его брак с Хелен.

В 1944 году Тейта вернули в Штаты, где он занял пост заместителя начальника учебной базы в порту Корпус-Кристи, штат Техас. Однако отсиживаться в тылу ему не хотелось, и он стал искать возможности снова вернуться на передовую. Для этого ему пришлось использовать свои связи в военно-морской разведке. Тейт вылетел в Вашингтон, где встретился со своим приятелем – бывшим летчиком Полом Фостером, который был близким сподвижником тогдашнего президента США Ф. Рузвельта. В результате этой встречи Тейт получил новое назначение – в Москву, помощником военного атташе посольства США. Он был назначен военно-морским представителем при специальной военной миссии в Москве, возглавлявшейся генералом Джоном Дином и носившей кодовое название «Операция „Вежа“». Ее целью было проведение бомбардировок Японии американскими самолетами с аэродрома, который американцы построят в Сибири.

В Москву 46-летний Джексон Роджерс Тейт прибыл в самом начале января 1945 года. А уже спустя месяц познакомился с Зоей Федоровой. К тому моменту ее отношения с Эдвардом Йорком уже закончились, и она оказалась свободна для новой связи. А местом их первой встречи стал особняк НКВД на Спиридоновке, где в феврале 45-го был устроен правительственный прием. Весьма удобное место для подобного рода встреч. Это знакомство чуть позже опишут в книге «Дочь адмирала» Виктория Федорова (дочь Зои) и Фрэнкл Гэскел. Причем опишут весьма своеобразно. Что имеется в виду? Читаем в книге:

«...Она (Зоя. – Ф. Р) с удовольствием представила себе прием в доме на Спиридоновке. Это был настоящий дворец. Она запомнила его с прошлого года, когда там отмечали тот же праздник. Для артиста получить приглашение на такой прием считалось большой честью. А какая еда, какие напитки! Напитки ее заботили весьма мало, но вот еда! Вкусно поесть по нынешним временам дело первостепенной важности. Но и это не главное, главное – яркие, умные люди, которые там соберутся. Наиболее известные в своей области искусства. Вот они-то и интересовали Зою больше всего. В политике Зоя не разбиралась, да она ее и не занимала.

Зоя чувствовала потребность в новых людях. Война принесла ей много горя, заставила замкнуться в себе. Она отняла у нее брата, потом Ивана и отца. И хотя она понимала, что смерть отца никак не связана с войной, тем не менее проявленная к нему жестокость невольно ставила и его в тот же ряд. Слишком долго она жила одной лишь работой – работа, несколько фотографий мужчин, которые ушли из ее жизни, и три могилы.

Что ж, пришло время вернуться к жизни. Где-то глубоко внутри она уже чувствовала легкое возбуждение. Ощущение счастья было более естественным для нее состоянием души, и она готова была бороться, лишь бы вернуть его...»

Что явствует из этого отрывка? Оказывается, Зоя Федорова во время войны много работала (как мы помним, в кино она почти не снималась и в основном выступала с концертными бригадами) и лишь изредка выбиралась на подобного рода рауты. А в феврале 1946 года якобы «пришло время вернуться к жизни». Однако на самом деле

Зоя уже несколько лет как «вернулась к жизни» – с осени 1942 года, когда стала вхожа в американское и английские посольства в Москве и довольно часто стала бывать на подобного рода приемах, где передружились со многими иностранцами. Поэтому тот прием на Спиридоновке был для нее не редким исключением (раз в год, как написано в «Дочери адмирала»), а одним из многих. Спрашивается: зачем авторам книги (а писалась она, кстати, со слов самой Зои Федоровой) вводить читателей в заблуждение? Видимо, для того, чтобы скрыть истинные мотивы появления там главной героини произведения и выдать ее встречу с Тейтом как случайную. Хотя в действительности все могло обстоять совершенно иначе, а именно: Зоя должна была обратить на себя внимание нового помощника военного атташе и познакомиться с ним.

Читаем далее книгу «Дочь адмирала»: «Сдав в гардероб пальто и фуражку, Джек вошел в залу, оказавшуюся первой в анфиладе огромных зал с мраморными стенами и полами и множеством больших хрустальных люстр. В первой зале находился Молотов с супругой, через все пространство к ним тянулась длинная вереница гостей. Джек встал позади высокого мужчины во фраке и его жены в красном шелковом платье. Судя по их внешности и языку, на котором они говорили, решил Джек, они принадлежат к одной из скандинавских стран. Далеко впереди он разглядел посла Гарримана в строгом двубортном костюме. Ему показалось также – впрочем, без большой уверенности, – что он узнал Дмитрия Шостаковича. Человек был очень похож на того Шостаковича, которого он видел на концертных афишах. Больше никого из русских он не знал, хотя понимал, что этим вечером здесь соберется вся московская элита.

Звуки голосов словно ударялись о мраморные стены и тут же отскакивали от них – в зале стоял оглушительный шум. В углу залы играл струнный квартет, но что именно они играли, не было слышно.

Наконец Джек подошел к Молотовым. Мадам Молотова едва коснулась его руки своей пухленькой ручкой. Она улыбнулась, но не произнесла ни слова. Молотов, в те дни нарком иностранных дел, был крупным, широколицым. Джек не знал, что полагается делать в таких случаях: должен он пожать Молотову руку или нет? И решил предоставить инициативу хозяину. Бал давал он. Молотов слегка наклонил голову и произнес: „Добро пожаловать“. На его лице не появилось и следа улыбки. Глаза скользнули по эполетам Джека и тут же обратились к следующему гостю. Джек ответил по-русски: „Спасибо“, – и отошел...

В залу вошли человек пять мужчин в военной форме. Они направлялись прямо к тому месту, где стоял Джек, и вдруг остановились на мгновение, как вкопанные, затем повернулись и быстро вышли из залы.

Какое-то безумие, подумал Джек. Мы же союзники, а настоящего доверия между нами нет и в помине. Где бы он ни был, подобное ощущение не покидало его...»

И снова прервем повествование для короткой ремарки, касающейся двух последних абзацев, которые явно высосаны из пальцы и написаны исключительно для того, чтобы ввести читателей в заблуждение относительно отношения советских людей (в том числе и военных, о которых идет речь в отрывке) к американским союзникам. В книге намеренно нагнетаются страсти на этот счет. Напомним, что речь идет о событиях февраля 1945 года. На тот момент СССР и США были союзниками по антигитлеровской коалиции, и хотя тайная война между спецслужбами этих государств не прекращалась ни на минуту, однако отношения между военными были дружескими. Ведь буквально в те же самые дни – 4-11 февраля 1945 года – в Ялте прошла очередная встреча Сталина, Рузвельта и Черчилля, где намечались контуры послевоенного мира. Так вот интригами там занимались скорее англичане, чем американцы: Черчилль пытался убедить Рузвельта тянуть время, чтобы война продолжалась весь 1945 год. При таком раскладе союзники продвинулись бы дальше в Европе. Сталин, в свою очередь, благодаря нашим связям с американцами и информации, которая была по линии спецслужб, знал, с какой позицией сам Рузвельт прибыл на эту конференцию. И поэтому отдал инициативу ведения дискуссии самой конференции президенту США. И даже сам предложил, чтобы Рузвельт председательствовал на этой конференции. Короче, в феврале 45-го не было повода у советских офицеров шархаться от американца Тейта – такое поведение станет характерным чуть позже, несколько месяцев спустя.

Читаем дальше «Дочь адмирала»: «...Джек уже собрался было перейти в другую залу, но тут в дверях показалась миниатюрная блондинка в темно-синем платье. Пятеро военных тут же подняли рюмки в ее честь. Она приняла их тост с явным удовольствием. Пока женщина шла к накрытому столу, Джек заметил, что многие гости оборачиваются ей вслед. Видно, какая-нибудь важная шишка, но в какой области – не определить. По виду, во всяком случае, не из мира политики.

Новая гостья заинтересовала Джека. Он оглядел ее с ног до головы. Прекрасная фигура, изящная, в отличие от многих русских женщин, грациозная походка. Когда официант предложил ей водки, она лишь отрицательно покачала головой и взяла фужер с шампанским. Какой-то мужчина подошел к ней и, наклонившись, стал ей что-то нашептывать. Она улыбнулась, видимо, его слова не вызвали у нее интереса. Мужчина отошел.

Зоя почувствовала, что кто-то смотрит на нее, и подняла глаза. Джек разглядел, что они зеленые, и это ему понравилось. Она вежливо улыбнулась ему и отвернулась.

Джек уже собрался было подойти к незнакомке, но тут в зале неожиданно воцарилась тишина. Он увидел, что перед оркестром, подняв бокал, стоит мужчина в форме, весь увешанный орденами. Еще один тост. Русские осушили свои бокалы. Джек отхлебнул из своего...

Джек... отправился на поиски незнакомки. Было в ней что-то удивительно трогательное. Она не выходила у него из головы, а подобного с ним уже давным-давно не случалось.

Он был уверен, что она не покидала бальной залы, которая меж тем быстро заполнялась гостями по мере появления на столах еды. И какой еды! Обильная закуска – русские бутерброды необъятных размеров; огромные миски с черной икрой – казалось, будто это озера с чернильной водой; блюда с ростбифом, осетриной и фаршированной уткой; на подносах горы пирожков с мясом и сыром. Прекрасно одетые люди ринулись к накрытым столам, словно изголодавшиеся оборванцы. Чтобы избежать давки, Джек отступил в сторону и отправился дальше вдоль залы.

Он обошел почти три четверти ее, прежде чем нашел свою незнакомку. Заслышав негромкий, мелодичный, словно колокольчик, смех, он обернулся. Поначалу он вообще не заметил женщину, только трех высоких дородных мужчин, стоявших полукругом. Но тут снова послышался смех, и, подойдя ближе, чтобы разглядеть, нет ли кого внутри полукруга, Джек увидел ее. Разговор велся на русском, и он решил подождать.

Американец повернулся и направился к накрытому столу. Неужели он собрался уходить? Ей не хотелось, чтобы он уходил. Она лучезарно улыбнулась окружающим ее мужчинам:

– А теперь мне придется покинуть вас, мои славные герои. Я не знаю, почему меня пригласили на этот роскошный прием, но убеждена, что вовсе не для того, чтобы всецело посвятить себя только вам троим. Как бы приятно ни было мне ваше общество. Насколько я понимаю, нам, дамам, полагается следить за тем, чтобы никто из гостей не скучал, и занимать их.

Что им оставалось делать? Отсалютовав ей поднятыми бокалами, мужчины отошли в сторонку. Зоя направилась к столу и протянула пустой бокал официанту, разливавшему шампанское. Американец стоял чуть поодаль от стола. Зоя повернулась к нему. Он не сводил с нее глаз. Она улыбнулась, и он шагнул ей навстречу.

– Хеллоу!

Зоя кивнула:

– Халло!

– Меня зовут Джексон Роджерс Тейт. Капитан. Военноморской флот.

У него славная улыбка, подумала она. Очень подходит к его щенячьим глазам. Но что он такое сказал? Если бы только он говорил чуть помедленнее! Она одарила его чарующей улыбкой. Никакого эффекта. Казалось, он явно озадачен.

– Я сказал, меня зовут Джексон Роджерс Тейт. А вас?

Только теперь она поняла, о чем он спрашивает.

– Зоя Алексеевна Федорова. – И рассмеялась. Теперь пришла его очередь смущаться.

– Зой-я, Зой-я, – попытался повторить он, и она одобрительно закивала головой. Но как же он назвал себя?

– Пожалуйста, повторите ваше имя.

– Джек-сон. Джек-сон, или Джек, если вам...

Она жестом остановила его:

– Джексон, правильно?

Он взял протянутую руку и тут же почувствовал глубокое волнение. Такая маленькая, такая нежная, такая мягкая.

Ей показалось, ее рука попала в плен, однако в этом плену она чувствовала себя спокойно и уверенно.

– Вы говорите по-английски? – спросил он.

– Чуть-чуть, – ответила она. – А вы говорите по-русски?

– Чуть-чуть.

Джек обвел рукой залу. Она утвердительно кивнула. Он предложил ей руку, но она лишь грустно улыбнулась и покачала головой. Не слишком удачная мысль. Он понял.

Они медленно пошли вместе, переходя из одной переполненной залы в другую. Время от времени кто-то останавливался поговорить с Зоей...

– Вы певица? – спросил Джек.

– Актриса. Кино.

Ее слова, похоже, произвели на него впечатление. Зоя обрадовалась, что он никогда не видел ее раньше. Значит, она заинтересовала его не как киноактриса, а как женщина.

Как жаль, размышлял Джек, что они лишены возможности поговорить по-настоящему, тем более просто поболтать. Что ж, ничего не поделаешь, остается лишь рискнуть в надежде, что она проявляет к нему столь же искренний интерес, как он к ней.

– Вы живете в Москве?

Она не поняла. Тогда он по-другому построил вопрос.

– Ваш дом... Москва?

– Да.

Он глубоко вздохнул. Они почти полностью завершили круг по зале, и у него не было ни малейшего желания снова начинать его. Слишком уж большая толчея.

– Ваш муж тоже здесь? Я бы с удовольствием познакомился с ним.

Она не поняла ни слова. Он соединил колечком два пальца и продел в него палец, на котором положено быть обручальному кольцу. Она рассмеялась.

– Не замужем. А вы?

– Разошелся.

Она не знала этого слова. Он попытался объяснить.

– Не хотим вместе. Разведусь, когда приеду домой.

Она кивнула с видимым удовольствием.

Они молча посмотрели друг на друга, без слов понимая, что между ними возникло что-то значительное.

– А теперь я пойду. – Зоя улыбнулась с наигранной грустью.

Не может ли он проводить ее домой, спросил Джек. Зоя покачала головой. Ей нужно время как следует подумать об этом американце. В том, что он ей нравится, нет никаких сомнений, но не следует забывать об опасности, грозящей ей, если их увидят вместе.

Джек проводил ее в вестибюль. Помог надеть пальто и ботинки.

Она протянула ему руку. Он принял ее. Они обменялись долгим взглядом. Затем она повернулась уходить.

– Зоя!

Она остановилась и обернулась к нему. Джек достал записную книжку и ручку.

– Как я найду вас? Я хочу снова вас увидеть.

Она, видимо, не поняла, что он сказал.

– У вас есть телефон? Какой ваш номер? – Джек приложил руку к уху, словно телефонную трубку, и сделал вид, что набирает номер.

Зоя улыбнулась, поняв наконец, для чего ему понадобились записная книжка и ручка.

– Да, – произнесла она и записала в книжке номер своего телефона.

Улыбнувшись на прощание, она направилась к выходу...»

Как видим, инициатива знакомства принадлежала не только Тейту, но и Федоровой. Это она, поняв, что американец обратил на нее свое внимание, подошла к столу, где он стоял и подарила ему взгляд, после которого он и решил с ней познакомиться. Конечно, это могло быть проявлением естественной симпатии, но также можно предположить и другое – что все было ею подстроено. Напомним, что за плечами Зои был уже богатый опыт по части оболъщения мужчин – он тянулся еще с 1927 года, когда она познакомилась с Кириллом Прове. То есть к тому времени ее «любовный стаж» составлял уже 18 лет. В него вошли два замужества (одно неофициальное – с Иваном Клещевым) и несколько непродолжительных романов, в том числе и с иностранцами. Короче, искусством оболъщения мужчин Зоя владела в совершенстве. А если взять за основу ее возможную работу на ГУГБ под агентурным именем «Зефир», то этот ее талант не мог остаться без внимания, учитывая тот факт, что советские спецслужбы весьма эффективно использовали такой метод вербовки, как «медовая ловушка». Причем использовали в ней не только женщин, но и мужчин. Например, спустя всего два года после того, как Федорова вскружила голову Тейту, точно также была «околдована» еще одна жертва из американского посольства – 32-

летняя Анабель Бюкар. Та самая, что работала в Бюро информации и оставила нам свои воспоминания о работе в нем (они уже цитировались на страницах этой книги). Как же Бюкар угодила в «медовую ловушку»? Очень просто – ей вскружил голову красавец-артист Константин Лапшин, работавший на МГБ.

Судя по всему, 35-летний Лапшин стал сотрудничать с чекистами в начале сороковых, когда пришел в труппу Театра оперетты. Его куратором был уже знакомый нам Леонид Райхман – супруг балерины Ольги Лепешинской и замначальника советской контрразведки, специализировавшийся именно на вербовке деятелей советской творческой интеллигенции. Используя обаяние и красоту Лапшина, чекисты давали ему задания встречаться на всевозможных светских раутах с иностранками и делать их своими любовницами. Как писали чуть позже американские журналисты, Лапшин запомнился им еще в декабре 1946 года, когда он объявился в пресс-центре московской конференции министров иностранных дел «большой четверки». Он производил впечатление бонвивана и ловеласа, всюду увивался за молоденькими секретаршами и стенографистками из американской делегации и без устали танцевал с ними на вечерних дансингах. Когда Лапшин узнал, что у одного из репортеров нет девушки, он воскликнул: «Нет девушки! Да у меня их тысячи!».

С Анабель Бюкар Лапшин познакомился в начале 1947 года на одной из вечеринок в ресторане гостиницы «Метрополь». Американка только-только приехала в СССР (как и Джексон Тейт незадолго до этого) и мало кого в Москве знала. Наша контрразведка быстро установила, что она является оперативником УСС (Управления стратегических служб), причем было выявлено, что Бюкар весьма неравнодушна к русским мужчинам. Но романов не получалось, так как все объекты внимания американки боялись с ней связываться – можно было угодить в поле зрения чекистов. Именно этим и решил воспользоваться Райхман. Он «подвел» к женщине Лапшина, который, само собой, ничего не боялся. Между ними сразу вспыхнула любовь, которая в итоге приведет... к беременности Бюкар (точь-в-точь как в случае с Федоровой). Американка забеременела в сентябре 1947 года, а спустя девять месяцев на свет появится прекрасное дитя – мальчик.

Причем символично, что в это время Константин блистал на сцене своего театра в спектакле «Девушка из Барселоны» (1943) Б. Александрова, где речь шла о том, как испанская девушка Марианна (актриса С. Вермель), покинув родину, обрела свой новый дом в Советском Союзе. Та же история случилась и с Анабель Бюкар. Она ненавидела фашизм и была неприятно удивлена, что ее страна, позиционировавшая себя как враг нацизма и член антигитлеровской коалиции, на самом деле стала использовать нацистов в своей борьбе против СССР. Как писала сама Бюкар: «Я ненавижу фашизм всеми фибрами души, и мне казалось, что именно в разведке я сумею лучше всего бороться против этой чумы. Впоследствии я убедилась в том, что, ставя перед собой эту благородную задачу, я была по меньшей мере наивной. Как известно, во время войны американская разведка не вела эффективной борьбы против фашизма, а после войны она перешла к полному сотрудничеству с бывшими и действующими органами фашистских разведок и контрразведок Германии, Италии и Испании...».

Эта позиция вынудила Бюкар искать контактов с советскими властями. И когда тот же Райхман предложил ей работать на МГБ, американка быстро согласилась. А история с Лапшиным только укрепила ее желание порвать с США и навсегда остаться в СССР. В результате она попросила политического убежища у советских властей. Затем вышла ее книга, разоблачающая американские спецслужбы (отрывки из нее я уже цитировал), и на ее основе было решено снять фильм. Режиссером его был назначен А. Довженко, но из этой затеи ничего не вышло. Отснятый лишь наполовину фильм не понравился Сталину из-за своей топорности и был закрыт.

Итак, что мы имеем? Мы имеем две почти похожие истории: Федоровой – Тейта и Лапшина – Бюкар. И обе, как я полагаю, были операциями советской контрразведки с целью вербовки сотрудников американского посольства. Правда, концовки у этих историй разные. Бюкар завербовали и сделали гражданкой СССР (она уйдет из жизни уже в постсоветской России – в 1998 году), а вот с Тейтом этот вариант не «прокатил». Почему? Об этом поговорим чуть позже, поскольку мы оставили наших героев только в начале их отношений.

Познакомившись в феврале, Зоя и Джексон встречались друг с другом на протяжении трех с половиной месяцев. Причем как посещали публичные места (рестораны в гостиницах: «Центральная» в Столешниковом переулке, «Москва» и др.), так и встречались в интимной обстановке (были дома у Зои на улице Горького, но ни разу – на квартире Джексона на Моховой, рядом с американским посольством, адрес которого тогда был: Моховая, 13). Еще они ходили в кино, театр, посещали цирк, причем иногда брали с собой младшую сестру Зои – Марию (старшая, Александра, была недовольна этим романом). И снова заглянем в «Дочь адмирала»:

«...На ломаном английском, много раз останавливаясь, чтобы заглянуть в словарь, она (Зоя. – Ф. Р.) объяснила ему, что, если они хотят встречаться, им придется соблюдать некоторые правила. Не потому, что она боится, но просто глупо не соблюдать осторожность. Поэтому лучше, если, приходя к ней, он будет надевать штатский костюм, а не военную форму. Если ему все же захочется надеть форму, то пусть не удивляется, если она пригласит еще кого-нибудь, может, свою сестру Марию, чтобы про них не подумали, будто они остались вдвоем. А на улице если будет в форме, то тоже пусть не удивляется, если она пойдет не под руку с ним, а на некотором расстоянии. Но даже когда он в штатском, а вокруг будут люди, им лучше не говорить по-английски. Тогда все подумают, что он русский. Если же им повстречается кто-то из друзей Зои, Джексону лучше молчать. Большинству своих друзей она, безусловно, полностью доверяет, но кто может поручиться за остальных?»

После того как к власти пришел Сталин, слишком часто случается слышать рассказы о друзьях и даже близких родственниках, которые доносят друг на друга в НКВД....».

Текст более чем наивный, да еще к тому же полностью противоречит словам самой Зои, которые она будет говорить потом на следствии. Помните, она рассказывала о том, что в ее доме часто собирались компании, где велись разговоры антисоветского содержания. А согласно «Дочери адмирала» она, оказывается, была женщиной осторожной и подозревала некоторых своих друзей в стукачестве. Подозревала и одновременно вела рискованные разговоры? Это либо глупость, либо специальный расчет, чтобы произвести нужное впечатление на гостей-иностранцев.

Идем дальше. Обратим внимание на фразу из книги: «На ломаном английском...» Что это означает – что Федорова почти не говорила по-английски? Но это весьма странно, учитывая, что она уже более двух лет посещала американское посольство и была знакома со многими его обитателями. Даже если предположить, что последние хорошо говорили по-русски, все равно Зоя вполне могла за это время научиться говорить не на ломаном английском, а на вполне сносном. Видимо, авторам книги «Дочь адмирала» надо было нарисовать перед читателем следующую картину: Зоя почти не общалась с иностранцами, и тот прием на Спиридоновке был редким исключением. Да и сама встреча с Тейтом была случайной.

Наивным в книге выглядит и то, как Зоя пытается спрятать от окружающих свои отношения с американцем. Ведь скрыть это от МГБ было невозможно – «топтуны» (то есть сотрудники из 13-го отдела 1-го главного управления (контрразведка), отвечавшего за охрану дипкорпуса и наружное наблюдение за иностранцами) наверняка знали обо всех перемещениях Тейта вне посольства: куда пошел, с кем встречался, где проводил время. Так было принято – когда новый сотрудник посольства объявлялся в Москве, то слежка за ним некоторое время велась постоянно. А Тейт практически сразу стал встречаться с Федоровой. Спрашивается: от кого же они тогда «шифровались»? От рядовых граждан?

Впрочем, «Дочь адмирала» – это книга, которая писалась (в конце семидесятых) прежде всего для американского (или более шире – западного) читателя (о советском тогда даже не помышляли). А такого рода читатель привык мыслить о жизни в СССР категориями штампов, навязанных ему его же пропагандой. Короче, о сталинском времени он рассуждает исключительно с позиции солженицынского «Архипелага ГУЛАГ» или конквистовского «Большого террора».

* * *

Агент 3-го отдела (агентурная разведка) УСС Ричард Беннет прилетел из Мюнхена в Бад-Нендорф вблизи Ганновера в середине дня и прямо с аэродрома отправился в особый центр союзников. Несмотря на то, что все два часа полета Беннет проспал как убитый, чувствовал он себя уставшим и не прочь был «соснуть» еще пару часиков. Но вместо этого решил не терять времени даром и попросил водителя, встретившего его на аэродроме, отвезти его не в гостиницу, а напрямик в особый центр. Спешка объяснялась просто. Беннету хотелось поскорее закончить здесь дела и вернуться в Мюнхен, где с нетерпением дожидались результатов его поездки. А целью последней была встреча с несколькими бывшими высокопоставленными нацистами из абвера (военная разведка), которые сдались в плен американцам и могли представлять интерес для УСС в плане возможного их сотрудничества с американцами в тайной войне против русских. В последние несколько месяцев эта тема стала приоритетной для американской разведки, и Беннет был одним из тех агентов, кто активно этим занимался. Например, в Мюнхене он был подключен к допросам Рейнхарда Гелена – начальника 12-го отдела немецкого Генштаба «Иностранные армии Востока», который занимался армейской разведкой в отношении Красной армии. Когда стало окончательно понятно, что война проиграна, Гелен решил подстраховаться. В начале марта 1945 года он, взяв в подручные нескольких сотрудников своего отдела, скопировал все важнейшие документы на микрофильмы, упаковал их в водонепроницаемые баки и спрятал в нескольких местах в Австрийских Альпах. После чего 22 мая сдался в плен американской военной полиции в Фишхаузене-на-Шлирзее. И начался его торг с Г-2 – американской военной разведкой: в обмен на выдачу спрятанных документов он просил сохранить жизнь ему и его подчиненным. Американцы дали им такую гарантию и даже более того – предложили работать против русских и дальше. Именно на этой стадии к делу и были подключены агенты из УСС, которые работали в тандеме с Г-2 – искали в своих зонах оккупации тех нацистов, кто готов был сотрудничать с американцами в борьбе против русских.

В особом центре союзников в Бад-Нендорфе содержались несколько нацистов, среди которых была одна женщина. Ее звали Магда Шольц. Она была супругой видного немецкого дипломата и разведчика Гейнца Шольца, который погиб в Берлине месяц назад – в конце апреля 1945 года. Сама Магда вместе с группой нацистских генералов сумела вырваться из осажденного Берлина и вскоре сдалась американцам. Для УСС эта женщина представляла особенный интерес, поскольку перед войной в течение нескольких лет работала в немецком посольстве в Москве и обладала обширной информацией на этот счет. Поэтому, приехав в особый центр, первое, что сделал Беннет, – вызвал на беседу именно эту особу.

Когда она вошла в кабинет, американец отметил про себя, что эта сорокалетняя дамочка недурна собой. У нее были правильные черты лица, величественная осанка и пронизательный взгляд, который выдавал в ней весьма неглупого человека. Предложив гостье занять место в мягком кожаном кресле, сам Беннет уселся за стол напротив. Увидев на столе пачку сигарет, Магда на вполне сносном английском языке попросила закурить. Американец протянул ей сигарету и щелкнул зажигалкой. Пустив под потолок колечко дыма, женщина откинулась на спинку кресла и, закинув ногу на ногу, произнесла:

- Недолго же продлился ваш второй фронт с русскими.
- Чуть меньше вашего договора о дружбе с ними, – парировал Беннет.
- Интересно, сколько продлятся наши отношения? – после этих слов по губам Магды пробежала легкая усмешка.
- Все зависит от того, насколько искренними будут ваши порывы.
- Вы сомневаетесь в моих порывах? Русские убили моего мужа и брата, терзают мою родину, а вы не верите в мою искренность?
- Но четыре года назад то же самое делали и вы с их родиной, – напомнил Беннет о событиях лета 41-го.

- Мы шли освобождать русских от еврейско-большевистской власти, но не знали, что этот народ с ней заодно.
- Как же вы так просчитались, работая в самом их сердце – в Москве?
- Мне это еще простительно, ведь я работала в России всего три года. А вот мой супруг занимался русскими еще с середины двадцатых, но и он за неделю до своего гибели признался мне: «Магда, я так и не сумел до конца понять этих варваров». Парадокс, но это так, – и женщина выпустила под потолок очередную порцию сигаретного дыма.
- Как же нам теперь не совершить ваших ошибок? – поинтересовался Беннет.
- Ответ может быть только один – уклоняйтесь от прямых столкновений. Русские хороши на войне, а без нее хиреют. Их можно победить только измором.
- Но ваша пропаганда оказалась бессильна против пропаганды русских. Я видел их фильмы – они пробирают до печенок.
- Вы правы, ключа к их душам мы так и не подобрали. Но это не значит, что так будет всегда. Как говорил Гераклит: «Все течет, все меняется».
- Если быть точным, то его фраза выглядит несколько иначе: «Все движется и ничего не стоит, и дважды в одну и ту же реку войти невозможно».
- А вы хорошо знаете историю, – удивилась Магда.
- Неудивительно, я же историк, – улыбнулся Беннет. – В УСС вообще много нашего брата ученого.
- Тогда вам не пристало бояться войти в ту же реку, в которую четыре года назад угораздило войти нам, – сказав это, Магда подалась всем телом вперед и вдавила докуренную сигарету в пепельницу, стоявшую на столе.
- Мы и не боимся. Но согласитесь, гораздо спокойнее это делать, когда знаешь все подводные камни.
- Вы хотите, чтобы я сыграла для вас роль лоцмана?
- Именно. Особенно в части вашей работы в Москве.
- И что же вас конкретно интересует? – после короткой паузы спросила Магда.
- Нам крайне важно знать, есть ли у русских люди, которые могли бы быть нам полезны с точки зрения наших оперативных интересов.
- Вам нужна наша агентура? Но я не была допущена ко всем спискам – этим занимался мой муж и глава резидентуры. А я имела выход только на трех людей из числа русских.
- Это инженер с авиационного завода Игорь Сергеевич Сомов, администратор Большого театра Бэлла Заводская и киноактриса Зоя Федорова. Эти люди и были моими контактами на протяжении трех лет.
- Что вы можете сказать о них?
- Сомов очень любил деньги и женщин, а Заводская – бриллианты. Что касается Федоровой, то с нею мы сблизилась на личной почве – у нее коммунисты погубили отца.
- Расстреляли?
- Нет, они отправили его в лагерь. Чуть позже я узнала, что перед самой войной его выпустили на свободу, но он сразу скончался. Думаю, эта смерть лишь утроила ее ненависть к чекистам.

- Она вам сама об этом говорила?
- Эту ненависть я читала в ее глазах. Мы ведь сильно сблизились с ней перед войной, можно даже сказать – стали подругами. И в порыве откровенности Зоя иногда делилась со мной своими потаенными мыслями.
- Вы не допускаете, что она могла ловко имитировать эту ненависть – она же актриса?
- Допустить можно все, что угодно, – Магда вновь достала из пачки сигарету, а Беннет щелкнул перед ее лицом зажигалкой. – Но вы поставьте себя на место этой женщины. Представьте себе, что чекисты погубили вашего отца, а вы, наплевав на это, соглашаетесь на них работать. Представили?
- Я не могу этого представить ни с собой, ни с вами, поскольку мы цивилизованные люди. Но русские – это совсем иной тип мышления. Вы не сумели его разгадать и поэтому проиграли. Мы хотим не совершить ваших ошибок.
- В таком случае что мешает вам идти от противного? Если мы поверили той же Федоровой, то вы поступите с ней с точностью до наоборот. Как я поняла, она опять при деле, если вы так настойчиво пытаете меня о ней?
- Да, она вхожа в наше посольство в Москве и успела завести там множество друзей. И многие из моих соотечественников симпатизируют ей также, как это когда-то случилось и с вами. Это нас беспокоит.
- Но если вы подозреваете ее в нечестной игре, воспользуйтесь этим. Сделайте вид, что поверили ей, а сами используйте ее как канал дезинформации.
- Спасибо за дельный совет, – коротко ответил Беннет.
- С вами она снова педалирует тему своего отца? – стряхивая пепел с сигареты в пепельницу, спросила Магда.
- Нет, теперь она играет на своей любви к американскому образу жизни.
- Все-таки вы полагаете, что это игра? Но имейте в виду, что среди советской элиты очень сильны прозападные настроения и Америка для тех же актрис действительно является сказочной страной. Голливуд у них ассоциируется с раем.
- Мы это учитываем и стараемся использовать эти настроения в своей работе. Но нам важно знать, действительно ли те же актрисы имеют выходы на нужные нам источники информации?
- Конечно, имеют – особенно такие актрисы, как Зоя Федорова. Она лауреат Сталинской премии, а такие люди часто приглашаются в Кремль на разного рода банкеты. Учитывая, что советская система чрезвычайно закрыта для посторонних глаз, любая информация от таких людей представляет большую ценность.
- В вашем случае Федорова снабжала вас какой-либо серьезной информацией?
- От нее мы узнали об испытаниях нового самолета русских, который должны были запустить в серийной производство перед самой войной.
- Откуда она получила эту информацию?
- От своего гражданского мужа-летчика. Он, кстати, был Героем Советского Союза. Но я не знаю, что с ним стало потом.
- Он погиб во время войны, и на сегодняшний день Федорова свободна и крутит любовь с моим соотечественником.
- Как я поняла, это вас заботит?

- Еще бы, ведь этот человек – помощник военно-морского атташе. В вашем случае нечто подобное было?
- Увы, было. Наш военно-морской атташе Норберт фон Баумбах являлся с московскими проститутками, среди которых наверняка были агенты русских.
- Он жил в Москве без жены?
- Ему выделили особняк на улице Воровского, где он обитал с горничной – миловидной русской немкой лет тридцати. Но периодически встречался и с проститутками, от которых собирал нужную информацию. Мой муж подозревал, что не только Баумбах использует их, но и они его тоже.
- А большой был штат у вашего военного атташата?
- Около двадцати человек. Возглавлял его генерал-майор Эрих Кестринг. Шпионажем занимались практически все.

А нашим резидентом был глава консульского отдела Генхард фон Вальтер. У него была любовница, которая работала техническим сотрудником аппарата военного атташе. Женщина очень энергичная, которая вместе с ним и заправляла всей резидентурой.

- А ваш супруг где работал?
- В том же консульском отделе. Но он погиб и вряд ли сможет вам чем-либо помочь.
- Значит, сами вы не прочь сотрудничать с нами?
- А чем по-вашему я сейчас занимаюсь?
- Я имею в виду долговременное сотрудничество. И уполномочен предложить вам место консультанта в нашем русском отделе.
- Какое мне положат жалованье?
- Сразу видно, что вы женщина практичная, – улыбнулся Беннет. – Можете не беспокоиться, мы вас не обидим. Естественно, если вы поможете нам раскусить этих чертовых русских. И в особенности вашу московскую подругу – Зою Федорову.

Прежде чем ответить, Магда вдавила в пепельницу второй окурок, после чего произнесла:

– Учитывая мои личные счета с русскими, можете считать, что я уже начала работать на ваше учреждение.

* * *

Итак, отношения между Зоей и Джексоном развивались стремительно. В феврале они познакомились, а уже в апреле он признался ей в любви (в книге он сделал это в машине, когда они возвращались с обувной фабрики, где Зоя выступала перед рабочими). Точно так же, кстати, развивался и роман между Лапшиным и Бюкар – от первой встречи до слов «я люблю тебя», сказанных Лапшиным, прошло меньше трех месяцев. Кто-то скажет: в жизни всякое бывает. Конечно, бывает. Но Бюкар в итоге перешла на сторону МГБ и помогла ему весьма ценной информацией о тайной деятельности американского посольства в Москве. Почему бы не предположить, что нечто подобное планировалось и в отношении Тейта? Но эта «рыбка» сорвалась с крючка.

Согласно официальной версии, советские власти решили выслать Джексона из страны, чтобы прекратить его отношения с Зоей Федоровой (получается, плохо конспирировались?). Одна из последних их встреч произошла в победный день 9 мая, причем именно в ту ночь, оставив американца у себя дома,

Зоя зачала ребенка. А в конце мая произошло событие, которое стало для них громом среди ясного неба. Во всяком случае, так об этом написано в «Дочери адмирала». Читаем:

«...Прошло две недели. Однажды, заехав к Зое, чтобы вместе пообедать, Джек застал ее в слезах.

– Что случилось?

– Я уезжаю.

– Куда? Когда?

– Завтра. Мне сказали, что мне надо ехать на гастроли по черноморским городам. Выступать в госпиталях. Перед солдатами.

– Надолго?

– Не знаю. На три недели. Может, на месяц.

Джек приподнял ее мокрое от слез лицо и поцеловал.

– Я буду ужасно скучать, но ведь не навсегда же мы расстаемся.

Она взяла протянутый им платок.

– Мне эти дни покажутся вечностью.

– Нет, – сказал Джек. – Ты актриса, ты склонна все драматизировать. Ты будешь там так занята, что время пролетит незаметно.

Он не знал, что еще сказать ей в утешение. Что касается его самого, то он понимал, что говорит неправду. Мысль о расставании с Зоей причиняла боль, и чувство это было для него новым. Это озадачило: вся его жизнь состояла из одних расставаний – с женами, с детьми, с друзьями, с теми местами, которые он считал своим домом, – но никогда еще он не испытывал при этом боли.

– Я уже скучаю по тебе, – сказала Зоя.

– А я буду скучать до той минуты, пока ты не вернешься ко мне. – Джек снова поцеловал ее, заставив себя улынуться.

На следующее утро он проснулся в шесть и стал поспешно одеваться в темноте. В 7:30 за ней придет машина, вряд ли ему следует присутствовать при этом. Он изо всех сил старался не шуметь, и все же она пошевелилась во сне.

Одевшись, он наклонился к ней и поцеловал.

– Моя жена, – прошептал он.

У него дома все еще спали. Джек сел в гостиной на стул у рояля и стал смотреть, как над Красной площадью встает солнце. В это утро открывавшийся перед ним вид не тронул его. И хотя наконец пришла весна, город казался серым и холодным. Выкурив очередную сигарету, он посмотрел на часы. 7:35. Значит, она уже уехала. Москва вновь стала для него чужой.

Он услышал, как в спальне насвистывает что-то, одеваясь, один из его соседей. И тут же раздался резкий стук в дверь.

Джек бросился открывать. Почему-то он был уверен, это Зоя. Что-то произошло, и она не поехала на гастроли. Пришла сообщить ему эту новость. Но на пороге стоял сотрудник американского посольства.

– Капитан Джексон Р. Тейт? – мрачно спросил он.

Джек кивнул. Американец протянул ему конверт.

– Что это? – спросил Джек.

– Приказ о высылке вас из страны. Советское правительство объявило вас персоной нон грата. Вам следует покинуть Советский Союз в течение сорока восьми часов.

– Что? – Джек не поверил своим ушам. – В чем я провинился?

Американец покачал головой.

– Я не знаю, да и они не объясняли. Но приказ есть приказ.

– Ничего не понимаю.

– Мы тоже, но ничего не поделаешь. Я бы советовал вам сегодня же завершить все ваши дела. Морское ведомство уже уведомлено, вопрос о вашем новом назначении решается. Завтра утром вы получите предписание на этот счет.

Кивнув на прощание, сотрудник посольства удалился. Джек прошел в свою комнату и, ошеломленный, опустился на кровать. Он распечатал конверт и прочел вложенную в него бумагу. Ничего более того, что ему уже сообщил сотрудник посольства, она ему не сказала.

Закурив сигарету, он попытался обдумать случившееся. Даже у русских, которых он редко понимал до конца, должна быть какая-то веская причина для такого решения. Но какая? Связана ли она хоть как-то с его работой? Нет, в этом нет никакого смысла. Даже если они не хотят строить аэродром в Сибири, это не причина для выдворения его из страны. Они могут и дальше продолжать тянуть время, сваливая вину на других; делать все, чтобы чертов проект никогда не был осуществлен, что, собственно, сейчас и происходит.

Скорее всего, это каким-то образом имеет отношение к Зое. Да, это единственное разумное объяснение. Отослать ее на гастроли и в ее отсутствие вышвырнуть из страны ее возлюбленного. Таким простым путем знаменитую русскую кинозвезду уберегут от порочащей ее связи с американцем.

Он загасил сигарету. Как просто устроена жизнь в Советском Союзе, думал он. Все, что от вас требуется, это понять, что не надо ни о чем мечтать, не надо думать, не надо чувствовать, и все будет в порядке. Где вам жить, какую получать зарплату и, наконец, кого любить – все это решат за вас.

Как-никак Джексон Роджерс Тейт не русский. Его можно вышвырнуть из страны, но после войны он вернется и тем или иным путем добьется, чтобы они с Зоей оказались вместе.

Если бы только до отъезда увидеться с ней! Но это невозможно. Он достал из стола лист бумаги и написал (интересно, на каком языке – на русском, которого Тейт не знал, или на английском, которого якобы не знала Зоя? – Ф. Р.):

„Моя Зочка!

Сегодня утром ты уехала на гастроли. Сегодня же утром мне вручили предписание покинуть твою страну. Никаких причин указано не было, тем не менее я должен покинуть страну в течение 48 часов. Я думаю, что твои гастроли и мое выдворение (придется тебе посмотреть это слово в словаре) были согласованы заранее – с целью разлучить нас. Хочу верить, что это не обернется для тебя бедой. Они просто не хотят, чтобы мы любили друг друга.

Но мы-то с тобой знаем, что это не в их силах. Я люблю тебя. В сердцах наших мы с тобой муж и жена.

Ты ведь знаешь, что я офицер военно-морских сил Соединенных Штатов и моя страна находится в состоянии войны с Японией, в которую скоро вступит и твоя страна. Я должен быть там, куда направит меня моя страна, ведь и ты поехала на гастроли ради своей страны. Так и должно быть.

Но будущее принадлежит нам. Пока мы любим друг друга, нас никому не разлучить. Верь в это, моя маленькая девочка, как верю я. Я вернусь к тебе.

Пока. I love you, я люблю тебя.

Джексон".

Заклеивая письмо, он заплакал. Затем надел куртку и вышел на улицу. Его поразил вид яркого солнца и спешащих по своим делам смеющихся людей.

Какое бесстыдство, весь его мир обрушился, а им хоть бы что.

Джек направился к ее дому. На всякий случай он поднялся к ее квартире и постучал в дверь. Ответа не последовало. Он хотел было подсунуть письмо под дверь, но передумал. Что, если его обнаружит Александра и порвет? Нет, надежнее оставить его в почтовом ящике.

Он спустился вниз и сложил письмо так, чтобы оно пролезло в щель запертого металлического ящика...»

Согласно книге, это послание не дойдет до Зои – чекисты раскурочат почтовый ящик и унесут письмо с собой. Кстати, делали это сотрудники НКГБ, которые ведать не ведали, что Зоя Федорова – это их агент «Зефир». Об этом знали лишь несколько человек в руководстве МВД: нарком Берия (МВД), нарком НКГБ (Меркулов), начальник контрразведки Федотов (1-е управление) и еще несколько контрразведчиков, «завязанных» непосредственно на «Зефира». Остальным знать это не полагалось.

А теперь попробуем порассуждать на тему описанных в книге действий НКГБ. На первый взгляд все выглядит логично. Чекисты долго наблюдали за романом Зои и Джексона и не предпринимали никаких действий. Но 12 апреля 1945 года из жизни ушел президент США Ф. Рузвельт, и к власти в Белом доме пришел Г. Трумэн, который резко развернул политику своей страны по отношению к СССР на 180 градусов – от позитива к негативу. Фактически это было предтечей холодной войны (1 июля 1945 года американцы и англичане даже собирались напасть на СССР в рамках операции «Немыслимое», но Сталин вовремя узнал об этом и произвел перегруппировку своих вооруженных сил в Европе). И на этой волне НКГБ решило выслать из страны Джексона Тейта. Однако возникает вопрос: почему только его одного? Почему, к примеру, советские власти не выслали остальных американцев, кто крутил любовь с советскими женщинами? А таких романов в те дни в Москве было несколько – например, отношения Томаса Уитни и Юлии Запольской, которым разрешили пожениться. И вообще, почему мы рассматриваем эту историю только через призму действий НКГБ? А что делало Управление стратегических служб США, а конкретно – их контрразведка? Ведь она в посольстве США была, и возглавлял ее Николас Харди, легальная должность которого в посольстве была иной – начальник административно-хозяйственного отдела. Неужели американские контрразведчики не знали о романе своего соотечественника с русской актрисой? Наверняка знали. Значит, они тоже должны были волноваться на предмет того, что их заместитель военного атташе может угодить в «медовую ловушку» НКГБ. Им это было нужно?

Кстати, в посольстве США в те дни работал Джон Дэвиз. Он родился в Китае и был специалистом по Дальнему Востоку. А Тейт, как мы помним, был прислан в СССР именно с прицелом для работы в этом регионе (в свете будущей войны с Японией). Дэвиз был человеком Трумэна, то есть настроен был крайне антисоветски. И именно

он занимался тем, что подрывал авторитет некоторых сотрудников и офицеров посольства, чтобы подготовить почву к их переводу из Москвы.

Обратим внимание еще на один факт. Именно в тот момент, когда Тейт покинул СССР, там находился Гарри Гопкинс – личный представитель президента США (сначала Ф. Рузвельта, потом – Г. Трумэна). Он прилетел в Москву 26 мая 1945 года, чтобы обсудить со Сталиным детали предстоящих в Потсдаме очередных переговоров между руководителями СССР, США и Великобритании. Представить себе, что советские власти в момент его визита сделали персоной нон-грата американского дипломата, да еще без объяснения причин выдворения, достаточно трудно. А вот обратный процесс вполне реален. Почему? Дело в том, что Гопкинс был настроен просоветски и считался человеком Рузвельта. А новый президент был уже готов к смене курса, и поэтому такие люди, как Гопкинс, ему были не нужны. В итоге в июле 1945 года последний вынужден будет покинуть большую политику. А еще спустя полгода (в январе 1946 года) и вовсе скончается в возрасте 55 лет, затравленный людьми Трумэна. Учитывая, что Тейт попал под влияние русской, вполне можно предположить, что кое-кому в посольстве сей факт мог не понравиться и они отослали Джексона на родину от греха подальше.

Короче, версия о том, что любовник Федоровой покинул СССР не по воле НКГБ, а по приказу своих соплеменников, не выглядит фантастикой. А в «Дочери адмирала» людям была рассказана другая версия, с тем чтобы история любви русской и американца выглядела как святочный рассказ. К тому же эта версия четко ложится на ту антисоветскую матрицу, которая сформировалась в головах американцев за долгие годы холодной войны. Согласитесь, если бы американцам была рассказана иная версия – о том, как он влюбился в русскую, а его коллеги, испугавшись, что она русская разведчица, отозвали его домой, – то это была бы уже другая история, где в роли разлучителей выступали бы не коварные чекисты, а их соотечественники американцы.

Если брать за основу версию отзыва Тейта самими янки, то получается, что шпионом он не был. В противном случае вряд ли бы коллеги прекратили его роман с лауреатом Сталинской премии. Ведь чем были интересны УСС люди вроде Зои Федоровой? Они вращались в светских кругах и могли снабжать американцев информацией о ситуации в советских верхах. В советских газетах ничего не писали о повседневной жизни тех же членов Политбюро, а в кругу артистов разговоры на тему, как живут сильные мира сего, курсировали постоянно. Поэтому руководство советского отдела УСС (одним из его руководителей был князь Оболенский) нацеливало своих агентов именно на завязывание близких отношений с представителями советской элиты. Об этом наглядно говорит история Василия Зайцева (1910), который работал в американском посольстве с июля 1935 года – сначала в качестве шофера, а затем в роли заместителя начальника административно-хозяйственного отдела посольства (как мы помним, начальником этого отдела был Николас Харди, отвечавший в посольстве за контрразведку). В 1946 году Зайцева арестовало МГБ (преемник НКГБ), и вот что он рассказал на одном из допросов:

«...Начало моей преступной связи с американцами относится к 1934 году. Работая в то время у американского корреспондента Стоннемана, я часто разъезжал с ним по городам Советского Союза и помогал ему в сборе шпионских сведений. Стоннеман особенно интересовали промышленные центры и города, имеющие оборонное значение. Достаточно сказать, что за один только 1934 год мы побывали в таких городах, как Севастополь, Киев, Ростов, Сталинград, Саратов и Астрахань, где посещали фабрики, заводы и другие предприятия. Кроме того, Стоннеман и я объехали ряд станиц на Кубани, знакомясь с жизнью и бытом колхозной деревни. Возвращаясь в Москву после каждой поездки, Стоннеман направлял в Америку статьи, в которых, извращая действительность, охаивал все советское. Опускаясь до самой низкопробной клеветы, Стоннеман не останавливался перед прямой фальсификацией фактов, стараясь вопреки действительности показать, что в СССР царит якобы голод, нищета и бесправие. Летом 1935 года, как я уже показал, Стоннеман выехал из Советского Союза.

О дальнейшей моей связи с американской разведкой Стоннеман никаких указаний мне не давал, но спустя некоторое время, после его отъезда из Советского Союза, меня вызвал к себе второй секретарь американского

посольства в Москве Уорд Ангус и, намекнув на мои отношения со Стоннеманом, предложил мне почаще заходить к нему. При этом Уорд заявил, что его интересует также информация, которую в свое время собирал Стоннеман, и что он надеется получать ее от меня. Я заверил Уорда, что он всегда может рассчитывать на мою помощь. В последующем, посещая Уорда, я передавал ему сведения о материальном положении населения города Москвы, используя при этом разные клеветнические слухи, распространяемые антисоветским элементом. Аналогичную информацию я передавал и Харди, с которым был связан после отъезда Уорда в конце 1939 года во Владивосток, куда Уорд был назначен на пост генерального консула. По заданию Харди я, кроме того, следил за поведением советских граждан, работающих в американском посольстве, и выявлял их настроения. Этими данными Харди интересовался потому, что наряду с разведывательной деятельностью, которую он проводил на территории Советского Союза, Харди занимался контрразведывательной работой внутри посольства...

В 1939 году я познакомился с Кирой Аллилуевой (племянница Надежды Аллилуевой – первой жены Сталина, кстати, актриса Малого театра. – Ф. Р.). Меня познакомила с ней моя жена – Зайцева Марьяна (в девичестве Фрадкина. – Ф.Р.), являвшаяся подругой ее детства. После этого я часто встречался с Аллилуевой.

В одной из бесед с Харди, состоявшейся между нами в 1945 году, я поделился с ним, что имею знакомство с семьей Киры Аллилуевой, и подробно рассказал ему, как произошло это знакомство и что из себя представляет ее семья. Харди очень заинтересовался моим знакомством с семьей Аллилуевой К. и спросил меня, какие возможности я имею для того, чтобы через эту семью получать некоторую информацию о руководителях Советского правительства. Харди подчеркнул, что американцев особо интересуют сведения о Сталине и его семье, поскольку в советской прессе никогда ничего не пишется о том, как живут и где проводят свободное от работы время руководители советского правительства. Я ответил Харди, что отношения с Кирой Аллилуевой у меня достаточно близкие и она не станет скрывать от меня то, что ей самой известно по этому поводу. Ухватившись за это, Харди предложил мне еще больше сблизиться с Аллилуевой К., влезть в ее семью и под видом безвредного любопытства расспрашивать ее обо всем, что она знает о Сталине, его семье и о других руководителях советского правительства. Я так и поступил.

Выполняя задание американской разведки, я выведывал у Киры все, что можно было получить от нее о Сталине и его семье, и передавал эти сведения Харди. Узнав от Аллилуевой К. место расположения дачи Сталина в Зубалово, я немедленно сообщил об этом Харди и по его настоянию летом 1945 года выезжал с ним в район Зубалово, где показывал ему эту дачу...»

По возвращении на родину Тейт был отослан в распоряжение адмирала Хэлси и был назначен капитаном эсминца «Рэндольф», который базировался в двухстах пятидесяти милях от Токио. Уже на борту «Рэндольфа» он получил известие о смерти своей жены Хелен, что сделало его свободным от брачных уз. Кстати, в связи с этой смертью почему не принять за версию такой вариант развития событий. Зная о том, что жена Тейта смертельно больна, американские контрразведчики сочли за благо отозвать его из Москвы до ее смерти. В противном случае Тейт мог форсировать свои отношения с Федоровой и и угодил бы в «медовую ловушку», что называется, по уши.

А что же Зоя Федорова?

Узнав о том, что ее возлюбленный покинул СССР, она пыталась с ним связаться через своих друзей-американцев – через ту же Элизабет Иган. Но эти друзья ничего не смогли для нее сделать (или не захотели, зная истинную подоплеку отъезда Тейта). А потом Зоя обнаружила, что беременна. Можно предположить, что эта беременность была запланирована ею и чекистами, чтобы накрепко привязать к ней Тейта и на этой почве его завербовать. Но американец покинул СССР, и встала дилемма: что делать с ребенком? Отметим, что в СССР аборт в то время были запрещены, хотя для определенной категории граждан – элитарной – они производились (остальные делали такие операции подпольно и могли за это угодить в тюрьму). Зое, учитывая ее возраст (и, видимо, беря во внимание ее стаж работы на спецслужбы), было разрешено ребенка сохранить.

Согласно «Дочери адмирала», еще во время беременности Зоя впервые заметили за собой слежку со стороны МГБ. Читаем в книге:

«Впервые она поняла, что за ней следят, как-то в августе, проснувшись под утро и почувствовав жажду. Налив в стакан воды, она подошла к выходявшему во двор окну, чтобы распахнуть его пошире. В дальнем углу двора стояли двое мужчин, уставившись на ее окно. Она не могла ошибиться, они смотрели именно на ее окно, потому что стоило ей приблизиться к нему, как они тотчас отвернулись.

Зоя снова легла, но сна как не бывало. Почему за ней следят? Ясно, что не из-за Джексона. Ведь уже несколько месяцев, как он уехал. Тогда почему?

Может, следят вовсе не за ней? Но спустя три дня ее опасения полностью подтвердились. Съемки на студии в тот день проходили на редкость трудно, она ужасно устала. Ноги отекали, спину ломило.

Когда объявили перерыв и выключили камеры, она в ожидании следующего вызова с наслаждением устроилась в уголке в студии звукозаписи. Бросила взгляд на свои часы. До окончания съемок еще по меньшей мере два часа. Она зевнула.

Это не осталось без внимания одного из сотрудников студии, партийца.

– Устали, Зоя?

– Немножко, – ответила она.

Он улыбнулся.

– Если хотите сниматься в фильмах, вряд ли стоит засиживаться за полночь на вечеринках.

Его слова пронзили ее, как удар ножа.

– Откуда вы знаете?

Но он не ответил и вышел из студии.

В тот вечер она поставила будильник на пять утра. Когда он прозвенел, солнце только-только начало выглядывать из-за горизонта. Зоя встала с постели и выглянула из-за занавески во двор. Двое молодых людей снова были на месте, хотя ей показалось, что это не те, которых она видела в первый раз.

Зоя высунулась из окна.

– Привет! – крикнула она.

Молодые люди отвернулись, сделав вид, будто чем-то заняты.

– Я к вам обращаюсь. Ни свет ни заря, а вы уже тут как тут!

Они поспешили уйти.

Но она знала, что они вернуться.

Почему? Ну почему? Лежа в постели и пытаясь заснуть, она снова и снова задавала себе этот вопрос и по-прежнему не находила на него ответа. Единственным объяснением был Джексон, но его выслали из страны, а потому слежка за ней явно бессмысленна. Если, как говорят, всеведущий НКВД знает все обо всех, им, конечно же, известно, что она беременна. Какой вред в своем нынешнем положении она может принести кому бы то ни было, даже если б захотела? И уж конечно же, они знают, что она всего лишь актриса. Она далека от политики, равно как и ее друзья.

Нет, слежка за ней лишена всякого смысла, и все же за ней следят. Она улыбнулась в темноте. Вряд ли им могла прийти в голову мысль, что она попытается сбежать к Джексону. Беременная женщина? Она даже не знает, где он сейчас. Его письма, если он их и писал, до нее не доходят.

Берия!

На какое-то мгновение в памяти всплыло это имя. Нет! С того случая прошло столько лет. Если бы он жаждал мести, он бы уже наверняка давным-давно осуществил свое желание. Да, но должно же быть какое-то объяснение, вот только оно пока что не пришло ей в голову. Может, речь идет о каком-нибудь преступлении, которое ошибочно приписывают ей? Было же время, когда ее отца посчитали шпионом только потому, что он справился об адресе врача у соседа-немца?

Ну что ж, тут уж ничего не поделаешь. Жаловаться или допытываться, почему за ней следят, бесполезно, это лишь привлечет внимание, что вряд ли разумно. Только время покажет, что к чему. А пока ей остается ждать и жить в вечной тревоге. Или же второй вариант: ждать и не оставлять попыток жить в мире прекрасного, чтобы все случившееся не отразилось пагубно на ребенке...»

Что получается, согласно этому тексту? Что до августа за Федоровой никто не следил? Но это просто невозможно, учитывая статус Тейта. Или чекисты так хорошо маскировались, что влюбленные, занятые своими чувствами, эту слежку не обнаруживали? Либо действовал иной вариант: за агентом «Зефиром» специально не следили, поскольку он регулярно отчитывался перед своим начальством о контактах с Тейтом.

Идем дальше по тексту книги. Читаем:

«Зоя подумывала об аборте, но отказалась от этой мысли. Она хотела ребенка. Убить его – значило бы убить то единственное, что осталось у нее от Джексона. Пусть мелкие, ограниченные люди болтают что угодно, она с гордостью выносит своего ребенка.

Да и возраст у нее такой, что самое время подумать об этом. Как бы не оказалось поздно. И даже если к ней снова придет любовь, когда она еще будет в состоянии произвести кого-то на свет, вряд ли этот ребенок будет зачат в момент близости столь страстно любящих друг друга людей, как они с Джексонном.

Зоя радовало отношение друзей. Лишь двое-трое отвернулись от нее, позволив себе несколько ядовитых замечаний по ее адресу. Все остальные остались рядом, готовые в любой момент прийти на помощь. И самое главное, рядом был Саша.

Саша был такой высокий и такой тощий, что походил на тростинку. Пианист, ее постоянный аккомпаниатор и композитор, он часами бродил по улицам Москвы, уйдя в свои мысли и прислушиваясь к звучащей в голове музыке. Ему ничего не стоило прийти на официальный прием в брюках и рубашке без галстука, зато с карандашом за ухом. Или в вечернем костюме, но все с тем же карандашом. Он был самым добрым человеком из всех, кого когда-либо знала Зоя.

Узнав о ее беременности, он тут же примчался, предложив ей выйти за него замуж ради будущего ребенка. Зоя была тронута до глубины души. Но от замужества отказалась.

– Мы с тобой близкие друзья, но никогда не станем любовниками. Было бы несправедливо связывать тебя узами законного брака. Вот если бы ты согласился признать себя отцом ребенка...

Он поцеловал ей руку.

– С радостью, Зоя Алексеевна. Почту за честь...»

Согласно этому тексту выходит, что друзья Зои прекрасно знали, от кого актриса ждет ребенка – от американца. А как в народе говорится: если тайну знают больше двух людей – это уже не тайна. То есть наивно думать, что об

этом событии не знали в НКГБ (если следовать официальной версии этой истории). Тогда зачем Зое понадобился Саша? Кстати, речь идет об Александре Рязанове 1908 года рождения – музыканте, который в ту пору аккомпанировал Федоровой во время ее выступлений. Обратим внимание, что Рязанов был художественным руководителем флотского оркестра «Морские охотники» и выступал на боевых кораблях. А на такие должности обычно назначают людей проверенных. А Рязанов к таковым не относился – он был из симбирских дворян, его отец в начале прошлого века служил офицером в Симбирском кадетском корпусе. Обычно из таких людей чекисты и старались вербовать свою агентуру. Поэтому почему бы не предположить, что и Рязанов мог быть таким агентом. Вспомним композитора Льва Книппера – агента НКВД, который должен был остаться в оккупированной Москве осенью 1941 года (как и Зоя Федорова). Он с 1932 года был инструктором по массовой работе Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, а с 1936 года стал руководителем музыкальной части Театра народов Востока. Книппер вел активную творческую и пропагандистскую работу в Красной армии, поскольку был лицом доверенным. Вот и Рязанов после войны сотрудничал с ансамблем песни и пляски Черноморского флота. Напомним, что жена композитора тоже была агентом НКВД – это была агентурная пара. Так же, как и союз в лице Александра Демьянова («Гейне») и Татьяны Березанцевой. Почему не предположить, что и пара Федорова – Рязанов не относилась к этому же числу?

Если исходить из этой версии, то многое становится понятно. Федорову и Рязанова свел НКГБ, причем им разрешили не оформлять их отношения официально, через ЗАГС, а жить под одной крышей неофициально. Ведь если Зоя хотела бы по-настоящему скрыть факт рождения ребенка от иностранца, она должна была сломя голову бежать с Рязановым в ЗАГС и стать его официальной женой. И дать своей дочери отчество Александровна, вместо Яковлевна (производное от Джек – Иаков), чтобы окончательно запутать как спецслужбы, так и разного рода сплетников. Но она предпочла совсем иной путь. Почему? Видимо, потому что не боялась быть разоблаченной, поскольку ребенка она рожала с ведома НКГБ и не боялась репрессий с его стороны по этому поводу. Этих репрессий, кстати, и не последовало. В противном случае ее должны были арестовать сразу по выходе из родильного дома, чего, как известно, не случилось, поскольку агент «Зефир» и дальше должен был работать среди иностранцев. Именно поэтому и была затеяна эта история с Рязановым. Чекисты, видимо, были прекрасно осведомлены о том, что у американцев не было веских улик подозревать Зою Федорову в работе на НКГБ. Но подозрения такие у них были. Чтобы их развеять, в НКГБ и разработали операцию по реабилитации агента «Зефир» в глазах американцев. Ей разрешили родить ребенка и записать ее как Яковлевна (Джексоновна). Подобрали ей «мужа», причем он должен был быть неофициальным, чтобы американцы убедились в том, что Зоя по-прежнему верна Тейту. Для этого же она периодически писала ему письма и просила своих американских друзей отослать их в США. При этом вряд ли в НКГБ надеялись, что Тейт на них ответит и попытается воссоединиться с Зоей. Целью этих акцией было иное – развеять сомнения американских контрразведчиков относительно Федоровой. Она должна была по-прежнему быть вхожа в американское, а заодно и в английское посольства. И она туда была вхожа, что ясно указывает на то, что операция прикрытия удалась. В результате подруга Зои американка Элизабет Иган 16 августа 1946 года составила рапорт на имя нового посла США в СССР Уолтера Смита (он сменил в марте 1946 года Аверелла Гарримана), где речь шла именно о Зое Федоровой. Зададимся вопросом: почему новый посол вдруг заинтересовался актрисой? Видимо, потому что он был в курсе истории с Тейтом и подозрений его контрразведки относительно Федоровой. Отмечу, что У. Смит после посольской должности займет разведывательную – в 1950–1953 годах станет директором ЦРУ.

Но вернемся к рапорту Иган, который стал достоянием МГБ (в марте 1946 года Народный комиссариат государственной безопасности стал Министерством государственной безопасности). В нем сообщалось следующее:

«Зоя Федорова – бывшая кинозвезда, играла ведущую роль в картине „Девушка из Ленинграда“ (на самом деле – „Музыкальная история“. – Ф. Р). Впервые Зоя познакомилась с иностранцами через Генри Шапиро, который представил меня ей. Поскольку она злоупотребляла этим, ее карьера резко закончилась.

Однако она все еще является полезной в смысле приобретения случайных интересных связей, главным образом из театральной и музыкальной среды. Время от времени я встречала в ее доме генерала Красной армии, капитана Красного флота и женщину – капитана Красной армии».

Обратим внимание на фразу: «Поскольку она злоупотребляла этим, ее карьера резко закончилась». И вспомним письмо Сталину агента НКВД, писательницы Ольги Войтинской. Та писала вождю: «Я знала, что НКВД может помочь мне только в самом крайнем случае...» Вот и в случае с Федоровой получилось нечто похожее. В руководстве Кинокомитета сложилось плохое мнение о Федоровой из-за ее связей с иностранцами. Поэтому ролей в кино ей в период 1942–1946 годов почти не давали (она тогда снялась лишь в двух фильмах), а НКВД в это не вмешивался, так как ему был выгоден такой расклад. Согласно ему, это создавало перед иностранцами образ гонимой Зои Федоровой (о чем и пишет Иган).

Плохо относился к Федоровой и нарком от кино Иван Большаков. Как мы помним, он пришел к руководству кинематографом в 1939 году, успев два года отработать в качестве управляющего делами СНК СССР. Последний в те годы возглавлял Вячеслав Молотов, вот он и порекомендовал Сталину на пост руководителя кино Большакова. Сталин согласился и не пожалел. В итоге Большаков проработал на этом посту дольше всех его предшественников – 14 лет (столько же лет отработает и Ф. Ермаш – с 1972-го по 1986-й). Как пишет Г. Марьямов:

«...Без малого 15 лет министром кинематографии СССР был И. Г. Большаков. Срок большой в условиях того времени. Столь долговременное пребывание на этом посту называют даже „большаковским феноменом“.

Чем его объяснить?

Да, срок для тех, кто общался с „отцом народов“, очень большой. Его „отцовство“ обычно бывало более коротким и для многих заканчивалось трагически. Исключение составляли те, в ком он видел для себя не более чем обслугу. Сталин не любил, чтобы перед ним мелькали новые лица, они внушали опасение, вызывали глубоко скрываемый страх... Это нельзя не учитывать, объясняя „феномен Большакова“ Сталин привык, входя в просмотровый зал, видеть за микшером знакомое лицо. Для него оно было не более чем принадлежностью просмотрового зала. Вместе с тем Большаков обладал качеством, которое очень ценилось: он был идеальным исполнителем, натренированным еще в годы пребывания у Молотова управляющим делами Совнаркома. Большаков мог отвечать „с листа“ на вопросы, не заглядывая в записи. Это устраивало Сталина. Не случайно во время войны он предпочитал иметь дело со штабистами, способными „наизусть“ докладывать оперативную карту...»

У Большакова были плохие отношения с Берией, но последний ничего не мог поделать с наркомом от кино, поскольку тот был близок к Сталину. Вполне вероятно, Большаков знал об отношениях Федоровой с Берией, поэтому и недолюбливал ее. Он мог не знать об ее агентурной принадлежности (разве что догадывался) и считал ее всего лишь фавориткой Берия, но сути дела это не меняло – актриса была не в чести у Большакова и его заместителей. Отсюда и могли вытекать притеснения по отношению к ней.

Между тем матерью Зоя Федорова стала 18 января 1946 года, когда родила на свет девочку, которую назвала Викторией (это было их совместное желание с Тейтом – в честь Победы над гитлеровской Германией назвать мальчика Виктором, а девочку Викторией).

Вообще 1946 год стал самым «урожайным» для Москвы на новорожденных. Тогда в столице родилось более девяти тысяч младенцев. Это в три с половиной раза больше, чем в 1943-м! Смертей в столице в том году было в полтора раза меньше, зато свадеб сыграли в три с половиной раза больше – 7203 против 1901.

Согласно «Дочери адмирала», после выписки Зои из роддома за ней продолжают неотступно следовать «топтуны» из МГБ. Они даже в роддоме за ней следили – об этом ей рассказала одна из медсестер. Не оставляют они в покое артистку и в дальнейшем – следят за ней на улице и даже на съемочной площадке. Читаем в книге:

«...Каждый день, собираясь на студию, она со щемящей болью отрывалась от своей крошки, Виктории, Викули, Вики,

Викочки – вот сколько ласковых имен придумала она для нее. Но труднее всего было выносить непрекращавшуюся слезку – иногда это была женщина, иногда один мужчина, но чаще – двое. Они всегда поджидали ее на улице и следовали за ней даже тогда, когда она везла Вику на прогулку в парк. Она постоянно натыкалась взглядом на незнакомых ей людей, толкшихся по углам съемочной площадки...»

Зададимся вопросом: в каком фильме могла сниматься тогда Федорова? Авторы «Дочери адмирала» весьма скрупулезны на детали и пишут только следующее:

«...Едва оправившись от родов, Зоя приступила к съемкам нового фильма. Как и всегда, она играла в нем роль лирической героини, благородной женщины, с одинаковой преданностью любящей своего возлюбленного и свою родину. Потом Зоя уже и не вспомнит названия той картины. Как актриса, она всегда отличалась необычайной добросовестностью, но на этот раз соображения карьеры отодвинулись на второй план, уступив место крошечной девочке, которую она оставляла каждый день на попечение только что нанятой домработницы Шуры. Виктория полностью заполнила ту пустоту в ее жизни, которая образовалась с уходом из нее Джексона...»

Заметим, что отсняться в нем до конца Зоя не сможет – ее заменят в процессе съемок, причем по той же причине – из-за ее романа с Джексоном. Ее роль будет отдана другой актрисе, которую сама Федорова назвала посредственной. А теперь попытаемся разобраться в этой истории детально.

Исходя из того, что в Москве было три киностудии, где снимались художественные фильмы, – «Мосфильм», «Союздетфильм» и Студия научно-популярных фильмов, пройдемся по спискам каждой из них. Итак, в 1946 году на «Мосфильме» было снято восемь фильмов, на «Союздетфильме» – три, на СМПФ – один. Попробуем установить, в каком же фильме этих киностудий могла сниматься тогда Зоя Федорова. Начнем с мосфильмовских картин.

«Адмирал Нахимов» – кино военное, сугубо мужское, женских ролей в нем не было.

«Беспокойное хозяйство» – комедия на военную тему, где женская роль всего лишь одна – у Людмилы Целиковской. Но исключено, что это она вытеснила Федорову, поскольку эта роль писалась именно под Целиковскую. У нее в ту пору завязался роман с Михаилом Жаровым, который был режиссером фильма и исполнителем главной мужской роли. Места для Федоровой там просто бы не нашлось.

«В горах Югославии» – еще один фильм на военную тему, где была всего лишь одна женская роль – у Ольги Жизневой, которая играет жену югославского партизана Янко. В этой роли можно представить и Федорову, если бы не одно «но» – съемки фильма большей частью велись в Югославии. А Федорова, как мы помним, была кормящей матерью и вряд ли бы согласилась уехать так далеко от своей крошки. Да и кто бы ее отпустил, учитывая ее историю с Джексоном (имея в виду версию, изложенную в книге)?

«Глинка» – биографический фильм о великом русском композиторе. Режиссером картины был Лео Арнштам, который хорошо знал Зою Федорову, сняв ее на «Ленфильме» в двух фильмах: «Встречный» (1933) и «Подруги» (1936). Поэтому вполне можно предположить, что он вспомнил о ней и теперь, когда перешел на работу на «Мосфильм». Однако и здесь есть нюансы. В «Глинке» было несколько женских ролей, но больших было только две: мать юного Глинки и жена Глинки. В первой роли снялась Елена Кондратьева, которая была супругой главного художника фильма Владимира Каплуновского. Поэтому вряд ли и она могла перебежать дорогу Федоровой – наверняка на эту роль ее планировали заранее.

В роли жены Глинки снялась Валентина Серова. Звезда тогдашнего советского кинематографа. Поэтому и ее вряд ли можно заподозрить в том, что она отняла роль у Федоровой. К тому же последняя назвала свою

сменщицу посредственной актрисой, а Серова к таковым не относилась (за эту роль ее наградят Сталинской премией).

«Каменный цветок» – фильм-сказка, поэтому вряд ли может иметь отношение к Зое Федоровой. К тому же главную женскую роль в нем играла прима Тамара Макарова. А две другие женские роли исполняли молодые актрисы Екатерина Деревщикова и Анна Петухова.

«Наше сердце» – кино на военную тему. Самое подходящее для Зои Федоровой кино, да и роль под нее там имеется – женщина, которая влюблена в главного героя, летчика. Однако это сугубо «семейное» кино, и главные женские роли в нем исполняют актрисы-жены. Так, Нина Зорская – жена оператора фильма Валентина Павлова, а Виктория Германова – супруга актера Михаила Кузнецова, который и исполняет роль смелого летчика. Куда тут приткнуться Зое Федоровой, непонятно.

«Первая перчатка» – кино на спортивную тему, про бокс. Главная женская роль есть, но она предназначена для молодой актрисы Надежды Чередниченко, которая почти на 20 лет моложе Федоровой (она родилась в 1927 году). На остальные женские роли в этом фильме героиня нашего рассказа тоже не подходит – это второстепенные персонажи.

«Старинный водевиль» – музыкальная комедия, где в главной женской роли опять же молодая актриса Елена Шевцова. Остальные женские роли второстепенные, да еще и возрастные, без какой-либо любовной линии.

Таким образом, из восьми картин, снятых в 1946 году на «Мосфильме», ни в одной нельзя отыскать места для Зои Федоровой.

Та же история и с тремя лентами «Союздетфильма»: «Сын полка» (сугубо мужской фильм), «Синегория» (сугубо детский фильм, где главная женская роль у девочки-подростка) и «Крейсер «Варяг» (опять же сугубо мужская картина).

Та же история с картиной «Белый клык», снятой на Московской студии научно-популярных фильмов. Там всего одна женская роль – у Елены Измайловой (1920), которая играет жену горного инженера Уиндона Скотта. Роль небольшая и вполне подходит под то определение, которое дается в книге «Дочь адмирала»: «...Она играла в нем роль лирической героини, благородной женщины, с одинаковой преданностью любящей своего возлюбленного и свою родину». Но читаем дальше: «Потом Зоя уже и не вспомнит названия той картины...» Как это понимать, если фильм «Белый клык» можно с полным основанием назвать классикой советского детского кинематографа? Ведь снял его Александр Згуриди – наш выдающийся режиссер (в годы моего детства он был известен как ведущий телепередачи «В мире животных»).

В итоге всех этих умозаключений можно смело предположить, что ни в каких фильмах в 1946 году Зоя Федорова не снималась. И вся эта история была придумана авторами книги «Дочь адмирала» для того, чтобы чем-то занять героиню рассказа, плюс накрутить интригу – ведь на съемках фильма за Зоей шпионят «топтуны», а затем режиссер заменяет ее на другую актрису, поскольку за Зоей тянется шлейф истории с Джексоном Тейтом.

А действительно, чем Зоя Федорова занималась в период после отъезда своего возлюбленного-американца? Согласно «Дочери адмирала» – снималась в кино, играла в Театре киноактера и постоянно шараялась от «топтунов». А как же ее встречи с иностранцами – неужели они прекратились? В книге об этом ничего не говорится, за исключением одного эпизода от 25 декабря 1946 года, когда Зоя отмечала католическое

Рождество на квартире своих друзей – английского журналиста Александра Верта и его супруги Марии. Из этого можно смело сделать вывод, что и до этого она неоднократно проводила время в их компании, как и в кругу других иностранцев – тех же американцев, например. Но авторы «Дочери адмирала» об этом умалчивают, преследуя весьма определенную цель – в таком случае пришлось бы объяснять читателю весьма странную вещь: каким образом МГБ не пресек эти встречи Зои, прекрасно зная о том, от кого именно она родила дочь?

Получается, «топтуны» за ней следовали по пятам, но ее встречи с иностранцами благополучно продолжались? Где здесь логика? А она может быть только в одном: агент «Зефир», сумевшая убедить своих друзей-иностранцев в том, что она не является агентом МГБ, продолжает свои встречи с американцами и англичанами под прикрытием Лубянки. Однако эта версия вроде бы должна рассыпаться в прах, поскольку в декабре 1946 года Зою Федорову арестовывают. И снова заглянем в книгу «Дочь адмирала»:

«...27 декабря 1946 года. В доме у английского журналиста Александра Верта и его жены Марии только что закончился удивительно славный рождественский вечер. Было приятно провести время в обществе интересных людей, работавших во многих странах за пределами Советского Союза и так много знавших о них.

Зоя решила пройтись до дома пешком. Идти было всего-то несколько кварталов, а улицы Москвы даже в час ночи абсолютно безопасны. Она плотнее запахнула свою меховую шубку – все еще теплую, хотя и здорово поизносившуюся, – и пошла домой.

Морозный воздух приятно охлаждал лицо, словно выбивая из головы густой сигаретный дым. Она огляделась в поисках, как она их стала называть, „стражей“, но ни одного не заметила. Зоя тихонько засмеялась. Не иначе как до смерти продрогли в ожидании конца вечера.

Квартира встретила ее полной тишиной. Шура (няня. – Ф. Р) уже спала. Сняв шубку и шапочку, Зоя прошла к дочке. Виктория тоже спала, лежа на животике. Зоя подоткнула вокруг нее одеяльце и, склонившись над малышкой, поцеловала ее в головку. Потом глубоко вздохнула. Запах детского талька и тельца ребенка – есть ли в мире аромат чудесней?

Зоя смотрела на спящую дочку. Подумать только, ей почти годик. Какой же замечательный день рождения ждет тебя, моя дорогая Вика. Я осыплю тебя подарками, сколько бы они ни стоили!

Нагнувшись над кроватью, она снова поцеловала девочку и на цыпочках вышла из комнаты. Бедный Джексон – теперь она уже могла думать о нем без боли, – как многого ты лишился!

Она пошла на кухню выпить немного соку. От шампанского ей всегда было не по себе, даже от маленького глотка, который она выпила на вечере у Александра. Оно всегда вызывало тупую головную боль и ощущение сухости во рту. Она протянула руку к дверце буфета, где стояли стаканы, и тут раздался резкий нетерпеливый стук в дверь квартиры.

Зоя оцепенела. Ужас был столь велик, что она не могла шелохнуться. Она знала, кто стучит. Вся Москва знала, что означает этот стук в ночи, когда все спят и никто ничего не видит.

Она не двинулась с места, пока стук не повторился, теперь уже более громкий и настойчивый. Надо ответить, иначе они выломают дверь.

Подойдя к двери, она открыла ее. В квартиру ввалились шесть мужчин и одна женщина. Зоя узнала только одного из них – их дворника. Он не глядел на нее. Не осмеливается, подумала она. Должно быть, стыдно выступать понятиям против тех, кто всегда к тебе хорошо относился.

Зое казалось, что все происходящее – сон, в котором участвуют две Зои: с одной Зоей все это происходит, а другая стоит в сторонке и внимательно за всем наблюдает, подмечая всякие мелочи: на женщине меховая шуба, у мужчин темнозеленая форма. У одного на плечах красные погоны. Все эти мелочи абсолютно несущественны, сказала одна Зоя другой. Прекрати. Соберись с мыслями. Решается твоя судьба.

Мужчина с красными погонами вытащил какую-то бумагу и сунул Зое в лицо. Она разобрала только два слова: „преступление“ и „арест“.

Зоя затрясла головой.

– Это ошибка. Я ни в чем не виновата. Я не совершила никакого преступления.

Лицо мужчины оставалось бесстрастным.

– Если вы невиновны, вам не о чем беспокоиться. Вы поедете с нами, и мы ознакомимся с вашим делом. Невиновны – все быстро выяснится, и вас доставят обратно. Вам не следует ничего с собой брать.

С обеих сторон от Зои встали двое и взяли ее за руки.

– Мне же надо надеть пальто, – сказала Зоя.

Человек в погонах кивнул тем двоим, что держали ее за руки. Они отпустили ее. Зоя подошла к шкафу, из которого женщина вытаскивала вещи, бросая их на пол. Чтобы найти свое пальто, Зое пришлось рыться в лежащем на полу ворохе вещей. Она оделась. Женщина даже не повернулась в ее сторону.

И тут Зоя увидела Шуру – она стояла, прижавшись к стене, в ночной сорочке, скрестив руки на груди, с застывшими от ужаса глазами. В квартире уже царил полный хаос. Один из мужчин вытаскивал ящички из бюро, выкидывая их содержимое прямо на пол. Другой освобождал ящик обеденного стола, выкладывая все, что вытаскивал, на стол и пристально изучая каждый предмет.

– Зачем вы это делаете? – спросила Зоя.

– Раз вы невиновны, это не имеет никакого значения, – ответил человек с погонями. – Пора идти.

Двое мужчин вновь взяли ее за руки. Зоя вырвалась.

– Мой ребенок! Ей только одиннадцать месяцев! Ее нельзя оставлять одну!

– У вас есть домработница. Она сообщит обо всем вашей сестре. Если ваша сестра захочет взять ребенка, ради Бога. Если же нет, он будет воспитываться в детском доме. Пошли!

– Я хочу последний раз взглянуть на ребенка!

– Нельзя! – Он отрицательно покачал головой.

– Я должна взглянуть на свою дочь, иначе я никуда не пойду.

– У вас нет никакого права говорить о том, чего вы хотите и чего не хотите, – раздраженно произнес он.

Откинув голову назад, Зоя пронзительно закричала. Один из держащих ее мужчин зажал ей рот рукой в перчатке. Человек с погонями был явно обескуражен.

– Хорошо, можете посмотреть на нее, но не дотрагивайтесь до ребенка.

Они провели ее в комнату, где спала Вика, а сами остановились в дверях, не сводя с нее глаз. Зоя кинулась к кровати и упала на колени. Слава Богу, девочка лежала на спинке и Зоя видела ее личико. Одну ручонку малышка сжала в кулачок, подложив его под щечку.

Зое безумно хотелось потрогать этот сжатый кулачок, коснуться щечки, поцеловать девочку. Слезы застилали глаза, она вытерла их. Нужно как следует взглядеться в детское личико, запомнить каждую его черточку, чтобы оно навсегда сохранилось в памяти. Быть может, она видит свою дочку в последний раз.

Она уже не просто плакала, а, зайдясь в рыданиях, захлебывалась слезами. Услышав непривычные звуки, девочка

отвернула от Зои головку. Не отворачивайся от меня, мысленно взмолилась Зоя.

– Пошли, пора! – приказал стоявший в дверях человек.

Зоя придвинулась к ребенку.

– Прощай, моя Вика. Мне уже никогда не увидеть тебя вновь!

Им пришлось поднять ее на ноги и силой вывести из комнаты.

Машина с включенным мотором ждала на улице. Зою вели трое; еще трое и женщина остались в квартире. Ее толкнули на заднее сиденье, двое уселись по бокам, третий сидел на откидном сиденье, лицом к ней. Он постучал в стеклянную перегородку, и машина тронулась...»

Итак, если Зоя Федорова долгие годы была агентом спецслужб под агентурным именем «Зефир», возникает закономерный вопрос – почему же ее арестовали? Ну что же, попробуем разобраться и в этом вопросе во всех подробностях.

Арест агента, или Одна в поле не воин

Бульдог в Фултоне, или Так начиналась холодная война. – Рождение МГБ, или Абакумов вместо Меркулова. – Лаврентий Берия: насильник или жертва наговора? – В постели с наркомом. – Зоя в Лефортовской тюрьме, или Пропавшие протоколы. – По этапу, или Почему лагеря заменили тюрьмой

Арест Зои Федоровой, без всякого сомнения, был вызван теми событиями, которые произошли в 1946 году как в мире, так и внутри СССР, в частности – в органах госбезопасности. Начнем с первого.

Именно тогда началась холодная война между Советским Союзом и Западом (в первую очередь – США и Великобританией). Собственно, как уже говорилось ранее на страницах этой книги, это противостояние между членами антигитлеровской коалиции зародилось еще в ходе войны против Гитлера – на последнем ее этапе. Западные союзники, которые всю войну надеялись на то, что Советский Союз в битве с нацистами ослабнет настолько, что с ним можно будет обращаться без всякого пиетета. Но вышло иначе. СССР в военном отношении вышел из этой войны не ослабленным, а еще более сильным, чем был в момент нападения Гитлера. Это открытие напугало Запад, поскольку он увидел, что авторитет СССР в мире вырос настолько, что его стали называть сверхдержавой.

А это грозило Западу весьма серьезными проблемами, и в частности – потерей влияния в мире. Поэтому холодная война была неизбежна, и начать ее должен был именно Запад, который всегда поступал подло: взять тот же мюнхенский сговор 1938 года или затяжку второго фронта аж до 1944 года. Конечно, политика как таковая редко делается в белых перчатках, но то, как вел себя Запад в годы Второй мировой войны, – это чистой воды подлость, целью которой было натравить Гитлера и Сталина друг на друга, выждать момент, когда они ослабнут в этом противостоянии, и потом уничтожить обоих. Но этот план не удался. Сталинская система оказалась настолько крепкой, что не только победила гитлеровскую, но способна была бросить вызов еще и западной цивилизации. Когда последняя это поняла, она решила навязать СССР холодную войну, поскольку в горячей ее фазе Запад попросту проиграл бы противостояние.

Старт холодной войне дала речь бывшего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля по прозвищу Бульдог в американском городе Фултоне, который (и это символично) был родиной тогдашнего президента США Гарри Трумэна. Это событие произошло 5 марта 1946 года.

Отметим, что все политики – люди достаточно циничные и лицемерные. Но есть среди них такие, у которых эти качества, что называется, зашкаливают. Вот У. Черчилль был именно из их числа. Он был расистом, как и Гитлер, о чем говорят многие факты из его биографии. Взять, к примеру, историю голода в Индии в годы Второй мировой

войны. Что имеется в виду? После оккупации Японией Бирмы в Индию прекратились поставки бирманского риса. В то же время рисовые поля на западе Индии приспособлялись для выращивания джута, из которого делали мешки – видимо, для армейских нужд. Черчилль отказался предоставить помощь голодавшим, ссылаясь на отсутствие свободных судов, из-за чего в Калькутте и штате Западная Бенгалия от голода погибли более миллиона человек. А в это самое время британские суда регулярно перевозили крупы из Австралии в страны средиземноморского региона, где острой нехватки продовольствия не было. Более того, их маршруты пролегали мимо индийского субконтинента.

Черчилль многократно игнорировал предложения доставить продовольствие в Индию, которые озвучивали Австралия и США – даже когда Соединенные Штаты предложили использовать для этого американские корабли и суда. В итоге, пока жители Калькутты умирали с голоду, представители британской администрации жили на широкую ногу и закатывали обеды в ресторанах и клубах города. Нежелание Черчилля предоставить при этом помощь голодавшим многие исследователи этой проблемы уже тогда объясняли расистскими убеждениями премьер-министра.

О расизме Черчилля сказал и Сталин, когда комментировал его фултонскую речь. Цитирую:

«...Следует отметить, что господин Черчилль и его друзья поразительно напоминают в этом отношении Гитлера и его друзей. Гитлер начал дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив, что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию. Господин Черчилль начинает дело развязывания войны тоже с расовой теории, утверждая, что только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира. Немецкая расовая теория привела Гитлера и его друзей к тому выводу, что немцы как единственно полноценная нация должны господствовать над другими нациями. Английская расовая теория приводит господина Черчилля и его друзей к тому выводу, что нации, говорящие на английском языке, как единственно полноценные, должны господствовать над остальными нациями мира...».

Итак, что же сказал Черчилль в Фултоне? Вот лишь некоторые выдержки из его выступления:

«...Соединенные Штаты находятся в настоящее время на вершине всемирной мощи. Сегодня торжественный момент для американской демократии, ибо вместе со своим превосходством в силе она приняла на себя и невероятную ответственность перед будущим. Оглядываясь вокруг, вы должны ощущать не только чувство исполненного долга, но и беспокойство о том, что можете оказаться не на уровне того, что от вас ожидается. Благоприятные возможности налицо, и они полностью ясны для обеих наших стран. Отвергнуть их, проигнорировать или же без пользы растратить означало бы навлечь на себя бесконечные упреки грядущих времен.

Постоянство мышления, настойчивость в достижении цели и великая простота решений должны направлять и определять поведение англоязычных стран в мирное время, как это было во время войны. Мы должны и, думаю, сможем оказаться на высоте этого жесткого требования.

Стоя здесь в этот тихий день, я содрогаюсь при мысли о том, что происходит в реальной жизни с миллионами людей и что произойдет с ними, когда планету поразит голод. Никто не может просчитать то, что называют „неисчислимой суммой человеческих страданий“. Наша главная задача и обязанность – оградить семьи простых людей от ужасов и несчастий еще одной войны. В этом мы все согласны...».

В этом и есть высший цинизм такого политика, как Черчилль. Ему глубоко плевать на миллионы загубленных индийцев (а с момента их смерти прошло всего-то пара лет), он думает только о благополучии и процветании своих соотечественников-англичан (сегодня это называется двойными стандартами). Собственно, это вполне нормальное состояние для политика – думать в первую очередь о благе для своих сограждан. Но тогда зачем поминать всуе Господа, как это делает Черчилль? Цитирую:

«Я имею в виду прежде всего миллионы коттеджей и многоквартирных домов, обитатели которых, невзирая на превратности и трудности жизни, стремятся оградить домочадцев от лишений и воспитать свою семью в боязни перед Господом или основываясь на этических принципах, которые часто играют важную роль...».

Не меньшим цинизмом пахивают и следующие слова Черчилля:

«...Было бы неправильным и неосмотрительным доверять секретные сведения и опыт создания атомной бомбы, которыми в настоящее время располагают Соединенные Штаты, Великобритания и Канада, Всемирной Организации, еще пребывающей в состоянии младенчества. Было бы преступным безумием пустить это оружие по течению во все еще взбудораженном и не объединенном мире. Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках. Не думаю, что мы спали бы сейчас столь спокойно, если бы ситуация была обратной и какое-нибудь коммунистическое или неофашистское государство монополизировало на некоторое время это ужасное средство. Одного страха перед ним уже было бы достаточно тоталитарным системам для того, чтобы навязать себя свободному демократическому миру. Ужасающие последствия этого не поддавались бы человеческому воображению. Господь повелел, чтобы этого не случилось, и у нас есть еще время привести наш дом в порядок до того, как такая опасность возникнет. Но даже в том случае, если мы не пожалеем никаких усилий, мы все равно должны будем обладать достаточно разительным превосходством, чтобы иметь эффективные устрашающие средства против его применения или угрозы такого применения другими странами. В конечном счете, когда подлинное братство людей получило бы реальное воплощение в виде некоей Всемирной Организации, которая обладала бы всеми необходимыми практическими средствами, чтобы сделать ее эффективной, такие полномочия могли бы быть переданы ей...».

Заметим, что говорятся эти слова спустя всего лишь семь месяцев после того, как именно США, а не, к примеру, СССР («тоталитарная система», по утверждению того же Черчилля), применили атомное оружие, уничтожив 6 и 9 августа 1945 года жителей двух японских городов Хиросима и Нагасаки. Общее количество погибших составило от 90 до 166 тысяч человек в Хиросиме и от 60 до 80 тысяч человек – в Нагасаки. Само собой разумеется, что ни Черчиллю, ни Трумэну этих людей было не жалко, как и индийцев. Для них люди – это только американцы и англичане, а все остальные – низшие расы, отбросы человечества. Отсюда и эти слова Черчилля: «Ни один человек, ни в одной стране не стал спать хуже от того, что сведения, средства и сырье для создания этой бомбы сейчас сосредоточены в основном в американских руках». То, что японцы в те дни находились в ужасе от атомных бомбардировок своих городов, в расчет бывшим премьер-министром Великобритании не берется.

Читаем дальше фултонскую речь Черчилля:

«...Теперь я подхожу ко второй опасности, которая подстерегает семейные очаги и простых людей, а именно – тирании. Мы не можем закрывать глаза на то, что свободы, которыми пользуются граждане во всей Британской империи, не действуют в значительном числе стран; некоторые из них весьма могущественны. В этих государствах власть навязывается простым людям всепроникающими полицейскими правительствами. Власть государства осуществляется без ограничения диктаторами либо тесно сплоченными олигархиями, которые властвуют с помощью привилегированной партии и политической полиции. В настоящее время, когда трудностей все еще так много, в наши обязанности не может входить насильственное вмешательство во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны...».

Без всяких пояснений было понятно, о каких государствах вел речь Черчилль – в первую очередь о СССР, который совсем недавно был союзником США и Великобритании по антигитлеровской коалиции. И снова отметим цинизм выступающего: говорить о невозможности «насильственного вмешательства во внутренние дела стран, с которыми мы не находимся в состоянии войны», забыв о том, что всего девять месяцев назад планировал напасть на своего союзника СССР в рамках операции «Немыслимое». Читаем в Википедии:

«Операция „Немыслимое“ (англ. Operation Unthinkable) – кодовое название двух планов (наступательного и оборонительного) на случай военного конфликта между Великобританией и США против СССР, разработанных весной-летом 1945 года. Оба плана были разработаны по заданию премьер-министра Уинстона Черчилля Объединенным штабом планирования военного кабинета Великобритании, в глубочайшем секрете даже от других штабов. В настоящее время документы, относящиеся к этим планам, хранятся в Национальном архиве Великобритании. Непосредственной целью наступательного плана являлось силовое „вытеснение“ советских войск из Польши, оборонительного – организация обороны Британских островов в случае возможного советского вторжения в Западную Европу. В некоторых источниках план наступательной операции рассматривается как план Третьей мировой войны. Черчилль указал в комментариях на представленный ему проект плана, что план представляет собой „предварительный набросок того, что, я надеюсь, все еще чисто гипотетическая вероятность“.

...В своих мемуарах Черчилль следующим образом сформулировал свой взгляд на сложившуюся весной 1945 г. ситуацию: „Уничтожение военной мощи Германии повлекло за собой коренное изменение отношений между коммунистической Россией и западными демократиями. Они потеряли своего общего врага, война против которого была почти единственным звеном, связывавшим их союз. Отныне русский империализм и коммунистическая доктрина не видели и не ставили предела своему продвижению и стремлению к окончательному господству“. Из этого, по оценке Черчилля, проистекали следующие практические выводы для западной стратегии и политики:

- во-первых, Советская Россия стала смертельной угрозой для свободного мира;
- во-вторых, немедленно создать новый фронт против ее стремительного продвижения;
- в-третьих, этот фронт в Европе должен уходить как можно дальше на восток;
- в-четвертых, главная и подлинная цель англо-американских армий – Берлин;
- в-пятых, освобождение Чехословакии и вступление американских войск в Прагу имеет важнейшее значение;
- в-шестых, Вена, по существу, вся Австрия, должна управляться западными державами, по крайней мере на равной основе с русскими Советами;
- в-седьмых, необходимо обуздать агрессивные притязания маршала Тито в отношении Италии...

План „Немыслимое“ был готов 22 мая. В плане дана оценка обстановки, сформулированы цели операции, определены привлекаемые силы, направления ударов войск западных союзников и их вероятные результаты. В приложениях к плану содержатся сведения о дислокации войск Красной армии (в английских документах, как правило, употребляется термин „русская армия“) и западных союзников, а также картографический материал. Время поручения премьер-министра на разработку плана операции не указано, но, учитывая сложность его подготовки, характер и объем самих документов, есть все основания предполагать, что задание премьер-министра было получено планировщиками в апреле 1945 года.

Основной общеполитической целью операции предполагалось – навязать СССР волю США и Британии в отношении Польши. Однако, подчеркивали планировщики, „хотя «воля» двух стран и может рассматриваться как дело, напрямую касающееся лишь Польши, из этого вовсе не следует, что степень нашего вовлечения (в конфликт) непременно будет ограниченной“. Весьма возможно, что поставленной цели не удастся достичь с помощью ограниченной кампании, даже если она увенчается быстрой победой в операции на территории Германии, так как СССР продолжит активное сопротивление. В последнем случае следует быть готовыми к тотальной войне: „если они (русские) хотят тотальной войны, то они ее получат“.

План сухопутной кампании предполагал нанесение двух главных ударов в Северо-Восточной Европе в направлении Польши. Наилучшей зоной для наступления рассматривалась территория к северу от линии Цвиккау – Хемниц – Дрезден – Гёрлиц. При этом предполагалось, что остальная часть фронта будет удерживать оборону. Удары предполагались: северный, по оси Штеттин – Шнейдемюль – Быдгощ; и южный, по оси Лейпциг – Коттбус – Познань и Бреслау. Основные танковые сражения, как предполагалось, развернутся восточнее линии Одер – Нейсе, и от их исхода будет зависеть исход кампании. Несмотря на то, что численно союзники уступают советским силам, у них есть надежда добиться успеха благодаря фактору внезапности и превосходству в управлении войсками и в авиации. В таком случае англо-американцы смогут достичь общей линии Данциг – Бреслау. Далее отмечалось, что, если Красная армия не потерпит решающего поражения западнее этой линии и будет отведена, неизбежна тотальная война. Этот последний вариант рассматривался как крайне нежелательный и рискованный. Он потребует мобилизации всех сил и ресурсов союзников. Отмечалось, что невозможно говорить о пределе продвижения союзников в глубь России, при котором дальнейшее сопротивление русских станет невозможным. Планировщики не представляют себе саму возможность столь же глубокого и быстрого проникновения союзников, как то удалось немцам в 1942 году, не приведя при этом к окончательному успеху.

Планировщики отмечают, что в наступательных операциях удастся задействовать лишь 47 англо-американских дивизий, включая 14 бронетанковых. По их оценкам, им будут противостоять силы, эквивалентные 170 дивизиям союзников, из которых 30 дивизий – бронетанковые.

Также рассматривалась возможность формирования для участия в операции 10–12 немецких дивизий, которые, впрочем, еще не могут быть готовы к моменту начала военных действий. Предполагалось выступление против СССР большинства населения Польши и даже армии Берлинга (то есть армии просоветского правительства)...

По мнению профессора Эдинбургского университета Д. Эриксона, план Черчилля помогает объяснить, „почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 года перегруппировать свои силы, получил из Москвы приказ укрепить оборону и детально изучить дислокацию войск западных союзников. Теперь причины понятны: очевидно, план Черчилля стал заблаговременно известен Москве, и советский Генштаб принял соответствующие меры противодействия“. План операции „Немыслимое“ действительно был передан СССР Кембриджской пятеркой».

И снова вернемся к речи Черчилля в Фултоне:

«...Ни эффективное предотвращение войны, ни постоянное расширение влияния Всемирной Организации не могут быть достигнуты без братского союза англоязычных народов. Это означает особые отношения между Британским Содружеством и Британской империей и Соединенными Штатами. У нас нет времени для банальностей, и я дерзну говорить конкретно. Братский союз требует не только роста дружбы и взаимопонимания между нашими родственными системами общества, но и продолжения тесных связей между нашими военными, которые должны вести к совместному изучению потенциальных опасностей, совместимости вооружений и военных уставов, а также обмену офицерами и курсантами военно-технических колледжей. Это также означало бы дальнейшее использование уже имеющихся средств для обеспечения взаимной безопасности путем совместного пользования всеми военно-морскими и военно-воздушными базами...

Я уже говорил о Храме Мира (еще один пример цинизма Черчилля, который хорошо характеризует крылатая фраза: „Мы будем бороться за мир во всем мире так, что камня на камне не оставим“. – Ф. Р.). Возводить этот Храм должны труженики из всех стран. Если двое из этих строителей особенно хорошо знают друг друга и являются старыми друзьями, если их семьи перемешаны и, цитируя умные слова, которые попались мне на глаза позавчера, „если у них есть вера в цели друг друга, надежда на будущее друг друга и снисхождение к недостаткам друг друга“, то почему они не могут работать вместе во имя общей цели как друзья и партнеры? Почему они не могут совместно пользоваться орудиями труда и таким образом повысить трудоспособность друг

друга? Они не только могут, но и должны это делать, иначе Храм не будет возведен либо рухнет после постройки бездарными учениками, и мы будем снова, уже в третий раз, учиться в школе войны, которая будет несравненно более жестокой, чем та, из которой мы только что вышли.

На картину мира, столь недавно озаренную победой союзников, пала тень. Никто не знает, что Советская Россия и ее международная коммунистическая организация намереваются сделать в ближайшем будущем и каковы пределы, если таковые существуют, их экспансионистским и верообратительным тенденциям. Я глубоко восхищаюсь и чту доблестный русский народ и моего товарища военного времени маршала Сталина. В Англии – я не сомневаюсь, что и здесь тоже, – питают глубокое сочувствие и добрую волю ко всем народам России и решимость преодолеть многочисленные разногласия и срывы во имя установления прочной дружбы. Мы понимаем, что России необходимо обеспечить безопасность своих западных границ от возможного возобновления германской агрессии. Мы рады видеть ее на своем законном месте среди ведущих мировых держав. Мы приветствуем ее флаг на морях. И прежде всего мы приветствуем постоянные, частые и крепнущие связи между русским и нашими народами по обе стороны Атлантики. Однако я считаю своим долгом изложить вам некоторые факты – уверен, что вы желаете, чтобы я изложил вам факты такими, какими они мне представляются, – о нынешнем положении в Европе.

От Штеттина на Балтике до Триеста на Адриатике на континент опустился железный занавес. По ту сторону занавеса все столицы древних государств Центральной и Восточной Европы – Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София. Все эти знаменитые города и население в их районах оказались в пределах того, что я называю советской сферой, все они в той или иной форме подчиняются не только советскому влиянию, но и значительному и все возрастающему контролю Москвы...

Безопасность мира требует нового единства в Европе, от которого ни одну сторону не следует отталкивать навсегда. От ссор этих сильных коренных рас в Европе происходили мировые войны, свидетелями которых мы являлись или которые вспыхивали в прежние времена. Дважды в течение нашей жизни Соединенные Штаты против своих желаний и традиций и в противоречии с аргументами, которые невозможно не понимать, втягивались непреодолимыми силами в эти войны для того, чтобы обеспечить победу правого дела, но только после ужасной бойни и опустошений. Дважды Соединенные Штаты были вынуждены посылать на войну миллионы своих молодых людей за Атлантический океан. Но в настоящее время война может постигнуть любую страну, где бы она ни находилась между закатом и рассветом. Мы, безусловно, должны действовать с сознательной целью великого умиротворения Европы в рамках Организации Объединенных Наций и в соответствии с ее Уставом. Это, по моему мнению, политика исключительной важности.

Во многих странах по всему миру вдалеке от границ России созданы коммунистические пятые колонны, которые действуют в полном единстве и абсолютном подчинении директивам, которые они получают из коммунистического центра. За исключением Британского Содружества и Соединенных Штатов, где коммунизм находится в стадии младенчества, коммунистические партии, или пятые колонны, представляют собой всё возрастающий вызов и опасность для христианской цивилизации. Всё это тягостные факты, о которых приходится говорить сразу же после победы, одержанной столь великолепным товариществом по оружию во имя мира и демократии. Но было бы в высшей степени неразумно не видеть их, пока еще осталось время...

Я чувствовал себя обязанным обрисовать вам тень, которая и на Западе, и на Востоке падает на весь мир.

С другой стороны, я гоню от себя мысль, что новая война неизбежна, тем более в очень недалеком будущем. И именно потому, что я уверен, что наши судьбы в наших руках и мы в силах спасти будущее, я считаю своим долгом высказаться по этому вопросу, благо у меня есть случай и возможность это сделать. Я не верю, что Россия хочет войны. Чего она хочет, так это плодов войны и безграничного распространения своей мощи и доктрин. Но о чем мы должны подумать здесь сегодня, пока еще есть время, так это о предотвращении войн навечно и создании условий для свободы и демократии как можно скорее во всех странах. Наши трудности и опасности не

исчезнут, если мы закроем на них глаза или просто будем ждать, что произойдет, или будем проводить политику умиротворения. Нам нужно добиться урегулирования, и чем больше времени оно займет, тем труднее оно пойдет и тем более грозными станут перед нами опасности. Из того, что я наблюдал в поведении наших русских друзей и союзников во время войны, я вынес убеждение, что они ничто не почитают так, как силу, и ни к чему не питают меньше уважения, чем к военной слабости. По этой причине старая доктрина равновесия сил теперь непригодна. Мы не можем позволить себе – насколько это в наших силах – действовать с позиций малого перевеса, который вводит во искушение заняться пробой сил. Если западные демократии будут стоять вместе в своей твердой приверженности принципам Устава Организации Объединенных Наций, их воздействие на развитие этих принципов будет громадным и вряд ли кто бы то ни было сможет их поколебать. Если, однако, они будут разъединены или не смогут исполнить свой долг и если они упустят эти решающие годы, тогда и в самом деле нас постигнет катастрофа...».

Сталин достаточно оперативно откликнулся на эту речь Черчилля – уже 14 марта в газете «Правда» вышло его интервью. Приведем из него некоторые выдержки:

«Я расцениваю ее (речь – Ф. Р.) как опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество. По сути дела, господин Черчилль стоит теперь на позиции поджигателей войны. И господин Черчилль здесь не одинок – у него имеются друзья не только в Англии, но и в Соединенных Штатах Америки...

По сути дела, господин Черчилль и его друзья в Англии и США предъявляют нациям, не говорящим на английском языке, нечто вроде ультиматума: признайте наше господство добровольно, и тогда все будет в порядке, – в противном случае неизбежна война.

Но нации проливали кровь в течение пяти лет жестокой войны ради свободы и независимости своих стран, а не ради того, чтобы заменить господство Гитлеров господством Черчиллей. Вполне вероятно поэтому, что нации, не говорящие на английском языке и составляющие вместе с тем громадное большинство населения мира, не согласятся пойти в новое рабство.

Трагедия господина Черчилля состоит в том, что он как закоренелый тори не понимает этой простой и очевидной истины.

Несомненно, что установка господина Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР. Ясно также и то, что такая установка господина Черчилля несовместима с существующим союзным договором между Англией и СССР.

Господин Черчилль утверждает, что „Варшава, Берлин, Прага, Вена, Будапешт, Белград, Бухарест, София – все эти знаменитые города и население в их районах находятся в советской сфере и все подчиняются в той или иной форме не только советскому влиянию, но и в значительной степени увеличивающемуся контролю Москвы“. Господин Черчилль квалифицирует все это как не имеющие границ „экспансионистские тенденции“ Советского Союза.

Не требуется особого труда, чтобы показать, что господин Черчилль грубо и беспардонно клеветает здесь как на Москву, так и на поименованные соседние с СССР государства.

Во-первых, совершенно абсурдно говорить об исключительном контроле СССР в Вене и Берлине, где имеются Союзные Контрольные Советы из представителей четырех государств и где СССР имеет лишь j часть голосов. Бывает, что иные люди не могут не клеветать, но надо все-таки знать меру.

Во-вторых, нельзя забывать следующего обстоятельства. Немцы произвели вторжение в СССР через Финляндию, Польшу, Румынию, Венгрию. Немцы могли произвести вторжение через эти страны потому, что в этих странах существовали тогда правительства, враждебные Советскому Союзу. В результате немецкого

вторжения Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединенные Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них. Спрашивается, что же может быть удивительного в том, что Советский Союз, желая обезопасить себя на будущее время, старается добиться того, чтобы в этих странах существовали правительства, лояльно относящиеся к Советскому Союзу? Как можно, не сойдя с ума, квалифицировать эти мирные стремления Советского Союза как экспансионистские тенденции нашего государства?..

Господин Черчилль утверждает дальше, что „коммунистические партии, которые были очень незначительны во всех этих восточных государствах Европы, достигли исключительной силы, намного превосходящей их численность, и стремятся всюду установить тоталитарный контроль, полицейские правительства, превалируют почти во всех этих странах, и до настоящего времени, за исключением Чехословакии, в них не существует никакой подлинной демократии“.

Как известно, в Англии управляет ныне государством одна партия, партия лейбористов, причем оппозиционные партии лишены права участвовать в правительстве Англии. Это называется у господина Черчилля подлинным демократизмом. В Польше, Румынии, Югославии, Болгарии, Венгрии управляет блок нескольких партий – от четырех до шести партий, причем оппозиции, если она является более или менее лояльной, обеспечено право участия в правительстве. Это называется у господина Черчилля тоталитаризмом, тиранией, полицейщиной. Почему, на каком основании, – не ждите ответа от господина Черчилля. Господин Черчилль не понимает, в какое смешное положение он ставит себя своими крикливыми речами о тоталитаризме, тирании, полицейщине.

Господину Черчиллю хотелось бы, чтобы Польшей управлял Соснковский и Андерс, Югославией – Михайлович и Павелич, Румынией – князь Штирбей и Радеску, Венгрией и Австрией – какой-нибудь король из дома Габсбургов и т. п. Господин Черчилль хочет уверить нас, что эти господа из фашистской подворотни могут обеспечить „подлинный демократизм“. Таков „демократизм“ господина Черчилля.

Господин Черчилль бродит около правды, когда он говорит о росте влияния коммунистических партий в Восточной Европе. Следует, однако, заметить, что он не совсем точен. Влияние коммунистических партий выросло не только в Восточной Европе, но почти во всех странах Европы, где раньше господствовал фашизм (Италия, Германия, Венгрия, Болгария, Финляндия) или где имела место немецкая, итальянская или венгерская оккупация (Франция, Бельгия, Голландия, Норвегия, Дания, Польша, Чехословакия, Югославия, Греция, Советский Союз и т. п.).

Рост влияния коммунистов нельзя считать случайностью. Он представляет вполне закономерное явление. Влияние коммунистов выросло потому, что в тяжелые годы господства фашизма в Европе коммунисты оказались надежными, смелыми, самоотверженными борцами против фашистского режима, за свободу народов. Господин Черчилль иногда вспоминает в своих речах о „простых людях из небольших домов“, по-барски похлопывая их по плечу и прикидываясь их другом. Но эти люди не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у „простых людей“, есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя. Это они, миллионы этих „простых людей“, забаллотировали в Англии господина Черчилля и его партию, отдав свои голоса лейбористам. Это они, миллионы этих „простых людей“, изолировали в Европе реакционеров, сторонников сотрудничества с фашизмом и отдали предпочтение левым демократическим партиям. Это они, миллионы этих „простых людей“, испытав коммунистов в огне борьбы и сопротивления фашизму, решили, что коммунисты вполне заслуживают доверия народа. Так выросло влияние коммунистов в Европе. Таков закон исторического развития.

Конечно, господину Черчиллю не нравится такое развитие событий, и он бьет тревогу, апеллируя к силе. Но ему также не нравилось появление советского режима в России после первой мировой войны. Он также бил тогда тревогу и организовал военный поход „14 государств“ против России, поставив себе целью повернуть назад колесо истории. Но история оказалась сильнее черчиллевской интервенции, и донкихотские замашки господина Черчилля привели к тому, что он потерпел тогда полное поражение. Я не знаю, удастся ли господину Черчиллю и его друзьям организовать после Второй мировой войны новый поход против „Восточной Европы“. Но если им это удастся, – что маловероятно, ибо миллионы „простых людей“ стоят на страже дела мира, – то можно с уверенностью сказать, что они будут биты так же, как они были биты в прошлом, 26 лет тому назад».

С речи Черчилля в Фултоне и принято начинать отсчет холодной войны между советским блоком и Западом. И вот уже весной 1946 года в Москве срочно меняются послы США и Великобритании. Место Аверелла Гарримана, который пробыл на этом посту три года, занимает Уолтер Смит (напомним, что он затем станет директором ЦРУ), а место британского посла Арчибальда Керра, отработавшего в Москве почти четыре года, достается Морису Петерсону. И Смит, и Петерсон стояли на антисоветских позициях, поэтому их приезд в СССР в тот период не был случаен. Именно эти люди должны были наладить для Запада поток негативной информации о СССР, поскольку перед их предшественниками стояла иная цель – информация из Москвы поступала в основном положительная, поскольку СССР был членом антигитлеровской коалиции. После марта 1946 года ситуация в этом плане резко изменилась. Более того, английское посольство в Москве стало еще более проамериканским, что прямо вытекало из все той же речи Черчилля.

После Фултона изменения начались и в советской политике, в том числе и в органах госбезопасности. Сталин решил произвести в них новую реорганизацию, поскольку считал, что при тогдашнем наркоме Всеволоде Меркулове органы ГБ не смогут достойно ответить на изменившуюся ситуацию. Вместо мягкотелого Меркулова Сталин собирался назначить более жесткого руководителя, к тому же не из бериевского клана. Отметим, что сам Лаврентий Берия накануне Фултона (в декабре 1945 года) был снят с поста наркома НКВД и направлен на работу по «атомному проекту».

В марте 1946 году все наркоматы в СССР были преобразованы в министерства, а министерство госбезопасности возглавил бывший руководитель военной контрразведки СМЕРШ Виктор Абакумов. Причем поначалу на пост министра Сталин предполагал назначить Сергея Огольцова или Василя Рясного, но в итоге выбрал иную кандидатуру, поскольку Огольцов взял самоотвод, а Рясной был близок к Берии. И кандидатура Абакумова оказалась наиболее приемлемой. Во-первых, он был врагом Берии, во-вторых – руководил военной контрразведкой и мог помочь Сталину «стреножить» военных, которые после войны обрели большую силу и авторитет как в армии, так и в народе.

Абакумов весьма рьяно взялся за перестройку органов ГБ, сразу позиционировав себя как противник Берии. Он отказался принять от Меркулова акт сдачи дел, объявив, что тот пытается выдать желаемое за действительное, а говоря по-простому – хочет «втереть ему очки» (из-за этого сдача дел растянется на четыре месяца, и Меркулов вынужден будет подписать акт с большими замечаниями). Это был прямой выпад против Берии, поскольку тот, будучи наркомом НКВД с 1938 года, расставил на руководящих постах в милиции и НКГБ своих людей, которые и довели дела в ГБ, по мнению Абакумова, до плачевного состояния. Как будет записано в постановлении ЦК ВКП(б):

«Из акта приема и сдачи дел Министерства госбезопасности устанавливается, что чекистская работа в Министерстве велась неудовлетворительно, что бывший министр Госбезопасности т. Меркулов В. Н. скрывал от ЦК факты о крупнейших недочетах в работе Министерства и о том, что в ряде иностранных государств работа Министерства оказалась проваленной. Ввиду этого Пленум ЦК ВКП(б) постановляет: вывести тов. Меркулова В. Н. из состава членов ЦК ВКП(б) и перевести в кандидаты в члены ЦК ВКП(б)».

Заняв пост министра ГБ в начале мая 1946 года, Абакумов взялся менять людей Берии на своих ставленников – либо на «смершевцев», либо на лояльных себе людей. Так, он ликвидировал должность 1-го заместителя министра, убрав с этих постов бериевцев Богдана Кобулова и Сергея Огольцова (последнего он сделал своим замом, но всего лишь по общим вопросам).

Своими заместителями Абакумов назначил четырех человек: Николая Селивановского («смершевец» – бывший заместитель начальника ГУКР СМЕРШ Наркомата обороны), Николая Ковальчука («смершевец» – бывший начальник ОКР СМЕРШ по Прикарпатскому ВО), Афанасия Блинова (бывший начальник УНКГБ-УМГБ по Московской области), Павла Федотова (начальник 2-го (контрразведка) управления).

Следственную часть по особо важным делам вместо бериевца Льва Влодзимирского возглавил опять же «смершевец» (бывший начальник 6-го (следственного) отдела Главного управления контрразведки СМЕРШ) Александр Леонов.

Произошли замены и во многих других подразделениях МГБ. Назову лишь некоторые. Так, 5-е управление (оперативное и секретно-политическое) возглавил Павел Дроздецкий (до этого – заместитель наркома госбезопасности Украинской ССР). Во главе 2-го отдела (наружное наблюдение по заданиям подразделений центрального аппарата МГБ) 5-го управления стал Николай Бойков, а его заместителем был назначен Василий Иванов. А 1-й отдел (агентурная установка) 5-го управления возглавил Виталий Маштафаров.

Была реорганизована и внешняя контрразведка, в том числе и главные линии – американская и английская. До прихода Абакумова в структуре 2-го главка был 7-й отдел, который отвечал за борьбу с агентурой иностранных разведок и вел наблюдение за посольствами, иностранными миссиями, иноподданными на территории СССР. С августа 1945 по июнь 1946 года отдел возглавлял полковник Петр Макарьев. Но Абакумов его снял, назначив на эту должность сначала полковника Владимира Лынько, затем – Семена Холево. А сам отдел был переименован – из 7-го стал отделом «2-Б». Кроме этого, был создан и отдел «2-А» – английский (его возглавил Николай Кравченко).

Короче, пертурбации в МГБ произошли существенные. Естественно, не могли они не коснуться и агентурной сети, которую Абакумов тоже решил почистить, особенно в той ее части, которая относилась к бериевским выдвиженцам. Агент «Зефир» был как раз из числа последних. Впрочем, рассмотрим обе версии ареста героини нашей книги.

Первая версия – официальная. Согласно ей, Зою Федорову арестовали за связь с гражданином США, близкие отношения с которым привели к рождению ребенка. Тем самым, заводя уголовное дело на актрису, люди Абакумова хотели дискредитировать людей Меркулова, которые попросту проглядели сам факт подобной связи. Ведь не случайно, что после сдачи дел Меркуловым и тщательной проверки его работы в качестве наркома появилось постановление ЦК ВКП(б) от 20 августа 1946 года, которое называлось «О работе МГБ СССР». В нем, в частности, была признана слабой работа чекистов среди дипломатов и иностранных специалистов. Отмечалось, что эта работа в основном велась среди репатриантов (еще 8 сентября 1945 года был издан совместный приказ НКГБ и ГУКР «Смерш» о проверке репатриантов, передаваемых для работы в промышленность, а в феврале 1946 года – приказ НКГБ «О выявлении агентов английской и американской разведок среди репатриантов»), а вот среди иностранных дипломатов она велась менее активно. Отсюда и такие провалы, как история с

Зоей Федоровой. Или обнаружение американцами в 1944 году в своем посольстве в Москве около 200 «жучков» (подслушивающих устройств), поставленных НКГБ. Во многом из-за этих провалов в сентябре 1946 года был снят со своего поста начальник контрразведки Павел Федотов, к которому еще в мае у Абакумова не было никаких нареканий.

Скажем прямо, версия вполне правдоподобная. Однако лично я придерживаюсь иной версии, о которой уже упоминал: Зоя Федорова была специально направлена для знакомства с Джексоном Тейтом с целью

последующей его вербовки. Но операция удалась лишь наполовину. Джексон «запал» на актрису, но американская контрразведка заподозрила подвох и отозвала Тейта на родину. При этом оперативная игра с нашей стороны была продолжена, и она сняла подозрения с Федоровой перед теми американцами, которые работали в посольстве (об этом говорит справка, подготовленная подругой актрисы – Элизабет Иган). Однако при смене власти на Лубянке в мае 1946 года эта история была использована Абакумовым и его людьми, чтобы обвинить прежнее руководство в непрофессионализме. И родилась версия, что агент «Зефир» провалила операцию (может быть, намеренно, может, случайно – по бабьей своей болтливости) и Тейт «сорвался с крючка». А тут еще и ребенок от него в довесок.

Обратим внимание и еще на один факт. Федорову арестовали 27 декабря 1946 года, а спустя пять недель – 2 февраля 1947 года – был издан приказ МГБ СССР «Об усилении контрразведывательной работы по борьбе с агентурой американской и английской разведок». То есть прежняя работа чекистов в этом направлении (в том числе и агента «Зефир») была признана слабой. И вскоре после этого приказа были проведены успешные операции, в результате которых оказались скомпрометированы и отозваны из СССР военный атташе США Р. Гроу (с помощью МГБ ГДР) и помощник военно-морского атташе этой же страны Р. Дреер. Как видим, жертвами стали военные атташе. Именно против предшественника Дреера – помощника военного атташе Д. Тейта – работала и Зоя Федорова.

Как уже говорилось, начальником контрразведки на момент операции с Тейтом был Павел Федотов. При Абакумове он был снят с этой должности (в сентябре 1946 года), но не наказан, а, наоборот, возглавил смежное направление – внешнюю разведку. И это при том, что в постановлении ЦК ВКП(б) отмечалась именно плохая работа контрразведки МГБ по линии иностранцев. Значит, история Федоровой – Тейта не ставилась в вину лично Федотову, иначе его бы вообще убрали с иностранной линии. Правда, был снят со своего поста Петр Макарьев – он возглавлял 7-й отдел 2-го управления (борьба с агентурой иностранных разведок, наблюдение за посольствами, иностранными миссиями, иноподданными на территории СССР). Но этот человек пришел к руководству отдела вскоре после истории Федоровой – Тейта (10 августа 1945 года) и поэтому не имел к ней отношения. И сняли его совсем за другие грехи.

И снова вспомним историю осени 1941 года, когда Берия собирался оставить Зою Федорову на подпольной работе в оккупированной фашистами Москве. Эта история наглядно продемонстрировала степень близости наркома и актрисы. Причем близости не только агентурной, но и, вполне возможно, личной. А знаменитая история с «букетом на могилу» появилась уже значительно позже – когда Берия был осужден и на него начали вешать всех собак. Это делали в том числе и люди, которые при его жизни ему сапоги лизали. Читаем в «Дочери адмирала»:

«...Слухи, ходившие по Москве о Берии, были один другого страшнее. Пьяница, развратник, насилующий женщин и молоденьких девушек. Случалось, что какая-нибудь девушка, отправившаяся по делам, не возвращалась домой, и сразу же по Москве распространялись слухи, что виной тому Берия, захотевший ее. Люди говорили: Берии стоит только шепнуть Сталину, что такой-то хочет убить его, и этого человека немедленно арестовывали. Говорили, что Сталин безоговорочно доверяет Берии, верит всему, что тот ему докладывает.

Едва ли не каждый месяц Берия звонил Зое. От его звонков ее бросало в дрожь. Она не знала, как покончить с этой „дружбой“. Он был неизменно вежлив. Он только что посмотрел фильм с ее участием и хотел сказать, как его восхитила ее игра. Или: он получил хвалебные отзывы о ее последней гастрольной поездке. Она так много делает для укрепления морального состояния страны, ему хочется лично поблагодарить ее за это. Не испытывает ли она нужды в чем-либо? Быть может, в его силах ей помочь?

Как правило, Зоя всегда благодарила и говорила, что ни в чем не нуждается.

И вот как-то он позвонил в очередной раз. Сказал, что делает это по просьбе жены. Они устраивают большой прием по случаю дня ее рождения, и она просила пригласить на него Зою Федорову.

Зоя удивилась: не странно ли получить приглашение на день рождения от женщины, с которой она незнакома? Но приглашение приняла. Да и кто осмелился бы отказаться от приглашения Лаврентия Берии? Он сказал, что вечером пришлет за ней машину с шофером...

Комната была маленькая; наверно, здесь ждут приема, подумала она. Посредине стоял круглый стол, на нем лампа, ее неяркий свет не рассеивал подступающего из всех углов мрака. В такой комнате не принимают гостей. Захотелось немедленно убежать, но она не осмелилась. Вместо этого лишь резко отвернулась от Берии и села, лишь бы высвободить руку из холодных, липких тисков.

...Он улыбнулся.

– Но ведь сейчас вы не замужем. – Он снова наклонился к ней и обнял за талию. – Вы очень страдаете оттого, что лишены тех радостей, которые дает брак, а, Зоя Алексеевна?

Зоя сбросила его руку, словно стряхнула вошь.

– Перестаньте, не то я уйду.

– Я не хочу, чтобы вы уходили, – сказал он тоном, не терпящим возражений.

Его безграничная самоуверенность привела Зою в бешенство. Она вскочила с места.

– За кого вы меня принимаете? И где мы, по-вашему, живем? Это уже не та Россия столетней давности, когда вы могли выбрать себе любую актрисочку и приказать притащить ее вам в постель!

– Bravo! – сказал Берия, захлопав в ладоши. Но на лице сразу появилось жесткое выражение. – А теперь сядьте. Вы ведете себя глупо, вылитая маленькая обезьянка.

Какой уж тут контроль над собой! Ее возмутил не удар, нанесенный ее тщеславию, а абсолютная уверенность этого урода в том, что прояви он желание, и она будет ему принадлежать.

– Если я обезьянка, то кто же вы? Встаньте и подойдите к зеркалу! Посмотрите на себя в зеркало! Вы же на гориллу похожи!

Берия потемнел:

– Да как вы смеете так со мной разговаривать? Неужели вы думаете, что хоть капельку волнуете меня, коротышка несчастная? Просто смешно! Вас пригласили сюда как актрису, чьи фильмы мне нравятся. И все. Физически вы мне отвратительны!

– Рада это слышать, – ответила Зоя. – А теперь я бы хотела вернуться домой.

Берия нажал ногой какую-то кнопку под столом. В дверях появился полковник.

– Эта женщина уезжает.

Потянувшись за графином, он снова наполнил свой бокал. Откинулся на спинку стула и стал вертеть бокал над горячей свечой. Зои уже не существовало. Он даже не шелохнулся, когда она выходила из комнаты.

Полковник подал ей пальто и помог надеть ботики. Машина с шофером ждала перед домом. Шофер открыл перед ней дверцу, и Зоя увидела на заднем сиденье роскошный букет роз. Она взяла цветы и чуть не рассмеялась. Великий нарком не успел сказать шоферу, что она не заслужила благодарности. Типичная наглость безмерно уверенного в себе человека!

Повернувшись к дому, она увидела стоявшего в дверях Берию. Зоя взяла с сиденья букет.

– Это мне? – спросила она.

На Берию со спины падал свет, и ей было не разглядеть его лица.

– На вашу могилу, – ледяным тоном произнес он.

Тяжелая дверь захлопнулась, и Зоя осталась стоять, дрожа от страха. Потом сунула цветы в машину, отодвинув их подальше от себя. Когда шофер помог ей выйти у ее дома на улице Горького, она оставила букет в машине...»

Я уже отмечал ранее, что в подобную историю верится с трудом. В книге не приводится точная датировка этой встречи, но есть намек – это было в годы войны. Спрашивается, что остановило Берию от ареста Федоровой после столь вызывающего поведения? Его благородство? Но разве оно может быть у человека, которого авторы «Дочери адмирала» описывают, как «пьяницу, развратника, насилловавшего женщин и молоденьких девушек»? Поэтому и верится с трудом во всю эту историю. В голову приходит мысль, что родилась она в голове Федоровой не случайно, а как повод затушевать истинную причину своих контактов с Берией как до войны, так и во время нее. Вспомним слова вдовы Берии Нины Гегечкори:

«...Однажды следователь заявил, что у них есть данные якобы о том, что 760 женщин назвали себя любовницами Берии. Вот так, и ничего больше. Лаврентий день и ночь проводил на работе. Когда же он целый легион женщин успел превратить в своих любовниц? На мой взгляд, все было по-другому. Во время войны и после Лаврентий руководил разведкой и контрразведкой. Так вот, эти все женщины были работниками разведки, ее агентами и информаторами. И связь с ними поддерживал только Лаврентий. У него была феноменальная память. Все свои служебные связи, в том числе и с этими женщинами, он хранил в своей голове. Но когда этих сотрудниц начали спрашивать о связях со своим шефом, они, естественно, заявили, что были его любовницами. А что же вы хотели, чтобы они назвали себя стукачками и агентами спецслужбы?....»

Отметим также, что Федорову арестуют уже после того, как Берия сложит с себя полномочия наркома МВД (декабрь

1945 года). То есть когда он был наркомом, никто актрису и пальцем не трогал, а спустя год после его ухода с этого поста (как уже отмечалось, Берии было поручено руководить атомным проектом) она была арестована. Кстати, так получилось не только с Федоровой. Именно после ухода Берии и прихода в МГБ Абакумова аресты среди киноактрис последовали один за другим, чего до этого не было И первой открыла этот список Евгения Горкуша (1915), которая стала известна в начале сороковых, исполнив главные роли в двух фильмах: «Пятый океан» (1940) и «Неуловимый Ян» (1943).

Горкуша была женой (с 1941 года) наркома морского флота СССР Петра Ширшова, родила от него дочь (1942). А затем, как написано про нее в интернете: «...На одном из приемов в 1946 году актрису заметил Лаврентий Берия и сделал непристойное предложение. Она прилюдно ответила пощечиной. С этого момента судьба ее была решена. Через пару месяцев, 28 июля 1946 года, к Ширшовым на дачу заехал знакомый товарищ, заместитель Берии Виктор Абакумов. Сказал: „Что это у вас телефон не работает? Вас ведь в театр вызывают“. И она, как была, в летнем платье, села в машину и исчезла навсегда. Ее буквально оторвали от коляски, в которой находилась полуторогодовалая дочь Марина.

По надуманному обвинению в шпионаже Евгения Горкуша была арестована и в ноябре 1947 года осуждена на восемь лет лагерей. Ширшов ничем не мог помочь жене. Он был готов убить тирана или уж, на худой конец, себя. Прилюдно министр морского флота разорвал портрет Сталина и заперся в своем кабинете. Чтoб застрелиться, в нем было слишком много жизни. Два дня Ширшов пил. Когда сотрудники министерства поняли, что вот-вот услышат выстрел, они привели к его двери двухлетнюю дочь. И она докричалась, достучалась до отчаявшегося отца. В результате Героя Советского Союза все же сломали. Его даже не стали брать, когда он прилюдно обозвал Берию „фашистом" Понимали, что сам погибнет. И человек медленно таял, потеряв любовь, потеряв самую

главную опору в жизни: „Пишу только для того, чтобы уйти хотя бы на несколько часов от кошмара, от которого не спасает ничто. Пишу потому, что самому себе я могу сказать, не боясь встретить иронически существующего взгляда, свое настоящее счастье я нашел осенью 41-го года...“»

Что здесь вызывает подозрение? Во-первых, факт прилюдной пощечины всесильному наркомуну, во-вторых – совместная деятельность Берии и Абакумова в деле ареста Горкуши. Зная ненависть этих людей друг к другу, трудно представить, чтобы они действовали сообща. Скорее должно было быть наоборот: Берия захотел засадить актрису за решетку, а Абакумов этому помешал. Либо это не Берия был причастен к ее аресту, а именно Абакумов, который в июле 1946 года уже воцарился на Лубянке.

По другой информации, Горкушу осудили не за пощечину, а за спекуляцию (этим тогда грешили многие представители творческой интеллигенции). Есть еще одна версия: Горкуша входила в круг личных агентов Берии, и Абакумов, арестовывая ее, лишил Лаврентия Павловича важных источников информации. Тот же мотив мог проследиваться и в случае с Зоей Федоровой, которую арестуют спустя полгода после Горкуши. Правда, Зое повезет – она выйдет на свободу живой, а вот Горкуша покончит с собой 22 августа 1948 года в лагере поселка Омчак Магаданской области, отравившись снотворным.

В 1947 году будет арестована еще одна актриса, о которой тоже уже упоминалось на страницах этой книги, – Марина Фигнер (1922). Как мы помним, она, как и Зоя Федорова, входила в круг женщин, которые были завсегдатаями иностранных посольств в Москве. Поэтому вполне можно предположить, что она могла быть агентом Берии, которую Абакумов нейтрализовал, придя на Лубянку. Фигнер была арестована и по статье 7-35 особым совещанием МГБ приговорена всего лишь к пяти годам ссылки. С 1948 по 1952 годы она была актрисой Карагандинского областного драматического театра, с 1952 по 1953 годы – актрисой Свердловского областного драматического театра, с 1954 по 1955 годы – актрисой Крымского областного драматического театра.

В 1952 году Фигнер была амнистирована, а в 1956-м постановлением особого совещания при МГБ все обвинения с нее были сняты за отсутствием состава преступления.

Марина жила в Москве, выйдя замуж за известного сценариста с ЦСДФ Исаака Прока (1914). В их квартире в шестидесятые – семидесятые годы был устроен некий салон, где бывали многие деятели творческой интеллигенции. Наиболее регулярными их посетителями были: композитор Никита Богословский с супругой, писатель Борис Ласкин, бард Александр Галич и его жена, с которой Марина была особенно близка, дочь певца Леонида Собинова и подруга детства Марины Светлана Собинова, тогда уже потерявшая своего мужа, известного детского писателя Льва Кассиля; пасынок Лилии Брик (у нее на Кутузовском проспекте был свой домашний салон) Василий Катанян с женой Ириной и режиссер популярных детских кинофильмов Илья Фрез со своей супругой. Учитывая, что такого рода салоны часто находились под «колпаком» КГБ, можно предположить, что возник он не случайно.

Наконец, в ноябре 1948 года была арестована еще одна киноактриса – Татьяна Окуневская. Как и в случае с Зоей Федоровой, она тоже имела выходы на Берию и много позже написала в своих мемуарах, что тот ее... изнасиловал. Вот как это описано в ее мемуарной книге «Татьянин день»:

«...Совсем чудо: я приглашена на кремлевский концерт, в который приглашаются только народные Союза, и то избранные, любимые „ими“, одни и те же; бывают эти концерты, как мне рассказывали, по ночам, после „их“ совещаний, заседаний, в виде развлечения. Заехать за мной должен член правительства Берия. Бориса (мужа Окуневской писателя Бориса Леонтьевича Горбатова. – Ф. Р.) опять нет, теперь все журналисты на Нюрнбергском процессе (он проходил с 20 ноября 1945 по 1 октября 1946 года. – Ф. Р).

Какое-то незнакомое чувство. боязнь провала... нет... что-то совсем другое... какая-то тревога.

Из машины вышел полковник и усадил меня на заднее сиденье рядом с Берией, я его сразу узнала, я его видела на приеме в Кремле. Он весел, игрив, достаточно некрасив, дрябло ожиревший, противный, серо-белый цвет кожи. Оказалось, мы не сразу едем в Кремль, а должны подождать в особняке, когда кончится заседание. Входим. Полковник исчез. Накрытый стол, на котором есть все, что только может прийти в голову. Я сжалась, сказала, что перед концертом не ем, а тем более не пью, и он не стал настаивать, как все грузины, чуть не вливающие вино за пазуху. Он начал есть некрасиво, жадно, руками, пить, болтать, меня попросил только пригубить доставленное из Грузии „наилучшее из вин“. Через некоторое время он встал и вышел в одну из дверей, не извиняясь, ничего не сказав. Могильная тишина, даже с Садового кольца не слышно ни звука. Я вспомнила этот особняк, он рядом с Домом звукозаписи, на углу Садового кольца, и я совсем недавно здесь проходила... Огляделась: дом семейный, немного успокоилась. Уже три часа ночи, уже два часа мы сидим за столом, я в концертном платье, боюсь его измять, сижу на кончике стула, он пьет вино, пьянеет, говорит пошлые комплименты, какой-то Коба меня еще не видел живьем, спрашиваю, кто такой Коба.

– Ха! Ха! Вы что, не знаете, кто такой Коба?! Ха! Ха! Ха! Это же Иосиф Виссарионович.

Опять в который раз выходит из комнаты. Я знаю, что все „они“ работают по ночам. Бориса в ЦК вызывают всегда только ночью, но я устала, сникаю. На сей раз, явившись, объявляет, что заседание у „них“ кончилось, но Иосиф так устал, что концерт отложил. Я встала, чтобы ехать домой. Он сказал, что теперь можно выпить и что если я не выпью этот бокал, он меня никуда не отпустит. Я стоя выпила. Он обнял меня за талию и подталкивает к двери, но не к той, в которую он выходил, и не к той, в которую мы вошли, и, противно сопя в ухо, тихо говорит, что поздно, что надо немного отдохнуть, что потом он меня отвезет домой. И все, и провал. Очнулась, тишина, никого вокруг, тихо открылась дверь, появилась женщина, молча открыла дверь в ванную комнату, молча проводила в комнату, в которой вчера был накрыт ужин, вплыл в сознание этот же стол, теперь накрытый для завтрака, часы, на них десять часов утра, я уже должна сидеть на репетиции, пошла, вышла, села в стоящую у подъезда машину, приехала домой, попросила. не подзывать к телефону, кто бы ни звонил, ко мне никому не входить.

Изнасилована, случилось непоправимое, чувств нет, выхода нет, сутки веки не закрываются даже рукой...»

В этом рассказе тоже многое вызывает подозрение в наговоре. Не случайно, что даже дочь актрисы Инга Окуневская-Суходрев не избежала этого. Вот ее слова:

«Думаю, это просто фантазии. Рассказывают, что маршал Югославии Иосип Броз Тито одаривал ее (Татьяну Окуневскую. – Ф. Р) каждый раз огромными букетами черных роз. Но, признаться, я ни разу таких цветов не видела в нашем доме. Допускаю, что Броз Тито вполне мог увлечься красивой актрисой. Но вот в историю с Берией совершенно не верю. Он был достаточно осторожным человеком. К тому же Берия любил в основном молодых девочек. У него был скандал с охранником самого Сталина – отчимом молоденькой девушки, которая родила от Берии дочь. Зачем маме понадобилось придумывать историю о якобы своем соблазнении Берией, не знаю. Я никогда не хотела ее об этом спрашивать...»

Все эти аресты, конечно, можно объяснить жестокостью МГБ, который мстил бедным женщинам за связь с иностранцами, а также чрезмерную непокорность (как в случае с Горкушей). К этому можно приобщить и указ Президиума Верховного Совета от 15 февраля 1947 года под названием «О воспрещении браков между гражданами СССР и иностранцами». Официально этот запрет объяснялся заботой о советских женщинах, о чем в указе говорилось так: «наши женщины, вышедшие замуж за иностранцев и оказавшиеся за границей, в непривычных условиях чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации». Но на самом деле власти беспокоились о другом. Борьба против интернациональных браков началась в СССР еще в годы Великой Отечественной войны, когда часть советских военных (как мужчин, так и женщин) успели завести семьи в странах восточной Европы, на территории которых шла война и где в послевоенные годы СССР держал огромные оккупационные войска. Когда же советские войска начали отводить на родину, то ситуация оказалась непростой

– в СССР после войны осталось много одиноких женщин, а мужчины оттуда возвращаются женатые. Попытки же бывших медсестер, связисток и летчиц остаться со своими возлюбленными за рубежом расценивались как классовая незрелость. К тому же наша страна была разорена, многие города разрушены, хозяйству и промышленности требовались огромные ресурсы для восстановления, и в первую очередь человеческие. Короче, этот указ преследовал цель решить демографическую проблему в СССР. Отсюда можно сделать вывод: чтобы отвлечь советских женщин от браков с иностранцами, и могли быть проведены аресты известных актрис в целях профилактики остальных. Однако эта версия имеет свои изъяны. Например, МГБ арестовал Марину Фигнер и отправил ее в ссылку. А ее лучшая подруга Юлия Запольская взяла и вышла замуж за американца Томаса Уитни и спустя несколько лет (сразу после смерти Сталина) уехала с ним в США. Где же здесь страх перед возможным арестом? Хотя указ, конечно, резко сократил желание советских женщин связывать свою жизнь с иностранцами.

И снова обратим внимание на фразу из указа 47-го года: «наши женщины, вышедшие замуж за иностранцев и оказавшиеся за границей, в непривычных условиях чувствуют себя плохо и подвергаются дискриминации». Были такие случаи? Несомненно, были. Более того, домой в СССР просились назад даже женщины, которые, казалось бы, должны были там кататься как сыр в масле. Например, возьмем историю с актрисой Валентиной Караваевой (1921). Она стала знаменитой в 1942 году, когда снялась в главной роли в фильме «Машенька» Юлия Райзмана (фильм был удостоен Сталинской премии, и Караваева стала самой молодой ее лауреаткой). Но спустя год актриса угодила в автомобильную катастрофу, чудом осталась жива (а вот водитель погиб), но ее лицо оказалось обезображено шрамом от уха до подбородка. Естественно, сниматься в таком виде она уже не могла. Поэтому играла только в театре. И в мае 1945 года с триумфом сыграла Нину Заречную в «Чайке» в постановке Юрия Завадского.

Тогда же Караваева стала посещать английское посольство в Москве, где покорила сердце военного атташе Чапмена (как видим, именно иностранцы в таких чинах чаще всего привлекали наших актрис). Несмотря на ее травму, он искренне полюбил Валентину и предложил ей уехать с ним в Англию. И она согласилась. Правда, шансов на то, что власти разрешат ей уехать, было очень мало. Но в дело вмешался лично Сталин. Зная о трагедии актрисы, он оказался потрясен чувствами англичанина и разрешил им уехать. Тем более был шанс на то, что западная медицина сумеет вернуть актрисе ее былую красоту. Однако прошло пять лет, и Караваевой Запад... разонравился. И она стала проситься обратно. Целых полгода обивала пороги советского посольства в Лондоне! И в итоге добилась своего: тот же Сталин дал команду не чинить ей препятствий в возвращении на родину. И хотя вернуть былую славу Караваевой так и не удалось, однако жить в родных пенатах ей было гораздо милее, чем на чужбине.

Между тем в конце сороковых в кинематографической среде происходили и другие весьма любопытные дела. Так, в связи с привлечением огромных денежных средств для осуществления «атомного проекта», было решено урезать финансирование советского кинематографа. И наступило так называемое время малокартинья – ограниченного выпуска отечественных фильмов. Этот процесс начался с 1948 года. В том году из 40 предложенных художественных картин (готовых к запуску) было выбрано только 16, в 1949 году было снято столько же, в 1950 – 15, в 1951 – 9.

Однако без кино советские зрители не остались. Вместо невыпущенных советских фильмов было решено показывать зарубежные трофейные киноленты, которые достались нам во время войны и теперь хранились в Госфильмофонде. Кстати, последний был под плотным «колпаком» МГБ. Так, его директором в 1949 году был Михаил Маклярский – тот самый, который во время войны участвовал в операции «Монастырь», где действовал агент НКВД Александр Демьянов («Гейне»). Чекист с 1927 года Маклярский был вхож в киношные круги (как сотрудник Секретно-политического отдела НКВД), поэтому это назначение не было случайным. К тому же надо учитывать, что Госфильмофонд – это хранилище фотодокументов, а такого рода учреждение всегда должно находится под «колпаком» спецслужб. В 1950 году Маклярский стал председателем другого кинообъединения – «Совэкспортфильма» (еще одна гэбэшная структура), а к руководству Госфильмофонда вернулся Виктор Привато.

Кстати, Маклярский был автором сценариев к двум первым советским фильмам про разведчиков: «Подвиг разведчика» (1947; режиссер Борис Барнет) и «Секретная миссия» (1950; Михаил Ромм). Тем самым он открыл дорогу в советском кинематографе для целой плеяды чекистов-драматургов, пришедших туда после войны.

В 1960 году в Москве были открыты Высшие сценарные курсы при Комитете по кинематографии СССР. Их первым директором стал Маклярский, который руководил ими 12 лет. Это назначение тоже не случайно – за созданием этих курсов тоже стоял КГБ. Но не напрямую, а опосредованно – чтобы не бросаться в глаза.

Но вернемся к Зое Федоровой.

Версия о том, что она могла быть агентом Берии, находит свое подтверждение в следующем документе. Речь идет о донесении некоего секретного работника МГБ СССР, которое имеется в уголовном деле Берии. В 1953 году этот сотрудник сообщал члену Политбюро Г. Маленкову следующее:

«...Чекистскими органами в 1946 году арестована злейший враг советского государства, американская шпионка киноактриса Зоя Алексеевна Ф. (Федорова. – Ф. Р). Из материалов техники подслушивания известно, что Ф. находилась в интимной связи с Берией и в то же время сожительствовала с помощником военно-морского атташе американского посольства капитаном Тейтом (от него она родила девочку). Так как разработку ее вел лично я, то мне было поручено арестовать Ф. на квартире или же снять ее на улице. При аресте Ф. настойчиво добивалась от меня разрешения переговорить по телефону с Берией. Я ей в этом отказал и доложил об этом Абакумову. Записывались ли ее показания о встречах с Берией, мне неизвестно. Думаю, что нет, так как имя его тщательно оберегалось...».

Судя по всему, секретный сотрудник ведать не ведал, что Зоя Федорова может являться агентом МГБ, поскольку об этом знали лишь несколько человек, в том числе и Абакумов. Поэтому арестовывал он актрису как «американскую шпионку» и любовницу своего противника Берия.

Кстати, о близких контактах Берия и Федоровой Абакумов мог узнать от начальника охраны Лаврентия Павловича полковника Саркисова, который согласился стать осведомителем нового министра ГБ. Бывший заместитель Абакумова М. М. Зарубина вспоминал:

«Время от времени Виктор Семенович звонил мне по бериевским делам: „Что-нибудь есть там от Саркисова?“. Брал с удовольствием. Через какое-то время интерес к этим материалам у него пропал. Говорит: „Ты больше не бери у Саркисова это дерьмо“. К тому времени сообщений о похождениях Лаврентия Павловича у него накопилось более чем достаточно. Он и пресытился, и увидел, что на этом дерьме легко поскользнуться. В сводках шла речь о женах такого количества высокопоставленных людей, что малейшая утечка этих материалов смогла сделать Абакумова врагом не только Берии, но и половины руководителей партии и страны...».

После того как Павел Федотов был переброшен на пост руководителя внешней разведки место главного контрразведчика занял 31-летний Евгений Питовранов. Он пришел на работу в органы госбезопасности в ноябре 1938 года, отобранный лично Л. Берией (до этого он учился в Московском электромеханическом институте инженеров железнодорожного транспорта). Начал свою работу с должности заместителя начальника отдела Горьковского областного Управления НКВД. С февраля 1942 года он уже начальник УНКВД Горьковской области, с января 1943 года – начальник УНКВД Кировской области, с мая 1943 года – начальник НКГБ Кировской области, с марта 1944 года – начальник УНКВД Куйбышевской области. В апреле 1945 года Питовранов стал народным комиссаром государственной безопасности Узбекской ССР. И именно оттуда его в июне 1946 года вызвали в Москву и назначили сначала заместителем начальника Второго главного управления МГБ СССР, а в июне – главным контрразведчиком.

Известно, что он не самым лестным образом отзывался о Федотове. Так, в одной из записок на имя Сталина Питовранов назвал его «умным, но не очень оперативным и острым». Вполне вероятно, на такую характеристику

Питовранова натолкнула его осведомленность о тех операциях, к которым Федотов имел отношение, когда был главным контрразведчиком. В том числе и история Федоровой – Тейта, где агент «Зефир» не смог «заарканить» важного американца. Видимо, чтобы показать, как надо быть «оперативным и острым» и заманивать американских подданных в «медовые ловушки», Питовранов провел операцию, о которой я уже упоминал выше, – с артистом Московского Театра оперетты Константином Лапшиным и американской разведчицей из УСС Анабель Бюкар. Как мы помним, эта акция была проведена в 1947 году, а в феврале следующего года Бюкар попросила политического убежища у советских властей, будучи уже на пятом месяце беременности от Лапшина. Зое Федоровой, как мы помним, удалась только одна часть задуманного, что, судя по всему, и было вменено ей в вину при Абакумове.

Итак, Зою Федорову арестовали и доставили во внутреннюю тюрьму МГБ в Лефортово. И тут же начались ее допросы, которые опять же вызывают множество вопросов и наводят на определенные мысли. Какие? Давайте разбираться подробно.

Во-первых, допрашивал арестованную весьма важный чин – полковник МГБ Михаил Лихачев. Что это за человек? В декабре 1946 года ему было 33 года, а в органы госбезопасности он пришел в годы чисток – в 1937-м, до этого успев пять лет прослужить в милиции. Именно при Абакумове Лихачев был назначен на весьма влиятельный пост – заместителя начальника Следственной части по особо важным делам МГБ СССР. Напомним, что начальником СЧ вместо бериевца Льва Владзимирского был назначен смершевец (то есть абакумовец) Александр Леонов. При нем своих постов лишились: замначальника СЧ полковник Борис Родос, помощник начальника СЧ подполковник Сергей Кушнеров. Из старых кадров остались: замначальника СЧ полковник Лев Шварцман, помощник начальника полковник Виктор Цепков. А вот новых назначений при Леонове было произведено достаточно много. Так, еще одним его заместителем (помимо Лихачева) был назначен полковник Владимир Комаров. Кроме этого, появились еще шесть новых помощников со званиями полковников и подполковников: Анатолий Рассыпинский, Анатолий Болховитин, Алексей Герасимов, Константин Соколов, Сергей Поляков и Георгий Сорокин.

Так вот, Зою Федорову допрашивали не низшие чины – помощники начальника СЧ, а один из его заместителей Лихачев. Что говорило о том, что Федорова – не просто важная «птица», а суперважная. Например, генералов, которых в то же самое время арестовали по «делу маршала Жукова», допрашивали либо помощники начальника СЧ, либо и вовсе их подчиненные, вроде старшего следователя Путинцева. А знаменитую певицу Лидию Русланову будет мучить допросами майор МГБ Гришаев.

Во-вторых, в течение нескольких месяцев, пока Федорова находилась во внутренней тюрьме МГБ, ее допрашивали 99 раз. Однако протоколы составлялись только во время 23 допросов, а на 76 допросах протоколы либо вообще не велись, либо они попросту исчезли в последующие годы. Что наводит на определенные мысли. Например, на такие. В тех протоколах, что исчезли, допрос велся о неких секретных вещах, которые не должны были стать достоянием не только широкой общественности (когда-нибудь), но и даже среди сотрудников СЧ и всего МГБ в целом. То есть если предположить, что Федорова долгие годы агентурила на советские спецслужбы, то в материалах уголовного дела эта работа никак не могла быть отражена. Вернее, она отражалась на тех допросах, которые не протоколировались (чтобы не «засветить» ни самого агента «Зефир», ни его контакты). А для общего пользования была вытащена на свет версия об антисоветской деятельности Федоровой.

И снова вспомним про Лидию Русланову. Вот что пишет ее биограф С. Михеенков:

«...Эх, архивы, архивы... На них обычно возлагаются большие надежды. И становится очень горько, когда выясняется, что эти надежды напрасны. Руслановский архив оказался очень сильно подчищен. Отметили это еще самые первые исследователи, которые занимались биографией не только великой певицы, но и великого полководца. Имя Жукова в следственном деле Руслановой и некоторые другие места тщательно вымараны...»

Как видим, протоколы допросов Руслановой всего лишь подчищены. А у Федоровой большая часть протоколов вообще исчезла (или вовсе не велась). В уцелевших протоколах актрису обвиняли в том, что она совершила преступление, вступив в связь с американцем Джексоном Тейтом, а также вела антисоветские разговоры, собирая у себя дома разного рода компании из сомнительных людей. Приведем один из таких допросов:

«Лихачев: На предыдущих допросах вы отрицали совершенные вами преступления против советской власти. Учтите, ваша преступная деятельность следствию известна, и если вы не станете рассказывать об этом, мы будем вынуждены вас изобличать, – угрожающе начал он.

Федорова: Изобличать меня не надо. Оказавшись в тюрьме, я пересмотрела всю свою жизнь, все свои настроения и связи и пришла к выводу, что заключение меня под стражу является правильным.

Лихачев: А конкретнее? В чем вы признаете себя виновной?

Федорова: В том, что на протяжении последних лет проявляла резкие антисоветские настроения и высказывала намерение любыми путями выехать в Америку... Как я уже говорила, отцом моего ребенка является Джексон Тейт. Хочу откровенно сказать, что мною руководила мысль с помощью ребенка привязать Тейта к себе и, если представится возможность, уехать с ним из Советского Союза в США.

Лихачев: Он обещал на вас жениться?

Федорова: Ему еще надо было развестись. Но он не раз говорил, что будущее принадлежит нам. Правда, моя сестра Мария придерживалась другого мнения: она советовала не думать о женитьбе, а добиться от Тейта получения денег на содержание ребенка – ведь жена Тейта владелица нескольких заводов по производству стали, и этому состоятельному семейству ничего не стоило перевести на мой счет крупную сумму. Приняв решение, я попросила Иган передать Тейту письмо, в котором я сообщала о своей беременности. Он в это время был в США, но ответа я почему-то не получила. Тогда я передала письмо через Холла. Но он Джексона не нашел, объяснив это тем, что тот уехал куда-то на Тихий океан. Я на этом не успокоилась и после рождения Виктории нашла возможность переслать в Америку ее фотографии, но так и не знаю, дошло ли все это до Тейта. Должна заметить, что в Москве об этих письмах никто не знал, так как отцом Виктории был объявлен мой муж Рязанов...»

Заметим, что Александра Рязанова тоже арестуют и дадут ему пять лет лагерей (заключение он будет отбывать под Калугой). Так вот, Рязанов расскажет на следствии следующее:

«В конце июля 1945 года Федорова по секрету сообщила мне, что беременна от сотрудника американской военной миссии капитана 1-го ранга Джексона Тейта, который уже уехал в США. Мы условились, что в качестве отца ребенка она будет называть меня. Я пошел на это потому, что тоже высказывал желание уехать в Америку и надеялся осуществить этот план с помощью Федоровой...».

И снова вернемся к протоколу допроса Федоровой:

«Лихачев: В чем еще вы признаете себя виновной?

Федорова: Говоря откровенно, сборища в моей квартире нередко носили откровенно антисоветский характер. Собираясь вместе, мы в антисоветском духе обсуждали внутреннюю политику, клеветали на материальное благосостояние трудящихся, допускали злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Мы дошли до того, что в разговорах между собой обсуждали мысль о свержении советского правительства. Например, артист Кмит (он сыграл роль Петьки в фильме „Чапаев“. – Ф. Р.) в ноябре 1946 года заявил, что его враждебные настроения дошли до предела, в связи с чем он имеет намерение выпускать антисоветские листовки. Я и моя сестра Мария тут же выразили готовность распространять их по городу.

Лихачев: Материалами следствия установлено, что одними разговорами дело не ограничивалось. Какие конкретные методы борьбы против советской власти вы обсуждали?

Федорова: Мне тяжело и стыдно, но я должна сказать, что в ходе ряда враждебных бесед я высказывала террористические намерения против Сталина, так как считала его основным виновником невыносимых условий жизни в Советском Союзе. В связи с этим против Сталина и других руководителей ВКП(б) и советского правительства я высказывала гнусные клеветнические измышления – и в этом признаю себя виновной...».

Согласно книге «Дочь адмирала», помимо Рязанова к уголовной ответственности по «делу Федоровой» были привлечены еще несколько человек (тем самым они должны были собственными приговорами подтвердить официальную версию ареста Федоровой). Во-первых, это были ее сестры Александра и Мария: первая получила ссылку в северный Казахстан (село Полудино) вместе со всей семьей (в нее входила и

Виктория – дочка Зои), а второй дали десять лет лагерей под Воркутой (она будет трудиться на кирпичном заводе и умрет в 1952 году). Помимо них были осуждены: певец Большого театра Синицин (муж Марии Федоровой), костюмер с «Мосфильма» Марина Вигошина, композитор Александр Мирчев, журналистка Пятакова, а также Елена Терашович.

А вот актера Леонида Кмита не тронули и даже не вызывали в качестве свидетеля. Почему? Ответов может быть несколько. Во-первых, следователи сами могли приписать ему участие в антисоветских разговорах, зная, что он бывает в доме у Федоровой. Зачем приписали? Для пущего веса дела. Во-вторых, Кмита побоялись тревожить, зная отношение к нему Сталина – тот Петьку из «Чапаева» любил. В-третьих, Кмит, как и Федорова, тоже мог быть агентом НКГБ, но был на хорошем счету и никаких дел не проваливал. Наконец, в-четвертых – чекисты знали, что подобные антисоветские разговоры среди творческой интеллигенции весьма распространены, поэтому всех сажать – не пересажаешь. Ведь даже в годы войны многие советские интеллигенты выражали пораженческие настроения, и чекисты прекрасно были осведомлены об этом, поскольку держали эту среду на «прослушке». Приведу на этот счет лишь один пример.

В июле 1943 года заместитель начальника 3-го отдела (секретно-политического) 2-го управления НКГБ СССР Федор Шубняков (чуть позже он станет начальником 3-го отдела) составил секретное спецсообщение высшему руководству страны под названием «Об антисоветских проявлениях и отрицательных политических настроениях среди писателей и журналистов». В нем сообщалось следующее:

«За последнее время... со стороны отдельных писателей и журналистов отмечаются различные отрицательные проявления и политические тенденции, связанные с их оценкой международного, внутреннего и военного положения СССР.

Враждебные элементы высказывают пораженческие настроения и пытаются воздействовать на свое окружение в антисоветском духе.

Писатели, проявляющие резкие антисоветские настроения, нами активно разрабатываются...».

В этом документе фигурировали несколько десятков деятелей творческой интеллигенции (в основном – писателей), среди которых были весьма известные люди. Какие? Назову лишь некоторых из них. Например, писатель Константин Федин говорил следующее:

«...Все русское для меня давно погибло с приходом большевиков; теперь должна наступить новая эпоха, когда народ не будет больше голодать, не будет все с себя снимать, чтобы благоденствовала какая-то кучка людей (большевиков).

За кровь, пролитую на войне, народ потребует плату и вот здесь наступит такое. Может быть, опять прольется кровь.

Ничего мы сделать без Америки не сможем. Продав себя и весь свой народ американцам со всеми нашими потрохами, мы только тогда сможем выйти из этого ужаса разрушения. Отдав свою честь, превратившись в

нищих и прося рукой подаяния, – вот в таком виде мы сейчас стоим перед Америкой. Ей мы должны поклониться и будем ходить по проволоке, как дрессированные собаки...».

А вот что заявил в одном из частных разговоров еще один из столпов советской литературы – Корней Чуковский: «Скоро нужно ждать еще каких-нибудь решений в угоду нашим хозяевам (союзникам), наша судьба в их руках. Я рад, что начинается новая разумная эпоха. Они нас научат культуре...».

Ему вторит Федор Гладков: «Подумайте, 25 лет советская власть, а даже до войны люди ходили в лохмотьях, голодали. В таких городах, как Пенза, Ярославль, в 1940 году люди пухли от голода, нельзя было пообедать и достать хоть хлеба. Это наводит на очень серьезные мысли: для чего же было делать революцию, если через 25 лет люди голодали до войны так же, как голодают теперь...».

Еще один писатель – Виктор Шкловский – говорил следующее: «...Меня по-прежнему больше всего мучает та же мысль: победа ничего не даст хорошего, она не внесет никаких изменений в строй, она не даст возможности писать по-своему и печатать написанное. А без победы – конец, мы погубили. Значит, выхода нет. Наш режим всегда был наиболее циничным из когда-либо существовавших, но антисемитизм коммунистической партии – это просто прелесть.

Никакой надежды на благотворное влияние союзников у меня нет. Они будут объявлены империалистами с момента начала мирных переговоров. Нынешнее моральное убожество расцветет после войны».

Спецслужбы слушали не только литераторов, но и кинематографистов. Например, в донесении Шубнякова фигурирует имя режиссера Александра Довженко. И говорил он вот что: «...Украинские девушки, полюбившие немцев и вышедшие за них замуж, не виноваты в том, что у них нет патриотизма, а виноваты те, кто этого патриотизма в них не сумел воспитать, то есть мы сами, вся система советского воспитания, не сумевшая пробудить в человеке любви к родине, чувства долга, патриотизма.

Ни о какой каре не может быть речи, должны быть прощены все, если только они не проводили шпионской работы...

Тема обличения порочности советского воспитания, никчемности советского педагога, ошибочности пропаганды и трагических результатов этого должна стать основной темой советского искусства, литературы и кино на ближайшее время.

...Возмущаюсь, почему создали польскую дивизию, а не формируют украинских национальных частей...».

Все эти данные ложились на стол Сталину и других членов Политбюро, но, самое интересное, почти никаких репрессий по отношению к антисоветчикам не проводилось (из длинного списка литераторов, упоминаемых Шубняковым, посадят только Леонида Соловьева – автора «Повести о Ходже Насреддине»). Спрашивается, почему, если сталинский режим, как долгие годы уверяют нас господа либералы, был кровавым? Значит, кровь в нем проливалась выборочно и были такие деятели (и их было достаточно большое количество), на кого эта «кровавость» не распространялась. Сталин прощал интеллигенции их частные антисоветские разговоры и требовал от них взамен только одного – патриотизма в их профессиональном творчестве. И они этого патриотизма в своих произведениях придерживались.

Кстати, могло быть и такое. Чекисты (по приказу того же Сталина) приходили к «подслушанным» писателям и ставили вопрос ребром: либо этот компромат ляжет в основу уголовного дела против вас, либо вы будете делать то, что мы вам прикажем. И писатели, дабы не оказаться в ГУЛАГе, шли на сотрудничество. Цинично? Безусловно. Но такова суть любой большой политики и деятельности спецслужб, которые чаще всего выполняют волю все той же большой политики. Так было раньше, так происходит и поныне, причем при любом режиме. А те люди, которые ассоциируют это только со сталинскими временами, либо заблуждаются, либо намеренно врут, преследуя какие-то свои корыстные цели.

Но вернемся к Леониду Кмиту.

Итак, упоминание его имени в контексте антисоветской деятельности Зои Федоровой не стало поводом к тому, чтобы актера тоже привлекли к судебной ответственности. И он продолжил свою деятельность в кино, снявшись во второй половине сороковых годов в четырех фильмах: «Голубые дороги» (1948; роль – помощник капитана пассажирского корабля «Россия» Иван Иванович), «Новый дом» (1948; старшина-сапер Фокин), «Повесть о «Неистовом» (1948; радист Филатов), «Три встречи» (1949; директор МТС).

А что же Зоя Федорова?

В Лефортово она пробыла почти год – до осени 1947 года. Причем Лихачев вел ее дело в течение нескольких месяцев, а заканчивал его один из помощников начальника СЧ подполковник Константин Соколов. После этого дело должно было попасть в суд, но замминистра МГБ Сергей Огольцов (его утверждающая подпись появилась на деле 15 августа 1947 года) почему-то передал его на рассмотрение Особым совещанием при МВД. Почему именно туда? Видимо, все по той же причине – чтобы у Федоровой не было возможности ненароком (или по злему умыслу) апеллировать к тому, что она является агентом спецслужб. Ведь в проекте Положения об ОСО этому внесудебному органу предоставлялось право рассматривать расследованные органами МГБ СССР дела: а) о лицах, признаваемых общественно опасными по связям с преступной средой или по своей прошлой деятельности; б) о преступлениях, доказательства по которым в силу их характера не могут быть оглашены в судебных заседаниях; в) другие дела – по отдельным указам Президиума Верховного Совета СССР или постановлениям правительства СССР.

Для нас важен именно пункт «б», по которому и проходил агент «Зефир» – его агентурная деятельность не должна была стать достоянием широкой огласки. Поэтому Особое совещание состояло всего из нескольких человек: министра МВД С. Круглова, двух заместителей министра – от МВД и МГБ – и Генерального прокурора (или его заместителя). Кроме этого, Особое совещание рассматривало дела, по которым нет доказательств вины подсудимого (например, на ОС осуждали жен врагов народа), либо сам факт осуждения данного человека (и его самого) надо было скрыть.

Однако об аресте Федоровой было широко известно; чего же здесь, спрашивается, скрывать? Но скрыть надо было, как уже говорилось, ее агентурную принадлежность. Поэтому актрису и провели через Особое совещание, поскольку на нем можно было рассматривать дело, не вызывая на заседание подсудимого. То есть круг осведомленных лиц сужался до минимального: прокурор, министр, два заместителя. В итоге 8 сентября 1947 года было вынесено решение: осудить Зою Федорову на 25 лет лагерей за антисоветскую деятельность и преступную связь с иностранцем. Хотя на самом деле агента «Зефир» осуждали за другое: за провал операции по вербовке важного американца. Плюс к тому же Абакумов прятал за решетку бериевского агента. Кстати, о Берии.

В том же сентябре Федорову отправили из Москвы в Темниковские лагеря в Мордовии. Однако на пути туда, в Потьме, Зоя решила написать письмо своему покровителю. На календаре было 20 декабря 1947 года. Приведем это послание полностью:

«Многоуважаемый Лаврентий Павлович!

Обращаюсь к вам за помощью, спасите меня. Я не могу понять, за что меня так жестоко терзают.

В январе месяце 1941 года, будучи несколько раз у вас на приеме по личным вопросам, я хорошо запомнила ваши слова. Вы разрешили мне обращаться к вам за помощью в тяжелые минуты жизни. И вот тяжелые минуты для меня настали, даже более чем тяжелые, я бы сказала – смертельные. В глубоком отчаянии обращаюсь к вам за помощью и справедливостью.

27. XII.46 я была арестована... Я была крайне удивлена этим арестом, так как не знала за собой никаких преступлений. Правда, за последние шесть лет министерство кинематографии постепенно затравливало меня. Последние два года я чувствовала себя в опале. Это озлобило меня, и я среди своих родственников и друзей критиковала нашу жизнь. Говоря о материальных трудностях, я допускала довольно резкие выражения, но все это происходило в стенах моей квартиры.

Находясь в жизненном тупике, я всячески искала выход: обращалась с письмом лично к Иосифу Виссарионовичу Сталину, но ответа не получила. Попыталась зайти к вам, но меня не пустили ваши сотрудники.

Вскоре я была арестована. Не считая свое поведение преступным, так как я болтала всякую чепуху, не имея каких-либо преступных намерений, я была спокойна. В крайнем случае за свой язык и аморальное поведение я ждала хорошего выговора, но не тех страданий, которые мне пришлось испытать.

Инкриминированное мне преступление и весь ход следствия напоминают какую-то кровавую комедию, построенную следователями на нескольких неосторожно мною сказанных фразах, в результате чего на бумаге из меня сделали чудовище.

Я пыталась возражать и спрашивала: „Зачем вы все преувеличиваете и сами за меня отвечаете?“ А мне отвечали, что если записывать мои ответы, то протоколы будут безграмотны. „Вы боитесь терминов“, – говорили мне и вставляли в мои ответы термины – один другого ужаснее, один другого позорнее, делавшие из меня изверга и изменника Родины.

Что дало повод так позорно заклеить меня? Мое знакомство с иностранцами. Но знала ли я, что дружба, которая была у нас с ними в те годы, перейдет во вражду и что это знакомство будет истолковано как измена Родине?! Но этого мало, полет жестокой фантазии следователей на этом не остановился. Подаренный мне во время войны маленький дамский пистолет послужил поводом для обвинения меня в террористических намерениях. Против кого? Против власти. Против партии и правительства, ради которых, если вы помните, я дала вам согласие остаться в Москве на случай, если немцы захватят ее, чтобы помогать вам вести с ними подпольную борьбу.

Следователи говорили мне: „Не бойтесь, эти протоколы будут читать умные люди, которые все поймут правильно. Неужели вы не чувствуете, что вам хотят протянуть руку помощи? Вас надо было встряхнуть. Да и вообще, это дело вряд ли дойдет до суда“.

Я сходила с ума, решила покончить с собой и повесилась в одиночной камере Лефортовской тюрьмы, но умереть не удалось – мне помешали... Потом я была отправлена в Темниковские лагеря – больная, полусумасшедшая. Но Особому совещанию показалось недостаточным столь суровое наказание, и через два месяца они решили добавить конфискацию имущества, отнять то, что было нажито в течение всей жизни честным трудом. Этим они наказали не меня, а моих маленьких детей, которых у меня на иждивении четверо: самой маленькой, дочери, два года, а самому старшему, племяннику, десять лет.

Я умоляю вас, многоуважаемый Лаврентий Павлович, спасите меня! Я чувствую себя виноватой за легкомысленный характер и несдержанный язык. Я хорошо поняла свои ошибки и взываю к вам как к родному отцу. Верните меня к жизни! Верните меня в Москву! За что же я должна погибнуть? Единственная надежда у меня на Ваше справедливое решение.

20.12.1947».

А теперь присмотримся к некоторым пассажирам этого письма повнимательнее. Актриса пишет:

«...За последние шесть лет министерство кинематографии постепенно затравливало меня. Последние два года я чувствовала себя в опале. Это озлобило меня, и я среди своих родственников и друзей критиковала нашу жизнь. Говоря о материальных трудностях, я допускала довольно резкие выражения, но все это происходило в стенах моей квартиры...».

Как уже говорилось, в период 1942–1946 годов у Зои Федоровой было всего лишь две роли в кино, причем обе главные. Однако ролей могло быть и больше, но в Киноглавке у Федоровой были недоброжелатели, которые тормозили ее карьеру. Спрашивается, почему же чекисты (если Зоя служила на них) не помогли ей в этом вопросе? Судя по всему, чтобы ее ненароком не расконспирировать. И во-вторых – чтобы гонения на нее повысили ее рейтинг в глазах ее друзей-иностранцев (к гонимым больше доверия). Но написать об этом в открытую (да еще из лагеря!) Зоя не может, однако люди сведущие (тот же Берия) должны были прочесть это между строк. Причем в одном месте Зоя все-таки идет на частичную расконспирацию: упоминая историю от осени 1941 года, когда Берия собирался оставить ее в Москве для подпольной работы.

Читаем далее: «...Находясь в жизненном тупике, я всячески искала выход: обращалась с письмом лично к Иосифу Виссарионовичу Сталину, но ответа не получила. Попыталась зайти к Вам, но меня не пустили Ваши сотрудники...».

Судя по всему, эти события могли иметь место весной или летом 1946 года. Но это был период, когда Сталин затеял перетряску в МГБ и, вполне вероятно, знал историю провала агента «Зефир». А Берия уже не имел того влияния в МГБ, которое у него было до весны 46-го. В итоге оба они предпочли не вмешиваться в ситуацию. Кто-то сочтет это предательством, а кто-то – вполне адекватной реакцией на провал в нелегальной деятельности агента. Мол, не умеешь работать – отправляйся в лагерь. Ведь известно выражение Сталина: «У чекиста есть два пути: либо продвижение по службе, либо тюрьма». Продвигать агента «Зефир» было уже не за что, а вот посадить в тюрьму – наоборот. И никакие прошлые заслуги роли уже не играли. Обидно, конечно, но такова была специфика чекистской работы в те годы. Из истории мы знаем десятки случаев, когда наших видных разведчиков сажали за решетку, невзирая на их выдающиеся заслуги в недавнем прошлом (например, во время той же войны).

Итак, свое письмо на имя Берии Федорова написала 20 декабря. Но оно тут же оказалось не на его столе, а на столе Абакумова. Что, собственно, и должно было произойти при той ситуации. Даже непонятно, на что рассчитывала Зоя, отсылая его в Москву через официальные каналы. И реакция последовала незамедлительно. Понимая, что Федорова на одном письме не остановится и будет взывать к своему покровителю и дальше, было снова собрано Особое совещание (оперативность его созыва поражает!). И уже спустя неделю был вынесен новый приговор: заменить Федоровой лагеря тюремными застенками. Исключительно для того, чтобы у Берии (или его людей) не было возможности до нее добраться. Так Зоя Федорова оказалась в знаменитой «крытке» – во Владимирской тюрьме. Своего рода «железная маска», но по-советски.

Узница централа, или «Железная маска» по-советски

Владимирский централ Зои Федоровой. – В роли «...подсадной утки» – бывшая жена актера Бориса Чиркова. – Как чекисты поженили адмирала и актрису. – Номерные заключенные «Владимирки». – Лидия Русланова – сокамерница Зои Федоровой. – Михаил Ромм и Елена Кузьмина на службе МТБ. – «Совэкспортфильм»: от агента «Платона» до агента «Твена». – Владимир Вайншток – самый секретный режиссер советского кино. – Как Георгий Александров и Любовь Орлова помогали МТБ. – Зоя рвется на свободу

Зоя Федорова прибыла во Владимирскую тюрьму в январе 1948 года. А спустя полгода в центре поменялось руководство: новым начальником тюрьмы (а также всего 4-го отдела Тюремного управления МВД СССР) был назначен Михаил Журавлев. Чуть раньше я уже упоминал этого чекиста. Однако напомним его биографию еще

раз. В органы НКВД он пришел в январе 1939 года, а до этого был 2-м секретарем Ленинского райкома Ленинградского горкома ВКП(б).

В конце января 1939 года его отправили в качестве наркома в Коми АССР. И именно Журавлев обратил там внимание на секретного агента Николая Кузнецова. Рассказал о нем Леониду Райхману, и тот перевел (поздней осенью 1939 года) Кузнецова (агентурное имя «Колонист») в Москву, чтобы тот работал по немецкой линии. Практически в это же время в Москву из Ленинграда вернулась и Зоя Федорова, чтобы тоже работать на том же направлении, но уже в столице. А в марте 1940 года в Москву перевели и Журавлева, назначив его начальником 5-го отделения 2-го отдела (секретно-политического) ГУГБ НКВД СССР. А это отделение отвечало за работу в среде творческой интеллигенции, к коей относилась и Зоя Федорова, да и Николай Кузнецов, который специально был внедрен в артистическую среду под видом инженера Шмидта. Таким образом, Журавлев мог курировать их обоих.

В феврале 1941 года Журавлев получил повышение – стал начальником УНКВД-УМВД по Московской области – то есть имел отношение к руководству агентурной сетью как в Москве, так и в области. А когда Зоя Федорова угодила во «Владимирку», Журавлев вскоре тоже оказался там в роли начальника централа. Конечно, можно записать все это в случайности, а можно и нет. Если исходить из последнего, то какие мысли приходят на этот счет?

Журавлев был начальником «Владимирки» больше года (до сентября 1949 года) и, вполне вероятно, помогал агенту «Зефиру» там «адаптироваться». Зорко следил за тем, чтобы она не наделала «глупостей» на почве возможной обиды на своих «хозяев», которые бросили ее на произвол судьбы. Впрочем, может быть, никто ее и не бросал, и агент «Зефир» и в тюрьме вела двойную жизнь, агентуря на МГБ? Таких случаев в истории спецслужб предостаточно: когда агента осуждают и отправляют в тюрьму, делая из него «наседку» (тайного осведомителя). Например, знаменитый агент ОГПУ Александр Якушев, выдававший себя перед белой эмиграцией за руководителя антисоветской организации-фальшивки под названием «Трест», якобы тоже затем был арестован своими коллегами-чекистами, чтобы вести агентурную работу уже в неволе. Однако эту версию опровергает актриса Татьяна Окуневская, которую арестовали вскоре после Федоровой – в ноябре 1948 года. И она сидела в той же камере на Лубянке, что и Зоя. Цитирую:

«...Путано, противно, плохо, сбивчиво, нудно рассказываю ей (сокамернице по имени Нэдин. – Ф. Р.) о себе, о своем деле.

– Вы уже вторая „звезда“ в этой камере, здесь сидела Зоя Федорова, и то, что вы рассказываете о себе, в моем мозгу не умещается! Ни в какой другой стране это невозможно! Невероятно вообще! Без всякой вины!..

– Как Зоя! Что она?!

– Я не успела ее узнать, она истерична, она была невменяема, не мылась, не умывалась, не снимала платок с головы, кричала, билась головой о стену, и ее скоро забрали. И еще в нашей камере сидела балерина Большого театра Нина Горская – полная противоположность Зое, она наседка.

– Что это?

– Это люди, которых подсаживают в камеры помочь создать дело: они входят в доверие, вызывают на откровенность и потом все доносят следователю. Горская нагла, спокойна, получала роскошные продуктовые передачи, которые разрешают только за услуги.

– Это же жена моего партнера по фильму „Пархоменко“, артиста Чиркова, он племянник Молотова и той самой Жемчужиной, которая сидит рядом в камере.

– От мужа она и получала эти роскошные передачи – такие передачи разрешаются только стукачам, этим воспитанным вашим строем взрослым павликам морозовым! Горская в нашей камере была на отдыхе: моим иностранкам дело создавать не надо было, и она наслаждалась тортами и беконами в ожидании новой жертвы...»

Заметим, что балерина миманса Большого театра Нина Горская была арестована за то же самое, за что пострадала и Зоя Федорова, – она была знакома с английским военно-морским атташе. Правда, романа между ними не возникло (Горская сначала была замужем за актером Борисом Чирковым, а затем жила с начальником Главного штаба военно-морских сил СССР Арсением Головки). Если она была «наседкой», то неизвестно, когда она ею стала – до попадания в неволю или после. Ведь, как мы помним, труппа Большого театра была достаточно сильно «унавожена» агентурой МГБ.

Кстати, после расставания с Горской Арсений Головки (самый молодой адмирал в истории Советского Союза – ему было всего 34 года, когда накануне войны его назначили командовать Северным флотом и он отвечал за охрану Северного морского пути, по которому к нам шла помощь союзников) женился на актрисе МХАТа Кире Ивановой (1919), ставшей отныне Головки. Причем есть версия, что эту свадьбу устроил лично Сталин. Он высоко ценил адмирала и в 1946 году перевел его в Москву. Вождь знал, что во время войны у Головки умерла жена и что тот тяжело переживал ее смерть. И тогда Сталин решил подыскать своему любимчику новую супругу. А поскольку вождь был завсегдатаем МХАТа, он решил найти невесту среди тамошних актрис. И его выбор пал на Киру Иванову. Но была одна загвоздка: как познакомить этих людей? И тогда Сталин дал поручение проверить эту операцию министру МГБ Виктору Абакумову и его агентам из театральной среды (из того же МХАТа). Видимо, у тех был богатый опыт по части подобного рода мероприятий (он таковым и останется, если иметь в виду такие подозрительные союзы, как Высоцкий – Влади или Каузов – Онассис). Абакумов вызвал к себе начальника 2-го управления (контрразведка) Евгения Питовранова, а уже тот дал задание своему заместителю Леониду Райхману – тому самому, который еще с 1938 года работал по творческой интеллигенции и имел в женах балерину Ольгу Лепешинскую. После чего начался сбор подробной информации о будущей адмиральше. А когда информация была собрана, начался главный этап операции – сводничество. О том, кто именно был в этом задействован, можно установить по воспоминаниям самой К. Головки:

«...В конце 1947 года режиссер Илья Фрэн приступил к съемкам „Первоклассницы“ по сценарию Агнии Барто, где мне была отведена роль мамы Маруси. Агния Барто приходилась родной тетей его жене. Меня очень увлекала эта компания. И еще до съемок мы сдружились. Они пригласили меня встречать Новый год (речь идет о 1948 годе. – Ф. Р.) на дачу к своему приятелю. Я по наивности не спросила его имени. Ну, к приятелю так к приятелю. Разве у кинорежиссеров бывают плохие приятели?»

Мы ехали какой-то подмосковной трассой. За окном темно, сосны, снег. Подъехали к устрашающе высокому забору. Охранники открыли ворота, машина въехала во двор, я вышла и поняла, что нахожусь на правительственной даче. В доме был накрыт стол, много гостей. Меня посадили рядом с незнакомцем в военной форме. Он меня сразу пригласил на танец и вот в танце между нами такой диалог:

- Я ведь вас хорошо знаю, – начал мужчина.
- Да что вы говорите, а я вас совершенно не знаю, даже не знаю, как вас зовут.
- Виктор Семенович.
- Очень приятно, а меня Кира Николаевна.
- Я даже знаю, по каким переулкам вы ходите, и с кем гуляете.

И начинает перечислять настолько подробно, что я оторопела. Переулки точные. Молодой человек, с которым встречаюсь, описан точно. Дом, где живу, – точно. И спектакли, в которых играю, тоже точно.

По облику невозможно было догадаться, что этот красивый русский мужик – один из страшных злодеев XX века.

Много позже я узнала, что именно он был причастен к арестам и ссылкам, а убийство Соломона Михоэлса в 1948 году – тоже его рук дело.

Несколько комнат дачи были завалены книгами, нераспечатанными, непрочитанными. Ему (Виктору Абакумову. – Ф. Р.) просто полагались эти книги. Мне отвели комнату на втором этаже. Под утро пошла спать, но не могла сомкнуть глаз – понимала, что втянута в какую-то интригу. Кроме того, я затаила обиду на Фрэзов, что они меня не предупредили, куда везут. Мне казалось, что в дверь вот-вот постучат. В голове крутились страшные мысли: на даче, окруженной охранниками, в темном лесу с тобой могут сделать что угодно, и сопротивляться бесполезно. Такие люди, как Абакумов, если хотят добиться своей цели, сделают это насильно – для них не существует преград. Он разве что стучался ко мне в комнату: „Открой, открой“. – „Я не могу, я приболела“, – говорила я. И он, к счастью, оставил меня в покое (вполне вероятно, министр стучался не случайно: он хотел лично убедиться в том, что актриса – девушка порядочная, морально устойчивая и вполне подходит адмиралу в качестве супруги. – Ф. Р.). Правда, спустя несколько дней Абакумов прислал за мной машину и зачем-то повез знакомить с женой, с которой разводился в ту пору. Она жила на Лубянке – в переулках, недалеко от Мясницкой. Меня представил: „Вот, актриса, я поклонник“. Деталей не помню, но встреча была короткой. Зачем я ему понадобилась – до сих пор гадаю...

Прошло несколько дней, и вдруг меня встретил театральный администратор Игорь Владимирович Нежный. От радости он закричал на весь переулок: „Кира, я как раз вспоминал о тебе. У тебя кончился роман с Орловым?“. Я оторопела и жестом показала, что это нельзя афишировать: „Кончился, кончился, Игорь Владимирович, давно кончился“. – „Прекрасно, я выдам тебя замуж!“ – „Не надо, не надо“. И таки выдал!

Он пригласил меня в гости – в квартиру в Глинищевском переулке, где жил гражданским браком с Аннель Алексеевной Судакевич, художницей по костюмам. Когда я пришла, там уже было двое мужчин, и я все время гадала, за кого из них Нежный меня сватает. Один старательно рассказывал анекдоты, но очень картавил, и я решила, что он еврей. К тому же у него были вьющиеся волосы копной. Тогда я, конечно, и представить не могла, что именно этот человек станет главным в моей жизни. Это был адмирал, начальник Главного штаба ВМФ Арсений Головкин...».

Как видим, если это и в самом деле была операция МГБ, то в ней были задействованы разные представители творческой интеллигенции: с одной стороны, известный кинорежиссер со своей супругой, с другой – театральный администратор, опять же со своей дражайшей второй половиной. Короче, агентов (или помощников) у чекистов всегда было в достатке.

Но что же актриса и адмирал, что стало с ними? В январе 1949 года они поженились и прожили в любви и согласии 13 лет – до смерти Головкина в мае 1962 года (в результате испытаний ядерного оружия на Новой Земле, согласно некоторым предположениям, он заболел лучевой болезнью и скончался на 56-м году жизни).

Но вернемся к Зое Федоровой.

Итак, она попала во Владимирскую тюрьму МГБ, которая считалась особой – там содержались особо опасные государственные преступники: агенты иностранных разведок, диверсанты, террористы, троцкисты, правые, меньшевики, эсеры, анархисты, националисты, белоэмигранты и другие участники антисоветских организаций и групп, а также лица, представлявшие опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. Всего таких тюрем было три: во Владимире, Александровске (Иркутская область) и Верхнеуральске (Челябинская область). В каждой из них сидело от 1715 (во «Владимирке») до 4500 человек. Причем если тюрьмы в Александровске и Верхнеуральске находились в подчинении областных начальников УМВД, то Владимирка

подчинялась начальнику Тюремного управления МВД – тому самому М. Журавлеву. Как было сказано в постановлении по особым тюрьмам:

«...Установить в особых лагерях и тюрьмах строгий режим, запретив применение к осужденным, содержащимся в этих лагерях и тюрьмах, сокращение сроков наказания и льгот. Трудоспособных заключенных использовать преимущественно на тяжелой физической работе.

...МГБ СССР организовать в особых лагерях и тюрьмах специальные аппараты МГБ, на которых возложить ведение чекистской работы среди заключенных с целью выявления оставшихся на свободе связей и их разоблачения, а также пресечения попыток продолжения заключенными вражеской работы из лагерей...».

Об особом статусе «Владимирки» говорят имена ее заключенных – весьма именитых. В начале 1948 года, когда туда прибыла Зоя Федорова, там, например, отбывали наказание руководители прибалтийских государств (15 человек), а также такие военачальники Третьего рейха, как: фельдмаршалы Эвальд фон Клейст и Фердинанд Шернер, обергруппенфюрер СА Адольф Беккерле (бывший посол Германии в Болгарии), Франц Бентивеньи (начальник военной контрразведки «Абвер»), Ганс Пиккенброк (начальник военной разведки «Абвер-1»), адмирал Гюнтер Гузе, контр-адмирал Эрнст Краффт, вицеадмирал Ганс-Эрих Фосс, начальник личной охраны Гитлера Ганс Раттенхубер, начальник личной охраны Геббельса Вильгельм Эккольд, последний комендант Берлина Гельмут Вейдлинг, офицер штаба Зигфрид Мюллер (брат шефа гестапо Мюллера) и др.

После разгрома Японии во Владимирском центре содержались японские военнопленные Квантунской армии.

Все эти заключенные числились не под своими именами и фамилиями, а под номерами. Та же ситуация была и в отношении заключенных, которые числились по категории родственников Сталина. Так, под № 3 значился Константин Орджоникидзе – младший брат покойного наркома Серго Орджоникидзе, под № 22 – Евгения Аллилуева (жена П. С. Аллилуева, брата жены Сталина Надежды Аллилуевой), под № 23 – Анна Аллилуева, сестра жены Сталина Надежды Аллилуевой.

Помимо этих людей во «Владимирке» сидели: жена маршала Буденного Ольга Михайлова (с 1937 года), писатель Даниил Андреев (с 1948-го), певица Лидия Русланова (с конца марта 1950-го). Последняя оказалась в одном режимном корпусе с Федоровой – № 2, в котором размещалась и медицинская часть. Сидя в одной камере, они подружились, хотя отношения между ними претерпевали разные периоды – в них были свои приливы и отливы. Как будет вспоминать ветеран центра Варвара Ларина: «Находясь в одной камере, они часто ругались, при этом, когда Русланова освобождалась, она часть своих вещей передала Федоровой...».

А вот что рассказала уже в наши дни дочь другой сокамерницы Зои – жены члена Политбюро Н. Вознесенского (его расстреляли по «ленинградскому делу» в 1950 году) Марии Литвиновой-Вознесенской – Наталья:

«Маму, если не изменяет память, арестовали сразу после расстрела отца в Ленинграде. И выпустили. почти сразу после смерти Сталина. Около двух лет она сидела в одиночке на Лубянке, а последние полгода – в общей камере во Владимире. Когда маму перевели в общую камеру во Владимир, там с ней сидели какие-то сектанты, киноартистка Зоя Федорова и певица Лидия Русланова. Позже мать вспоминала, как муж Руслановой генерал Крюков присылал продуктовые посылки. И Русланова кричала матери: „Маруся, ну-ка иди скорей распаковывать, а то Зойка все сама сожрет!“».

Русланова в заключении вела себя порой вызывающе, но чаще всего старалась не «высовываться». Чего не скажешь о Федоровой – она вела себя дерзко, часто вступала в перебранки как с сотрудниками, так и со своими сокамерниками, из-за чего ее прозвали хулиганкой.

В «Дочери адмирала» про взаимоотношения актрисы и певицы написано следующее:

«...Знаменитая на весь Советский Союз исполнительница русских народных песен Лидия Русланова стала во „Владимирке“ одной из двух самых близких Зоиных подруг.

После ареста ее мужа, генерала Крюкова, который был правой рукой маршала Жукова, ей дали шесть лет тюрьмы. Поскольку обе принадлежали к миру искусства, они, конечно же, не раз встречались в Москве на разных приемах. Но никогда не были друзьями. Сблизила их „Владимирка“...».

Заметим, что Русланова угодила в тюрьму по политическим мотивам (по статье 58 УК РСФСР «Антисоветская пропаганда»), однако ей также инкриминировали буржуазное разложение – ее обвинили в «грабеже и присвоении трофейного имущества в больших масштабах», а именно в том, что в конце войны, опустошая жилища отступавших немцев, генерал Крюков перевез себе в Москву большое количество мебели, картин, драгоценностей. Согласно материалам архивноследственных дел № 0046 и № 1762, в ходе обысков у Владимира Крюкова и Лидии Руслановой были изъяты: автомобиль «Horch 951A», два «Мерседеса», «Ауди», сто тридцать две картины русских художников, тридцать пять старинных ковров, гобелены, антикварные сервизы, меха, скульптуры из бронзы и мрамора, декоративные вазы, библиотека старинных немецких книг с золотым обрезом, семьсот тысяч рублей наличными, 312 пар модельной обуви, 87 костюмов и другое. Чуть позже певица вынуждена была выдать и остальное: в специальном тайнике на кухне под плитой в квартире ее бывшей няни Егоровой, проживающей на Петровке, 26, были изъяты принадлежащие Руслановой 208 бриллиантов и, кроме того, изумруды, сапфиры, рубины, жемчуг, платиновые, золотые и серебряные изделия. Певица объяснила, что эти бриллианты куплены на деньги, заработанные исполнением русских песен, и их приобретению были отданы все последние годы: «Я, не задумываясь, покупала их, чтобы бриллиантов становилось все больше и больше. Я хорошо зарабатывала исполнением русских песен. Особенно во время войны, когда „левых“ концертов стало намного больше». На вопрос о полотнах русских художников Лидия Русланова признала, что «приобретению художественных полотен отдавалась со всей страстью».

Именно Русланова, судя по всему, надоумит потом Зою Федорову заняться скупкой бриллиантов. Впрочем, не будем забегать вперед.

По воспоминаниям надзирательниц, Русланова привезла с собой в тюрьму целый багаж концертных платьев, туфель и много чего другого. Все это ясно указывало на то, что ее арестовали сразу после концерта. А вот у Федоровой, в отличие от певицы, такого багажа не было, хотя она тоже была актрисой – во «Владимирку» она прибыла в бушлате и полосатой робе, которые ей выдали еще в лубянской тюрьме. Однако по существующим правилам за заключенным, если его переводили в другое место, должна была следовать и одежда, в которой его арестовали (в нее он должен был облачиться при освобождении). Так вот, на момент ареста на Федоровой была шубка, платье и туфли, которые теперь хранились в камере хранения «Владимирки». И в один из дней Зоя передала их (вернее, попросила это сделать надзирательниц) своей сокамернице Ольге, которая освободилась раньше нее. Федорова хотела, чтобы Ольга передала эти вещи ее сестре Александре и дочери Вике. Читаем в «Дочери адмирала»:

«...У нее (у Зои. – Ф. Р.) не было выхода: ей ничего не оставалось, как поверить Ольге. Лубянка и другие места заключения научили Зою не доверять никому, но тут все было по-другому. Еще неизвестно, доживет ли она до выхода из „Владимирки“ а Ольгу уже освобождают, и она едет в Москву. Зачем Зое во „Владимирке“ меховая шубка и дурацкие вечерние туфельки, которые были на ней в ночь ареста, а теперь валяются где-то в тюремной камере хранения? Если Ольга и впрямь сдержит слово – „Клянусь здоровьем своего сына, Зоя Алексеевна“, – и отвезет шубку с туфельками в Москву, Александре, это будет просто замечательно. Александра продаст их, и вырученные деньги хоть немного помогут им с Викторией.

Зоя отдала Ольге шубку и туфли.

Больше ни о них, ни об Ольге она ничего не слышала. Позже, когда узнала, что Александра в Казахстане, у нее затеплилась мысль, что Ольга постарается переслать шубку туда, хотя прекрасно понимала, что тешит себя напрасной надеждой. Ольга обманула ее...»

18 января 1950 года Виктории, дочери Зои, исполнилось четыре года. По этому поводу Русланова закатила «банкет» – преподнесла Зое крошечный тортик, который она с еще одной сокамерницей по имени Зося умудрились сделать из крошек печенья, купленного Руслановой в тюремной лавке (певице были разрешены денежные переводы), и воды. Тортик украшала одна свечечка, которую они слепили из корки сыра. Тогда же сокамерницы посоветовали Зое написать письмо на волю (до этого она считала, что таковые ей не положены). Но надзирательницы объявили, что Федоровой письма не положены. Тогда она объявила голодовку. Это было неслыханной дерзостью, поэтому после первого же дня голодовки Зою накормили насильно – через шланг. Но поскольку она и после этого была настроена решительно, тюремное начальство решило не перегибать палку – и Зое передали письмо от ее старшей сестры Александры, которое от нее скрывали. Послание было коротким, но очень важным:

«Дорогая сестра!

Надеюсь, у тебя все хорошо, как и у меня и у моих детей. Виктория выросла в хорошенькую девочку, у нее длинные прямые каштановые волосы и красивые глаза. Она зовет меня мамой и во всем слушается. Она очень вежливая и немного застенчивая.

Твоя сестра Александра».

В тот же день Зося написала ответное письмо, которое было чуть длиннее. Она писала:

«Дорогая Александра!

Какое счастье получить твое письмо и узнать хорошие новости о моей Вике. Правильно, что она считает тебя своей матерью. Пусть так и будет, ведь может случиться, что я больше никогда в жизни не увижу ее. Что и говорить, я живу только ради нее, но разве это понятно ребенку? Все же, пожалуйста, умоляю тебя, расскажи ей про тетю Зою, которая живет далеко-далеко и очень любит ее. А время от времени целуй ее и говори, что поцелуй этот шлет ей тетя Зоя. Когда она научится писать, попроси ее послать письмо тете Зое и нарисовать для меня какую-нибудь картинку.

У меня нет слов, чтобы выразить тебе благодарность за все, что ты делаешь для моей Вики. Могу лишь послать слова моей любви тебе, а также Юре и Нине.

Зоя».

А спустя некоторое время ей принесли новое письмо от сестры, в котором лежал рисунок, сделанный рукою ее дочери. Это было самое дорогое послание, которое Зося получала, будучи в тюрьме.

Все это происходило в августе 1950 года. В те дни на экраны страны вышел фильм Михаила Ромма «Секретная миссия». Шпионский боевик, который мгновенно стал лидером проката, поскольку это был второй послевоенный фильм в СССР о подвигах советских разведчиков (первым был «Подвиг разведчика», 1948). О чем была

«Секретная миссия», к сценарию которой приложил руку (вместе с К. Исаевым) чекист Михаил Маклярский (ее же он приложил и к «Подвигу разведчика»)? Читаем в аннотации:

«1945 год. В Берлин с секретной миссией прилетают американский сенатор и представитель ЦРУ. Они собираются договориться с главарями Третьего рейха об односторонней капитуляции немецких войск на Западном фронте. Советское командование поручает работающим в фашистском логове разведчикам Дементьеву и Глухой выяснить цель миссии. Задание выполнено, но Мария Глухова (она же Марта Ширке) раскрыта и погибает.

После падения Берлина Дементьев находит в условленном месте копии списков немецких агентов на Балканах, которые удалось сфотографировать советской разведчице...»

В роли Марии Глухой снялась жена режиссера-постановщика Елена Кузьмина. А вторым режиссером у Ромма была, хорошо нам знакомая, Татьяна Березанцева – агент МГБ «Борисова». Как мы помним, с конца тридцатых она является женой другого агента – Александра Демьянова («Гейне»), и они только что вернулись из заграничной «командировки», где работали по заданию 1-го управления (внешняя разведка) МГБ. Местом их работы был Париж, где они подвизались в качестве сотрудников «Совэкспортфильма», которые дублировали советские киноленты. На самом деле их отправили не только за этим. Супруги должны были вовлечь в орбиту своего влияния тамошние эмигрантские круги.

Агентурная пара прожила в столице Франции больше двух лет, но больших успехов на агентурном поприще так и не достигла. То ли их «раскусили», то ли еще что-то. В итоге их отозвали на родину. Березанцева вернулась на «Мосфильм», к Ромму, и вскоре включилась в его проект «Секретная миссия», который снимался по заказу все того же МГБ.

Фильм стал одним из лидеров проката – 4-е место, 24,2 млн зрителей. Он был удостоен Сталинской премии, ее самой высшей – I степени. Награды (сто тысяч рублей каждому) получили восемь человек: режиссер М. Ромм, сценаристы М. Маклярский, К. Исаев, операторы Б. Волчек, актеры Е. Кузьмина, Н. Комиссаров, С. Вячеслов, М. Перцовский.

Спустя всего-то шесть лет Ромм проклянет Сталина, записавшись в антисталинисты, но денежную премию государству не вернет. Впрочем, разговор об этом нас ждет впереди, а пока вернемся в начало пятидесятых.

Итак, режиссер с «Мосфильма» Татьяна Березанцева, помимо кино, занималась еще и разведывательной работой – была разведчиком. В советском кино тех лет таких кинематографистов было немало, другое дело, что их имена до сих пор засекречены. Хотя можно было бы кого-то из них уже и рассекретить – все-таки хорошее дело делали эти люди для своей Родины. И многие из них трудились под крышей «Совэкспортфильма».

Эта структура появилась на свет в 1924 году под названием «Совкино». В 1933 году ее переименовали в «Союзинторгкино», а «Совэкспортфильмом» она стала в 1945 году. Это была не только киношная, но и чекистская организация, поскольку была «завязана» на границу – она осуществляла экспорт и импорт советских фильмов. В ней за годы ее существования успели поработать тысячи чекистов, в том числе и те, кто имел непосредственное отношение к кинематографу. Например, сценарист Михаил Маклярский («Подвиг разведчика»), который в 1950 году даже возглавит эту контору. В это же время (1949–1950) в ней будет трудиться и Владимир Познер (отец ныне известного телеведущего), который был агентом МГБ с агентурным именем «Платон». Читаем о Познере-старшем в Википедии:

«...В 1939 году Владимир Александрович Познер, который в это время работал в европейском филиале кинокомпании, Metro-Goldwyn-Mayer“, забрал свою жену Жеральдин с сыном из США, и семья вернулась во Францию.

После оккупации Франции немецкими войсками в 1940 году они вновь бежали в США. Уже в Америке, в 1945 году, родился брат Владимира – Павел Познер.

Владимир Александрович Познер был горячим патриотом Советского Союза. После того, как в 1939 году Литва вошла в состав СССР, дед В. В. Познера по отцу, Александр Познер, стал гражданином СССР. В связи с этим и отец В. В. Познера, Владимир Александрович Познер, приобрел право на советское гражданство. С 1943 года, работая начальником русской секции отдела кинематографии Военного департамента США, он начал сотрудничать с советской разведкой, первоначально в качестве „стажера“ и „наводчика“.

В связи с ухудшением отношений между СССР и США после войны, наступлением эпохи маккартизма и все более пристальным вниманием со стороны ФБР в 1948 году семья Познеров была вынуждена уехать из США. Первоначально Познеры хотели вернуться во Францию, но Познеру-старшему отказали во въезде, сочтя его на основании доноса подрывным элементом. Тогда Познеры переехали в Берлин (ГДР), где Владимир Александрович получил должность в компании „Совэкспортфильм“. В 1950 году Владимир Познер получил советский паспорт.

В 1952 году семья переехала в Советский Союз, в Москву...».

Об этом человеке мы еще вспомним чуть позже, а пока продолжим знакомство с другими чекистами, имевшими отношение к «Совэкспортфильму». Среди них – знаменитый советский разведчик Семен Семенов (Аба Таубман) (1911-1986), агентурное имя «Твен». В 1932 году он приехал из Одессы в Москву, где поступил в текстильный институт. Получив диплом инженера-энергетика, в 1937 году он по партийной разнарядке был направлен на работу в органы ГБ, а еще через год его отправили по обмену на учебу в аспирантуру Массачусетского (!) технологического института. В 1940-м, закончив аспирантуру со степенью магистра технических наук, Семенов был зачислен на должность старшего инженера электроотдела «Машиноимпорта» советского торгового представительства «Амторг». А в 1942 году агент «Твен» стал работать в нью-йоркской резидентуре НКВД. Чем он занимался? Вот как об этом пишет В. Чиков:

«...На дружеской или идейной основе Твен мог бы завербовать любого из них, но Центр запрещал компрометировать идею обмена стажерами между СССР и США, поэтому все ограничивалось лишь наводками. Вопрос о повышении денежного пособия откладывался до тех пор, пока он не завербует хотя бы пару новых агентов.

США тридцатых годов были на пике крупных научных изысканий. Твен развернулся вовсю и просил лишь об одном – не регламентировать его рабочий день и поездки.

В Хэнфорде через двух агентов, работавших на местном режимном предприятии, где готовилась к эксплуатации большая плутониевая установка, он узнал, что сооружение и проектирование таких секретных объектов осуществляет фирма „Дюпон“, а основной исследовательской организацией является металлургическая лаборатория Чикагского университета. Хэнфордские знакомые подсказали Твену, что, если он хочет получить подробные сведения об урановых исследованиях в Америке, он должен разыскать в Чикаго доктора Скаута, чей домашний адрес и телефон были неизвестны. Скаут работал в металлургической лаборатории, и у Твена была лишь групповая фотография, на которой засветился, в частности, и этот засекреченный ученый.

Еще во время стажировки в Бостоне Твен часто посещал различные семинары и даже выступал с докладами, его запомнили аспиранты и профессура. Это ему и помогло. Он долго караулил Скаута у входа в металлургическую лабораторию и отловил лишь на девятый день. Скаут вспомнил русского аспиранта, шутника и выдумщика и вскоре без колебаний пригласил его к себе домой.

Твен возвратился в Нью-Йорк с подробным докладом, материалами и чертежами по разработке ядерного оружия и тут же подготовил три рапорта на вербовку. Так Скаут стал Элвисом, а два работника режимного атомного объекта в Хэнфорде получили клички Аден и Анта...

В начале 1941 года резидент в Нью-Йорке Гайк Овакимян аттестовал Твена следующим образом:

„Агентурная разведка – это его истинное призвание. Он умеет найти подход к любому человеку. К числу недостатков можно отнести то, что Твен подчас склонен к переоценке собственных способностей и сил и недооценке окружающих людей. Как непосредственный руководитель Твена, я приложу все усилия, чтобы искоренить в нем это“ ...»

Семенова отозвали в Москву летом 1944 года. Здесь ему присвоили звание майора ГБ и сделали замначальника отделения на Лубянке (во внешней разведке). А в 1945 году его решено было отправить на работу во Францию, и тогдашний нарком ГБ В. Меркулов обратился к заместителю министра внешней торговли СССР с просьбой назначить Семенова на должность, которая позволила бы устанавливать связи в научно-технических и промышленных кругах Франции. И разведчика «забросили» во Францию в качестве уполномоченного «Совэкспортфильма». И снова читаем у В. Чикова:

«...„Твен“ никогда не занимался прокатом советских фильмов. На его просьбы о смене прикрытия он получал довольно любопытные ответы. Министерство кинематографии писало руководству Семенова: „Это очень отрицательно скажется на работе по прокату советских кинофильмов..!“ и прилагало характеристику из „Совэкспортфильма“: „В сложных общеполитических условиях в Европе, неблагоприятно влияющих на прокат советских фильмов. т. Семенов является самым успешным прокатчиком всесоюзного объединения..!“

Так „Твен“, назначенный к тому времени резидентом по научно-технической разведке, продолжал эффективно работать и на разведку, и на кинематограф. Ему присвоили звание подполковника...»

Так длилось на лета 1951 года. А потом в МГБ началась чистка («сионистский заговор в МГБ»), и Семенова отозвали из Франции и уволили из органов без права на пенсию. И он устроится работать в котельную текстильной фабрики. Только через 23 года после увольнения по ходатайству начальника разведки Семену Семенову установят персональную республиканскую пенсию – 120 рублей.

Но вернемся в начало пятидесятых.

Итак, режиссер с «Мосфильма» Татьяна Березанцева, помимо кино, занималась еще и разведывательной работой – была разведчиком-нелегалом. В советском кино тех лет таких кинематографистов было немало, другое дело, что их имена до сих пор засекречены. Хотя можно было бы кого-то из них уже и рассекретить – все-таки хорошее дело для своей Родины делали эти люди.

В этом контексте лично мне не дает покоя биография знаменитого кинорежиссера Владимира Вайнштока. Того самого, что снял знаменитые приключенческие фильмы: «Дети капитана Гранта» (1936), «Остров сокровищ» (1938), «Всадник без головы» (1973). Еще при его жизни, в советские годы, его называли одним из самых секретных режиссеров – в его биографии очень много белых пятен, пробелов. Что именно имеется в виду?

Вайншток родился в 1908 году и уже в шестнадцать лет поступил в Ленинградский институт экранных искусств (тот самый, где чекист Фридрих Эрмлер навел порядок, после чего там вместо нэпманских сынков стали учиться чекисты, матросы и красноармейцы). Причем случилось это как раз в тот год (1924), когда там объявился Володя Вайншток.

В 1927 году (в девятнадцать лет!) наш герой уже дебютировал в кино как режиссер-постановщик – снял короткометражный фильм «Актер поневоле», который не сохранился. После чего его взяли на работу в «Белгоскино». И там в течение трех лет (1930–1932) Вайншток снимает три фильма, два из которых на

международную тему: «Рубикон» (1931) и «Слава мира» (1932). Так, в первой картине рассказывалась история матроса английского торгового флота Билла Паркера, случайно попавшего в Советский Союз и нашедшего здесь свою вторую родину. А во втором фильме речь шла о том, как антифашисты одной западноевропейской страны в 1930-х годах сорвали погрузку оружия, предназначенного для войны с Советским Союзом.

Впрочем, и «Дети капитана Гранта», и «Остров сокровищ» тоже о зарубежных реалиях, только из других эпох. Короче, Вайнштока можно было смело назвать специалистом по заграничке. Однако с началом войны этот замечательный режиссер почему-то бросает режиссуру и уходит на административную работу: руководит сначала «Мосфильмом», а затем едет в Алма-Ату и руководит там ЦОКСом (Центральной объединенной киностудией), в которой работали творческие работники, эвакуированные со студиями «Мосфильм» и «Ленфильм». После чего в биографии Вайнштока следует двадцатилетний пробел – то есть не известно в точности, чем он занимался все эти годы. Вроде бы это было литературное поприще – он писал какие-то сценарии и книги под псевдонимом Владимир Владимиров. Фильмов не снимал, хотя его режиссерский талант был несомненным. Чем же он конкретно занимался? И здесь можно строить различные версии. Например, такую. Под видом писателя и журналиста Вайншток мог разъезжать по миру, выполняя задания той же службы, что и Татьяна Березанцева – внешней разведки. И тогда становится понятно, почему именно его в 1965–1967 годах выбрал КГБ в качестве сценариста двух фильмов: документально-постановочного «Перед судом истории» про бывшего лидера Государственной Думы и одного из организаторов белой армии, нелегально посетившего Советский Союз в 1926 году, В. Шульгина (кстати, этот фильм снимал чекист Фридрих Эрмлер), и шпионского боевика «Мертвый сезон», где главным героем был сотрудник нелегальной разведки КГБ (прототип – Конон Молодой).

Между тем в 1972 году Вайншток решил вернуться в большой кинематограф в качестве режиссера (после 31 года простоя!). И снова стал снимать фильмы на заграничные темы. Но теперь это были вестерны: «Всадник без головы» (1973) и «Вооружен и очень опасен» (1977). Спустя год после премьеры последнего фильма Вайншток скончался, оставив после себя славу самого загадочного режиссера советского кинематографа.

Однако вернемся в начало пятидесятых, а конкретно – к тем кинематографистам, которые могли сотрудничать с МГБ. В их числе знаменитая пара в лице кинорежиссера Григория Александрова и актрисы Любви Орловой. Впрочем, вряд ли они были агентами МГБ, но его помощниками – несомненно. Читаем у П. Судоплатова:

«...В Западной Европе Василевский выгодно использовал очарование Любви Орловой, знаменитой киноактрисы, и ее мужа, Григория Александрова, режиссера, в качестве прикрытия для встреч с Бруно Понтекорво, Фредериком Жолио-Кюри и другими известными западными учеными...»

Кто такой Василевский? Лев Петрович родился в 1904 году в Курске и с четырнадцати лет пошел работать слесарем, потом электромонтером. А в двадцать три года (1927) стал служить в полномочном представительстве ОГПУ по ЗСФСР (его председателем тогда был Иван Павлуновский, а заместителем у него – Л. Берия).

В начале тридцатых Василевский поступает учиться в авиашколу, посещает курсы усовершенствования комсостава при Военно-воздушной академии им. Н. Е. Жуковского. По окончании их он был назначен на должность командира-комиссара отдельной авиачасти Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР (на границе с Китаем, в районе Синьцзяна). А в 1936–1938 годах Василевский служит командиром разведывательно-диверсионной группы Иностранного (разведывательного) отдела (ИНО) НКВД СССР в Испании, он старший советник Особого отдела Мадридского фронта.

В 1939–1941 годах новый поворот – Василевский работает сотрудником посольства СССР в Париже, резидентом ИНО НКВД. В 1940 году он принимал участие в операции по ликвидации Льва Троцкого в Мексике, за что был награжден орденом Красного Знамени.

Далее послужной список Василевского выглядел следующим образом: в 1941–1942 годах – заместитель резидента НКВД в Анкаре (Турция), в 1943–1945 годах – резидент НКГБ в Мехико (Мексика), в 1945–1947 годах – начальник научно-технической разведки НКГБ СССР, заместитель начальника разведывательного бюро по атомной проблематике (отдел «С»). Именно Василевский сопровождал советского физика Якова Терлецкого в Копенгаген на встречу с Нильсом Бором.

В 1948 году Василевский выходит на пенсию. Но это, судя по всему, для отвода глаз. На самом деле он продолжает заниматься атомным проектом, но уже по линии кинематографа. Он назначается на должность заместителя директора Главкинопроката Госкино СССР и под этим видом выезжает за границу. Причем не один, а в компании с разными «звездами». Впрочем, в те годы «звезд», которым разрешалось выезжать за рубеж, было, что называется, раз, два и обчелся. А заведовало такими выездами Бюро по выездам за границу и въездам в СССР при СМ СССР, которое в 1947–1949 годах возглавлял хорошо нам известный Павел Федотов – бывший главный контрразведчик.

Итак, Василевский в конце сороковых выезжал за рубеж под видом кинематографиста в сопровождении видных киношников. Среди них была и чета Александров – Орлова, которые были близко знакомы со многими западными актерами, режиссерами и т. д. Например, их другом был сам Чарли Чаплин, который в апреле 1949 года пригласил супружескую чету из СССР на свое 60-летие в США. С ними туда отправился и Василевский, чтобы под этим «соусом» встретиться там с людьми, которые были «завязаны» на атомный проект. В том числе и с Бруно Понтекорво, который был приглашен из Лондона.

В последующие три года Василевский и чета Александров – Орлова еще неоднократно выезжали за границу, где опять же встречались с разного рода деятелями, как из мира искусства (а среди них тоже хватало агентов МГБ – в основном агентов влияния), так и из мира науки. Короче, «корочка» заместителя директора Главкинопроката Госкино СССР очень здорово помогала Василевскому работать по линии госбезопасности.

Так продолжалось до 1953 года, когда Василевского сняли с этой должности в связи с «делом Берия». Спустя год он был исключен из партии и лишен воинского звания «за политические ошибки в заграничной работе». Но в 1959 году Василевского реабилитировали, восстановили и в КПСС, и в звании полковника. Он к тому времени уже всю жизнь занимался литературной деятельностью – писал книги про чекистов. Из-под его пера вышли книги: «После Зорге», «В оккупированном Париже», «На земле Монтесумы», «Дни и ночи Мадрида», «Испанская хроника Григория Грандэ», «Чекистские были» (всего более 50 книг, а также статей по истории гражданской войны в Испании). Правда, о том, как он работал в тандеме с Александровым и Орловой (а также с другими звездами советского кино) Василевский так и не написал. Эта информация до сих пор проходит под грифом «секретно».

Зато вместе с другим видным чекистом – Анатолием Горским (в годы Второй мировой войны он был резидентом советской разведки в Англии) Василевский перевел на русский язык книгу Рафаэля Сабатини «Одиссея капитана Блада».

Умер Л. П. Василевский в Москве в 1979 году.

Но вернемся в начало пятидесятых – в те времена, когда Зоя Федорова все еще продолжает сидеть во Владимирской тюрьме. Пока она сидит, на воле происходят странные дела. Так, 11 июля 1951 года свет увидело постановление ЦК ВКП(б) «О неблагоприятном положении дел в МГБ». А на следующий день после его появления был арестован глава МГБ Виктор Абакумов, против которого были выдвинуты обвинения в государственной измене, сионистском заговоре в МГБ, в попытках воспрепятствовать разработке «дела врачей». Причиной ареста послужил донос Сталину от начальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР подполковника М. Д. Рюмина. В доносе Абакумов обвинялся в различных преступлениях, главным образом в том, что он тормозил расследование дел о группе врачей и молодежной еврейской организации, якобы готовивших покушения против вождей страны. По некоторым данным, ход доносу дал Г. М. Маленков. Политбюро ЦК ВКП(б) признало донос М. Д. Рюмина объективным, постановило снять Абакумова с должности и

передать его дело в суд. В итоге бывший министр был заключен в Лефортовскую тюрьму, где против него были применены пытки, сделавшие из него, по сути, инвалида.

Заметим, что по делу Абакумова также проходили: начальник следственной части по особо важным делам МГБ СССР А. Г. Леонов (расстрелян), его заместители В. И. Комаров (расстрелян) и М. Т. Лихачев (расстрелян), следователи И. А. Чернов (15 лет заключения) и Я. М. Броверман (25 лет заключения). Как мы помним, Леонов и Лихачев (особенно последний) приложили руку к аресту и допросам Зои Федоровой. И, казалось бы, после их падения ее судьба должна была благополучно разрешиться. Учитывая, что со своих постов были сняты многие абакумовцы: Афанасий Блинов (замминистра), Николай Селивановский (замминистра), Евгений Питовранов (начальник контрразведки) и др. Однако Федорова продолжала сидеть во Владимирской тюрьме. Почему? Может быть, потому, что новые руководители МГБ и Следственной части считали ее уголовное дело не состряпанным, а реальным – как провал агента. И ситуация кардинальным образом смогла измениться только после смерти Сталина в марте 1953 года, когда из тюрем стали постепенно освобождать если не всех скопом, то многих.

Но до этого еще есть время, а пока Берия, который после смерти вождя вновь занял пост министра внутренних дел (как мы помним, он ушел с него в декабре 1945 года, сосредоточившись на атомном проекте), затеял... новое кино про чекистов. Его хороший знакомый и земляк – кинорежиссер Михаил Калатозов – получил задание снять фильм о Феликсе Дзержинском. Заметим, это было первое подобное кино о «железном Феликсе» в СССР. Зачем это было нужно Берии? Он хотел посредством кинематографа укрепить авторитет чекистов среди населения. К написанию сценария был привлечен тоже проверенный кадр – драматург Николай Погодин, который еще в 1934 году пел хвалу чекистам: написал пьесу «Аристократы», посвященную «перековке» заключенных на Беломорско-Балтийском канале. По этой пьесе тогда же была снята на «Мосфильме» художественная лента «Заключенные» (1936), которую снял Евгений Червяков – тот самый, который в 1942 году героически погибнет под Ленинградом, совершая рейды в тыл к фашистам под видом немецкого офицера и сидя в автомобиле «хорьх».

Итак Погодин написал сценарий, а Калатозов весной 1953 года приступил к съемкам фильма «Феликс Дзержинский». Однако 26 июня был арестован Берия, куратор съемок, и проект повис в воздухе. На самом верху решали, стоит ли овчинка выделки. Надо ли прославлять чекистов в такой момент. И решили: надо, чтобы люди не ассоциировали органы госбезопасности с Берией и К°, некоторых из которых тогда же и расстреляли. Только теперь фильм получил другое название – «Вихри враждебные». Фильм вышел на экраны страны не сразу – только в феврале 1957 года. Причем те места, где речь велась о Сталине, были убраны. Вот как об этом вспоминала актриса Алла Ларионова (она играла в фильме Веру Иволгину, комсомолку-активистку, помощницу Дзержинского):

«...Я с удовольствием работала, потому что роль мне нравилась. Меня там в конце убивают. Я иду в белом подвенечном наряде на свадьбу, и тут один из врагов революции коварно подкрался (его играет Николай Гриценко). Враг пускает мне пулю в спину. И я прямо в подвенечном наряде погибаю. Мне пришлось переозвучивать сцену на Белорусском вокзале, куда Сталин пришел провожать молодежь на очередную стройку. Мы все были в красных косынках, в кожанках. Я стояла на подножке поезда, у меня вот такой крупный план на весь экран, и с воодушевлением я говорила: „Сталин!“ (его роль исполнял Михаил Геловани. – Ф. Р). На переозвучивании мне предложили: деточка, скажи вместо „Сталин“ – „Дзержинский“. И я с теми же лучистыми глазами сказала: „Дзержинский!“...».

Между тем после ухода из жизни вождя народов все узники «Владимирки» (впрочем, как и все зэки страны) стали ждать, что эта смерть отразится и на их положении. И первой это почувствовала Лидия Русланова, у которой на воле был влиятельный заступник – маршал Георгий Жуков, который лично арестовывал самого Лаврентия Берия, после чего стал министром обороны СССР. В результате этого в июле 1953 года дело Руслановой было пересмотрено, и уже в августе она вышла на свободу. А затем настала очередь и Федоровой, которую выпустили аккурат в тот момент, когда МГБ было упразднено и на его месте возник КГБ (председатель –

Иван Серов). Причем он был образован не в качестве центрального органа государственного управления, каковым являлись его предшественники – МГБ и МВД СССР, – а всего лишь в статусе ведомства при правительстве СССР. Причиной понижения статуса КГБ в иерархии органов государственного управления было стремление партийной и советской верхушки страны лишить органы госбезопасности самостоятельности, целиком подчинив их деятельность аппарату коммунистической партии. В такой ситуации почти все узники, севшие за решетку по воле прежних руководителей МГБ, подлежали освобождению и реабилитации. Не стала исключением и Зоя Федорова, которая вышла на свободу ранней весной 1954 года.

Часть вторая

ВЫСТРЕЛ НА КУТУЗОВСКОМ

В поисках Тейта, или Купите «врюлики»

Зоя на свободе. – Лубянка своих не бросает. – Судьбы чекистов: от Михаила Маклярского до Виктора Ильина. – Кто вы, Наталья Столярова – агент или? – Кто помогал Зое Федоровой: от чекистов до артистов и лауреатов Сталинской премии. – Квартира для Зои в чекистском доме. – КГБ возвращает актрису в кинематограф. – Кто стоял за желанием Зои Федоровой разыскать Джексона Тейта. – Кто такая Ирина Керк. – Как сорвалась вербовка Людмилы Гурченко и состоялась вербовка Михаила Козакова. – Почему провал актера не лишил его звания агента? – Советские актрисы на службе КГБ. – Джексон Тейт опасается выйти на связь. – Как КГБ помогал создавать театр «Современник». – Зоя Федорова в роли скупщицы. – Гапуся, или Триумф «Свадьбы в Малиновке». – Кто помог Льву Прыгунову вернуться на «Мосфильм», или КГБ почти не виден. – ЭТК под колпаком КГБ

В феврале 1954 года Зою Федорову перевели в лефортовскую тюрьму. И в день Красной армии, 23 февраля, ее вызвал к себе на первый допрос следователь Терехов, который сообщил, что ее дело будет пересмотрено в ближайшее время.

Обратим внимание на следующий факт. 17 марта 1954 года в кресло начальника 2-го управления (контрразведка) КГБ вернулся Павел Федотов. Тот самый, который в первый раз возглавил это управление (тогда это был 2-й отдел) в начале сентября 1939 года. В тот самый период, когда агент «Зефир» вернулась из Ленинграда в Москву и продолжила работу на немецком направлении уже непосредственно под руководством Федотова. То есть он был ее куратором. Не мог он оставить своего агента без поддержки и в тот период, когда «Зефир» вышел на свободу, оказавшись фактически у разбитого корыта – квартира и вещи конфискованы, друзья и коллеги отвернулись. Впрочем, отвернулись не все. Так, встретила Федорову у ворот «Лефортова» Лидия Русланова, которая на какое-то время приютила свою бывшую сокамерницу в своей московской квартире. Кроме этого, сразу двенадцать коллег Федоровой согласились написать на нее положительные характеристики с тем, чтобы она смогла вернуться в профессию. Приведу лишь небольшие отрывки из двух таких характеристик.

Сергей Михалков: «Я знаю артистку Зою Федорову с 1940 года, когда она снималась в главной роли в фильме „Фронтовые подруги“ по моему сценарию. Мне не раз приходилось разговаривать с тов. Федоровой на самые различные темы, и я могу сказать, что одаренная актриса, происходящая из рабочей семьи, всегда производила на меня хорошее впечатление как талантливый и по-настоящему советский человек.

Арест Зои Федоровой органами МГБ в 1946 году был для меня полной неожиданностью. Дважды лауреат Сталинской премии, актриса Зоя Федорова представлялась мне всегда человеком, любящим свою Родину, свое советское правительство, благодаря которому она стала широко известным в стране человеком».

Людмила Целиковская: «Зою Алексеевну Федорову я знаю с 1940 года по совместной работе в кино. В дни Великой Отечественной войны мы часто с ней встречались на шефской работе по обслуживанию госпиталей Москвы и Московской области.

Актриса большого таланта, чуткий и отзывчивый товарищ, она по праву завоевала любовь советского зрителя. Думаю, что и в будущем она создаст еще много ролей в наших кинофильмах и оправдает все надежды, которые налагает на нее звание лауреата Сталинской премии, звание одной из любимейших актрис нашего народа».

В числе других заступников Федоровой значились: Сергей Юткевич (снял ее в трех фильмах), Иван Пырьев, Борис Бабочкин, Фаина Раневская, Эраст Гарин, Михаил Астангов, Борис Барнет, Андрей Абрикосов и многие другие.

Впрочем, кандидатуру одного из этих заступников – Ивана Пырьева – авторы книги «Дочь адмирала» Виктория Федорова и Гэскел Фрэнкл категорически отвергают. Вот что они пишут о нем в своем произведении:

«Надев нарядный черный костюм, который одолжила ей Русланова, Зоя на второй день после освобождения отправилась на студию. Когда она сказала секретарше, что хочет поговорить с директором, секретарша окинула ее критическим оком, но все же подняла трубку внутреннего телефона.

– Вам придется подождать, – сказала она.

Зоя прождала три часа. С ее губ не сходила горькая усмешка. Она понимала, что все это означает. „Иван Грозный“ – так за глаза на студии называли директора (именно такое прозвище было у Ивана Пырьева в киношных кругах. – Ф. Р.) – снова демонстрировал свою силу. Весьма недалекий, он и прежде компенсировал свое духовное убожество жестокостью. Таков был его способ самоутверждения, который, по всеобщему мнению, скрывал неуверенность в самом себе.

Наконец он принял Зою, встретив ее словами:

– Вас освободили?

Зоя утвердительно кивнула:

– С меня сняты все обвинения, мне разрешено снова работать.

– Покажите документы, подтверждающие ваши слова, – сказал он.

– У меня пока нет никаких документов, – ответила Зоя. – Они будут готовы лишь через несколько месяцев, но у меня есть телефон следователя, который ведет мое дело. Он просил вас позвонить ему, и он подтвердит, что я реабилитирована.

Директор покачал головой.

– Нет документов – нет работы.

– Но я имею право работать, – сказала Зоя. – Хотите вы того или не хотите. Вы обязаны предоставить мне работу.

Он улыбнулся.

– Следователь нам не указ. Когда получите документы, приходите. Всего хорошего!

Потрясенная, Зоя вышла со студии. Два дня, проведенные с Руслановой, вернули ей ощущение вновь начавшейся жизни. Теперь ее захлестнуло чувство, что она снова в тюрьме.

Она отверженная, с ней обращаются как с дерьмом. Неужели директор студии использует свое положение, чтобы продемонстрировать власть? Имеет ли он право отказать ей в работе до получения документов?

Зоя вошла в маленький скверик и отыскала свободную скамейку. Сев на скамейку, она закрыла лицо руками, чтобы никто не увидел ее слез. Что с ней будет?....»

Могло ли случиться описанное? Вполне. Пырьев и в самом деле был тогда директором «Мосфильма» (с 1954 по 1957 год), отличался крутым нравом и, судя по всему, недолюбливал Федорову. К тому же в 1954 году все еще был в фаво

ре Иван Большаков – бывший киноминистр. Он занимал этот пост с 1939 года по 1953-й (до момента смерти Сталина, который был его патроном), а потом стал первым замом министра культуры, курируя именно кинематограф (в 1953–1963 годах руководство советским кино осуществлял Минкульт). Поэтому на момент выхода из тюрьмы у Федоровой еще существовали недоброжелатели из числа прежних. Однако их сила и влияние уже были на исходе. Например, Большаков в 1954 году потеряет свой пост в Минкульте и перейдет на работу в Министерство внешней торговли (тоже станет замминистра).

Что касается Пырьева, то и его влияния окажется недостаточно, чтобы наглухо «перекрыть кислород» Федоровой. Например, в 1956 году именно на «Мосфильме» она снимется в одной из картин. Почему же Пырьев ей этого не запретил? Может, потому, что на него «надавили» сверху, чтобы он не чинил препятствий бывшей узнице ГУЛАГа? Ведь именно в феврале 1956 года в Москве прошел XX съезд КПСС, где Н. Хрущев выступил с докладом «О культе личности Сталина». После этого обижать репрессированных стало опасно. И особенно тех репрессированных, за которых было кому заступиться. Ведь одних только положительных характеристик в пользу Федоровой было вовсе не достаточно для того, чтобы она сумела не только восстановиться в профессии, но и наверстать в ней упущенное – вернуть себе былую славу. Например, другой актрисе – Татьяне Окуневской, которую, как мы помним, посадили в ноябре 1948 года, а выпустили на свободу вместе с Федоровой в начале 54-го – тоже удалось вернуться в кинематограф на волне XX съезда, но былую славу она уже не обрела, поскольку почти не снималась – она запишет на свой счет всего лишь один (!) фильм в пятидесятые – шестидесятые годы. Чего не скажешь о Федоровой, которая снималась с частотой пулеметной очереди, и среди новых ее работ были по-настоящему звездные. Естественно, достигнуто это было во многом с помощью таланта. Но и не только. Судя по всему, были у актрисы доброжелатели «наверху», которые активно помогали ей на этом поприще. Причем эти люди могли служить не только в кинематографе, но и на... Лубянке. И снова вспомним Павла Федотова, который именно в момент освобождения Федоровой (март 1954-го) вернулся в кресло главного контрразведчика – возглавил 2-е Главное управление КГБ при СМ СССР. А у этого подразделения, как мы помним, была не только обширная сеть агентуры по всей стране (в том числе и среди творческой интеллигенции), но и множество добровольных помощников, которые могли выполнять самые деликатные поручения контрразведки. Поэтому вполне можно предположить, что Федотов, памятуя о прошлых заслугах агента «Зефир», сделал так, чтобы ее восстановили в профессии. Кстати, об агентурной деятельности.

Итак, согласно версии, которая выдвигается мной в этой книге, Зоя Федорова могла сотрудничать с органами советской ГБ с июня 1927 года (предположительное агентурное имя «Зефир»). После провала в 1945 году операции по вербовке американского гражданина, помощника военно-морского атташе в Москве Джексона Тейта Зою Федорову арестовали и осудили на 25 лет тюрьмы. Из этого срока она отсидела чуть больше семи лет (с декабря 1946-го по февраль 1954-го). После освобождения судьба агента «Зефир» могла сложиться по-разному: она либо осталась в штате ГБ как ценный агент, либо была из этого штата вычеркнута. Разберем обе версии, начав с последней.

Итак, после освобождения из «Владимирки» Федорова могла быть исключена из агентурного аппарата ГБ. Причин у этого могло быть несколько. Во-первых, трудно было рассчитывать на нее как на агента после той несправедливости, что с ней произошла. Все-таки провести семь лет за решеткой, да еще быть разлученной со

своим крохой-ребенком – это вам не шутки. Во-вторых, мог сказаться и возраст – накануне освобождения, в декабре 1953 года, Зое Федоровой исполнилось 44 года. С одной стороны, возраст не самый критический для агента, но надо было учитывать, что в тюрьме один год шел за два. При таком раскладе Федоровой было уже за пятьдесят, да и нервная система у нее находилась не в самом лучшем состоянии. В-третьих, после реорганизации МГБ в марте 1954 года на Лубянке было принято решение сократить старую агентуру (ту, что была завербована в сталинские годы) с тем, чтобы на ее место принять агентуру молодую, постсталинскую. В рядах последней, например, окажется молодой актер Михаил Козаков, который тоже будет работать на иностранном направлении, а точнее – на англо-американском. То есть на место агента «Зефир» пришла не менее талантливая смена, о которой мы более подробно поговорим чуть позже.

Теперь рассмотрим версию, где Зоя Федорова могла продолжить сотрудничество с ГБ. Ведь в истории советских спецслужб того времени были истории, когда агенты НКВД (или другие его сотрудники), угодив в лагерь и отсидев там не один год, выйдя затем на свободу, возвращались на ниву агентурной деятельности. Причем достигали там не меньших высот, чем прежде. Например, Виктор Ильин. Тот самый, который в конце тридцатых работал в СПО по «интеллигентской» линии, а в годы войны принимал участие в операции «Монастырь» (вместе с Михаилом Маклярским). В самом начале мая 1943 года Ильина арестовали прямо в кабинете его покровителя, наркома В. С. Меркулова, по личному распоряжению начальника СМЕРШа Виктора Абакумова (Ильин имел неосторожность наступить на «мозоль» последнему: огласил компромат на одну из его возлюбленных).

Ильин угодит в тюрьму на восемь лет (его дело вел тот самый Михаил Лихачев, который «засветился» и в деле Зои Федоровой). Освободят Ильина в 1952 году после ареста Абакумова. Как пошутит один актер: «Один Виктор сел, а другой – вышел». Спустя год Особое совещание прекратит дело Ильина за отсутствием состава преступления, а в июне 1954 года ему вернут и партийный билет. Но только этим дело не ограничится. В 1956 году Ильина выберут членом секретариата Московского отделения Союза писателей. И на этом посту он проработает до 1977 года в качестве не столько секретаря, сколько одного из руководителей агентурной сети среди писателей.

А вот еще одна история – на этот раз про женщину. Ее имя – Наталья Столярова (1912). Правда, прямых улик, указывающих на то, что она работала на ГБ, нет – есть лишь косвенные. Впрочем, один документ имеется. Это отчет парижской полиции, написанный в апреле 1934 года. Но о нем чуть позже, а пока вкратце расскажем биографию Столяровой.

Она родилась в 1912 году в семье Ивана Столярова и Натальи Климовой. Причем последняя была революционеркой, соратницей знаменитого террориста Бориса Савинкова. И в 1910 году Климова участвовала в покушении на премьер-министра России Петра Столыпина. Во время того теракта погибло тридцать человек и столько же было ранено, но сам премьер не пострадал. Климову схватили и отправили на каторгу. Она оттуда бежала и перебралась во Францию, где познакомилась с Иваном Столяровым и вышла за него замуж. Вскоре на свет появилось две дочери – Наталья и Екатерина. И именно первой суждено будет пойти по стопам матери – увлечься политикой.

В начале тридцатых Столярова станет участницей Общества евразийцев, которое в 1926 году создал журналист Петр Сувчинский. Как написано в одном из исследований: «Первоначально евразийство, основываясь на географическом, геополитическом, историческом материале, задумывалось как историософское течение, утверждавшее особый путь развития России, отличный от западного и восточного. Переноса акцент на близость русского и тюркского культурно-психологического типа, евразийцы опирались на новое понимание российской истории, особенно эпохи татаро-монгольского завоевания и становления русской государственности. К концу двадцатых и особенно в тридцатые годы евразийское движение все более политизировалось, принимая облик партии, со своей политической программой, идеологией, социально-экономическим учением и организацией...».

В итоге в апреле 1934 года в недрах парижской полиции и появился на свет отчет, в котором говорилось следующее:

«Общество евразийцев существует на английские субсидии, среди его членов числятся люди, исключенные из Русского республиканского союза за связь с большевиками. Есть сведения о связях некоторых членов евразийского общества с ГПУ. Один из них, Петр Савицкий, тайно посетил СССР, после чего около ста авторов в России были арестованы ГПУ и расстреляны. Связь между Москвой и московскими агентами внутри евразийского общества обеспечивает мадам Столярова. Она дочь русской социалистки Климовой, воинствующая коммунистка, сотрудница ГПУ и Коммунистического Интернационала молодежи».

Вскоре после появления этого документа Столярова вынуждена была бежать из Франции. В декабре 1934 года она приехала в Москву и устроилась на работу секретаря в Академию наук. Французская полиция перехватила ее письмо, где она сообщала людям, желающим переехать в СССР на постоянное место жительства, что готова помочь им в трудоустройстве на новом месте. Из чего полицейские сделали вывод, что Столярова является связной между Лубянкой и иностранцами, готовыми приехать в СССР.

Между тем в начале 1937 года Столярову арестовали за шпионаж. Стандартное обвинение для тех лет даже для агентов НКВД. Наталье присудили восемь лет лагерей. Но есть один нюанс. Практически нет воспоминаний о том, как и где она сидела. Про большинство известных узников ГУЛАГа такие воспоминания есть, а про Столярову таковые отсутствуют. Есть только краткое упоминание о ней в мемуарах Евгении Гинзбург. С чем это связано? Может быть, с тем, что Столярова и в ГУЛАГе работала на ГБ?

Освободилась она в 1946 году из Карлага «вчистую» – то есть у нее не было поражения в правах, но в Москве она почему-то проживать не могла. Хотя бывала там периодически, навещала друзей, но ночевать предпочитала на вокзалах. Затем она переехала в Рязань, где преподавала французский язык. А в 1956 году сумела вернуться в Москву. Причем с «повышением». Она стала личным секретарем у знаменитого писателя Ильи Эренбурга, с дочерью которой была знакома еще со школьных лет. А кто такой Эренбург? Это человек, особо приближенный к советским верхам и выполнявший для них самые деликатные поручения как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Не зря его подозревали в сотрудничестве с Лубянкой. И именно к этому человеку те же спецслужбы почему-то допускают в качестве секретаря бывшую зэчку и эмигрантку! Человека, которого за версту не должны были к такому деятелю подпускать. Но ее подпустили. Почему? Не потому ли, что Столярова имела опыт агентурной работы на ГБ и должна была стать ее информатором возле Эренбурга? Более того, в 1962 году именно Столярова станет доверенным лицом еще одного именитого писателя – Александра Солженицына. И будет тем человеком, который в 1964 году переправит на Запад его литературный архив, включая и книгу «Архипелаг ГУЛАГ». Видимо, опять же под присмотром ГБ. Для чего? Для того, чтобы у антисталинистов в советских верхах была надежная гарантия того, что сталинизм к ним больше не вернется и они смогут без всякой боязни либерализовать режим до такой степени, что тот... развалится. Именно для этого им и нужны были люди типа Солженицына. Для этого его и обкладывали агентурой со всех сторон. Пользуясь тем, что Столярова несколько лет отсидела в лагере, она была вхожа в самые разные интеллигентские круги – как официальные, так и диссидентские, а также активно встречалась с иностранцами (особенно с подданными Франции).

Если версия о том, что Столярова была агентом ГБ, верна, тогда получается, что даже тюремный срок не стал для нее поводом порвать с агентурной деятельностью. Видимо, природный авантюризм, присущий этой женщине (ее возлюбленный, поэт Борис Поплавский, как-то назвал ее «кентавром, зверем с мужскими повадками»), мог толкать ее на столь головокружительные поступки.

Поэтому почему бы не предположить, что и Зоя Федорова, даже пройдя через Владимирский централ, не испугалась снова вернуться на агентурную стезю. Ведь по своему характеру она чем-то напоминала Столярову – такая же дерзкая, с авантюрной жилкой женщина. Впрочем, это только одна из версий, и о ней мы чуть позже поговорим.

А пока вернемся к событиям весны 1954 года, когда Федоровой отказали в трудоустройстве на «Мосфильме» и она оказалась в весьма затруднительном положении. И выручил ее писатель Сергей Михалков, с которым Федорова познакомилась в 1940 году во время работы над фильмом «Фронтовые подруги», где Михалков был автором сценария. Кроме этого, есть ряд свидетельств, что писатель периодически выполнял разного рода просьбы и задания МГБ-КГБ (при этом ему не обязательно было состоять в штате его агентов). На основе этого можно предположить, что его помощь вполне могла совмещать в себе как личные мотивы, так и иные – например, кто-то из высокопоставленных чекистов мог попросить его посодействовать Федоровой. Так у нее на руках оказалась весьма существенная сумма – две тысячи рублей, врученные ей Михалковым и его супругой Натальей. А потом к этим деньгам добавились 3700 рублей, которые ей выплатили власти в счет ее конфискованного в 1947 году имущества.

Кстати, бывшей сокамернице Зои – певице Лидии Руслановой – власти предложили компенсацию в размере ста тысяч рублей. Почему так много? У нее во время ареста конфисковали шкатулку с драгоценностями, которая «тянула», по мнению самой певицы, на... два миллиона рублей. Но все эти драгоценности пропали (судя по всему, были попросту расхищены). Вот тогда и возник вопрос о ста тысячах рублей. Но Русланова требовала заплатить хотя бы миллион вместо двух. В итоге ничего не получила. Как будет вспоминать чуть позже сама певица:

«Какая я дура! Мне предложили сто тысяч рублей, а я стала торговаться. Тогда правительство запросило данные о моем среднем месячном заработке. Ему ответили – 25 тысяч. На что сильные мира сего заявили: „Куда ей столько! Да еще от ста тысяч отказывается! Обойдется! Так и осталась я на бобах!...»

Но вернемся к Зое Федоровой.

В течение нескольких месяцев она жила в квартире Руслановой и ее супруга генерала Крюкова. А в ее бывшей квартире на улице Горького, 17, проживали уже совсем другие люди и освобождать жилье не собирались – они получили его на законных основаниях. Но актрисе обещали, что в ближайшее время вопрос с предоставлением ей нового жилья разрешится. А пока именно в квартиру Руслановой Зоя привезла свою дочь

Викторию, которая приехала из казахского Петропавловска в конце 1954 года. Причем долгие годы сестра Зои Александра говорила Виктории, что именно она ее мама, а сидящая в тюрьме Зоя – ее родная тетя. Теперь эту коллизию предстояло разрешить самой Зое. Но сделано это было не сразу, а чуть погодя, когда девочка привыкла к смене обстановки.

В генеральской квартире Виктория прожила недолго – около месяца. Потом девочку вежливо попросили съехать. Почему? Она была крайне непоседливым ребенком и могла, по мнению хозяев, испортить им их ценные вещи – дорогой хрусталь, антиквариат и другие «безделушки», которыми была заставлена вся квартира певицы и генерала, больше напоминавшая музей. В итоге Зоя пристроила Викторию к своим родственникам – к двоюродной сестре Клавдии и ее супругу Ивану, обитавшим в коммунальной квартире в той же Москве. И именно Клавдия впервые и открыла девочке глаза – сообщила, кто на самом деле является ее настоящей мамой. Как ни странно, но Виктория не удивилась – она с некоторых пор и сама об этом стала догадываться. Единственное, что спросила дочка у вновь обретенной мамы: где ее отец? Зоя ответила, что он герой войны, русский летчик, и его сбили в бою. Видимо, за основу этой легенды Зоя взяла трагическую историю своего возлюбленного Ивана Клещева, погибшего в 1942 году.

В начале 1955 года в Москву из казахстанской ссылки вернулись Александра и ее дети – Нина и Юрий. Им выделили квартиру, в которой, помимо них, поселились и Зоя с Викторией. И вскоре там начались семейные «разборки». Стоило Вике назвать Александру своей мамой, как между сестрами тут же вспыхивала ревность. Зоя никак не могла перенести, что ее дочь называет Александру именем, которое по праву безраздельно принадлежит только ей. В итоге выход нашла сама девочка: она продолжала звать Александру мамой, а Зою

стала звать мамулей. Но последняя так никогда и не смирилась с мыслью, что слово «мама» принадлежит не ей одной.

Тем временем в середине 1955 года Зое Федоровой наконец предоставили отдельное жилье – в доме 5, кв. 155, на набережной Тараса Шевченко. И хотя жилье нельзя было назвать роскошным – две комнаты и крохотная кухонька, но они и этому были рады. Кстати (внимание!), жилье считалось ведомственным – часть квартир в доме принадлежали КГБ. И это неудивительно, учитывая, какой важный объект начал возводиться в 1953 году напротив – гостиница «Украина» (она откроется через два года – в мае 1957-го – как раз к открытию

Всемирного фестиваля молодежи и студентов). В ее номерах должны были проживать как советские граждане, так и иностранцы, за которыми нужен был глаз да глаз (для этого значительная часть номеров ставилась на «прослушку»). Поэтому в домах на набережной Шевченко обитали будущие сотрудники гостиницы, являвшиеся сотрудниками КГБ: администраторы, дежурные по этажу, официантки и т. д. Учитывая этот габэшный «след» в данном доме, странным выглядит заселение туда человека, который пострадал от деятельности КГБ. Обычно палачей и жертв в одном доме селить было не принято. Но Зою Федорову почему-то туда поселили. Почему? Видимо, потому, что она была не чужим человеком для КГБ, хотя от него же и пострадала. Актриса все еще могла числиться в штате этого ведомства и новое жилье, скорее всего, получила благодаря стараниям нового начальника 2-го управления (контрразведка) КГБ СССР Олега Грибанова, который в апреле 1954 года сменил на этом посту Павла Федотова. Ведь свою служебную деятельность Грибанов сочетал с общественной – 17 февраля 1954 года он был назначен еще и председателем комиссии по жилищным вопросам при 2-м главке. То есть отвечал за распределение квартир среди сотрудников своего подразделения.

Обычно директорами крупных гостиниц назначали чекистов, причем уже умудренных опытом. Например, в 1956 году директором гостиницы «Турист» в Москве (она тоже должна была принимать иностранных гостей фестиваля молодежи и студентов) был поставлен чекист Георгий Жуков. Он начинал свою службу в органах госбезопасности в Смоленске. Затем был начальником дорожно-транспортного отдела НКВД Западной железной дороги. В конце тридцатых его перевели в центральный аппарат НКГБ, где Жуков возглавлял во 2-м управлении (контрразведка) отдел Центральной и Восточной Европы. То есть опыт работы по иностранной линии у него был, что и стало поводом к тому, чтобы он возглавил гостиницу «Турист».

Вообще тогда в Москве под шумок о том, что КГБ должен сократить масштабы своей деятельности, шел обратный процесс – Лубянка наращивала «мускулы». Набирались новые кадры, совершенствовалось техническое обеспечение, строились новые объекты. Например, именно в конце пятидесятых на пересечении улиц Фестивальной и Смольной в Москве был построен целый комплекс зданий из желтого огнеупорного кирпича. С виду неприметное здание, которое возвышалось над землей всего-то на два этажа, но под землей было еще... пять этажей. На нем висела вывеска: «Специализированная психиатрическая больница № 47». На самом деле это была школа КГБ, где обучали разведчиков-нелегалов перед их заброской за границу. Причем обитатели школы попадали в нее не через главный вход, а по подземному ходу, который был проложен от церкви, находившейся в двухстах метрах от нее. Именно туда (а церковь функционировала как официальный склад) ежедневно подъезжали автобусы, и будущие разведчики и их преподаватели скрывались в здании церкви, чтобы по подземному входу попасть в «психушку», а на самом деле – в школу КГБ.

Гостиница «Украина», несмотря на свой официальный статус, тоже имела массу секретных помещений, предназначенных для того, чтобы КГБ было удобно следить если не за всеми, то хотя бы теми постояльцами, которые представляли интерес для Лубянки. Поэтому люди, которые должны были этим заниматься, специально селились в близлежащие дома. А руководить этим процессом был поставлен главный контрразведчик Олег Грибанов.

Отметим еще один любопытный факт, связанный с этим незаурядным чекистом. Он с 1929 года жил в городе Чердын Пермского округа Уральской области. В июне 1932 года пришел на работу в органы госбезопасности:

служил в органах Полпредства ОГПУ по Уралу – УНКВД-УМГБ по Свердловской области. И прослужил в этих краях до 1947 года, дослужившись до заместителя начальника УНКГБ-УМГБ по Свердловской области (14 мая 1945 – 1 апреля 1947 года). Именно во время работы там (будучи начальником отделения Секретнополитического отдела свердловского УНКГБ в 1941 году), он познакомился и подружился с Сергеем Герасимовым – уроженцем соседней со Свердловской Челябинской области. Тем самым Герасимовым, который стал известным кинорежиссером, одним из мэтров Киностудии имени Горького (и у которого, как мы помним, одна из родственниц в двадцатые – тридцатые годы была видным чекистом, а именно – Марианна Герасимова). Впрочем, Грибанов был близко знаком не только с этим режиссером, но и с другими известными кинематографистами. Дело в том, что в 1943 году Кинокомитет принял решение открыть в Свердловске новую киностудию художественных фильмов. Так вот, курировал этот вопрос от ГБ именно Грибанов – в ту пору замначальника 2-го отдела (контрразведка) Свердловского УНКГБ.

В результате этих связей Грибанов затем состоит как сценарист, причем именно на Киностудии имени Горького, где Сергей Герасимов был одним из влиятельных руководителей. После того как Грибанова «попросят» из органов (о причинах этого рассказ впереди), он под псевдонимом Олег Шмелев приложит руку к выходу знаменитой серии фильмов про «резидента» («Ошибка резидента», «Судьба резидента», «Возвращение резидента», «Конец резидента»).

Но вернемся к Зое Федоровой, которая в 1955 году вернулась в большой кинематограф именно благодаря Киностудии имени Горького – она снялась в фильме Виталия Войтецкого «Своими руками». Зададимся вопросом: почему ее карьера в кино после отсидки возобновилась именно на этой киностудии и кто мог этому способствовать. Кстати, обратим внимание на весьма символический факт. Первую главную роль в кино Федорова сыграла в 1933 году в фильме «Гармонь», который снимался на «Межрабпомфильме». А эта киностудия затем дважды меняла свое название: сначала на «Союздетфильм», а в 1948 году стала называться Киностудией имени Горького.

Так вот, если исходить из того, что Федорова была агентом спецслужб и работала на немецкой линии, то ее появление на «Межрабпомфильме», который был советско-германским предприятием, было не случайным. Из этой же «оперы» могло быть и появление актрисы на Киностудии имени Горького после отсидки. К Германии она уже не имела отношения, но «колпак» КГБ над ней продолжал сохраняться. Например, директором киностудии в 1955 году стал Григорий Бритиков, отдельные факты биографии которого наталкивают на мысль о том, что он мог иметь отношение к спецслужбам. Итак, что это за человек?

Он родился в 1908 году и трудовую деятельность в конце двадцатых годов начинал на «Мостехфильме». Затем он попал в армию и служил в пограничных войсках – вотчине НКВД. Служил на совесть. Например, в киношных кругах был известен один случай из его тогдашней пограничной деятельности. Однажды Бритиков участвовал в задержании нарушителя-по-ляка, который был вооружен. На приказ «Стой!» поляк попытался выстрелить в Бритикова, но тот оказался расторопнее – первым наповал уложил нарушителя из своего «винтаря».

В годы войны Бритиков ушел на фронт и сражался на многих фронтах, за что был удостоен нескольких наград. Так, он участвовал в обороне Москвы (получит за это медаль), в боях на Висле (орден Красной Звезды), во взятии Варшавы (еще одна медаль). А когда война закончилась, Бритикова снова призвал под свои знамена кинематограф – его отправили воссоздавать «Совэкспортфильм». А эта организация с момента своего основания в 1924 году (тогда она называлась «Совкино») «ходила» под чекистами – ведь это отличная «крыша» для них в плане выхода на границу. В 1933 году «Совкино» переименовали в «Союзинторгкино», а в 1945 году оно было реорганизовано во Всесоюзное объединение по экспорту и импорту кинофильмов «Совэкспортфильм». Вот Бритиков в этом процессе и участвовал – то ли как кинематографист, то ли как чекист. Видимо, именно поэтому он в 1950 году был отправлен за рубеж – директором киностудии в Вене (Австрия). А в 1955 году его вернули на родину и назначили директором Киностудии имени Горького (на этой должности он пробудет до 1978 года).

Вообще, если брать две столичные киностудии – «Мосфильм» и имени Горького, – то первая считалась прибежищем как либералов (их вождем был Михаил Ромм), так и державников (это крыло возглавлял сначала Иван Пырьев, потом бразды правления перешли к Григорию Александрову, который в конце пятидесятых встал у руля самого патриотического объединения – Первого, которое в 1971 году возглавит Сергей Бондарчук). На Киностудии имени Горького ситуация была иной – на ней в основном верховодили державники: Бритиков, тот же Сергей Герасимов, Станислав Ростоцкий. Поэтому и Олег Грибанов попал именно туда и создал самый патриотичный советский цикл фильмов про разведчиков – тетралогия про резидента Зарокова-Тульева. Там же будет снят и самый знаменитый телесериал про чекистов – «17 мгновений весны». Короче, в том, что именно эта киностудия могла «пригреть» агента «Зефир» в то сложное для него время, нет ничего удивительного.

Что касается другой версии – не чекистской – относительно того, почему Зоя Федорова возобновила свою карьеру после отсидки именно в вотчине Бритикова и Герасимова, то она выглядит следующим образом.

В те годы там работали сразу несколько людей, которых Федорова прекрасно знала. Поэтому есть вероятность, что кто-то из них мог приложить руку к тому, чтобы актриса начала сниматься именно там. Но у этой версии есть свои изъяны. Какие? Например, на киностудии тогда работал бывший супруг Федоровой – Владимир Рапопорт. Но дело в том, что он пришел на эту киностудию вскоре после войны и работал в паре... все с тем же Сергеем Герасимовым. Их сотрудничество началось в 1947 году с фильма «Молодая гвардия» (в итоге они снимут вместе восемь фильмов).

Еще одним человеком, знавшим Федорову, был другой оператор – Жозеф Мартов, который снял ее и в фильме «Своими руками». Режиссером фильма, как уже говорилось, был Виталий Войтецкий. Это была его вторая самостоятельная работа – первой был фильм-спектакль «Горе от ума» (1952). На той картине он познакомился с оператором Мартовым, которого Зоя Федорова знала еще с начала тридцатых – с фильма «Встречный» (1932). После чего они работали вместе еще дважды – в «Шахтерах» (1938) и в «Человеке с ружьем» (1938). Исходя из этого, можно было бы предположить, что и теперь Мартов решил протянуть руку помощи актрисе, пережившей тяготы ГУЛАГа. Но и здесь есть одно «но». Дело в том, что в 1955 году на Киностудии имени Горького вышло сразу пять фильмов: «Своими руками», «Васек Трубочев и его товарищи» (режиссер Илья Фрэз), «Земля и люди» (Станислав Ростоцкий), «Судьба барабанщика» (Виктор Эйсымонт) и «Княжна Мэри» (Исидор Анненский). Так вот, помимо Мартова к Федоровой по прошлой ее кинодеятельности имели отношение двое из перечисленных людей: Виктор Эйсымонт (он снял ее в двух фильмах, причем в главных ролях: «Фронтовые подруги» (1941) и «Подруги, на фронт!» (1941) и Исидор Анненский (у него Федорова снялась в главной роли в фильме «Свадьба», 1944). Учитывая столь большой процент бывших знакомых Федоровой на этой киностудии, попадание ее в фильм с одним из них можно назвать случайным. Тем более что ни у одного из этих людей она никогда потом сниматься не будет (хотя тот же Мартов снимет как оператор еще четыре фильма, Анненский – девять, а Эйсымонт – пять).

Премьера фильма «Своими руками» состоится 12 октября 1956 года. К тому моменту Зоя Федорова успеет сняться еще в четырех лентах, причем во всех – в том же 1956-м. Из них два фильма будут созданы на «Ленфильме» – киностудии, которая и сделала Зою Федорову звездой советского кино, и две на «Мосфильме». Но именно одна из картин, снятых тогда на «Ленфильме», и вернет к актрисе внимание публики, которая уже успела про нее забыть. Речь идет о комедии Надежды Кошеверовой «Медовый месяц».

До этого Федорова у нее ни разу не снималась, хотя хорошо знала Кошеверову – та работала на «Ленфильме» с 1929 года, правда, первую самостоятельную работу смогла осуществить только в 1937 году (фильм «Однажды осенью» не сохранился). В «Медовом месяце» у Федоровой была роль второго плана – она сыграла повариху в рабочей столовой по имени Елизавета Федоровна, в которую влюблен паромщик по имени Сергей Николаевич, а вот фамилия у него... Федоров (актер Сергей Филиппов).

Фильм имел большой успех (собрал 26,5 млн зрителей), а критики отмечали, что пара Федорова – Филиппов ни в чем не уступила (а иногда и вовсе переигрывала) главную пару фильма – Людмилу Касаткину и Павла Кадочникова.

Вторая ленфильмовская лента с участием Федоровой – фильм «Девочка и крокодил» режиссеров Иосифа Гиндина и Исаака Менакера. Это детское кино о юном любителе животных пионере Мите, который временно оставил своих питомцев на попечение маленькой девочки Кати. У Федоровой там была роль второго плана – она играла сварливую соседку Надежду Федотовну.

Наконец, на «Мосфильме» актриса снялась в картинах «Поэт» и «Ленинградская симфония». Первую снял режиссер Борис Барнет. В ней Федорова снова встретилась с Николаем Крючковым, с которым до войны снялась в пяти фильмах: «На границе» (1938), «Ночь в сентябре» (1939), «Станица Дальняя» (1940; в нем они играли влюбленных), «На путях» (1941), «Боевой киноборник № 6» (1941).

В «Поэте» события разворачивались во время Гражданской войны. По сюжету, в портовом городе устраиваются поэтические вечера, на которых блистают два местных лирика – Сергей Орловский (Всеволод Ларионов) и Николай Тарасов (Сергей Дворецкий). Позже Орловский станет участником белого движения, а Тарасов окажется на стороне красных. Роль матери последнего в фильме и исполняла Зоя Федорова.

В военной драме «Ленинградская симфония» Захара Аграненко речь шла о событиях лета 1942 года, когда Ленинград находился в блокаде, осажденный фашистами. У Федоровой там крохотная роль, которая даже не упоминается в титрах.

И снова напомним, что в 1956 году, когда Федорова стала сниматься на «Мосфильме», директором студии был Иван Пырьев. Но он не стал препятствовать актрисе в ее съемках сразу в двух фильмах в своей вотчине. Однако на студии был Первый отдел (режимный), который ему напрямую не подчинялся. И единственное, что мог сделать Пырьев, так это не допускать Федорову к фильмам ведущих студийных режиссеров из разряда корифеев. В их число входили он сам, а также Михаил Ромм, Александр Птушко, Абрам Роом, Ефим Дзиган, Лео Арнштам, Григорий Александров, Михаил Калатозов. Борис Барнет вроде бы тоже был из мэтров, но его влияние на «Мосфильме» было минимальным – он к тому времени скатился до уровня режиссеров «на подхвате». А подлинными хозяевами киностудии тогда были Иван Пырьев, Григорий Александров и Михаил Ромм. Причем вокруг последнего группировались евреи – одна из главных движущих сил советского кинематографа. Ромм стал идейным вождем в конце тридцатых, поднявшись на фильмах о Ленине: «Ленин в Октябре» (1937) и «Ленин в 1918 году» (1939). Эти картины очень понравились Сталину (в них нашлось место и ему) и были награждены премиями его имени. А всего их у Ромма будет целых пять, что ясно указывало на то, как к нему относился «вождь народов». К нему, а также и к его супруге – актрисе Елене Кузьминой, которая была трижды лауреатом Сталинской премии. Впрочем, Сталин был умным человеком и не заблуждался на счет того, как его имя могут склонять после его смерти многие из тех, кто при жизни вождя ему в рот заглядывают. Иначе не сказал бы свою крылатую фразу: «После моей смерти на мою могилу нанесут кучу мусора». И добавил: «Но ветер истории его разметает».

Одним из первых интеллигентов и многократных лауреатов Сталинской премии мусор на могилу вождя понес именно Михаил Ромм, который за одну ночь ранней весной 1956 года (сразу после XX съезда КПСС) вырезал из своих фильмов все эпизоды с участием Сталина. После чего превратился в ярого антисталиниста – даже письма против него станут подписывать в адрес верховной власти, чтобы, не дай бог, имя и деяния вождя народов не были реабилитированы. Это был поступок истинного либерала – обгадить память о своем прежнем хозяине, чтобы новые хозяева не лишили его (вместе с супругой) привычных привилегий.

Кстати, за процессом ниспровержения Сталина не мог не стоять КГБ. Ведь секретный доклад Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности Сталина» весьма оперативно оказался в Европе – якобы через венгерских коммунистов. А кто снабдил последних этим документом? Без Лубянки такие вбросы никогда не делались.

Именно для этого Хрущев посадил в кресло председателя КГБ своего приятеля Ивана Серова (1954–1958). Они близко сошлись еще в конце тридцатых, когда Хрущев был первым секретарем ЦК КП Украины (1938–1947), а Серов там же наркомом внутренних дел (1939–1941).

Отметим, что Зоя Федорова на волне антисталинских разоблачений второй половины пятидесятых свой голос в эту компанию так и не вписала. Хотя семь лет отсидела во Владимирской тюрьме и могла бы не хуже Ромма поэксплуатировать эту тему. Может, чего-то боялась? Например, того, что наружу всплывут истинные причины ее ареста и заключения? Или все же считала ниже своего достоинства бравировать своей судимостью, наживая на этом капитал?

Между тем фильмы, в которых Зоя Федорова снялась в 1955–1956 годах, вновь открыли для нее дверь в большой кинематограф. И до конца пятидесятых она снимется еще в десяти художественных лентах. Это будут: драма о дореволюционном цирке «Борец и клоун» (1957; «Мосфильм») Бориса Барнета и Константина Юдина (у Федоровой там будет крохотная роль одесситки), детектив «Ночной патруль» (1957; Киностудия имени Горького) Владимира Сухобокова (роль Марфы Потаповны, жены Нежука – он же уголовник «Барон»), комедия «Девушка без адреса» (1958; «Мосфильм») Эльдара Рязанова (колоритная роль мещанки Раисы Павловны Комаринской, мужа которой играет все тот же Сергей Филиппов), детектив «Дело „пестрых“» (1958; «Мосфильм») Николая Досталю (роль матери Игоря Пересветова, которого играет Олег Табаков), детский фильм «Дружок» (1959; Киностудия имени Горького) Виктора Эйсымонта (роль тети Наташи), комедия «Жених с того света» (1958; «Мосфильм») Леонида Гайдая (роль главврача Елизаветы Владимировны), детский короткометражный фильм «В нашем городе» (1959; «Мосфильм») Льва Дурасова (роль Брониславы Антоновны), телевизионная комедия «Особый подход» (1959; «Мосфильм») Михаила Григорьева (роль Кати, жены Николая Дмитриевича Налимова), мелодрама «Я вам пишу...» (1959; «Молдова-фильм») Михаила Израилева (роль мамы главной героини – девушки по имени Эльвира).

Из этих фильмов самыми заметными и «громкими» станут два: комедия «Девушка без адреса» и детектив «Дело „пестрых“». Первая лента заняла второе место по прокату в 1958 году, собрав 36,5 млн зрителей, а вторая собрала в кинотеатрах чуть меньшую аудиторию – 33,7 млн зрителей.

Фразочки, которая бросала с экрана героиня Федоровой в «Девушке без адреса», тут же ушли в народ: «Масик, ты болвасик!», «Сама судьба бросила вас под мои колеса», «Это же богемское стекло! Его нельзя трогать! На него можно только молиться!», «Это не та пыль, с которой надо бороться. Она неподвижная», «У меня в одиннадцать психическая гимнастика, а потом – массаж нижних конечностей и гомеопат», «Домработница – это своего рода внутренний враг».

Светлана Карпинская, исполнившая в фильме главную женскую роль (Катю Иванову) вспоминала: «Зою Федорову я побаивалась. Поначалу она мне показалась очень высокомерной, даже злобной. Нас с ней в одной машине после съемок развозили по домам. Всю дорогу она молчала, очевидно, не воспринимая меня всерьез. Катерину по ходу фильма сбивала федоровская машина. Пришлось делать много дублей, я по-настоящему падала, потом долго ходила в синяках. Меня удивляло, что Зоя Федорова, сидевшая за рулем, ни разу не подошла потом и не выразила сочувствия. Я, честно говоря, в душе обижалась на Зою, пока совершенно случайно не узнала от гримерши, сколько известной актрисе пришлось пережить: оказывается, она отсидела восемь лет в лагерях. Помню случай, когда на нее кто-то из группы повысил голос, в ответ Зоя как рявкнет: „На меня восемь лет кричали, не смейте!“». Казалось, известная актриса все время от кого-то оборонялась, даже когда на нее никто не нападал...».

Именно в конце пятидесятых Зоя Федорова решила возобновить поиски Джексона Тейта. Случилось это в 1959 году. Вот как об этом написано в книге «Дочь адмирала»:

«...Ее угнетала мысль, что она умрет прежде, чем вырастет Виктория. И все чаще и чаще вспоминала Джексона Тейта, даже не подозревавшего, что у него есть дочь. Если существует хоть какая-то возможность, он должен

узнать об этом. Тот Джексон Тейт, которого она знала и любила, хотел бы знать все, хотел бы заботиться о своем ребенке. Если, конечно, он жив.

Зоя попыталась воссоздать в памяти облик Джексона. Но все попытки оказались тщетными. Американец в морской форме – какой у него, кстати, был чин? – с коротко подстриженными волосами.

Ничего больше не припоминалось – как же ей отыскать его в той далекой Америке? Если б у нее был хоть один знакомый американец, которому она могла бы довериться! Но теперь у нее уже не было знакомых американцев.

У кого они наверняка были, так это у Зинаиды Сахниной. Она жила в том же доме, что и Зоя, и они подружились. А работала Зина в гостинице „Украина“, где останавливались многие приезжающие в Москву иностранцы, дежурной на пятом этаже. Наверняка Зина могла найти среди них кого-то заслуживающего доверия.

Но вот вопрос: можно ли доверять самой Зинаиде? НКВД упразднили, но его место занял КГБ, и ни для кого не секрет, что все дежурные по этажу в московских гостиницах являются осведомителями и обязаны докладывать о проживающих на их этажах: кто их посещает, когда они приходят домой, когда уходят (как видим, версия о том, что Федорову не случайно поселили именно в этот дом, не лишена оснований. – Ф. Р). Просьба о помощи может обернуться большой бедой.

И все же летом 1959 года Зоя приняла решение: если она хочет разыскать Джексона Тейта, то более благоприятного момента не придумаешь. В Москве открывается Американская торговая выставка (в августе. – Ф. Р), а это значит, что сюда приедет много американцев. И уж конечно, многие из них остановятся в „Украине“. В свободный от дежурства день Зоя пригласила Зинаиду на обед.

После обеда она сказала:

– Зина, мне надо поговорить с тобой.

– Давай, говори!

Зоя пристально поглядела на нее.

– Мне нужно знать, могу ли я тебе доверять.

Зинаида фыркнула.

– Что за вопрос? Мы же подруги.

Зоя оставила ее слова без внимания.

– Ты ведь осведомительница, правда? Только честно.

– Ладно. Да, я стукачка. От тебя не стану этого скрывать.

Зоя принялась нервно тереть прядку волос.

– Понимаешь, мне неприятно это, хоть мы с тобой и подруги. Я столько настрадалась в своей жизни и...

Зинаида взяла ее за руку.

– Зочка, дорогая. Я делаю то, что обязана делать. Но тебя я никогда не предаю. Клянусь. Вы с Викой для меня все равно что родные.

Зоя глубоко вздохнула.

– Хорошо. Я тебе тоже верю.

И рассказала Зинаиде историю своей любви с Джексоном Роджерсом Тейтом.

В заключение Зоя сказала:

– Я хорошо понимаю, что, исполнив то, о чем я тебя прошу, ты можешь поплатиться работой. А, не ровен час, дело может обернуться и похуже.

– Знаю, – ответила Зинаида, – и все же для тебя я это сделаю. Быть стукачом – мало чести. Это мой вечный грех. Я присмотрюсь к американцам на своем этаже и постараюсь найти такого, кому можно доверять и кто поможет тебе.

Зоя расцеловала ее.

– Ты добрая женщина.

Провожая Зинаиду, она предупредила:

– Не забудь, Вике ни слова. Она до сих пор не знает, кто ее отец...»

Далее, согласно книге, Зинаида решила открыться перед американкой русского происхождения, которая приехала в Москву в качестве переводчика на Торгово-промышленную выставку и поселилась как раз на том самом пятом этаже, где дежурила Зинаида. Звали американку Ирина Керк (в девичестве – Кунина). Ее родители Ирины, подобно многим другим русским, покинули Россию после революции и осели в Китае, в Харбине. Именно там во второй половине двадцатых и родилась Ирина. Она выросла в семье, где все говорили по-русски, а кроме того, знала английский, французский и немного итальянский.

В тридцатые годы ее мать и отец (журналист по профессии) развелись, после чего Ирина с матерью поселились вместе с дедом по материнской линии, русским адмиралом, превратившимся в Китае в кладбищенского сторожа. Под впечатлением рассказов бабушки Ирина прожила детские годы в полной уверенности, что придет день, и в России, захваченной большевиками и коммунистами, произойдет еще одна революция, и страной снова станет править царь, и тогда они тоже вернутся домой.

В 1946 году Ирина вышла замуж за американского моряка и уехала из Китая. Молодые обосновались на Гавайях, и со временем у них родилось трое детей. Но семья распалась. Ирина работала в Гавайском университете, и именно оттуда летом 1959 года ее и направили в Москву в качестве переводчика от частной компании «Пепси-Кола».

В конце августа Зинаида пригласила Ирину к себе домой, где с ней встретилась Зоя Федорова. Она рассказала американке историю своей любви к Джексону Тейту и попросила ее разыскать своего бывшего возлюбленного, у которого в СССР родилась дочь (Виктория тоже была на той встрече). Ирина пообещала выполнить эту просьбу.

Так выглядит официальная версия тех событий. Скажем прямо, выглядит вполне правдоподобно и убедительно. Даже выбор года понятен. В сентябре 1959 года впервые в истории США должен был посетить высший руководитель СССР, Н. Хрущев, поэтому в преддверии этого события советские СМИ постоянно муссировали тему советско-американских отношений. На этой волне Зоя Федорова, судя по всему, и решила вернуться к поиску своего бывшего возлюбленного-американца.

Но поскольку в данной книге помимо официальной версии присутствует и другая, агентурная, будет логичным, что она тоже окажется рассмотренной. Согласно этой версии, вся эта история была затеяна советской контрразведкой с целью установления контактов с Джексоном Тейтом и вовлечения в них людей, которые были интересны чекистам. Впрочем, рассмотрим эту версию во всех подробностях.

Как мы помним, 2-е (контрразведка) главное управление КГБ СССР с апреля 1956 года возглавлял Олег Грибанов. А о нем его сослуживцы говорили как о человеке чрезвычайно деятельном и... с авантюрными

наклонностями. Одна операция с вербовкой французского посла в СССР Мориса Дежана чего стоила (о ней мы еще расскажем)! Однако «коньком» Грибанова все же были операции против англосаксов – преимущественно против американцев. Достаточно сказать, что в конце пятидесятых ведомство Грибанова провело целую серию блестящих операций, когда были объявлены «персонами нон грата» и высланы из СССР ряд сотрудников ЦРУ и МИ-6, действовавшие под дипломатическим прикрытием. Так, были высланы: в 1957 году – помощники военного атташе США Тенсей и Стоккел, атташе посольства США Уффелман и Льюис, в 1958 году – второй секретарь США Бейкер, в 1959 году – первый секретарь посольства США Дэвид Марк, в 1960 году – военно-воздушный атташе США Эдмунд Кертон. Поэтому попытка вывести агента «Зефир» на ее прежнюю связь, американца, вполне укладывается в логику действий 2-го управления в то время, когда им руководил Грибанов. И не важно было то, что Тейт к тому времени уже девять лет как был в отставке – ведь он продолжал работать на весьма интересных направлениях. Так, одно время он был сотрудником компании «Экспонирование морских судов», затем трудился в сан-францисской фирме, занимавшейся производством переносных радаров и подводных сонаров (это универсальный прибор для получения изображения на подводных лодках). Да и связи в военных кругах у отставника Тейта были весьма обширные. Короче, он мог стать хорошим объектом для получения нужной чекистам информации.

Обратим внимание и на другой факт. В марте 1957 года начальником 4-го (секретно-политического) управления КГБ стал хорошо нам известный Евгений Питовранов. Как мы помним, он был начальником 2-го управления при Абакумове (1946–1950) и отличался не меньшим профессионализмом (и определенной долей авантюризма), чем Грибанов. В 1954–1957 годах Питовранов работал по линии ГБ в ГДР, после чего был возвращен на родину. Почему? Видимо, в помощь Грибанову, поскольку тому для «окучивания» англосаксов нужна была опытная агентура, в том числе и из творческой среды. А Питовранов слыл асом агентурной работы. Ведь кто до этого работал на секретно-политической ниве?

В 1953–1957 начальником 4-го управления был Федор Харитонов, а в его заместителях ходили Владимир Измайлов (с 1954-го) и Иван Комиссаров (с 1956-го). Это были люди пришлые: например, Комиссаров пришел в органы из партаппарата ЦК КПСС в 1954 году. Должным опытом в агентурной деятельности они не обладали. То ли дело Питовранов – человек, который служил в органах с октября 1938 года и одних орденов на чекистском поприще успел получить целых десять. Среди них были: орден Трудового Красного Знамени (1941), орден Красной Звезды (1943, 1946, 1949, 1954), орден «Знак почета» (1942), орден Красного Знамени (1943, 1954), орден Отечественной войны I степени (1946, 1948).

Питовранова отозвали из ГДР ранней весной 1957 года. Причем случилось это за четыре месяца до открытия в Москве Всемирного фестиваля молодежи и студентов, которому КГБ уделял огромное значение. Ведь в этом смотре участвовало 34 тысячи человек, которые представляли 131 страну мира, что в то время стало рекордом. Естественно, за всеми этими людьми надо было пристально следить, а сделать это без агентуры было нереально. Поэтому в преддверии фестиваля вербовка молодежи (особенно в Москве) шла в ускоренном темпе. И отвечал за это в том числе и Питовранов.

Сколько всего в тот период было завербовано агентов, сказать невозможно – эти сведения надежно скрыты в стенах Архивного управления ФСБ (бывшего КГБ). Но, судя по всему, достаточно много. Впрочем, случались тогда и провалы. Во всяком случае, так об этом будут вспоминать некоторые очевидцы. Например, известная актриса Людмила Гурченко. Ее звезда зажглась за несколько месяцев до открытия фестиваля, а именно – в декабре 1956 года, когда на экраны страны вышла комедия Э. Рязанова «Карнавальная ночь», где 21-летняя выпускница ВГИКа сыграла главную роль – обаятельную массовичку-затейницу Леночку Крылову. С этого момента актриса стала разъезжать по стране с гастрольями: в сборных концертах исполняла песню «Пять минут» из этого фильма, а также делилась со зрителями любопытными фактами из истории создания этой веселой музыкальной комедии. Именно с этими номерами она собиралась выступить и в культурной программе Всемирного фестиваля молодежи и студентов. Как вдруг...

По словам Гурченко (этим она поделится с широкой общественностью сорок лет спустя), на нее вышли сотрудники КГБ и предложили ей стать их негласным агентом во время фестиваля: докладывать обо всех разговорах с гостями и участниками фестиваля, в которых она будет участвовать. Актриса ответила отказом, за что вскоре поплатилась: в ряде печатных СМИ появились статьи, где ее обвинили в рвачестве за участие в «левых» концертах (самой известной публикацией была статья «Чететка налево» в «Комсомольской правде» в 1958 году). В итоге «звезда» Гурченко на какое-то время закатилась: сошли на нет ее концерты, перестали поступать предложения сниматься в новых фильмах (на момент вербовки актриса снималась в комедии «Девушка с гитарой», после чего перерыв в съемках составит ровно два года). Чтобы спастись от свалившихся на нее напастей, актриса уехала к родителям в Харьков – переждать бурю. А когда спустя несколько месяцев та утихомирилась, вернулась обратно в Москву и благополучно продолжила прежнюю концертно-киношную деятельность. То есть санкции КГБ в ее отношении длились относительно недолго – до 1959 года. То ли молодую актрису просто пожалели, то ли она не стала дразнить гусей и согласилась с условиями лубянской товарищей. Ведь в актерской среде (особенно среди молодых и красивых актрис) многие восходящие «звезды» не чурались сотрудничать с КГБ в обмен на разного рода помощь (сюда могло входить многое: оформление прописки в Москве, получение жилплощади, утверждение на роли, поездки за границу и т. д.).

Итак, вербовка Гурченко сорвалась. То ли потому, что проводили ее не очень профессиональные люди, то ли актриса оказалась крепким орешком. Впрочем, об этом мы судим по официальной биографии актрисы, которая может быть просто легендированной. Например, в своем рассказе о той вербовке Гурченко почему-то заявляет: «Я отказалась, и это меня уничтожило на долгие годы». Однако давайте заглянем в ее фильмографию. После 1958 года у нее был простой всего в два года, да и тот был связан с рождением дочери в 1959 году. А уже в следующем году она начинает сниматься снова, причем одна главная роль следует за другой: две на киностудии имени Довженко, одна на «Таллинфильме», еще две на «Ленфильме» и «Мосфильме». Где же здесь уничтожение? Разве такое могло быть возможным, если бы КГБ, к примеру, затаил на нее обиду за тот провал, который она ему устроила? Вполне возможно, на Лубянке просто о нем забыли. А если предположить другое – что актриса, к примеру, «договорилась» с чекистами, после чего ее карьера вновь возобновилась? Напомню, что с 1963 по 1966 год Гурченко работала в театре «Современник», который возник на свет весной 1956 года не без участия 4-го управления (секретно-политического) КГБ СССР, чтобы держать «под колпаком» фрондирующую театральную молодежь и иностранцев. Для последних в этом театре даже был устроен в подвале ресторанчик. В этом театре тогда работал и Михаил Козаков, который, по его же словам, с лета 1957 года (и до конца восьмидесятых) был агентом КГБ – его внешней контрразведки (американского отдела).

Козаков в те годы стал не менее известен широкой публике, чем Гурченко. Каким образом? В 1956 году он окончил Школу-студию МХАТ и в том же году (5 июня) на экраны страны вышла его дебютная картина, где он сыграл главную роль, – «Убийство на улице Данте» Михаила Ромма. А осенью он уже стал Гамлетом в замечательном спектакле режиссера Николая Охлопкова в Театре имени Маяковского. То есть его вербовали на волне такого же успеха, какой был у Гурченко. Значит, это было не случайно – это была такая метода.

Вербовка проходила не спеша. Сначала Козакова вызвали повесткой в местное отделение милиции, где с ним встретился некий капитан милиции, который работал по заданию Лубянки. Вообще интересно поразмышлять на тему, почему именно на Козакова обратил внимание КГБ? Ведь это не могло произойти с бухты-баракты. За будущим агентом должны были внимательно наблюдать, причем долго – иногда по нескольку месяцев. У Козакова была эффектная цыганская внешность, которая нравилась женщинам. Но этого было мало. К внешности нужен был еще и ум, а также умение расположить к себе людей. Безусловно, что всем этим молодой актер обладал. Вполне вероятно, что на него «положили глаз», еще когда он учился в Школе-студии МХАТа, на курсе Павла Массальского. Как уже говорилось, у чекистов на службе находились многие педагоги творческих вузов (впрочем, не только творческих), которые давали «наводки» на особо одаренных с точки зрения агентурной работы студентов. То есть с «преподом» встречался чекист и просил, к примеру, дать ему данные на пару-тройку студентов, которых собирались использовать в деле соблазнения иностранцев. И «препод» характеризовал своих

учеников на предмет, есть ли у них способности для такого рода деятельности. Козаков, судя по всему, под эту категорию подходил, почему и привлек к себе внимание чекистов. После такой «наводки» за ним было установлено наблюдение и стал накапливаться соответствующий материал – заводилось ДОП, или дело оперативной проверки. Такие дела заводятся на лиц, представляющих для органов оперативный интерес, и в этом ДОПе описываются все контакты и связи лица, его личные качества, наклонности, сильные и слабые стороны характера, умение вести себя в той или иной среде, представляется его психологический портрет.

Кстати, в целях успешной вербовки Козакову могли помочь стать известным – «пристроили» его на главную роль в картину, которая «взорвала зрителю мозг» (та самая метода, что и в случае с Гурченко). Чекистам было выгодно, чтобы этот парень стал популярным. Поскольку, если выйти на его вербовку в этот момент – когда к нему пришла первая слава, – больше шансов использовать его актерское тщеславие. Ведь понятно, что если, к примеру, он откажется от предложения, то его карьера может завершиться, едва начавшись. То есть перед «птичкой» открывают клетку, и она туда... сама же и залетает. Эта метода, конечно, не всегда срабатывала, но случаев провала были единицы. Ведь за них вербовщиков по головке не гладили – они же тратили народные деньги, которые уходили на многомесячную слежку за объектом. А успешная вербовка – это всегда поощрения: денежные премии, звания. Короче, было за что стараться.

Но вернемся к дебютному фильму Михаила Козакова, где он исполнял роль мерзавца Шарля Тибо, который убил собственную мать. Вот как сам актер вспоминал о том, кто именно помог ему с этой ролью:

«В 1955 году я учился на третьем курсе Школы-студии МХАТа, а на четвертом училась Галя Волчек, дочь кинооператора Б. И. Волчека (теперь Галина Борисовна – главный режиссер театра „Современник“). Как-то Галя подошла ко мне и сказала:

– Мишка! Ромм и отец приступают к съемкам потрясающего сценария! Там есть роль сына – потрясающая роль! Роль матери – потрясающая роль! Ее будет играть Елена Александровна Кузьмина. Сценарий о Франции, Ромм! Представляешь?!

Я представил.

– В общем, попробую тебя „продать“. У тебя есть приличные фотографии?

– Нет, и вообще я плохо на них получаюсь.

– Тогда вот что. У моей сокурсницы муж – фотограф. Попроси снять тебя несколько раз с вариантами.

Через неделю я отдал Гале штук двадцать фотографий. Они вполне соответствовали моему представлению о французской жизни и о французах. Позируя, я поднимал воротник макинтоша, в углу рта торчала сигарета. Галя отобрала штук пять попристойней, показала отцу, тот с трудом выбрал одну и в свою очередь показал Михаилу Ильичу. Так меня пытались „просватать"...»

Как мы знаем, это «сватовство» прошло весьма успешно. Как это могло происходить? Например, так. У чекистов были выходы на семейство Волчек. И они ненавязчиво (не напрямую, а через кого-то) попросили Волчека-старшего обратить внимание на Козакова, а все остальное было делом техники. Напомним, что Борис Волчек давно работал с Роммом, а тот был обложен чекистами со всех сторон. Вспомним хотя бы супружескую пару в лице Александра Демьянова («Гейне») и Татьяны Березанцевой («Борисова»). Оба они познакомились с Роммом еще в первой половине тридцатых и оба работали на НКВД. Так что выходы на именитого режиссера у чекистов были, и это помогало ему выжить во время сталинского правления. Ведь Ромм был режиссер сверхконъюнктурный – и про Ленина кино снимал («Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»), и про советских пограничников («Тринадцать»), и про разведчиков («Секретная миссия»). Короче, служил верой и правдой, за что был удостоен пяти (!) Сталинских премий. Что потом не помешало ему заделаться ярким антисталинистом, но это

уже другая история. А мы вернемся к Михаилу Козакову, с которым Ромм на съемках «Убийства...» сошелся достаточно близко. Цитирую мемуары актера:

«...И только после съемок, когда мы гуляли с ним по Риге, где была выбрана натура, он часами говорил о том, что его волновало. Почему он делился со мной? Очевидно, потому, что я был новым человеком в группе, да еще, как мне думается, он помнил атмосферу моей пробы с Еленой Александровной (Кузьминой – женой Ромма, которую в итоге сняли с главной роли, поскольку тогда в советском кино началась борьба против семейственности. – Ф. Р.)».

Итак, после сбора нужной информации о Козакове чекисты решили выходить на его вербовку. И вызвали повесткой в отделение милиции, где с ним встретился сотрудник в форме капитана. Он расспросил его о семье, о работе в театре и кино, похвалил его за роли в «Убийстве...» и «Гамлете», после чего попросил прийти сюда же в следующий понедельник. Когда Козаков это сделал, то застал в кабинете не только своего первого собеседника, капитана милиции, но и еще одного человека – представительного мужчину в штатском. Тот тоже сначала расспросил о семье, после чего сообщил, что он из органов – то есть из КГБ. При этом уточнил: дескать, сегодня органы – это уже не те органы, что были при Берии. Поэтому бояться их не стоит. А у Козакова дед погиб в лагерях и отец дважды сидел – в 37-м и 49-м годах.

Этот разговор длился не дольше, чем первый – минут 2025. Затем чекист сказал: «Я откровенно вам скажу, Михал Михалыч, вышестоящие товарищи вами интересуются, и они поручили для начала с вами познакомиться мне. Будем считать, что познакомились. А в дальнейшем я вам позвоню...»

И на прощание сообщил, где состоится их следующая встреча – в гостинице «Ленинградская», что у трех вокзалов. Именно там Козакова и завербовали. Тот же чекист, что беседовал с ним в отделении милиции, сказал: «Для тебя не секрет, надеюсь, что мы живем в капиталистическом окружении. И что у нас много врагов. Как внешних, так и внутренних. И нам нужна помощь честных советских людей. И молодых в первую очередь. Ты – комсомолец. Ты – хороший артист. Ты на хорошем счету. И, думаю, можешь быть нам полезен».

Козаков стал возражать: дескать, у меня нет времени даже с дочерью погулять, не то что еще чем-то заниматься, что он абсолютно не умеет хранить тайны. И вообще он не стукач и людей таких презирает. Что считает: отошли те времена, когда советский человек должен следить за другим советским человеком и доносы писать. Надо верить людям...»

На что получил в ответ: «Михал Михалыч! Ты абсолютно прав. Отошли те времена. И люди в нашем учреждении сейчас совсем другие. Тебе это известно? Абсолютно другие. Другой стиль. Успокойся, даю тебе честное слово коммуниста, что никто тебе не предлагает следить, а тем более доносить на твоих товарищей и вообще советских людей. Ты меня понимаешь? Слово коммуниста. На советских, подчеркиваю, никто и в мыслях не имеет. Но есть несоветские, а вот они нас интересуют, поскольку они несоветские. Понял наконец? Мы, работники органов, занимающиеся контрразведкой, блокированием действий иностранной разведки и, в частности, американской (судя по этим словам, это был один из руководителей 1-го (американского) отдела 2-го главка. – Ф. Р.), обращаемся к тебе, советскому актеру, советскому гражданину, комсомольцу, с просьбой, с предложением помочь нам в этом ответственном, государственном деле. Ну, что ты нам на это ответишь? Миша, что я мог им ответить? Что я не советский человек, что я не комсомолец, что я не знаю, что есть американская контрразведка...».

Поскольку Козаков все еще колебался, но было видно, что в его сознание уже была заложена «мина замедленного действия», чекист решил не форсировать события. И сказал: «Ладно, Михал Михалыч, вы подумайте. Мы подумаем. И созвонимся. Хорошо? Но вы подумайте, хорошенько подумайте. Это будет вам небезынтересно. Железный занавес поднят. Предстоит общение с иностранцами. Они вашим театром и вами лично интересуются. Избегать этого не следует. Это расширяет кругозор. И как актеру вам это будет крайне полезно. Кстати, вас, по-моему, собираются в Англию на фестиваль послать. Как? Не слышали еще? Собираются.

Собираются, Михал Михалыч. Так что подумайте. Сейчас не отвечайте. А мы еще с вами увидимся. Кстати, когда у вас „Гамлет“ идет в этом месяце? Моя жена ко мне пристала – все хочет вас на сцене посмотреть в роли принца датского...».

После этой встречи актер и чекист какое-то время не виделись. Но второй периодически звонил первому и интересовался всякими мелочами: как дела дома, как в театре? Короче, не давал о себе забыть. В августе 57-го Козаков с театром съездил с «Гамлетом» в Канаду на шекспировский фестиваль, где имел большой успех. А когда вернулся на родину, его знакомый чекист сразу назначил новую встречу – все в той же «Ленинградской», в том же 318-м номере (по другой версии, это случилось спустя год). И вот там Козакову и было дано первое конкретное задание: войти в контакт с 25-летней американской журналисткой Колеетт Шварценбах, которая, как оказалось, была большой поклонницей таланта Михаила Козакова. Исходя из этого, задание было несложным.

В роли «сводни» выступал КГБ, причем это сводничество напоминало историю конца сороковых, о которой я уже рассказывал – с актрисой Кирой Ивановой и адмиралом Головки. То есть Козаков и Шварценбах должны были встретиться на вечеринке, которую устраивали агенты КГБ из творческой среды. В роли этих людей выступали: известный драматург с супругой и оператор, у которого Козаков снимался в одном из фильмов. На тот момент (сентябрь 1957 года) за плечами актера было всего три фильма: «Убийство на улице Данте» (1956; оператор Борис Волчек), «Трудное счастье» (1958; оператор Александр Харитонов), «Хождение по мукам» (фильм 2-й – «Восемнадцатый год», 1958; оператор Леонид Косматов).

В этом списке обращает на себя внимание Борис Волчек – соратник Михаила Ромма, оператор, который снял с ним все его знаменитые фильмы, начиная от «Пышки» (1934) и заканчивая шпионским боевиком «Секретная миссия» (1950). Когда в первой половине шестидесятых Волчек уйдет в режиссуру, его первым фильмом будет картина на чекистскую тему – «Сотрудник ЧК» (1964). Волчек был отцом Галины Волчек, а та, как мы знаем, будет стоять у истоков создания театра «Современник». Чуть позже я выскажу свою версию о том, что за этим событием вполне мог «маячить» КГБ, а именно – его 2-й главк во главе с Олегом Грибановым, который возглавил контрразведку как раз накануне премьеры дебютного спектакля современниковцев «Вечно живые» (15 апреля 1956 года; а до этого Грибанов два года был заместителем П. Федотова). Чекистам нужен был современный театр в центре Москвы, который объединил бы вокруг себя прогрессивную молодежь либерального толка. Кстати, в этом театре будет играть и Михаил Козаков, что тоже не случайно. Впрочем, не будем забегать вперед, а пока вернемся к истории с вечеринкой.

На ней Козаков должен был невзначай сообщить американке, что на днях (10 сентября) он летит на отдых в Сочи. Сделано это было не случайно, а с расчетом: КГБ был прекрасно осведомлен о том, что Колеетт в эти же дни летит туда же. Поэтому Козакову заранее сняли номер (а также снабдили деньгами и даже пошили пару костюмов) в соседней гостинице: он поселился в «Кавказе», она – в «Приморской». Там между ними началась «лав стори», на которую и рассчитывал КГБ. Задание ему было дано конкретное: влюбить в себя американку, переспать с ней и сделать своей любовницей с тем, чтобы потом выуживать из нее ценную информацию (она была слависткой, работала в газете «Вашингтон пост» и, главное, служила нянечкой у американского посла), а потом, даст бог, и завербовать. Но Козаков с этим заданием не справился. По его же словам:

«Она была очень красивая! Представьте себе: высокая, с меня, девушка, лет двадцати пяти. Ноги из шеи растут. И какие ноги! Кисти рук узкие, длинные пальцы, тонкая талия, плечи, может быть, чуть широковатые, зато шея длинная и лицо...

Боже, что за лицо! Черты лица породистые, нос чуть вздернутый и зеленые, понимаешь, зеленые, как газон, глаза, окаймленные черными, пушистыми ресницами... Это мой тип женщины. Но такой я никогда не видел.

Держалась скромно, достойно. Ни малейшей экзальтации американок из мидл-класса, без всяких „Оу!“, без жеманства, кокетства. Говорит тихо, спокойно. Хорошо, внимательно слушает собеседника. И когда выпила – такая же. И в веселье такая же достойная. Нет, не „синий чулок“: и пила, и смеялась, и танцевала, и что-то

рассказывала, но все это комильфо, без „вулгар“, как говорил Пушкин. Я голову потерял. Короче, я влюбился, и это меня спасло: во всем ей признался. Открылся ей, кто я, что делаю в Сочи, и решил, что на этом все, поскольку не выполнил то, чего от меня ждали...».

Как ни странно, но КГБ не стал наказывать неумелого агента, который фактически расконспирировался перед американкой. Более того, его оставили в штате агентуры, где он прослужил тридцать два года(!), работая по иностранцам. Но о том, какие задания он выполнял, я расскажу чуть позже, а пока вернемся в конец пятидесятых.

По поводу истории с Людмилой Гурченко Козаков заметил следующее: «В своих интервью Людмила Марковна говорила, что, отказавшись сотрудничать с КГБ, она потеряла много ролей, была надолго выброшена из профессии. Думаю, это преувеличение. Она (а я Люсю люблю, уважаю!) говорит: „Долгие годы я не снималась в кино“. Посмотрел ее послужной список: по-моему, не было ни одного года без роли в том или ином фильме. Другое дело, что не попадалось таких блестящих, как в „Карнавальная ночь“. Наверное, нежелание выполнять задания органов отразилось на ее актерской судьбе, но, вообще-то, не совсем это так.

А вообще многих коллег, тоже работавших на КГБ, я знаю. Но никогда не назову их фамилии. Это популярные актеры. И не только актеры...».

Как мы помним, актерскую среду чекисты стали «унавоживать» своей агентурой сразу после революции – в двадцатые годы. В последующие десятилетия эта тенденция только усилилась, особенно это касалось кинематографа – важнейшего из искусств, как говорил В. И. Ленин. Поэтому Михаил Козаков стал одним из тысяч агентов КГБ из киношно-театральной среды – первых агентов послесталинской поры. Той самой плеяды, которая пришла на смену таким агентам, как «Зефир». Эту плеяду называли грибановско-питоврановской.

Иностранцы, которых эта агентура «колола», были просто в шоке. Хотя кто-то возразит: а как же Михаил Козаков, который «завалил» свое задание? Да, первый блин у него вышел комом. Но зато потом он не сплеховал, почему и продержался в агентах более тридцати лет. Не сплеховали и другие агенты из актерской среды. Например, те, что в 1957–1958 годах под водительством все тех же Олега Грибанова и Евгения Питовранова участвовали в вербовке французского посла в Москве Мориса Дежана. По сути, это была исключительно киношная агентура, что стало «коньком» чекистов еще с тридцатых годов.

Морис Дежан был назначен послом в Москву в 1956 году. На тот момент Олег Грибанов только сменил Павла Федотова на посту главы начальника контрразведки, и планов по вербовке француза у него еще не было. Но спустя год, когда Грибанов освоился в кресле главного контрразведчика, такая мысль в его авантюрную голову пришла, одобренная на самом кремлевском вершине – Хрущевым. Причем чекист решил сам участвовать в этой операции в качестве одного из подставных лиц – работника Совета Министров Горбунова. На тот момент Дежан уже был плотно обложен чекистской агентурой – его посольские апартаменты на Большой Якиманке, 43, прослушивались сотрудниками 5-го отдела (Западная Европа) 2-го главка, а также советскими агентами были шофер и горничная посла. А завербовать его должны были «ласточки» – красавицы-актрисы, которых КГБ завербовал еще до того, как Грибанов стал главным контрразведчиком. Впрочем, как мы помним, в этой операции участвовали сплошь одни киношники. Во-первых, это были два сценариста: Георгий Мдивани и Юрий Кротков. Они были земляками – родились в Кутаиси, правда с разницей в двенадцать лет: Мдивани в 1905 году, Кротков – в 1917-м. Первый учился в Тифлисском университете на юридическом факультете, второй – в литературном институте в Москве.

В 1963 году, во время туристической поездки в Англию, Кротков станет невозвращенцем и напишет о своей работе на Лубянке книгу – в том числе и о «деле Дежана». Благодаря этим откровениям данное дело и его участники станут известны всему миру. Вот что пишет о Кроткове Д. Бэррон:

«...С момента окончания войны он (Кротков. – Ф. Р) попытался завлечь в свои ловушки довольно внушительное количество иностранных дипломатов и журналистов из таких стран, как США, Австралия, Великобритания, Канада, Франция, Индия, Мексика, Пакистан и Югославия.

Драматург и сценарист по образованию, Кротков не был кадровым разведчиком. Но, можно сказать, он с самого детства находился в постоянной связи с органами государственной безопасности. Начальное образование он получил в Тбилиси, где его отец работал художником, а мать – актрисой. В 1936 году отец нарисовал портрет Лаврентия Бери, бывшего тогда руководителем Компартии Грузии. Работа Бери была высоко оценена самим Сталиным, который вскоре назначил его руководителем службы государственной безопасности (НКВД, в 1954 году переименованного в КГБ). Его портрет можно было встретить во всех уголках страны, и вплоть до самой смерти художника Берия оставался его покровителем.

Приехав в Москву для поступления в литературный институт, Кротков попытался отыскать старых друзей своих родителей, работавших в органах государственной безопасности, и попросить их помощи. В 1941 году, когда немецкие войска находились на самых подступах к Москве, его вместе с другими студентами эвакуировали из города. Вернувшись спустя восемнадцать месяцев в столицу, он обнаружил, что его комната занята другой семьей. После обращения в органы НКВД он добился ее выселения. С той же помощью Кротков был принят на работу, сначала в ТАСС, а позднее – на Московское радио.

В 1946 году Кротков еще больше сблизился со спецслужбами, после того как у него появились первые контакты с иностранцами. В 28 лет он согласился стать одним из бесчисленных секретных агентов НКВД. Таким образом, он смог продолжить изучение литературы, так как чем больше у него было дипломов, тем полезнее он считался для органов госбезопасности. Но с этого момента он больше уже не мог считать себя независимым по отношению к своим покровителям.

Как писатель, интеллект и друг семьи Бориса Пастернака, Кротков был хорошо принят среди иностранных дипломатов, работавших в Москве. Этот высокий худощавый мужчина с темно-русыми волосами и выразительными чертами лица мог свободно вести беседы как на русском, так и на английском языках по самым разнообразным темам, будь то искусство, история или руководители страны. Он уже вполне научился использовать стремление иностранцев расширять свои контакты с советскими гражданами.

В качестве первых заданий Кротков должен был вербовать красивых девушек, которые могли бы быть использованы спецслужбами для заманивания иностранцев. Он набирал их главным образом среди актрис, с которыми ему постоянно приходилось сталкиваться по работе. В качестве поощрения им обещали лучшие роли, деньги, красивую одежду или немного свободы и развлечений – все то, что отсутствовало в обычной жизни. Подобные сотрудники назывались „ласточками“. Для выполнения заданий они использовали так называемые ласточкины гнезда – специально оборудованные двухкомнатные квартиры. В одной комнате девушка соблазняла иностранца, которого она должна была затем скомпрометировать, а в другой специалисты разведслужбы фиксировали все происходящее на фотопленку....».

Что касается Мдивани, то он свою литературную деятельность начал в 1922 году, а шесть лет спустя стал работать на киностудии Госкинопрома Грузии. Именно тогда свет увидел первый фильм, снятый по его сценарию, – «Молодость побеждает» (1928). Затем до начала войны он приложил руку как сценарист к выпуску еще десяти фильмов. Однако настоящая слава пришла к Мдивани в 1948 году, когда на экраны страны вышел фильм «Рядовой Александр Матросов» по его сценарию. Из других его безусловных хитов, вышедших на экраны страны в период «дела Дежана», назову следующие фильмы: «Опасные тропы» (1955), «Солдат Иван Бровкин» (1955), «Иван Бровкин на целине» (1959).

У Кроткова сотрудничество с кинематографом началось в 1957 году с фильма «Рожденные бурей». Год спустя вышел еще один фильм по его сценарию – «Капитан первого ранга». На тот момент оба сценариста уже давно

работали на КГБ. Чуть позже Мдивани напишет сценарий к прекрасному сериалу про чекистов – «Моя судьба» (1974). Кротков прославится иным способом – сбежит за кордон.

Помимо двух сценаристов, к вербовке Дежана будут привлечены несколько киноактрис. Это были: Лидия Хованская, Лариса Кронберг-Соболевская и Надежда Чередниченко. Про Хованскую ничего не известно (может, это вымышленное имя?). Про Соболевскую и Чередниченко есть информация на многих киношных сайтах. Так, Кронберг-Соболевская (1929) родилась в Пензе в семье военнослужащего. В городе Уфе, куда был переведен отец, стала ученицей средней школы, а окончила ее уже в Подольске с серебряной медалью. В 1948 году поступила на актерский факультет ВГИКа в мастерскую Сергея Герасимова и Тамары Макаровой. Но затем была оттуда отчислена по семейным причинам. Но спустя два года снова была принята – на курс, который вел Владимир Винокуров. В итоге ВГИК она закончила на два года позже – в 1954 году.

В кино дебютировала, еще будучи студенткой – весной 1953 года ее пригласили в картину «Большая семья» на роль технолога-корпусника Зины Ивановой. Фильм снимал на «Ленфильме» Иосиф Хейфиц. Затем Кронберг снялась в таких фильмах, как: «Звезды на крыльях» (1955; Галя), «Посеяли девушки лен» (1956; Зося Королева), «Они встретились в пути» (1957; Соня Марлевская), «Девушка с гитарой» (1958; кассирша), «Олеко Дундич» (1958; Ирина Туманова).

Два последних фильма вышли на экраны страны как раз в те самые дни, когда шло «дело Дежана»: «Девушка с гитарой» – 1 сентября, «Олеко Дундич» – 25 сентября 1958 года.

Надежда Чередниченко (1927) пришла в большой кинематограф раньше Кронберг – в 1947 году, когда на экраны страны вышла картина, где она исполнила главную женскую роль (Нина Грекова), – «Первая перчатка». На тот момент Чередниченко училась на 3-м курсе ВГИКа, на курсе Юлия Райзмана (она родом с Украины – из города Богуслав, что на юге Киевской области).

На съемках дебютного фильма Надежда познакомилась с популярным актером Иваном Переверзевым (он играл главную роль – боксера Никиту Крутикова), и в том же 1946 году, когда шли съемки фильма, они поженились. Чуть позже у них родился сын Сергей. Но этот брак продлился недолго, и супруги расстались.

После окончания ВГИКа в 1949 году Чередниченко стала актрисой Театра-студии киноактера (проработает в нем более тридцати лет). Параллельно работе в театре актриса будет продолжать сниматься в кино. В пятидесятые годы на ее счету были следующие фильмы: «Чемпион мира» (1955; Настя), «Костер бессмертия» (1956; леди Марфи), «Матрос Чижик» (1956; Марья Ивановна, жена Лузгина), «Когда поют соловьи» (1957; главная роль – Катя Квитка), «Координаты известны» (1958; Нюра Масленникова).

Именно этих актрис Кротков упоминает в своих мемуарах как участниц операции по вербовке Дежана. Но подробностей о том, как они попали в поле зрения КГБ, у него нет – видимо, он этого просто не знал. Поэтому на этот счет можно лишь строить предположения. Например, такие. Девушек заметили еще во время учебы во ВГИКе. КГБ имел своих агентов во всех вузах страны, в том числе и среди преподавательского состава. Хорошо зная своих студентов, такие преподаватели давали рекомендации чекистам, кого стоит вербовать, а кого нет. Творческие вузы были на особом счету, поскольку там обучались молодые люди, которых не надо было учить искусству входить в доверие к незнакомым людям, в том числе и к иностранцам.

Весьма оригинальную версию в связи с «делом Дежана» выдал в наши дни И. Атаманенко, который представляется бывшим сотрудником КГБ. Цитирую отрывок из одного его литературного произведения:

«– Итак, товарищи офицеры, кто из вас смог бы завербовать такого агента влияния, как посол Франции в Москве? – войдя в аудиторию и на ходу гася ироничную улыбку, задал вопрос Козлов. – Кто хочет высказаться? Казаченко? Вам слово, старший лейтенант!

– Ну, в одиночку, конечно, я не смог бы, но с таким шефом, как генерал-лейтенант Грибанов, – справился бы! – выходя из-за стола и застегивая пиджак на все пуговицы, начал Казаченко...

– Вы правильно делаете, что стоите, Олег Юрьевич. О таких волкодавах контрразведки, каким был Олег Михайлович Грибанов, надо говорить, вытянувшись в струнку!..

Казаченко протяжно смотрел на Козлова, размышляя, как правильнее отреагировать на его слова. Наконец нашелся.

– Товарищ генерал-майор, в обзоре ничего не сказано, почему в любовной мизансцене спектакля, разыгранного для посла Франции, на роль роковой обольстительницы Грибанов утвердил неизвестную актрису Лору Кронберг-Соболевскую, а не прославленную Раневскую, ведь сначала он прочил именно ее. Что помешало привлечь к вербовочной разработке посла Фаину Георгиевну? Неужели она не приняла предложение Олега Михайловича оказать помощь органам госбезопасности? Верится с трудом.

Козлов посмотрел на часы.

– Ну что ж, времени у нас достаточно. Слушайте и мотайте на ус!

Во-первых, не Грибанов делал Раневской предложение, ибо в противном случае она никогда бы не посмела отклонить его. Олег Михайлович при своем маленьком роете обладал недюжинной гипнотической силой, великолепным даром убеждения, решительностью и бескомпромиссностью, неспроста подчиненные называли его „маленьким Бонапартом“... Да и собеседника он видел, как на рентгене, – насквозь! Так что, сделай он лично предложение Раневской вступить в тайный Орден агентов, вряд ли бы она нашла в себе силы отказать ему...».

И это на полном серьезе пишет якобы бывший чекист, который прекрасно знает о том, сколько лет было в 1958 году Фаине Раневской – 62 года! А Кронберг-Соболевской в мае того года «стукнуло» 29 лет. Есть разница? Или, может быть, Раневская в те годы выглядела гораздо моложе своих лет? Тогда достаточно посмотреть фильм «Девушка с гитарой» (1958), чтобы оценить ее внешние данные. Представить себе, что Дежан, который сам был на три года моложе Раневской, а его жена по сравнению с ней и вовсе считалась девочкой, вдруг решился бы «клюнуть» на такую «ласточку», как Раневская – это, что называется, за гранью. Это во-первых. А во-вторых – Раневская была женщиной с нетрадиционной сексуальной ориентацией, и это было известно всем в богемном мире. Читаем у актрисы Лидии Смирновой:

«...Дело давнее, как-то мы поехали в Одессу на съемки. Моей партнершей была Фаина Раневская. Когда говорят, что у нее не сложилась личная жизнь, это неправда. Сложилась. Но с отклонениями: она любила женщин.

У Фаины Георгиевны тоже были очень романтические истории. Она так страдала, у нее случались припадки. Но письма своим возлюбленным мы писали почти одинаковые: упрекали их в измене, только с разными окончаниями. Я – „дорогой“, она – „дорогая“. От горя мы обе рисовали акварелью. Раневская рисовала осень – мазки, мазки. А я зиму – домик, дым из трубы, собачка бегаёт. Мы рисовали эти картинки и мучили друг друга своими переживаниями. Она была потрясающая женщина и очень хороший друг...».

Но вернемся к «делу Дежана».

Учитывая интерес КГБ к творческим вузам, можно с уверенностью сказать, что среди актеров и актрис (особенно с красивой внешностью) было много тех, кто работал на КГБ. Взять того же Михаила Козакова. Или другого актера, которого упоминал Кротков (и Д. Бэррон), – Михаила Орлова. О нем тоже есть информация – например, на сайте kino-teatr.ru:

«Родился 5 февраля 1923 года в Москве.

В 1943 году поступает учиться в театральный институт при МХАТе СССР имени Горького.

После войны в 1945–1946 годах Михаила, как уже опытного и талантливого актера, приглашает работать на главные роли известный советский режиссер Александр Яковлевич Таиров, в Камерный театр. Здесь у Михаила проявились незаурядные вокальные данные. Он участвует во многих музыкальных спектаклях, и в конце 1946 года его приглашают на главные роли в Московский театр оперетты, где он проработал до 1959 года, под руководством известного режиссера И. М. Туманова. Он совмещает работу в театре с выступлениями на эстраде. Среди его партнерш Татьяна Шмыга и Вера Вольская.

Был женат на актрисе Ларисе Мышковской...

Снимался в фильмах: „Глинка“ (1947; эпизод), „Анна на шее“ (1955; гусар на балу), „Песня табунщика“ (1957; Бобров), „Капитан первого ранга“ (1958; главная роль – Захар Псалтырев)...»

Кстати, сценарий к последнему фильму написал Юрий Кротков. Не тогда ли они познакомились? Видимо, тогда, поскольку съемки фильма проходили как раз в 1958 году. Вот и Д. Бэррон пишет о том же:

«...Через несколько дней Кунавин (полковник КГБ. – Ф. Р.) познакомил Кроткова с другим секретным сотрудником КГБ, который должен был соблазнить жену помощника военновоздушного атташе. Этим человеком был Михаил Орлов – известный актер и певец, идол московской молодежи. Высокий рост и цыганская внешность делали его первоклассным соблазнителем, и эти его качества зачастую использовались для заманивания в ловушку иностранных представительниц слабого пола. Незадолго до того КГБ предоставил ему квартиру в качестве вознаграждения за оказанные услуги при проведении операций с американками...»

Обратим внимание, что Орлов работал в Театре оперетты, где в эти же годы служил еще один наш знакомый – актер Константин Лапшин. Тот самый, который в конце сороковых «окрутил» американскую гражданку, сотрудницу УСС Аннабель Бюкар. По ее книге Александр Довженко начал снимать фильм «Прощай, Америка!» (1951), но тот, как мы помним, не понравился Сталину, и съемки прекратили. Так вот, небольшую роль в нем должен был играть и Михаил Орлов. Как тесен киношно-чекистский мир!

Согласно той информации, которую поведал Кротков, оказавшись на Западе, его подключили к «делу Дежана» в самом начале. На календаре был июнь 1956 года. В напарники ему, как уже говорилось, дали Михаила Орлова, который начал работать по Дежану чуть раньше. Оказывается, некоторое время назад он в паре с кадровым чекистом Черкашиным, играя роль отпускников-холостяков, сопровождал группу французов, направлявшихся к Черному морю. Там Черкашину «случайно» удалось познакомиться с госпожой Дежан, и по возвращении в Москву ему уже довольно часто приходилось с ней встречаться на официальных приемах. А после того, как КГБ посчитал, что уровень их знакомства вполне достаточен, чтобы он мог пригласить ее на прогулку со своими друзьями, было решено подключить к операции и Кроткова. Так сценарист стал вхож в круг общения супругов Дежанов. А осенью в операцию был введен сам главный контрразведчик Олег Грибанов (под видом ответственного работника Совета Министров СССР Олега Михайловича Горбунова) и сотрудница того же 2-го главка КГБ майор Вера Ивановна Андреева (супруга Горбунова). Причем сначала Дежанов познакомили с Верой (это сделали на одном из дипломатических приемов Сергей Михалков и его супруга Наталья Кончаловская), а затем уже на горизонте «нарисовался» Грибанов-Горбунов. После чего последовало приглашение чекистской четы посольской чете отобедать на их даче. Причем, чтобы оказать достойный прием послу, по приказу КГБ были реквизированы и соответствующим образом обставлены просторные апартаменты, которые должны были служить московской квартирой Горбуновых. Кроме того, сам председатель КГБ, Иван Александрович Серов, передал для нужд операции свою дачу в Куркино-Маш-кино, которая располагалась в двадцати километрах от столицы. Она представляла собой старинную бревенчатую избу с портиками, резными оконными рамами и огромными комнатами. Эта дача стала местом восхитительных встреч, на которые семья Горбуновых специально для своих французских друзей приглашала писателей, художников, актеров и актрис, а также некоторых «политиков». На самом же деле все они были агентами КГБ, или «ласточками». Далее послушаем Д. Бэррона:

«...К началу 1958 года, то есть спустя полгода после начала операции, ни один из подготовленных планов по компрометации французского посла так и не был реализован. Единственным серьезным козырем в игре оставалась дружба между Кротковым и госпожой Дежан. Поэтому Грибанов решает воспользоваться успехами Кроткова, чтобы подготовить ловушку для посла.

Женщину, которую Грибанов выбрал для этой цели, звали Лидия Хованская. Разведенная, на вид лет тридцать, веселая и чувствительная по натуре, она приобрела западные манеры и вполне приличное знание французского языка, живя долгое время в Париже, где ее муж работал дипломатом. Грибанов воспользовался стремлением супругов Дежан расширять свои связи, с тем чтобы внедрить Лидию в их окружение.

Грибанов попросил в министерстве культуры организовать эксклюзивную постановку балета „Жизель“, пригласив на нее посла, для того чтобы тот смог познакомиться с выдающимися деятелями советского кино. Кротков, назначенный распорядителем встречи, подготовил список приглашенных. Среди прочих там значилась „Лидия Хованская, переводчица“. Чтобы придать особый блеск этому вечеру, руководство КГБ пригласило на него нескольких балерин Большого театра, среди которых была знаменитая Майя Плисецкая.

Во время представления, которое проходило в одном из старинных зданий в Гнездниковском переулке, Лидия, как никогда восхитительная и благоухающая, сидела неподалеку от господина посла. Затем она присоединилась к Кроткову, чтобы помочь ему в качестве переводчицы в его беседе с госпожой Дежан.

Через три дня Кротков позвонил госпоже Дежан, чтобы пригласить ее на новую встречу. „В пятницу я организую ужин, – начал он. – Господин посол произвел большое впечатление на моих друзей, и вы бы оказали мне большую честь, если бы смогли убедить его прийти на этот вечер“.

Для проведения операции КГБ снял главный зал ресторана „Прага“ и выложил на угощение 900 рублей. Хотя вечер организовывался с единственной целью предоставить Лидии еще одну возможность попытаться соблазнить посла, Кунавин и Кротков попутно познакомили его с двумя другими „ласточками“: Надей Чередниченко и Ларисой (Лорой) Кронберг-Соболевской.

За полчаса до начала ужина Кунавин разместил своих людей по всему ресторану для наблюдения за ходом вечера и предотвращения любых неожиданностей. Лидия, Надя и Лора были восхитительны. Известный сценарист Георгий Мдивани, также работавший на КГБ, играл роль такого бунтаря и весь вечер произносил за столом довольно дерзкие и насмешливые тосты в адрес социализма. Дежан вел себя как настоящий дипломат, а также как учтивый и искусный танцор. Ему настолько понравился вечер, что он решил пригласить всю компанию посетить посольство на следующей неделе.

Во время ужина в посольстве супруги Дежан показали себя такими хлебосольными хозяевами дома, что Кротков, Мдивани и три „ласточки“ чуть было не позабыли о своем задании. Испытывая самое искреннее удовлетворение от того, что они находятся среди русских людей, которых они считали своими самыми близкими друзьями, посол вместе со своей супругой показали гостям внутреннее убранство здания посольства, прекрасно обставленного старинной французской мебелью.

Спустя какое-то время Вера пригласила госпожу Дежан совершить небольшую поездку по стране. Кротков же тем временем позвонил послу. „Один старый друг моей семьи, грузинский художник Ладо Гудиашвили, организует свою выставку в Москве. В свое время он обучался во Франции и безумно полюбил вашу страну. Теперь это уже старый человек, и для него было бы очень важно, если бы вы смогли посетить его выставку в ближайшее воскресенье“.

Посол согласился и приехал на выставку в черном посольском „шевроле“, за рулем которого сидел водитель из КГБ. Там он присоединился к Кроткову и Лидии и с удовольствием принял предложение, чтобы она помогла ему в качестве переводчицы. Дежан высказал несколько хвалебных замечаний старому художнику, который в то

время находился в немилости у властей, так как в его картинах, излишне романтических, не хватало „социалистического реализма“.

В тот момент, когда Дежан уже собирался было покинуть выставку, Лидия попросила его проводить ее до дома и пригласила выпить с ней по чашечке кофе.

На следующее утро Кротков позвонил Кунавину. „Посол проводил Лидию до ее дома“.

Руководители КГБ совершенно не собирались использовать этот факт в качестве средства шантажа.

„Продолжайте укреплять отношения, но не будьте слишком назойливы“, – приказал Кунавин. Лидия постаралась в точности исполнить это указание. Во время официальных приемов, на которых число членов группы Кроткова становилось все больше и больше, она стремилась выглядеть достаточно любезной и почтительной по отношению к послу.

В мае 1958 года заговор против посла принял неожиданный для КГБ оборот. Советские разведчики в Париже предупредили, что вскоре генерал де Голль должен снова вернуться к власти. Руководители КГБ предполагали, что в таком случае Дежан, продолжая оставаться одним из приближенных генерала, неминуемо должен получить важный государственный пост. „Эта операция всегда имела для нас важное значение, – говорил Кунавин Кроткову. – Теперь ее значимость увеличилась в десятки раз“.

В июне, во время одного из вечеров в посольстве, на котором присутствовал и Кротков, Дежан провозгласил тост за генерала де Голля и новую великую эру, которую тот пророчил Франции.

Кротков считал, что КГБ в ближайшее время захлопнет ловушку с Дежаном. Каково же было его удивление, когда Кунавин ему объявил: „Мы должны вывести Лидию из игры“.

„Что?“ – воскликнул Кротков.

„Она в этом не виновата, ошибку совершили мы, – заметил спокойно Кунавин. – Для успеха нашей операции следовало, чтобы женщина была замужем. К несчастью, муж Лидии был довольно известен в Париже, и в посольстве, несомненно, есть люди, которые знают, что они разведены“.

Он приказал Лидии предупредить Дежана, что она должна на некоторое время покинуть Москву, чтобы участвовать в съемках какого-то фильма. В качестве замены Грибанов решил остановить свой выбор на одной из актрис, которая в свое время уже представлялась послу: это была Лариса (Лора) Кронберг-Соболевская.

По легенде КГБ, она была замужем за геологом, который большую часть года проводил в экспедициях в Сибири. Грибанов посоветовал Лоре, чтобы та в своих разговорах с Дежаном представляла мужа чрезвычайно жестоким и патологически ревнивым человеком.

После „отъезда“ Лидии Лора снова стала появляться на приемах, организованных Кротковым в честь французского посла. Отношения последнего с молодой женщиной стали более последовательными, чем те, которые у него были с Лидией.

Когда госпожа Дежан уехала на отдых в Европу, Грибанов решил воспользоваться случаем, чтобы завершить операцию, длившуюся к тому времени уже более двух лет.

Лоре было приказано прекратить дней на десять все контакты с послом. Грибанов же в это время вызвал в Москву одного татарина по имени Миша, который использовался КГБ в качестве профессионального убийцы, и отозвал Кунавина из отпуска.

Были организованы специальные посты наблюдения, а технари из КГБ установили специальную аппаратуру в квартире, примыкавшей к той, где было намечено проведение операции.

Грибанов собрал свою группу в одном из номеров гостиницы „Метрополь“. В нее входили: Кунавин, Лора, Вера и еще несколько агентов КГБ. Расположившись за богато уставленным столом, он давал им последние инструкции. „Я хочу, чтобы вы его сломили, – сказал Грибанов Кунавину и Мише. – Сделайте так, чтобы он по-настоящему почувствовал боль. Наведите на него ужас. Но Боже упаси вас оставить хоть малейший след на его лице. Я вас засажу тогда в тюрьму“.

На следующее утро Кротков вместе со своей „очень хорошей знакомой“ Аллой Голубовой, а также с Дежаном и Лорой, отправились за город. Оба автомобиля находились под самым пристальным наблюдением КГБ. В конце концов Кротков нашел для пикника какую-то лесную опушку, возвышавшуюся над небольшим ручьем.

Тем временем Грибанов, Кунавин и Миша, находившиеся в соседней с Лориной квартире, получали донесения от своих агентов, скрывавшихся в лесу. Миша, игравший роль мужа Лоры, и Кунавин, его „друг“, были одеты как настоящие геологи: ботинки с шипами, за плечами – рюкзаки.

Часа в три дня Кротков предложил вернуться в город, чтобы продолжить там свой отдых.

Как только они оказались в квартире Лоры, что располагалась в доме 2 по Ананьевской улице, она им объявила: „Я получила телеграмму от моего мужа: он завтра возвращается в Москву“

Слушая шум, доносившийся из квартиры Лоры, Грибанов с нетерпением ждал условленного сигнала. „Почему она не говорит пароль?“ – непрерывно повторял он. Наконец она произнесла долгожданное слово: „Киев“. И сразу же Миша вместе с Кунавиным бросились в соседнюю квартиру.

Они набросились на Дежана и принялись его с остервенением лупить. Кунавин, ненавидевший французов, наслаждался сполна этим занятием. Немного перепало и Лоре.

Во время всего этого спектакля, она плакала и кричала: „Прекратите! Вы сейчас его убьете! Это же посол Франции!“ . Со своей стороны Миша орал, что он подаст на обидчика в суд.

Дежану в конечном счете все-таки удалось в сопровождении своего шофера спешно покинуть место сражения.

Квартира Лоры после этого события напоминала раздевалку футбольной команды, только что завоевавшей кубок чемпионов: шампанское лилось рекой в фужеры и на пол.

В тот же вечер Дежан отправился на дачу Серова на званый ужин. Его там ждали как желанного гостя те, кто три часа тому назад устроил ему хорошую взбучку. Этот ужин был специально организован Грибановым, выступавшим в роли Горбунова: руководство КГБ хотело предоставить Дежану возможность самому попросить помощи, в которой он отчаянно нуждался.

Посол, испытав сильнейшее потрясение, за весь вечер ничем не выдал своего волнения. Только перед самым уходом он отвел Грибанова в сторону и произнес те слова, которые так долго ожидали в КГБ. „У меня серьезные неприятности. Мне нужна ваша помощь“. Он рассказал о своих злоключениях и попросил вмешаться, чтобы муж Лоры забрал свою жалобу.

Руководство КГБ наградило Кунавина еще одним орденом Красной Звезды. Не остались без внимания и заслуги Кроткова. Был организован великолепный ужин в одном из залов ресторана „Арагви“. В промежутках между закусками, подачей цыплят и сыров – все обильно сдобренное грузинскими винами и лучшими коньяками – несколько генералов КГБ воспроизводили вместе с Кунавиным и Кротковым основные этапы „плана Дежана“. В конце ужина один из генералов взял слово: „Эту операцию можно отнести к разряду наиболее блистательных, когда-либо проведенных органами государственной безопасности. Без вашего активного содействия, Юрий Васильевич [Кротков], маловероятно, чтобы нам удалось достичь цели“.

Генерал сделал паузу и вытащил из кармана наручные часы „Докса“, целиком изготовленные из золота (они были конфискованы у одного иностранца). „От имени Комитета государственной безопасности и Совета Министров СССР я с удовольствием вручаю вам этот подарок. Рассматривайте его как знак благодарности за вашу патриотическую деятельность. Сожалею только, что мы не можем выгравировать на этих часах ту причину, по которой они вам вручены“.

Тайна, в которую были посвящены Грибанов и Дежан, привела к установлению особых отношений между ними. Посол чувствовал себя одновременно признательным и обязанным генералу: „муж“ Лоры в конце концов согласился „замять“ дело...»

Можно быть уверенным, что КГБ достойно отблагодарил и других активных участников этой операции. Например, есть сведения, что золотые швейцарские часы появились и на запястье у Ларисы Кронберг. А два года спустя она сыграла свою первую главную роль в кино – в фильме «Ночь без милосердия», где перевоплотилась в знойную американку, жену летчика-испытателя, которого сбивают в небе над Советским Союзом. Так выйдет, но это будет первая и последняя главная роль в фильмографии Ларисы Кронберг-Соболевской. Почему? Видимо, кино не станет для нее делом всей жизни – у нее будут другие интересы. Актрису часто будут видеть в кругу разного рода именитых личностей. Например, ей будут приписывать роман с самим шахматным гением Михаилом Талем (в интернете даже гуляет версия, что она была его четвертой женой).

Что касается Мориса Дежана, то он пробудет в СССР до 1964 года. То есть до того момента, пока сбежавший на Запад Юрий Кротков не расскажет историю вербовки посла. Это станет поводом к тому, что президент Франции де Голль, хорошо относящийся к Дежану, отпустит по его адресу несколько язвительных комментариев. Но и только. Никаких судебных преследований по отношению к бывшему послу не последует. Он уйдет из жизни 14 января 1982 года в Париже.

По злой иронии судьбы, и звезда Олега Грибанова закатится в том же 1964 году. В июне его снимут с поста главного контрразведчика, после того как на Запад сбежит (или будет похищен – версии разнятся) его непосредственный подчиненный – сотрудник 2-го главка КГБ Юрий Носенко (сын министра судостроения СССР в 1939–1956 годах, похороненного в Кремлевской стене). В августе 1965 года Грибанова уволят в запас Советской армии по служебному несоответствию, лишат знака «Почетный сотрудник госбезопасности» и исключат из КПСС. Но он найдет себя на ином поприще – на кинематографическом, поскольку, как мы помним, имел там обширные связи (или агентуру). Он «пропишется» на Киностудии имени Горького у Сергея Герасимова, где станет работать как сценарист – станет автором фильмов про резидента Тульева.

Но это будет чуть позже, а мы вернемся в год 1959-й, когда Грибанов все еще был в большом фаворе и, вполне возможно, приложил руку и к операции с Ириной Керк. Как мы помним, целью этой акции было вновь связать Зою Федорову и Джексона Тейта, а также вовлечь в этот круг людей, которые могли быть интересны КГБ. В число этих людей могла входить и сама Керк, у которой мог появиться интерес к внутренней жизни СССР. Кстати, он потом и появится, причем на весьма интересном направлении – на диссидентском. Керк даже книгу об этом напишет под характерным названием «Люди русского Сопrotивления». Но не будем забегать вперед.

Итак, Керк узнала историю любви Федоровой и Тейта и, окрыленная ею, пообещала Зое разыскать ее бывшего возлюбленного в США. В ту пору ей, видимо, казалось, что это не составит особого труда – надо только написать письмо по месту прежней работы Тейта – в министерство военно-морского флота. Самое интересное, что это письмо быстро нашло своего адресата, но тот его... выкинул. Поскольку Керк в нем всего лишь просила с ней связаться – и только. Ни слова о его московской одиссее в послании не было. Поэтому Тейт подумал, что это какая-то незамужняя дама или вдовушка пытается наладить с ним контакт с целью познакомиться и выйти замуж. А ему это было не надо. В итоге он выкинул несколько таких писем от Керк. После чего та перестала ему писать, уверенная, что ее депеши до него не доходят.

Спрашивается, почему КГБ не вмешался, если имел к этому делу прямое отношение? Видимо, чтобы не спугнуть Тейта и Керк, которых собирались использовать «втемную».

Летом 1962 года Керк вновь приехала в Москву. В то время она жила в Блумингтоне, штат Индиана, и преподавала в университете. И именно по его линии привезла в СССР группу студентов. В итоге в один из дней американка пришла в гостиницу «Украина», чтобы встретиться с Зинаидой (подругой Зои Федоровой, работавшей дежурной по этажу по заданию КГБ). Керк хотела, чтобы эта женщина вновь свела ее с Федоровой – гостя хотела рассказать ей о своих контактах с Джексонном Тейтом. Но выяснилось, что Зинаиду уволили из гостиницы сразу после того, как она в 1959 году свела американку с актрисой. Получалось, что это увольнение – прямая акция КГБ по наказанию своей агентессы, которая посмела без его ведома устроить эту встречу. Подумав так, Керк испугалась тревожить Федорову (чтобы не навредить ей) и покинула Москву, так и не встретившись с актрисой. А спустя одиннадцать лет, при следующем приезде Керк в Москву, выяснится, что вся история с Зинаидой была... блефом. На самом деле она продолжала работать в «Украине» и, едва американка покинула СССР, встретилась с Федоровой и сообщила ей следующее. Дескать, Керк оповестила ее о том, что Тейт не захотел возобновлять связь со своей бывшей возлюбленной и дочерью. Более того: он на глазах Керк порвал фотографию Виктории, бросил обрывки на землю и укатил восвояси на черном лимузине.

Учитывая, что Зинаида работала на КГБ, напрашивается вопрос: зачем Комитет выдумал эту историю? Почему он вдруг решил прервать любые контакты Федоровых с Тейтом, хотя совсем недавно, в 1959-м, вел себя совершенно иначе? Разгадка этого может скрываться под следующей причиной. А именно: изменением тех задач, которые решал тогда КГБ. Вот что заявил по этому поводу Филипп Бобков (будущий начальник 5-го управления КГБ, а в начале шестидесятых – заместитель начальника 2-го (контрразведка) управления:

«В начале шестидесятых годов, когда в КГБ произошли коренные структурные изменения, оперативная работа целиком переводилась в сферу каналов борьбы с проникновением в страну иностранных разведок. От контроля за средой, которую эти разведки намеревались использовать в целях подрыва конституционного строя страны, органы госбезопасности, по существу, отстранялись...».

Стоит учитывать и еще один фактор. Именно тем летом (в июле 62-го) началась секретная операция «Анадырь», в рамках которой началась переброска советских ядерных ракет на Кубу (так начинался «карибский кризис»). Видимо, в свете этих событий возобновление отношений между Федоровой и Тейтом было признано руководством КГБ (а шефом КГБ с ноября 1961 года был Владимир Семичастный) бесперспективным. Но пройдет еще немного времени, и уже при другом шефе КГБ (Юрии Андропове) ситуация изменится, о чем мы узнаем чуть позже.

Между тем летом 1963 года Керк все-таки сумела связаться с Тейтом. И тот сначала с радостью воспринял ее сообщение о том, что в СССР у него есть дочь. Но затем снова пропал. Почему? Вот как об этом написано в «Дочери адмирала»:

«...Они (Тейт и Керк. – Ф. Р.) так и не встретились лично, но продолжали обмениваться письмами и время от времени перезванивались. Казалось, стремление помочь Зое и Виктории должно было сблизить их, однако сложившиеся между ними отношения оставляли желать лучшего. Эти двое людей никогда не понимали друг друга.

Джек был человеком прямых и решительных действий. Хотя он побывал в Москве, русская душа оставалась для него загадочной. Ирине, до мозга костей русской, хотя она никогда не жила в России, его прямота казалась простодушием и примитивностью. Она понимала, что к русским требуется особый подход. Типично американская прямота и резкость Дджека возмущали ее. В русской среде он держался бы как слон в посудной лавке, способный сокрушить все вокруг. Дджеку же Ирина казалась несобранной и странной, не знающей, что ей, собственно, нужно. Она опасалась решительных действий, всегда искала какой-то подход. Все это было чуждо и

непонятно Джеку Тейту, привыкшему отдавать приказания и действовать напрямую. Ему казалось, что, выбирая обходной путь, она лишь уводит их в сторону.

Весьма вероятно, что главной причиной, объяснявшей его пассивность, было недоверие, которое он испытывал к Ирине Керк. Оно возникло с самого начала, еще тогда, когда, пытаясь разыскать его, она отправляла письма в военно-морское министерство, ни разу не объяснив причину своих поисков, вместо того, чтобы посылать их на адрес министерства для передачи ему. А ее вопросы: „Вы женаты?“, „Говорит ли вам что-нибудь имя Зоя?“ – это еще что за штучки? Разве тот или иной ответ мог хоть как-то повлиять на факт существования его дочери? Почему она вечно крутит, а не действует открыто, напрямую?

Да, Джек не доверял Ирине Керк. Однажды в разговоре с ней он сказал: „Я всегда строго придерживался правил игры. Обучился этому на флоте. В этом мире только таким путем можно избежать неприятностей“ ...

Впоследствии, когда Ирина опубликовала свою книгу „Люди русского Сопротивления“, он и вовсе стал ее бояться. Она была связана с диссидентами, и он считал, что знакомство с ней может навредить Виктории и Зое.

И хотя все последующие годы в совместных усилиях помочь Виктории они не могли обойтись друг без друга, их отношения не стали теплее. Джек чувствовал, что Ирина не одобряет предпринимаемых им шагов, Ирина же понимала, что Джек не одобряет ее действий. И каждый был по-своему прав...»

Короче, Тейт не доверял Керк, считая, что она, возможно, работает на чекистов. Он ведь был матерый служака и мог догадываться о том, что КГБ таким образом пытается выйти на него с какими-то своими далеко идущими целями.

И снова напомним, что вся история с участием Ирины Керк закрутилась поздним летом 1959 года. И в это же самое время серьезные изменения произошли в судьбе Михаила Козакова – он перешел из Театра Маяковского в театр «Современник». Казалось бы, какая может быть связь между двумя этими событиями? Но не будем спешить с выводами.

Как вспоминал сам Козаков, он собирался уйти из «Маяка» несколько раз – в 1957 и 1958 годах. Хотел перейти к своим сокурсникам по Школе-студии МХАТ, которые сумели-таки организовать свой театр-студию. Однако по закону он должен был отработать в одном месте три года, поэтому отпускать его раньше времени никто не собирался. Тем более что он имел успех в спектакле «Гамлет». Но летом 1959 года его трехлетняя «кабала» должна была закончиться. Правда, это не означало, что главный режиссер «Маяка» Николай Охлопков так легко отпустит своего ведущего актера. И когда во время гастролей в Риге тот вызвал Козакова к себе, актер был уверен, что ему предстоит серьезная баталия. Но режиссер, даже словом не обмолвился об этом и отпустил актера без всяких возражений. То ли потому, что понял – это бесполезно, то ли потому, что его кто-то настоятельно об этом попросил. И этим кем-то могли быть чекисты. Зачем им это было нужно?

Ведомство Грибанова было крайне заинтересовано в том, чтобы расширить в столице число мест, где могли бы бывать иностранцы. Это было нужно в оперативных целях – с тем, чтобы появились новые возможности для контактов агентуры с иностранцами. И театр-студия «Современник» вполне мог стать именно таким местом (чуть позже такая же история будет проделана и с любимовской «Таганкой», куда иностранцы будут ходить толпами). Надо было только привлечь к нему повышенное внимание публики, поскольку к концу пятидесятых театр имел популярность у зрителей, но не было скандального шлейфа, который сделал бы из «Современника» именно современный театр. И такой скандал был придуман. Летом 1959 года в нем начали репетировать пьесу Е. Шварца «Голый король». В это самое время в театр и был принят Михаил Козаков – агент 2-го главка КГБ СССР. Как вспоминал сам актер-агент:

«...За всю жизнь у меня не наберется и шести-семи спектаклей, где я участвовал, которые были бы приняты с таким шумным – поистине триумфальным – успехом. Если правда, что человечество, смеясь, расстается со своим

прошлым, то здесь оно расставалось со сталинским прошлым, хохоча, чтобы не сказать гогоча. Аплодировали чуть ли не через каждую реплику, все рождало отклик в зале: и король – Евстигнеев, и „честный старик“ – Кваша, первый министр его величества, загримированный под дедушку Калинина, и извивающийся министр нежных чувств – Сергачев, который каждый раз импровизировал очень к месту какие-нибудь куплеты: „Мы в лесочек не пойдем, нам в лесочке страшно!“. Была прелестна в роли Принцессы Нина Дорошина. И все мы, игравшие даже относительно небольшие роли, были счастливы участием в этом поразительном ефремовском спектакле.

Успех „Голого короля“ был столь оглушителен, что донесся до Москвы, и, когда через две недели мы туда вернулись, билеты оказались распроданы не только на „Короля“, но и на все старые спектакли, которые до этого не делали аншлагов. С 5 апреля 1960 года и по сей день „Современник“ не знает пустых мест в зале, и сделал это „Голый король“, сыгранный в Ленинграде 24 марта того же года...»

И далее актер сообщает следующее: «Мы заканчивали сезон на площадке театра им. Пушкина и театра-студии киноактера. Над „Голым королем“ и над нашим театром сгущались тучи. Спектакль, выпущенный в свет по оплошности и недосмотру, хотели закрыть с треском. Узнав об этом, мы лихорадочно играли его каждый день – тридцать раз в месяц! Толпа в надежде приобрести лишний билетик стояла на улице Горького в пятистах метрах от театра Пушкина. Милиция разгоняла людей с плакатами, на которых было написано: „Куплю лишний билетик на «Голого короля»!». Начальство всех сортов и уровней посещало спектакль. Оно видело тот фантастический прием, который устраивала публика происходящему на сцене, и как же у него чесались руки прекратить безобразие, издевательство и хулиганство! Почему оно на это не пошло, тоже до сих пор не могу понять. Или было уже поздно? Птичка вылетела из гнезда?....»

Есть еще одно объяснение того феномена, когда власти не соизволили даже пальцем пошевелить, чтобы прихлопнуть этот крамольный спектакль. А именно – это было выгодно чекистам, которые и затеяли этот скандал. После него «Современник» превратился в один из самых посещаемых театров Москвы, куда стремились попасть не только советские граждане, но и иностранцы, особенно – дипломаты. Последние стали заводить знакомства с актерами театра, в том числе и с теми, кто работал на КГБ (с тем же Михаилом Козаковым, например). Причем для облегчения такого рода контактов «Современнику» разрешили открыть в подвальчике небольшое кафе. Вот что сам Козаков рассказывал на этот счет:

«...В театре, в подвальчике, мы открыли свое кафе, которое работало после спектакля. Вход – двадцать копеек. Самообслуживание. Водка, коньяк, кофе, сосиски, бутерброды. Отыграл, и не надо тебе тащиться в ресторан ВТО и видеть посторонние физиономии, а берешь своих друзей, которые были на спектакле, – и в подвальчик „Современника“ потолковать, обсудить сыгранное за рюмкой водки. А там кого только не увидишь, чего не услышишь. писатели, поэты, физики-лирики, пение под гитару, и стихи, и споры-разговоры до утра. Все свои. Посторонним вход воспрещен. Не пойдут в сомнительный подвальчик не те поэты, не те писатели, не те физики-лирики. Разве что из злого любопытства может затесаться кто-нибудь из чужих, но нет, не понравится ему там, не придет туда больше и дружкам своим не посоветует.

К театру тяготели самые интересные люди, как потом к Таганке. „Таганца“, „Таганца“ – будут цокать иностранцы, любители театрального искусства, приезжающие в Москву. А тогда – „Современник“, „Модерн театр фром Москоу“.

Называю самые первые из приходящих на память звучных имен, – имен людей, с которыми мы встречались. Норис Хоутон, крупнейший театральный деятель Америки, написавший тогда две, а теперь уже три книги о России, – первая написана еще в тридцатые годы: Мейерхольд, Таиров, Станиславский, Немирович-Данченко; вторая, „Повторная гастроль“, – это уже Охлопков, Товстоногов и „Современник“ Актеры – Ричард Харрис, Витторио Гассман. Роже Планшон – режиссер, артист, драматург. Питер Брук. Киношники Роже Вадим и Джейн Фонда. Англичане, французы, итальянцы, американцы, поляки... Что говорить, в Москву тогда стремились многие – был, стало быть, интерес.

А незабываемый вечер, проведенный в обществе легендарного сэра Джона Гилгуда! Нет, нет, это было очень веселое время, интересное время, когда мы видели чужое искусство и уже могли похвастаться кое-какими своими успехами.

Эдуардо де Филиппо – „Мэр района Санита“; „Отелло“ с великим Лоренсом Оливье в Кремлевском театре; Планшон с изысканным, ироничным спектаклем „Три мушкетера“, с поразительным решением „Тартюфа“; Жан Вилар с Марией Казарес – „Дон Жуан“, Жан Вилар – „Делец“ Бальзака. И конечно, конечно! – „Король Лир“ Питера Брука с гениальным Полом Скофилдом – Лиром.

И со многими, если не со всеми мы, современниковцы, встречаемся лично, разговариваем, веселимся. Шестидесятые годы...».

В этот же подвальчик захаживали и иностранные дипломаты, тяготевшие к «Современнику». Там их «нагружали» алкоголем и заманивали на чью-нибудь квартиру – продолжать веселье. А на самом деле. И снова послушаем рассказ М. Козакова:

«...Время от времени мне напоминали о себе: звонили по телефону, назначали свидания в разных местах (в гостиницах, на частных явочных квартирах, просто на улицах). Это случалось, как правило, после приемов в американском посольстве или перед приемом в каком-нибудь другом капиталистическом посольстве. Их интересовало мое отношение к послу, его жене или какому-нибудь другому лицу посольства. КГБ никогда не спрашивал меня про поведение советских людей, бывших на этих приемах.

Зная, что я и некоторые мои товарищи из художественной интеллигенции (фамилии не называю – те, о ком речь, узнают себя сами), бывая на приемах и вечеринках в доме американского посла, подружился с первым секретарем американского посольства Робертом Армстронгом, нас попросили об услуге: о встрече с ним в домашней обстановке. Кроме моих молодых тогда товарищей из художественной интеллигенции в моем доме по адресу Шебашевский тупик, 4, на вечеринке присутствовал и товарищ из КГБ. Его звали Игорь Николаевич (за подлинность имени не ручаюсь). Мы должны были его представить господину Армстронгу как театроведа или художника (точно не помню), что мы и сделали. Когда господин Армстронг почему-то быстро опьянел, чего с ним раньше никогда не случалось, он стал рассказывать, что любит своего президента, Джона Фицджеральда Кеннеди, и всю его семью и что, если Кеннеди почему-либо не победит на предстоящих перевыборах, он, господин Армстронг, уйдет из политики. Затем господин Армстронг уснул у меня дома на диване, а мы пошли курить на балкон.

Уже позже один из моих товарищей из художественной интеллигенции рассказывал, что, когда он, направляясь из туалета, зашел в комнату, где спал секретарь посольства, в его брошенном на кресло пиджаке рылся товарищ Игорь Николаевич. Заметив растерянность моего товарища из художественной интеллигенции, он велел ему обо всем молчать. Мы еще не раз после этого бывали в доме американского посла на Собачьей площадке господина Армстронга – он был молодой и приятный человек, – пили его виски и курили его сигареты. Один раз я украл у него и вынес под рубашкой книжку „Альманах IV“ – „Воздушные пути“ на русском языке, изданную в Нью-Йорке в 1955 году, где – в том числе – были опубликованы стихи Иосифа Бродского и стенограмма его ленинградского процесса, сделанная Фридой Вигдоровой. Я очень боялся пронести украденную книгу, когда выходил из ворот дома на Собачьей площадке, так как там был пост и советский милиционер, сидящий в будке, мог меня арестовать и обнаружить альманах, который я украл с книжной полки американского посланника.

Когда господин Армстронг покидал Москву, мы с ним выпили в ресторане „Националь“ много коньяку за его счет. Он был трезв, я – не очень, но в краже все-таки не признался...».

Можно только догадываться о том, каких именно звезд нашего театра и кино Козаков имеет в виду под словами «товарищи из художественной интеллигенции». Например, только в одном «Современнике» с ним

вместе работали такие звездные исполнители, как Олег Ефремов, Олег Табаков, Евгений Евстигнеев, Олег Даль, Игорь Кваша, Галина Волчек, Петр Щербаков и др. Вспомним слова Козакова об операции против американского посла: «Не я единственный в этом участвовал» – наверняка был кто-то и из его коллег-«современниковцев», поскольку посол-то был фанатом именно этого театра. Кто знает, может быть, когда-нибудь имена агентов КГБ из числа актеров «Современника» и будут явлены миру, как это случилось с тем же Козаковым. А пока широкая общественность узнает имена других агентов из числа «звезд», причем иногда такого рода информация поступает окольными путями. Например, вот что заявила в интервью газете «Мир новостей» (21 сентября 2004 года) дочь знаменитого барда А Галича Алена Архангельская-Галич:

«В начале девяностых мне показали часть кагэбэшного досье моего отца, где были доносы: „с кем встречался Гитарист“) „что говорил“, „о чем пел“ и т. д., подписанные агентурными кличками „Фотограф“, „Гвоздь“. Когда я прочитала эти „документы“, я сразу догадалась, о ком идет речь, потому что прекрасно знала круг общения папы в тот или иной период, кто был рядом и мог это написать. Ну и потом не нужно быть заядлым кроссвордистом, чтобы „расшифровать“ известного актера (его уже нет в живых), с которым папа играл на одной сцене еще в юности в арбузовской студии и который подписывал донесения „Гвоздь“ и „Хромоножка“. Кстати, комитетчики подтвердили, что я не ошиблась...».

Дочь Галича права: в самом деле не надо быть заядлым кроссвордистом, чтобы не догадаться, о какой «Хромоножке» идет речь. Достаточно перечитать биографию Галича и вспомнить, кто из знаменитых впоследствии советских актеров играл с ним в арбузовской студии. Таким был, к примеру, Зиновий Гердт. Который, будучи на фронте, был ранен в ногу и с тех пор хромотал. Не он ли и был тем негласным агентом КГБ подле Галича? Кто знает, кто знает. Но если это верно, то трудно сказать, на какой именно почве смогли завербовать актера и когда в точности это произошло.

А что же Зоя Федорова?

Она продолжала плодотворно работать на ниве кинематографа, снявшись в шестидесятые годы в 31 (!) фильме. Самыми плодотворными для нее были годы: 1965-й – семь фильмов, 1964-й – шесть фильмов, 1963-й – пять фильмов. Она сыграла четыре главные роли: маму, Татьяну Ивановну Королеву, во «Взрослых детях» (1961), мамочку в короткометражке «Мамочка и два трутня» (1964), еще одну даму в короткометражке «Веселая прогулка» (1968) и Анну Петровну Иванову, Анюту в «Улыбнись соседу» (1969).

Однако лучшими ее ролями в то десятилетие все же были не эти, а другие (впрочем, роль во «Взрослых детях» прибавила ей лишнюю толику славы). А именно: тетя Даша в искрометной детской комедии Ролана Быкова «Пропало лето» (1964), соседка Лиды, тетя Зоя в «Операции „Ы“ и других приключениях Шурика» (1965) Леонида Гайдая, Горпина Дормидонтовна или Гапуся в не менее искрометной музыкальной комедии «Свадьба в Малиновке» (1967) Андрея Тютюшкина, учительница пения Виктория Михайловна в детском фильме все того же Ролана Быкова «Внимание, черепаха!» (1969). Причем «Операция „Ы“» и «Свадьба в Малиновке» стали лидерами проката: первый собрал 69,6 млн зрителей, второй – 74,6 млн. На этой волне зрительского успеха не заметить (и не отметить) работы Зои Федоровой было практически невозможно.

Вообще из всех актрис советского кино, которые начали сниматься еще в тридцатые годы (у Федоровой это 1932 год), к концу шестидесятых на плаву остались немногие. Например, из «четверки первачей» (Любовь Орлова, Марина Ладынина, Тамара Макарова и Елена Кузьмина) активно снималась только Макарова. Орлова и Кузьмина делали это очень редко, а Ладынина и вовсе сошла с дистанции – перестала сниматься с 1953 года. В хорошей форме были Лидия Смирнова, Вера Марецкая, Рина Зеленая, Антонина Максимова, Валентина Телегина. Периодически мелькали на экране Татьяна Окуневская и Валентина Серова. Однако ни у одной из них не было столько фильмов, сколько их было у Зои Федоровой – у нее это был настоящий конвейер. Здесь она была впереди своих коллег.

Между тем в киношной среде у нее не было близких друзей, впрочем, почти не было их у нее и в иных средах. И это при том, что она была человеком достаточно общительным и никогда не чуралась компаний. Как вспоминала ее дочь Виктория: «Мама была необычайно общительна. Всегда ее вспоминаю в окружении людей. Где бы мы ни жили, к нам всегда приходили бесконечные гости...».

Но эта общительность вовсе не способствовала тому, чтобы Зоя открывала душу нараспашку. В том-то и дело, что она участвовала в разного рода компаниях, поддерживала разговор, но сама никогда не рассказывала о своих внутренних переживаниях и проблемах. В этом отношении она была человеком скорее скрытным, чем открытым. Но жила она не в вакууме и общалась с разными людьми. Например, со своей бывшей сокамерницей Лидией Руслановой и ее подругами – певицей Клавдией Шульженко (кстати, в тридцатые годы она была соседкой Федоровой по Малой Посадской в Ленинграде), танцовщицей Антониной Ревельс. После того как из жизни ушел супруг Руслановой – генерал В. Крюков (в 1959 году) – певица собирала у себя «девчонки», где бывала и Федорова (кстати, участвовала она и в похоронах Крюкова).

В этой компании самой скромной по достатку была Федорова, что вполне объяснимо. Как мы помним, она вышла на свободу, будучи «голой как сокол» – все ее личное имущество было конфисковано. К примеру, у Руслановой тоже конфисковали все имущество, но она, выйдя из тюрьмы и не сумев вернуть себе драгоценности, все-таки «выцарапала» у властей свою коллекцию картин: из 132 конфискованных произведений искусства ей вернули 103. И она некоторые из них продавала разным музеям, находящимся в СССР. Например, в 1962 году она продала Художественному музею в Минске картину Айвазовского «Последний вздох корабля» за 2500 рублей (половина стоимости автомобиля «Волга»). Деньги не самые большие, но здесь надо учитывать, какое время было на дворе – послереформенное. В 1961 году в СССР прошла денежная реформа, которая была чистой деноминацией (это уменьшение нулей в денежной единице, например, было 10 000 старых рублей, стало 10 рублей новых.). Обмен произвели как наличности, так и вкладов в сберкассах: за десять рублей – один. В том же соотношении были изменены тарифные ставки зарплат, пенсий, стипендий. А в госторговле цены снизились в десять раз.

В 1967 году Русланова продала музею-заповеднику «Абрамцево» еще одну единицу из своей богатой коллекции – подготовительный этюд картины «Аленушка» В. Васнецова (оригинал картины висел в Третьяковской галерее).

Не бедствовала и Клавдия Шульженко, которая в тюрьме никогда не сидела и у нее ничего не конфисковывали. Про нее (а также про других советских «богачек и богачей» – представителей так называемой «красной буржуазии») сама Русланова на одном из допросов в 1948 году рассказывала следующее:

«...Большим количеством драгоценностей обладает и народная артистка СССР Антонина Васильевна Нежданова. Среди артистов ходит анекдот, что когда Нежданова надевает свои бриллианты, ее муж, Голованов, боясь, как бы она их не растеряла, ходит за ней с совком. Сам Голованов собрал ценную коллекцию русской живописи и старинных икон. Народный артист республики Владимир Яковлевич Хенкин коллекционирует картины и закупает золотые часы. Богатым человеком среди артистов слывет Ирма Яунзем, которая известна на сцене уже давно, выезжала на гастроли в Индию и Китай, почти постоянно разъезжала по городам СССР. Муж Ирмы Яунзем по ее поручению скупал исключительно драгоценности. Имеются ценные бриллианты и у Леонида Утесова. Я сама видела их на жене и дочери Утесова. Много драгоценностей во время войны скупал дирижер Всесоюзного радиокомитета Орлов. Большая коллекция картин собрана артистом эстрады Афониним. Скупает картины и артист эстрады Николай Смирнов-Сокольский. У него на квартире я видела библиотеку с редчайшими уникальными изданиями русских и западных классиков. Заслуженная артистка республики Любовь Орлова многократно участвовала в незаконных „левых“ концертах и нажила большие деньги. Люди, приносящие драгоценные вещи, которые я по тем или иным причинам не покупала, рассказывали мне впоследствии, что приобретала их Любовь Орлова. Композитора Исаака Дунаевского среди артистов называют советским миллионером, у которого имеется большое количество картин и бриллиантов. Артисты эстрады Шульженко и

Коралли, как рассказал мне бывший дирижер джаза Шульженко, также занимаются скупкой драгоценностей. Богатыми коллекционерами картин являются артист Большого театра Батурин и артистка МХАТа Еланская...».

Все эти люди продолжали владеть своими богатствами и в пятидесятые – шестидесятые годы, причем не только владеть, но и приумножать их. Только Антонина Ревельс, которая была самой молодой на тех «девичниках» у Руслановой (она родилась в 1919 году), была «упакована» не лучше Федоровой. Но она хотя бы жила как у «бога за пазухой» – была вхожа в семью самого Леонида Утесова (впоследствии она выйдет за него замуж). А Зоя жила одна, причем должна была еще думать и о своей несовершеннолетней дочери. Естественно, ей хотелось тоже достойно «упаковаться», поскольку воспоминания о прежней жизни (когда она жила на улице Горького и была лауреатом Сталинской премии) еще не выветрились из ее памяти. И Зоя по совету и с помощью своих богатых подруг стала налаживать связи в богемной среде с тем, чтобы начать укреплять свое материальное благосостояние. А поскольку в живописи она особо не разбиралась, ею была выбрана куда более понятная ей как женщине стезя – бриллиантовая. Однако, чтобы покупать их, ей нужны были деньги, причем большие, а кинематограф ей таковые не приносил. Она хотя и снималась много, но не в главных ролях, а за эпизоды ей платили от 300, в лучшем случае до 500 рублей. Поэтому Зоя занялась... спекуляцией. Она стала покупать в командировках (а ездила она по стране много – в киноэкспедициях, от Бюро кинопропаганды и с гастрольями Театра киноактера) дефицитные вещи, а в Москве их продавала с наценкой. Вот что вспоминает об этом тогдашний администратор Театра киноактера (с 1965 года) Эдуард Машкович:

«...Зоя Федорова была уже в серьезном возрасте. Но продолжала работать, с удовольствием ездила с нами на гастроли. У нее была страсть покупать везде всякую всячину. Где бы мы ни гастролировали, она скупала какие-то торшеры, журнальные столики. Нужно, не нужно – не важно. Главное – много и впрок. Каждый раз одна и та же история: все сидят в автобусе, а он все не трогается. „Кого ждем? Мы же в аэропорт опоздаем!“ – волнуются артисты. Оказывается, опять Федорова из номера выйти не может – чемоданы неподъемные. Вся обслуга гостиницы тащила на себе ее багаж. „Зоя Алексеевна, ну что же вы? Мы вас только ждем!“ – возмущался я, когда она, запыхавшись, наконец влезла в автобус. „Ничего страшного, – спокойно парировала она. – Я у вас одна! Подождете!“ Ну разве можно было на нее обижаться?»

Как-то Федорова пригласила меня в гости. Уж не знаю, куда она дела многочисленные торшеры, которые перла изо всех городов, но обстановка ее квартиры на Кутузовском оказалась необычайно скромной...» (в эту квартиру Зоя переедет в самом начале семидесятых, о чем у нас еще будет разговор. – Ф. Р)

На деньги, заработанные таким образом, актриса покупала драгоценности, одни из которых перепродавались, а другие откладывались на черный день. Так постепенно Зоя втянулась в посредническую деятельность по скупке драгоценных камней и предметов антиквариата. А этот род деятельности в СССР никогда не оставался без внимания спецслужб – как гэбэшных, так и эмвэдэшных.

Заметим, что в шестидесятые годы на свет нарождалось новое поколение «красных буржуев», большим подспорьем для которых была «косыгинская реформа», а точнее – реформа Евсея Либермана (экономиста из Харькова). Ее главной движущей силой стало некогда буржуазное слово «прибыль», которое в шестидесятые годы окончательно утратило свой ругательный оттенок. В итоге извлекать прибыль из всего и вся вскоре станет в советском обществе вполне естественным занятием, особенно в среде элиты. А поскольку этот процесс приносил его участникам хорошие деньги, их надо было куда-то девать. И скупка драгоценностей стала одним из способов сохранения (а заодно и приумножения) этих средств. Причем если раньше кичиться своими драгоценностями среди советских элитариев считалось делом опасным (вспомним, что Руслановой органы вменяли буржуазное разложение именно на почве накопления бриллиантов и других ценных вещей), то с середины шестидесятых эти страхи окончательно покинули «красных буржуев», и они почти в открытую начали жить на широкую ногу. И Зоя Федорова не хотела отставать от этого «шага». И уже в шестидесятые годы она начала накапливать материальные ресурсы для того, чтобы ее последующая жизнь не стала нищенской (по меркам того круга, где она вращалась).

В 1965 году Федорова получила звание заслуженной артистки РСФСР. Не бог весть какое звание в 56 лет, но оно гарантировало ей в последующем получение следующего звания – народной. А прийти к этому званию можно было, обрастая нужными связями и активно снимаясь в кино. Что Федорова и делала, о чем у нас речь уже шла чуть выше. Причем в шестидесятые годы актриса снялась в 15 картинах на главной киностудии страны «Мосфильме», став ее штатной актрисой. Как мы помним, в доарестный период своего творчества (1932–1946) она числилась в штате другой киностудии – «Ленфильма». Но в шестидесятые годы Зоя снялась там всего лишь один раз, правда, это было попадание в самое «яблочко» – фильм «Свадьба в Малиновке» стал фаворитом проката, а роль Гапуси превратилась для Федоровой в визитную карточку на долгие годы.

На «Мосфильме» был самый серьезный Первый отдел, который подчинялся 2-му главку (контрразведка) КГБ. С ним, как говорится, не забалуешь – он не каждого артиста разрешал зачислять в студийный штат. Например, если актер был не мил Первому отделу, то его на «Мосфильме» быть просто не могло. Так, к примеру, было с популярным актером Львом Прыгуновым. Он до 1966 года иногда снимался на главной киностудии страны, но потом угодил в «черные списки» – водил дружбу с сомнительными личностями из числа диссидентов и полудиссидентов (вроде поэта Иосифа Бродского). А потом вдруг бац – и снова стал сниматься на «Мосфильме». Сначала у Юрия Озерова в «Освобождении» (1970) в эпизодике, потом в одной из главных ролей в «Петре Рябинкине» (1973). Ну а дальше – пошло-поехало. Что же это за метаморфоза такая приключилась с актером? Вот что об этом рассказывает он сам:

«...Когда я окончательно понял, что мне больше никогда не работать на „Мосфильме“, произошло следующее: я познакомился в „Национале“ с Люстиком Гардом. Это был двухметровый верзила, одесский еврей, добрый такой мужик по прозвищу Гиббон. Его два раза отмазывали от смертной казни. Так вот мы познакомились и стали дружить. Он меня спросил: „А где ты работаешь?“ Я ответил: „Нигде“. „А хочешь на «Мосфильм»?“ Я сказал ему, что пытался, даже Сергей Герасимов пробовал помочь, но ничего не вышло. На что он спросил: „А кто такой Герасимов?“. Гард был воротилой подпольного бизнеса, попросту – мафией. В 68-м году ему удалось помочь мне вернуться на „Мосфильм“...».

Сергей Герасимов, как мы помним, был очень именитым режиссером с большими связями в КГБ, но он работал на киностудии, которая была конкурентом «Мосфильма». Поэтому его слово там могло мало значить. Другое дело, почему он не взял Прыгунова на свою студию? Может быть, потому, что люди из спецслужб хотели, чтобы этот актер работал именно на «Мосфильме», где был солидный Первый отдел. Обратим внимание на слова Прыгунова, где он говорит, что Гиббона два раза отмазывали от смертной казни. А кто мог это сделать лучше других? Естественно, КГБ, который еще с начала шестидесятых годов начал брать под опеку всю теневую экономику в СССР (для этого в 1962 году в составе 2-го главка был создан 16-й отдел, который начал свою деятельность с разгрома валютчиков). Видимо, Гиббон стал сотрудничать с ГБ, потому его и спасли от «вышки». После чего у него и могли появиться связи с Лубянкой, а у той, само собой, был прямой контакт с Первым отделом «Мосфильма» по линии 5-го главка.

Читатель вправе спросить: «А зачем КГБ нужно было, чтобы антисоветчик Прыгунов работал именно на „Мосфильме“?». Скорее всего, не потому, что он был хороший актер с героической внешностью – таких в советском кино было пруд пруди. Дело, видимо, было в ином. Здесь могла иметь место оперативная игра. Это только в головах у обывателей существует штамп, что всех антисоветчиков КГБ преследовал. На самом деле многие из них неплохо себя чувствовали, играя в оперативных играх чекистов определенную роль, о которой сами они могли и не знать. То есть их использовали втемную, как когда-то, например, использовали пронемецки настроенных советских людей перед войной или во время нее (операции «Престол» или «Монастырь»). Ведь за теми же антисоветчиками легче было следить, собрав их в определенных местах «под колпаком». А то они разбегутся по всей стране, как тараканы по квартире, и вылавливай их потом поодиночке. Короче, настоящая подоплека снятия опалы с артиста таилась не в дружбе с Гиббоном, а в тайной игре спецслужб, которые они вели на киношном направлении. КГБ прекрасно видел, что те настроения, которые исповедовали люди типа

Прыгунова, начинают разделять многие советские люди. Чтобы контролировать и направлять эти настроения в нужном направлении, КГБ и проводил подобные оперативные игры, как в случае с Прыгуновым. Поскольку большинство людей об этом не догадываются, антисоветчики всех мастей ходят у нас королями: вот, дескать, как мы боролись с режимом. Хотя на самом деле они были всего лишь куклами «в ловких и натруженных руках», как пел еще один «герой»-антисоветчик Андрей Макаревич.

Вообще деятели спецслужб, где бы они ни работали, всегда хотят быть не куклами, а именно кукловодами. В противном случае они всегда будут в проигрыше. А этого они допустить не могут. По сути, это обособленный клан, который старается чужаков к себе не пускать, а если те туда проникают (как это было в КГБ с партийными работниками), то они стараются их либо подмять под себя, либо отторгнуть. Большинство советских генсеков не пользовались особым авторитетом у чекистов, поскольку были для них чужаками. Исключением был лишь один человек – Сталин. Почему именно он? Он в молодости постиг азы конспиративной работы, и поэтому у него была психология чекиста. Поэтому те его боялись и уважали. Та же ситуация сегодня и с Путиным, поскольку он выходец из чекистского клана.

Но вернемся в шестидесятые.

В 1966 году на «Мосфильме» будет открыта Экспериментальная творческая киностудия (ЭТК; потом объединение – ЭТО). Что это за контора? Дело в том, что с приходом к власти Брежнева (в октябре 1964 года) стали происходить изменения не только в политической жизни страны, но и в экономической. Так, осенью 1965 года была затеяна так называемая «косыгинская реформа» (вернее, будет назвать ее «реформой Евсея Либермана» – харьковского экономиста, имя которого стало известно еще в 1962 году, в бытность у власти Н. Хрущева). Эта реформа подразумевала под собой предоставление большей экономической самостоятельности советским предприятиям путем ограничения использования административных методов и возмещения их применением экономических рычагов. По мнению инициаторов этой реформы, она должна была помочь громоздкой советской экономике обрести необходимую гибкость, перейдя от мобилизационной модели к гражданской. Проще говоря, это была попытка вернуться в нэп – совместить плановую экономику с рыночной и реабилитировать такое понятие, как прибыль.

Реформа распространилась на многие отрасли экономики, в том числе и на кинематограф. В марте 1966 года кинематографистам были предоставлены более широкие права в ведении организационно-хозяйственной деятельности (на этот счет вышло специальное постановление Совета министров СССР), благодаря чему на «Мосфильме» и была создана Экспериментальная творческая киностудия (ЭТК), которая должна была строиться именно на новых принципах – на хозрасчете.

Несмотря на то, что инициатива создания ЭТК была киношная, на самом деле за этим делом маячил все тот же КГБ. Из чего это вытекает? Дело в том, что руководителями этой киностудии (объединения) были назначены кинорежиссер Григорий Чухрай и экономист Владимир Познер. Последний, как мы помним, еще в сороковые годы (а может быть, и раньше) был завербован НКВД и имел агентурное имя «Платон». Вот что рассказывает об этом его сын – Владимир Познер-младший:

«...Когда советское правительство предложило моему отцу переехать из США в советский сектор Берлина (в 1948 году. – Ф. Р), чтобы стать сотрудником „Совэкспортфильма“, я воспринял это как должное: мой отец – один из самых известных организаторов киноиндустрии Запада, нет ничего удивительного в том, что ему предлагают работу. Лишь много позже мне стало понятно, что реиммигрантам лишь в редчайших случаях предлагали хоть какую-нибудь работу, не говоря о работе за границей. Тогда я должен был задаться вопросом: почему проявили такую „милость“ в отношении отца. Ответ очевиден: потому, что он сотрудничал с КГБ. Сам он никогда не говорил мне об этом, хотя порой и намекал. Но через двадцать лет после его смерти, в 1995 году, в американской печати появились материалы о проекте „Венона“, запущенном в 1943 году с целью расшифровки советских тайных депеш. Благодаря „Веноне“ были разоблачены и схвачены многие американцы, работавшие на советскую

разведку, в частности супруги Розенберг. Среди расшифрованных числится и мой отец: его кличка была „Платон“. Он не являлся профессиональным, тем более кадровым разведчиком, но у меня нет ни малейших сомнений: только его связями с советскими спецслужбами можно объяснить факт его приглашения на советскую заграничную работу...»

Так что можно с полной уверенностью сказать, что в ЭТК Познера-старшего делегировал КГБ.

Что касается Чухрая, то и его, судя по всему, назначили на этот пост не случайно. Если бы у КГБ были бы к нему какие-то претензии, то вряд ли бы он пришел к руководству столь серьезной структурой, какой была ЭТК (единственная в тогдашнем советском кинематографе). Видимо, у КГБ было достаточно времени, чтобы присмотреться к Чухраю и сделать вывод, что он «свой» человек.

Чухрай был героем-фронтовиком – воевал в воздушно-десантных войсках. Неоднократно забрасывался в тыл врага. А это разведывательная деятельность. Более того, в 1944 году он участвовал в подготовке Словацкого национального восстания. После чего был принят в ряды ВКП(б).

В кинематограф Чухрай пришел сразу после войны, поступив во ВГИК, причем учился в мастерской Михаила Ромма и Сергея Юткевича – двух людей, у которых, как мы помним, могли быть отношения с ГБ. С 1952 года Чухрай начал работать ассистентом, а затем вторым режиссером на Киевской киностудии. Но в 1955 году его переводят на «Мосфильм», где доверяют работу над «прорывным» проектом – фильмом «Сорок первый». Прорыв заключался в том, что впервые белогвардеец был показан в положительном качестве, да еще «крутящим» любовь с девушкой-красноармейцем. Заметим, что это была не первая экранизация этого рассказа Бориса Лавренева. Первую осуществил Яков Протазанов в 1927 году. Но там белогвардеец был не таким симпатичным. Не случайно Лавренив возмутился авторскими переделками и написал гневное письмо (опубликовано в «Вечерней Красной газете» 22 марта 1927 года). Писатель в своем послании сообщал: «Вся вторая часть фильма скомкана и обращена в идиотскую мамалыгу. Я не знаю, кто больше постарался над уродованием фильма – режиссер или „идеологи“...»

Так что Чухрай в этом деле был первопроходцем. Это дело он продолжил и потом, сняв такие «прорывные» фильмы, как «Чистое небо» (1961; антисталинская тема), «Трясина» (1977; дегероизация роли отдельных матерей в Великую Отечественную войну), «Память» (1987; антисталинская документальная лента, снятая в содружестве с ФРГ).

Чухрай был весьма влиятельным кинодеятелем. Он более двадцати лет являлся членом художественного совета киностудии «Мосфильм» дважды избирался членом партийного комитета студии, был членом Коллегии Госкино СССР (1964–1991), секретарем Союза кинематографистов СССР (с 1965 года), а также членом Советского комитета защиты мира, членом правлений обществ дружбы СССР – Италия и СССР – Венгрия. Последние должности утверждались в том числе и в КГБ, поскольку были связаны с заграничной деятельностью.

ЭТК (ЭТО) просуществует ровно десять лет и выпустит несколько десятков фильмов, среди которых будут и шедевры. Назову лишь некоторые из этих картин: «Фокусник» (1967), «Не горюй!» (1969), «Белое солнце пустыни» (1970), «Антрацит» (1970), «Двенадцать стульев» (1971), «Иван Васильевич меняет профессию» (1973), «Земля Санникова» (1973), «Раба любви» (1975), «Табор уходит в небо» (1976) и др.

Так что можно смело сказать, что к созданию этих картин свою руку приложил и КГБ, благословивший появление на свет ЭТК (ЭТО).

Яблоко от яблони... или Побег к отцу

По стопам матери, или Дочь Зои приходит в кино. – Виктория Федорова в шпионском кино: случайность или нет? – Романы Виктории. – Фильмы для Зои, или Съёмки ради охоты за дефицитом. – Керк появляется снова. –

Виктория и сценарист, или Любовь как безумие. – Диссидент помогает Виктории. – Перемены во внешней разведке. – Виктория в США, или Под венец ради побега

В первой половине шестидесятых пришла в большой кинематограф и дочь Зои – Виктория. В 1962 году она закончила среднюю школу и спустя два года дебютировала в кино, исполнив роль Тани (племянницы профессора Корнилова) в фильме Виталия Аксенова «Возвращенная музыка». Кстати, песню «Ночь белая» на стихи Булата Окуджавы (композитор Владлен Чистяков) исполнял популярный эстонский певец Георг Отс. У него тоже были свои взаимоотношения с советскими спецслужбами. В 1942 году, когда он стал выступать в Ярославле в эстонском художественном ансамбле, его завербовал НКВД. А четыре года спустя певец вступил в ряды ВКП(б). Какие задания он тогда выполнял, неизвестно. Судя по всему, информировал органы о настроениях внутри эстонской диаспоры. А вот когда он стал выездным – то есть стал выезжать в пятидесятые годы с гастролями за границу, – то здесь его помощь была куда более существенной. Хотя, по одной из версий, Отс в 1958 году прервал свое сотрудничество с КГБ. Ему было поручено записать через «жучок» на лацкане пиджака разговоры на дипломатическом приеме в Финляндии, а он отказался. Артист мог себе это позволить – он был уже суперпопулярным, носил звание народного артиста Эстонской ССР и звание депутата Верховного Совета.

Но вернемся к Виктории Федоровой.

В 1965 году она снялась еще в трех фильмах: «До свидания, мальчики!» (Женя), короткометражке «Двое» (главная роль – Наташа Светлова) и в «Западне» (девушка на танцах). В том же году она поступила во ВГИК на курс Б. Бибикова и О. Пыжовой. Конкурс был большой – на каждое из 19 мест было 360 претендентов. Но за плечами Виктории уже было три фильма, а это многое значило. А в процессе учебы она записала на свой счет еще четыре кинороли: Инга в «Они живут рядом» (1967), Вика (главная роль) в короткометражке «Осенний этюд» (1967), Валя Довгер в «Сильных духом» (1967), Лена в «Уроке литературы» (1968).

Самым популярным фильмом из перечисленных был военный шпионский боевик «Сильные духом», который в 1968 году стал одним из лидеров проката – занял второе место, собрав в кинотеатрах 55 миллионов 200 тысяч зрителей. Тот год вообще стал триумфом фильмов про разведчиков. Так, первое место взяла лента «Щит и меч», фильмы первый – второй (68,3 млн зрителей), третье – «Щит и меч», фильмы третий – четвертый (49,9 млн), четвертое – «Путь в „Сатурн“» (48,2 млн), пятое – «Конец „Сатурна“» (42,7 млн), восьмое – «Таинственный монах» (37,6 млн).

Что касается «Сильных духом», то это был первый советский фильм, где рассказывалось о подвигах советского разведчика Николая Кузнецова. Был еще фильм «Подвиг разведчика» (1947), но в его основу легли подвиги нескольких советских разведчиков, среди которых был и Николай Кузнецов. А в «Сильных духом» Кузнецов был главным героем повествования, его стержнем (в этой роли снялся латышский актер Гунар Цилинский).

Как мы помним, Зоя Федорова в качестве агента «Зефир» вполне могла пересекаться с Кузнецовым по агентурной деятельности, когда оба они работали на немецком направлении в Москве в 1940 году. Правда, знать о его принадлежности к советским спецслужбам она не могла – он был засекречен (впрочем, как и агент «Зефир»). Но его лицо Зоя хорошо запомнила, поскольку он был мужчиной видным, представительным, и они встречались на разного рода светских тусовках, в том числе и на «Мосфильме». Кузнецов тогда представлялся всем инженером с авиазавода Шмидтом. И только в шестидесятые годы, когда агентурная деятельность Кузнецова была официально широко разглашена (и в СМИ стали появляться его фотографии, в чем несомненная заслуга Олега Грибанова, который был земляком Кузнецова – оба в тридцатые годы жили в Свердловске), Федорова наконец узнала, кем на самом деле был тот инженер Шмидт, которого она помнила по событиям 40-го года. Узнала и наверняка подумала о несправедливости судьбы по отношению к разведчикам: кого-то она возвеличивает, а кто-то навсегда так и остается безвестным. Ведь не погибни Кузнецов в 1944 году самым героическим образом – в бою, вполне вероятно, что широкая общественность после войны не узнала бы ни его

имени, ни его подвигов. И если бы агент «Зефир» геройски погиб в годы войны, выполняя опасные задания своей Родины, то его имя тоже вписали бы золотыми буквами в анналы советской разведки. Но поскольку он оказался проваленным агентом, да еще работавшим на «специфическом» (любовном) фронте, то ни на какие дивиденды он теперь рассчитывать не мог.

Размышляя таким образом, мать вряд ли поделилась этим со своей дочерью, которая в фильме «Сильные духом» играла роль 18-летней Вали Довгер – разведчицы, помощницы Кузнецова (она выдавала себя за невесту обер-лейтенанта Пауля Зиберта – под этим именем скрывался Кузнецов). Вот что пишет о Валентине полковник ФСБ в отставке Н. Зензин:

«...Более месяца отрядные чекисты Медведев, Лукин, Кочетков и Кузнецов обучали Валу секретам мастерства разведчицы. В апреле 1943 года на улицах Ровно появилась „фрейлейн“ Довгер – „невеста“ обер-лейтенанта Пауля Зиберта. И здесь Валя в полной мере ощутила всю тяжесть и сложность работы разведчика. „Шлюха!“ – это было самое мягкое слово из брошенных ей в спину, когда шла под руку с красивым щеголеватым обер-лейтенантом.

Валя была надежным и мужественным соратником Николая Ивановича.

Особенно показательна в этом плане попытка покушения на ставленника Гитлера на Украине Эриха Коха. Николай Иванович с большим трудом через адъютанта рейхскомиссара добился личного приема у Коха вместе с „невестой“ для получения разрешения „жениться“ на девушке-фольксдойче с последующим выездом в Германию. В приемной у него изъяли табельное оружие, но второй пистолет, спрятанный в рукаве кителя, не обнаружили. Валя Довгер оставалась в приемной и, по ее словам, находилась на грани потери сознания в ожидании выстрела. Она хорошо понимала, что этот выстрел будет приговором и для Николая Кузнецова, и для нее. И когда Кузнецов вышел из кабинета Коха, Валентина Константиновна едва не упала в обморок.

Нет нужды перечислять все боевые операции, в которых участвовала Валентина Константиновна, но одно можно сказать с уверенностью – она ни разу не подвела своего непосредственного командира и соратника.

После гибели Николая Кузнецова 9 марта 1944 года от рук украинских националистов Валу арестовали гестаповцы. Девушка выдержала все пытки, но не выдала ни одного партизана. Отступающие фашисты вывезли ее в один из концлагерей Германии, где она и встретила свое освобождение.

В советской зоне в городе Веймар Валя, владевшая немецким языком, устроилась на работу переводчиком в прокуратуру. Там познакомилась с военным следователем Саввой Рыбаком и вышла за него замуж. В 1948 году у них родился сын Константин, а в 1950-м переехали в Воронеж – на новое место службы мужа.

Правительство высоко оценило заслуги Валентины Довгер перед страной, наградив орденом Ленина, орденом Отечественной войны I степени, многочисленными медалями.

Тяготы партизанской борьбы и испытания в фашистских застенках подорвали ее здоровье. 28 мая 1990 года Валентина Константиновна скончалась».

Сценарий к фильму «Сильные духом» (по одноименной книге Д. Медведева) написали Анатолий Гребнев и Александр Лукин. Первый был профессиональным драматургом, второй – профессиональным чекистом. Лукин пришел в органы в годы Гражданской войны, в начале двадцатых, став сотрудником Одесской ЧК. Он потом, став литератором, отобразит это в литературе, написав вместе с Д. Поляновским очень популярные в шестидесятые годы книги «Сотрудник ЧК» и «Тихая Одесса» (обе книги тогда же будут экранизированы).

В конце двадцатых годов Лукин был помощником уполномоченного в Херсонском ГПУ. А в роли последнего выступал Дмитрий Медведев – тот самый, который в годы войны возглавит партизанский отряд ОМСБОН НКВД

«Победители», где будет воевать и Николай Кузнецов. В фильме «Сильные духом» роль Медведева исполнит Иван Переверзев.

В тех же «Победителях» будет служить и Лукин в качестве начальника агентурной разведки (то есть, Кузнецов был в его подчинении). В 1971 году Лукин (в соавторстве с Т. Гладковым) выпустит в серии ЖЗЛ книгу «Николай Кузнецов». А спустя четыре года жизнь Лукина оборвется на 74-м году.

Итак, фильм «Сильные духом» был заказом со стороны КГБ (снимался к 50-летию органов госбезопасности) и курировался тоже Комитетом. И помимо Лукина на нем были еще несколько кураторов с Лубянки. Естественно, и отбор на главные роли тоже не мог проходить мимо них. Из нескольких десятков актеров и актрис были выбраны Гунар Цилинский (Кузнецов) и Виктория Федорова (Довгер).

Цилинский был из Латвии, с Рижской киностудии, и всегда играл роли положительных героев. Например, в 1965-1967 годах он снялся в трех фильмах, где играл правильных героев с героическими корнями: революционера-подпольщика в «„Табаго“ меняет курс» (1966), бойца интернациональной бригады в «Ноктюрне» (1967) и чекиста-подпольщика в «Армии „Трясогузки“ снова в бою» (1967). К тому же в шестидесятые годы именно прибалтийских актеров стали брать на роли фашистов в советских фильмах, поскольку именно тогда нацистов в советском кино стали изображать не ходульными злодеями, а куда более сложными персонажами, которые иной раз даже могли вызвать симпатию. Поэтому сниматься в ролях таких героев прибалтийские актеры не считали делом зазорным.

Что касается Виктории Федоровой, то она победила в кинопробах вполне справедливо – в ту пору она считалась одной из самых красивых и талантливых молодых актрис в советском кино. Хотя есть повод для обсуждения и другой версии – чекистской. Ведь фильм снимался на Свердловской киностудии. Той самой, которая создавалась в 1943 году под кураторством тогдашнего замначальника 2-го отдела (контрразведка) Свердловского УНКГБ Олега Грибанова. Как мы помним, в 1956–1964 годах он был главным советским контрразведчиком – то бишь имел отношение к агенту «Зефир». И хотя в 1966 году Грибанов был уже изгнан с Лубянки, однако связи-то у него остались – как там, так и в Свердловске. Сам Грибанов с июня 1966 года работал начальником управления «Спецмедснаб» 3-го Главного управления Минздрава СССР, а в свободное время занимался литературным творчеством – сочинял сценарии про резидента Тульева (в 1967 году на Киностудии имени Горького снимут первый фильм из этой серии – «Ошибка резидента»).

Спрашивается, зачем КГБ было продвигать карьеру Федоровой-младшей? Ответ может быть один – на перспективу. Ведь отец Виктории был гражданином США, и на Лубянке вполне могли верить в перспективу того, что рано или поздно эта связь будет восстановлена. Ведь сама Виктория очень хотела этого, буквально грезилась такой встречей, о чем в открытую делилась со своими подружками. Вот ее собственные слова:

«...Я рассказала некоторым мамулиным подружкам, что повидалась с отцом (во сне. – Ф. Р). Они удивились, но мне удалось убедить их, что я говорю правду. Я даже описала им его. И сказала, что мама ничего об этой встрече не знает, потому что так захотел он. Он с опасностью для жизни пробрался в Советский Союз только для того, чтобы повидать меня.

Многие из них мне поверили, хотя с трудом допускали, что мамуля ничего об этом не знает.

– О, – объясняла я, – у него ведь жена в Америке, а потому он не может остаться здесь. Он приехал только ради меня, потому что любит меня.

Со временем мамуля прознала про мои рассказы. Однажды вечером она под села ко мне. Лицо ее выражало беспокойство.

– Зачем ты все это рассказываешь, Вика? Ты что, не знаешь разницы между сном и реальной жизнью?

– Я видела его, мамуля, так же ясно, как в жизни.

Она улыбнулась.

– Ты увидела его, потому что очень хотела увидеть, вот и вся правда. Но мы обе знаем, что это всего лишь сон. Пусть твой отец и останется в снах, Вика. Только там ему и место.

Я прильнула к ней, и она обняла меня.

– Мне этого мало. Он так мне нужен...»

Встреча Виктории с отцом и в самом деле произойдет, о чем мы еще поговорим, но чуть позже.

Между тем чекистская тема в биографии Федоровой-младшей имеет еще одно ответвление – по личной линии. А именно – в том же 1966 году на горизонте девушки возник возлюбленный из ее же института, из ВГИКа, только с режиссерского факультета. Это был Иракий Асатиани – сын знаменитого советского документалиста Георгия Асатиани. Последний перед войной был кинокорреспондентом Нижне-Волжской киностудии в Астрахани, с 1943 года стал фронтовым кинооператором. Он ушел на фронт лейтенантом, а вернулся – майором. Снимал для военной хроники все основные вехи войны: битвы под Москвой и на Кавказе (там он познакомился с Л. Берией), оборону Сталинграда, взятие Берлина. А после войны Асатиани стал совмещать операторскую и режиссерскую деятельность, разъезжая по всему миру. Он снял фильмы: «Брюссель» (1958), «Путешествие в Непал» (1959), «Разноэтажная Америка» (1961), «Алжирский дневник» (1962), «Сахара» (1962), «Дороги пятого континента» (1964), «Уругвай» (1964), «Встреча с Грецией» (1964), «Один день в Буэнос-Айресе» (1964), «Париж... Париж» (1965), «В стране инков» (1966), «Английские зарисовки» (1967, 1968), «Мюнхен, четверть века спустя» (1969), «Швейцарские новеллы» (1970) и др.

Естественно, столь широкомасштабная деятельность за пределами родного Отечества не могла осуществляться без ведома КГБ. Поэтому можно с полным основанием утверждать, что Асатиани-старший был доверенным лицом Лубянки. Вот и его сын Георгий говорит о том же:

«...На одной площадке с нами жил Вахтанг Кикабидзе, который после смерти отца рассказал мне и брату, что наш отец сотрудничал с органами, чуть ли не с разведкой. Мол, из-за этого и такие длительные заграничные командировки – в Америке, например, отец прожил два года. До сих пор не знаю, правда ли это...»

Почему бы не предположить, что Асатиани-старший, желая сделать приятное невестке своего отца (а в 1967 году Виктория и Георгий поженились), включил свои связи и пристроил девушку в картину, которая снималась по прямому заказу КГБ. Причем надо учитывать, что Асатиани имел связи не только на Лубянке, но и в киношном мире – в 1965–1977 годах он был художественным руководителем Грузинской студии научно-популярных и документальных фильмов. Читаем в «Дочери адмирала» рассказ Виктории:

«...Однажды меня позвал к себе один из деканов нашего института и попросил быть повнимательнее к Ираклию.

– Он ведь совсем забросил занятия. Не ходит на лекции, только и знает, что торчит под дверью твоей аудитории.

– Но что мне делать? – спросила я. – Я не могу относиться к нему серьезно, он ведь совсем еще маленький.

На самом деле мы были одногодками, но какое это имело значение? Я вовсе не хотела тогда ни влюбляться, ни выходить замуж.

– Его отец очень расстроен, – продолжал декан. – Будь поласковее с Ираклием.

Роман между нами начался, когда Ираклий находился дома, в Грузии, а меня послали на кинофестиваль, проходивший в той же части страны, но в другом городе. Ираклий оборвал телефон, приглашая меня к ним в гости. Наконец у меня выдался свободный день, и я подумала: почему бы и нет?

Я отправилась к ним на обед. После обеда его родители заговорили о чувствах Ираклия ко мне. Его мать сказала:

– Я же вижу – он действительно от вас без ума.

Тут вмешался отец:

– Просто голову потерял.

Я уставилась в чашку с чаем, от смущения не в силах поднять глаз. Интересно, каково сейчас Ираклию, который сидит напротив?

– Дорогая, вы должны наконец принять решение, – продолжала мать. – Нехорошо так обращаться с нашим сыном.

Мне бы прямо там положить этому конец, но я промолчала. К тому же Ираклий мне нравился. Я не была влюблена в него, как и в кого-либо другого, так что ни малейшей необходимости тут же покончить с этой проблемой не видела.

Когда мы оба вернулись в институт, я стала встречаться с ним чаще. Мы подолгу занимались вместе, и я всегда чувствовала его теплое, ласковое отношение к себе. Даже мамуле он, несмотря на грузинское происхождение, казался, начал нравиться.

Так продолжалось полтора года. На третьем курсе мы поженились. Теперь-то я понимаю, что никогда не любила его, но в то время мне казалось, что это – любовь....»

Этот брак оказался скоротечным – в 1969 году он распался. За это время Ираклий три (!) раза делал попытки свести счеты с жизнью – два раза резал себе вены и один раз разбил головою оконное стекло в квартире на восьмом этаже дома Федоровых на набережной Тараса Шевченко.

После развода Виктория горевала недолго и уже спустя год встретила новую любовь – 31-летнего Сергея Благоволина. И опять тут просматривается чекистский след. Дело в том, что дед Сергея – Сергей Иванович Благоволин (1865–1947) – был не кем-нибудь, а акушером-гинекологом, доктором медицины, профессором Московского университета и заведующим акушерско-гинекологического отдела Лечсанупра Кремля. То есть он принимал роды у жен, дочерей и даже любовниц членов Политбюро и ЦК ВКП(б). И, значит, был посвящен в самые интимные их тайны. А такие люди либо должны были быть агентами ГБ, либо работали под ее плотным колпаком.

Более того. Дочь Благоволина Надежда училась в одном училище с Зоей Федоровой – при Театре революции. Однако актрисы из нее не получилось и она пошла в юристы. В первом браке она родила сына (в 1939 году), который тридцать лет спустя стал вторым супругом Федоровой-младшей. Кстати, сам Сергей закончил географический факультет МГУ (1961), а многие его выпускники еще в годы студенчества становились агентами ГБ – направление-то перспективное. Не поэтому ли Благоволин после окончания МГУ стал работать в Институте мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, где разведчиков было еще больше (тот же Евгений Примаков был его сотрудником до декабря 1962 года, кстати, не раскрывая своей чекистской принадлежности).

В постсоветские годы Благоволин дослужится до должности главы ОПТ (после убийства В. Листьева в марте 1995 года), а также станет одним из крупнейших коллекционеров живописи в России, имеющим собрание европейского уровня – от подлинников русских художников XIX–XX веков до импрессионистов.

Но вернемся к Виктории Федоровой.

Амурная связь с очередным мужчиной станет поводом к тому, чтобы она снова попала в кино с чекистским уклоном. Речь идет о фильме «Вид на жительство» (1972) режиссеров Александра Стефановича и Омара Гвасалии. Последний, кстати, с 1968 года (по окончании ВГИКа) работал на Грузинской студии хроникально-документальных и научно-популярных фильмов под началом... Георгия Асатиани.

Фильм «Вид на жительство» рассказывал о том, как молодой талантливый врач Ростислав Савельев, считающий, что его недостаточно ценят на родине, воспользовавшись туристической поездкой, остается в одной из европейских стран. Но, не найдя работы по специальности, он вынужден согласиться на предложение из школы диверсантов. Виктория Федорова играла в фильме главную женскую роль – Хилари Кутасову. Кстати, в первоначальных планах режиссеров было пригласить на эту роль Марину Влади, а на главную мужскую роль – ее тогдашнего супруга Владимира Высоцкого. Но КГБ это дело запретил, утвердив Федорову-младшую и дебютанта Альберта Филозова.

Удивительно, но сразу четыре человека, участвовавшие в съемках этого фильма, потом уедут на Запад: Виктория Федорова, Инна Сергеева (роль Джой), сценарист Александр Шлепянов и оператор Юрий Сокол. Вполне возможно, кто-то из них уехал не просто так, а по заданию. КГБ. Такое в те годы широко практиковалось.

Раз речь зашла о кино, уместно будет вспомнить, в каких фильмах снималась в те годы Зоя Федорова. Так, в первой половине семидесятых (1970–1975) она записала на свой счет 16 кинолент. По годам съемок (выход картин датирован следующим годом) это выглядело следующим образом: 1970 год – два фильма («Меж высоких хлебов», роль – продавщица Мотря, «Щельменко-денщик», главная роль – Фенна Степановна Шпак), 1971 год – четыре фильма (телефильм «Алло, Варшава!», роль – администратор гостиницы; «За рекой – граница», роль – тетя Клава, санитарка в военном госпитале; «Русское поле», роль – Матрена Дивеевна), 1972 год – два фильма (телефильм «Вот моя деревня», роль – тетя Глаша (Глафира), уборщица в школе; «Первый экзамен», роль – нянечка), 1973 год – шесть фильмов (телефильм «Дело было, да?», роль – Басалаева; «Жизнь в опасности»; «По собственному желанию», роль – вахтер тетя Надя; «Капля в море», роль – директор школы Анна Григорьевна; телефильм «Кортик», роль – бабушка Миши; телефильм «Назначение», роль – Елизавета Тимофеевна; «Гнев», роль – дама), 1974 год – три фильма (телефильм «Происшествие», продолжение сериала «Вот моя деревня», роль – тетя Глаша (Глафира); «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», роль – Анна Константиновна, бабушка Олега; «Врача вызывали?», Мария Иосифовна, пациентка, одинокая пенсионерка, заведшая себе собачку), 1975 год – один фильм («Пузырьки», роль – учительница танцев).

Как видим, фильмов в послужном списке Федоровой много, но роли сплошь эпизодические или второплановые. Единственное исключение – «Шельменко-денщик» Андрея Тютышкина, где у нее центральная роль. Но это понятно: у этого режиссера актриса прекрасно снялась в «Свадьбе в Малиновке», после чего стала его талисманом. Он бы снимал Федорову и дальше, если бы не трагедия – 30 октября 1971 года (спустя ровно месяц после премьеры «Шельменко-денщика») Тютышкин скончался в возрасте 61 года.

Еще одна большая роль у Федоровой была в телефильме «Дело было, да?», но эта работа осталась практически незамеченной.

Среди других заметных ролей Федоровой выделю следующие. Например, Матрена Дивеевна в картине Николая Москваленко с «Мосфильма». Фильм стал лидером проката 1972 года (второе место), собрав на своих сеансах 56,2 млн зрителей. Или роли в двух детских телефильмах: «Вот моя деревня» Бориса Дурова (тетя Глаша) и «Кортик» Николая Калинина (бабушка Миши). Кстати, роль Миши исполнил 13-летний Сережа Шевкуненко –

сын подруги Федоровой Полины Шевкуненко, вдовы мосфильмовского редактора Юрия Шевкуненко. Видимо, утверждение Федоровой на эту роль не обошлось без этого обстоятельства – дружеских отношений актрисы с этой семьей.

Похожую роль бабушки Зоя исполнила и в фильме «Автомобиль, скрипка и собака Клякса». Снял ее на «Мосфильме» Ролан Быков, который тоже был в хороших отношениях с актрисой и до этого уже успел снять ее в двух своих фильмах: «Пропало лето» (1964; главная роль) и «Внимание: черепаха» (1970; учительница пения).

По киностудиям, где снимались перечисленные фильмы, картина выглядит следующим образом. На главной киностудии страны Федорова снялась тогда в пяти картинах: «Русское поле», «Первый экзамен», «По собственному желанию», «Автомобиль, скрипка и собака Клякса», «Пузырьки». Далее шли следующие киностудии: ТО «Экран» – четыре фильма («Вот моя деревня», «Дело было, да?», «Назначение», «Происшествие»), «Ленфильм» – два фильма («Шельменко-денщик», «Врача вызывали?»). По одному фильму были сняты на киностудиях: имени Горького («Капля в море»), «Беларусьфильме» («Кортик»), Одесской («Меж высоких хлебов»), Свердловской («Алло, Варшава!»), «Молдова-фильме» («Гнев»), «Туркменфильме» («За рекой – граница»).

Эта разбросанность киностудий позволяла Федоровой достаточно активно разъезжать по стране, что подразумевало под собой не только творческую подоплеку, но и коммерческую. Актриса продолжала заниматься куплей-продажей дефицитных вещей, которые она приобретала в тех регионах, где снималась. Например, «Каплю в море» снимали в Клайпеде (кстати, крупнейший портовый город Литвы), «Шельменко-денщик» и «Меж высоких хлебов» – на Украине, «Алло, Варшава!» – в Свердловске, «За рекой – граница» – в Туркмении, «Врача вызывали?» – в Ленинграде, «Кортик» – в Белоруссии, «Гнев» – в Молдавии.

Отметим, что к тому времени Федорова сменила место жительства и переехала с набережной Тараса Шевченко. Правда, недалеко – в дом напротив все той же гостиницы «Украина», но теперь по Кутузовскому проспекту (точный адрес: 121248, Кутузовский проспект, д. 4/2, кв. 243). Место это было престижное – правительственная трасса (на той же стороне, что и актриса, но чуть дальше – в доме 26 – проживали генсек Л. Брежнев, шеф КГБ Ю. Андропов и шеф МВД Н. Щелоков). Эту более просторную квартиру (три комнаты) она смогла получить благодаря помощи дочери генсека Галины Брежневой. А дружбу с ней Федорова завела не случайно – они сблизились на почве увлечения бриллиантами. К Федоровой эта страсть передалась от Лидии Руслановой. Как мы помним, последняя увлеклась «брюликами» в тридцатые годы и достаточно быстро вошла в тогдашнюю советскую «бриллиантовую мафию». Название условное – это была не уголовная среда, а богемная, в которую входили известные советские деятели культуры, вроде Антонины Неждановой, Владимира Хенкина, Валерии Барсовой, Ирмы Яунзен, Леонида Утесова, Екатерины Гельцер, Исаака Дунаевского и др. Эти люди получали большие деньги по советским меркам и поэтому часть из них вкладывали в бриллианты.

Однако после выхода на свободу (1953) и потери бриллиантовой коллекции из 208 «камней» (ее, как мы помним, конфисковало МГБ) Русланова охладела к «брюликам», сосредоточившись на произведениях живописи. А вот Зоя Федорова, наоборот, начала почти все свои заработки конвертировать в «камешки». Ведь косыгинская реформа, по сути, создала бриллиантовую промышленность СССР, которая стала развиваться на базе сырья «Якуталмаза». И ее производственные мощности во много превосходили внутренние потребности страны. В итоге на волне отречения от сталинского аскетизма украшения с бриллиантами все больше становились опознавательным знаком принадлежности к партийно-хозяйственной и артистической элите страны. При этом артисты и партийные вожди с их родственниками использовали для скупки «брюликов» в основном теневые накопления: артисты – гонорары от «левых» концертов, партвожди – доходы от взяток. И в начале семидесятых Зоя Федорова вошла в эту теневую индустрию, поскольку, будучи известной актрисой, имела возможности выхода на самых разных людей из разряда элитарных.

* * *

Зоя Федорова приехала в Липецк от Бюро кинопропаганды, чтобы дать в этом городе несколько концертов вместе со своими коллегами: Георгием Вициным, Евгением Моргуновым, Михаилом Пуговкиным, Сергеем Мартинсоном (кстати, в сороковые годы он был ее соседом по дому 17 на улице Горького) и др. Актерская бригада приехала в Липецк в утром, а уже в 16:00 у них состоялся первый концерт во Дворце культуры «Сокол». Выступление Федоровой было во втором отделении – вместе с Пуговкиным она станцевала знаменитый танец «в ту степь» из фильма «Свадьба в Малиновке». Это был их коронный номер, который всегда принимался зрителями «на ура». Вот и в этот раз смех в зале стоял до потолка, а аплодисменты и крики «на бис» не смолкали в течении нескольких минут. Но Федорова на поклонны больше не вышла – она торопилась на важную встречу, которая была назначена у нее на пять часов вечера. Для этого ей пришлось ехать на другую сторону города на такси. Там, на неприметной улочке, расположился небольшой антикварный магазин, посетить который ей настоятельно рекомендовали в Москве. Его директор должен был передать актрисе список всех местных «антикварщиков», и с этой бумагой Федорова должна была вернуться в столицу.

В тот момент, когда актриса появилась в магазине, покупателей в нем не было. Поэтому скучающая продавщица – молодая симпатичная девушка – смотрелась в ручное зеркальце и поправляла, сбившуюся на глаза челку. При появлении Федоровой она бросила на нее косой взгляд и тут же... расплылась в широкой улыбке. Было видно, что она узнала нежданную посетительницу. С тех пор, как Зоя Федорова снялась в «Свадьбе в Малиновке», число ее поклонников в стране резко возросло – даже дети не давали ей прохода на улице.

– Здравствуйте, – произнесла девушка, пряча зеркальце в карман своего рабочего халатика.

Вежливо ответив на приветствие, гостя спросила:

– Могу ли я видеть вашего директора?

– Яна Карловича?

Федорова не знала имени человека, которого искала, поскольку те, кто давал ей это задание, объяснили его просто: прийти в магазин в точно назначенное время и встретиться с его директором. Она вообще не знала, кто это будет – мужчина или женщина. Поэтому, услышав от продавщицы, что ее директор – мужчина, Федорова мысленно поблагодарила бога за это – женщины обычно при ее виде начинали нести всякую чушь, и остановить их потом было трудно.

Указав посетительнице жестом на дверь в дальнем углу магазина, продавщица проводила ее взглядом, а после того, как та скрылась, бросилась к телефону, стоявшему на столике у окна. Ее буквально распирало от желание немедленно позвонить подруге и сообщить ей, что только что она своими собственными глазами видела саму Зою Федорову – знаменитую Гапусю из «Свадьбы в Малиновке».

Между тем Федорова, войдя в кабинет, застыла как вкопанная. За столом напротив нее сидел человек, лицо которого отпечаталось в ее памяти на всю жизнь. И несмотря на то, что с тех пор, как она его видела в последний раз, прошло уже более 35 лет, однако не узнать это лицо она не могла. Это был ее вербовщик – тот самый Ян Карлович, с которым судьба свела Зою в июне 1927 года в здании ГПУ на Лубянке. На протяжении десяти лет они встречались на разных конспиративных квартирах и в других укромных местах Москвы, а в 1937 году Ян Карлович внезапно исчез – сгинул в лагерях, как подумала тогда Зоя. А теперь оказывается, что он вовсе не сгинул, а вполне себе жив и здоров. И хотя годы не прошли для него бесследно – мужчина постарел и покрылся сединой, – однако взгляд его пронизывающих насквозь глаз был по-прежнему цепок.

– Что же вы встали, как вкопанная, Зоя Алексеевна? – широко улыбаясь и поднимаясь из-за стола навстречу госте, спросил Ян Карлович. – Или не ожидали меня увидеть?

– Честно говоря, нет, – призналась Федорова.

– А я вот, как видите, выжил в той мясорубке. Впрочем, как и вы. Свой срок вы, кажется, во «Владимирке» отбывали?

– В ней самой, – окончательно придя в себя, ответила Зоя. – А вы где?

– Я на Колыме, дорогая моя. А освободился в пятьдесят пятом, вскоре после вас.

– А откуда вы знаете, когда я освободилась?

– Я многое о вас знаю, Зоя Алексеевна, – продолжал улыбаться Ян Карлович. – Вы же у нас фигура всей стране известная. А помните, какой вы были, когда мы встретились с вами в первый раз? Наивной и испуганной девчонкой.

– А вы этим и воспользовались, – не скрывая своего сарказма, произнесла Федорова.

– Не я, а мое ведомство, в котором я всего лишь винтик, – развел руками Ян Карлович.

И только после этого он подвинул к гостье стул и жестом предложил сесть. После чего заметил:

– К сожалению, угостить вас чаем с вашим любимым зефиром у меня не получится – нет ни того, ни другого.

– И слава богу – того зефира, который делали в нэпманской Москве, давно нет и в помине, – не двигаясь с места, ответила Федорова.

– Вы что же, даже не присядете? – удивился Ян Карлович.

– К сожалению, у меня нет времени. В восемь часов у меня еще один концерт, а время поджимает, – и гостья кивнула на настенные часы, которые показывали начало восьмого вечера.

– Ах, как жалко, – не скрывая досады, произнес хозяин кабинета. – Я-то думал, что после стольких лет разлуки нам будет что вспомнить.

– А я считаю, что вспоминать наше прошлое нам обоим не с руки.

– Ну почему же – мы столько для вас сделали.

– Лучше бы не делали – здоровее бы была.

– Зато не были бы столь знамениты. А это, согласитесь, не мало.

– Вы слишком много на себя берете – я бы и без вашей помощи вышла в люди. Короче, оставим этот бессмысленный спор. Вы приготовили список?

Услышав этот вопрос, Ян Карлович вернулся к своему столу, в котором открыл верхний ящик и извлек на свет запечатанный конверт. Он молча протянул его гостье. Зоя сунула конверт в свою изящную кожаную сумочку и, не попрощавшись, покинула кабинет.

В дверях она столкнулась с молоденькой продавщицей, которая, мило улыбаясь, протянула ей цветную фотографию, на которой Зоя узнала свое собственное лицо, запечатленное несколько лет назад фотографом из Бюро кинопропаганды. Было понятно, что девушка хочет заполучить у знаменитой гостьи ее автограф. Но Зоя после неожиданной встречи с Яном Карловичем вовсе не была расположена к такому повороту событий и мечтала только об одном – поскорее покинуть это место. Поэтому, не удостоив продавщицу даже мимолетного взгляда, она прошла мимо нее и вышла на улицу.

* * *

В 1973 году в СССР вновь объявилась американка Ирина Керк, которая привезла «очередной привет» от бывшего возлюбленного Зои Федоровой – Джексона Тейта.

Отметим, что к тому времени Керк была профессором кафедры русской литературы Коннектикутского университета и писала книгу о советских... диссидентах под названием «Люди русского Сопротивления». Естественно, тема подобной книги просто не могла не привлечь к себе внимания КГБ. В его силах было запретить американке приезжать в СССР для сбора информации (встреч с диссидентами), но Лубянка этого почему-то не сделала (версию о случайной беспечности чекистов сразу отбросим – в этой конторе беспечных людей отродясь не было). Значит, получается одно: приезд Керк в СССР в 1973 году был санкционирован КГБ с целью возобновления ее отношений по линии Федоровой – Тейта. Далее вновь обратимся к книге «Дочь адмирала»:

«...Незадолго до того она (Керк. – Ф. Р.) приступила к работе над книгой „Люди русского Сопротивления“) в которую включила интервью, взятые ею у русских диссидентов. Книгу предполагалось опубликовать в 1975 году. Среди тех, у кого она брала интервью, оказался некий специалист по международному праву. Вряд ли у нее были хоть малейшие основания полагать, что он знаком с русскими актерами. Вскоре после этого интервью ей предстояла поездка в Россию. Ирина и сама не знала, как все произошло. Уже стоя в дверях, она интуитивно спросила:

– Вы случайно не знакомы с Зоей Федоровой или ее дочерью, Викторией Федоровой?

– Как же, знаком, – ответил он. – Когда я еще жил в России, Виктория была замужем за моим другом, и я часто бывал у них.

Он даже помнил номер телефона, но все же поинтересовался:

– А почему вы хотите встретиться с ней?

– По личным мотивам, – тряхнув головой, ответила Ирина.

– Честно говоря, не советую вам этого делать. У Виктории серьезные проблемы по части алкоголизма. Я, конечно, и мысли не допускаю, что она сознательно предаст вас, но кто знает, что ей взбредет в голову в состоянии сильного опьянения? Сообразит ли она, если рядом случайно окажется агент КГБ? На вашем месте я бы постарался избежать встречи с нею.

Поблагодарив, Ирина тотчас решила не обращать внимания на его совет, хотя услышанная новость поразила ее. В последнюю их встречу Виктории было тринадцать-четырнадцать лет, мать отправила тогда девочку домой делать уроки. Еще раньше, посмотрев фильм „Баллада о любви“, Ирина с изумлением поняла, что девочка стала взрослой женщиной. И вот теперь она вдруг узнает, что Виктория уже в разводе, да к тому же еще и стала алкоголичкой!...»

Виктория в те годы и в самом деле сильно поддавала, что, впрочем, было типичным явлением для представителей тогдашней советской богемы. Ситуацию усугубило еще и то, что она крутила любовь с пьющим сценаристом – знаменитым Валентином Ежовым, автором сценариев к таким советским блокбастерам, как «Баллада о солдате» (1959) и «Белое солнце пустыни» (1970). Ежов был старше Виктории ровно на 25 лет (он родился в январе 1921 года), но сумел очаровать ее своим напором и интеллектом. Кстати, в «Дочери адмирала» высказывается мысль, что это спаивание Виктории могло проходить под контролем КГБ. Читаем в тексте книги отрывок из письма Керк к Тейту:

«...О ее пристрастии к алкоголю я ничего прежде не знала, но мне кое-что объяснили мои друзья, диссиденты. По их словам, такие красавицы, как Виктория, большая редкость в России. Виктория очень эффектна, но, кроме того, она горда, вспыльчива и независима. Для КГБ она настоящая находка: они сделают все, чтобы заставить ее в своих целях вступить в любовные связи с иностранными дипломатами.

Пока она придерживается своих принципов, им не заполучить ее. Поэтому они первым делом решили выяснить, на чем основываются эти принципы, а затем постараться покончить с ними. Они выяснили: тот факт, что ее отец американец, заставил ее по-новому осознавать себя, стал для нее жизненным стимулом, поэтому они постарались уничтожить этот стимул посредством лжи. Теперь, чтобы использовать ее, они ее спаивают, хотят довести до состояния, когда ради выпивки она будет готова на все...».

Отметим следующий факт: Виктория развелась со своим вторым мужем Сергеем Благоволиным в 1972 году, и практически сразу после этого на ее горизонте возник Ежов (он сам подошел к ней на одной из светских тусовок на квартире у одной актрисы). А спустя короткое время в СССР приехала Ирина Керк. Учитывая, что диссидентская среда была буквально унавожена агентами КГБ, легко предположить, что все эти события не были случайными, а являлись операцией Лубянки по возобновлению отношений между Керк и Федоровыми. Только теперь, в отличие от ситуации 1962 года, чекисты были заинтересованы в том, чтобы эта связь не прервалась. Ведь у руля Лубянки стоял уже другой человек (в 1967 году Владимира Семичастного сменил Юрий Андропов) и КГБ начал активно «окучивать» международное направление и особенно – американское. Кто-то напомним: дескать, время тогда наступило такое – разрядка, когда начался новый диалог между СССР и США. Результатом этого стало то, что в мае 1972 года Советский Союз впервые посетил президент США Ричард Никсон, а в июне следующего года уже и советский генсек Леонид Брежнев отправился с официальным визитом в Америку.

Однако разрядка разрядкой, но войну спецслужб никто не отменял. Поэтому на официальном уровне шло активное сближение двух сверхдержав, а на негласном направлении КГБ и ЦРУ продолжали свою борьбу друг с другом, пользуясь, кстати, этим самым сближением для маскировки своей деятельности.

Впрочем, КГБ работал не только на американском направлении. Например в том же 1973 году «выездным» стал Владимир Высоцкий – человек, который, будучи женатым на иностранке (на французской киноактрисе Марине Влади – кстати, члене Французской компартии), целых пять (!) лет ждал момента, когда ему разрешат выезжать за рубеж к его законной супруге. В апреле 73-го он этого дождался (в том же апреле, кстати, Юрий Андропов стал членом Политбюро – впервые после Берии, то есть ровно через двадцать лет). И в том же году свой путь к статусу «выездной» начала и Виктория Федорова.

А началось все в начале сентября 1973 года, когда Керк написала письмо Тейту с описанием ее недавней встречи с Федоровыми. В ответ Тейт, который недавно перенес операцию на сердце, написал ответное письмо для Зои и Виктории, надеясь, что Керк его им передаст. Так и вышло, хотя Ирина сделала это не лично, а через все тех же диссидентов, среди которых нашлись люди, согласившиеся стать ее «почтальонами». Одним из таких деятелей стал видный диссидент Михаил Агурский. Кстати, весьма примечательная личность.

Он родился в 1933 году в Москве, в семье известного революционера, историка и партийного деятеля Самуила (Шмуэля) Хаимовича Агурского (1884–1947). Там же окончил школу в 1950 году. А пять лет спустя женился на Вере Федоровне Кондратьевой. Получил высшее техническое образование. В начале 1960-х работал в ЭНИМСе – экспериментальном научно-исследовательском институте металлорежущих станков. В мае 1969 года защитил кандидатскую диссертацию в области кибернетики. Причем получив техническое образование, Агурский не стал узким техническим специалистом и уже в конце 1950-х годов оказался в рядах московского андеграунда, в числе инициаторов создания молодежного поэтического клуба «Факел», и стал его председателем. А весь тогдашний советский андеграунд находился под колпаком КГБ. Так что Агурского там, судя по всему, хорошо знали. А уж когда Михаил в середине шестидесятых познакомился со священником Александром Менем и стал вхож в среду инакомыслящих диссидентов, сионистов и священников православной церкви, тут уж КГБ просто обязан был обратить на него еще более пристальное внимание.

В 1971 году Агурский подал документы на выезд в Израиль, но ему в этом было отказано, поскольку он был носителем секретов – трудился на режимном предприятии. В итоге Агурский еще теснее сближается с диссидентами и в 1972 году участвует в антипалестинской манифестации у ливанского посольства в Москве, в

результате которой все манифестанты были задержаны. Вместе с Агурским был задержан также академик Андрей Сахаров, после чего (!) и началось их тесное знакомство. Причем самое интересное, это диссидентство Агурского властями воспринимается вполне благожелательно. Читаем в Википедии:

«...Как явствует из воспоминаний самого Агурского, власти не применяли к нему никаких насильственных мер, если не считать прослушивания телефонных разговоров. Михаил Самуилович свободно перемещался по стране, публиковал свои работы за рубежом и в самиздате, имел возможность легального заработка, в том числе со своих патентованных изобретений, выступал с лекциями, сотрудничал с Московской Патриархией, встречался с участниками сионистского и диссидентского движений. Власть избегала открытых репрессивных мер, как в случае с Жоресом Медведевым, и надеялась на ненасильственное разрешение конфликта...».

Вот что это такое: гуманизм советских властей или оперативная игра КГБ? Быть может, как одно, так и другое. И еще одна интересная деталь: именно в 1973 году Агурский начинает принимать наиболее активное участие в диссидентском движении. По его же словам: «До этого я строго придерживался еврейской дисциплины и открыто не вступал в диссидентские дела. Но тут мне стало казаться, что тактика эта начинает обнаруживать свои слабости. Сахаров всегда выступал в нашу защиту, поэтому молчать становилось аморально. Я решил, что надо публично поддержать диссидентов в части требований, касающихся прав человека. Все равно мы были связаны тысячами нитей, и вести себя иначе означало бы уподобляться страусу, прячущему голову в песок...».

И снова напрашивается вопрос: сам он так решил или ему кто-то посоветовал это сделать?

Что касается знакомства Агурского с Ириной Керк, то оно состоялось летом 1974 года. Вот как это описано в книге «Дочь адмирала»:

«...К началу лета 1974 года Ирина узнала, что ее французский знакомый не смог передать Виктории письма отца. Надо было придумать какой-нибудь способ доставки писем и подыскать для этого другого человека.

Она остановила свой выбор на Михаиле Агурском, профессоре, занимавшемся проблемами кибернетики и философии. Еврей Агурский проявил недюжинную смелость, бросив вызов советской системе. Только человек большого мужества, как писала она о нем в своей книге, мог решиться на встречу в лесу с репортерами „Си-Би-Эс“ и рассказать им о ситуации в России. (Святая наивность! Можно подумать, что в лесу можно было спрятаться от глаз и ушей чекистов, учитывая факт того, что диссидентская среда была унавожена агентами Лубянки. – Ф. Р.)

Ирина сделала все возможное, чтобы ее письма и письма Джека Тейта оказались в руках Агурского.

Потом мамуля (Зоя Федорова. – Ф. Р.) рассказала, как к ней попали письма. Позвонил какой-то мужчина и, не представившись, спросил:

– Вы ждете писем с Запада?

Мамуля пробормотала что-то невнятное. Мужчина сказал:

– У меня есть для вас кое-что. Мы можем увидеться?

Они договорились о встрече. Это был Михаил Агурский, который пошел ради меня на огромный риск....».

В августе того же 74-го в Москву приехала Керк и тут же встретила с Агурским. И на той встрече именно он высказал идею, что Виктории надо добиваться поездки в США, чтобы увидеться с отцом. И, как говорится, сказано – сделано. После встречи с Керк Виктория задается целью во что бы то ни стало увидеться со своим отцом. Для этого она бросает Ежова (свою миссию он уже выполнил) и начинает добиваться у властей разрешения съездить в США. Причем не навсегда, а временно – якобы только для встречи с отцом, который находится не в лучшем

здравии и может в любой момент умереть (Тейту в ту пору было 75 лет). Поэтому в своем очередном письме отцу Виктория пишет следующее:

«...Было бы хорошо, если бы ты мог сделать следующее:

1) Удочерить меня.

2) Сообщить в американское посольство в Москве (и лично консулу Джеймсу Хаффу) о своем желании встретиться со мной в США. Если ты считаешь, что могут возникнуть политические осложнения, – не надо.

Если это сделать по возможности быстро, я надеюсь на нашу встречу. Папа, мой самый замечательный, самый любимый папочка, мне ничего не нужно, только увидеться с тобой. Я живу этой встречей, это будет самый счастливый миг в моей жизни. С той самой минуты, как мама рассказала мне о тебе, о том, что ты есть, я знала, что найду тебя и мы встретимся.

Мне очень, очень жаль, что ты болен и не можешь приехать сюда. Собери все свои силы, наберись терпения, и все будет хорошо. Кстати, мне кажется, что политическая ситуация сейчас как никогда благоприятствует нашей встрече. Как бы то ни было, я ничего не боюсь. У меня нет никаких других причин для поездки в США, кроме простого желания увидеть тебя. Если тебе трудно заняться всем этим, это вовсе не обязательно. Я не расстроюсь, потому что пойму тебя. Нежно тебя целую во все те места, которые причиняют тебе боль, чтобы тебе не было больно.

С огромной любовью,

Всегда твоя Виктория».

Скажем честно, редкое сердце не дрогнет, читая эти строки. Ведь это святое для любого человека дело: помочь в том, чтобы ребенок увидел своего родителя, которого до этого он ни разу в глаз не видел. Разве можно не поверить в такие слова, сказанные дочерью: «Я живу этой встречей, это будет самый счастливый миг в моей жизни»? Или: «У меня нет никаких других причин для поездки в США, кроме простого желания увидеть тебя». Но что получится в итоге? Отпущенная на три месяца, Виктория попросту не вернется на родину, провернув скоропалительное замужество с неким американцем. Получается, на самом деле у нее были и другие причины, помимо ее встречи с отцом, чтобы уехать в США? Или все действительно получилось спонтанно? Впрочем, отложим этот «разбор полетов» на потом, а пока вернемся на некоторое время назад.

В августе того же 74-го Агурский подключил к «делу Федоровой» высокопоставленного американца – консула в Москве Джеймса Г. Хаффа, встреча Виктории с которым прошла на... Красной площади. Естественно, под колпаком КГБ. Хафф согласился написать Тейту письмо и сообщить ему, что он может пригласить в гости свою русскую дочь.

Для того чтобы получить разрешение в ОВИРе на выезд из страны, Виктории надо было разжиться характеристикой с места работы – то есть с «Мосфильма». В результате там были проведены два собрания по этому поводу (в декабре 1974-го и январе 1975-го), но оба они закончились плачевно. Обе стороны обвиняли друг друга бог знает в чем, что накалило обстановку. И руководство «Мосфильма» отказало Виктории в положительной характеристике. А у нее был уговор с Керк: если дело примет такой оборот, то она должна будет связаться с двумя американскими журналистами в Москве – Крисом Реном из «Нью-Йорк таймс» и Робертом Тотом из «Лос-Анджелес таймс». Эти деятели должны были оповестить весь мир об истории любви Федоровой и Тейта и, соответственно, о желании их дочери увидеть отца. И журналисты сделали то, что от них требовалось. Они провели с Викторией пресс-конференцию, где она заявила, что в ее решении обратиться за выездной визой

нет никаких политических мотивов и что она твердо намерена вернуться в Москву к матери. Как уже отмечалось, последнее обещание Виктория нарушит, а в качестве причины для этого назовет внезапную любовь.

Отметим, что именно тогда – в самом конце декабря 1974 года – в руководстве 1-го главка КГБ (внешняя разведка) поменялось руководство. Вместо Федора Мортина (он руководил ПГУ с июля 1971 года) пришел ставленник Андропова Владимир Крючков. Они познакомились еще в конце пятидесятых в Венгрии, где Андропов был послом, а Крючков – его помощником. В 1967-м, когда Андропов возглавил КГБ, Крючков стал его помощником уже на Лубянке – возглавил секретариат КГБ. А в августе 1971 года он стал первым заместителем Андропова и курировал европейское направление. Именно с этой должности генерал-лейтенант КГБ Крючков и пересел в кресло начальника ПГУ. И тут же поменял начальника 1-го (американского) отдела: вместо Анатолия Киреева (возглавлял отдел с 1967 года) пришел Владимир Казаков (чуть позже он возглавит резидентуру КГБ в Нью-Йорке).

А во 2-м главке (контрразведка) американское направление (1-й отдел) возглавлял с 1967 года Евгений Расщепов – не менее опытный «американист», который в пятидесятые и шестидесятые годы дважды работал в резидентуре КГБ в США. Именно он, кстати, «вел» и «дело Федоровой» – держал в поле зрения Ирину Керк и ее «компанию». А сам 2-й главк с 1970 года возглавлял генерал-лейтенант КГБ Григорий Григоренко – специалист по внешней контрразведке. Он был выходцем из СМЕРШа и в разные годы работал на таких направлениях, как эмигрантские организации (1956–1959) и дезинформация (1959–1962). Так что, как водить внешнего врага за нос, он знал прекрасно.

И еще. Сменилось и руководство 7-го управления КГБ (наружное наблюдение). Вместо Михаила Милютин (занимал эту должность с марта 1971 года) пришел еще один ставленник Андропова, еще один «венгр» – человек, который познакомился с шефом КГБ в конце пятидесятых в Венгрии. Это был Алексей Бесчастнов, работавший в Венгрии старшим советником КГБ (1957–1962). Он возглавил «наружку» в октябре 1974 года и, судя по всему, лично докладывал Андропову о последующих контактах американского консула Джеймса Г. Хаффа с Викторией Федоровой. Короче, КГБ должен был весьма активно участвовать в этой истории. А она между тем продолжала свое развитие.

30 января 1975 года свет увидело сообщение американского информационного агентства ЮПИ, озаглавленное: «Кинобизнес Соединенных Штатов намерен преодолеть сопротивление Советов». «Продюсер Джек Каммингс, – говорилось в сообщении, – заявил вчера, что вошел в контакт с рядом киностудий по поводу постановки фильма об отставном адмирале Джексоне Тейте и его трогательном романе с Зоей Федоровой, которая провела восемь лет в тюрьме за политическую неблагонадежность». Как видим, история раскручивалась грандиозная.

Кстати, обратим внимание на следующий факт. Осенью 1942 года Зоя Федорова познакомилась с американским журналистом Генри Шапиро, который с 1937 года возглавлял московское отделение ЮПИ. Он был женат на русской (на Людмиле Никитиной) и имел весьма тесные связи с советскими властями. Такие тесные, что очень часто выдавал «на гора» самую эксклюзивную информацию. Например, именно Шапиро первым оповестил западный мир о смерти Сталина. Все это наводило многих людей на мысли о том, что Шапиро каким-то образом связан не только с МИДом, но и с МГБ (а потом и с КГБ). И вот в 1973 году этот человек уходит на пенсию и возвращается к себе на родину – в США. И именно в том же году начинает раскручиваться история с Федоровыми и Тейтом – уже без Шапиро, а с другими людьми. Под последними подразумеваются не только Крис Рен и Роберт Тот, но и их коллеги – журналисты газеты «Нэшнл инквейрер» (Флорида; тираж – 4 млн экз.) Генри Грис и Уильям Дик. В январе 1975 года они приехали в Москву и получили задание от своего руководства «раскрутить» историю Федоровых и Тейта. А теперь, как говорят фокусники, «следите за руками».

Журналисты идут отобедать в ресторан гостиницы «Националь», где их соседями по столику становятся двое мужчин: немец из ГДР и русский. Последний оказывается не кем иным, как концертмейстером из Большого театра, который на вопрос Гриса «Знаете ли вы актрису Зою Федорову?» с ходу отвечает «Знаю», после чего

достаает из кармана записную книжку, чтобы... продиктовать американцам даже не служебный, а сразу домашний номер ее телефона. Те звонят по нему и попадают аккуратно на Зою. Представившись журналистом, Грис тут же слышит вопрос: «А какую газету вы представляете?». И отвечает: «„Нэшнл инквайрер“, но не думаю, что вы ее знаете. Она издается во Флориде». А Зоя в ответ заявляет: «Флорида? Тогда вы должны знать адмирала Джексона Тейта». Оказывается, он давно уже живет именно в этом штате, поэтому актриса с удовольствием соглашается сотрудничать с Грисом и его коллегой. Кто-то скажет: случайность. Но лично я полагаю, что в делах подобного рода случайности крайне редки. Уж больно легко и быстро все произошло. Такое впечатление, что кто-то невидимый дирижировал этим «оркестром» из-за кулис.

И снова повторимся, что нельзя сбрасывать со счетов фактор времени. Ту самую разрядку, которая наступила в тот период (1973–1975 годы) в отношениях между СССР и США. Под это дело люди, заинтересованные в углублении разрядки и живущие по обе стороны океана, и могли затеять всю эту историю с Федоровыми и Тейтом. Даже художественное кино хотели на этом материале снять – то есть пропиарить историю на всю катушку. Но в то время, как одни люди (политики) продвигали разрядку, другие (из спецслужб) должны были этим пользоваться в своих интересах (вернее, в интересах своих государств). Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Поэтому взглянем на то, что происходило в эти же годы в руководстве ключевых подразделений КГБ.

Итак, в декабре 1974 года (за полгода до отъезда Виктории Федоровой в США) в 1-м управлении (внешняя разведка) КГБ СССР сменяется руководство: вместо Федора Мортина (занимал этот пост с июля 1971 года) приходит Владимир Крючков – человек Юрия Андропова (они познакомились в конце пятидесятых, когда вместе работали в советском посольстве в Венгрии). Читаем у Л. Млечина:

«...Однажды в Кабуле поздно вечером Крючков спросил начальника нелегальной разведки Юрия Ивановича Дроздова:

– А сколько вообще нужно иметь агентуры, чтобы знать, что происходит в мире?

– Не так много, – ответил Дроздов, – пять-шесть человек, а вся остальная агентурная сеть должна их обеспечивать, отвлекать от них внимание.

Крючков с интересом выслушал Дроздова, но остался при своем мнении.

Опытный оперативник исходит из того, что надо иметь не много агентов, но дающих ценную информацию. Крючков требовал от резидентур увеличить темпы вербовки. Брала количеством. В первую очередь по всему миру пытались вербовать американцев. Во всех резидентурах были люди, занимающиеся ГП – Главным противником. Сидел наш разведчик, например, в Новой Зеландии, а работал на самом деле против американцев, то есть старался завербовать кого-то из сотрудников американского посольства или корреспондентов...»

Таким образом, при Крючкове стали «брать количеством агентов», причем главным направлением было американское. И это несмотря на разрядку. А вернее будет сказать, благодаря ей, поскольку она открывала широкие возможности в плане проникновения агентуры в американскую среду. Читатель вправе спросить: а при чем здесь Виктория Федорова – она что, агент КГБ? Вряд ли (хотя чем черт не шутит?). Но ее мама, по нашей версии, имела давние контакты с советскими спецслужбами, и отъезд дочери открывал перед ней возможность ездить в Штаты (что, кстати, и случится). И она вполне могла выполнять какие-то поручения КГБ, прикрываясь статусом бывшей возлюбленной американского адмирала.

Кстати, в КГБ тоже был свой адмирал – Михаил Усатов, которого Крючков взял и сделал своим 1-м заместителем в декабре 74-го. А кто такой Усатов? Он фронтовик, пришедший на работу в КГБ в 1955 году (окончил трехмесячные курсы руководящего состава КГБ). Начал он свою службу в органах с должности начальника ОО КГБ по эскадре Балтийского флота, затем стал начальником Особого отдела КГБ по Восточно-

Балтийской флотилии, где провел ряд успешных разработок, приведших к ликвидации нелегальной резидентуры западногерманской разведки в Таллине. Потом Усатов был начальником ОО КГБ по Северному флоту (1958–1966), начальником 6-го (контрразведка в ВМФ) отдела 3-го Управления КГБ (1966–1971), секретарем парткома 3-го Управления (1 декабря 1968 – 18 мая 1970), секретарем парткома КГБ (1971–1974). Учитывая опыт работы Усатова в контрразведке ВМФ, можно предположить, что он хорошо знал контр-адмирала Джексона Тейта. Ведь несмотря на то, что тот вышел в отставку в 1950 году (в 51 год), он продолжал работать в весьма специфических учреждениях, связанных с американским флотом: в фирме «Экспонирование морских судов» и в сан-францисской компании, занимавшейся производством переносных радаров и подводных сонаров. А что такое сонар? Это ультразвуковой подводный локатор. Видимо, именно поэтому Тейт и не шел так долго на контакт с Ириной Керк, поскольку опасался, что таким образом КГБ старается подобраться к нему. Впрочем, он думал так не только относительно Керк, но и журналиста Гриса. Читаем в «Дочери адмирала»:

«...Когда Генри Грис твердо заявил Джеку Тейту, что вытащит Викторину из Советского Союза, Тейту тотчас пришла в голову мысль, что Генри не кто иной, как агент КГБ. Кто другой мог бы взять на себя столь решительное обязательство? Эта мысль мало-помалу переросла в его сознании в твердую уверенность.

Генри Грис, вспоминая о своих словах, объяснял, что исходил не из своих возможностей, а из факта полного непонимания Джеком реального положения вещей. Учитывая, что мировая пресса продолжала активно публиковать историю любви американского моряка и русской актрисы в военные годы и о прекрасной дочери, которая мечтает встретиться с умирающим отцом, советское правительство будет вынуждено под давлением мирового общественного мнения рано или поздно выпустить Викторину.

Джек Тейт в какой-то момент признался Генри Грису, что поверил было в его принадлежность к КГБ. В одну из их последних встреч Генри Грис преподнес Джеку Тейту письменный прибор – нож для вскрытия конвертов и ножницы в черном кожаном футляре. По всей длине футляра были вытеснены серебряные буквы: „От КГБ с любовью“...»

С приходом Крючкова во внешнюю разведку произошли пертурбации руководства на американском направлении. Так, 1-й отдел (США, Канада) ПГУ возглавил Владимир Казаков (вместо А. Киреева, руководившего этим подразделением в 1969–1974 годах). Резидентуру в Вашингтоне возглавил Дмитрий Якушкин (вместо М. Полоника, 1968–1975), сменились также и его заместители по линии политической разведки (ПР) и контрразведки (КР). А к руководству резидентурой в Нью-Йорке пришел Юрий Дроздов (вместо Б. Соломатина, 1971–1975). Так что Виктория Федорова покидала СССР в период активных перемен, происходивших в КГБ на американском направлении.

Но это лишь одна версия – чекистская. Есть и другая. Дело в том, что помимо чекистской разведки была еще и партийная, которая замыкалась на ЦК КПСС и которая тоже была заинтересована в том, чтобы использовать разрядку в целях сближения с определенными кругами на Западе, которые должны были в «час X» (после смерти Брежнева) помочь партийной номенклатуре провести в генсеки своего человека. Партийная разведка тоже имела свои каналы связи с Западом и постоянно пыталась их расширить, вербуя своих агентов в среде отъезжантов – людей, которые покидали пределы СССР и оседали за рубежом. Почему бы не предположить, что канал «Федорова – Тейт» появился на свет благодаря именно этой разведке. Тем более что эта история имела конкретный шлейф – сталинский. Этот шлейф даже будет намеренно озвучен в книге «Дочь адмирала». Зачем это было сделано? Не для того ли, чтобы еще раз пропиарить на Западе «звериный оскал» сталинского режима и помочь тем деятелям в СССР, кто не хотел его возвращения в большую политику. То есть таким образом либералы били по сталинистам. Похожая история случилась во второй половине шестидесятых (в феврале 1966 года), когда либералы «родили» на свет «письмо двадцати пяти», которое пыталось воспрепятствовать возможному возрождению апологетики по адресу Сталина. Одним из главных инициаторов появления этого письма был журналист Эрнст Генри (Ростовский) – еврей, завязанный на советские спецслужбы и партийную разведку. С той же целью чуть позже на Западе объявилась и книга А Солженицына «Архипелаг ГУЛАГ». У

истории Федоровой – Тейта, активно пропиаренной на Западе, судя по всему, была та же цель – очернение не столько Сталина, сколько его политики, в основе которой лежало противостояние Западу.

Тем временем 18 марта 1975 года Виктория Федорова получила в московском ОВИРе долгожданную визу для поездки в США. Срок визы – три месяца (то есть вернуться она должна была 18 июня). А спустя месяц после этого получил «добро» на свой отъезд в Израиль и Михаил Агурский. Опять, скажете, случайность? А может быть, это была благодарность неких советских структур этому видному еврею за то, что он так хлопотал о деле Федоровой – Тейта? Короче, каждая «сестра» в этой истории получила по «серьге»: и КГБ, и Федоровы, и Агурский. И только одна «сестра» осталась без «серьги» – Ирина Керк. Ее миссия была выполнена, и больше в ее хлопотах никто не нуждался. Ее даже не позвали на торжественный прием, который был устроен 19 апреля в Оранж-парке во Флориде, где чествовали Викторию и Тейта.

Отметим, что из Союза Виктория вылетела 22 марта. Причем улететь они должны были днем позже, но Грис специально купил билеты на день раньше, чтобы сбить со следа не только иностранных журналистов в Москве (КГБ сбивать со следа было бесполезно – он всю эту ситуацию контролировал). Читаем в «Дочери адмирала»:

«...Выйдя из подъезда, он (Грис. – Ф. Р.) огляделся по сторонам, проверяя, нет ли слежки. Потом махнул рукой Зое, Виктории и Боре, что можно выходить. К его неудовольствию, Зоя решительно уселась рядом с шофером, поскольку „я всегда тут сижу“. Викторию Генри усадил между собой и Борей на заднем сиденье.

Машина тронулась, впереди полчаса езды до Шереметьева. Светало, но солнце еще не взошло. На улицах попадались лишь редкие прохожие.

Генри велел шоферу остановиться, не доезжая нескольких метров до аэровокзала. Боря поцеловал Викторию, шепнув ей что-то на ухо. Она кивнула. Генри сделал ему знак, и они оба вышли из машины, чтобы Виктория и ее мать могли попрощаться без посторонних.

Генри снял с плеча фотокамеру и передал ее мне. Наверно, хотел, чтобы я выглядела как американская туристка. В парике и в огромных черных очках я чувствовала себя полной идиоткой, но зато Генри был явно доволен.

Конечно же, мы приехали слишком рано для девятичасового рейса, но я уже не задавала никаких вопросов. Генри встал в очередь на регистрацию, в столь ранний час совсем короткую, и сразу после регистрации потащил меня к турникету. Все время, пока мы там стояли, он не переставал озираться по сторонам. Я решила, что в конечном итоге он свернет себе шею...».

Спустя несколько дней, на вилле во Флориде, Виктория увиделась со своим отцом. И снова заглянем в книгу «Дочь адмирала»:

«...Наконец мы дошли до двери. Передо мной открылась комната, и я увидела мужчину в яркой нелепой рубашке, протягивавшего ко мне руки. Он плакал.

Я шагнула ему навстречу и почувствовала себя в его объятиях. Я тоже заплакала. Мы просто стояли, обняв друг друга, и, не говоря ни слова, рыдали. Наверное, для нас обоих этот момент оказался слишком важным.

Молчание нарушил Генри.

– Послушайте, адмирал, а ведь с вас десять целковых!

– Вы правы, черт вас возьми, – сквозь рыдания выговорил отец. Потом и поцеловал меня, и тут я снова залилась слезами.

– Папа, папа, папа... – твердила я.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, девочка, теперь все в порядке, я с тобой. – Он похлопал меня по спине, словно маленького ребенка. Потом прижал губы к моему уху и тихонько, чтобы никто не слышал, стал напевать мелодию вальса из „Цыганского барона“ – песню любви, которая много-много лет назад соединила их с мамулей...»

На этом, собственно, книга и заканчивается и все последующие события даются в самом кратчайшем изложении. Например, Виктория ничего не рассказывает о том, как это ее угораздило влюбиться в американского летчика из авиакомпании «Пан-Америкен» Фредерика Пуи буквально накануне ее возвращения в Москву. В эпилоге книги это подается следующим образом:

«...7 июня 1975 года Виктория Федорова вступила в брак с Фредериком Ричардом Пуи, вторым пилотом компании „Пан-Америкен уорлд эйруэйз“. Они познакомились на приеме, данном в честь Виктории в Нью-Йорке. Пуи узнал о желании Виктории встретиться с отцом из публикации в журнале „Пипл“. Он написал Джексону Тейту письмо, в котором сообщил, что часто летает в Москву и почтет за честь выполнить любое поручение адмирала. В Соединенных Штатах Виктории подарили пуделя по кличке Моряк, которого ей очень хотелось взять с собой в Москву, и адмирал вспомнил про второго пилота из „Пан-Америкен“, попросив послать Пуи приглашение на прием...»

Конечно, можно объяснить эту историю вспышкой любви, которая вдруг поразила Викторию, будто удар молнии, после чего она потеряла голову. Но напомним, что ей на тот момент было почти тридцать лет, и за ее плечами были романы как минимум с десятком мужчин самых разных возрастов – от молодых до вполне уже зрелых (вроде сценариста Валентина Ежова, которому на момент их знакомства было 52 года). Поэтому все эти сказки про внезапную любовь мы оставим для людей наивных. На самом деле все было просчитано до мелочей. Виктория высказала желание остаться в Америке, и отец откликнулся на эту просьбу. И тут же нашел подходящую кандидатуру для этого из той среды, которую хорошо знал – из летной (он же был когда-то не только моряком, но и летчиком). А историю про пуделя придумали на ходу для большего правдоподобия. В итоге за 11 (!) дней до момента, когда истекало действие визы Виктории, она благополучно выходит замуж за американца. То есть она обманула всех, кому обещала вернуться. Всех, кроме матери, которая, судя по всему, была посвящена в эти планы. Ну, и тех спецслужбистов, кто мог стоять за этой хитрой операцией по оседанию Виктории Федоровой на американской земле.

Заметим, что советскими властями этот фактический побег не был расценен как преступление. И матери беглянки, Зое Федоровой, было разрешено раз в год навещать дочь в Америке. В итоге 27 апреля 1976 года Зоя повидала наконец своего Джексона во время краткого визита к нему в Оранж-парк А спустя неделю после этого – 3 мая – их дочь Виктория родила на свет их внука Александра. Правда, увидеть его взрослым ни бабушке, ни дедушке не доведется. Тейт уйдет из жизни от рака 19 июля 1978 года в возрасте 79 лет. А Зоя будет убита спустя три с половиной года – в декабре 1981 года.

Пуля для Зои, или Кто нажал на курок

Последние фильмы Зои, или «Хэллоу, это общежитие». – Все версии убийства Зои Федоровой. – Пистолет марки «Зауэр», или Система бьет без промаха

После побега дочери в США карьера Зои Федоровой в кино, по сути, прекратилась. Например, если за период с 1970 по 1975 год (шесть лет) она снялась в 17 фильмах (две главные роли), то в 1976–1981 годах актриса записала на свой счет всего лишь четыре фильма (ни одной главной роли). Что это были за ленты?

В момент отъезда Виктории к отцу (летом 1975 года) Зоя умудрилась сняться в детской комедии «Пузырьки» режиссера Валерия Кремнева с «Мосфильма». Она исполнила в нем небольшую роль учительницы танцев (нечто подобное она сыграла в картине Р. Быкова «Внимание: черепаха!», 1970). Сюжет фильма был прост. Школьники

собирают металлолом, макулатуру, пузырьки. Идет соревнование двух классов. Увлеченные ребята подчас забывают, что соревнование – не цель, а средство. Они снимают колпаки с чужого автомобиля, поят ненужными лекарствами бабушку, чтобы набрать больше пузырьков, вмешиваются в дружбу Гарика Еврумяна с девочкой...

На этом карьера Зои застопорилась, и многие ее коллеги полагали, что навсегда. Ведь стало понятно, что ее дочь на родину не вернется. Однако постепенно жизнь, что называется, наладилась. И весной-летом 1978 года Зою утвердили сразу в две картины, причем все снимались на все том же «Мосфильме»: «Живите в радости» и «Москва слезам не верит». Начнем с первой.

Это была комедия, которую снял Леонид Миллионщиков, однажды уже снимавший Зою Федорову в своем фильме – в «Меж высоких хлебов» (1971). Только если тогда актриса играла роль продавщицы (Мотря), то в новой работе это была роль Анисьи – жены деда Афони (актер Борис Новиков). А сюжет у фильма был такой. Механизатор Дмитрий Пряжкин (Леонид Куравлев), согласно своей фамилии, постоянно что-то мастерит. Чинит все подряд, близкие даже покой потеряли. Так что односельчане ничего теперь не выбрасывают, а просто откладывают для неугомонного Митяя. Поехав в город выбивать технику для нужного селу моста, Митяй попал в руки жуликов. Но справедливость восторжествовала, добился Митяй постройки моста, да и жена к нему вернулась...

В знаменитый советский блокбастер Владимира Меньшова «Москва слезам не верит», где речь шла о судьбе трех провинциалок, которые в конце пятидесятых приехали покорять Москву, Федорова была рекомендована в начале июня 1978 года, а утверждена в августе. Там ей досталась роль вахтерши в женском общежитии – тети Паши, которая козыряет английским приветствием «Хэллоу», отвечая на телефонные звонки. Учитывая перипетии судьбы Федоровой, это слово, видимо, родилось в фильме по ее собственной задумке.

Съемки с участием Зои проходили в павильоне № 8 (там была построена декорация «женское общежитие») 27–30 ноября 1978 года. Помимо нашей героини в тех съемках участвовали: Вера Алентова, Ирина Муравьева, Светлана Рязанова, Борис Сморгачев, Евгения Ханаева. Кроме этого, Федорова появилась на съемочной площадке 11 декабря, когда в том же павильоне снимался эпизод «квартира Николая». На этом съемки Федоровой в этой картине были завершены. И в съемочной группе актриса объявилась только во второй половине марта 1979 года, чтобы провести сессию озвучивания. В общей сложности за свою работу в фильме Зоя Федорова удостоилась гонорара в сумме 280 рублей. Деньги не самые большие, но дело не в них. Дело в том, что этот фильм станет лидером кинопроката 1980 года (второе место), собрав на своих сеансах 84,4 млн зрителей. Но это еще не все. Фильм удостоится американской премии «Оскар» как лучший иностранный фильм (март 1981 года), а также выйдет на экраны США и Канады, собрав 1,2 млн долларов. Короче, имя Зои Федоровой (несмотря на то, что роль у нее была небольшой) вновь прогремит практически на весь мир и, главное – в США.

Но вернемся на некоторое время назад.

Фильм «Москва слезам не верит» вышел на экраны страны 11 февраля 1980 года. А месяц спустя в прокат был выпущен еще один фильм с участием Зои Федоровой – последний в ее кинобиографии. Речь идет о картине «Утренний обход», снятой опять же на «Мосфильме», но уже режиссером Аидой Манасаровой. Это была драма о докторе Нечаеве (Андрей Мягков), который живет заботами своих пациентов. Нечаев – человек замечательных душевных качеств и высококлассный специалист-кардиолог, но совершенно неприспособленный к жизни в быту и незаметно растерявший самого себя, не сделавший многое из того, о чем мечтал, и не понявший самоотверженную любовь молоденькой студентки Алисы. На своих надеждах и мечтах доктор постепенно ставит крест – они уходят на второй план, вытесняемые работой в больнице.

У Зои Федоровой была небольшая роль пациентки больницы – некоей Егоровой.

Между тем с момента бегства ее дочери в США (июнь 1975 года) Зоя Федорова прожила еще шесть с половиной лет. Чем она занималась в эти годы, помимо съемок в кино? Тем же, чем занималась и ранее: ездила

с концертами по стране и скупала дефицитные вещи для последующей их перепродажи. А также участвовала в сделках по скупке и перепродаже бриллиантов, в которых фигурировали люди из элитных кругов – партийные и хозяйственные деятели, дипломаты, артисты и т. д. Причем эти операции стали еще более интенсивными, поскольку у Зои теперь расширились «горизонты» – появилась возможность, пусть нечасто, но выезжать за рубеж. Да, да – несмотря на бегство дочери, ей было разрешено навещать ее в США. Как мы помним, в первый раз она находилась там в апреле-мае 1976 года. Затем съездила туда и в следующем году. Причем вернулась назад не с пустыми руками – привезла на продажу синтетические шубы и другую одежду для продажи в комиссионках. Наконец, в третий раз Зоя отправилась в США летом 1979 года, чтобы опять не только навестить дочь и внука, но и в очередной раз «затовариться». То есть это были и бизнес-поездки.

Кстати, в том же 79-м в США свет увидела книга Виктории Федоровой и Гескела Фрэнкла «Дочь адмирала», где была рассказана история любви Зои Федоровой и Джексона Тейта. Отметим для себя – официальная история. Обратим внимание и на другой факт. Книга вышла в свет сразу после того, как из жизни ушел один из главных героев книги – Джексон Тейт (это случилось 19 июля 1978 года, адмиралу было 79 лет). Случайность ли это – смерть адмирала и выход книги? Вполне вероятно, что и нет. Можно предположить, что многое в книге не понравилось бы покойному, а кое-что он мог бы и вовсе оспорить или опровергнуть. Но уход из жизни лишил его этой возможности.

Тем временем в декабре 1979 года случились всем известные афганские события (ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан), после чего у СССР испортились отношения со многими западными странами, в том числе и с США. Поэтому в 1980 году Федорова к дочери не поехала – то ли наши не выпустили, то ли американцы не впустили. Но в 1981 году ситуация вокруг Афгана несколько улеглась, и поездки советских граждан на Запад возобновились. И в конце года Зоя подала документы в ОВИР, чтобы снова выехать в США и успеть отметить с дочерью и ее семьей свое 72-летие, а попутно – и католическое Рождество. Но ей в праве выезда снова отказали. Тогда Федорова пригрозила пожаловаться «большим людям» (а в подругах у нее, как мы помним, была сама Галина Брежнева). А спустя несколько дней – 11 декабря 1981 года – Зою Федорову убили в ее собственной квартире № 234 (четвертый этаж) в доме 4/2 по Кутузовскому проспекту. События разворачивались следующим образом.

Днем к Федоровой пришла ее подруга Маргарита Набокова. Стала звонить в дверь, но на звонок никто не откликнулся. Хотя внутри квартиры ясно слышались звуки: громко работало радио и с шумом лилась вода в ванной. Подруга ушла, чтобы спустя два часа снова вернуться. Опять позвонила, но результат был тот же – ей никто не открыл. Но зато теперь за дверью стояла мертвая тишина. Тогда Маргарита написала Зое записку, которую оставила в дверях: «Заяц, как тебе не стыдно. Договорились встретиться, а тебя нет».

А вечером к актрисе заявился ее племянник (сын ее сестры Александры) Юрий Михайлович Федоров. Вот его рассказ: «...В тот день я должен был заехать к тетке за шкурками для шапки. Решил предварительно позвонить. Занято, занято. Стал волноваться. Позвонил в охрану. Квартиру на сигнализацию не сдавали. На телефонной станции сказали – трубка не лежит. Часам к семи примчался к ней. В двери записка от ее подруги Маргариты Набоковой. Я привез ключи и инструмент. В дверях было три замка: один открыт, второй открыт, третий – пол-оборота повернул, дверь открылась. Вижу, тетка сидит в гостиной, голова откинута назад, с телефонной трубкой в руке. Левое очко разбито. Три года эта ужасная картина стояла у меня перед глазами. Милиция быстро приехала – человек двадцать...»

Одним из приехавших был начальник угрозыска 123-го отделения милиции Москвы (на его территории и жила Зоя Федорова. – Ф. Р.) Борис Кривошеин, которому сообщил об этом его бывший сокурсник, а тогда – дежурный по МУРУ Сергей Бутенин. Б. Кривошеин вспоминает:

«...Входим. Комната обычная. Чуть справа стоит стол прямоугольной формы, относительно большой. Спиной к нам на стуле, скажем так, не труп, а силуэт – тело женщины. Первое, что бросилось в глаза, – под стул натекла

лужа крови. Сначала, не трогая ничего, провели внешний осмотр. Самое интересное, что мы все-таки были уже не новички, кое-что видели и кое-что понимали. А здесь мы не могли определить, от чего она умерла. Я взял ее руку, потрогал пульс, пульса нет, но тело было еще теплое. Голова актрисы лежала на столе, по носогубной складке стекала кровь. В вытянутой на столе правой руке жертвы лежала снятая с красного дискового телефона трубка, из которой доносились протяжные гудки. Никакого ранения, которое указывало бы на то, что она умерла насильственной смертью, не было заметно. Первое, что пришло в голову – у пожилой актрисы случилось кровоизлияние в мозг. В замешательстве я начал рыскать взглядом по комнате, чтобы найти какую-то зацепку. Возле ножки журнального столика увидел использованную гильзу. Сомнений в том, что в квартире произошло убийство, не оставалось. Когда же мы наклонили тело, чтобы осмотреть его, из дырки над левой бровью потекла кровь...»

Чуть позже будет установлено, что гильза принадлежит немецкому пистолету «Зауэр», модели 38 (1938 год выпуска), калибра 7,65 мм. Убийца хладнокровно выстрелил женщине в затылок в тот момент, когда она собиралась кому-то позвонить. Кому? Это предстояло выяснить следствию.

По словам подруги убитой (той самой, которая вызвала на место происшествия племянника Федоровой), она приходила к дверям квартиры № 234 дважды: в начале второго и около пяти вечера. Оба раза она долго звонила в дверной звонок, но ей никто не открыл. Это было странно, так как потом следствие установит, что в начале второго Федорова находилась дома и была еще жива. Установить это помог свидетель, который в промежуток времени с 13:45 до 14:30 дважды разговаривал с актрисой по телефону. Они обсуждали вопросы предстоящей гастрольной поездки актеров Театра-студии киноактера в Краснодар. Отсюда возникал вопрос: почему Федорова не открыла дверь своей подруге? Боялась? Или ждала в гости кого-то другого? Если этот другой и был убийцей, то выходило, что Федорова его хорошо знала. Такой вывод напрашивался сам собой. Дело в том, что следствие установило – Федорова была крайне осторожным человеком. За все время своего проживания в доме на Кутузовском проспекте она ни разу не пустила к себе в квартиру не только никого из соседей, но даже техника-смотрителя. Обычно с посторонними посетителями актриса разговаривала через дверь, и, если гость настаивал на встрече, Федорова просила его спуститься во двор и встречалась с ним там. Почему она так себя вела? Версий может быть несколько. Первая – осторожности ее научила «Владимирка». Вторая версия – всему виной «бриллиантовая» деятельность актрисы, которая требовала тщательной конспирации. Наконец, третья – у человека, который агентурит на спецслужбы вот уже более пятидесяти лет (с 1927 года), подобная осторожность становится образом жизни.

А теперь обратимся к книге знаменитого детективщика Юлиана Семенова «Тайна Кутузовского проспекта», где наиболее подробно описан рапорт по факту гибели Зои Федоровой. В нем сообщается:

«11 декабря 1981 года в 20 часов 30 минут гр-ном Федоровым Юрием Михайловичем, уроженцем г. Москвы, в квартире № 243 дома 4/2 по Кутузовскому проспекту был обнаружен труп его родственницы Зои Алексеевны Федоровой.

О происшедшем Федоров сообщил по телефону „02“ в Дежурную часть „Петровки, 38“. На место происшествия была направлена оперативная группа Киевского РУВД, а затем оперативно-следственная группа ГУВД. Кроме того, на место происшествия выезжали руководящие сотрудники РУВД и ГУВД.

Осмотром места происшествия установлено:

1. Квартира гр. Федоровой З. А состоит из трех изолированных комнат и расположена на четвертом этаже в подъезде № 6 девятиподъездного 9-этажного дома;

2. Труп гр. Федоровой находился в полулежачем положении, в кресле, стоящем в гостиной около стола, в одном метре от входа в комнату. Голова запрокинута назад, в правой руке зажата телефонная трубка. Сам телефонный аппарат находился на столе.

Смерть Федоровой З. А. наступила в момент, когда она говорила с кем-то по телефону, от выстрела в затылок, произведенного из пистолета „Зауэр“ калибра 7,65 (пистолет системы „Зауэр“ продается в США, Аргентине (гор. Игуасу) и Бразилии).

В квартире обнаружены отпечатки пальцев неизвестных. С журнального столика изъят отпечаток пальца на дактилоскопию.

Из протокола осмотра квартиры жертвы, проведенного следователем прокуратуры Сазоновым, прокурором-крими-налистом Герасимовым, экспертами НТО Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома Антроповым и Григьевым в присутствии понятых Александровой и Кондрашкиной, явствует, что обстановка в комнатах не нарушена. Дверные замки шкафов целы. Следов взлома нет. Обнаружено 2400 рублей, кольца – с камнями и без камней, браслет, подвеска, кулон, цепочки и запонки желтого цвета. Следы насилия в комнатах не просматриваются.

Дверь взломана не была. По данным экспертизы, квартира чужим ключом, сделанным со слепка, не отпиралась, из чего можно сделать предположение, что убийцей был человек, хорошо знакомый Федоровой, который и находился в квартире жертвы...

Во время Великой Отечественной войны З. А. Федорова вступила в интимную связь с сотрудником военно-морского атташе посольства США Джексоном Роджером Тейтом, от которого родила дочь Викторию. Некоторое время была замужем за кинооператором Рапопортом. С 1946 по 1955 год находилась в местах лишения свободы. В 1955 году была реабилитирована, после чего вновь приступила к работе в кинематографии, находясь в штате Театра-студии киноактера. В 1978 году вышла на пенсию, но продолжала участвовать в концертах, преимущественно в гастрольных поездках (амплуа – комик). Поддерживала связи с многочисленными работниками искусства в различных городах страны. Ее дочь – Федорова Виктория Яковлевна, 1946 года рождения, по окончании ВГИКа была зачислена в штат киностудии „Мосфильм“, снималась в 15 кинофильмах, получала призы, в том числе в 1968 году приз ЦК

ВЛКСМ. В 1975 году В. Федорова выехала в США для встречи со своим отцом – Джексоном Р. Тейтом, являвшимся контр-адмиралом в отставке, и осталась в США, выйдя замуж за гражданина США Ф. Пуи. В настоящее время имеет сына, проживает в г. Стамфорд, штат Коннектикут. Участвовала в съемках фильма антисоветского содержания, является автором такого же рода книги под названием „Дочь адмирала“.

З. А. Федорова трижды выезжала в США для встреч с дочерью и в 1981 году вновь подала ходатайство для получения визы, в которой ей было отказано.

По мнению некоторых знакомых З. А. Федоровой, последнее время она была несколько ограничена в средствах, в связи с чем часто участвовала в гастрольных поездках.

В целях раскрытия совершенного преступления:

– в 123-м отделении милиции г. Москвы создан специальный штаб, в состав которого вошли работники ГУУР МВД СССР, УУР ГУВД Мосгорисполкома, Киевского РУВД г. Москвы, сотрудники Московской городской и Киевской районной прокуратур. В настоящее время к работе по данному делу подключено УКГБ СМ СССР по г. Москве и Московской области;

– выполнен ряд следственных действий и проведены неотложные мероприятия оперативно-розыскного характера: назначено проведение экспертиз (трассологической – по замкам и ключам, химической – по одежде племянника Федоровой, баллистическая, судебно-медицинская);

– о совершенном преступлении дана информация по городу, а также во все МВД (УВД) страны.

Установлено, что 11 декабря 1981 года Федорова З. А. примерно в 13 часов 15 минут звонила гр. Грушинскому, бывшему сотруднику Росконцерта, и просила его назвать ей артистов, которых она могла бы пригласить на совместные гастроли, в связи с тем что к ней приехали из Краснодара и приглашают на гастроли. Грушинский продиктовал ей ряд телефонов, записи которых были обнаружены на столе рядом с телефонным аппаратом.

Имеются также сведения, что Федорова на протяжении ряда лет занималась скупкой ювелирных изделий. При тщательном осмотре квартиры Федоровой были обнаружены 60 пустых коробочек из-под ювелирных изделий.

В целях организации работы по раскрытию совершенного преступления проведено инструктивное совещание при зам. начальника РУВД по оперативной работе. Для городских органов милиции установлена еженедельная отчетность о проделанной работе по данному делу.

С использованием возможностей МВД СССР проведена работа по установлению объектов утраты или похищения пистолетов системы „Зауэр“ в целом по стране. Выявлено таковых три случая, обстоятельства которых устанавливаются.

Через УООП ГУВД Мосгорисполкома установлены лица и организации, имеющие в пользовании пистолеты указанной системы. Установленные организации отработаны, а трое граждан, имевших оружие системы „Зауэр“, проверяются.

В ходе работы по делу проведен комплекс мероприятий, по результатам которых определены возможные мотивы совершения убийства З. А. Федоровой, на основании которых разработаны следующие версии:

- убийство совершено родственными связями потерпевшей из корыстных или иных низменных побуждений;
- преступление совершено лицами из числа иных связей Федоровой по тем же мотивам;
- убийство совершено лицами из числа уголовно-преступного элемента с целью ограбления;
- преступление совершено с целью сокрытия другого преступления или по политическим мотивам.

В соответствии с разработанным по приведенным версиям планом выявлено 13 человек из числа родственных связей Федоровой З. А., 247 человек из числа ее иных связей. Опрошено и допрошено 643 человека.

Непосредственно по 1-й версии проведены следующие мероприятия:

- проведена отработка родственников потерпевшей; проверены их алиби, направлялась на экспертизу их одежда. По результатам проверки их причастность к убийству не усматривается;
- осуществлены проверки всех родственных связей Федоровой, проживающих в г. Ленинграде;
- установлены и проверены два человека, которые ранее состояли в браке с В. Я. Федоровой.

По 2-й версии проведена следующая работа: проверкой архивных материалов установлена преступная группа П. и Ш., члены которой были знакомы с потерпевшей и в своих преступных целях даже использовали ее автомашину „ЗИМ“, которая впоследствии была продана в г. Ашхабад. Известно, что П., 1937 года рождения, уроженец Москвы, ранее трижды судимый, перед арестом в 1968 году работал администратором в Москонцерте, где занимался организацией концертов. Там же он познакомился с С., 1941 года рождения, одним из активных членов преступной группы, погиб в 1975 году. С. также был знаком с Федоровой З. А., по доверенности водил ее автомашину „ЗИМ“, посещая Федорову, неоднократно занимал у нее деньги. П. и С. организовывали „левые“ концерты. Вместе с членами своей преступной группы П. неоднократно выезжал в Краснодар, где имеет обширный круг знакомств среди работников филармонии. В 1970 году П. и Ш. были осуждены к различным срокам лишения свободы. Фактическое местонахождение П. в настоящее время устанавливается. Ш. в июне 1981 года совершил разбойное нападение на кассира в г. Калинин, скрывается,

находится во всесоюзном розыске. В г. Калинин командировался сотрудник уголовного розыска, имевший фотографию Ш., который сделал выборку его известных связей. В настоящее время проводится работа по установлению связей Ш. и его розыску. Дактокарты Ш. и П. проверены. Совпадений с пальцевыми отпечатками, обнаруженными на месте происшествия, не установлено.

В результате изучения образа жизни Федоровой З. А. установлено, что в октябре-ноябре 1981 года она с группой артистов принимала участие в гастрольной поездке по Краснодарскому краю. Как следует из допроса Грушинского, к Федоровой приезжали сотрудники Краснодарской филармонии, приглашавшие ее вновь участвовать в гастрольях. В УВД Краснодарского края были командированы сотрудники УР, которые установили работников указанной филармонии: Б. (ранее судимого по ст. 58 УК РСФСР – 24 года) и Г., занимавшихся организацией концертов в честь столетия станицы Привольная, в которых принимала участие З. А. Федорова. Проводится проверка Б. и Г., а также установление и отработка их связей.

Проверена проживающая в Краснодарском крае жена Ш. Кроме того, в Москве установлена еще одна его жена, 1955 года рождения, в отношении которой организована необходимая проверка.

В ходе работы по делу в ОБХСС Севастопольского РУВД г. Москвы поступил анонимный звонок, что к данному преступлению может быть причастен гр. Б., ранее проживавший в д. 4/2 по Кутузовскому пр-ту, хорошо знавший З. Федорову. Установлено, что Б. имеет высшее техническое образование, длительное время не работает, злоупотребляет алкогольными напитками, по месту прописки фактически не проживает, поддерживает связь с неким Г., который владеет немецким языком, встречается с гражданами ФРГ. Также известно, что одной из их связей является Б., проживающая: Кутузовский пр-т, 4/2, поддерживающая связи с лицами, ведущими сомнительный образ жизни, ранее была замужем за Б., место нахождения которого устанавливается (Б. был ранее судим за разбойное нападение с применением огнестрельного оружия). В результате проведенных мероприятий Б. был установлен и допрошен. Проводится проверка Г.

Из показаний связей Федоровой известно, что в начале декабря 1981 года квартиру потерпевшей посещали трое мужчин, предлагавших ей для приобретения различные драгоценности. В это же время в квартире Федоровой находилась ее подруга Н., в присутствии которой Федорова показывала пришедшим мужчинам уже имевшиеся у нее ювелирные изделия. В связи с изложенным были установлены:

1. Г., 1941 года рождения, несудимый, разведен, окончил художественное училище, длительное время не работает, злоупотребляет алкоголем.
2. Л., 1948 года рождения, по профессии мастер-ювелир, за недоверие в октябре 1981 г. уволен из ювелирного салона, в настоящее время не работает.
3. М., 1946 года рождения, инженер московского завода.

В целях проверки имеющейся информации Г. доставлялся в 123-е о/м, где на предварительном допросе отрицал факт предложения им Федоровой З. А. для продажи ювелирных изделий.

Г. был задержан в порядке ст. 122 УПК РСФСР, по месту его прописки и фактического проживания были проведены обыски, в результате которых материалов, представляющих интерес в связи с расследуемым убийством Федоровой, получено не было, однако в результате проведенной работы он был изобличен в совершении двух мошенничеств и арестован по признакам ст. 147 УК РСФСР.

Также был проведен обыск на квартире гр. Л., в ходе которого был изъят перстень желтого металла с камнем темно-синего цвета, который, по словам жены Л., не принадлежал никому из членов его семьи, и 4 гос. номерных знака. В настоящее время Л. задержан в порядке ст. 122 УПК РСФСР, его отработка продолжается.

Был произведен обыск по месту жительства гр. М., в ходе которого изъята магнитола, которую якобы дала ему З. А. Федорова для производства ремонта.

Определены регионы страны (всего 36), где проживают иногородние связи Федоровой, в территориальные органы милиции которых направлены задания для их отработки на причастность к совершенному преступлению.

Из показаний свидетелей следует, что на квартире З. А. Федоровой длительное время проживал солист ансамбля ВВ МВД СССР по имени Гена, которого после имевшей место ссоры Федорова попросила выехать из ее квартиры. В связи с этим был установлен Т., который был проверен на причастность к убийству Федоровой.

С 11.02 по 20.03.1981 на квартире З. А. Федоровой проживала гражданка Италии – Анцелотти Анна Мария, 1937 года рождения, со своим ребенком, которая по месту жительства Федоровой встречалась со своим сожителем А, 1940 года рождения, работающим референтом. Проверкой установлена их непричастность к убийству.

По 3-й версии:

осуществлены мероприятия по розыску и проверке особо опасного рецидивиста К., 1945 года рождения, который в ночь с 21 на 22.XI.1981 совершил в г. Краснокамске Пермской обл. из огнестрельного оружия убийство водителя такси. По адресу: Кутузовский пр-т, 4/2 проживает сестра преступника – Л., а на территории 165-го о/м проживает бывшая жена К.; необходимые мероприятия по установлению и задержанию разыскиваемого К. проводятся.

Из показаний Ф. следует, что незадолго до происшествия в квартире Федоровой З. А. была заменена газовая плита. Принятыми мерами слесари, проводившие данную работу, установлены и проверены на причастность к совершенному преступлению.

Проводится проверка и отработка лиц из числа состоящих на учетах в ПНД и представляющих социальную опасность.

По 4-й версии:

органами КГБ проводится проверка сведений, полученных по месту работы потерпевшей, которые не исключают возможность, что Федорова могла оказывать негласную помощь лицам, выезжающим из СССР.

Также сотрудниками КГБ проводится работа по установлению связей Федоровой З. А., отбывавших вместе с ней лишение свободы в 1946-55 гг.

Продолжается проверка граждан, являющихся установленными владельцами пистолетов системы „Зауэр“.

И. о. начальника ОУР Киевского РУВД г. Москвы подполковник милиции Цофилс Э. Н...».

А теперь расскажем о том, что не вошло в эту сводку. А именно – о действиях оперативников с «земли», из 123-го отделения милиции, и в частности – о работе начальника тамошнего уголовного розыска Бориса Кривошеина. По его словам:

«...Поиск преступника начался с опроса лиц из записной книжки Зои Федоровой. В блокноте было более 2 тыс. телефонных номеров, более 1 тыс. почтовых адресов, московских и иногородних. Большинство из них принадлежали актерам с „Мосфильма“ и театральным деятелям. Мы принялись вызывать и опрашивать знакомых Зои Федоровой в поисках хоть какой-то зацепки. В результате было опрошено более 4 тысяч знакомых актрисы, но установить убийцу это не помогло. Лично я допрашивал Ролана Быкова, Никиту Михалкова. Когда столько людей через тебя проходит, волей-неволей приходится ковыряться в грязном белье. И каждый из актеров просит: об этом не говорите никому, вот это не записывайте. Мы старались вести более доверительные беседы, не в протокол, но результатов это не давало. Мы без толку копались в мосфильмовской каше, в дрызгах, кто там какую-то шубу приволок, кто туфли продал, другой стучит, этот с 15-летними мальчишками кувырывается. А

информации, представляющей оперативный интерес по делу, практически не было. Только стандартные вопросы и такие же ответы: да, нет, не знаю, не видел.

В то время меня начали посещать сомнения: какая-то зацепка, которую я не заметил, могла остаться в квартире, где убили актрису. Ключи от ее жилища были у меня. И я отправился на Кутузовский проспект. Чутье меня не подвело. Незамеченной ранее осталась дверца в кладовку, за которой я обнаружил помещение полметра на метр, до потолка забитое старыми женскими сумочками. Их было больше сотни, но в любой могли оказаться какие-то важные документы и записи, представляющие интерес для следствия. Потому вся груда была разложена на пол и обследована вплоть до подкладок. Мои сомнения, что сумочки никто не проверял, подтвердились. В одной из них нашлись три тысячи рублей, а в другой золотая цепочка. Но на этом находки не закончились. Еще раз внимательно осмотрев комнату, я заметил разбросанные на полу и на полочках в кладовке бирки от ювелирных украшений. Я принялся сгребать их в пакеты. Сотни, если не тысячи маленьких картонных этикеток едва поместились в две целлофановых торбы.

Конечно, меня это насторожило. Я понимаю, что часть бирок изъяли при первом осмотре. Но такое количество откуда могло появиться? И кто мог их разбросать? Оперативники не могли этого сделать. Наши оперативники, если и проводили осмотр места происшествия или даже обыск, старались всегда возвращать предмет на место. У меня проскочила мысль, что кто-то подсовывает мне специально эти бирки. Не исключено, что они были разбросаны спецслужбами, чтобы списать убийство Зои Федоровой на „бриллиантовую мафию“. А может, и нет. Актриса была частым гостем на метро „Октябрьское поле“. Там находился магазинчик антиквариата, в котором, по рассказам продавцов, она скупала все, что только видела. Купленные там украшения она могла передавать в Америку через мужа дочки, который часто летал в Россию, или через знакомых. Отсюда и появились оторванные бирки. Ходили также слухи, что после убийства Зои Федоровой в квартире был обнаружен чемодан с драгоценностями, который впоследствии пропал. Но единственное, что видел лично я при осмотре помещения, – пустые подрамники. Чемодана не было...»

Заметим, что в ходе следствия оперативникам стало известно, что незадолго до смерти Зое Федоровой предлагали купить украшения с бриллиантами – кольца, серьги и браслет. Но она отказалась, так как перед этим уже приобрела кольцо с бриллиантом примерно за 50 тысяч рублей. Огромная по тем временам сумма, на которую можно было купить три «Волги». То есть деньгами актриса ворочала достаточно внушительными.

Версии

1) От Юрия Нагибина

Убийство знаменитой актрисы вызвало волну всевозможных слухов о том, кто именно и за что совершил это преступление. Например, тот же Ю. Семенов в упомянутой выше книге высказал одну из них. Впрочем, в конце восьмидесятых – начале девяностых сразу три именитых литератора вбросили в общество три разных версии этого убийства. Это были Юрий Нагибин, Юлиан Семенов и Эдуард Володарский. Вот с них и начнем.

Свою версию Нагибин опубликовал в перестроечные годы в журнале «Огонек» в рассказе под названием «Афанасьич». Под этим именем скрывался душегуб – преданный адъютант некоего Шефа, под личиной которого угадывался министр внутренних дел СССР Николай Щелоков. По версии Нагибина, Шеф послал Афанасьича убить Зою Федорову, чтобы завладеть неким драгоценным камнем, который понравился не только ему, но и его обожаемой супруге. Ведь актриса собиралась улететь в США и, значит, могла увести драгоценности с собой. А этого именитой паре как раз и не хотелось. Впрочем, почитаем отрывок из этого произведения:

«– Кто там? – послышался за дверью милый голос.

Афанасьич вобрал в себя его звучание, просмаковал интонацию, в которой было недоумение, капелька тревоги, но куда больше ожидающего любопытства. Как это похоже на нее, от каждого жизненного явления ждать какой-то нечаянной радости. Вот кто-то постучал в дверь – звонок не работал, – и она, дрогнув напряженными нервами, в следующее мгновение подумала сердцем – не рассудком – о чем-то добром.

– Кто там? – повторила она, и по голосу чувствовалось, что она приняла молчание стоящего за дверью человека за милую игру.

– Афанасьич, – сказал Афанасьич и улыбнулся, зная, что она тоже улыбнется.

Дверь отворилась, и улыбки двух людей встретились.

– Милости просим, – сказала она. – Вы обо мне совсем забыли. Думала, так и уеду, не попрощавшись.

– Как можно! – Афанасьич всплеснул руками. – Вы не думайте, что о вас забыли. Мы вас охраняли, за квартирой приглядывали.

– Заходите. – Она жестом пригласила его в комнату.

– Да ничего... – засмутился Афанасьич. – Я так постою.

– Будет вам! Тоже – красная девица!

Актриса видела, как неловко, застенчиво просовывается Афанасьич мимо нее в комнату – квартира была малогабаритной, и двум людям трудно разминуться в крошечной прихожей. Видела и все понимала про него: поклонник, один из тех, кто остался ей верен, полюбив по старым фильмам, когда она была смуглолицым чудом. Странно, что таких людей оказалось довольно много в самых разных слоях: ее радостно узнавали шоферы такси, продавцы магазинов, старые интеллигенты, пенсионеры, полунищие старухи-меломанки, реже всего граждане эпохи рока. Конечно, и Афанасьич был из числа „ушибленных“. „Охраняли!.. Приглядывали!“ – передразнила она про себя. Рассказывай сказки. Придумал себе службу, чтобы на доярку Лизу вблизи поглядеть. Гляди на здоровье, больше не придется. Ей стало грустно. Ей и вообще было грустно с того самого дня, когда она решила ехать, поняв, что без дочки не проживет, но случались мгновения, самые непредсказуемые, и боль предстоящей разлуки шилом прокалывала сердце. Ну какое ей дело до этого и всех других мусоров?

Зла особого она от них не видела, ей сломали хребет другие силы, но с тех пор всякий институт власти стал ей малопривлекателен. И ничего привлекательного в нем нет: мешковатая фигура, простецкое лицо, культяпый нос... нет, что-то располагающее все-таки было – в самой нелепости фигуры, в открытой и доверчивой некрасивости, в смешной застенчивости было что-то такое родное, что дух перехватывало. И до взвоя не хотелось лощеных, прилизанных, безукоризненно воспитанных и ловких джентльменов, пропади они пропадом! Нечто схожее она испытала утром, когда ее обхватила зеленщица в грязной лавчонке. И обхватила-то без нужды и повода, просто по пьяной разнузданности. Она хотела возмутиться и вдруг – уколом под лопатку: а ведь этого больше никогда не будет, ни вонючей лавочки, ни бледных капустных кочанов и черной картошки, ни сизого носа и сивушного дыхания, ни акающего московского говора: „Ишь, растапырилась! Паари еще, вабще не абслужу!“ Сестра моя, родная кровью и бедой, никто не знает, кто из нас несчастнее. И она подумала об Афанасьиче: „Если он захочет поцеловать меня, пусть поцелует“. Но знала, что тот не осмелится.

Они прошли в комнату. Она только начала собираться, но жилье уже потеряло обжитость и уют. На выгоревших обоях остались яркие квадраты от снятых гравюр и фотографий. И люстры хрустальной уже не было, с потолка свисал лишь обрывок шнура, освещалась же комната настольной пластмассовой лампой. Не стало и персидского ковра, спускавшегося со стены на диван, и старинного чернильного прибора на маленьком дамском письменном столе. И вот по этой уже отлучившейся от ее существования комнате Афанасьич понял до конца, что она

действительно уезжает, уезжает, и все тут, навсегда. Господи!.. Она его о чем-то спрашивала, он машинально отвечал, сам не слыша себя, только зная, что отвечает впопад.

Она села за столик. Афанасьич хотел присесть па стул, но загляделся на фотографию, висевшую над туалетным столиком. Он еще в первый раз заметил эту фотографию, а сейчас прицепился к ней взглядом, будто видел в первый раз. Доярка Лиза: платочек, челка, улыбка, комбинезон с лямками, легкая кофточка в цветочках.

– Что вы уставились, Афанасьич? – спросила она.

– Карточка.

Она засмеялась.

– Эту я вам не дам. Почему – секрет. Но есть похожая. Из того же фильма. Хотите подпишу?

– А можно?

Она открыла средний ящик стола, нашарила там карточку и стала надписывать. Афанасьич, как замороженный, шагнул к туалетному столику. Он оказался у нее за спиной и, оглянувшись, увидел ее голову, склонившуюся над столом.

Холодный ум, горячее сердце, твердая рука... Может, это и верно, но не для Афанасьича. К моменту, когда надо было нанести удар, ум его был так же раскален ненавистью, как и сердце. Эта ненависть сцепляет все существо человека в единый волевой клуб, дающий безошибочную верность глазу и крепость руке. Промаяхнуться можно, стреляя в собственный висок, а тем паче с расстояния, пусть самого малого. Сука!.. Изменница!.. Сионистка!.. Все предала. заботу родины. бесплатное обучение и медицинскую помощь. конституцию. Октябрь. Первомай!.. Вот тебе заграница!.. Вот тебе дочь-не-возвращенка!..

Слова будто взрывались в черепной коробке Афанасьича. Все, что втемяшивали в слабый детский мозг детдомовские воспитатели и учителя и что осталось незыблемым, как бы потом ни менялась жизнь, все, что совпадало с этими первыми и самыми прочными истинами из последующих научений, усиливая их непреложность, в должную минуту дарило Афанасьича небывалой цельностью, подчиняя его нервную, умственную и мускульную системы одному поступку и делая из него безукоризненный инструмент уничтожения.

Он мгновенно отыскал точку на затылке склонившейся над столом головы, где разделялись темные крашенные волосы, седые у корней, и в эту точку, в сшив черепных костей направил выстрел. Пуля, разрушив мозг, выйдет через тонкую кость глазницы, не повредив при этом глаза. Он ее подберет, ибо никогда не нужно оставлять вещественных доказательств. Пусть ему ничего не грозит, но работать надо чисто.

Простреленная голова дернулась и ударилась о крышку стола, это было конвульсивное движение, женщина не успела осознать случившееся, не испытала ни испуга, ни боли, просто перестала быть. Теперь она никуда не уедет и ляжет в родную землю, как положено русскому человеку.

Половина дела была сделана. Афанасьич надел резиновые перчатки, какими пользуются на кухне опрятные хозяйки, достал из серебряного стаканчика, стоящего на столе, ключи от письменного стола и отомкнул крайний верхний ящик. Он не сомневался, что искомое окажется там. В первый свой приход он заметил быстрый взгляд, брошенный хозяйкой дома на этот ящик. Не было хуже хранилища, но именно здесь должна была она держать свою драгоценность. Это вывернутая наизнанку осмотрительность: чтобы всегда была под рукой. Беспечная, шалавая, незащищенная, она не могла всерьез позаботиться о сохранности ценной вещи. А если б и придумала для нее тайник, то наверняка не смогла бы потом найти. Зная себя, она боялась этого куда больше, чем неправдоподобного в ее чувстве жизни нападения злоумышленников.

Афанасьич вынул драгоценность, выслезившую ему глаза своим блеском, и пошарил в ящике в поисках футляра, но его не оказалось. Вот непутевая! – покачал головой. Он уже не чувствовал гнева, являвшегося при всей своей естественности рабочей предпосылкой. Он опустил драгоценность в карман пиджака, подобрал пулю, принес из кухни мокрую тряпку и тщательно вытер все предметы, на которых могли остаться его следы. Тряпку он выжал и повесил на батарею.

Вот вроде и все. Афанасьич надел пальто, шляпу, повязал шарф и в последний раз оглянулся на убитую. Она как будто спала, положив правую, поврежденную часть головы на столешницу. Волосы прикрывали рану, а другой глаз был широко открыт и, круглый, блестящий, жемчужный, таращился удивленно. Да ведь таким и всегда казался ее распахнутый взгляд. Последняя неожиданность жизни не успела стать переживанием.

Афанасьич подошел и осторожно вытащил фотографию из-под ее головы. „Милому Афанасьичу перед разлукой на добрую память“. А расписаться не успела, только первую букву вывела, и острие шариковой ручки проткнуло бумагу. Конечно, фотографию с капелькой крови следовало уничтожить, но может человек хоть раз в жизни сделать что-то для своего сердца, не думая о бесконечных правилах, предписаниях и запретах? Афанасьич стер кровь и положил карточку в партийный билет – для сохранности.

Надо было идти, он и так опаздывал, но что-то не отпускало Афанасьича. Он смотрел на любимое лицо и ждал. А потом понял, чего ждет. Смелости в себе самом, чтобы подойти и поцеловать ее прощально. Коснуться губами ее щеки возле носа на чистой половине, куда не вытекла кровь, почувствовать теплоту еще не остывшей кожи и тот нежный сладкий запах пудры и духов, что щекотал ему ноздри даже на расстоянии и будет чем жить до самого конца. Но как же так – без разрешения?.. Воспользоваться ее беспомощностью... нет, этого он себе не позволит.

Он с усилием посмотрел на нее, повернулся и вышел, погасив за собой свет. На лестничной площадке снял резиновые перчатки, сунул их в карман, надел обычные кожаные, поднял воротник пальто и сбежал по лестнице. Он вышел из подъезда, пересек двор, не встретив ни одного человека.

Через двадцать минут он переступил порог квартиры Шефа.

– Что так долго? – недовольно спросил Шеф, собственноручно открывший дверь.

От него сильно пахло коньяком, но простуды как не бывало. Шеф умел выгонять каждую хворость с помощью винной терапии.

Был он в генеральских брюках и пижамной куртке – его любимый наряд на отдыхе. В таком виде он трапезовал в кругу семьи, принимал гостей, но сейчас дело шло к одиннадцати, к тому же Шеф был простужен, и ему естественно было бы сменить брюки на пижамные штаны, а сверху накинуть халат. В его полумобилизованности проскальзывали тревога, готовность к действию. Неужели он допускает мысль, что Афанасьич подведет и придется вмешиваться?.. Горько сознавать, что тебе не доверяют.

– Так вот управился, – угрюмо сказал Афанасьич, проходя следом за Шефом в кабинет.

Сколько раз он тут бывал и не переставал поражаться великолепию этого музея, дворца, комиссионного магазина, не знаешь, как даже назвать. Красное дерево, бронза, хрусталь, ковры – под ногами, на стенах, на диванах, картины в золоченых рамах, гравюры, старинное оружие: мечи, кинжалы, пистолеты, щиты и копья. Даже рыцарский шлем был с золотым гребнем. А на письменном столе, опиравшемся на львиные лапы, – целая выставка: фигурки из мрамора, бронзы, дерева, малахита, шкатулочки с мелкими картинками, охотничий набор, нож и вилка в футляре из красного дерева, хрустальная чернильница с серебряной крышечкой, золотой резной стаканчик с гусяными перьями, какими еще Пушкин писал, фотографии в красивых рамках и самая большая цветная – супруги Шефа...

– Докладывай! – сказал Шеф, и непривычно официальный, суховатый тон выдал его беспокойство.

Афанасьич расстегнул пальто и простецким жестом вытащил из кармана сверкающее чудо.

– Докладываю, – сказал он и, широко размахнувшись, положил драгоценность на зеленое сукно письменного стола.

Шеф посмотрел, зажмурился и двумя пальцами прижал заслезившиеся глаза.

– Да, – произнес он тихо, – умели в старину делать вещи...

Можно было подумать, что вся операция была затеяна, чтобы убедиться в мастерстве старых ювелиров. Шеф потрогал драгоценность, но в руки не взял...»

Отметим, что рассказ писался во второй половине восьмидесятых – в то самое время, когда на Н. Щелокова (он застрелился в декабре 1984 года) в советских СМИ начали выливать ушаты грязи. Поэтому «ушат» от Нагибина был вполне закономерен. И тот же Юлиан Семенов в своей повести «Тайна Кутузовского проспекта» эту версию опровергает следующим образом:

«– Помнишь артистку Зою Федорову?

– Это которую Щелоков уконтрапупил?

– Кто это тебе сказал?

– Так Нагибин в „Огоньке“ напечатал, неужели не читал?

– Читал. Писатель в книге на все имеет право, на то он и отмечен искрой божьей. Так вот, Хренков этот меня интересует именно в связи с Зоей Федоровой.

– Верно, государственная мафия – это страшно. Только при чем здесь смерть Зои Федоровой? Я читал в „Огоньке“, как у нее Щелоков кольцо забрал после того, как адъютант ее шлепнул.

Костенко отрицательно покачал головой.

– Нет, Игорь, это все на поверхности. Слишком просто. Покойница устраивала левые концерты, тогда актерам очень мало платили, надо было вертеться. Данные об этом в ее деле лежали, хватало на то, чтобы арестовать и провести дома обыск. Вот тебе камушек и тю-тю – без мокрухи...»

Теперь самое время перейти ко второй версии.

2) От Юлиана Сменова

Она не менее экзотическая, чем у Нагибина, хотя сильные мира сего в ней не участвуют. А строится она на следующем факте, который сообщает Семенов. Цитирую:

«...Опрошенный тем же инспектором Карасевым друг Федоровой – они вместе работали на картине „Иван Никулин, русский матрос“ в сорок третьем году еще – утверждает, что Виктория за свою книгу получила в Штатах двести двадцать пять тысяч долларов, ни в чем не нуждалась. У одного из допрошенных писателей проскочило утверждение, что во время поездки к дочери Зоя Алексеевна намеревалась обратиться в суд с иском к отцу Вики адмиралу Тейту – он вроде бы использовал ее откровения, опубликовав их без ее на то согласия: в случае положительного решения суда она бы получила сто тысяч долларов неустойки...»

Откуда взял эти факты писатель, неизвестно. Зато известно другое. Позволю себе еще одну цитату – на этот раз из книги «Дочь адмирала». Она заканчивается следующим пассажем: «Джексон Роджер Тейт умер от рака 19 июля 1978 года в возрасте 79 лет. Он принимал деятельное участие в работе над той частью книги, которая касается его лично. Он успел прочесть первую половину рукописи, но не дожидаясь выхода книги в свет».

Из этого вытекает вопрос: как Федорова могла подать в суд на своего бывшего возлюбленного, если книга вышла после его смерти – в 1979 году? Или она собиралась это сделать до ее выхода? Но в любом случае Семенов строит свою версию убийства актрисы именно на этой истории. А именно. После выхода «Дочери адмирала» некий сотрудник МГБ – Сорокин (он же Хренков), который вел уголовное дело Федоровой в 1947 году и мучил ее на допросах (в 1957–1965 годах он отсидит за это в тюрьме), в брежневские годы создал некую Систему – мафиозную структуру, которая занималась разного рода экономическими преступлениями. У этой Системы были выходы на высшие сферы, она имела своих боевиков, которые могли устранять людей по приказу Сорокина. И вот последний, зная об успехе «Дочери адмирала», решает написать свою книгу на эту же тему и хорошо на этом заработать. Читаем у Ю. Семенова:

«...В ресторане Дома кино к нему за столик и подседа Зоя Федорова – чуть пьяненькая, глаза сужены тяжелой яростью: – Ну, здравствуй, следователь! Давно я этой встречи ждала. Не отрывая глаз от лица Федоровой, он тогда сказал:

– Да и я сюда не просто так пришел, я с вами повидаться пришел. Нет, я не стану сообщать вашим приятелям о наших с вами беседах про них всех – забыли, небось, как мы о вашей подруге беседовали? О Борисе Андрееве? О третьем, что за столиком вашим сидит, Жженов, кажется? Могу напомнить. Архивы у меня, пленочки держу дома, голос-то у человека не меняется – если только не рак горла.

Он заметил, как обмякло тело женщины и в глазах появилось что-то темное, словно кто перед лицом одеялом взмахнул; значит, угадал, попал в точку страха.

– Я никого не закладывала, – сказала Федорова потухшим голосом. – Как вы это из меня ни выбивали...

Сорокин расслабился:

– Фамилию мою запомнили?

– Имя помню: Евгений Васильевич.

– Это не имя, Зоя Алексеевна, это псевдоним. Кто ж свое настоящее имя арестованному открывает? Хотя не важно, зовите как угодно. Вы действительно никого не предавали: один на один могу вам это подтвердить. Но ведь пленочку можно настричь так, что и не отмыться. Мы людям верить не умеем, мы документам приучены верить. Так вот, давайте-ка мирно и дружно перенесем наш разговор на тот день, который вас устроит. У меня к вам серьезное деловое предложение, Зоя Алексеевна. Насколько мне известно, вы в Америке процесс против адмирала Тейта то ли проиграли, то ли не начали, а на кону, как мы слышали, большая сумма стояла. Вот у меня и возникла идея: почему бы нам с вами не написать книжечку „Палач, адмирал и жертва. Диалог трех жертв двух Систем“? Не отказывайтесь сразу, не надо. Я после смерти Сталина был, как понимаете, демобилизован, работаю в Академии наук, кандидат, есть свободное время и друзья, которые могут предложить выгодный контракт. Не рубите сгоряча, Зоя Алексеевна, подумайте. А я к вам загляну, если разрешите. Дня через два. Хотите – вы ко мне, оставлю адрес. Я вам про ту пору много могу рассказать – с этой стороны баррикады. А вы – с той. Чем не сенсация? И про адмирала у меня сенсация припасена, верьте слову, – обеспечите дочь и внука на всю жизнь.

И когда через два дня, собрав через свои старые связи всю информацию о Федоровой, ее дочери, о том, что, находясь в отказе, актриса была на грани срыва, он пришел к ней, предварительно обложив квартиру наблюдением, она ему дверь открыла; не сразу, правда, таясь какое-то мгновение около замка, ощущая бессильный, душастый страх, но – открыла все же. Палач, если он настоящий палач, навсегда входит в плоть и

кровь жертвы, превосходством своим входит, ибо долгие месяцы он был ее всевластным владыкой, а такое никогда не забывается.

Включив воду в ванной, Сорокин тогда начал первым наговаривать на магнитофон, изредка поднимая глаза на Федорову (она была в синем платье, туфли с замшей, даже грим наложен, молодец старуха, не сдается, женщине и умирать-то надо молодой):

– Да, я палач, – по должности и званию. Я расскажу про то, через что мне пришлось пройти, прежде чем я приказал ввести в мой кабинет гордость советского кинематографа Зою Федорову – глаза громадные, распахнуты миру, ямочки на щеках, растерянная улыбка, известная в стране каждому, – дважды лауреата Сталинской премии, звезду экрана, королеву мальчишеских грез...»

Короче, Сорокин и Федорова стали вместе писать книгу. Впрочем, не писать, а наговаривать на магнитофонную ленту. Потом Сорокин обрабатывал эти записи у себя дома – переносил их на бумагу. А привести все это в божеский вид должен был писатель Борис Пшенкин – талантливый, но спивающийся литератор.

На эту книгу Сорокин под фамилией Айзенберга заключил на Западе договор на сто тысяч долларов. И, видимо, убил Федорову, чтобы не делиться этими деньгами. А может, и вовсе для того, чтобы создать вокруг книги дополнительный ажиотаж – все-таки интерес к погибшей героине произведения гораздо выше, чем к живой. Особенно на Западе.

Вот такая версия родилась из-под пера маститого детективщика. Кстати, Сорокина в его повести так и не поймали – он канул без следа в неизвестном направлении. Собственно, как и настоящий убийца Зои Федоровой, который до сих пор так и не установлен и не найден. Зато в версии другого писателя все выглядит несколько иначе.

3) От Эдуарда Володарского

Его книга «Русская красавица, или Преступление без наказания» увидела свет в начале девяностых – вскоре после развала СССР. И в ней в качестве душегуба выведен не мифический Афанасьич или заплечных дел бывший эмгэбэшник Сорокин, а вполне себе реальное лицо. Впрочем, тоже спрятанное за псевдонимом. Но лицо это легко угадывается, поскольку он является мужем Кати – дочери убиенной актрисы Ольги Александровны. То есть легко предположить, что речь идет о зяте Зои Федоровой и супруге Виктории Федоровой – летчике Фредерике Пуи, который в книге выведен под видом работника торгового флота по имени Джек. И убил он свою тещу вот по какой причине. Читаем в книге:

«...У Кати даже лоб вспотел, когда она вспомнила этот разговор, давнишний, мимолетный. Больше к этой теме Джек не возвращался. Хотя, нет-нет, кажется, что-то похожее еще раз было. Когда же? Да, было! И произошел этот разговор (она сейчас отчетливо вспомнила) на вечеринке у кого-то из друзей Джека. Кажется, у капитана лайнера. Да, точно! Они как раз только пришли из рейса и решили отметить юбилей – десять лет, как плавают вместе! Все уже крепко выпили, и часть гостей танцевала, а поскольку было много великовозрастных гостей, то танцевали старомодное танго. И тут Катя увидела на открытой груди у одной пятидесятилетней дамы (кажется, это была жена президента пароходной компании) громадный бриллиантовый кулон. Она несколько раз взглянула, даже обернулась. Джек перехватил ее взгляд, тоже посмотрел на бриллиант, сказал с усмешкой:

– Нравится? Хотела бы такой?

– Ой, подумаешь! – поморщилась Катя. – Я к ним совершенно равнодушна. У мамы побольше есть! Каратов на тридцать!

– На тридцать? – выпучил глаза Джек. – Ты шутишь, Кэт?

– Нисколько! Она купила его по дешевке у одной старухи. Какая-то древняя графиня, обломок империи. Ей было не на что жить, и мама покупала ей продукты, убирала у нее в квартире, ухаживала за ней – старуха едва двигалась, у нее ноги отнимались. И в благодарность она продала матери за копейки этот фамильный бриллиант. Говорила, что такой второй есть только у королевы Нидерландов...

– И он у твоей матери?

– Ну да! В буфете в ящичке. Там все ее сокровища! – Катя засмеялась, потянула Джека за руку к длинному столу, где стоя выпивали и закусывали гости. Катя схватила чей-то фужер, залпом выпила, налила еще, опять выпила, стала жевать какой-то бутербродик, взглянула на Джека:

– Выпей, чего ты?

– Ты знаешь, сколько стоят тридцать каратов, Кэт? – шепотом, на ухо спросил Джек.

Она, успев забыть о разговоре, с недоумением взглянула на него, наконец, до нее дошло, о чем идет речь. Она спросила:

– Сколько же, интересно?

– Больше двух миллионов долларов, – улыбнулся Джек и поцеловал Катю в губы.

Воспоминание это словно обожгло Катю, и она резко затормозила. Таню Саблину бросило вперед и она ударилась лбом о ветровое стекло.

– Скажи, Кэт. А ты не могла бы попросить у матери ее бриллианты?

– Ты с ума сошел... – пожала плечами Катя. – Она умрет, но не расстанется с ними. Я же рассказывала тебе. И потом, ты же знаешь, как она была против нашего брака. чтобы я уезжала. Чуть не прокляла меня вообще. И сейчас не думаю, что она меня простила. Я ей десяток писем отправлю, прежде чем дождусь в ответ одной маленькой открытки. А когда родился Иван, она даже не поздравила нас, ты что, не помнишь?

– Помню, черт. – поморщился Джек и, подумав, спросил: – Может, у нее в долг можно попросить? Здесь мы заложили бы их в банке и взяли бы ссуду под хороший процент. А потом, когда разбогатеет, выкупим эти проклятые камни, как ты выражаешься, и вернем их твоей матери.

– Нет, Джек, это невозможно. – Катя помолчала, глядя на мелькающие вдоль шоссе рекламные щиты. – Прости, милый, но она нам не поверит. Лагерная жизнь воспитала ее по-своему. Не верь, не бойся, не проси – по этим трем заповедям она с тех пор и живет. Ты никогда представить себе не сможешь, что это такое – просидеть десять лет в советских лагерях.

В один из его приездов к Ольге Александровне она, кажется, была ему рада, хотя подарки приняла настороженно, напоила его чаем, расспрашивала про Кэт, как она там, в Америке, живет, что делает, здорова ли, когда собирается рожать. Джек сдержанно отвечал – все в порядке, они живут неплохо, правда, ему приходится подолгу бывать в море, и он не видит Кэт и очень скучает по ней. Говорил он с трудом – его знания русского ограничивались несколькими десятками слов, и он не мог рассказать ей, что мечтал бы открыть свое дело, но у него нет столько денег. Он даже пытался рассказать ей, о том, что скоро должен родиться ребенок, что наверняка это будет сын, и он так хотел бы обеспечить будущее этого сына с самого рождения. дать ему хорошее образование. Но у него, видно, плохо получалось, потому что Ольга Александровна почти не реагировала на его слова, только кивала, и выражение лица было напряженным и даже напуганным. Однако после этого визита к ней Джек понял, что сможет это сделать. сможет ее убить ради бриллиантов. Следующий заход лайнера в Ленинград должен был состояться через несколько месяцев, и все эти месяцы Джек обдумывал план убийства. Они придут в Ленинград, и Джек сойдет на берег. Документ он возьмет у кого-нибудь из матросов. на всякий

случай. Затем – билет на самолет. Затем – такси в аэропорту до Москвы, затем. Пистолет он разберет на части. купит в магазине небольшой чемодан и кейс, разложит в разных местах части пистолета. Это, пожалуй, единственный, самый трудный момент – пройти контроль перед посадкой... Но в каждом деле без риска не бывает. Если его задержат на контроле – он погиб. Это и будет платой за риск.

Господи, ну зачем этой безумной старухе бриллианты? Это же целый капитал, а капитал должен работать, должен умножать новый капитал, должен работать на людей, приносить пользу, благосостояние, счастливую жизнь. И ради этого Джек был готов на все – он, не веривший в Бога, даже начал молиться, прося Его благословения на задуманное дело, – всем своим существом он был уверен, что поступает справедливо, пусть – жестоко, но – справедливо. Кто сказал, что справедливость во имя будущей жизни не может быть жестокой? Жизнь Ольги Александровны давно кончилась, она смердит последние годы, а он не может ждать. ну год она еще протянет без всякой пользы для себя и для своих родных и близких, ну два. кому от этого хорошо? Ведь она сама устала жить, он видел это по ее лицу – равнодушному, мертвому. Разве люди не жертвуют всем ради будущего своих внуков? Только выпадало у него как-то из сознания, что жертвы эти должны быть добровольными. И он снова истово молился, прося у Бога удачи в задуманном деле. Но время шло, а он все никак не мог решиться. Родился сын Иван, лайнер Джека не один раз заходил в Ленинград, он уходил на берег, гулял по городу и, казалось бы, двигай в аэропорт, лети в Москву. но что-то останавливало его. Один раз он взял с собой пистолет и удостоверение одного из матросов и уже собрался было ехать в аэропорт, даже чемодан и кейс купил в магазине на Невском, и опять что-то остановило его. Мрачный, он вернулся на пароход вечером, и капитан удивленно спросил, на кой черт он купил этот уродливый чемодан и еще более ужасный кейс?

Целый день до отхода лайнера в море Джек просидел у себя в каюте, пил виски и смотрел на фотографию, на которой была Кэт, державшая на руках маленького Ваню. «Да ты просто трусливая шкура! – сказал он вслух сам себе. – Ты боишься это сделать! Жалкий трус!» И в бессильной злости на самого себя он заскрипел зубами. Нет, он не сможет этого сделать, подвел черту Джек, будь оно все проклято, но убить он не сможет. И он попытался отказаться от своей идеи, забыть ее, исторгнуть из своего мозга и души. Но уж очень соблазнительной была идея! Словно сам дьявол нашептывал ему на ухо, подталкивал, ухмылялся и издевался над его трусостью. Какой же ты американец, если не способен на решительный поступок?!

Если ты не способен перешагнуть запретную черту ради будущего своего и своих детей? Значит, ты достоин той жалкой жизни, которую ведешь, и нечего рассчитывать на что-либо большее. Ты достоин участи своего отца. Отслужишь до пенсии моряком, купишь жалкую лавчонку где-нибудь в провинциальном одноэтажном городишке, будешь напиваться каждый вечер, как отец, до потери сознания, и сдохнешь, не дотянув до шестидесяти. И выбрось в мусорную корзину все свои мечты о крыше мира, на которую могут взобраться только решительные и смелые. И твой сын закончит заурядную муниципальную школу и пойдет в армию и, может быть, станет моряком, и будет, как ты, плавать по морям, проклиная тебя, мать и судьбу, потому что путь наверх будет ему заказан с детства... А ведь есть шанс резко изменить свою жизнь, увидеть совсем другие горизонты. надо только собрать мужество и волю в кулак и решиться. Он изнемогал в борьбе с самим собой, сделался злым и раздражительным, цеплялся к матросам по каждому пустяку, каждый день делал пассажирам по десятку замечаний, и наконец капитан сказал ему:

– Может, тебе стоит отдохнуть? По-моему, ты перенапрягся – кидаешься на людей, будто разъяренный индюк. Вернемся в Штаты – пойдешь в отпуск. Море, Джек, не любит людей с расшатанными нервами – так до беды недалеко.

И когда они снова пришли в Ленинград, Джек решил. Правда, он изменил свой план. Вместо самолета он взял билет на дневной поезд-экспресс и благополучно приехал в Москву. На Ленинградском вокзале взял такси и отправился домой к Ольге Александровне.

Дальше все произошло до удивления просто и быстро. Ольга Александровна оказалась дома одна и очень ему обрадовалась. Она приготовила кофе, усадила Джека за стол, стала расспрашивать о Кэт, о внуке Иване. Джек путано, с трудом отвечал.

– Может, хотите выпить, Джек? – спросила старуха.

Джек не понял, и она с улыбкой щелкнула себя пальцем по горлу – интернациональный жест, понятный любому. Джек заулыбался, закивал.

Ольга Александровна стала доставать из застекленного буфета хрустальные рюмки, бутылку коньяка. Потом она ушла на кухню, чтобы приготовить что-нибудь закусить. Джек вышел следом в прихожую, подхватил кейс и зашел в туалет. Там он быстро собрал пистолет, набил обойму патронами, сунул в карман брюк тонкие шелковые перчатки.

Когда он вошел в комнату, Ольга Александровна уже сидела за столом, на котором стояла тарелочка с нарезанным на тонкие дольки лимоном, раскрытая коробка шоколадных конфет, кофейник и чашки для кофе. В рюмки уже был налит коньяк. Джек с улыбкой сел за стол, развел руками, восхищаясь угощением. В это время затрещал телефон. Ольга Александровна поднялась, взяла телефонный аппарат с тумбочки у дивана и вернулась к столу. Села, положила аппарат на колени и сняла трубку.

Джек медленно поднялся из-за стола, прошел по комнате до окна. Вечерело, на набережной зажглись фонари, и по реке плыл ярко освещенный речной трамвай, белый, с красной большой трубой и красным огоньком на короткой мачте. Ольга Александровна о чем-то оживленно говорила по телефону, засмеялась, что-то сказала еще. Джек оглянулся на нее – широкая сутулая спина, копна седых волос, видная из-за высокой спинки стула. Ольга Александровна положила трубку, затем снова сняла ее и стала набирать номер. „Ну давай же... ну!“ – промелькнуло у него в голове. И он, как автоматическая кукла, повернулся, сделал два шага к стулу, вынул пистолет и выстрелил Ольге Александровне в голову два раза.

Голова Ольги Александровны дернулась два раза, она стала заваливаться на бок, но поручни стула не дали упасть ей на пол. Обмякнув всем телом, она чуть сползла ногами вперед и замерла, полулежа на стуле. Телефонный аппарат так и остался лежать на коленях. В трубке слышались короткие гудки. Джек торопливо натянул шелковые перчатки. После этого Джек быстро нашел связку ключей и долго подбирал ключ к замку в секретере. Наконец, большой ящик щелкнул замком, он вытянул его из секретера, и долго искал другой, потайной ящик, ощупывая каждый сантиметр поверхности внутреннего гнезда. Нашел! Быстро подобрал ключ, открыл и осторожно вынул ящик, выдвинул крышку и увидел то, что так жаждал увидеть.

Уходя из комнаты, он на пороге замер, еще раз придирчиво оглядывая комнату – не оставил ли он каких-либо следов. Он аккуратно захлопнул дверь, спустился пешком по лестнице, миновав лифт, потом долго шел по улице, пока не поймал такси. Билет на поезд он купил у какого-то спекулянта в кассовом зале и полтора часа до отхода поезда слонялся по вокзалу. Бриллианты лежали во внутреннем кармане куртки, и он ощущал их каждую секунду. Все прошло без сучка и задоринки – он приехал в Ленинград и уже через сорок минут был на борту теплохода. Стояло раннее слякотное и теплое утро. Капитан спросил его, где он шлялся целую ночь, скабречно ухмыляясь при этом.

– Ездил в Петергоф с одной девчонкой, – в тон ему усмехнулся Джек. – Смотрели фонтаны... Ты знаешь, действительно красиво...

– Ты становишься специалистом по русским фонтанам, Джек, – засмеялся капитан и зазвал его к себе в каюту, где они выпили и позавтракали, поговорили о делах.

– Все же выглядишь ты паршиво, Джек, – сказал под конец капитан. – Тебе надо хорошо отдохнуть. Тем более что молодая жена дома скучает, а муж вынужден ездить смотреть фонтаны. – и капитан захохотал.

Джек через силу поддержал его жиденьким смехом. Вот и все!...»

На телевизионной передаче, в которой ваш покорный слуга принимал участие (речь идет о программе Леонида Млечина «Загадка судьбы» за 11 июня 2015 года), версию о причастности к убийству зятя Федоровой отстаивал тележурналист Андрей Караулов. При этом он ссылаясь на все ту же книгу Э. Володарского, но вот в качестве орудия убийства почему-то называл не пистолет системы «Зауэр», как у писателя, а молоток, которым убийца пробил затылок жертвы. Причем бил с такой силой, что один глаз несчастной выскочил из глазницы и упал на пол. Хотя на всех посмертных фотографиях Зоя Федорова сидит в кресле, запрокинув голову, на которой красуются очки. Или их зачем-то водрузили потом на жертву сыщики? Короче, Караулов убежден в том, что актрису убил именно зять, и даже оповестил публику, что вскоре после убийства он купил себе ювелирную лавку.

Лично мне эта версия кажется сомнительной, о чем я и сказал в том телеэфире. Впрочем, не верят в нее многие. Например, историк Борис Соколов заявляет следующее:

«Бытует версия о том, что Зою мог убить с целью ограбления ее американский зять Фредерик Пуи, летчик компании „Пан-Америкэн“. Ее впервые озвучил кинодраматург Эдуард Володарский, а в документальном фильме повторил другой кинодраматург – Виктор Мережко. Однако был ли Пуи в Москве в день убийства тещи, наверняка выяснили в первые же дни следствия. И никаких мотивов покрывать американца у следователей не было. Наоборот, для Москвы это была бы очень выгодная версия, но она явно не имела никакого подтверждения в материалах дела...»

А вот что заявил кинорежиссер Марк Айзенберг: «Эдуард Яковлевич Володарский написал сценарий „Русская“ – о жизни и судьбе Зои Федоровой и ее дочери Виктории. По Володарскому следует, что Зою Алексеевну убил бывший муж Виктории – Пуи. Они прожили вместе около семи лет. У них родился ребенок, развод был очень тяжелый. Муж был летчиком. Рейсы у него были Москва – Нью-Йорк. Пуи, мол, прилетел в Москву, теща ему спокойно открыла дверь, он ее спокойно убил, спокойно забрал бриллианты, и спокойно улетел, не оставив никаких следов. Он был до убийства Федоровой не очень богат, а тут сразу завел бизнес, разбогател.

Эдик! Ну брось! Лажа полная. Уж больно все спокойно и гладко получается. Нафантазировал полную ерунду, а ведь люди могут поверить...»

Но далее тот же Айзенберг заявляет следующее: «Вот Юрий Нагибин, хоть и фантазировал в своем рассказе „Афанасьич“, но очень правдоподобно.

Федорова два раза получала разрешение на поездку в США, к дочери в гости, а в третий раз разрешение долго не давали. Тогда она заявила, что уедет в США на постоянное место жительства. Вот тут и был послан к ней убийца из „серьезного ведомства“ по кличке Афанасьич. Он и произвел этот трагический выстрел. Он и убил. Слишком много она знала. А в Америке могла разговориться...»

Однако в рассказе «Афанасьич» Федорову убивают вовсе не по тому, что она собиралась навсегда улететь в США, а из-за драгоценного камня, о чем я уже рассказывал. Видимо, кинорежиссер рассказ не читал или за давностью лет подзабыл, о чем конкретно в нем шла речь.

Орудие убийства

Оставим на время разбор версий этого сенсационного убийства и поговорим об орудии убийства. Ведь, согласно официальной версии, Зою Федорову убили выстрелом из пистолета «Зауэр». Пуля угодила в затылок, вышла через левый глаз, выбив стекло в очках актрисы. Однако, как видно на примере А. Караулова, есть люди, которые придерживаются другой версии. И телеведущий в этом не одинок. Причем на этом поприще высказываются такие версии, которые вообще ломают первоначальную версию. Например, в «Экспресс-газете»

(номер от 23 июня 2015 года, автор – Н. Мурга) интервью дает некая Тамара Шипицина, которая, как пишется, «всю жизнь проработала следователем». Далее читаем ее рассказ: «В 24 года я перевелась из Казахстана в Москву, где 33 года проработала в следственных органах. Мне довелось заниматься и гибелью Зои Федоровой. Поскольку квартира актрисы находилась по соседству с местом моей работы, моя следственная группа оказалась первой на месте преступления. Юлиан Семенов написал: „Она сидела в кресле, из трофейного пистолета выстрелили“. На самом деле она лежала на полу в прихожей, все там было в крови, в кресло в комнате ее усадили позднее. Убили Федорову гвоздодером, а пистолет лежал нетронутым в другом месте.

Только мы приступили к осмотру тела, вбежал Василий Лановой в офицерской форме. Примчался со съемок фильма „Огарева, б“. Заскочил и начал в квартире убитой руками мебель трогать. Я Ланового схватила за китель и отчитала: „Вы что творите?! Вы ее убили? Нет? Тогда зачем трогаете? Выйдите немедленно!“. Мы потом за Лановым на похоронах наблюдали: он и там себя странно вел...».

Теперь разберем этот рассказ на детали. Во-первых, есть свидетельство племянника актрисы Ю. М. Федорова, а также начальника угро 123-го отделения милиции Б. Кривошеина, которые, как мы помним, заявили, что убитая лежала не на полу, а сидела в кресле, уронив голову на стол. Во-вторых, если предположить, что убитую подняли с пола, пересадили в кресло и имитировали смерть от огнестрельного ранения, то это фактический подлог, должностное преступление. И совершили его, получается, сыщики МУРа, которые первыми (согласно официальной версии) и прибыли на место преступления. Вот как об этом рассказывает уже знакомый нам Сергей Бутенин – старший инспектор по особо важным делам МУРа (1979–1982 годы), который в тот роковой день 11 декабря 1981 года был дежурным по городу и тоже выезжал на место преступления:

«...Тот день выдался на редкость тяжелым. С утра уже шесть трупов, а прошло лишь полсмены. Я только вернулся в отдел, как снова раздался звонок. На другом конце провода – начальник. Срочный выезд на Кутузовский. Убита артистка Зоя Федорова.

На осмотре места преступления мы увидели, что она в рваных шлепанцах, в протертых шерстяных носках и в замасленном старом халате. Это говорит о том, что к ней приходил человек достаточно знакомый. Потому что она никогда не позволяла себе появляться в таком виде перед кем-то незнакомым.

Знаменитая актриса была убита средь бела дня выстрелом в затылок, в своей квартире. К тому же накануне дня рождения генсека. Это скандал...».

Как видим, никакого гвоздодера нет и в помине. Если бы он был, то зачем его скрывать и выдавать убийство за «огнестрел»? Какой в этом смысл? Может, целью было пустить следствие по ложному следу? Но как это возможно, если удар гвоздодером и выстрел в затылок легко «читаются» экспертами? Или они тоже участвуют во всей этой инсценировке? Но не много ли свидетелей, которые должны молчать и потворствовать должностному преступлению? Нет, в словах Шипициной явно что-то не так. Вот, например, она упоминает актера Василия Ланового, который приехал на место преступления в милицейской форме, в которой в тот день снимался в фильме «Огарева, б». Но этот фильм вышел на экраны страны в январе 1981 года – за десять месяцев до гибели Федоровой. А в те декабрьские дни Лановой снимался в сериале «Бой на перекрестке», где играл роль Феликса Дзержинского, и в таком случае должен был приехать на Кутузовский в его солдатской шинели. Но он приехал в форме полковника милиции Костенко. Впрочем, может, он участвовал в каком-нибудь концерте, где рассказывал о своих ролях в «Петровке, 38» и «Огарева, б»? Но все равно, зачем писать о человеке, что «на похоронах он себя странно вел...»? Это что намек на то, что он может быть причастен к гибели Федоровой?

Одним словом, лично я не верю в версию про гвоздодер и хочу обратить внимание читателя на марку пистолета, из которого был произведен выстрел. Это «Зауэр» – оружие немецкого производства, о котором в интернете есть следующая информация:

«Немецкая фирма „Зауэр и сын“ появилась давно и пользовалась заслуженной репутацией как производитель оружия высокого качества. Сначала она выпускала в основном спортивные пистолеты и винтовки, но с 1913 года и до конца Второй мировой войны компания производила самозарядные пистолеты, а потом и револьверы. Пистолет „Зауэр“ 38Н впервые появился на рынке в 1938 году (отсюда и номер модели), но с началом войны его использовали в ограниченном количестве, а затем по какой-то причине производство модели 38Н прекратили. Пистолет имеет свободный затвор и скрытый курок. Первый патрон заряжается обычным способом вручную после отвода затвора, со взводом курка, но потом возможны были варианты. Если необходимо, курок можно было спустить нажатием на спусковой крючок, при этом большой палец располагался на его рифленой защелке позади самого крючка. Чтобы после этого выстрелить, пистолет необходимо взвести либо нажатием большого пальца на защелку, либо он стрелял в самовзводном режиме путем нажатия на спусковой крючок...

Хотя создание модели 38Н было закончено в 1938 году и пистолет получил обозначение как модель 38, серийное производство началось в 1939 году. Серийные номера этих пистолетов были продолжением номеров Behorden Modell. Они начинаются примерно с 260 000 и заканчиваются около 607 000. Почти 295 000 были произведены для армии, полиции и НСДАП до апреля 1945 года. Полное название модели было Sauer Pistole Modell 38 Hahn Selbstspannung (Sauer Pistol Model 38 Hammer Self-Cocking).

После первого выстрела курок автоматически взводится отходящим назад затвором, и дальнейшие выстрелы производятся при предварительно взведенном курке. В таком режиме ход спуска минимален, а усилие составляет 2,3 кг, что дает возможность поразить цель точным выстрелом на дистанции до 25 метров. Бывают ситуации, когда владельцу оружия необходимо произвести точный выстрел в режиме одиночного действия, то есть с предварительно взведенным курком, в то время как курок его пистолета спущен, а патрон находится в патроннике. Для того чтобы взвести курок, владельцу необходимо просто отжать рычаг безопасного спуска и взведения курка вниз. Когда стрелок прекратил огонь, а в патроннике еще остался патрон, то для дальнейшего безопасного ношения необходимо снова отжать вниз рычаг безопасного спуска и взведения курка.

Именно это устройство и стало причиной популярности Sauer 38Н. Эта уникальная система обеспечивает преимущество оружию со скрытым расположением курка, в то время как плавные обводы и отсутствие сильно выступающих деталей значительно уменьшали риск демаскировки оружия при скрытом ношении, а так же риск зацепления за одежду при извлечении.

Пистолет Sauer 38Н был впервые официально принят на вооружение уже 1 сентября 1937 года, начав поступать в Штурмовые отряды СА – элитные подразделения Национал-социалистической партии. 1 апреля 1938 года пистолет был принят на вооружение в полиции. Сейчас уже невозможно определить наверняка количество пистолетов, поставленных в Вермахт, Люфтваффе, Кригсмарине и Ваффен СС, а так же службы безопасности СД, штурмовиков СА и полиции. Но, согласно некоторым данным из различных источников, Sauer 38Н был очень популярен у немецких парашютистов (Fallschirmjäger), использовавших этот компактный пистолет взамен или в дополнение к стандартным Р.08 или Р.38. Sauer 38Н благодаря своей надежности, высокому качеству, точности стрельбы, удобству, простоте и безопасности в обращении при постоянной боеготовности, пользовался большой популярностью как у военнослужащих, так и у рядовых граждан и стал самым совершенным по конструкции пистолетом Второй мировой...».

Напомним, что убийство Зои Федоровой было совершено профессионалом, который практически не оставил никаких следов. За исключением одного – он не подобрал гильзу, которая осталась лежать на полу после выстрела. Почему убийца так поступил? Неужели виной всему невнимательность? Вряд ли. Судя по всему, сделано это было неслучайно. Киллер хотел, чтобы гильзу нашли и сразу установили марку пистолета. А он немецкого производства. Как мы помним, согласно моей версии, Зоя Федорова все тридцатые годы работала на НКВД именно на немецком направлении. Значит, убийца (или те, кто его послал) об этом знали и таким образом посылали актрисе «привет» из далеких тридцатых. Может, даже эти люди и сами имели отношение к работе по

немецкой линии и каким-то образом пересекались тогда с Федоровой? Эту версию, кстати, можно бросить в нашу версионную копилку данного загадочного преступления.

И снова версии: КГБ?

Итак, у трех именитых литераторов в качестве возможных убийц Зои Федоровой фигурируют разные люди. У Нагибина – преданный слуга Щелокова, у Семенова – бывший сотрудник сталинского МГБ, у Володарского – зять покойной. Хотя не менее распространенной все эти годы была версия, что к этому убийству причастен КГБ. Например, все тот же М. Айзенберг заявляет:

«...Я беседовал с двумя следователями Калиниченко и Кониным. Они занимались делом об убийстве Федоровой. И оба без свидетелей говорят, что это дело „особой пятерки“ КГБ. Специального подразделения для устранения ненужных людей. Впрочем, дело до сих пор не закрыто, и, как говорит начальник следственного управления прокуратуры города Москвы В. П. Конин: „Знаю я гораздо больше, чем говорю вам. Но так как преступление не раскрыто, говорить о большем, в интересах следствия, я просто не имею права... Как только где-то что-то всплывет, как только появится хотя бы один новый факт, мы снова приступим к расследованию“

Да ничего нигде не всплывет, господин Конин. Вы умеете прятать концы».

А вот что заявила актриса цирка, подруга Г. Брежневой Эвелина Рогальская: «Зою Федорову оклеветали – якобы она спекулировала бриллиантами. Ее убил КГБ, чтобы она не уехала в Америку: Зоя заключила контракт с Лоуренсом Оливье и уже сидела на чемоданах, распродавая свои скромные вещи, – особого богатства у нее отродясь не было».

А это заявление уже известной нам Т. Шипициной (следователя): «Изучив письма Федоровой, мы поняли, что она собирала компромат на многих высокопоставленных лиц. Поэтому у нее было много влиятельных врагов. Скорее всего, Зоя Федорова шантажировала крупных чиновников и политиков. Она могла сотрудничать с КГБ и ЦРУ, поставляя им конфиденциальную информацию. Дело нам не удалось завершить потому, что через полтора месяца его передали на Петровку, там оно и „повисло“...»

С кагэбэшной версией убийства спорит историк Борис Соколов: «...В одном документальном фильме (а также в сериале „Зоя“. – Ф. Р.) изложена версия о том, что Федорову убили агенты КГБ, чтобы не допустить ее отъезда на постоянное жительство в США и развертывания вокруг нее новой антисоветской кампании. Эта версия не выдерживает критики. Ранее Федорова уже ездила в США и даже довольно долго жила там, но никаких кампаний, связанных с этим, не было. Да и КГБ мог бы убрать свою жертву более квалифицированно, организовав „сердечный приступ“ либо „несчастный случай“.

Еще одна версия озвучена в документальном фильме отставными офицерами МВД, занимавшимися расследованием убийства. Они утверждают, будто КГБ был уверен, что Федорова связана с ювелирной мафией и занимается контрабандой бриллиантов в США. Чекисты будто бы собирались захватить ее с поличным при отъезде в Америку, и Зою мог убить кто-то из членов мафии, чтобы не допустить разоблачения. Но история об актрисе-контрабандистке опровергается в самом фильме. Зоя Федорова, которая якобы, по представлениям КГБ, купалась в бриллиантах, не возила бы из Америки синтетические шубы и другую одежду для продажи в комиссионках. Да и дочь Виктория в этом случае должна была бы превратиться в настоящую миллионершу. К тому же Зоя ездила в Америку всего трижды за пять лет и для роли бриллиантового курьера не слишком подходила.

Столь же недостоверно предположение, будто Федорову убили для того, чтобы не допустить огласки связи дочери Брежнева Галины с бриллиантовой мафией. Трудно себе представить пожилую актрису, сразу по приезде

в Америку объявляющую на весь мир о том, что она вместе с Галиной Брежневой занималась скупкой краденых бриллиантов...»

А вот мнение генерал-лейтенанта милиции Вячеслава Панкина, который во второй половине восьмидесятых был начальником Главного управления уголовного розыска СССР:

«Роковой выстрел, оборвавший жизнь любимицы пубрики Зои Федоровой, никто не услышал – толстые стены „сталинки“ на Кутузовском проспекте умели хранить свои тайны. Тело актрисы три дня пролежало в закрытой квартире, пока одна из ее близких подруг, обеспокоенная исчезновением Федоровой, не подняла тревогу. По заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть наступила в момент, когда она говорила с кем-то по телефону, от выстрела в затылок, произведенного из иностранного пистолета „Зауэр“ калибра 7,65. Дверной замок сломан не был, значит, актриса знала и сама впустила убийцу. Но кто он?»

Следователи опросили более четырех тысяч свидетелей. Росло количество томов, версий, но на след убийцы выйти не получалось. Среди возможных мотивов сейчас называют предполагаемую причастность актрисы к секретным операциям КГБ и ее связь с так называемой „бриллиантовой мафией“, состоявшей в основном из родственников высокопоставленных советских чиновников и занимавшейся скупкой и перепродажей драгоценностей и антиквариата. Но это журналистские вымыслы. У комитета госбезопасности к Федоровой не было интереса. И дело вела милиция, а не КГБ, как сейчас пишут многие, поскольку в нем не усматривалось государственной тайны. Я глубоко убежден, что Зоя Федорова не обладала никакими секретными данными...»

К кагэбэшной версии мы еще вернемся чуть позже, а пока продолжим поговорим о других.

Версия: драгоценный камень

Мы помним, что подобную версию высказал в своем рассказе «Афанасьич» Ю. Нагибин. И у него на этот камень позарилась именитая чета Щелоковых. А вот бывший начальник угрозыска 123-го отделения милиции Москвы (именно оно обслуживало территорию, где жила Федорова) Борис Кривошеин указывает на другого человека, который позарился на некий драгоценный камень, бывший в коллекции Зои Федоровой. Этот человек – некая знакомая убиенной, у которой сын жил в Америке. Эта женщина частенько приходила в гости к актрисе. А навел сыщика на эту знакомую анонимный звонок некой доброжелательницы, которая позвонила в отделение милиции в тот же вечер 11 декабря 1981 года. И об одном жалеет Кривошеин – что не узнал имени звонившей. И вообще поначалу не придал внимания этому сигналу, посчитав его несерьезным. И только много позже, уже в наши дни (после показа сериала «Зоя» по ТВ), бывший опер решил вновь вернуться к этому преступлению и вспомнил про тот анонимный звонок. И вот к каким выводам он пришел, давая интервью еженедельнику «Совершенно секретно»:

«...Для начала я восстановил в памяти картину происшествия и проанализировал динамику движений жертвы в момент, когда пуля попала в затылок. Выстрел был сделан в то время, когда Зоя потянулась к трубке. Но мы не знали, хотела ли она позвонить сама или кто-то позвонил ей. По динамике движений человека, снимающего телефонную трубку, и по тому, в каком положении находился труп, я установил, что в трагический момент не актриса звонила кому-то, а позвонили ей! Она повернулась к телефону, но неизвестно, успела ли ответить, так как в этот момент прозвучал выстрел.

Убитую обнаружили в очках, причем в тех, которые она не носила в повседневной жизни, а надевала только для чтения. Зою Федорову никто не видел в этих очках в грубой роговой оправе, которые на самом деле были ей не к лицу. Она носила их только дома. Значит, что-то подвигло ее надеть очки в присутствии того человека, который ее потом убил. Вероятно, она хотела прочесть какой-то документ или что-то написать. Кроме этого, мы пришли к выводу, что убийца выстрелил в момент звонка, когда актриса повернула голову и потянулась рукой к

телефону. И вот тут я и припомнил таинственный звонок от женщины, которая попросила обратить внимание на одну из знакомых Зои Федоровой. О ком говорила незнакомка? Звонившая утверждала, что покойная часто посещала одну из своих знакомых перед смертью. Вероятно, она видела, как Зоя Федорова заводила эту женщину в день убийства в квартиру. Знакомая, о которой она говорила, не числилась среди близких друзей убитой, в протоколах допросов о ней практически ничего не упоминалось. Интерес для следствия представляло то, что у этой женщины был сын, который уехал на ПМЖ в Америку и поселился недалеко от того места, где жила дочь актрисы Вика.

Поэтому я уверен, что убийцей была женщина! Экспертиза определила, что выстрел был сделан с расстояния 20 сантиметров. Выхлопные газы должны были распушить волосы на затылке и как бы загнуть их вперед. А она была как причесанная. Кто причесал убитую и зачем? Если это кто-то и сделал, то только женщина. Причем женщина, которая к вам хорошо относилась и которая, прощаясь, пожалела, пригладила вам волосы. Ни один мужик никогда бы этого не сделал. Все остальные версии – Комитет госбезопасности, наемные киллеры, „бриллиантовая мафия“ – не влезают ни в какие ворота. Никто даже не обратил внимания на одну простую деталь. Говорили, что бандит открыл дверь, зашел, Зоя сидела за столом и т. д. Но дверь в комнату открывается вовнутрь, и если бы преступник попытался войти, он бы этой дверью прикрыл Зою. А она, с ее опытом зоны или с боязнью всего, думаете, не отреагировала бы? И вообще Зоя Федорова была очень осторожным человеком. За все время своего проживания в доме на Кутузовском проспекте она ни разу не пустила к себе в квартиру не только никого из соседей, но даже техника-смотрителя. Обычно с посторонними посетителями актриса разговаривала через дверь, и, если гость настаивал на встрече, Федорова просила его спуститься во двор и встречалась с ним там.

Мотивом убийства Зои Федоровой послужила корысть. По моему мнению, актриса хотела передать через убийцу кольцо с бриллиантом для своей дочери. Потому что другого способа у нее не было – она боялась, что с ней что-то может случиться, а тут подруга уже улетала на днях в Америку. В то же время пожилая женщина летела на ПМЖ к единственному сыну без стартового капитала, и ей бы совсем не помешала дорогая драгоценность, чтобы продать ее и не быть обузой для родственников.

В день убийства Зоя Федорова зашла к подруге в гости. Они перекусили на скорую руку вермишелью с корнисунами. Ни в одном меню столовой поблизости от Кутузовского проспекта такого не продавали. Это позволило нам сделать вывод, что еда была приготовлена дома. Узнав, что у приятельницы уже куплен билет на самолет и они видятся в последний раз, актриса пригласила ее к себе домой. Днем как раз должна была звонить дочка Вика. Зоя предложила передать подруге кольцо с бриллиантом и в то же время сообщить Вике по телефону данные с билета, чтобы она встретила и забрала передачу. Таким способом актриса хотела перестраховаться. Хоть какое-то косвенное доказательство в виде телефонного разговора с дочерью, что она передала драгоценности этой женщине. А последняя в то же время надеялась, что звонка не будет. Она думала, что зайдет к актрисе, заберет драгоценности и, сославшись на спешку, а также необходимость собирать чемоданы, уйдет. Если телефонного разговора с дочкой Зои Федоровой не будет, доказать, что передача драгоценностей состоялась, станет практически невозможно. Но Вика должна была позвонить. На этот случай приятельница актрисы взяла пистолет образца 1938 года и положила его в сумочку. Она была чуть моложе Зои Федоровой, и, вероятнее всего, оружие досталось ей с фронта.

Видимо, гостя до последнего не решалась застрелить Зою Федорову и оттягивала этот момент. Пока они ждали звонка, она могла под любым предлогом подойти к актрисе и выстрелить. Но женщина выжидала и надеялась, что Вика не позвонит. Когда звонок тем не менее прозвучал, она зашла за спину Зое и, пока та обернулась к телефону, чтобы взять трубку, выстрелила ей в затылок.

Эту женщину допрашивали. Она прошла через сито. Допрашивал мой хороший товарищ из райотдела. А я в этот день в отпуске был, поспать хотелось, понимаете, я же каждый день раньше двенадцати ночи никогда не уезжал из отделения. И в этот день как специально получилось. Я приехал на работу где-то к двенадцати, а она

пришла на допрос к десяти. Вместо меня ее допросил мой товарищ, который в то время был в отделении. Допрос оказался бесполезным и пустым, на все вопросы женщина отвечала, что ничего не видела и ничего не знает. Оказалось, что она имела какое-то отношение к „Мосфильму“, а у оперативника, проводившего допрос, родители были оттуда. Между ними завязалась дружеская беседа, потому оперативник, не получив никакой полезной информации, отпустил ее.

Когда я узнал, что эта женщина приходила на допрос, но от нее не получили никакой ценной информации, он спохватился и поехал к ней домой, чтобы повторно вызвать ее в отделение. Но к тому времени она уже переехала на другое место жительства. А спустя несколько дней предполагаемая убийца улетела в Америку к сыну.

Мотивом к преступлению послужила корысть. Убийца не только забрала кольцо с бриллиантом, но и выгребла все ценности Зои Федоровой, которых ей наверняка хватило на безбедную старость в Америке. Учитывая любовь актрисы к драгоценностям, которой она заразилась от певицы Лидии Руслановой, украшений из ее квартиры хватило бы на безбедную жизнь нескольких таких старушек. Если добавить сюда опустошенные кем-то подрамники, которые я видел после убийства актрисы, преступник получил большой куш.

Но имя преступницы я вам не назову. Почему? Да потому что она давно умерла, а у нее остались дети, внуки. Я считаю, что им не нужно страдать за грехи бабки».

Согласимся, вполне правдоподобная версия. Если она верна, то понятно, почему подруга актрисы, Маргарита Набокова, не смогла встретиться с Зоей – к моменту ее первого прихода та уже была мертва, а убийца находился в квартире и ждал, когда нежданный визитер уйдет. Вот только непонятно, зачем он (или она, по Кривошеину) выключил в доме радио? Да и вода в ванной зачем-то была включена. А так все сходится. Убийца пришла к Зое утром – часов в 10–11. В Америке в это время уже наступала ночь, но Виктория, перед тем как лечь спать, вполне могла позвонить матери. Что она и сделала, чем подписала ей смертный приговор. Невольно, конечно.

Удивляет другое. После того, как убийцу едва не разоблачили нежданным визитом, она нашла возможность обыскать квартиру и похитить множество вещей – драгоценности, картины и т. д. А ведь никто не мог дать гарантии, что нежданный визитер в любой момент не заявит снова. Это каким же стальными нервами надо было обладать, чтобы так себя вести. Или корысть сильнее любого чувства самосохранения?

Впрочем, в любом случае это всего лишь версия, хотя и высказанная компетентным человеком.

Версия: антикварная мафия

А теперь снова послушаем рассказ другого компетентного человека, опять же сыщика – В. Панкина: «Наиболее вероятной версией убийства мне кажется следующая. В последние годы Федорова много гастролировала по регионам. Выступала в райцентрах: в клубах вначале показывали нарезки с ее звездными ролями, а потом сама актриса отвечала на вопросы зрителей. Это было во времена расцвета потребкооперации. В районах она скупала золотые изделия с бриллиантами, а потом переправляла их дочери в США. Несколько раз сама была

в Штатах, привозила оттуда разноцветные нейлоновые шубы. Как-то она даже со смехом призналась кому-то из друзей, что покупает их за три доллара, а продает за 500 рублей.

То есть деньги у актрисы были. А поскольку она всерьез задумывалась о переезде в Америку к дочери, то хотела как-то обеспечить свое будущее там. Позже Виктория расскажет мне, что незадолго до своей гибели мать нашла способ переслать ей якобы очень дорогую картину. Она была уверена, что денег от продажи полотна известного художника хватит обеим. Но когда Виктория отнесла картину экспертам, оказалось, что это подделка...

По-видимому, Федорова требовала у обманувшего ее продавца вернуть деньги. Быть может, чем-то надавила. Или эти люди боялись разоблачения. Вот и убили ее. Политика замешана не была, только криминал. С этой версией была согласна и Виктория. По ее словам, в одной из последних телефонных бесед мать обронила: „Меня скоро убьют“. Но быстро перевела разговор на другую тему. Через два дня ее не стало. И кто нажал на курок – так и осталось загадкой...»

Похожую версию высказывает и журналист Лариса Кислинская: «...Мир антикваров закрыт и загадочен. Крупницы сведений просачиваются в печать, лишь когда в этом кругу совершаются преступления. До сих пор не раскрыто убийство замечательной актрисы Зои Федоровой, предполагаемым мотивом которого следствие считает погоню за антиквариатом, переправляемым потом за границу. Эта версия находит подтверждение в воспоминаниях известного танцовщика Рудольфа Нуриева, рассказывающего о своих деловых связях с актрисой...»

А теперь послушаем рассказ двух людей, проводивших собственное расследование этого загадочного убийства – Михаила Лещинского и Ады Петровой:

«...Наш английский друг и соавтор одной из книг, известный писатель и искусствовед Питер Ватсон пригласил нас на ланч в богатый китайский ресторан „Сады принцессы“ в Лондоне. В этот час изысканно убранный зал был еще почти пуст. Таинственный свет китайских фонариков отражался цветными бликами в огромных зеркалах. Улыбчивые китайки бесшумно меняли экзотические блюда, позвякивало столовое серебро. Общие замыслы позволяли обмениваться самой доверительной информацией, что не часто бывает между журналистами. В то время Питер заканчивал книгу о Рудольфе Нуриеве. Ездил по миру, собирал документы, свидетельства знавших его людей.

Вскользь, загадочно улыбаясь, упомянул он о неожиданном везении в Москве. За большие деньги ему удалось приобрести документы из пятитомного досье КГБ на Нуриева.

– Вам, наверное, будет интересно узнать, что именно на основании этих документов, – сказал Питер, – я написал целую главу в этой книге об убийстве вашей известной в прошлом киноактрисы Зои Федоровой.

Нуриев и Федорова – нас это потрясло. Удивительным это было и для Питера. Он сказал, что у него нет полной уверенности в достоверности досье. Не исключена возможность, что эти документы могли быть сфабрикованы и их просто использовали для очернения имени Нуриева даже после смерти. Из документов следовало, что Федорова была убита посланцем Нуриева. Всемирно известный танцовщик и знаменитая советская актриса долгие годы были связаны торговлей антиквариатом...

Нам удалось разыскать тех, кто начинал раскручивать это дело: следователи по особо важным делам Анатолий Сазонов, Владимир Паршиков и Владимир Калиниченко. Они дополнили картину: пропадали документы и вещественные доказательства, часто менялись следователи.

Будущий начальник МУРа, а тогда участник следствия, опытный оперативник, генерал Василий Купцов сказал нам более откровенно: „Самое большее – мы доходили до КГБ. И все обрывалось. Дальше КГБ все брал на себя. Были их интересы. На запросы не отвечали, потому что, если бы ответили, преступление было бы раскрытой

Более того, из бесед с нашим крупным разведчиком, генерал-лейтенантом КГБ Павлом Судоплатовым стала ясна и подоплека ареста актрисы в 1946 году. По его словам, в то время американские спецслужбы разработали специальную операцию по вербовке советских актрис. Разведку интересовали сведения о жизни тогдашней советской элиты, коррупции в высших кругах, о моральном облике представителей власти.

Тогда КГБ удалось переиграть американцев. Операция считалась настолько успешной, что в Высшей школе КГБ ее разработчики читали лекции, было выпущено специальное пособие. Но все это было тогда. Кому же в 81-м могла быть интересна 75-летняя актриса? Какие государственные тайны она могла хранить? Кстати, трижды

побывавшая к тому времени у дочери за океаном и прожившая там в общей сложности больше года. Да и просмотренные нами сейчас старые тома ее уголовных дел говорят о том, что никакой политики не было.

В ее записных книжках есть телефоны высокопоставленных сотрудников КГБ СССР, но в досье нет свидетельств, что она была агентом или осведомителем, взявшим на себя оформленные обязательства по сотрудничеству (обычно такие сведения в досье не попадают – они хранятся в другом месте и выдаются не каждому. – Ф. Р.). Скорее всего, она просто поддерживала полезные знакомства.

И потом – если бы это сделал КГБ, то сделал бы это „красивой Эту мысль высказал следователь по особо важным делам КГБ Владимир Калиниченко. Он же обратил внимание на другие громкие преступления тех лет – гибель заместителя министра МВД СССР Папутина сразу после ввода наших войск в Афганистан, высокопоставленных сотрудников ЦК КПСС Афанасьева, Иванова.

Во всех случаях версии убийства не отрабатывались. Говорили – самоубийство. А почерк везде схожий. Он же высказывал мысль довольно неожиданную: это преступление никогда не будет раскрыто – везде загадки. Я думаю, истинная его подоплека тогда угрожала СССР и сегодня угрожает России.

И действительно, 15 лет мучает тайна этого убийства всех. Дело до сих пор официально не закрыто, хотя уже ушли из жизни многие.

По-прежнему, как когда-то, нет ответов на множество вопросов.

Закрывают архивы спецслужб. И каждый шаг в нашем журналистском расследовании давался с трудом. Люди, к которым мы обращались, а их были десятки, шли на контакты неохотно, с опаской. Официальные инстанции ограничивались отписками, чаще всего формальными. И вообще чувствовалось, что срок заговора молчания еще не истек. Еще в силе чье-то давнее решение, что убийство это должно остаться тайной.

Так чем же может быть опасно для сегодняшней России раскрытие того давнего преступления? Казалось бы, его тайна должна остаться на совести прежнего режима. Но, видимо, такова природа власти, что грехи у нее одинаковы. А потому по делам прошлого можно судить и о том, что делается сегодня.

А сегодня стали обычными громкие преступления, заказные убийства и разбойные нападения. Знаменитых и безвестных людей убивают в подъездах, в квартирах, взрывают с машинами. Привыкли мы и к тому, что чаще всего они не раскрываются.

Какими бы ни были внешние обстоятельства подобных акций, каждый следователь скажет, что в основе их – всегда деньги. Большие деньги. И первым громким преступлением в этой кровавой череде, что протянулась в наши дни, могло быть убийство Зои Федоровой.

После того как версия о политическом убийстве оказалась явно несостоятельной, такое предположение, в общем-то, было оправданным. Тем более что к нему подвели нас документы из дел и беседы с людьми из близкого окружения актрисы. Главным условием была конфиденциальность. Поэтому мы не называем имен.

Родственница Антонина Г.:

– Я видела в ее доме крупные бриллианты, старинные статуэтки и картины известных мастеров прошлого, уникальные ковры. Все переправлялось за рубеж. Незнакомых людей она никогда не пускала в дом. Закрывала все замки на дверях даже днем, цепочки и засов. На ночь к входной двери придвигала лестницу-стремянку. Упадёт – загремит.

Кинорежиссер Лев Б.:

– Зоя рассказывала мне, что у нее есть очень ценные иконы, картины и бриллианты. И что, если она продаст их, хватит до конца жизни. Она была человеком скрытным. Последнее время она говорила, что ее могут убить.

Киноактриса Мария Л.:

– Зою Федорову в последний период жизни окружали люди не ее круга. Очень страшные. С ними она никого не знакомила. В своем деле она была Шаляпин – талант, обаяние, популярность – все было. И вдруг... другая, тайная жизнь.

Эти штрихи к портрету Зои Федоровой стали совершенно неожиданными для нас. Как и все, мы привыкли видеть в ней только актрису, которая и после лагеря нашла в себе силы вернуться на экран, создать множество новых образов, остаться человеком известным, принятой в высших кругах. Впрочем, вспомним те годы. Именно эти элитные слои общества поразила тогда „золотая лихорадка“. За пышным официальным фасадом брежневских времен начала действовать целая система тайного обогащения, паутина которой связала воедино государственные структуры и рядовых исполнителей. Причем двойную жизнь вели те и другие. А не была ли в этом порочном кругу и Зоя Федорова?

Перед нами снова встала стена – нужны были документы. Уголовное дело об убийстве. Результаты работы оперативнорозыскных служб. Получить десятки этих томов можно было только с разрешения Генпрокуратуры России. После долгих мытарств, лишь письмо племянника актрисы на имя Генпрокурора решило эту проблему. Это был обвал. Тридцать два толстых тома. В них – протоколы допросов более пяти тысяч человек, сотни агентурных разработок и заданий, расшифровки телефонных разговоров, донесения сотрудников наружного наблюдения, акты сложнейших экспертиз, аналитические записки следователей, вдруг стоп – чья-то невидимая рука разворачивает следствие в противоположную сторону. А что же следователи? Были просто пешками в чьей-то игре?

Владимир Калиниченко, следователь по особо важным делам:

– Не давали раскрыть это преступление. Люди наверху не были заинтересованы. Чтобы сколотить большой капитал, и тогда, и сейчас уникальные ценности переправлялись на Запад. Выстраивалась грандиозная цепочка – завладение, переправка, продажа за границей.

Федорова была удобна. Может быть, ее заставили работать на себя? Что нужно в ее годы? Запаса жизни у нее практически не было – ей шел 76-й год. Скорее всего, она стремилась накопить капитал для жизни за рубежом. Одной это не под силу. И она стала связующим звеном между государственными, партийными чиновниками и преступным миром. Она была мостиком. Через ее квартиру – за границу.

Дмитрий Медведев, начальник Отдела антиквариата МВД СССР:

– У нас был сигнал, что Зоя Федорова связана с антиквариатом. Тогда трудно было с такими людьми работать. Мы знали, кто совершил убийство, но доказать не могли. Версии просматривались, но возможностей проверить не было. Все уходило за кордон.

Свидетельство Медведева особенно интересно. Ведь он возглавлял Отдел, специально занимающийся учетом ценностей, частными коллекциями. Нацеленная агентура вела розыск. Существовали и оперативные подразделения, которые занимались вывозом ценностей за рубеж. Такой же Отдел был и в КГБ. Доступ к картотекам и архивам которых для следователей был наглухо закрыт.

Много десятилетий русское наследие обогащало западные художественные коллекции, бриллиантовые и золотые хранилища. Началось это в послереволюционные годы, когда национальное достояние превращалось в деньги для мировой революции, становления социалистической индустрии и экономики. В семидесятые годы золото уже не возвращалось. Оно оседало на тайных банковских счетах, вкладывалось в западную недвижимость и ценные бумаги, использовалось для приобретения агентуры.

Кое-какие подробности подобных дел всплыли после смерти Брежнева, когда осенью 82-го года началась борьба за власть. С подачи Андропова пресса заговорила об огромных богатствах семьи Щелокова, стало известно о старинном перстне жены Брежнева, который значился в архивах Интерпола, всплыло имя столичного авантюриста, „бриллиантового мальчика“, так называемого „цыганского барона“ Бориса Буряцы и его скандально известной подруги Галины Брежневой. Их имена мы обнаружили в оперативных донесениях. Они тоже бывали в квартире на Кутузовском проспекте, особенно часто Борис Буряца. А он на пустяки времени не тратил, было за чем приходиться...»

На мой взгляд, данная версия является наиболее вероятной в длинной череде версий, которые выдвигаются в связи с убийством Зои Федоровой. И эта версия стыкуется с тем, о чем речь идет и в книге, которую читатель сейчас держит в руках.

Курок нажала Система

Что имеется в виду под Системой? Читаем чуть выше – у В. Калиниченко: «Скорее всего, она (Зоя Федорова) стремилась накопить капитал для жизни за рубежом. Одной это не под силу. И она стала связующим звеном между государственными, партийными чиновниками и преступным миром. Она была мостиком. Через ее квартиру – за границу...»

Эта версия четко укладывается в бытующую до сих пор версию жизни и деятельности актрисы на «бриллиантовом фронте». Дескать, в силу меркантильных черт своего характера Федорова скупала драгоценности в основном для собственных нужд – то есть для личного обогащения. В этом утверждении есть доля правды – с этого рода деятельности актрисе и в самом деле весьма хорошо перепало. Но лично мне представляется, что тема личного обогащения педалируется специально – чтобы затушевать главный вопрос: на каких боссов работала Федорова, входя в «бриллиантовую мафию»? Ведь если исходить из того, что она еще с конца двадцатых годов работала на спецслужбы и имела богатый опыт конспиративной работы, значит и на новом поприще ее могли использовать не как пешку, а как весьма значимую фигуру. Какую? Давайте разбираться с этим более подробно.

Как уже отмечалось чуть выше, в СССР «брюликами» баловались в основном представители элитарных кругов. И все они были под колпаком советских спецслужб. Спрашивается, зачем? А затем, что по советским меркам наличие большого количества бриллиантов в личном пользовании (или антиквариата в виде картин, старинной мебели и т. д.) считалось буржуазным разложением. Поэтому, зная всех обладателей такого рода богатств, можно было держать их «на крючке» с помощью вот этого самого компромата. В нужный момент последний извлекался наружу, как это было, например, во время «трофейного дела» против маршала Г. Жукова, «дела певицы Руслановой», смещения Е. Фурцевой и т. д. Кроме этого, «богатых буратинов» спецслужбы периодически «трясли» с целью пополнения собственного бюджета. Например, после убийства С. Кирова в декабре 1934 года из Ленинграда были высланы тысячи неблагонадежных людей из числа «бывших» (бывшие дворяне, церковные служители, офицеры и т. д.), а их имущество (в том числе и ценные коллекции) конфисковано либо выкуплено задарма.

В шестидесятые годы ситуация в стране стала меняться. Советская система стала капитализироваться, и наличие «буржуазных излишеств» уже не рассматривалось элитой как преступление. Но эта капитализация значительно расширила ряды обладателей такого рода «сокровищ», как внутри элиты, так и в среде хозяйственников. И опять же многих из этих людей советские службы держали под колпаком. Другое дело, что теперь это был уже не только КГБ, но и МВД. Читатель вправе спросить: а что, разве раньше МВД к этому делу не было причастно? Было, конечно, но не в таких масштабах, как это имело место быть с конца шестидесятых. Дело в том, что с 1953 по 1967 год МВД СССР значительно уступало КГБ во влиянии. Авторитет милицейского ведомства был крайне низким, а поднимать его начал Николай Щелоков, возглавив министерство в 1966 году.

Учитывая то, кем был этот человек (ближайшим другом самого Брежнева), можно понять, почему именно при нем МВД возродилось в качестве равноправного (а не вечно униженного) члена силового блока, в котором были КГБ, МВД, Прокуратура и Минобороны.

Именно при Щелокове начала активно функционировать система по сбору компромата на теневых воротил советской экономики, а также на любителей «брюликов» и других предметов роскоши. То есть у КГБ появилась конкурирующая структура. В итоге МВД тоже стало играть на этом «поле», только внутри страны. В то время как КГБ работал на два направления – внутри СССР и далеко за его пределами. Поэтому его Система была гораздо мощнее, чем у МВД. Именно этим можно объяснить и разгром МВД, учиненный чекистами в начале восьмидесятых – так «зачищалось поле», убирался сильный конкурент перед горбачевской перестройкой. Ведь и в КГБ было два конкурирующих клана. Один возглавлял Виктор Чебриков, другой – Владимир Крючков. Первый отвечал за внутреннюю разведку, второй – за внешнюю.

Но вернемся к Зое Федоровой, которая не доживет до перестроечных времен всего лишь несколько лет.

Какое место в этой Системе могло быть у актрисы? Судя по всему, начинала она в начале шестидесятых как рядовой игрок, а спустя десятилетие дослужилась до весьма влиятельной персоны. За что и была удостоена квартиры на престижном Кутузовском проспекте – чтобы у людей, с которыми она работала, не оставалось сомнений в том, каким влиянием в верхах она пользуется. Имея выходы на многих деятелей культурной элиты, Зоя на каждого имела подробную информацию: что из дорогих вещей он имеет, в каких схемах участвует, на каких деятелей «завязан». Такие люди, как Зоя, были нужны тому же КГБ для операций не только внутри страны, но и за ее пределами. Каким образом? Например, возьмем такую ситуацию. Некому советскому разведчику в какой-нибудь капиталистической стране надо завербовать ценного агента, чтобы иметь через него ценную информацию. Он выходит на такого человека, но деньги для него значения почти не имеют. Зато он, будучи коллекционером, не прочь заполучить в свою коллекцию какой-нибудь драгоценный камень из старинной коллекции. Чекисты выходят на таких людей, как Зоя Федорова, и просят помочь. И она (или они) это делает: либо через свои каналы достает нужный драгкамень, либо «наводит» на его обладателя чекистов. Этот камень затем переправляется за кордон, и наша разведка в итоге заполучает ценного агента, купив его с помощью «брюлика».

Но это только одна сторона деятельности Системы. Другая заключалась в следующем, а именно: она не только обогащала своих участников, но и накапливала огромный капитал на будущее. Это был своего рода общак, то самое «золото партии», о котором так много говорили в начале девяностых, но найти так и не смогли. Впрочем, о его поисках лишь заявляли, чтобы ловко увести внимание общественности в другую сторону.

Система сформировалась и вобрала в себя представителей разных структур: партийных, государственных, а также силовых – КГБ, МВД, Прокуратуры. Это была секретная организация, которая ставила целью зарабатывать деньги на нужды государства, а также на оплату разного рода операций, проводимых силовыми структурами как внутри страны, так и за ее пределами. Естественно, часть средств перетекала в карманы непосредственных участников Системы.

А теперь расскажу одну историю, которая хотя и произошла не у нас, однако, на мой взгляд, имеет прямое отношение к теме нашего разговора. Итак, речь пойдет о секретной операции «Железо», которая проводилась спецслужбами Польши в конце шестидесятых годов. Что это за операция?

Ее главными участниками были братья Яноши – Казимир и Мечислав. Они являлись сотрудниками польских спецслужб – работали во внешней разведке. Так, в 1960 году они на деньги разведки открыли в одном из значных мест Гамбурга бар «Оркан», а потом ресторан «Тройка», которые стали излюбленным местом посещения польских моряков. Однако в 1967 году братья вынуждены были закрыть свой бар и придумали операцию «Железо». Вот как о ней пишет журналист В. Поливода:

«...Яноши через возможности спецслужб установили контакт с преступными группировками в Германии, Франции и Швеции, промышлявшими контрабандой, грабежами и рэкетом. Чтобы легально сбывать их товар, Казимир Янош решил создать торговую фирму. Он предложил Енсу Кайльхольцу, который работал официантом в его баре, стать партнером по бизнесу. В польской разведке посчитали, что немецкая фамилия лучше подойдет для такого дела, а коренному жителю ФРГ будет легче получить необходимую лицензию. Компаньоны открыли бюро фирмы „Кайльхольц и компания: импорт, экспорт, бижутерия“ в офисном центре напротив железнодорожного вокзала, наняли на работу секретаршу, депонировали 600 тысяч марок в банке „Gemeinwirtschaft Hamburg“ Все это говорило о солидности учреждения.

Казимир Янош в это дело вложил личные накопления – двести тысяч марок. Взял кредит. Он считал, что Центр передаст деньги на общую операцию. Представители МВД уверяли, что скоро появятся министерские фонды на операцию „Железо“. Но в конце концов ведомственная касса не поддержала Яношей, а им пообещали компенсировать все траты по возвращении в страну.

Назад дороги уже не было, поэтому фирма начала работу. Заказывались оптовые партии товара, оплата за которые производилась в течение 90 дней. Одновременно через фирму проходили вещи, награбленные как самими братьями, так и их подельниками в других странах.

Практиковались также „импровизированные ограбления“ ювелирных магазинов на территории ФРГ, то есть разбивались стекла, забирался заранее приготовленный товар, потом половина его отдавалась собственнику, а половина оставалась. В результате ювелиры-сообщники получали компенсацию от страховых компаний, а Яноши пополняли свои запасы.

В 1970 году вокруг братьев, что называется, „запахло жареным“, поэтому Центр начал готовить план по их выводу в Польшу. Но не с пустыми ж руками возвращаться домой! Руководство разведки приказало Яношам накопить как можно больше товара, который при успешной переброске в ПНР обещано было разделить „пятьдесят на пятьдесят“ Фирма Казимира приобрела огромные партии золота, серебра, бижутерии, дорогой одежды, гарантировав оплату в течение семи дней...»

В итоге братья переправили в Польшу товаров на несколько миллионов (!) долларов. Если быть точным, то они привезли три вагона и несколько контейнеров, которые были под завязку загружены кожаными плащами, тюками с материей, перчатками, миллионами бритвенных станков, изделиями из серебра (столовые приборы, подносы) и золота.

Вся эта операция проводилась польской госбезопасностью, но здесь возникает один вопрос: знал ли о ней КГБ? Ведь он был для польских чекистов «старшим братом» и имел свое представительство в Польше – на улице Сулковицкой (в нем тогда трудилось около ста человек). В 1968–1973 годах это представительство возглавлял Яков Скоморохин, а в 1973–1987 годах – Виталий Павлов. Причем оба были спецами из внешней разведки и в органы пришли работать после больших чисток конца тридцатых (при Л. Берии). Скоморохин был начальником 4-го отдела (Западная Европа) ПГУ КГБ (конец пятидесятых) и начальником 11-го отдела (связи с соцстранами) того же ПГУ (1964–1967), а Павлов работал в нелегальной разведке и весной 1954 года инспектировал нелегальные резидентуры в Австрии, Италии, Швейцарии, Франции и Бельгии под видом американского антиквара. То есть хорошо разбирался в антикварных делах. В 1958–1961 годах он возглавлял Управление «С» (нелегальная разведка) ПГУ КГБ, а 1966–1970 годах был резидентом КГБ в Вене – городе, где всегда было много антикварных магазинов и лавочек. Кстати, один из старейших в мире и крупнейших в Европе аукционных домов, учрежденный еще в 1707 году, находится именно в Вене – во дворце Доротеум, построенном в стиле классицизма (Доротеергассе, 17). Он же является и крупнейшим антикварным магазином в Вене. Так что через столицу Австрии КГБ имел возможность проворачивать операции с антиквариатом и драгоценностями, зарабатывая на этом самые разные активы: как денежные, так и информационные. И все во благо не какой-то абстрактной коммунистической идеи, в которую тогда уже никто не верил, а на перспективу – на то недалекое будущее,

которое уже зримо маячило за горизонтом и в сути которого чекисты (особенно те, кто работал по линии внешней разведки) разбирались лучше, чем кто-либо другой в СССР.

Напомним, что Зоя Федорова имела выходы на антикваров, в том числе и тех, что имел контакты с заграницей. Например, в конце семидесятых Зоя была посредником между одним таким антикваром и знаменитым балеруном Рудольфом Нуриевым – тот хотел приобрести через актрису ценную картину. Наверняка про эту сделку знал КГБ, поскольку такого рода контакты никак не могли остаться без его внимания. Тем более если в них участвовал такой человек, как Нуриев – беглец, сбежавший из СССР в 1961 году и ставший на Западе весьма состоятельным человеком. И именно Вена была тем самым местом, где такие люди, как Нуриев проворачивали свои антикварные дела.

Возвращаясь к операции «Железо», зададимся естественным вопросом: были ли осведомлены о ней в КГБ? Лично мне кажется, что да, поскольку в самом польском МВД о ней знали многие. Отсюда вытекает и другой вопрос: не была ли эта операция аналогом какой-нибудь советской операции по экспроприации денег и драгоценностей у господ капиталистов, проводимых в Западной Европе (или еще где-то) руками местных деятелей, но управляемых из Москвы, а именно – Системой. Той самой, в которой могла состоять и Зоя Федорова. Эта организация опутывала десятки стран, и в нее были вовлечены тысячи людей, которые зарабатывали деньги на нужды СССР. Естественно, как уже отмечалось, что-то оседало и в карманах самих «системщиков». Но на это руководители Системы смотрели сквозь пальцы – это входило в форму оплаты ее сотрудников. Но с Федоровой, судя по всему, могла выйти неувязка. После того как она получила в свое распоряжение «американский канал», ее аппетиты стали расти. И в какой-то из моментов она, видимо, стала все чаще путать личный карман с «системным». А такое обычно не прощается. Это же солидный и крутой бизнес, а не какая-нибудь «шарашкина контора». В какой-то момент актриса могла перегнуть палку (например, стала банально шантажировать работодателей, напирая на свои высокие связи), и было принято решение от нее избавиться. Это первая версия ее устранения Системой.

Вторая версия может строиться на том, что Зою элементарно перевербовали. То есть она долгие годы работала на КГБ, а в конце жизни переметнулась к МВД, а именно – лично вышла на Щелокова, уповая на его помощь. Либо он сам через своих людей вышел на актрису и сделал ей предложение, от которого она не смогла отказаться. Ведь ей надо было выехать к дочери в США, а этот процесс был в ведении не только КГБ, но и МВД (ОВИР находился в его подчинении – эту линию курировал замминистра Борис Шумилин). И Зоя решила продать какую-то часть секретной информации эмвэдэшникам. Но не учла того, что ее могут разоблачить. А переметнувшись, как известно, нигде не жалуют и карают самым строгим образом, чтобы другим неповадно было.

Орудием убийства, видимо, специально был выбран пистолет марки «Зауэр». С немецкой линии Зоя Федорова начинала свою деятельность в спецслужбах, и именно немецкое оружие должно было поставить финальную точку в этой ее деятельности. Поэтому гильзу киллер оставил на месте преступления. И это было единственное, что подбросила Система сыщикам, ведущим расследование. Все остальные улики были надежно спрятаны или обрублены, поскольку Система включала в себя представителей главных силовых ведомств страны и поэтому априори не могла быть разоблаченной. И даже если, к примеру, Щелоков знал, кто «заказал» актрису, он, в силу корпоративной этики, просто не имел возможностей привлечь их к суду или отомстить. Именно поэтому убийство Зои Федоровой никогда не будет раскрыто. Если этого, конечно, не захочет сама Система.